

Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан
Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова
Международная общественная организация «Ассоциация исследователей Золотой Орды»

Золотоордынское наследие

Материалы VII Международного Золотоордынского Форума
«Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой:
интеграционные процессы в средневековой истории России»,
Казань, 14–16 декабря 2022 г.

**Сборник посвящен 1100-летию принятия Ислама
народами Волжской Булгарии**

Выпуск 5

Казань – 2023

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates
International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde”

Golden Horde Legacy

Materials of the VII International Golden Horde Forum
“The Civilizational Significance of the Islam Adoption by the Volga Bulgaria
and the Golden Horde: Integration Processes in the Medieval History of Russia”,
Kazan, December 14–16, 2022

**The collection is dedicated to the 1100th anniversary of the Islam adoption
by the Volga Bulgaria's peoples**

Issue 5

Kazan – 2023

УДК 93/94+28
ББК 63.3(2Рос.Тат)+86.38
З-80

Издание подготовлено в рамках VII Международного Золотоордынского форума в соответствии с Республиканским планом основных мероприятий, посвященных празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией, и распоряжением Кабинета Министров Республики Татарстан от 14.02.2022 № 228-р

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Научный редактор издания
И.М. Миргалеев

Ответственный редактор
А.В. Аксанов

Редактор английских текстов
Александар Узелац

Редакционная коллегия:

Р.Р. Салихов, И.М. Миргалеев, Р.М. Мухаметшин, И.Л. Измайлов, В.В. Трепавлов,
А.В. Аксанов, Л.Ф. Байбулатова, Э.Г. Сайфетдинова, А.В. Беляков,
М.Г. Крамаровский, Ильяс Кемалоглу, Р.Ю. Почекаев, П.Н. Петров

З-80 ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: Материалы VII Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России», Казань, 14–16 декабря 2022 г. Выпуск 5. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. – 300 с.; 18 с. ил.

GOLDEN HORDE LEGACY: Materials of the VII International Golden Horde Forum “The Civilizational Significance of the Islam Adoption by the Volga Bulgaria and the Golden Horde: Integration Processes in the Medieval History of Russia”, Kazan, December 14–16, 2022. Issue 5. – Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023. – 300 p.; 18 p. with illustrations.

ISBN 978-5-94981-385-0

УДК 93/94+28
ББК 63.3(2Рос.Тат)+86.38

© Авторы, 2023
© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Миргалеев И.М. Слово редактора	7
Хадиуллин И.Г. Приветствие	8
Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш. Ислам в археологии Хазарии, Волжской Булгарии и Золотой Орды	9
Измайлов И.Л. На краю «Моря мраков»: распространение ислама в Волжской Булгарии в X – первой трети XIII в.	16
Руденко К.А. Торевтика исламского мира и формирование художественной культуры Волжской Булгарии и Булгарской области Золотой Орды	27
Хамидова Ч.И. Болгар и болгарские города в сочинениях Рашид ад-дина	35
Тимохин Д.М., Тишин В.В. Список тюркских племен в сочинении Фахр-е Модаббера	38
Исхаков Д.М. Об одном недооцененном источнике исламизации Улуса Джучи	50
Сайфетдинова Э.С. Исламизация Золотой Орды по сведениям средневековых арабских источников	57
Иванов В.А. Восприятие ислама кочевниками Золотой Орды	63
Воротынцев Л.В. «Бесермены» Золотой Орды: численники, откупщики, гости	68
Ермолов Ф.В. Некоторые эпизоды «Великой замятни» в контексте нумизматики	75
Миргалеев И.М. Битва 1391 года: дискуссионные вопросы о сражении	82
Зубов С.Э., Назаров А.М. 1391 год. Битва на Кондурче: проблемы и перспективы изучения	89
Еремкин А.И. К вопросу о локализации места битвы Токтамышша с Тамерланом на Кондурче	95
Хайдаров Т.Ф. Некоторые уточнения относительно протекания Чёрной смерти на территории Улуса Джучи.....	99
Мухаметзянова Л.Х. Исламское мировоззрение в татарском эпос-дастане «Кахарман Катил»	112
Закирова И.Г. Эпическая биография Идегея в татарском фольклоре	120
Иглесиас-Алонсо Р.Ф. К вопросу о местоположении Червленого Яра и политическом статусе его баскаков	129
Рева Р.Ю., Леонов Б.И. Нумизматические свидетельства об эмирах Тигене и Махмуде	139
Бугарчев А.И., Степанов О.В. О кладе ордынских монет XV в. из поселка Борисково (Казань)	154
Фахрутдинов Р.Р. «Татары, сохраняя в памяти место древнего своего жилища, называют его поныне Иски Казань, то есть старая Казань» (к 30-летию со дня основания Иске-Казанского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника)	158
Аксанов А.В. Последний поход казанского хана Ибрагима в контексте эволюции взглядов русских летописцев	162
Ерусалимский К.Ю. Казанский поход Ивана Грозного 1552 г.: опыт исследовательского итинерария	166
Акчурин М.М., Сабитов Ж.М. О правящих кланах в Касимовском ханстве	181
Серкин С.П. Спорные вопросы истории Вятской земли XV–XVI вв.	196
Тычинских З.А. Основные подходы к проблеме исламизации населения Западной Сибири в современной историографии	213

Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Был ли Ишим б. Кучум ханом? Новое упоминание титула в архивном документе	220
Чернышов С.А. Имперские мотивы в практиках локальной исторической памяти о присоединении Сибири к Русскому государству	226
Сидоренко В.А. «Домусульманские» и «мусульманские» крымские монетные выпуски Тука Тимура	233
Козлов А.П., Якушечкин А.В. К вопросу о хронологии выпуска ранних медных монет Крыма в составе государства Джучидов	240
Муртазина Л.Р. История Золотой Орды в татарской эмигрантской прессе 1930–1940-х гг. (по материалам газеты «Милли байрак»)	254
Самигуллин А.Н. Историография Большой Орды (обзор основных работ по истории Большой Орды)	260
Зайнудинов Д.Р. Аль-Макризи о мамлюкских адаптационных школах	266
Юрдакал О. Османские хроники об отношении золотоордынских ханов к исламу	275
Воротынцев Л.В. О Куремсе, Мауци и новых способах ведения научной дискуссии в эпоху социальных сетей	283
Селезнев Ю.В. Очерк деятельности Воронежского клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» в 2022 г.	286
Галимов Т.Р., Гиниятуллина Л.С. Обзор деятельности Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды»: достигнутые результаты и перспективы	291
Беляков А.В., Тимохин Д.М. Обзор деятельности Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» в 2022–2023 гг.	294
РЕЗОЛЮЦИЯ VII Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России»	298

CONTENTS

Mirgaleev I.M. Editor's word	7
Khadiullin I.G. Greetings	8
Sitdikov A.G., Khuzin F.Sh. Islam in the archaeology of Khazaria, the Volga Bulgaria and the Golden Horde	9
Izmailov I.L. On the edge of the "Sea of Darkness": spread of the Islam in the Volga Bulgaria in the 10th – the first third of the 13th century	16
Rudenko K.A. Toreutics of the Islamic world and the formation of the artistic culture in the Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus of the Golden Horde	27
Khamidova Ch.I. Bulgar and the Volga Bulgaria's cities in the works of Rashid al-Din	35
Timokhin D.M., Tishin V.V. A list of Turkic tribes in the work of Fakhr-e Modabber	38
Iskhakov D.M. On an underestimated source of the Islamization of the Ulus of Jochi	50
Sayfetdinova E.S. Islamization of the Golden Horde according to medieval Arabic sources	57
Ivanov V.A. Perception of the Islam by nomads of the Golden Horde	63
Vorotyntsev L.V. "Besermens" of the Golden Horde: Numerators, Tax Collectors, Guests	68
Ermolov F.V. Some episodes of the "Great Troubles" Period in the context of numismatics	75
Mirgaleev I.M. The Battle of 1391: discussion questions about the battle	82
Zubov S.E., Nazarov A.M. 1391. The Battle on Kondurcha: problems and prospects of study	89
Eremkin A.I. On the localization of the place of the battle of Tokhtamysh with Tamerlane at Kondurcha	95
Khaidarov T.F. Some clarifications regarding the course of the Black Death on the territory of the Ulus of Jochi	99
Mukhametzyanova L.Kh. Islamic worldview in the Tatar epos-dastan "Kakharman Qatil"	112
Zakirova I.G. The Epic biography of Idegey in Tatar folklore	120
Iglesias-Alonso R.F. On the question of the Chervleny Yar location and the political status of its Baskaks	129
Reva R.Yu., Leonov B.I. Numismatic witnesses about Tigene and Mahmud amirs	139
Bugarchev A.I., Stepanov O.V. About the Golden Horde coin hoard of the 15th century from the village of Boriskovo (Kazan)	154
Fakhrutdinov R.R. "The Tatars, while keeping the memory of their ancient dwelling place, still call it Iske Kazan, that is, Old Kazan" (to the 30th anniversary of the founding of the Iske-Kazan State Historical, Cultural and Natural Museum-Reserve)	158
Aksanov A.V. The Last Campaign of the Kazan khan Ibrahim in the context of the evolution of the Russian Chroniclers views	162
Yerusalimsky K.Yu. Ivan the Terrible's Kazan Campaign of 1552: an Attempt to Research the Itinerary	166
Akchurin M.M., Sabitov Zh.M. About the ruling clans in the Kasimov Khanate	181
Serkin S.P. Controversial Issues in the History of the Vyatka Land in the 15th–16th centuries	196
Tychinskikh Z.A. Main Approaches to the Problem of Islamization of the Western Siberia's Population in Modern Historiography	213

Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Was Ishim ibn Kuchum a Khan? A New Mention of the Title in an Archival Document	220
Chernyshov S.A. Imperial Motives in the Practices of Local Historical Memory on the Siberia connexion to the Russian State	226
Sidorenko V.A. “Pre-muslim” and “Muslim” Crimean Coin Issues of Tuka Timur	233
Kozlov A.P., Yakushechkin A.V. On the Chronology of Release of Early Copper Coins of Crimea within the Jochid State	240
Murtazina L.R. History of the Golden Horde in the Tatar Emigrant Press of the 1930s–1940s (Based on the Materials of the Newspaper “Milli Bayraq”)	254
Samigullin A.N. Historiography of the Great Horde (a review of the main works on the Great Horde history)	260
Zainuddinov D.R. Al-Maqrizi on Mamluk Adaptation Schools	266
Yurdakal O. The Ottoman Chronicles about the Attitude of the Golden Horde Khans to Islam	275
Vorotyntsev L.V. About Kuremsa, Mautsi and new ways of conducting scientific discussion in the era of social networks	283
Seleznev Yu.V. Overview of the activities of the Voronezh Club of the International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde” in 2022	286
Galimov T.R., Giniyatullina L.S. Overview of the activities of the International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde”: Achievements and Prospects	291
Belyakov A.V., Timokhin D.M. Overview of the activities of the Moscow Discussion Club of the International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde” in 2022–2023	294
RESOLUTION of the VII International Golden Horde Forum “The Civilizational Significance of the Islam Adoption by the Volga Bulgaria and the Golden Horde: Integration Processes in the Medieval History of Russia”	299

СЛОВО РЕДАКТОРА

Данный выпуск научного сборника «Золотоордынское наследие» приурочен к 1100-летию принятия Ислама народами Волжской Булгарии, это знаменательное событие широко отмечалось в течение 2022 г. В основе сборника лежат материалы Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России», который прошел 14–16 декабря 2022 г. в городе Казани и был организован Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ и Международной ассоциацией исследователей Золотой Орды. В работе форума приняли участие ведущие специалисты из разных городов России (Казань, Москва, Санкт-Петербург, Самара, Новосибирск, Н.Новгород, Волгоград, Тюмень, Астрахань и др.) и зарубежные ученые из Турции, Израиля, Беларуси, Казахстана, Сербии и Чехии.

На конференциях и круглых столах форума обсуждались такие вопросы, как принятие и распространение Ислама в Волжской Булгарии и в Золотой Орде; ислам и золотоордынская цивилизация; мусульмане на Руси в период ордынского господства: присутствие, восприятие, отношения и влияние; татарские ханства как исламские юрты: этнокультурное и социальное измерение; военная культура Улуса Джучи: оружие, войны и сражения. Принятие ислама народами Волжской Булгарии и Золотой Орды имело цивилизационное значение не только для татарской государственности, но и для истории России в целом. Уже в средневековый период ислам стал важнейшим структурообразующим фактором во всех сферах жизни для многих народов России. Статьи данного сборника отражают многогранность и особенности политического и социокультурного развития Волжской Булгарии, Золотой Орды, татарских ханств и Руси в контексте исламского влияния.

Значительная часть статей посвящена вопросам принятия и распространения ислама в Волжской Булгарии и Золотой Орде. Авторы сборника на междисциплинарном методологическом уровне рассмотрели этапы распространения ислама, что в совокупности с введением в оборот новых источников дало возможность сформулировать ряд научно значимых выводов. Комплексный подход позволил некоторым авторам раскрыть неизученные аспекты истории позднезолотоордынских тюрко-татарских государств и их соседей. Вместе с тем в представленных материалах обозначены перспективы исследований по наиболее актуальным проблемам этой тематики. Поэтому выход в свет настоящего сборника имеет серьезное научное значение, эти материалы будут востребованы среди широкого круга ученых (историков, археологов, филологов, нумизматов, этнографов и других исследователей), представителей власти, религиозных и общественных деятелей.

И.М. Миргалеев,

*кандидат исторических наук,
руководитель Центра исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ VII МЕЖДУНАРОДНОГО ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ФОРУМА

Уважаемые участники конференции!

От имени Министерства образования и науки Республики Татарстан рад приветствовать начало работы VII Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России», приуроченного к празднованию 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией, так широко отмечаемого как в Республике Татарстан, так и по всей Российской Федерации.

На протяжении многих веков ислам играл и продолжает играть важную роль в интеграционных и культурно-образовательных процессах российского общества. Ислам всегда выступал за толерантное и уважительное отношение к различным религиям. Объединив вокруг себя представителей разных народов, он стал консолидирующим фактором в распространении культуры и науки в России. С принятием ислама народами Волжской Булгарии стали развиваться не только торгово-экономические, но и культурно-образовательные центры, были созданы компоненты высокой государственной культуры. После образования Золотой Орды были сформированы модели религиозной терпимости в поликонфессиональном обществе, которые распространились на сферу духовно-культурной жизни, письменности и языка народов, входивших в состав данного государства. Именно в этот период происходило становление письменного тюрко-татарского языка и делопроизводственной культуры, расцвет прикладного искусства, развитие международной дипломатии.

Наследие золотоордынских богословов, ученых, мыслителей, поэтов оказало огромное влияние на просветительское и нравственное развитие последующих поколений. Сила государства не только в создании прочной внутренней и внешней политики, но и в формировании и развитии идей человечности и духовности, которые будут сохранены и переданы потомкам.

В этом отношении знание, просветительство и наука неизменно будут играть важную роль в цивилизационном развитии любого государства.

Международный Золотоордынский Форум на протяжении многих лет собирает вокруг себя большое количество ведущих ученых со всего мира и уже традиционно становится специализированной научной площадкой, в рамках которой обсуждаются и рассматриваются различные подходы к исследованию истории Золотой Орды и тюрко-татарских ханств, средневековой отечественной истории. Уверен, что и этот форум станет важной ступенью для развития новых научных исследований исторического наследия Золотой Орды и истории средневековой России.

Желаю всем организаторам, участникам и гостям VII Международного Золотоордынского Форума плодотворной работы.

С уважением,
Министр образования и науки Республики Татарстан
И.Г. Хадиуллин

14 декабря 2022 года

ИСЛАМ В АРХЕОЛОГИИ ХАЗАРИИ, ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

В статье обобщаются материалы археологических исследований средневековых памятников эпохи Хазарского каганата, Волжской Булгарии и Золотой Орды, которые в значительной степени дополняют и уточняют сведения письменных источников о времени проникновения и степени распространения ислама среди населения вышеперечисленных государств. По мнению авторов, проникновение ислама на территорию Восточной Европы связано с арабо-хазарскими войнами, и значительная часть волжских булгар, судя по погребальному обряду сельских и городских могильников, памятникам мусульманской архитектуры в городах, была знакома с исламом задолго до официального его принятия в 922 г. В период Золотой Орды наблюдается расцвет мусульманской культуры, однако в периферийных регионах государства, например, среди сибирских татар исламизация не была еще завершена даже в эпоху позднего средневековья.

Ключевые слова: археология, исламизация, ранние болгары, Волжская Булгария, Золотая Орда, погребальный обряд, урбанизация, памятники мусульманской архитектуры

Проникновение ислама в Восточную Европу, на земли современной России, судя по сведениям письменных источников, началось, скорее всего, в VIII в., если не раньше, – в период арабо-хазарских войн. В 737 году полководцу и будущему халифу Марвану Ибн Мухаммаду удалось заключить мирный договор с Хазарией. По условиям договора хазарский каган и его окружение приняли религию победителей. В литературе распространено мнение, что ислам в Хазарском каганате, основную часть населения которого составляли аланы и болгары, исповедовали лишь каган и ближайшее его окружение [33, с. 214–215]. Существует и противоположная точка зрения [2, с. 307–308; 6, с. 60]. Примечательно, что на рубеже VIII–IX вв. принятие каганом Обады иудаизма в качестве официальной религии вызвало возмущение среди населения каганата и «все, кто не принял иудейской религии, в том числе христиане и мусульмане, объединились против правительства... в стране возгорелась междоусобная война» [32, с. 62]. Данный факт сам по себе свидетельствует о довольно широком распространении среди болгарского населения Хазарии религии ислама, однако археологически эта точка зрения не подтверждена.

Первые мусульманские могильники с погребениями, совершенными по мусульманскому погребальному обряду, датируются археологами IX в. На Дону и Северском Донце, т.е. там, где проживали болгары, эмигрировавшие позднее на Среднюю Волгу, исследовано более десятка мусульманских могильников IX в. [27, с. 153 и сл.; 28]. Часть раннебулгарского населения, оказавшаяся на Средней Волге в период первой волны переселений в конце VII – начале VIII вв., судя по оставленным ими могильникам новиньковского типа в Самарской и Ульяновской областях, также хоронила своих умерших по мусульманскому погребальному обряду, но опять же эти погребения исследователи склонны датировать лишь IX в. [3, с. 215–216]. Заметим, что еще раньше А.Х. Халиков указывал на наличие погребений, совершенных с соблюдением мусульманской обрядности, на Больше-Тарханском и Танкеевском могильниках ранних булгар VIII–IX вв. [44, с. 50].

Данное обстоятельство зафиксировано и в письменных документах, в частности, в одном из сочинений персидского географа Абу-Али Ахмада Ибн Русте, написанном в 903–912 гг.: «Большая их (булгар. – А.С., Ф.Х.) часть исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами... Одежда их похожа на мусульманскую; равным образом и кладбища их как у мусульман» [47, с. 22–24]. Все это дает нам основание утверждать, что к приезду в 922 году Багдадского посольства население Волжской Булгарии было уже в значительной степени исламизировано, а состоявшиеся 21 мая торжества с участием членов посольства халифа Муктадира, болгарского правителя Джа'фара Ибн Абдаллаха (Алмышы), подчиненных ему беков и населения следует рассматривать лишь как акт официального признания Булгарию в качестве мусульманского государства в составе исламской цивилизации Востока [12, 2000].

Время проникновения ислама в Волжскую Булгарию и степень ее распространения среди населения исчерпывающим образом изучались в свое время Е.А. Халиковой, выводы которой по указанным проблемам опирались на материалах раскопок десятков городских и сельских поселений. IX–X века охарактеризованы ею как время интенсивного проникновения и распространения ислама и становления его погребальной обрядности. Однако такое заключение отнюдь не противоречило возможности сохранения у болгар отдельных языческих пережитков [46, с.147–148]. «В XII – начале XIII вв. идеология и обряды ислама глубоко укоренились у основного населения страны, охватив разные социальные слои болгарского общества. Об этом свидетельствует унификация, единообразие и «ортодоксальность» мусульманского погребального обряда... – строгое соблюдение кыблы, однообразное положение корпуса и рук погребенных, полное отсутствие сопровождающего инвентаря и т.п.» [46, с.151]. К этому следует добавить и полное отсутствие в раскопках болгарских поселений костей свиньи – животного, запрещенного канонами ислама в рационе питания мусульманина.

Выводы Е.А. Халиковой в принципе остаются верными и сегодня, хотя абсолютизировать их нельзя, Археологические исследования последних десятилетий показывают более сложную картину распространения новой религии в Булгарии. Речь идет не только о так называемых пережитках язычества или некоторых отклонениях от ортодоксальной погребальной обрядности, обнаруживаемых археологами в могильниках болгарского населения XI–XIII вв., но и о языческих святилищах этого же времени. Об этом пишут, в частности, казанские ученые К.А. Руденко, ссылаясь на материалы Тигашевского городища в Чувашии, святилища на Ага-Базаре у г. Болгара на Волге и др. [35] В восточной периферии Волжской Булгарии в последние годы открыты интересные памятники, в числе которых Гулюковский могильник в Мензелинском районе Республики Татарстан, свидетельствующий о начале проникновения ислама на эти земли лишь к концу X столетия [5]. Здесь, на наш взгляд, нет ничего странного: в составе болгар всегда присутствовали группы языческого финно-угорского населения из соседних территорий, и как раз они, окончательно еще не обугаризованные, могли оставить эти немногочисленные памятники.

Принятие ислама ознаменовало собою начало коренного перелома не только в официальной идеологии государства, но и во всех других сферах жизни болгарского общества: произошла смена обычного права строгими законами шариата; место древней тюркской руники заняла более совершенная письменность на основе арабской графики и, как следствие, возникла письменная литература, в частности, поэзия, ярким образцом которой является «Кыйсса-и Йусуф» Кул Гали; сложилась своеобразная образовательная система, просвещения и науки (начальные школы – мектебе, медресе разных уровней с преподавание ряда предметов светского характера, а также широко распространенная практика стажировки молодых кадров в научных центрах Востока) и т.д. [более подробно см.: 13]. Возникновение на болгарских землях в начале X в. совершенно нового типа постоянных поселений – городов, а в них – кирпичной и каменной архитектуры восточного типа в виде общественных зданий (мечети, резиденции правителей, бань, караван-сараев, мавзолеев-тюрбе) мы также рассматриваем как следствие принятия булгарами ислама и его ценностей.

По данным арабо-персидских авторов, Волжская Булгария с ее зарождающимися поселениями городского типа уже в конце IX – начале X вв. стала одним из крупнейших центров торговли между Востоком и Западом. Эта торговля осуществлялась преимущественно по Великому Волжскому пути и его ответвлениям (Камский пушной путь, торговые пути по Вятке и Оке). Именно по берегам Волги и Нижней Камы возникали самые ранние города страны, среди которых Болгар и торговоремесленное поселение у с. Измери на Каме, где археологами обнаружено огромное количество импортных изделий (преимущественно из Средней Азии) и торговый инвентарь, а также серебряные дирхемы, чеканенные в IX–X вв. (21; 22).

Как известно, в письме аббасидскому халифу ал-Муктадиру Джа'фар Ибн Абдаллах просил прислать к нему не только знатоков ислама, но и строителей, которые построили бы для него мечеть и «крепость, в которой он мог бы укрепиться против соперничающих с ним царей. И было дано согласие на все то, о чем он просил» [25, с. 20]. И отъехал болгарский правитель со своими подчиненными из разных племен, мужчинами-строителями, «к реке, называемой Джаушыр¹, где он остановился на два месяца» [25, с. 40]. В свое время археологи П.А. Понамарев [34], М.Г. Худяков [48], позже и А.Х. Халиков [42] не без основания полагали, что здесь состоялось заложение «крепости», вернее, настоящего города с Соборной мечетью в его центре – города Биляра, название которого в

¹ Современные исследователи идентифицируют ее с р. Малый Черемшан.

русских летописях передано как «Великий город на Черемшане». Скорее всего, они правы: среди прибывших в страну болгар членов посольства были, несомненно, «умелые строители для сооружения крепости», о чем писали Ш. Марджани [56, б. 124], В.В. Бартольд [4, с. 512], А.Ю. Якубовский [55, с. 267–268] А.П. Смирнов [37, с. 3–6] и другие исследователи.

Под руководством этих «умелых строителей» в центре внутреннего города была построена соборная мечеть с деревянной и, как полагал А.Х. Халиков, пристроенной к ней чуть позднее белокаменной частями. Ее остатки открыты раскопками в 1972–1976 гг. [45]. Новые исследования Э.Д. Зиливинской показали, что они существовали самостоятельно [16, с. 78–95]. Есть основания говорить о строительстве деревянной мечети в IX в., скорее всего, во второй его половине [44, с. 52–55]. Белокаменное здание появилось, очевидно, в памятном 922 г. Оно было построено при участии восточных мастеров, прибывших в Булгарию в составе Багдадского посольства. Важно заметить, что с юго-западной стороны мечети располагался некрополь знати, где выявлены захоронения в кирпичных склепах. Рядом с мечетью находятся руины кирпичного здания с подпольной системой отопления и с архитектурными деталями, характерными для строительной традиции Ближнего Востока и Средней Азии IX–X вв. [43, с. 11, 13, 15–16, 18–19; 52; 60, с. 199–202;]. В литературе это здание получило название «дома знатного феодала». В действительности же оно служило общественной баней или тахаратхане (помещение для омовения перед намазом), как это доказала в недавней своей публикации Э.Д. Зиливинская [17, с. 147].

Привлекают на себя внимание остатки каркасно-глинобитных (турлучных) жилищ с печами-тандырами, изученные поблизости мечети [49, с. 62–68]. В таких домах, совсем не характерных для нашего края, жили восточные мастера-строители. Таким образом, время возникновения Биляра с его первыми, наиболее ранними архитектурными сооружениями следует увязывать с событиями, происходившими в период пребывания на Булгарской земле посольства из Багдада.

В трудах восточных географов наряду с Болгаром начиная со второй четверти X в. Фигурирует и Сувар, где также находилась соборная мечеть. Время его возникновения подтверждено также археологическими материалами [51, с. 85–100].

Наиболее активным периодом градостроительства представляется нам конец X – начало XI в., когда в Волжской Булгарии правил эмир Ибрагим. В указанное время Булгария уже – вполне сложившееся государство с мощной экономикой и единой народностью, объединенной идеологией ислама. Об этом свидетельствует, помимо археологических источников, сообщение персидского историка XII в. Абу-л-Хасана Бейхаки [14, с. 46]. К времени правления Ибрагима относится возникновение городов Казани и Алабуги, а также эпонимного города Брахимова, локализация которого пока точно не установлена. Второй половиной или концом X в. датируются также нижние слои городища Джукетау на Каме близ современного Чистополя. По нашему мнению, значительная часть из более чем 160 укрепленных поселений болгар домонгольского времени появилась в X–XI вв. [50, с. 46 и сл.].

В городах Болгаре и Суваре были Джамии-мечети, упомянутые в письменных документах, в Биляре и Алабуге руины мечетей открыты при археологических исследованиях [31].

Следует отметить также руинированные остатки кирпичных зданий, служивших, по всей вероятности, общественными банями, изученные археологами в Биляре [54], на Красносуюндюковском городище в Ульяновской области [36], Муромском городке на Самарской Луке [10], городище Хулаш в Татарстане [24].

В целом же архитектурный облик болгарских городов не был слишком однообразным и примитивным. Крупные города были окружены мощными укреплениями с крепостными башнями и проездными воротами, некоторые из которых, судя по народным преданиям, назывались «золотыми». В этих городах находились караван-сарай для приезжих купцов, имелись мечети с высокими минаретами и религиозные школы-медресе при них. Центральные площади оживлялись базарами с их своеобразными постройками – лавками, небольшими мастерскими, складскими помещениями и т.д. Из массы рядовых жилищ, надо полагать, выделялись богатые дома, нередко двухэтажные, общественные бани и другие здания, сооруженные из камня и кирпича. Заметим, что в Биляре, судя по данным аэрофотосъемок 1973 г., обнаружены следы более 30 таких зданий [18].

Нет оснований сомневаться в том, что толчок к урбанизации Волжской Булгарии был положен в средневожско-прикамском регионе исламизацией страны.

Исламскую цивилизацию, в первую очередь, культуру городского населения страны характеризуют также археологические находки, относящиеся к области духовной культуры. Письменность у предков болгар была известна еще с древнетюркских времен. У болгар периода Хазарского каганата

(VIII–X вв.), а в пережиточном виде и до XII столетия рунический алфавит применялся довольно широко [26; 29; 61]. Вместе с исламом в Волжскую Булгарию пришла письменность на основе арабской графики, довольно скоро и почти полностью вытеснившая архаичную рунику. Следы письма на арабской графике сохранились на каменных вставках перстней, браслетах, глиняных сосудах, сфероконусах, шиферных пряслицах и на других предметах, среди которых выделяется изготовленный в 1146/1147 году бронзовый замок из Биляра с доброжелательной надписью на поверхности: «Работа Абу Бакра, сына Ахмада. Постоянная слава и мирный успех, и счастье всеобъемлющее, величие и благосостояние да будет владельцу сего замка. Летосчисление пятьсот сорок первого года» [30]. К категории предметов духовной культуры относятся также глиняные и металлические (из бронзы) чернильницы, костяные писала для нанесения букв на бересте, а также уникальная обложка книги из билярских коллекций, хранящаяся ныне в Национальном музее Финляндии (г. Хельсинки).

Период Золотой Орды, особенно начиная с правления хана Узбека (1312–1342) ознаменован массовым распространением мусульманства на всей обширной территории империи, населенной многочисленными кочевыми, полукочевыми и оседлыми народами преимущественно тюркского происхождения. Об этом весьма наглядно свидетельствуют археологические материалы (могильники, архитектурные сооружения, произведения искусства), обобщенные в широко известных трудах Г.А. Федорова-Давыдова [41], С.С. Айдарова [11], М.Г. Крамаровского [1], Э.Д. Зиливинской [15], Д.В. Васильева [8; 9] и других исследователей.

Вопрос о начале мусульманизации более восточного, сибирского, тюркоязычного в своей основе населения окончательно не решен. Известный этнограф Ф.Т. Валеев допускал “возможность распространения ислама среди предков сибирских татар непосредственно представителями арабского духовенства, прибывшими в X в. к волжским булгарам в составе посольства Багдадского халифата” [7, с. 171–172]. Данная гипотеза не получила в дальнейшем подтверждения источниками. Турецкий исследователь Абдулкадир Инан [59, с. 331–338] и американский историк Алан Франк [58, р. 245–262] склонны относить исламизацию Сибири к эпохе Золотой Орды или даже к предмонгольскому времени. Действительно, по новейшим данным археологии, отдельные мусульманские погребения XIII–XIV вв. обнаруживаются не только в Западной, но и в Восточной Сибири, до Новосибирского Приобья, верховий Ангары и Лены, на территории ближнего Забайкалья в долине р. Селенги, т.е. в самой восточной периферии Золотой Орды [20, с. 109–111]. Тем не менее, нет достаточных оснований говорить о широком знакомстве тюркоязычного сибирского населения исламом в ордынское время. Как показывают археологические материалы, вплоть до XVII–XVIII вв. в погребальном обряде местного населения фиксируются значительные языческие элементы [38, с. 99–124, 287–291].

На наш взгляд, ближе всего к истине точка зрения, высказанная еще Н.Ф. Катановым, согласно которой ислам как официальная религия был принят в Сибирском ханстве при хане Кучуме [23, с. 4; 40, с. 110]. Но даже для этого времени можно говорить лишь о небольших мусульманских общинах близ городов и караван сараев; «ислам как культурное явление пришел в Сибирь, по большому счету, только в XIX столетии» [57, р. 256–259, 266]. В целом же, как подчеркивают исследователи, проблема распространения ислама среди сибирских татар и сегодня остается дискуссионной (39, с. 240 и сл.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтын Урда хазинэлэре. Сокровища Золотой Орды. The Treasures of the Golden Horde / Сост. М.Г. Крамаровский; под общ. ред. М.Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 2000. 345 с.
2. Артамонов М.И. История хазар. Изд. 2-е. СПб.: Изд-во «Лань», 2001. 688 с.
3. Багаутдинов Р.С. Христианство, ислам и ранние болгары // Проблемы на прабългарската история и култура. Вып. 4–1. Сб. в памет на Дм.Ил. Димитров. (Док. от Петата Междунар. среща по прабългарска история и археология. Варна, 2004). София, 2007. С. 213–220.
4. Бартольд В.В. Болгары // Сочинения. М., 1968. Т. V. С. 509–520.
5. Бугров Д.Г., Капленко Н.М., Ситдигов А.Г. К вопросу о начале мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 19–25.
6. Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX веках // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. III. М.: Наука, 1974. С. 26–71.
7. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татар. Кн. изд-во, 1992. 206 с.
8. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: Изд. дом «Астрахан. ун-т», 2007. 192 с.

9. Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. (Археолого-статистическое исследование). Астрахань: Изд. дом «Астрахан. ун-т», 2009.
10. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1986. 232 с.
11. Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 2001. 365 с.
12. Давлетшин Г.М., Хузин Ф.Ш. Ислам и язычество в Волжской Булгарии домонгольского времени // Ислам в Поволжье: история и проблемы изучения. Материалы науч. конф. 1989 г., посвящ. 1100-летию (по хиджре) официального принятия ислама Волжской Булгарией / отв. ред. Р.М. Амирханов. Казань: Изд-во «Иман», 2000. С. 54–68.
13. Давлетшин Г.М., Хузин Ф.Ш. Булгарская цивилизация на Волге. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. 112 с.
14. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.
15. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 1. Культовое зодчество. Казань; М.: Изд-во «Отечество», 2014. 228 с., илл.
16. Зиливинская Э.Д. Монументальные постройки Биляра: новый взгляд. «Джума мечеть» // Поволжская археология. 2019. № 2. С. 78–95.
17. Зиливинская Э.Д. Монументальные постройки Биляра: новый взгляд. Здания с подпольным отоплением // Поволжская археология. 2020. № 4. С. 145–158.
18. Игонин Н.И., Халиков А.Х. Опыт применения авиации при изучении Билярского городища и его окрестностей // Советская археология. 1975. № 1. С. 102–108.
19. Измайлов И.Л. К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде волжских болгар // Вопросы древней истории Волго-Камья / отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер-Лайн, 2002. С. 60–69.
20. Илюшин А.М. К вопросу о восточной границе Золотой Орды // Форум «Идель – Алтай». Материалы науч.-практич. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 109–111.
21. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.
22. Казаков Е.П. Ранние торгово-ремесленные поселения на Волге и Каме // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 117–121.
23. Катанов Н.Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племен / Уч. зап. Казан. ун-та. 1894. Кн. 3. С. 186–206.
24. Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувацкого Поволжья. Чебоксары: ЧувНИИ, 1972. С. 3–73.
25. Книга Ахмада Ибн Фадлана. Перевод с арабского и примечания Вяч. С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Издат. дом Марджани, 2016. 560 с.
26. Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. 1985. № 4. С. 75–80.
27. Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк, 2005.
28. Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец. (Археология евразийских степей. 2020. № 4). 312 с.
29. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Вост. лит-ра, 1994. 327 с.
30. Малов С.Е. Замок из Билярска с арабской надписью // Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском музее РАН. Т. II, вып. 1. Л, 1926. С. 155–162.
31. Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 228 с.
32. Плетнева С.А. Хазары. М.: Наука, 1976. 94 с.
33. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.: «Мосты культуры»; Иерусалим: «Гешарим», 2000. 240 с.+62 с. ил.
34. Пономарев П.А. Краткий отчет о раскопках и разведках в районе Билярска летом 1915 года // Известия ОАИЭ. 1919. Т. XXX, вып. 1. С. 45–57.
35. Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культовые памятники Камско-Вятского региона. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 36–66.
36. Семькин Ю.А. Исследование бани на Красносундюковском I городище // Археологические исследования в Поволжье. Межвузов. сб. ст. / отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. С. 219–230.
37. Смирнов А.П. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле волжских болгар // Средневековые памятники Поволжья / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 3–6.

38. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Т. 10. Новосибирск: Наука, 2008.
39. Тюменское и Сибирское ханства / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдигов, Р.Р. Хайрутдинов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.
40. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М.: Наука, 2006. 678 с.
41. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Москов. Ун-та, 1994. 232 с.
42. Халиков А.Х. О столице домонгольской Булгарии // Советская археология. 1973. № 3. С. 83–99.
43. Халиков А.Х. Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 11–20.
44. Халиков А.Х. Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр – столица Волжской Булгарии / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1991. С. 47–60.
45. Халиков А.Х. Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 21–45.
46. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. / науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 160 с.
47. Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб., 1869. 169 с.
48. Худяков М.Г. Разведки в Билярске летом 1915 года // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX, вып. 1. С. 59–66.
49. Хузин Ф.Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 62–99.
50. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. 480 с.
51. Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Город Сувар: некоторые итоги и задачи археологического исследования // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1999. С. 85–100.
52. Шарифуллин Р.Ф. Иранские параллели в архитектуре Волжской Булгарии домонгольского периода (по материалам Билярского городища) // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Препринты док. и сообщ. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1976. С. 50–51.
53. Шарифуллин Р.Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1984. С. 65–82.
54. Шарифуллин Р.Ф. Второе кирпичное здание в центре Биляра // Археологическое изучение болгарских городов / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т археологии им. Ш. Марджани АН РТ, 1999. С. 77–89.
55. Якубовский А.Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX–X веках // Советская археология. 1048. Т. X. С. 255–270.
56. Мәржани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр) / ред. Я. Абдуллин. Казан: Татар. кит. нәшр. Ю 1989. 415 б.
57. Bukharaev R. Islam in Russia: the Four Seasons. Richmond: Kurzon Press, 2000.
58. Frank A. Varieties of Islamization in Inner Asia: the Case of the Baraba Tatars. 1740–1917 // En Islam Sibirian. Paris, 2000. P. 245–262.
59. Inan A. Sibiria'da islâmiyetin yayılışı // Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. 1968. Ser. 7, Sa. 50. S. 331–338.
60. Khalikov A., Sharifullin R. On the Development of Architecture in Premongolian Volga-Bulgaria // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. 1977. № 29 (1–2). P. 199–202.
61. Kurbatov H. Idil-Çulman (Volga-Kama) boylarında ele geçen runic kitabeler // Türk Dünyası Araştırmaları. 1994. No 88, Şubat. S. 104–113.

Сведения об авторах: Айрат Габитович Ситдигов – доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, начальник обособленного структурного подразделения Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: sitdikov_a@mail.ru

Фаяз Шарипович Хузин – доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: khuzinfayaz@mail.ru

**ISLAM IN THE ARCHAEOLOGY OF KHAZARIA,
THE VOLGA BULGARIA AND THE GOLDEN HORDE**

A.G. Sitdikov, F.Sh. Khuzin

*Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov
of the Tatarstan Academy of Sciences*

The article summarizes the materials of archaeological research on the medieval monuments of the Khazar Khaganate, Volga Bulgaria, and the Golden Horde, which significantly supplement and clarify the information from written sources about the time and degree of Islam's penetration among the population of the above-mentioned states. According to the authors, the penetration of Islam into Eastern Europe is associated with the Arab-Khazar wars, and a significant part of the Volga Bulgars, judging by the burial rite of rural and urban cemeteries, and monuments of Muslim architecture in cities, was familiar with Islam long before its official adoption in 922 AD. During the Golden Horde period, there was a flourishing of Muslim culture, but in peripheral regions of the state, such as among the Siberian Tatars, Islamization was not yet completed even in the late Middle Ages.

Keywords: archaeology, Islamization, early Bulgars, Volga Bulgaria, Golden Horde, burial rite, urbanization, monuments of Muslim architecture

About the authors: Ayrat G. Sitdikov – Dr. Sci. (History), Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Head of the Independent Structural Unit of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: sitdikov_a@mail.ru

Fayaz Sh. Khuzin – Dr. Sci. (History), Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: khuzinfayaz@mail.ru

**НА КРАЮ «МОРЯ МРАКОВ»:
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ
В X – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII В.**

И.Л. Измайлов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Проблема происхождения и распространения ислама в Среднем Поволжье достаточно давно привлекает внимание исследователей. Булгария стала первым тюркским государством, принявшим ислам и самой северной страной мусульманской ойкумены. Сюжеты о появлении и распространении ислама в Среднем Поволжье уже свыше двухсот лет привлекают внимание исследователей. В данной статье анализируется комплекс исторических и археологических материалов, которые позволяют судить о широком распространении ислама в Волжской Булгарии уже с рубежа X–XI вв. Все это свидетельствует, что в стране отсутствовал сколько-нибудь значимый массив языческого населения внутри страны. Подавляющее население страны было мусульманским, причем обрядовая практика и следование религиозным запретам было не формальным, а весьма жестким и, очевидно, контролировалось государством. Этот установленный факт заставляет иначе реконструировать этнокультурные процессы в Поволжье в период средневековья.

Ключевые слова: археология, история, Волжская Булгария, ислам, средневековый мусульманский город, дипломатические отношения в средневековье, погребальный обряд, религиозные запреты

Проблема происхождения и распространения ислама в Среднем Поволжье достаточно давно привлекает внимание исследователей. Это связано как с тем, что мусульманская Булгария была одним из ранних средневековых государств в Восточной Европе и активно взаимодействовала с различными странами средневекового мира, в том числе и по вопросам религии, а также тем, что она резко изменила этноконфессиональную ситуацию в регионе, на многие века определив его своеобразие.

Восточная литература однозначно трактует болгар, как мусульман, а их страну, как относящуюся к исламской цивилизации. Так Ибн Русте, писавший между 903 и 913 гг. [см.: 27, 1990, с. 11–12], сообщает, что «Царь Болгар, Алмуш по имени, исповедует ислам», а «большая часть их (т.е. болгар – И.И.) исповедует ислам и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами» [47, 1869, С. 22, 23]. Об этом же писал секретарь багдадского посольства Ахмед Ибн Фадлан, побывавший в Булгарии, указывая, что кроме ставки Алмыша, в это же время в Булгарии существовали значительные общины мусульман. В ставке Алмыша был специальный штат духовенства, включая муэдзину [23, 29, 30; 19, с. 133] и, судя по словам Ибн Фадлана, было довольно много мусульман. Он даже описывает их погребальный обряд [23, с. 37; 19, с. 140]. Были и другие мусульманские общины. Тот же Ибн Фадлан, например, описывает общину «домочадцев» (сородичей?) под именем *албаранджар* «в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже принявших ислам ... Для них построили мечеть из дерева, в которой они молятся» [23, с. 35; 19, с. 138]. Таким образом, можно уверенно говорить, что уже в 910–920-е гг. среди болгар были значительные общины мусульман, причем и болгарская знать во главе с Алмышем приняла новую веру.

Характерно, относящееся к этой традиции указание на то, что болгары воюют с неверными. Обстоятельства этих войн неизвестны, но важно общее мнение острогом следовании болгар предписаниям ислама и борьбе с неверными. Например, персидский источник «Худуд ал-алам» / «Пределы мира» (982/983 гг.) пишет: «Булгар – город с небольшой областью, расположенный на берегу Итиля. В нем все жители мусульмане; из него выходит до 20 000 всадников. Со всяким войском кафиrow, сколько бы его ни было, они сражаются и побеждают» [4, с. 545].

В русском средневековом сознании имя волжских болгар было практически неотделимо от понятия «мусульманство». Так, в рассказе об «Учениях о верах» в ПВЛ (в одной из ранних редакций) отмечается, что «приидоша Болгаре веры Бохмице» [26, стб.132]. В ряде летописей, восходящих, видимо, к владимирской редакции «Повести», вера болгар названа «срачинской» [35, с. 77]. Это характерно не только для летописных повестей, но и для церковной литературы. Так, в произведении

«О посте, к невежамъ», создание которого Н.М. Гальковский относил к XIII в. есть пассаж, где «черти» (очевидно, какие-то языческие боги или духи) жалуются: «Мы же походили по болгаромъ, мы же – по половцемъ, мы же по чюди... мы же – по инымъ землямъ, ни сяких людии могли есмы наити к сему добру и чести и послушанию, яко сии человеци (то есть русские – И.И.)» [8, с. 15; 28, с. 128–131]. Более точно религия булгар определяется в так называемом «Слове об идолах» [2, с. 380–386; 5, с. 17–35], автор которого выказывает явное знание предмета. Он пишет, что булгары научились своей религии от «арвитьских писаний», которое «учением дьяволим изобретено» и «Мамеда проклятаго срациньскаго жреца» [2, с. 384; 8, с. 22]. В летописях и внелетописных источниках булгары определяются прежде всего по конфессиональному признаку, что было весьма характерно для восприятия соседей и в средневековой Европе [24, с. 19–37]. Неоднократно именуются булгары в летописях как «поганые» [33, стб. 352, 364; 34, с. 626] или «безбожные» [28, стб. 444; 32, с. 305, 306], что в христианской традиции означало население, придерживавшееся языческих и вообще ложных верований, к которым, например, западноевропейские хронисты относили всех мусульман [см.: 24, с. 21]. В глазах православных книжников мусульмане были, конечно же, настоящими язычниками (то есть людьми, придерживавшихся ложных верований – «погаными») или даже «безбожниками». Учитывая, противостоящий этим характеристикам положительный образ «благоверной и христолюбивой» Руси, можно согласиться с мнением историков, что «это не только языковой прием изображения мусульман и их конфессии – они отражают и принципы мышления хронистов, присущие им критерии оценки иной культуры и иной конфессии» [24, с. 22].

Не обошли эту тему и западноевропейские источники (Юлиан, Дж. де Плано Карпини, Рубрук и т.д.). Наиболее яркая характеристика булгар содержится в труде Гильома де Рубрука: «Эти булгары – самые злейшие сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем, кто-нибудь другой» [37, с. 119].

Все эти источники указывают, что уже к концу X в. Булгария на международной арене выступала как мусульманская страна, которая была связана множеством торговых, культурных и политических нитей со странами Европы, Средней и Передней Азии, Ближнего Востока. При этом ни у кого из современников не вызывало никаких сомнений, что они имеют дело со страной ислама и мусульманским населением.

Вместе с тем, одним из важнейших вопросов является степень распространения ислама в болгарском обществе. Этот вопрос был практически неразрешим для науки при анализе и решался с помощью компаративистских сопоставлений с другими средневековыми странами, о которых сохранилось несколько больше фактических данных. На основе этих подходов, а также на этнокультурной интерпретации некоторой части археологических находок уже в 30–50-е гг. XX в. в советской историографии был сделан вывод, что: «Ислам еще долго оставался здесь религией только господствующих классов, народная же масса продолжала пребывать в язычестве» [9, с. 32]. Представления о слабом распространении ислама и о наличии значительных пережитков язычества в той или иной мере становятся общим местом отечественной историографии. Позднее она была дополнена теорией о борьбе язычества и ислама в X в., когда часть племен во главе с племенем сувар, стремившихся сохранить язычество, переселилась в правобережье, где оставалось язычниками вплоть до XX в. [20, с. 54; 18].

Однако систематические археологические исследования болгарских могильников и новые источниковедческие труды стали противоречить этим схематическим представлениям. Этапным в этом отношении следует признать исследование мусульманских некрополей в Булгарии, которые показали, в конце IX – начале X вв., полная и окончательная победа мусульманской погребальной обрядности происходит во второй половине X – начале XI в. [46, с. 137–152], а языческие погребения с рубежа X–XI вв. неизвестны [46, с. 150].

Между тем, некоторые археологи пытаются опровергнуть эти выводы, прибегая к различным способам. Одним из них является попытка представить некоторые отклонения от «классического» обряда или наличие некоторых видов украшений с изображениями животных, как свидетельство «двоеверия» и «полуязычества» булгар или даже о наличии среди булгар значительного массива языческого населения [38, с. 17]. Вершиной подобных манипуляций археологическим материалом стали публикации, в которых на основе субъективного анализа устаревших полевых исследований, совершенно априорно постулируется существование в Булгарии X–XIV вв. неких «языческих святилищ» [39, с. 36–66]. Подобный археологический оксюморон был подвергнут критике и отвергнут основны-

ми исследователями, как несостоятельная гипотеза, основанная на априорных предположениях [49, с. 59–64; 51, с. 216–217; 15, с. 71].

Однако расстаться с традицией не просто, поскольку историки привыкли считать, что ислам был распространен только в среде аристократии и городского населения. Решить эту проблему должен комплексный анализ сведений, как исторических, так и археологических источников. Такой системный анализ позволил выявить данные, которые позволяют решить эту дилемму и внести определенность в понимание реального соотношения археологических материалов и данных письменных источников, изучить религиозные представления булгар по археологическим данным.

В первую очередь это касается предметов и остатков, характеризующих исламскую субкультуру. Среди нее есть предметы, связанные с исламскими странами Средней Азией, Ближнего и Переднего Востоком (металлическая посуда с арабографическими надписями, замки в форме львов, поясные накладки, украшения и т.д. [17, с. 128–157, рис. 43, 8,9,15, 23, 28, 29, 44, 73, 78, 79, 48, 28]. Все эти находки явно свидетельствуют о давних и устойчивых связях булгар с восточными странами, но не позволяют сделать однозначный вывод о мусульманстве людей, которые их использовали в силу широкой распространенности данных предметов в Восточной Европе.

Из коллекций находок из памятников с территории Булгарии происходят как предметы исламского культа – футляры для хранения молитв, так и бытовые предметы с арабскими надписями (зеркала, перстни, фрагменты сосудов, в том числе и религиозного содержания [16, с. 178–185; 17, с. 128–157, рис. 50, 1–7; 15, с. 47–56]. Часть этих находок имеет широкий временной промежуток бытования и сами по себе также не являются бесспорным доказательством широкого распространения ислама, однако они подчеркивают, что Булгария как минимум входила в ареал мусульманской цивилизации.

Более доказательными являются находки культового памятника на Билярском городище – древнем городе Биляре. Эта постройка – уникальное свидетельство распространения ислама в городах булгар, поскольку является единственной исследованной в средневековой Булгарии XI–XIII вв. деревянной и белокаменной мечети базиликального типа [43, с. 21–45]. Особое внимание комплекс мечети привлекает своими размерами (деревянная – 44/48х30 м и белокаменная – 42х26 м), которые в этот период были характерны для больших городских храмовых построек, поскольку обычные квартальные мечети и церкви были гораздо меньше [56, с. 218–227]. Парадный характер здания подтверждают расположение в центре города, а также нахождение близ него кирпичной бани [Халиков, 1979, с. 11–20] и большого городского кладбища с уникальной для Булгарии X в. семейной усыпальницей или мавзолеем с двумя погребенными [Шарифуллин, 1984, С. 69, рис. 1, 5] по типу надземной усыпальницы (*макбара*) или полуподземного родового склепа (*сагана*).

Учитывая дату этого комплекса первая половина – середина X в., оно является важнейшим свидетельством не только распространения ислама, но и становления регулярных исламских институтов, включая мечети, кладбища и соответствующих служителей веры [см.: 49, 1995].

Всего с территории средневековой Булгарии X–XIII вв. известно семь кирпичных зданий: три на Билярском, видимо, два на Вальнском, так называемый «Муромский городок» (Самарская Лука) и по одному на Суварском городище и Кошкиновобимбаевском, так называемом городище «Хулаш». По планировочным особенностям они являлись, скорее всего, общественными банями и их можно условно разделить на два типа: простой (однокамерный) и сложный (многокамерный) [42, с. 11–20; 53, с. 84–85]. Очевидно, что все эти здания служили банями [11, с. 223–234; 53, с. 84–85], о чем могут свидетельствовать система водоснабжения, обогрева и тщательно оштукатуренные и покрытые орнаментальной росписью стены, что было характерно для восточных бань. Располагались они как внутри городов (Биляр, Сувар, «Хулаш»), так и близ городских стен (Биляр, «Муромский городок»), где, очевидно, являлись частью комплексов построек караван-сараев. Судя по расположению и различиям в планировке, болгарские бани имели различный социальный статус и являлись, возможно, квартальными. Баня в центре Биляра близ комплекса мечети, по-видимому, была вакуфным учреждением, доходы с которого обеспечивали функционирование мечети и, возможно, медресе и госпиталя при ней. Институт подобных вакуфов был весьма характерен и распространен на Ближнем и Среднем Востоке [6, с. 113–117]. Само наличие бань во многих городах Булгарии подчеркивает восточный характер болгарского города и городской культуры. В качестве доказательства принадлежности бань именно к исламской цивилизации достаточно сказать, что многочисленные раскопки древнерусских городов практически ни на одном из них общественных кирпичных бань не выявили.

Другим важнейшим доказательством широкого распространения ислама в Булгарии может служить распределение костей свиньи среди археологических (остеологических) остатков из памят-

ников Волжской Булгарии. Запрет на употребление в пищу свиное мясо является важнейшей частью сакрального культа. В Коране он повторен неоднократно, характерна в частности заповедь из суры «Пчелы» (*Коран* XVI, 115–116): «Ешьте же то, что даровал вам Аллах дозволенным, благим, и благодарите милость Аллаха, если Ему вы поклоняетесь! Запретил Он вам только мертвечину, кровь, мясо свиньи и то, над чем призывалось имя не Аллаха». Возникновение этого запрета связано с древнейшими семито-арабскими представлениями и обрядовой практикой [54, с. 38–41], а позднее он служил сплочению общины мусульман, связывая ее общими предписаниями и запретами. Для болгарских памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи. Например, для болгарских археологических памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи. Например, среди остеологических материалов из Билярского городища за время раскопок 1967–1971 гг. (всего обнаружено 9606 костей) их вообще не выявлено, нет костей свиньи и на других памятниках [29, с. 228–239; 30, с. 124–138]. Редкие исключения только подтверждают общее правило. Так, при раскопках центра Билярского городища (1974–1977 гг.) обнаружены отдельные кости свиньи, которые концентрируются близ усадьбы русского ремесленника [31, с. 66–69]. Высокая статистически представительная выборка материалов и ее поразительная стерильность в отношении костей свиньи, как среди материалов городских, так и сельских поселений, учитывая факт широкого распространения свиноводства в более ранний исторический период [1, с. 178–179; 31, с. 66–69] и в соседних с Булгарией регионах, позволяет сделать вывод о повсеместном и строгом следовании булгарами предписаний и запретов ислама.

Другие подобные запреты (употребления вина и т.д.) менее четко и менее выразительно определяются в археологическом материале, хотя можно отметить весьма незначительное количество (примерно 0,1–0,2% всех гончарной керамики) находок амфор и тарной посуды, в частности, предназначенной для транспортировки вина [22, с. 132–139]. При этом в синхронных древнерусских памятниках их достаточно много.

Однако более четкие и наиболее убедительные доказательства широкого и повсеместного распространения ислама на территории Волжской Булгарии представляет изучение погребальных памятников Среднего Поволжья. Это не случайно может считаться *ultimo ratio* в споре о широте и всеохватности мусульманской религией населения Булгарии, поскольку само отношение к смерти является фундаментальным для каждой человеческой культуры.

Еще более выразительно о распространении и характере ислама позволяют судить могильники волжских болгар, погребения которых совершены по мусульманскому погребальному обряду. Всего на территории Волго-Уральского региона в настоящее время насчитывается более 80 грунтовых могильников, из них 58 относятся к началу X – первой трети XIII вв., на которых вскрыто более 970 мусульманских погребений. Эти могильники располагаются практически равномерно по всей территории Волжской Булгарии. Наибольшее количество некрополей известно и изучено в Западном Закамье, в Центральном Закамье и в окрестностях Болгарского городища. Важно, что, хотя и с разной степенью интенсивности, но во всех регионах изучены как городские (Спасский, Суварский, Данауровский, Богдашкинский, Билярские) могильники, так и сельские (Танкеевский, Измерский, Кожаевский, Мурзихинский, Большетиганский, Тетюшский, Рождественский и др.) некрополи [подробнее см.: 15, с. 68–92]. Одновременно заметно определенное количество сомнительных погребений (т.е. зафиксированных недостаточно четко в отношении датировки или деталей обряда) в Центральном Закамье, бассейне р. Черемшан, Предволжье и Предкамье, а также отсутствие достоверных сведений о мусульманских могильниках в Посурье и Примокшанье, где находился большой куст болгарских археологических памятников, что связано, очевидно, со сложностью поиска грунтовых могильников, которые не подвергаются интенсивному разрушению или наоборот быстро уничтожаются под антропогенным (строительство, водохранилище) воздействием. Тем не менее, большая территориальная и социально-топографически разнообразная выборка позволяет сделать вывод о повсеместной распространенности ислама в Волжской Булгарии в XI–XIII вв. [15, с. 68–92].

Самые ранние погребения с отчетливо выраженным мусульманским обрядом в Волжской Булгарии зафиксированы на Билярском городище (Билярские II и III могильники), где судя по археологическим данным, они относятся к первой половине – середине X в. [44, с. 113–121; 46, с. 68–76, 88–93]. Мусульманские могильники на Билярском городище располагались не только по окраинам города, но и в центре городища, где был открыт и исследован Билярский IV могильник [45, с. 114–118; 53, с. 65–82]. Установить достаточно точную дату этого некрополя позволяет то, что ранняя часть его погребений была перекрыта строительным горизонтом белокаменной мечети, возведенной, как пока-

зывают исследования, не позднее конца X – начала XI вв., что позволяет отнести начало функционирования этого центрального (?) городского кладбища к первой половине – середине X в. [49, с. 58, 59]. Все другие мусульманские могильники по комплексу данных, датируются со второй половины X до рубежа X–XI вв. Иными словами, можно обосновано говорить о том, что мусульманская погребальная обрядность в среде горожан в первой половине X в., а в отдельных регионах во второй половине XI в. [46, с. 137–152]. При этом особо следует подчеркнуть, что с рубежа X–XI вв. на территории Булгарии (Предволжье, Предкамье, Западное и Центральное Закамье и бассейн р. Малый Черемшан) не обнаружено ни одного не только языческого могильника, но даже ни единственного языческого погребения.

Свидетельством этого является доминирующий с рубежа X–XI вв. и вплоть до середины XIII в. исключительно мусульманский погребальный обряд, который зафиксирован на всех могильниках с территории Булгарии [46, с. 108–133; 13, с. 4–41]. Исламская обрядность распространилась не только вширь (мусульманские могильники, судя по нашим данным, открыты и изучены во всех регионах Булгарии), но и вглубь (мусульманский погребальный обряд булгарского населения устоялся и приобрел единообразные «канонические» формы). Действительно, на всей территории Булгарии повсеместно был установлен и утвердился довольно единообразный обряд: погребение в неглубокой (обычно до 1 м) могиле, погребенный укладывался головой на запад или запад-северо-запад, лицом на юг (на большинстве могильников до 100% всех случаев), чуть повернуто на правом боку (реже на спине), руки обычно уложены: правая вдоль тела, а левая на тазе, ноги вытянуты или полусогнуты. Умерший часто хоронился в гробу (от 40 до 50% случаев). Вещи в погребении отсутствуют, по крайней мере, в отличие от X в., таких случаев с начала XI в. и до второй половины XIII в. не отмечено.

Таким образом, археологические материалы убедительно свидетельствуют, что мусульманское население Булгарии чувствовало свое пограничное положение, а власть активно поддерживало крепость веры и состояние «осажденной крепости». Именно правители, используя все властные инструменты насаждали в стране не столько ислам, сколько свое понимание обрядовых практик, явно основанных на строгом соблюдении всех норм и запретов, что и нашло отражение в материалах археологии. При этом некоторые практики могли заметно отличаться от канонов, распространенных в других странах ислама.

В таких условиях на территории Булгарии не было и не могло быть сколько-нибудь значительно иноконфессионального населения, кроме купцов и дипломатов, а язычников не было вообще. Представления о существовании некоего массива языческого «финно-угорского» населения следует считать ошибочным, основанном на манипулировании некоторыми видами археологических находок, в первую очередь украшениями, которые, очевидно, не несли ни этнокультурной, ни конфессиональной нагрузки, а их распространение являлось результатом господствовавшей тогда своеобразной моды. Более того, судя по всему комплексу источников подавляющее большинство населения Булгарии было мусульманским и достаточно ортодоксальным, в рамках булгарской богословской традиции.

С внедрением ислама среди булгар стало распространяться восточное просвещение и грамотность. Уже в начале X в. в булгарских городах и поселениях, как писал Ибн Русте, существовали «мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами» [47, с. 23]. Судя по историческим и археологическим данным, уже с конца X в. Булгария стала страной «классического ислама», где жили и творили многие крупные ученые и богословы. Внутри страны во всех крупных общинах были школы и медресе, а в больших городах развивалась система высшего духовного образования, о чем с удивлением сообщали восточные авторы, и система мусульманского правосудия.

Булгары, приняв ислам, оказались достаточно далеко от стран ислама и в некоторой культурной изоляции, но смогли преодолеть ее. Ученый-энциклопедист ал-Бируни в своем труде отмечая, что булгары оторваны «от коренных стран ислама», тем не менее «не лишены сведений о халифате, халифах, а напротив, читают *хутбу* с их именами» [5, с. 55]. Однако само ощущение «оторванности» булгар, нахождение их во враждебном окружении не мог не отразиться на их общественном сознании. Уже отмечался факт, повторяемый целым рядом арабо-персидских авторов, которые, говорили о походах булгар на соседей как о «джихаде» / «священной войне»: «со всяким войском неверных; сколько бы его ни было, они сражаются и побеждают» [10, с. 36–39; 4, с. 545]. О регулярных походах на северных язычников царя булгар и обложения их данью (хараджем) сообщает ал-Гарнати [36, с. 30–31]. Эти сведения настолько традиционны и формульны, что создается впечатление об их булгарских корнях или, во всяком случае, их влиянии на эту традицию. Скорее всего, идеи мессианства и «священной войны» были довольно популярны в среде булгар, особенно в среде военной знати, где

был распространен культ святого рыцаря – Али и в мусульманском духе перерабатывался тюркский героический эпос. Вполне возможно, что сам приход неких святых, и успешная проповедь ими ислама в Булгарии также служили основанием для болгар видеть свое предназначение в истории как воинствующих миссионеров этой религии.

К сожалению, о характере болгарской богословской школы можно только догадываться, поскольку достаточных источников в нашем распоряжении нет. Однако не возникает сомнений в том, что на всей территории Булгарии господствовал не только единый ханифитский *масхаб*, но и единая *улама*, которая трактовала некоторые вопросы права и ритуальной практики в соответствии с выработанными традициями.

Ибн Фадлан зафиксировал у болгар некоторые особенности ритуальной обрядности, в частности, двукратное повторение слов *икамата* перед молитвой, что характерно именно для *ханафитского масхаба*, но при этом вызвало раздражение у шафиита Ибн Фадлана, сказавшего болгарскому правителю, что при багдадском халифе *муэдзин* произносит *икамат* один раз. Булгарский правитель внимательно выслушал арабского посланца, но в после того, как выяснилось, что посольство не привезло необходимой суммы для строительства крепости и выяснилось, что политическая поддержка халифа отнюдь не означает военного вмешательства, то Алмыш решил, что нет оснований ломать существующую ритуальную практику и *муэдзин* вернулся к прежней практике *икамата*.

Вместе с тем, некоторые моменты позволяют сказать, что болгары, приняв ислам оказались перед серьезными проблемами, связанными с тем, что географически Волго-Уральский регион находится в высоких широтах. Ислам еще никогда не принимало такое значительное количество населения в природно-географических условиях настолько непохожих на Ближний Восток.

Первым об этом сказал Ахмед Ибн Фадлан: *«Однажды ко мне в юрту пришел портной, служивший у царя болгар, а он [был] из жителей Багдада и случайно попал эту страну. Он [хотел] поговорить со мной. Мы разговаривали столько времени, сколько не хватит для чтения и половины от одной седьмой части [Корана]. [Разговаривая,] мы ожидали [начало] вечерней молитвы.*

Когда [мы услышали] молитву, мы вышли из юрты.

[К этому моменту] наступил рассвет, и я спросил муаззина:

– Какую молитву ты прочел?

Он ответил:

– Рассветную.

Я спросил:

– А последнюю ночную?

Он ответил:

– Мы читаем эту молитву вместе с закатной [молитвой].

Я спросил:

– А [основную] ночную [молитву]?

Он ответил:

– Видишь, насколько [коротка ночь]? Были [ночи] еще короче, чем эта, но сейчас [продолжительность ночей] стала увеличиваться.

[Этот муаззин] рассказал мне, что он уже месяц не спит, опасаясь пропустить утреннюю молитву. Потому что [ночи стали так коротки], что если кто-то ставит котелок [греться] на огне в [начале] закатной [молитвы], то ко времени [чтения] утренней молитвы он еще не начинает кипеть» [23, с. 32].

Широко известна критика И. Маркварта этого сообщения, который на основании этого подвергал сомнению все посольство из Багдада в Булгарию, которая была раскритикована А.П. Ковалевским [19, с. 135, 84–85]. Он также считал, что эти слова болгарского муэдзина, объясняющего «приезжему ревизору» некоторые особенности богослужебной практики, а он якобы, не будучи астрономом, «и в дальнейшем не мог точно учесть, когда именно были самые короткие ночи» [19, с. 204]. В защиту Ибн Фадлана можно сказать только то, что для человека, который всю жизнь прожил в Багдаде даже такая короткая ночь, как в Болгаре, должна была вызвать удивление.

В другом месте, видимо, через определенное время, убедившись в правоте болгарского муэдзина, он повторяет эту тему, подтверждая слова муэдзина, сказанные ранее: *«Жители этой страны сообщили мне [следующее]: – Поистине, когда [приходит] зима, ночь становится такой же длины, как [летний] день, а [зимний] день становится таким же коротким, как [летняя] ночь. Поистине, если кто-то из нас отправляется [зимой] на рассвете к месту, называемому Атил и которое [нахо-*

дится от нас] на расстоянии меньше одного фарсаха, то [к моменту] его прибытия уже наступит ночь и появляются все звезды, покрывающие [всё] небо. Мы уехали из страны [булгар только тогда], когда ночи [стали] долгими, а [световой] день коротким» [23, с. 32].

Каким бы плохим астрономом не был Ибн Фадлан, он не мог не увидеть сам (поскольку пробыл в Булгарии почти три месяца), что в условиях «белых ночей» в конце июня нет условий для чтения ночной молитвы *иша*, которая читается с наступления темноты и до рассвета [См.: 7, с. 568]. Очевидно, что эта проблема возникла уже тогда и она была осознана. И найдено решение, хотя оно вызвало удивление и критику шафиита Ибн Фадлана – четырехкратный намаз летом, а не пятикратный, как требует символ веры.

Позднее эта географическая особенность «седьмого климата» стала общим местом в их описаниях. Об этом сообщают авторы многих сочинений и компиляций X в.: «Земля булгар в северной стороне по направлению к полюсу ... У булгар летом ночь так коротка, что не успевают вскипеть котелок (или не успевают человек пройти более одного фарсаха); зимой же день становится таким же коротким, как ночь летом» [10, с. 35, 40–44]. Наиболее полно передает это сообщение Ибн Хаукал, следуя, видимо, Истахри: «И сообщил мне хатиб, что ночь у них в летнее время такова, что не хватает человеку времени, чтобы пройти два фарсаха, и я наблюдал правильность этого во время пребывания моего зимою у них, так как день был по величине таков, что мы могли совершить четыре намаза, каждый намаз вслед за другим с рик'атом между азаном и малой икамой» [10, с. 42]. Сообщают об этом феномене практически все средневековые источники, особенно типа «Чудеса мира», описывающие страны «седьмого климата».

Осознание проблемы связано не в последнюю очередь в связи с тем, что создала правовую коллизию, которая требовала богословского осмысления и правового решения. Существует предание, что для решения этой проблемы было найдено некое правовое решение – то есть то положение, которое существовало еще во времена, которые застал Ибн Фадлан в 922 г., ночная молитва в особых условиях была отменена. Еще более серьезной проблемой, видимо, стало такое положение, когда священный месяц рамазан приходился на июнь и «белые ночи» не позволяли принимать пищу и держать уразу. Это, очевидно, должно было стать серьезной проблемой. Мы не знаем какими законодческими принципами руководствовались авторы этого законоустановления, как они обосновывали его и как оно реально действовало. Думается, что это может быть решено, когда нас станут доступны богословские труды из Улуса Джучи, сохранившиеся в книгохранилищах Ближнего Востока и Северной Африки, прежде всего Каира. Но и сейчас в нашем распоряжении есть некоторые факты, которые позволяют говорить о том, что были сделаны необходимые законодческие новации. Это явно свидетельствует, что эти сложные проблемы привели к возникновению булгарской богословской школы, а ее решения были реальностью.

Некоторые сведения об этом приводит также Ш. Марджани (1818–1889): «Наджм ад-Дин аз-Захиди, комментируя «Мухтасар ал-Кудури», передает от своего учителя Фахр ад-Дина Бади ибн ал-Мансур ал-Казини следующее: «До нас дошло о том, что жители Булгара спросили решение по поводу ночной молитвы у шейха Сайф ас-сунна ал-Баккали. Они заявили: «В нашей стране летом в длинные дни не гаснет вечерняя заря, не наступает время для ночной молитвы. Обязательная ли на нас ночная молитва при таком положении?» Тот [Баккали] дал фетву: «Раз не наступает время, то для вас отпадает [необходимость отправлять] ночную молитву». Это известие дошло до Шамс ал-имама ал-Халвайи, [живущего] в Бухаре. Тот, считая совершенно невозможным, чтобы [Баккали] дал такую фетву, послал одного из своих учеников в Хорезм. Он велел, чтобы тот спросил об упомянутой фетве Баккали перед всеми [жителями] Хорезма, великими и малыми, и показал бы ошибку [Баккали, сказав]: «Не являются ли неверным тот, кто отрицает одну из пяти молитв, то есть тот, кто считает [ее] необязательной?»». Ученик, отправившись в Хорезм, спросил об этом у Баккали. В ответ Шейх Баккали, задал вопросы о том, сколько раз может проводить тахарат (ритуальное омовение) человек без рук. Ученик вынужден был признать, что есть условия, которые служат препятствием для строгого выполнения обрядов. «Баккали сказал: «Также обстоит дело и в вопросе об этой [ночной] молитве». Ученик Халвайи рассказал об этом ответе Баккали, [Халвайи] весьма одобрил [его] и счел удачным» [Цит. по: 40, с. 175; 25, с. 87–88].

Ссылка на эту фетву сохранилась в сочинении известного географа из Хорезма Мухаммеда ибн Наджиб Бакрана «Джахан-наме» (начало XIII в.), очевидно знакомого с ситуацией в Булгарии. Он, в частности, сообщал о фетве по поводу пятой молитвы: «Если пройти близко к северным пределам от Болгара, то там имеется город, который называется Сувар, я видел его неясно. Там ночи такие

[короткие], что человек [за ночь] проходит один фарсах. Я слышал, что в те годы из северных пределов в Хорасан принесли фетву: «Мы – народ, до которого дошел ислам, мы [его] приняли». В тот год рамазан приходился летом. Они сообщили: Мы не можем отправлять молитву тараих по той причине, что прежде, чем закончить молитву тараих, наступает утро, начинается день» [3, с. 58; Также см.: 10, с. 43–44].

Отрывочное и смутное, но яркое свидетельство о некоторой особенности ритуальной практики у болгар сохранилось у Ибн Са'ида ал-Магриби «Китаб баст ал-ард фи-т-тул ал-ард / Книга распространения Земли в длину и ширину» (1270-е – 1280-е гг.), который сообщал, говоря о Поволжье: «Жители этих областей, простирающихся далеко на север, не показываются в кратеон дневное время: они совершают молитвы одну за другой из-за краткости дня» [21, с. 32].

В этом сочинении также указывается без упоминания автора фетвы о законности некоторых изменений в ритуальной практике болгар, вызванных географическими условиями их обитания. По справедливому замечанию востоковеда М.А. Салахетдиновой сложные природно-географические условия могли запустить процессы активизации богословской мысли и при отсутствии необходимых правовых оснований в Коране и Сунне, а также в *иджме* (установленной практикой согласия верующих), болгарским богословам пришлось решить вопрос, опираясь на четвертый «корень» мусульманского законоведения, т.е. на *киясу* – решение по аналогии, даваемое в тех случаях, когда по какому-либо вопросу нет указания в Коране и Сунне [40, с. 176–177]. При этом автором такой фетвы обязательно должен быть имам, известный в мусульманском мире. Это мог быть какой-то авторитетный болгарский богослов, а только позже он мог быть в мусульманском мире отождествлен с известным богословом XII в. Абу-л-Фазлом Баккали. Очевидно, что такая неординарная ритуальная практика является одним из ярких свидетельств существования болгарской богословской мысли и ритуальной практики.

Следует сказать, эта практика продолжалась вплоть до XIX в., показывая преемственность болгарского правоведения и богословия с татарским. Только в начале XIX в. А. Курсави, а затем и Ш. Марджани стали резко вступать против этой традиции, считая ее отсталой и не соответствующей Корану и Сунне. Марджани утверждал, что «Этот риваят часто передается от более поздних ученых, на основе него многие люди, заблуждаясь, отставляют ночную молитву и не совершают ее» [25, с. 88]. Он подвергал критике исторические основания этой легенды и резко критиковал ее последователей обвиняя в косности и традиционализме, тем самым прекратив ее практику.

Однако, это не мешает считать ее очень важной для становления болгарского ислама, превращения его из религии чуждой в живую традицию, способную реагировать на запросы верующих и создавать богословские обоснования сложных проблем, а также претворять их в жизнь, используя силу государства.

Единая система духовенства (*улама*), которая трактовала некоторые вопросы права и ритуальной практики в соответствии с выработанными традициями, причем, несомненно, опиралась в этом на светскую власть. Соответственно именно эта традиция преподавалась в медресе и воспроизводилась, сохраняя преемственность и стабильность нормам мусульманского права на протяжении более чем двух веков, о чем свидетельствуют болгарские погребальные памятники X – первой трети XIII в. Ортодоксальность погребального обряда болгар, возможно, связана с их представлениями о своей «избранности», вследствие «пограничности» своего положения на краю обитаемой ойкумены и на северной границе исламского мира. Вполне возможно, что этим объяснялась их непримиримость в отношении язычников и язычества. Так бы то ни было, но каноничность и единообразие погребального обряда на всей территории государства свидетельствует о силе религиозных норм, которые явно поддерживались не только авторитетом государства, но и определенно насаждались в обществе. Несомненно, что это во многом способствовало быстрому и бесследному «растворению» в котле своего этноконфессионального сознания небольших групп переселенцев из соседних регионов.

Только после монгольского нашествия, в условиях распада Булгарии на отдельные эмираты и слома прежней единой системы *уламы* и духовного образования происходит процесс размывания, сглаживания строгих норм болгарской ортодоксии. Изменения в погребальном обряде, становящиеся менее ортодоксальным и более «народным», включающим новые элементы обрядности в золотоордынский период связаны, очевидно, с переменами в самой религиозной практике. К таким изменениям можно отнести более вариативное положение костяка (при соблюдении кыблы), появление в мусульманских погребениях вещей (украшения, керамическая посуда, бытовые предметы), измене-

ния в устройстве могильных ям (отсутствие гробов, распространение ляхда) и начало практики установления каменных надгробий с эпитафиями.

Таким образом, Булгария начала знакомится с исламом в начале-середине IX в., а в начале X в. становится средневековым государством с исламом в качестве официальной религии. Одновременно ислам проникает в самые широкие слои болгарского общества и уже с конца X в. мусульманский погребальный обряд и другие нормы ислама (запрет на употребление в пищу свинины и т.д.) безраздельно господствуют в народной среде. Есть основания полагать, что ислам в Булгарии, учитывая ее пограничное положение на «краю исламской ойкумены», был более ортодоксальным и строгим, чем в ряде других стран ислама. На этом фоне развивалась своеобразная культура и декоративно-прикладное искусство болгар, как сочетание тюркских и восточных традиций и шло формирование единой этнополитической общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Е.Г., Петренко А.Г. Древние млекопитающие по материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 137–189.
2. Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1913. 386 с.
3. Бакран Мухаммад ибн Наджиб. Джахан-наме (Книга о мире). Издание текста, введение и указатели Ю.Е. Борщевского. М.: Наука, ГРВЛ, 1960. 166 с.
4. Бартольд В.В. Введение к изданию «Худуд ал-алам» // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1973. С. 504–545.
5. Бируни А. Памятники минувших поколений // Бируни Абу Райхан. Избранные произведения. Ташкент: ФАН УзССР, 1957. 516 с.
6. Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. (VII – середина XIII в.). М.: Наука, 1984. 344 с.
7. аль-Бухари Мухаммад. Аль-джамий' ас-Сахих / Достоверные предания из жизни Пророка Мухаммада. Пер. с араб., прим. и указатели А. Нирша. М.: Ummah, 2004. 959 с.
8. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. II. Записки Московского археологического института. 1913. Т. 18. 308 с.
9. Греков Б.Д. Волжские болгары в IX–X веках // Исторические записки. 1945. №14. С. 3–37.
10. Захедер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1967. 213 с.
11. Зиливинская Э.Д. Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии // Советская археология. 1989. №4. С. 223–234.
12. Измайлов И.Л. Средневековые болгары: этнополитические и этноконфессиональные аспекты идентификации // Диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. Вып. 2 / под ред. А.А. Бурханова. Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. С. 93–119.
13. Измайлов И.Л. Мусульманин на пороге вечности: представления о смерти и особенностях джаназы в Волжской Булгарии // Минбар. 2008. Вып. 1. С. 4–41.
14. Измайлов И.Л. Предметы мусульманского культа в археологической культуре Волжской Булгарии // Наследие ислама в музеях России: пространственные границы и образы. Отв. ред. Г.Р. Назипова. Казань: РИЦ «Школа», 2009. С. 47–56.
15. Измайлов И.Л. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. 2016. № 2(16). С. 68–92.
16. Казаков Е.П. Знаки и письмо ранней Волжской Булгарии по археологическим данным // Советская археология. 1985. №4. С. 178–185.
17. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.
18. Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 484 с.
19. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского ГУ, 1956. 256 с.
20. Ковалевский А.П. Чуваша и болгары по данным Ахмеда Ибн Фадлана. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1954. 64 с.
21. Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, коммент. М.: ВЛ, 2009. 223 с.
22. Кочкина А.Ф. Причерноморско-средиземноморские связи Волжской Булгарии в X–XIII вв. // Международные торговые пути и города Волжской Булгарии IX–XIII вв. Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 132–139.
23. Кулешов Вяч.С. Книга Ахмада Ибн Фадлана. Перевод с араб. и прим. В.С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: ИД Марджани, 2016. С. 15–43.

24. Лучицкая С.И. Араб глазами франка (Конфессиональный аспект восприятия мусульманской культуры) // Одиссей. Человек в истории. 1993. М.: Наука, 1994. С. 19–37.
25. Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Часть I. / Пер. со старотатарского яз. Р.К. Адыгамова. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. 255 с.
26. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
27. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 263 с.
28. О посте, к невежам // Красноречие Древней Руси. (XI–XVII вв.). М.: Художественная литература, 1987. С. 128–131.
29. Петренко А.Г. Изучение костных остатков животных из раскопок Билярского городища в 1967–1971 гг. // Исследования Великого города. Отв. ред. А.Х. Халиков. М., 1976. С. 228–239.
30. Петренко А.Г. Билярские остеологические материалы из раскопок 1974–1977 гг. // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1979. С. 124–138.
31. Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. 174 с.
32. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 514 с.
33. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
34. ПСРЛ. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
35. ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Наука, 1965. 504 с.
36. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу 1131–1153 гг. Пер. с арабского, вступ. статья и примеч. О. Г. Большакова, историч. коммент. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1971. 137 с.
37. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.
38. Руденко К.А. К вопросу о взаимодействии булгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII – XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica. 1998. 1(2). С. 15–29.
39. Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 36–66.
40. Салахетдинова М.А. Путешествие Ибн Фадлана и один мусульманский обряд у волжских булгар // Страны и народы Востока. Вып. XXVIII. СПб., 1994. С. 173–178.
41. Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери // Общество любителей древней письменности. 1878. Вып. XXX. 43 с.
42. Халиков А.Х. Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 11–20.
43. Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 21–45.
44. Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С. 113–168.
45. Халикова Е.А. IV Билярский некрополь // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 114–118.
46. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.
47. Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгаргах, мадьярах, славянах и русских Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста. СПб., 1869. 212 с.
48. Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. 272 с.
49. Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра – Булгара. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 223 с.
50. Хузин Ф.Ш. О распространении ислама среди булгар (по археологическим источникам) // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып.2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во Школа, 2010. С. 59–64.
51. Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. 2013. С. 214–221.
52. Шарифуллин Р.Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 65–82.
53. Шарифуллин Р.Ф. Второе кирпичное здание в центре Биляра // Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999. С. 77–89.
54. Шифман И.Ш. О некоторых установлениях раннего ислама // Ислам. Религия, общество, государство. Отв. ред. П.А. Грязневич, С.М. Прозоров. М.: Наука, 1984. С. 36–43.
55. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1877. 611 с.
56. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Л.: Наука, 1987. 236 с.

Сведения об авторе: Искандер Лерунович Измайлов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

ON THE EDGE OF THE “SEA OF DARKNESS”: SPREAD OF THE ISLAM IN THE VOLGA BULGARIA IN THE 10th – THE FIRST THIRD OF THE 13th CENTURY

I.L. Izmailov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

The problem of the origin and spread of Islam in the Middle Volga region has long attracted the attention of researchers. Bulgaria became the first Turkic state to adopt Islam and the northernmost country of the Muslim world. The stories about the appearance and spread of Islam in the Middle Volga region have been attracting researchers' attention for over two hundred years. This article analyzes a complex of historical and archaeological materials that allow us to judge the wide spread of Islam in Volga Bulgaria already from the turn of the 10th–11th centuries. All of this suggests that there was no significant pagan population inside the country. The overwhelming majority of the country's population was Muslim, and the religious practice and adherence to religious prohibitions were not formal but rather strict, and apparently controlled by the state. This established fact leads to a different reconstruction of the ethnocultural processes in the Volga region during the Middle Ages.

Keywords: archaeology, history, Volga Bulgaria, Islam, medieval Muslim city, diplomatic relations in the Middle Ages, burial rites, religious prohibitions.

About the author: Iskander L. Izmailov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2165-2916. E-mail: ismail@inbox.ru

ТОРЕВТИКА ИСЛАМСКОГО МИРА И ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И БУЛГАРСКОЙ ОБЛАСТИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

К.А. Руденко

Казанский государственный институт культуры

Государство Волжская Булгария, расположенное на пересечении крупнейших водных торговых магистралей Европы – рек Волги и Камы, на протяжении нескольких столетий, начиная с X в. было связующим звеном между мусульманским Востоком и христианским Западом. Через нее шел поток товаров, в том числе и художественных изделий из металла. После монгольского нашествия, уже в составе Золотой Орды, эта тенденция сохранилась, только внешняя булгарская торговля стала внутренней, например, из Хорезма на Среднюю Волгу.

Цель статьи: изучить проблему влияния тореvтики мусульманских стран на художественную культуру, в первую очередь изделия из металла, Волжской Булгарии и Булгарской области Золотой Орды.

Материалами исследования стали коллекции артефактов, полученные со средневековых археологических памятников, в основном на территории современной Республики Татарстан. Это Булгарское и Билярское городища, которые являлись крупными городами в X–XIV веках. Практически все эти находки хранятся в музеях Татарстана, прежде всего в Национальном музее в Казани, а также в фондах Булгарского государственного музея-заповедника и Билярского государственного музея-заповедника. Ряд находок хранится в Государственном Эрмитаже и Национальном музее Республики Марий Эл. Они опубликованы. Привлечены также находки из раскопок древнемарийских могильников X–XI вв. проводившиеся в начале XXI века под руководством Т.Б. Никитиной.

Данное исследование в таких хронологических рамках и с привлечением новых материалов из раскопок проводится впервые. Автор утверждает, что основным источником экспорта предметов тореvтики в X–XIV вв. был Иран и Хорасан. В XI веке определенную роль играли Египет и Сирия периода правления Фатимидов. В XIV в. ряд импортов шел из Египта во время правления мамлюкской династии. В основном, происходило копирование как форм, так и дизайна привозных изделий, а также перенос отдельных орнаментальных мотивов на местные изделия, иногда, с заимствованием технологических приемов. Это было характерно для булгарских городских ремесленников.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Золотая Орда, Булгар, Биляр, тореvтика, Иран, торговля, чаши из белой бронзы, инкрустация, чернение

Введение

Государство Волжская Булгария, возникшее в X в., на протяжении почти трех веков выступало посредником и перевалочным пунктом разнообразных товаров и монетного металла между мусульманским Востоком и христианским Западом, одновременно аккумулируя в своих городах мировые тренды средневековой художественной культуры и технологий. Притягательность Среднего Поволжья для торгового и культурного обмена сохранилась и в Золотой Орде, частью которой стали булгарские земли после монгольских завоеваний. Особое отношение к мусульманской художественной культуре в столице Булгарского улуса – городе Булгаре во второй половине XIII–XIV вв. отразилось в широком диапазоне ремесленных изделий – от керамики до филигранных украшений.

Начало этому процессу положило принятие ислама волжскими булгарами в X в., что сделало доступным для населения Среднего Поволжья высокие достижения искусства и науки (эти области в то время были чрезвычайно близки) мусульманских стран. Это отмечали многие ученые, изучавшие в XX в. историю и культуру Волжской Булгарии.

К началу XXI в. существенно расширился круг источников по этому вопросу, прежде всего за счет масштабных археологических исследований в Волго-Камье во второй половине XX в., углубленного изучения музейных коллекций (Национальный музей РТ, Государственный Эрмитаж, Билярский и Болгарский музеи-заповедники), а также публикаций как отечественных, так и зарубежных ученых. Особое внимание специалистов привлекали уникальные произведения тореvтики, например, орнаментированные чаши из белой бронзы, открытые при раскопках Т.Б. Никитиной в Марийском Поволжье в 1990-х – 2010-х гг. [5, с. 293, ил. 106, 423].

Материалы и методы

Нами были исследовано 32 экземпляра различных художественных изделий из бронзы из фондов Национального музея РТ, Болгарского и Билярского музеев-заповедников. Так же были привлечены опубликованные находки предметов исламской торевтики с Болгарского городища: 11 целых и в фрагментах изделий XIII–XIV вв. из собраний Государственного Эрмитажа и ГИМа. Художественные чаши из «белой бронзы», которых из Волго-Уральского региона на сегодняшний день известно более 20 экземпляров, изучалась нами в Музее археологии института археологии АН РТ (материалы Е.А. Беговатова и Е.П. Казакова), Национальном музее Республики Марий Эл (раскопки Г.А. Архипова и Т.Б. Никитиной), археологическом музее Уральского университета, археологическом собрании фонда им. Ш. Марджани (г. Москва) и в частных коллекциях. С чашами этого типа из Салехардского музея (3 экз.) нам удалось познакомиться на выставке в Казанском кремле летом 2022 г. Обширное собрание металлических зеркал, насчитывающее более 600 экз., преимущественно ордынского времени, было изучено нами в фондах Национального музея Татарстана и Болгарского музея-заповедника. В ходе данного исследования использовались: метод аналогий, сравнительный анализ, типологический метод, который с применением датировки по стратиграфии и вещевым комплексам из средневековых погребений Марийского Поволжья, позволил уточнить время поступления мусульманских художественных изделий на Среднюю Волгу.

Результаты

С X и до середины XI в. на Среднюю Волгу завозились партии художественных изделий из сплавов цветных металлов, как правило из высокооловянистой бронзы. Они изготавливались в различных ремесленных центрах и мастерских в Центральной Азии и Иране [22]. Экспортировались, прежде всего парадные чаши из «белой бронзы», выполненные холодной ковкой по литой заготовке с гравированным орнаментом на внутренней стороне изделия, которые, через булгар распространялись по региону, в первую очередь, на Оку и Ветлугу к ближайшим соседям булгар – марийцам и мордве [30, p. 123–151; 35, p. 299–308]. Некоторые из них оказались в составе кладов в Волжской Булгарии (Семеновский вещевой клад), Фрагмент такой чаши известен с Измерского I селища. Параллельно с ними в Волжскую Булгарию попадали литые бронзовые чаши, орнаментированные с обеих сторон (сохранились два фрагмента с Измерского селища и один с Билярского городища) [5, с. 132, рис. 20: 2; 14, p. 102–106, fig. 79;84; 19, pl. 6: 16,17]. В обоих случаях основной элемент дизайна – мелкие кружочки с точкой в центре. Часть этих чаш, близка к хронологической группе 1б, по А.А. Иванову, датированной XI – началом XII в. [3, с. 33]. Интересна бронзовая чаша из Ульяновского Поволжья XI–XII вв., вероятно хорасанского производства, выполненная в другой художественной манере [5, с. 82, ил. 144].

Помимо чаш к этой группе импорта относятся и парадные бронзовые ковши, найденные в Биляре. Место производства их – Восточный Иран, возможно, Нишапур [30, p. 139, fig. 25]. Датировка этих ковшей определяется по серии других предметов торевтики – бронзовых кувшинов, украшенных круглыми вдавлениями (как и на билярских ковшах), в том числе подписанных, последние были изготовлены мастером Ахмадом в XI в. [3, с. 37–39, ил. 14]. Так же в Биляре была найдена часть бронзовой шарнирной ложки (НМ РТ, инв. №5427), выполненной по образцам парадных ложек с черным декором, изготавливавшихся в Иране и Афганистане в XII – начале XIII в. [17, p. 117–118, cat. 45,46]. Стоит отметить, что именно в материалах Нишапура встречены аналогии многим изделиям, обнаруженным на Билярском городище и в Болгарах [12, p. 75, 88, 89, cat. 80, 107, 174].

У восточноиранских мастеров булгары заимствовали характерные для исламской торевтики орнаменты из мелких кружочков, который с конца XI в. прослеживается не только на местных бронзовых изделиях, но и на железных (пряжки, накладки). Исламские орнаментальные мотивы стали основой дизайна болгарских штампованных медных накладок. Они изготавливались с помощью бронзовых матриц с негативами рисунков. Такие матрицы в достаточно большом количестве встречены в крупных болгарских городах, таких как Булгар и Биляр, а также на некоторых сельских поселениях с развитым ремеслом, например, Измерском I селище.

Не только приемы орнаментации перенимали болгарские торевты. Привлекали их и формы изделий, художественные образы, стилистика и семантика. В этой связи стоит отметить, иранские бронзовые курильницы XI в., изготовленные в виде львов и бронзовые сосуды в виде фантастических животных, например, грифонов [31, p. 118, 120; 36, p. 221, cat. 170; 9, cat. 18]. Характерно, что образ грифона получил популярность в декоративном искусстве Ирана в XI–XII вв. не только в художест-

венном металле, но и, например, в резном штурге, а также в мелкой металлической пластике [16, р. 241, cat. 152, fig. 97]. К последней можно отнести навесные бронзовые замочки, соединивших в себе образы грифона и льва. Эти поделки стали образцами для подражаний болгарских бронзолитейщиков в XII – начале XIII в., но уже с новой семантикой [5, с. 290, ил. 410].

Если бронзовые зооморфные курильницы в болгарских древностях не известны, но фрагменты бронзовых подставок под них, имеются среди находок из Билярска. Для них характерны литые бронзовые ножки в виде львиных лап, крепившиеся к краю широкого круглого или гексагонального в плане основания, иногда с фигурным краем, и высокий стержневидный ствол. Изготавливались такие подставки в Центральной Азии, Египте, Иране в основном в XI–XII вв.; более поздние подставки отличаются формой и дизайном [14, р. 15–17, fig. 6,7,8]. В болгарских материалах XI–XII вв. встречаются литые бронзовые светильники с открытым или закрытым носиком, формы которых были аналогичны иранским прототипам X–XI вв. [14, р. 22, 23, fig. 13].

В первой половине XI в. в Болгарии началось производство золотых и серебряных ювелирных украшений в скано-зерновой технике [4, с. 82–84; он же, 5, с. 142–175]. Болгарские ювелиры в изготовлении височных филигранных подвесок применяли технологические приемы и ряд композиционных решений аналогичных тем, что имеются в украшениях, производившихся в Египте, Сирии и Иране в X–XI вв. [11, р. 72–73, cat. 60,61; 36, р. 204, 205, cat. 133,134; 25, р. 118, 119]. Особенно примечательны образы птиц, использовавшиеся болгарскими ювелирами в дизайне золотых филигранных изделий, так и черненных серебряных перстней, отражавшие как философско-религиозные исламские концепции, так и мусульманскую литературно-художественную традицию [4, с. 129–131; 5, с. 62, 63, рис. 10: 10–15; 10]. Некоторые декоративные элементы, например, рисунки на боковых плоскостях щитков черневых перстней в виде крина или сердцевидных фигур были заимствованы у перстней XI в. египетского или сирийского производства [36, р. 156, cat. 77].

Производство филигранных изделий, как и черневое дело, стали у болгар распространенным, можно сказать, традиционным ремеслом, приобретая черты местной индивидуальности, но при сохранении знаковых черт мусульманской семантики [4, с. 164]. Так, среди болгарских изделий с чернью отметим серебряную капторгу (реликварий), находившуюся в составе Спасского клада 1869 г. [5, с. 66, рис. 115]. Датируется она XI–XII вв. Судя по сохранившейся матрице для изготовления таких изделий, капторга, скорее всего, была местного производства. Она имеет аналогии в ювелирных изделиях Ирана X–XII вв. [36, р. 250, cat. 210]. В одну функциональную группу с вышеописанной капторгой входят и миниатюрные серебряные коробочки-подвески (амулетницы) с черневыми узорами болгарского производства, датированные XI–XII вв. [5, с. 382, 383, cat. 80–83]. По форме эти коробочки-подвески близки крупным бронзовым амулетам с надписями и изображениями, изготовленных в Иране или Анатолии в XII в. [17, р. 211, cat. 128]. В ордынское время в Булгаре изготавливались аналогичные коробочки-подвески, но вместо черневого декора у них были сканые узоры и вставки.

Эту ситуацию можно распространить и на болгарское бронзолитейное дело, поскольку в ассортименте производимых в Волжской Болгарии изделий имеются предметы, скопированные с импортных поделок, например, бронзовые печатки со стилизованными арабскими надписями, выполненные по центральноазиатским образцам [17, р. 276, cat. 178].

В XII в. из мусульманских государств Центральной Азии к болгарам попадали бронзовые подсвечники, светильники, курильницы, ступки, чаши [5, с. 73, ил. 125]. Часть из них была инкрустирована медью и серебром, как, например, чаша из Булгара, изготовленная в Мавераннахре или Хорасане в XII – начале XIII в. [5, с. 488, cat. 373]. Эти предметы роскоши имели хождение только в болгарских городах и практически не оказали влияния на болгарское ремесло. Имеется небольшое число местных копий этих изделий. Тоже можно сказать и о металлических зеркалах с ручкой, с изображением пары сфинксов, единичные находки которых встречены в Болгарии в домонгольское время. Несмотря на широкую распространенность в исламских странах [34, р. 75, 181, ill. 184; 38, р. 30, ill. 18] у болгар эти зеркала ни в домонгольское, ни в ордынское время не пользовались популярностью. Не исключено, что здесь свою роль сыграл своеобразный сюжет, не имевший почвы в мировоззрении местного населения. Хотя в композиции из парных сфинксов безусловно имелся мусульманский контекст, что показано в исследовании Евы Баер (E. Baer), но это сочеталось с восприятием их и как амулетов или талисманов [13; 17, р. 247, cat. 157a,b]. В какой-то мере, это подтверждается и находкой фрагмента от такого зеркала, найденного в Булгаре, на котором сохранились только головы сфинксов.

Из Ирана в XI–XII вв. в Болгарию, вероятно, привозились парадные серебряные пояса с черневыми рисунками, литые копии которых изготавливались болгарскими ремесленниками [24, р. 145,

fig. 333, 334]. Реплики иранских парадных поясов широко распространялись в странах исламского мира [7, с. 283, рис. 53: 6, 10]. Не исключено, что вместе с оригиналами в Булгарию завозились и их центральноазиатские подражания. Из Мавераннахра и Анатолии в Булгарию поступали литые бронзовые ступки. Они найдены в Булгаре и Биляре. Причем, ступок XI в. с характерными мерлоновым декором в Булгарию не привозили [3, с. 41, ил. 17]. В Булгаре были найдены бронзовые граненые ступки XIII в. малоазиатского или западноиранского производства и, вероятно, их болгарские копии [5, с. 302, ил. 451].

Монгольская эпоха, принесла с собой во второй трети XIII в. целый пласт оригинальных артефактов, которые были привезены в Булгар из покоренных монголами стран и не встречались здесь в домонгольский период. В первую очередь это бронзовые инкрустированные чернильницы цилиндрической формы. В основном, они были изготовлены в Иране, чаще всего в Хорасане, в XII – начале XIII в., где, собственно и выработался тип цилиндрических чернильниц [14, p. 76–79, fig. 59; 117; 17, p. 273, cat. 174a; 9, cat. 29]. Одна из таких чернильниц была найдена у с. Кульбаева Мараса в 1899 г., а крышечка от другой – на Болгарском городище в начале 1980-х гг. [5, с. 335, 489, рис. 91: 3; cat. 374].

Из Ирана в Булгарский Улус попали и инкрустированные чаши с благопожелательными надписями, рисунками и изображениями рыбок на дне с внутренней стороны [5, с. 335, рис. 91: 1, 2; 19, Pl.13: 39, 40]. Некоторые фрагменты венчиков литых инкрустированных сосудов из Булгарского городища, возможно, принадлежали чашам с крышкой, изготавливавшихся в Герате во второй половине XII–XIII вв. [31, p. 135].

Бронзовые литые кубки или чаши на ножке, как их именуют в зарубежных исследованиях, встречаются в Поволжье редко [5, с. 338, 492, 493, рис. 96: 1; cat. 379, 380]. Датируются они концом XIII – началом XIV в. У них много аналогов в Иране, где они датированы, преимущественно XIII в.; в следующем столетии некоторые образцы этих артефактов имели пышный декор, включавший разнообразные композиции, в том числе и изображения музыкантов, танцоров и др. [19, p. 367, Pl. 1; 2: 8; 38, p. 94, ill. 73]. Более того, эта форма воспроизводилась в керамике в XIV в.; в качестве примера можно привести глазурованный кубок XIV в. из Каирского музея, отнесенный к правлению Мамлюков [32, p. 111, cat. 94].

Помимо этого, стоит отметить бронзовые чаши с носиком с анэпиграфным орнаментом [5, с. 337, рис. 95]. Известны их прототипы, изготовленные в XII в. из серебра иранскими мастерами. В монгольское время такие изделия производились во многих мусульманских странах, например, Египте в XIV–XV вв. но уже из бронзы; при этом, форма чаш имела разные варианты [14, p. 119, fig. 96, 97; 38, p. 115, ill. 91]. Чаши с носиком изготавливались в Булгаре в XIV в. и до начала XV в.

В период расцвета Золотой Орды, в первой половине XIV в. поток предметов из мусульманских стран: Ирана, Египта, Хорезма в Булгар усилился. Он был ориентирован преимущественно, на элиту общества. Часть изделий приобреталась для оформления интерьеров культовых построек. Это парадные бронзовые литые котелки, чаши с сюжетными композициями, тазы, подсвечники, связанные с церемониями гостеприимства, а также предназначенные для мечетей и дворцов.

Любопытна концентрация в Булгаре и Булгарской области (находки в д. Айбаш и в Болгарах) литых парадных бронзовых котелков с инкрустацией [5, с. 300, 336, рис. 93, 94, ил. 447]. Их стали изготавливать во второй половине XII в. в Хорасане, что подтверждают подписанные изделия 60-х гг. XII в. из Герата [31, p. 136; 9, cat. 30, 31]. Булгарские находки изготовлены уже в XIV в. и, вероятно, входят в группу южно-иранских изделий (ширазских?), о чем позволяет судить котелок мастера Мухаммада-шаха аш-Ширази, с датой 1333 г. из эрмитажной коллекции [9, cat. 51]. Не исключено, что с этими котелками в Булгар привозились и котелки открытого типа с ножками и вертикальными ручками, как, например, эрмитажный артефакт с именем Махмуда ибн Хасана ал-Казвини, датированный А.А. Ивановым второй половиной XIV в. [23, p. 483, fig. LXXVIII].

Популярностью пользовались напольные подсвечники, обычно инкрустированные серебром и медью. Они стандартны по форме и композиции декора, отличаясь, чаще всего, стилистикой изображений, как, например, сирийские или иракские подсвечники [14, p. 34–37, fig. 24–27; 31, p. 137]. В Булгаре имели хождение импортные изделия иранского или сиро-египетского производства XIII в. с сюжетными композициями [5, с. 335, 491, рис. 92, cat. 378]. Судя по всему, в Булгар они стали поступать не ранее конца XIII в. Но более распространенными были бронзовые подсвечники местного изготовления без орнамента, отдельные элементы конструкции которых аналогичны египетским изделиям начала XIV в. [32, p. 98, 107, 142, 143, cat. 86; 91; 127].

В XIV в. в Булгар привозились и так называемые магические чаши, снаружи и изнутри покрытые гравированными надписями и знаками зодиака [5, с. 293, ил. 426, 427]. Такие чаши были широко распространены в мусульманских странах в XII – XIV вв., например, в Египте и Сирии; среди них есть и изделия с датами, как, например, чаша из коллекции Насера Д. Халили (Nasser D. Khalili), изготовленная в Дамаске в 565 г. х. (1169/70) [32, p. 131, cat. 119; 16, p. 212, cat. 129].

К ордынскому времени относится довольно большой пласт украшений из золота и серебра, нередко с инкрустацией драгоценными камнями. В этой сфере экспорт ювелирных изделий из мусульманских стран в Булгар был значительным. Выделяется группа золотых перстней со вставками из драгоценных и полудрагоценных камней, найденных в Булгаре [5, 241, рис. 39: 2–5]. Они были произведены в Иране в XIII–XIV вв., при этом наиболее распространенные их типы бытовали с XII в. [17, p. 102, cat. 30]. По утверждению Персис Берлекампа (Persis Berlekamp), такие артефакты использовались не только и не столько как украшения, а в большей степени в качестве амулетов или талисманов [15, p. 136, fig. 70]. Причем некоторые технологические приемы, которые применялись иранскими златокузнецами, например, филигранная конструкция в виде ажурной гексагональной сетки в сочетании с зернью и сканью, возможно использовались и в Булгаре местными ювелирами [21, p. 131; 36, p. 211, cat. 148].

Среди населения Булгарской области Золотой Орды были распространены такие предметы бытового назначения, как, например, металлические зеркала, латунные чаши, часть ювелирных изделий. Среди последних – серебряные браслеты с цветочным орнаментом и зооморфными окончаниями в виде стилизованных личин львов или драконов. Последние представлены большой серией серебряных и бронзовых браслетов, изготовлявшихся в Булгаре в XIV в. [6, с. 239–262]. Отметим, что образ дракона вместе с образом льва (нередко олицетворявший высшую светскую власть), стали популярными во многих мусульманских странах в XI–XV вв., приобретая оригинальные черты, отличные от европейской традиции, что показала в специальном исследовании Сара Куэн (S. Kuehn). [18, с. 159–165; 27]. Эти сюжеты создали в искусстве Ирана XIII–XIV вв. определенный художественный план, что отметила Юка Кадои (Y. Kadoi) [17, p. 55, fig. 34; 26]. Сам образ дракона воспринимался в исламском мире как астрологический или эсхатологический символ [18, p. 62]. В домонгольской Булгарии в декоративно-прикладном искусстве образ дракона практически отсутствовал, что контрастирует с эпохой Золотой Орды, когда он стал присутствовать в серийных изделиях, производившихся, вероятно, в Булгаре, например, таких как накладках на пояс.

В золотоордынский период в Булгарской области Золотой Орды широко распространились исламские бронзовые зеркала. Они аналогичны тем, что бытовали в Иране и Центральной Азии. Стальные зеркала, обычно атрибутируемые как анатолийские, в Булгарской области не встречены [17, p. 148, fig. 66]. Обычный сюжет на них – композиция из бегущих друг за другом по кругу животных, иногда сопровождавшаяся арабской благопожелательной надписью.

Обсуждение

Судя по имеющимся материалам, с X и до начала XV в. болгарские ремесленники тесно контактировали с мастерами-торевтами из стран мусульманского мира. Не исключено, что некоторые златокузнецы, литейщики и другие специалисты из Сирии, Ирана или Хорасана непосредственно работали в болгарских городах, особенно столичных. Такая практика была обычной в средневековом ремесле как Востока, так и Запада. Влияние исламской торевтики на болгарскую металлообработку и изготовление художественных изделий проявлялось в копировании форм шедевров мусульманских мастеров, предметов культового назначения, использовании ряда элементов дизайна, в том числе и арабграфичных благопожелательных или коранических надписей, а также в применении в художественной отделке ряда категорий предметов (серебряные перстни, коранницы и т.п.) особенных технологий, например, чернения. В силу объективных причин, болгарские ювелиры акцентировали внимание на дизайн изделий, чем на использование дополнительных элементов, например, инкрустации серебром или вставок из драгоценных камней. Пока нельзя однозначно утверждать о складывании собственного направления болгарской торевтики в IX–XI вв., поскольку основывается на спорной атрибуции нескольких серебряных чаш и блюдов из Зауралья, на которых имеются изображения и языческая символика [5, с. 82–88, 133, рис. 21, ил. 145–147, 152–157]. Находки из Волжской Булгарии этого периода свидетельствуют о достаточно последовательном следовании болгарскими ремесленниками, начиная с X в. канонам исламского искусства. Источником этого выступали разнообразные категории привозных изделий, как из больших

городских центров мусульманского Востока, например, Нишапура или Герата, так и из периферийных мастерских, откуда в Булгар могли приезжать и сами мастера.

Заключение

Таким образом, начиная с X в. исламские художественные изделия из металла, не только регулярно попадали на Среднюю Волгу, к булгарам, но и являлись образцами для копирования, подражаний, а, в ряде случаев, становились толчком для создания собственно булгарских изделий. При этом, у булгарских торевтов какого-либо начального этапа, как это было на Ближнем Востоке, что блестяще показал в своем исследовании О. Грабар (O. Grabar), не было [20].

Эти артефакты маркируют особый слой потребителей – просвещенной булгарской знати и ордынской элиты. Можно сказать, что престижные сферы художественного производства у волжских булгар, а затем у населения Булгарского улуса, развивались в едином культурном пространстве с исламским миром, синхронизируясь с общими тенденциями функционирования и эволюции этой сферы искусства [1, с. 131–140].

Главным «поставщиком» изделий художественного металла с X до XV в. к булгарам был Иран, в первую очередь, Хорасан. Практически не поступали в Булгар изделия мосульской школы, обладавшие весьма выразительным художественным стилем. Только в ордынский период осуществлялся экспорт в Булгар изделий мамлюкских медников и ювелиров [33, р. 11–85]. Немного у булгар изделий, произведенных в Анатолии, во многом соединивших местные художественные традиции и инновационные импульсы в сельджукское время [18, с. 27–38]. Этот регион с полиэтничным населением, обладавшим богатым культурным наследием, отличался множественностью подходов к художественному творчеству [29, р. 265, 266]. Это же сказалось и в своеобразии исламских культурных форм в этом регионе [37, р. 9–28]. Анатолийские изделия очень редко копировались булгарскими мастерами, скорее всего из-за отсутствия спроса на оригиналы.

Сложные технологии, как в производстве, так и в декорировании, распространенные в металлообработке исламских стран, например, инкрустация серебром, у булгар, как в домонгольский, так и в ордынский период не были освоены [28, р. 90, 91; 38, р. 30–37]. Вместе с тем, чернение по серебру достигнув своего расцвета у булгар в XI–XII вв. медленно затухало после монгольского нашествия, но в ордынский период в XIV в. под влиянием иранских мастеров, вновь проявило себя. При этом, в последнем случае, была скопирована и техника нанесения орнамента, о чем можно судить по иранским золотым перстням XIII в. [25, р. 133].

Особенностью булгарского декоративно-прикладного искусства домонгольского времени было преобладание растительных мотивов. Геометризация рисунков в сочетании с растительными и цветочными мотивами, что типично для искусства стран ислама [2, с. 69–88; 8, с. 187–198], отчетливо проявилась в конце XIII–XIV вв., хотя и на небольшом количестве известных нам категорий артефактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буркхардт Т. Сакральное искусство Востока и Запада. Принципы и методы / Пер. с англ. Н.П. Локман. М.: Алатай, 1999. 216 с.
2. Буркхардт Т. Искусство ислама. Язык и значение / Пер. с англ. Н.П. Локман. Таганрог: Ирби, 2009. 288 с.
3. Иванов А.А. Бронзовое блюдо XI века из Мавераннахра // Сообщения Государственного Эрмитажа. 2014. Т. LXXII. С. 25–44.
4. Руденко К.А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. Казань: Заман, 2011. 256 с.
5. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
6. Руденко К.А. Золотые и серебряные браслеты XIII–XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева / ред. М.Е. Ткачук, Г.Г. Атанасов. Кишинёв: Stratum+, 2019а. С. 239–262.
7. Самгулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011. 436 с.
8. Стародуб Т.Х. Исламский мир. Художественная культура VII–XVII веков: архитектура, изображение, орнамент, каллиграфия. М.: Восточ. лит-ра, 2010. 255 с.
9. Шедевры исламского искусства в Эрмитаже СССР. Каталог выставки / ред. А.А. Иванов. Кувейт: Dār al-Āthār Al-Islāmiyyah, 1990. 200 с.
10. 'Aṭṭār Farīdu'd-Dīn The Speech of the Birds. Concerning Migration to the Real. The Maṭīqu'ṭ-Ṭair. Transl. by P.W. Avery. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2012. 560 p.

11. Abbas M. *The Fatimids (969–1171). The Treasures of Islamic Art in the museums of Cairo*. Ed. by B. O’Kane. Cairo; New York: The American University in Cairo Press, 2006. pp. 47–92.
12. Allan W.J. *Nishapur: Metalwork of the Earle Islamic Period*. New York: Metropolitan Museum of Art, 1982. 120 p.
13. Baer E. *Sphinxes and Harpies in Medieval Islamic Art: An Iconographical Study*. Jerusalem: The Israel Oriental Society, 1965. 109 p., LVI pl. (Series: Oriental Notes and Studies; 9).
14. Baer E. *Metalwork in Medieval Islamic Art*. New York: State University of New York Press, Albany, 1983. 372 p.
15. Berlekamp P. *Wonder, Image, and Cosmos in Medieval Islam*. New Haven; London: Yale University Press, 2011. 220 p.
16. Canby Sh.R. *Astrology, magic, and the World of Beasts. Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs*. Catalog exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 – July 2016. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2016. pp. 198–199.
17. Canby Sh.R., Beyazit D., Rugiadi M., Peacock A.C.S. *Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs*. Catalog exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 – July 2016. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2016. 366 p.
18. Daneshvari A. *Of Serpents and Dragons in Islamic Art. An Iconographical Study*. CA Costa Mesa: Mazda Publishers, 2011. 238 p. (Bibliotheca Iranica: Islamic Art and Architecture Series, no.13).
19. Ettinghausen R. The “Wade cup” in the Cleveland Museum of Art, its origin and decorations. *Ars Orientales*. 1957. Vol. II. pp. 327–379.
20. Grabar O. *The Formation of Islamic Art*. New Haven: Yale University Press, 1987. 232 p.
21. Helmecke G. *Jewelry in the Medieval Islamic World. 25 000 years of Jewelry from the collections of the Staatliche museen zu Berlin*. Ed. by M. Eichhorn-Johannsen, A. Rasche. Munich; London; New York: Prestel, 2013. pp. 130–175.
22. Ivanov A.A. *Central Asian metal work in the pre-Mongol period. The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires*. Ed. by V.S. Curtis, R. Hillenbrand, J.M. Rogers. London; New York: I. B. Tauris & BIPS, 1998. pp. 87–102.
23. Ivanov A.A. *Bronze cauldron with the name of Maḥmūd ibn...Al-Ḥasan (?) Al-Qazwīnī*. In: *Studi in Onore Di Umberto Scerrato per il suo settantacinquesimo compleanno. A cura di Maria Vittoria Fontana e Brunj Gento*. Napoli, 2003. pp.479–484 (Istituto italiano per L’Africa e L’Oriente. Series Minor LXV).
24. *Jewelry, 7 000 years: an international history and illustrated survey from the collection of the British Museum*. Ed. by H. Tait. New York: Abradale Press, 1991. 255 p.
25. *Jewelry, 25 000 years of Jewelry from the collections of the Staatliche museen zu Berlin*. Ed. by M. Eichhorn-johannsen, A.Rasche. Munich; London; New York: Prestel, 2013. 384 p.
26. Kadoi Y. *Islamic Chinoiserie: The Art of Mongol Iran (Edinburgh Studies in Islamic Art)*. Edinburgh University Pres, 2009. 320 p.
27. Kuehn S. *The dragon in medieval East Christian and Islamic art*. Leiden-Boston: Brill, 2011. 298 p., ill. (Islamic history and civilization: studies and texts; vol.86).
28. La Nice S. *Medieval Islamic Metal Technology. Scientific Rsearch in the Field of Asian Art: Proceeding of the First Forbes Symposium at the Freer Gallery of Art*. Ed. by P. Jett. London: Archetype Publ. Ltd., 2003. pp. 90–96.
29. Leiser G. *Conclusion: Research on the Seljuks of Anatolia. Some Comments on State of the Art*. In: *The Seljuks of Anatolia: Court and Society in the Medieval Middle East*. Ed. by A.C.S. Peacock and Sara Nur Yildiz. London; New York: I.B. TAURIS, 2015. pp. 264–275.
30. Melikian-Chirvani A.S. *The White Bronzes of Early Islamic Iran*. *Metropolitan Museum Journal*. 1974. Vol. 9. pp. 123–151.
31. Migeon G., Saladin H. *Art of Islam*. New York: Parkstone Press International, 2009. 256 p.
32. O’Kane B. *The Ayyubids and Early Mamluks. The Treasures of Islamic Art in the museums of Cairo*. Ed. by B. O’Kane. Cairo-New York: The American University in Cairo Press, 2006. pp. 93–162.
33. Raby J. *The Principle of Parsimony and the Problem of the ‘Mosul School of Metalwork’*. *Metalwork and material culture in the Islamic world: Art, Craft and Text*. Ed. by Y. Porter, M. Rosser-Owen. London; New York: I.B. TAURIS, 2012. pp. 11–85.
34. Rice D.T. *Islamic Art*. New York; Washington: F.A. Praeger Publ., 1965. 288 p.
35. Rudenko K. *Metal ware of the finno-ugric peoples of eastern Europe and the Transurals*. *Historia Fenno-Ugrica I.2. Congressus primus historiae fenno-ugricae*. Oulu, 1996. pp.299–308.
36. Spink M., Ogden J. *The Art of adornment. Jewellery of the Islamic Lands. Part One*. London: New Foundation, 2013. 372 p. (The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XVII).
37. Vásáry I. *Two Patterns of Acculturation to Islam: The Qarakhanids versus the Ghaznavids and Seljuqs. The Age of the Seljuqs*. Ed. by E. Herzig & S. Stewart. London; New York: I.B. TAURIS, 2015. pp. 9–28 (The Idea of Iran Vol. VI).
38. Ward R. *Islamic metalwork*. London: British Museum Press, 1993. 130 p.

Сведения об авторе: Константин Александрович Руденко – доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4067-9287. E-mail: murziha@mail.ru

TOREUTICS OF THE ISLAMIC WORLD AND THE FORMATION OF THE ARTISTIC CULTURE OF THE VOLGA BULGARIA AND THE BULGAR ULUS OF THE GOLDEN HORDE

K.A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture

The State of Volga Bulgaria, located at the intersection of the largest water trade routes in Europe – the Volga and Kama rivers, has been a connecting link between the Muslim East and Christian West for several centuries, starting from the 10th century. Through it flowed a stream of goods, including metal artwork. After the Mongol invasion, already part of the Golden Horde, this trend continued, only external Bulgarian trade became internal, for example, from Khorezm to the Middle Volga.

The goal of the article is to study the problem of the influence of the metalworking traditions of Muslim countries on the artistic culture, primarily metal products, of Volga Bulgaria and the Bulgar region of the Golden Horde.

The research materials are collections of artefacts obtained from medieval archaeological sites, mainly in the territory of the modern Republic of the Tatarstan. These are the Bulgar and Bilyar settlements, which were large cities in the 10th–14th centuries. Almost all of these findings are stored in museums in Tatarstan, primarily in the National Museum in Kazan, as well as in the funds of the Bulgar State Museum-Reserve and the Bilyar State Museum-Reserve. Some finds are also kept in the State Hermitage and the National Museum of the Republic of Mari El. They are published. Finds from excavations of ancient Mari burial mounds of the 10th–11th centuries, conducted in the early 21st century under the guidance of T.B. Nikitina, are also included.

This study is conducted for the first time within such chronological frames and with the use of new materials from excavations. The author asserts that the main source of exports of metal products from the 10th to 14th centuries was Iran and Khorasan. In the 11th century, Egypt and Syria during the reign of the Fatimids played a certain role. In the 14th century, a number of imports came from Egypt during the rule of the Mamluk dynasty. Mostly, copying both the form and design of imported products and the transfer of individual ornamental motifs to local products, sometimes with the borrowing of technological techniques, took place. This was typical for Bulgar urban artisans.

Keywords: Volga Bulgaria, Golden Horde, Bulgar, Bilyar, toreutics, Iran, trade, white bronze bowls, inlay, blackening

About the author: Konstantin A. Rudenko – Dr. Sci. (History), Professor, Kazan State Institute of Culture (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4067-9287. E-mail: murziha@mail.ru

БОЛГАР И БУЛГАРСКИЕ ГОРОДА В СОЧИНЕНИЯХ РАШИД АД-ДИНА

Ч.И. Хамидова

Казанский федеральный университет

Цель: Рассмотреть болгарские города и события, связанные с ними и Чингизидами глазами придворного персидского историка.

Материалы: в рамках статьи прослеживаются сообщения Рашид ад-дина о Волжской Булгарии и событиях, связанных с ней в трудах средневекового персидского историка.

Результаты: Рашид ад-дин в своей работе над комплексной историей человечества (как это представлялось средневековому персидскому историку) безусловно упоминает и Волжскую Булгарию в контексте монгольских завоеваний. Интересны моменты, связанные с поражением монгольского войска в битве с булгарами в 1223 г. и тем, как Рашид ад-дин, будучи придворным хулагуидским историком, эти события затрагивает. Сопоставление сообщений Рашид ад-дина с текстами других историков о тех же событиях помогают увидеть, что в некоторых случаях Рашид ад-дин выдает придворную версию неприятных для монгол событий, а в некоторых – аккуратно отмечает отсутствие победы и завоевания.

Ключевые слова: Чингизиды, Болгар, Саксин, Шуаб-и панджгана, Джами ат-таварих, Рашид ад-дин

Рашид ад-дин – средневековый персидский историк, снискавший мировую известность благодаря своему масштабному историческому труду – определенно, был незаурядным человеком. Придворный лекарь, ставший визирем, приложил руку к серьезным и вполне успешным экономическим реформам в хулагуидском Иране [4, с. 17].

Но, по словам Петрушевского [4, с. 23], настоящую славу Рашид ад-дину принес его научный труд – «Джами ат-таварих». Это сочинение, посвященное истории человечества (как это представлялось средневековому историку из Ирана), охватывало доисламскую историю, историю арабского халифата, монгольских завоеваний и их государств, историю немусульманских народов (китайцев, евреев, франков и римских пап). Приложением к этому масштабному труду стало генеалогическое сочинение «Шуаб-и панджгана», представившее родословные арабов, евреев, тюрко-монгол в виде генеалогических таблиц, а также списки римских пап и китайских императоров с дополнениями и комментариями.

Если при оценке «Шуаб-и панджгана» можно говорить о высокой степени достоверности сведений (благодаря тому, что Рашид ад-дин был высокопоставленным чиновником с широким доступом к монгольским сочинениям вроде «Алтын дэбтэр» и «Сокровенное сказание монголов»), то в случае с описанием исторических событий, связанных монгольскими завоеваниями и их государствами для оценки достоверности приходится применять другую систему критериев. Об этом подробно пишет Ю. Шамильоглу [1, с. 221], оценивая «Джами ат-таварих» как официальный внутренний источник, сведения которого, к тому же, зачастую, уникальны. Уникальность, в данном случае, – негативная характеристика, поскольку, очевидно, научная достоверность сведений может быть установлена только благодаря подтверждающим данным из других независимых источников.

Такая оценка «Джами ат-таварих» прекрасно иллюстрируется описанием событий, связанных с завоеванием Волжской Булгарии. Из разных источников известно, что первое столкновение монгольского войска с Булгарией закончилось победой булгар. Вот, что пишет об этом Ибн ал-Асир: «...сделав с русскими то, что мы рассказали, и, опустошив земли их, татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 г. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них (татар), встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они (татары) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4000 человек. Отправились они (оттуда) в Саксин, возвращаясь; к своему царю Чингизхану, и освободилась от них земля кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю. Пресекался было путь (сообщения) с нею с тех пор, как вторглись татары в нее и не получалось

от них (кипчаков) ничего по части бургасских мехов, белок, бобров и (всего) другого, что привозилось в свою землю (из этой страны). Когда же они (татары) покинули ее и вернулись в свою землю, то путь восстановился, и товары опять стали привозиться, как было (прежде)...» [6, с. 28–29]. Другой историк, Джузджани, тоже сообщает о том, что Джучи отправился на север выполнять приказ Чингиз хана [7, с. 18].

Что об этом пишет Рашид ад-дин в «Джами ат-таварих»? Он описывает поход Чингиз хана на «страну тазиков», отдельно описывает «рассказ о походах Джэбэ и Субедея» [4, с. 226], где отмечает, что они «напали на урусов и кипчаков», а затем вернулись к Чингиз хану [4, с. 229].

В части, повествующей о Джучи хане, историк описывает походы, в которых участвовал Джучи со своим войском (взятие Отрара, Самарканда) по приказу Чингиз хана, и пишет, что в начале 1222 г. Джучи ушел в свою ставку на Иртыше: «Джучи-хан через Хорезм направился в сторону Ирдыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам» [5, с. 78].

Где-то здесь должно было быть сообщение Рашид ад-дина о том, что Джучи по приказу Чингиз хана отправился с походом на север, чтобы там соединиться с войсками Джебе и Субедея и вместе напасть на Волжскую Булгарию: «[Еще] раньше Чингизхан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны как-то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингизхан, крайне рассердившись, сказал: “Я его казню, не видать ему милости”. Джучи же неожиданно заболел и поэтому, когда отец по возвращении из страны таджиков прибыл в свои ставки, не смог приехать к нему, но послал ему несколько харвваров, добытых на охоте лебедей и рассыпался в извинениях. После этого Чингизхан еще несколько раз приказывал вызвать его к себе, но [тот] из-за болезни не приезжал и просил извинения» [5, с. 78].

Те же сведения об отказе Джучи покорять выделенные ему земли повторяются Рашид ад-Дином еще раз в другой главе: «Так как Джучи уклонился от выполнения ранее вышедшего постановления Чингиз-хана отправиться ему с войском и захватить все северные области, как то: Ибир-Сибир, Булар, Дашт-и Кипчак, Башгирд, Рус и Черкес до Дербенда Хазарского, который монголы называют Тимур-кахалка, и включить их в свои владения, то, когда Угедей-каан воссел на царство, он повелел Бату [это сделать] таким же порядком» [5, с. 71]. То есть, по сообщению Рашид ад-дина, впервые монгольское войско сталкивается с булгарами уже во главе с Бату, когда ханом стал Угедей-каана после смерти Чингиз хана и Джучи.

В истории же Угедей-каана Рашид ад-дин отмечает приказ о новом походе и приводит подробный рассказ о болгарской кампании, закончившейся победой монгол. Он пишет: «Вступив на престол, Угетай-каан на основании упомянутой ясы заставил смолкнуть всех претендентов, а потом во все пограничные места и окраины (своих) владений назначил войска для охраны границ и областей. В пределах Иранской земли смута и беспорядок еще не улеглись, и султан Джелаль-ад-дин все еще не унимался. Для отражения его (каан) отправил Чурмагуна и нескольких эмиров с 30000 всадников, в сторону же Кипчака, Саксина и Булгара он послал Кукдая и Субадая с подобным же войском» [5, с. 21], впервые упоминая болгарские города, хотя еще до этого монгольские войска прошли по территориям Булгара и Саксина. Этой кампании Рашид ад-дин посвящает отдельный эпизод – «Рассказ о войнах, которые вели царевичи и войско монгольское в Дешт-и-Кипчаке, Булгаре, Руси, Мокше, Алании, Маджаре, Буларе (Польше) и Башгирде (Венгрии), и завоевании ими тех стран».

Получается, что по версии официального историка хулагуидов Рашид ад-дина поражения в столкновении с булгарами в 1223 г. не было, Субедей и Джебе после победы над русскими и кипчаками вернулись к Чингиз хану, а Джучи и вовсе не заходил настолько далеко на север, а охотился в своих землях у Иртыша, а потом и вовсе заболел. Очень сомнительно, что персидский историк не знал об этой неудачной для монгол битве хотя бы потому, что среди его источников есть и труд уже упомянутого Ибн ал-Асира. Интересно то, что во введении к своему историческому сочинению Рашид ад-дин пишет о Ибн ал-Асире: «...хотя и приложил много старания, однако рассказ о каждом государе не поставлен в связь и обстоятельства его не становятся известными должным образом в последовательности и порядке» [5, с. 73], что на взгляд, Рашид ад-дина очевидно всякому, прочитавшему работу арабского историка.

Автор «Джами ат-таварих» решил упорядочить эти события «в последовательности и порядке», но упомянуть поражение монгол в битве с булгарами упомянуть забыл. Есть мнение, что версия Рашид ад-Дина была призвана закамуфлировать поражение монгол [2, с. 221]. При этом в своих более откровенных переписках Рашид ад-дин отзывается о монгольских ханах Ирана как о притесни-

телях и тиранах, чью жестокость Рашид ад-дину, как визирю, не раз приходилось смягчать [3, с. 144], то есть будь Рашид ад-дин не придворным историком, возможно, текст «Джами ат-таварих» был бы иным; и это обстоятельство нельзя не учитывать при изучении событий, описанных Рашид ад-дином.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schamiloglu U. Tribal politics and social organization in the Golden Horde. Columbia University, 1986. 286 p.
2. Мадуров Д.Ф. Серебряная Булгария. Основные вехи истории / СПб.: Алетейя, 2018. 260 с.
3. Рашид ад-Дин. Переписка. М.: Наука, 1971. 497 с.
4. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I, книга вторая. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1952. 281 стр.
5. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960. 316 с.
6. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. 376 с.
7. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. 307 с.

Сведения об авторе: Чулпан Ильдаровна Хамидова – ассистент кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация). E-mail: zahragizza@gmail.com

BULGAR AND THE VOLGA BULGARIA'S CITIES IN THE WORKS OF RASHID AL-DIN

Ch.I. Khamidova
Kazan Federal University

Research objective: To examine Bulgar, the other cities of the Volga Bulgaria and events related to them and the Chingizids through the eyes of a court Persian historian.

Research materials: Within the article, Rashid al-Din's accounts of the Volga Bulgaria and the events related to it are traced in the works of a medieval Persian historian.

Research results: Rashid al-Din undoubtedly mentions Volga Bulgaria in the context of Mongol conquests in his work on the comprehensive history of humanity (as it was understood by medieval Persian historians). The moments related to the defeat of the Mongol army in the battle with the Bulgars in 1223 and how Rashid al-Din, being a court historian of the Hulaguids, addresses these events are interesting. Comparison of Rashid al-Din's accounts with texts of other historians about the same events helps to see that in some cases Rashid al-Din presents a court version of events unfavorable to the Mongols, while in others, he carefully notes the absence of victory and conquest.

Keywords: Chingisids, Bulgar, Saksin, Shuab-i panjgana, Jami al-tawarikh, Rashid al-Din

About the author: Chulpan I. Khamidova – Assistant of the Department of Religious Studies, Institute of Social Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: zahragizza@gmail.com

СПИСОК ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН В СОЧИНЕНИИ ФАХР-Е МОДАББЕРА

Д.М. Тимохин

ФГБУН Институт востоковедения РАН

В.В. Тишин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Цель исследования: Представленная вниманию читателя статья посвящена анализу списка тюркских племен, приведенного в сочинении «*Шаджара-йе ансѣб-е Мобѣракшѣхѣ*» (или «*Бахр ал-ансѣб*») Мохаммада б. Мансѣра б. Са'йда Фахр-е Модаббера, известного как Мобѣракшѣх. Сочинение было составлено ок. 1206 г., однако, единственная известная рукопись (опубликованная в 1927 сэрмом Э. Денисоном Россом) представляет собой, по-видимому, более позднюю копию, не свободную от значительных погрешностей в передаче неясных переписчику слов. Список тюркских племен неоднократно привлекал внимание исследователей, реконструировавших описки и предлагавших отдельные поправки к трудно идентифицируемым именам (после самого сэра Э.Д. Росса – А.З. Велиди (Тоган), И.И. Умняков, Ф. Сюмер, Б.А. Ахмедов, П.Б. Голден и др.). В целом ясно, что список является компиляцией из разновременных текстов, потому содержит анахронизмы и повторные упоминания одних и тех же имен, однако, значительная часть приводимых названий находит соответствия у Махмѣда ал-Кѣшгарѣ, отличаясь графическим (и часто фонетическим) обликом. Это позволяет утверждать, что часть сведений, сообщаемых Фахр-е Модаббером, является аутентичной и не зависит от Махмѣда ал-Кѣшгарѣ.

Материалы исследования: помимо указанного сочинения Фахр-е Модаббера авторы стремились использовать широкий круг письменных источников, который был призван помочь в реконструкции имен, приведенных в составе «списка тюркских племен» во введении «*Шаджара-йе ансѣб-е Мобѣракшѣхѣ*».

Результаты исследования и научная новизна: в настоящей статье предлагается реконструкция всего списка тюркских племен, на основе как уже достигнутых предшественниками результатов, так и новых решений. Авторы статьи предлагают графическую реконструкцию некоторых написаний, сопоставляя приводимые орфографические формы с таковыми в известных сочинениях мусульманской историографии. В комментариях авторов статьи происхождение некоторых анализируемых наименований разбирается на основе историко-культурного контекста.

Ключевые слова: Фахр-е Модаббер, кочевые тюркские племена, мусульманские сочинения, Эдвард Денисон Росс

Научное сообщество узнало о сочинении «*Шаджара-йе ансѣб-е Мобѣракшѣхѣ*» («*Бахр ал-ансѣб*») Мохаммада ибн Мансѣра ибн Са'йда или Фахр-е Модаббера (Мобѣракшѣх) в 1913 г., когда его сведения были использованы сэром Эдвардом Денисоном Россом и Робером Готью в статье о согдийском языке, а в 1922 г. сэр Э.Д. Росс в специальной публикации представил характеристику содержания источника [50]. Ее, вероятно, использовал В.В. Бартольд во втором (английском) издании своего классического труда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [24]¹ (учтенного при подготовке дополненного русскоязычного издания, вышедшего в 1963 г.: [4]), оценивший во введении к работе значимость сочинения «*Шаджара-йе ансѣб-е Мобѣракшѣхѣ*» для реконструкции политической истории средневекового Афганистана и северной Индии [24, р. 31; 4, с. 77, коммент. 4]. При подготовке работы В.В. Бартольд, специально отправившийся для этой цели в Лондон (октябрь 1922 – апрель 1923 г.), пользовался рукописью, предоставленной ему Э.Д. Россом [24, р. 31, note 4; 4, с. 77, коммент. 4]². Э.Д. Росс опубликовал текст персидского источника в 1927 г. [57], годом ранее

¹ Автором предисловия к этому изданию «Туркестана в эпоху монгольского нашествия» был сам Эдвард Денисон Росс.

² В отчете об этой поездке В.В. Бартольд писал: «Об открытии некоторых сочинений, считавшихся утраченными, я узнал в School of Oriental Studies, благодаря ее директору сэру Э.Д. Россу. Сюда относится хроника Фахр ад-дина Мубарекшаха Мерверруди, написанная в самом начале XIII в., которой пользовался Джузджани, автор *Табакѣт-и Нѣсирѣ*, и которая вопреки мнению переводчика Джузджани, Раверти, не оказалась стихотворной. Росс посвятил открытой им рукописи статью в *عجب نامه*, сборнике в честь Брауна; помимо исторических сведений в ней есть и лингвистический материал, именно сведения о турецких именах, титулах и т.п.» [6, с. 409].

выхода в свет английского издания работы В.В. Бартольда, в которой оно уже не могло быть использовано.

В упомянутой ранее статье 1922 г. Э.Д. Росс также предпринял первую попытку реконструкции приведенных в источнике, во введении к самим генеалогическим таблицам, перечня наименований тюркских племен, которых, по его изначальной мысли, насчитывалось 64 [50, р. 407–408]. Следует сказать, что при издании текста источника было выделено только 62 наименования [57, р. 47, f. 30b–31a]. В.В. Бартольд во введении к английскому изданию «Туркестана...» специально отметил значимость этого раздела, который, по его словам, «содержит много интересных сообщений о языке и племенах тюрков» [4, с. 77]. В.В. Бартольд в примечании отметил, что в этом списке «наименования племен частью те же, какие были упомянуты у Махмуда Кашгарского в XI в. (بزرغر вместо قبي و قبي вместо بزرر или بزرر)» [4, с. 77, коммент. 4]. Правда, в «Диван...» Махмуда ал-Кашгарй (открытом, к слову, в 1917 г., на пять лет позже, чем «Шаджара-йе ансәб-е Мобәракиәхй») нет именно таких написаний, какие приводит в сравнение В.В. Бартольд, опирающийся, вероятно, на сведения Рашид ад-Дйна. Перед нами, таким образом, представлена первая попытка соотнесения приведенного в «Шаджара-йе ансәб-е Мобәракиәхй» списка тюркских племен с данными более ранних текстов. Впрочем, нам следует для начала привести сам список тюркских племен, который фигурирует в издании «Шаджара-йе ансәб-е Мобәракиәхй», опубликованном в 1927 г. Э.Д. Россом. Согласно сведениям, приведенным в этом издании, данный список занимает два листа рукописи (30b–31a) и предваряется следующей строчкой: «Если кто-то вознамерится узнать все племена [тюрков] целиком, то никогда не сможет этого осуществить, но все те, что хорошо известны из числа многих племен [упомянем] и таким образом названия их таковы» [57, р. 47 (f. 30b)]. Таким образом, мусульманский историк заранее готовит нас к тому, что приведенные им названия племен – всего лишь наиболее известные, но далеко не все, населяющие или, как покажет дальнейшее исследование, населявшие пространство Евразии за пределами мусульманского мира в более ранний период применительно ко времени написания самого сочинения.

Далее мы приведем все указанные Фахр-е Модаббером племенные названия, введя в текст нумерацию, которая отсутствует в издании Э.Д. Росса, но привнесена нами для удобства чтения и дальнейшего сравнения с другими исследованиями данного списка. 1) Тюрк («تورك»). 2) Йемек («ييمك»). 3) Кыркызы («قيرقيز»). 4) Карлух («قرلخ»). 5) Чикл («چكل»). 6) Анмур («انمر»). 7) Харлух («خرلخ»). 8) Кынык («قنق»). 9) Йагы («ياغي»). 10) Салук («سالوك»). 11) Халадж («خلج»). 12) Огуз («اغز»). 13) Хита («خطا»). 14) Гайи («غاي»). 15) Урус («اروس»). 16) Кай («قاي»). 17) Уран («وران»). 18) Нухси («نحسي»). 19) Тибат («تبت»). 20) Кара-тибат («قراتبت»). 21) Суглай («صقلاي»). 22) Кимджи («كمجى»). 23) Каймак («كيمياك»). 24) Хазар («خزر»). 25) Кара-хазар («قراخزر»). 26) Кафджак («خفجاق»). 27) Алти Куджат («التى كجات»). 28) Биджинак («بجنگ»). 29) Огул («اغول»). 30) Сатыг («ستق»). 31) Сутуг («سوتق»). 32) Татар («تتار»). 33) Кара-татар («قراتتار»). 34) Кынгылы («قنقلى»). 35) Баргу («بارغو»). 36) Гуз («غور»). 37) Кара-гур («قراغور»). 38) Тагуз-гуз («تغزغز»). 39) Йагма («يغما»). 40) Аракун («اراكُن»). 41) Кайк («قايق»). 42) Салгыр («سلغر»). 43) Йазгыз («يزغز»). 44) Рукур («روكر»). 45) Байандур («بايندر»). 46) Ала-Йандулык («الايانديلىق»). 47) Угур («اغور»). 48) Туграк («تغرغ»). 49) Байат («بيات»). 50) Тутурга Доджиран («توتورغا دوجيران»). 51) Суйаг («سويق»). 52) Йабагу («ياباغو»). 53) Афшар («افشار»). 54) Бақриз («بكرز»). 55) Бакдали («بكدالى»). 56) Икаба («اقبا»). 57) Атгуз («اتغوق»). 58) Луузтара («لوزترا»). 59) Урул («ارل»). 60) Лар-тилк («لرتلك»). 61) Басмил («باسمىل»). 62) ал-Барсхан («البرسخان»)» [57, р. 47, f. 30b–31a].

Полное издание «Шаджара-йе ансәб-е Мобәракиәхй» естественным образом стимулировало исследовательский интерес, преимущественно все к тому же разделу источника – рассказу о тюркских племенах. Вслед за Э.Д. Россом пристальное внимание этому разделу уделил перебравшийся тогда в Турцию башкирский ученый А.З. Велиди (Тоган), опубликовавший в 1932 г. исследование «О Мубаракшахе Гури» [58]. В этой работе он останавливается на отдельных названиях племен, которые приводятся в списке. В частности, его внимание привлекло племя под номером 22 (в издании Э.Д. Росса), кимджи كيمجى, которое в его статье реконструировано как *Kimiji* كيمجى [58, р. 850]. Племена 'urān اوران (№ 17) и 'ikaḇā اقبأ (№ 56) отнесены этим ученым к кругу кыпчакских племен и эта точка зрения была им основательно фундирована [58, р. 850]. Отдельно стоит отметить его заметку к племени 'алти куджат التى كجات (№ 27). А.З. Велиди (Тоган) считает, что, несмотря на отсутствие точки между словами в изданном тексте, их не следует читать вместе – он допускает, что изначально слово التى стояло перед наименованием اغول (№ 29) и только позднейшие переписчики перенесли его. По мнению исследователя здесь нужно восстанавливать сочетание التى اوغول, что находит подтверждение в хивинских хрониках источниках, где отмечено наименование التى اوغول [58, р. 850]. Наиме-

нование *лар-тилк* لرتلك А.З. Велиди (Тоган) предлагает читать как *барлык* بَرْلَيْك, приводя в качестве сопоставления известное исследователям по другим мусульманским источникам название кыпчакского племени 'улб.рлй البرلى الوللى или 'улб.рлйك اولبرلىك [58, p. 850–851]. В наименовании دوجيرا توترغا (№ 50) исследователь видит два разных племени, для второго из которых также попытался подобрать исторические аналогии, по собственному признанию, не надежные [58, p. 851]. Вслед за Э.Д. Россом А.З. Велиди (Тоган) считает, что наименование Тугар.к تغرق (№ 48) следует связать с племенем 'угрәк 'اغراق Махмұда ал-Кәшғарй, которое, впрочем, сам предлагает читать как йугрәк يَغْرَاق. Здесь весьма любопытна отсылка к одному из известных в мусульманских источниках хорезмийских полководцев по имени Сайф ад-Дйн Играк или Уграк [58, p. 851]: об участии последнего в сражении с монголами при Парване в 1221 г. сообщает, в частности, ан-Насавй [16, с. 125–126]. Наконец, А.З. Велиди (Тоган) предлагает чтение названия племени 'урул 'ارل (№ 59) как 'ارل, допускающая сопоставление с названием в хивинских хрониках населения островов в Аральском море в XVIII–XIX вв. как 'ارال خلقى или 'ارال جماتى. Он также отмечает, что названия племен 'атқуқ 'اتقوق (№ 57) и лу 'узтар 'لعزترا (№ 58) остаются для него загадочными [58, p. 852].

И.И. Умняков в запоздалой (видимо, в силу доступности материала в тогдашних условиях) рецензии на издание сэра Э.Д. Росса, представляющей собой саму по себе обстоятельную статью, довольно детально проанализировал содержание всего «тюркского раздела» введения к генеалогическим таблицам [22], уделив значительное внимание в том числе и перечню племен, который он приводит в собственной реконструкции, в том числе сопоставив отдельные наименования с таковыми у Махмұда ал-Кәшғарй, Рашид ад-Дйна и других, более ранних мусульманских авторов [22, с. 115]. И.И. Умняков выделяет 64 наименования. Некоторые его идентификации совпадают с таковыми у Э.Д. Росса и А.З. Велиди (Тоганом) (*кумиджи* (№ 22), *туграк* (№ 49) – «у Кашгари Ыграк или Уграк»), которой он, видимо, не мог воспользоваться. Исследователь отметил очевидные и вероятные совпадения наименований №№ 4 (карлук) и 7 (харлук), №№ 12 (огуз) и 37 (гуз), также №№ 12 (огуз), 48 (угур, «вероятно, Уйгур») и, возможно, 30 («Огул?»), №№ 14 (гай), 16 (кай) и, возможно, 42 (кайык), №№ 32 (сутук) и 43 (сувик, в издании Э.Д. Росса № 52). После перечисления тюркских племен И.И. Умняков добавляет, что «из 64 названий турецких племен (фактически 58, так как 6 названий повторяются в другой форме) большинство нам известно, и сведения о них мы находим в других источниках. Но в списке имеется также ряд названий, о которых в других сочинениях сведений нет, и самое чтение их сомнительное» [22, с. 115].

Со своей стороны отметим несколько важных моментов относительно списка тюркских племен в издании Э.Д. Росса в сравнении с тем, что привел в своей статье И.И. Умняков. Прежде всего бросается в глаза разница в количестве племенных названий и тут можно заметить, что российский ученый в некоторых случаях там, где в издании Э.Д. Росса указывается одно племя, выделяет их как два разных. В частности, под номером 27 приводится название «алти куджат» («التى كجات»), а у И.И. Умнякова мы видим под номерами 27 и 28 два наименования – «ал-ты» и «куджат» [22, с. 115]. Такой же случай мы видим и далее: под номером 50 в издании Э.Д. Росса упомянуто племя «Тутурга Доджиран» («توترا دوجيران»), которое у И.И. Умнякова превращается в два племени «Тутурга» и «Дуджиран». Также стоит отметить, что приведенный в издании источника под номером 37 этноним «кара-гур» («قرا غور») И.И. Умняков предлагает читать как «Карауйгур» [22, с. 115] с чем вряд ли можно согласиться: во всем списке тюркских племен у Фахр-е Модаббера очевидно заметен определенный и весьма четкий порядок – племена с маркером «кара» в своем названии следуют сразу после схожих этнонимов, но без подобного маркера. В частности, «кара-тибат» («قرا تبت») следует сразу же за племенем «тибат» («تبت»), перед «кара-хазарами» («قرا خزر») мусульманский историк упоминает «хазар» («خزر»), а за племенем «татар» («تتار») по той же логике поставлены «кара-татары» («قرا تتار»). Если бы под названием «قرا غور» действительно скрывались «кара-уйгуры», то их следовало бы искать в том же списке не после номера 36, где четко читаются «гузы» («غور»), а после номера 47 под которым действительно фигурируют «угуры» или «уйгуры» («اقور»). Однако вместо этого после «уйгур» идет название «туграк» («تغرق»): вряд ли можно поверить в то, что во всем списке тюркских племен автор придерживался одного принципа систематизации, но в отношении «уйгур» изменил своей логике и поставил «кара-уйгур» в списке отдельно и даже раньше «уйгур». Можно предположить, что эта часть списка содержит даже не два, а три связанных друг с другом этнонима: первым автор упоминает «гузов» («غور»), затем идет («قرا غور»), который следует читать как «кара-гуз» («قرا غوز»), а третьим указан связанный с первыми двумя этноним «тагуз-гуз» («تغزغوز») [57, p. 47 (f. 30b)]. Подобная связка из трех, а не двух близких названий в списке тюркских племен Фахр-е Модаббера

более не встречается, однако наша модель выглядит более подходящей под логику автора в отношении систематизации тюркских этнонимов, нежели точка зрения И.И. Умнякова.

Турецкий арабист Рамазан Шешен приводит соответствующий отрывок в своей хрестоматии (1985 г.), почти не поправляя чтения [56, s. 154]. В сборнике документов «Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв.» (1988 г.) был издан фрагмент сочинения Мобаракшаха в переводе Б.А. Ахмедова [11, с. 90–93]. Чтения названий частично реконструированы, исходя из поправок к диакритике, некоторые чтения оставлены сомнительными (в частности, написания «...гай, ...кай» [11, с. 92] показывают, что переводчик допускал испорченное написание полных названий). Питер Голден приводит список тюркских племен Мобаракшаха без подробных комментариев, но предлагает несколько реконструкций, отчасти следуя, видимо, за А.З. Велиди [35, р. 230]. Исследователь при этом делает важное замечание, что этот перечень является результатом компиляции из разных источников. Отсылки к данному реестру племен встречаются в ряде статей П.Б. Голдена, публиковавшихся в последующем. Следует также отметить, что и авторы других исследований попутно обращались к списку тюркских племен, приведенных Фахр-е Модаббером. В качестве примера можно привести статью Иктидара Хусайна Сиддики «Тюрки и их миграция в Центральную Азию и Индию: анализ исторической информации о тюрках и Туркестане в ранних средневековых индо-персидских источниках» [53]. В статье приведен тот же список тюркских племен, который можно увидеть в издании Э.Д. Росса без каких-либо попыток критически его осмыслить [53, р. 179]. В частности, даже те этнонимы, написание которых у Фахр-е Модаббера может вызвать весьма справедливые вопросы, приведены ровно в том же виде, что их можно прочесть в публикации персидского текста источника без необходимых комментариев или собственного варианта чтения [53, р. 179–180]. Во-вторых, автор не был знаком, судя по тексту статьи и списку литературы к ней, с приведенными выше исследованиями текста сочинения Фахр-е Модаббера: так, под номером 60 в его статье фигурирует уже знакомое нам племя «лар-тилк» («لر تیلک»), хотя как отмечалось выше А.З. Велиди (Тоган) предложил иное чтение этого этнонима, с которым можно соглашаться или нет, но упомянуть его следовало бы [53, р. 179–180; 58, р. 850].

Несмотря на незначительную (по крайней мере, из известной нам) литературу вопроса, нельзя сказать, что исследователи обходят вниманием текст «*Шаджара-йе ансāб-е Мобаракшāх*»: напротив, вокруг данного нарратива, равно как и в отношении сведений о тюркских племенах, которые были в него включены, сложилась весьма обширная историография [29, s. 465–544; 40, р. 397–403; 42, р. 127–140; 46, р. 397–403; 51, р. 189–234]. Кроме того, один из авторов этой статьи несколько раз и под разным углом анализировал сообщения источника, в связи с чем к некоторым сюжетам мы не будем обращаться в рамках этого исследования [20, с. 200–212]. Важнейшей же целью настоящего исследования видится с одной стороны сравнение сведений из списка тюркских племен у Фахр-е Модаббером с данным более ранних текстов из состава мусульманской историографии, а с другой – соотнесение приведенных им этнонимов с известной исследователям племенной картой ареалов распространения тюркских племен накануне монгольского нашествия.

В связи с регламентированными пределами объема публикации и ввиду наличия уже достигнутых определенных предшественниками результатов мы не задаемся целью снабдить идентификации подробными комментариями и библиографией, ограничиваясь краткими замечаниями (разнящимися в объеме в зависимости от предлагаемой новизны) и ссылками на наиболее значительные работы.

1) Т.рк ترک. Очевидно, собственно **тюрк* – известное название, впервые фигурирующее в письменных источниках с середины VI в. в связи с конкретным племенем, возросшее политическое влияние которого обусловило в дальнейшем распространение его названия на подвластные народы и появление в различных историографических традициях практики наименования таким образом народов как родственных ему в лингвистическом отношении, так и проживавших на ближайших сопредельных территориях [43, S. 6; 3, с. 553–554; 2, с. 20; 35, р. 115–116]. В качестве самостоятельного племенного названия слово известно в «Маджмӯ‘ ат-таварїх» Сайф ад-Дїна Ахсїкантї (XVI в.), а также у одной из этнографических групп в составе узбеков (см.: [9, т. 2, с. 397], там же ссылки на специальную литературу).

2) Й.м.к یمک. Название *йемек* впервые зафиксировано в таком виде у Махмӯда ал-Кāшгарї как یمك [33, с. I, s. 28 и др.; 33, с. III, s. 29 и др.], один раз – یمك [32, s. 513; 33, с. III, s. 155 и др.].

3) Қирқиз ڤيرقيز. Следует обратить внимание, что форма расходится с традиционными арабскими и персидскими написаниями слова как خرخيز (начиная с [28, р. 31], у Махмӯда ал-Кāшгарї встречается ڤر قز [32, s. 230; 33, с. I, s. 458].

4) Қарл.خ. قَرْلَخ. – приведенная орфографическая форма расходится с традиционными написания слова – араб. خرلخ, перс. خلتخ (см., напр.: [1, с. 584]), и не соответствует таковому у Махмұда ал-Кāшгарй (قرلوق) [33, с. I, s. 473].

5) Чик.ل. جكل. Идентифицируется форма *čigil, известная у ряда авторов, начиная с X в. в довольно регулярном написании جكل, جكل (начиная с так наз. первой «Записки» 'Абу Дулафа, посвященной описанию путешествия из Бухары в Китай, начатого ок. 331 г. х. / 941 г. н.э.). Самое раннее упоминание в арабской историографической традиции встречается, вероятно, у Ибн Хурдāзбиха, где в перечне тюркских племен фигурирует *الجغر, передающее, вероятно, *الجغل [28, р. 31, note h; 43, S. 77; 39, р. 319, note 2], что, однако, Р. Шешен читает как Cifri/el-Cifr (الجفرى*), но идентифицирует как Çağrı (الجقرى*) [56, s. 18, 186]. Этот же список (с отсылкой к соответствующему написанию встречается после в зависимых сочинениях – Мешхедском списке труда Ибн ал-Фақйха, а затем также у ал-Мас'ūdй, ал-Идрйсй, Йāқўта). Информация об этом племени и его упоминания в других историографических традициях обобщена (см., напр.: [36, р. 164–165, 195, 197, 199–201, 214, 222; 38, р. 508–511, 526–527, 528, 532, 535]).

6) 'Анмур انمئر. Очевидно, должно быть *āimūr, что соответствует айми < аймер* у Гардизй [5, с. 27; 45, р. 120, 181 (C1)], а также 'āimūr, огузскому племени, отмеченному начиная с Махмұда ал-Кāшгарй [22, с. 115].

7) Хҗрлух (خرلخ). Типичное арабское написание того же этнонима, что указан выше, см. № 4.

8) Қиниқ قينق. Огузское племя кынык, известное начиная со списка Махмұда ал-Кāшгарй. В той же записи у Рашйд ад-Дйна [49, с. 61]. Ср. ниже № 41. Вероятно, также в данном случае сопоставить с формой наименования قيزيق [49, с. 59].

9) Йāғй ياغى. Формализованно, форма *jağī, букв. тюрк. 'враг'. И.И. Умняков допускает сопоставление с اقا, اقا, اقا, اقا у Махмұда ал-Кāшгарй [33, с. I, s. 84; 33, с. III, s. 24, 27].

10) Сāлук سالوك. Судя по орфографии, мягкорядная форма, которая может быть реконструирована как *sālik / *sāliug, ср. [36, р. 230]. А.З. Велиди вслед за Э.Д. Россом поправляет чтение на سالتور* [50, р. 407], и отождествляет с № 42 [58, р. 852].

11) Хал.дж خلتج. Народ خلتج*, известный в бактрийских документах как χαλασο, по меньшей мере, с 669 г. н.э. [54, р. 234–235 (приведена старая датировка документа – 678 г.)]. В отдельных случаях их упоминание может быть опиской от خلتخ (см. № 4) (см.: [39, р. 286, 338, 347–348]).

12) 'Угуз اغز. Отчетливое упоминание группового наименования племен огузского круга.

13) Хитā خطا. Ср. также написания خطای, иногда قطا. Видимо, *χitā < *χitaj, ср. qitaj, в арабском произношении с редуцированным гласным первого слога. О разных формах этого названия подробно написал П. Пельо [48, р. 219–220].

14) Ғайй غای. Э.Д. Росс отождествляет с № 16 [50, 1922, р. 407]. Вероятно, фонетический (огузский?) вариант исходного (общетюркского) قای, названия известного огузского племени, у Махмұда ал-Кāшгарй обозначенного как قايغ, у Рашйд ад-Дйна уже как قايى [49, с. 58].

15) 'Урūs اروس. Как заметил И.И. Умняков, такое племя регистрирует только Абӯ-'л-Ғāзй. Может быть, здесь следует ожидать *ād'kš [28, р. 31] или *ād'kš [32, р. 61], либо орфографическое соответствие ему?

16) Қāй قای. Племя, миграция которого отмечена у ал-Марвазй, где они обозначены как قای [52, р. 30 (перевод), *18 (ар. текст)], у Махмұда ал-Кāшгарй قای [32, р. 20, 514]. Не следует путать с огузским qajī < qajīğ, ср. выше № 14. Проблема неоднократно обсуждалась. Среди последних – работа П.Б. Голдена [37, р. 20 ff. (с предшествующей литературой)].

17) 'Урāн اوران. Вопреки распространенному чтению *uran/*ōrān (см.: [36, р. 117–118 (приведена литература и источники)], следует принять *ewrān 'змея' [34, р. 145].

18) Нухсй نحسى. Должно быть, *tchsi. Название, известное, начиная с анонима «Худūd ал-'āлам» и Гардизй, имевших общий источник сведений [39, р. 300 ff.; 35, р. 200–201], также его знает Махмұд ал-Кāшгарй как تحسى [32, р. 58], в том числе в составе двойного наименования группы чигил – (تخسى جكل) [32, р. 213].

19) Тиб.т. تيبت. Вероятно, связано с названием Тибета, в мусульманских источниках обычно обозначающемся как تبت, تبت. В ранних географических трудах слово использовалось для наименования территории Западного Тянь-шаня, правитель Тибета ассоциировался с правителем Хотана [39, р. 256–257, 482].

20) Қ.рā т.б.т. قرا تبت. Сложно сказать, что могло пониматься под этим. И.И. Умняков указывает на Буратибет بورى تبت у Рашйд ад-Дйна [17, с. 134, примеч. 4; 49, с. 397]. Ср. название Кафиристана

– بيلورى تبت, где بيلور < кит. бо-люй 勃律 [39, р. 93, 258, 369–370 ff.]. Наименование *qara* ‘черный’ может в данном контексте обозначать вторичную группу, политически и территориально отколовшуюся от исходной (ср. №№ 33, 37)³.

21) صقلای. Формально, предположительно **suqlaj*. Исследователи допускают связь с صقلایی, ед. ч. صقلی [50, р. 407; 22, с. 115], что, видимо, следует признать верным.

22) Кимджй كيمجى. Формально, **Kimji*. Следуя И.И. Умнякову, كيمجيان, также كيجيه, соседи карлуков (ср. [58, р. 850], см. ниже). «Худūd ал-‘āлам», Гардизй, а также Байхақй и ал-Муқаддасй упоминают два народа كيمجى (множ. ч. كيمجيان) и ترك كيجيه (с разными вариантами написания второго элемента, первый упоминают Байхақй и ал-Муқаддасй), населявшие территорию между Хутгальяном и Чаганианом [44, S. 93–94; 36 р. 120, 361–363].

23) Каймак كيماك. Форма كيماك является типичной для написания этого племенного названия, под которым скрываются *кимеки*, но здесь, очевидно, с ошибочной огласовкой (см.: [8, с. 33 сл.]).

24) Хазар خزر. Явно анахронизм для данной эпохи (как и № 21). Этого этнонима нет также у Махмұда ал-Кāшгарй.

25) Қ.рā хазар قرا خزر. Вероятно, это наименование является данью ранней географической традиции, где начиная ал-Истахрй встречено упоминание наименования قراخزر, с явно народным объяснением происхождения семантики ‘черный’, исходя из физического облика его носителей [27, р. 223].

26) Хафджак خفجاق. Форма, очевидно, **خفجاق*, *хифдҗак*, передающее исходное *qibčaq* ~ *qivčaq*; персидское написание у Гардизй خفجاق [5, с. 27; 45, р. 181 (C1)], два написания в «Худūd ал-‘āлам» – خفجاق و خفجاخ [39, р. 100, 101] (ср. у Ибн Хурдāзбиха: **خفجاخ* < *خفشاخ*: [39, р. 315]; о других формах см.: [8, с. 42]).

27) ’Алтй Куджāt التى كجات. Первое слово предлагалось видеть здесь два разных племени и связывать первый элемент со словом «Алтай» [50, р. 407; 22, с. 115]. Второй элемент у Э.Д. Росса **Gügāt* [50, р. 407]. А.З. Велиди [58, р. 850] реконструирует التى اغول (см. № 29) и كجات (об идентификации которых см. № 22), полагая, что в при издании рукописи слово كجات ошибочно оказалось между التى و اغول. Двусоставные этнонимы с числительным в качестве первого элемента, в том числе *alti* ‘шесть’ распространены (см., напр.: [9, т. 1, с. 79–80]).

28) Бидж.н.к بيجنک. Очевидно **بيجتک*, то есть печенеги (о них см.: [35, р. 264 ff.]).

29) ’Агүл اغول. Формально, тюркское слово **oğul* ‘парень, мóлодец’. Может быть, описка [22, с. 115] – ср. №№ 12 и 47.

30) Сатиқ ستوق. Предположительно **satiq* (~ **satuq*).

31) Сүтуқ سوتوق. Предположительно **sutuq*.

Оба наименования (№№ 30, 31) Э.Д. Росс допускает считать вариантами одного и того же слова, первое из которых, возможно, личное имя [50, р. 407]. И.И. Умняков замечает для второго (№ 31): «сближают с согдаками» (вероятно, допуская **سوداق* [**sowdaq* < **soğdaq*]; см. ниже № 51), а также отмечает: «имя Сатук носил один из караханидов» [22, с. 115].

Может быть, следует сопоставить с названием реки в районе Тургая – سفوق [5, с. 27], سفوق [45, р. 122, 183 (D1)], оно же ساوق у Абӯ-’л-Ғāзй, идентифицированное Й. Марвартом как тюрк. **soğuq* ‘холодный’ (см.: [39, р. 308]). Махмұд ал-Кāшгарй приводит еще слово سَفَقُ, с двумя значениями – ‘белая антилопа’, также – ‘название персов у огузов’ [33, с. II, s. 287]. Теоретически, исходя из того, что диакритические знаки расставлены не надежно, а некоторые буквы (как это в ряде других случаях) могут путаться, можно просто методом случайного подбора найти какие-либо аналогии (например, сопоставить племенные названия, вроде *сунак* у казахов [9, т. 2, с. 244, 355] и т.д.), однако, это не даст уверенных заключений.

32) Т.т.р تتر. Наименование *tatar* известно на тот момент у населения степей Центральной Азии и также в Восточном Туркестане. Махмұд ал-Кāшгарй знает о них немного [33, с. I, s. 28, 29–30, 32, 411; 33, с. III, s. 146–147, 147–148], вероятно, в силу отдаленности [33, с. I, s. 148], но относит в

³ В литературе мы смогли найти только поздние упоминания касательно местности, населенной частью народа *йогур* (кит. *юй-гу* 裕固). Они разделяются на несколько разных в языковом отношении групп, и монголоязычные, именуяющие себя *шера югур* ‘желтые йогруы’, называют тюркоязычных *хара югур* ‘черные йогруы’ [19, с. 60–61]. Территория расселения *хара югур*, по меньшей мере, к началу XIX в. была известна как *Kara Tibet* [26, р. 209]. Есть также сообщение, что китайское название граничащих территорий Тибета, У-сы цзан 烏斯藏, калькировалось в монгольской среде как *Kara Tibet* [23, р. 161].

совокупности с другими племенами к тем, кто имеет собственный язык, но знает по-тюркски (см. также: [35, p. 23–24, 29]).

33) Қ.рā т.т.р *قرا تتر*. Нужно предположить, что какая-то группа племен *татар* вторичного происхождения – отколовшаяся от первичной, «материнской» в отношении ее общности (следуя [15]). Выдвигалось предположение сопоставить их с «черными татарами» (*хэй да 黑鞑*) китайских источников [47, s. 55, 56, 58]. Можно предположить, что под наименованием татар подразумевается группа племен в Восточной части Монголии, которая потом известна, в частности, у Рашид ад-Дйна (шесть племен), а *кара татар* – население с таким названием на территории Восточного Туркестана (см.: [21, с. 8–31; 12, с. 8–27]). История носителей наименования *татар* еще полностью не обобщена и не написана.

34) Қинқилий *قنقلی*. Должно быть, **قنقلی*. Махмұд ал-Кāшғарй фиксирует *قنقلی* [32, p. 609]. Вероятно, приведенная форма отражает персидское написание: ср. у ан-Насавй *قنقلیان* [39, p. 309–310] (о других возможных формах в мусульманских источниках: [36, p. 115]).

35) Бāргū *بارغو*. Наименование *баргу*, насколько нам известно, здесь впервые упомянуто в письменных источниках вообще. Форма этого племенного названия, в разных формах зафиксированного у тюркских народов (кыргызов, казахов, крымских татар: [9, т. 1, с. 107, 108]), но еще ранее, как минимум, к концу XII в., в среде монголов (ср.: [50, p. 407]; подробно см.: [14, с. 168–189], а также: [13, с. 281–283], там же раскритикована традиционная гипотеза о связи этого названия с *байырку* или *байарку*, какой придерживался и И.И. Умняков). Их соотношение еще предстоит выяснить.

В написании обращает внимание написание алифа с удлинением в первом слоге (аналогично № 45 *байундур* и № 62 *басмыл*). Следует предположить, что это излишнее отягощение орфографии вызвано практической необходимостью донести звучание гласного первого слога именно как [а]. Здесь, впрочем, стоит привести любопытное объяснение, которое содержится в сочинении XIII в., «Шарх нахдж ал-балāга», Ибн Абū ал-Ҳадйда ал-Мадā’инй: «В одной книге говорится об этом народе: Мурудж аз-Захаб (Золотые копи) Масуди. Он их связывает со словом татар [تتر], в то время как люди сегодня произносят татар [تتار] с долгим алефом. Этот народ проживал далеко на Востоке, в горах Тамгадж на границе с Китаем, который расположен в шести месяцах пути от мусульманского Мавераннахра» [40, p. 21–22].

36) Гūз *غوز*. Следует **غوز*, вторая письменная форма этнонима (№ 12), наиболее распространенная в мусульманской историографической традиции в отношении племен огузского круга.

37) Қарā гур *قرا غور*. Может быть и скорее всего, **قرا غوز*. Ф. Сюмер ссылается на сочинение Афзал ад-Дйна Абū Хāмида Ахмада ибн Хāмида Кермāнй «‘Экд ал-‘Олā ле’л-маукеф ал-а’лā» [25, p. 599], где автор упоминает название *Kara-Guzz* в отношении группы огузов, изгнанных из Хорасана (до 1195 г.), и именно фактом утраты ими политической репутации и изгнания объясняет наименование их «черными» [55, s. 125].

38) Тағузгуз *تغزغز*. Следует исправить на **تغزغز*, то есть **токуз огуз* – изначально наименование племенного объединения, сложившегося в VII–VIII вв. в Центральной Монголии. В последующем в мусульманской историографии и пехлевийских памятниках это название фигурировало как обозначение объединения в Центральной Азии, возглавляемого уйгурами, после них – также уйгуров в Восточном Туркестане [39, p. 263–277; 30, p. 201, 202, 203].

39) Йағма *يغما*. Племя *йағма*, оно упоминается Гардизй, в отношении полубогатых сведений, отражающих борьбу тюркских племен в период 745–766 гг. [31]. Характеристику *йағма* как богатого племени приводит «Худūd ал-‘алам», их мимоходом упоминает ал-Марвазй, а Махмұд ал-Кāшғарй относит наречие их, а также *تخسى* (№ 18) и племен сопредельных территорий, как наиболее правильное среди тюркских (о них см.: [35, p. 201; 38, p. 509–513]).

40) ‘Арāкун *اراکن*. Формально, вероятно **äräkün*, но, скорее всего, **ارکر* [22, с. 115], либо, может быть, **اکدر*.

41) Қайқ *قايق*. – вероятно, *кайыг* у Махмұд ал-Кāшғарй (см. № 14), либо **قنيق*, *кынык* (см. № 8). В.В. Бартольд сопоставлял с *قبي* (?) у Махмұд ал-Кāшғарй [4, с. 77, коммент. 4].

42) Салгир *صلغیر*. Это *салгыр*, племя огузов. У Махмұда ал-Кāшғарй – *салгур* *سلغور*. Первичная фонетическая форма, в дальнейшем известная как *салор*, *салыр*, *салар*.

43) Йазгиз *يزغز*. Должно быть **يزغز*, **йазгыр*, ср. *يزغز* у Махмұд ал-Кāшғарй. Первичная фонетическая форма, развившаяся затем в *йазыр*. (ср.: [50, p. 407; 4, с. 77, коммент. 4]).

44) Рūкур *رؤکر*. Вероятно, следует **تؤکر*, **тюкер*, как у Махмұда ал-Кāшғарй (*تؤکر*) [22, с. 115], ср. у Рашид ад-Дйна *دؤکر* [49, с. 59].

45) Байандур *بايندور*. Известное огузское племя – у Махмұда ал-Кашгарй: *بايندور* [32, s. 40]. Наиболее раннее упоминание, видимо, у Гардизй: *بايندر* * < [5, с. 27, примеч. 4; 45, 1982, р. 181 (С1)].

46) 'Алā Йандулийк *الا يندليق*. Следует исправить на *الا يندليق* *. У Махмұда ал-Кашгарй *اولا يندلغ*, ср. тиб. (VIII в.) *Ha la yun log* (Pelliot tibétain 1283, I, 9, по: [59, р. 18 (тиб.), 31, note 102] < **ala jundluğ*. Ср. у Рашид ад-Дйна *الا يوندتلى* * [49, с. 61].

47) 'Угур *اغور*. Вероятно, ср. с № 12, либо *اغور* * [50, р. 408; 22, с. 115]. Наименование, которое может отсылать к исходной форме *уйгур*, отмечено в среде кимекских племен [36, р. 103, 121]. Ср. еще у Марвазй написание *اىعر* (так у В. Минорского: [52, р. 30 (перевод), *18 (ар. текст)]).

48) Тугарк *تغراق*. Сопоставляется с Ыграк или Уграк (*اغراق*), упомянутыми уже у Махмұда ал-Кашгарй [58, р. 851; 22, с. 115]. При этом следует заметить, что подразделение *тугарак* есть в составе узбеков (катаган) [9, т. 2, с. 386].

49) Байāt *بايات*. Известное огузское племя, начиная с Махмұда ал-Кашгарй. Ср. у Рашид ад-Дйна *بايات* [49, с. 58].

50а) Тутурга *توتورغا*. Огузское племя, ср. у Махмұда ал-Кашгарй *توتورغا*, у Рашид ад-Дйна *دودورغا* [49, с. 59].

50б) Дуджирāн *دوجيران*. По А.З. Велиди, вероятно, связано с кыпчакским *جرتان* [58, р. 851], ср. у П.Б. Голдена **Dug-Certan* [35, р. 230]. Возможно, огузское племя *جولدَر* *.

51) Суййк *سويق*. У П.Б. Голдена, **S^uwig* [35, р. 230], ср. *сувек* у туркмен (эрсари) [9, т. 2, с. 352]. Вероятно, *سوغداتى* * 'согдийцы', у Махмұда ал-Кашгарй говорящие на языке тюрков [32, р. 237]; см. также: [10, с. 95, примеч. 115 (*سكتاك*)].

52) Йабāгū *ياباغو*. Ср. у Махмұда ал-Кашгарй *ياباغو*, среди племен, имеющих собственный язык [35, р. 164, 230]; в цитируемых им стихах они часто выступают как «неверные», вместе с племенами *басмыл* и *чумул*, будучи противниками Қарāхāнидов [38, р. 527, 532, note 152].

53) 'Афшār *افشار*. Племя *афшар* у огузов, начиная со списка Махмұда ал-Кашгарй.

54) Б.криз *بكرز*. Должно быть *بكدز* *, *бекдиз*. Также есть у Махмұда ал-Кашгарй. Рашид ад-Дйн приводит *بوغدوز* [49, с. 61].

55) Бакдāли *بكدلى*. Вероятно, следует *بكدلى* *, ср. *бектили* (*بكتلى*) у Махмұда ал-Кашгарй, *бегдили* (*بگدلى*) у Рашид ад-Дйна [49, с. 59].

56) 'Иқабā *اقبا*. По мнению А.З. Велиди, кыпчакское племя *itoba* [58, р. 850], ср.: [35, р. 230; 36, р. 113]. Формализованно, вероятно *اقبا* *, **Aqoba*, либо ср. у Махмұда ал-Кашгарй *ايفا*, *ييفا*, *ايفا*, *ييفا* [33, с. I, s. 84; 33, с. III, s. 24, 27], у Рашид ад-Дйна *بيوه* [49, с. 61].

57) 'Атқуқ *اتقوق*. Не идентифицировано, насколько нам известно, ни одним исследователем. Теоретически можно допустить *اتقوق* *, **aj tuğ*, букв. 'лунное знамя'. Ср. подразделение *ай-туу* у кыргызов (солто) [9, т. 1, с. 67].

58) Лу'узтарā *لوزترا*. А.З. Велиди логично исправляет на *لغزترا* *, но оставляет загадочным [58, р. 852]. По замечанию И.И. Умнякова, «название в рукописи сильно искажено» [22, с. 115]. Может быть, *بلنغر* *, *بلنغار* *, даже *بلنغريان* * (ср. *بلغاريان* в стихе Нāсир-и Хусрау, цит. по [18, с. 54]). Можно допустить в качестве орфографического прототипа, по крайней мере, первой части, не ясное уже у Гардизй *لنيقاز*, после которого упомянуто не менее спорное *اجلاد* [5, с. 27; 45, р. 120, 181 (С1)] (или *اجلار* *? [7, с. 133]). Также можно предложить рассмотреть здесь в первом элементе отождествленное Й. Марквартом с обозначением *абхаз* у Ибн Руста *اوغر*, у ал-Бакрй *اوغونه*, в «Худūd ал-'āлам» *لوغر*, у ал-Марвазй *للأخرى*, у 'Ауфй *كوغر*, у Шукру'ллаха б. Шихāба *كروغر* (двое последние из которых говорят о них как о ветви тюрков) < **аугз* *, **аугзие* * [43, S. 173 ff.; 39, р. 162, 456 ff.; 52, р. 33 (перевод), *21 (ар. текст)].

59) 'Урул *ارل*. А.З. Велиди предлагает *ارل* *, связывая с названием Арала [58, р. 851]. Может быть, следует *اكر* *? Возможно также, что следует вторую часть предыдущего наименования (№ 58) и это рассматривать как составные элементы одного названия и видеть здесь что-то вроде *اولى* * (см.: [49, с. 58]).

60) Лар-тилк *لرتلك*. У А.З. Велиди, *بترليك* * в связи с одним из кыпчакских племен [58, р. 850–851] (ср.: [35, р. 230]; подробно о разных формах см.: [36, р. 116–117]). Позже П.Б. Голден допускал *كرتلك* *, то есть **kertlig*, **körtlig* [37, р. 24]. Вероятно, имеет отношение к *قرا بلك* * или *الفا بلك* *. Идентификация первого элемента сомнительна, второй – очень вероятен.

61) Бāсмйл *باسمیل*. Это басмылы, они известны Махмұду ал-Кашгарй (*بسميل*) как пришедшее к владениям Қарāхāнидов племя, также они часто упоминаются в разных источниках ранее в VII–

VIII вв., будучи в первой половине VIII в. влиятельным племенем в Центральной Азии (о них см.: [34]).

62) 'Ал Барсхāн *ال برسخان*. Вероятно, *Ил Барсхан. Скорее всего, связано с названием соответствующего поселения [37, р. 24–25], написание названия которого здесь тоже не совпадает с таковым у Махмуда ал-Кāшгарй (*بِرْسَخَان*), а соответствует ранней мусульманской географической традиции в целом (ср.: [39, р. 292, note 3]).

Подводя итоги, следует отметить, что список племен в «*Шаджара-йе ансāб-е Мобāракшāхй*» содержит повторы (№№ 4 и 7, №№ 10 и 42, также №№ 8 и 41, либо №№ 14 и 41) и анахронизмы, а также характеризуется отсутствием какой-либо последовательности в орфографии (например, *ك* может отражать как передний /k/, так и /g/; графема *غ* передает заднерядный /g/, который в редких случаях передан через *ق*). Сам по себе он явно является компиляцией, включая как племенные названия, почерпнутые из ранних сочинений, так и актуальные на момент жизни автора. Несмотря на то, что значительная часть племен в приведенном реестре совпадает с тем, которые известны по «Дивāну...» Махмуда ал-Кāшгарй, нет оснований думать, Фахр ад-Дин Мобāракшāх (Фахр-е Модаббер) использовал его сочинение (учитывая даже то, что до нашего времени дошла его сравнительно поздняя рукопись), поскольку Махмуд ал-Кāшгарй был достаточно последователен в орфографии. Ответственность за множество допущенных неточностей при передаче форм и обозначении знаков в частных случаях лежат, скорее всего, как это часто бывает, на переписчике текста Мобāракшāха. Впрочем, это также означает и тот факт, что работа над данной частью сочинения Фахр-е Модаббера должна быть продолжена как минимум в таком направлении: выяснение источников, на которых базировался автор, помимо Махмуда ал-Кāшгарй, позволит дать ответ на многие вопросы, касающиеся особенностей списка тюркских племен. В связи с этим мы постараемся продолжить собственные изыскания в этом отношении и надеемся, что нам удастся более детально реконструировать связь между «*Шаджара-йе ансāб-е Мобāракшāхй*» и более ранними мусульманскими историческими и географическими сочинениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1968а. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 19–192.
2. Бартольд В.В. Тюрки (историко-этнографический обзор) // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1968б. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 576–595.
3. Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1963а. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. С. 547–623.
4. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1963б. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 45–597.
5. Бартольд В.В. <Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбār> Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1973а. Т. VIII. Работы по источниковедению. С. 23–62.
6. Бартольд В.В. Отчет о командировке в Западную Европу // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1973б. Т. VIII. Работы по источниковедению. С. 397–412.
7. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
8. Кумеков Б.Е. Государство Кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
9. Лезина И.Н., Суперанская А.В. Ономастика: словарь-справочник тюркских родоплеменных названий: в 2 ч. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1994. Ч. 1–2. 466 с.
10. Материалы по истории киргизов и Киргизии. М.: Наука, 1973. Вып. I / отв. ред. В.А. Ромодин. 280 с.
11. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. / отв. ред. Б.А. Ахмедов. Ташкент: Фан, 1988. 413 с.
12. Нанзатов Б.З., Тишин В.В. К истории татар Внутренней Азии: опыт идентификации племенных названий // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 8–27. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-1.8-27
13. Нанзатов Б.З., Тишин В.В. Об одном историографическом мифе: байырку и баргу // Мир Центральной Азии – V: сб. науч. ст. / науч. ред. А.П. Деревянко, Б.В. Базаров, ред. коллегия М. Н. Балдано [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [и др.]. Новосибирск: СО РАН, 2022. С. 281–283.
14. Нанзатов Б.З., Тишин В.В. Байырку и баргу: конец одного мифа // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 168–189.

15. Нанзатов Б.З., Тишин В.В. Цветовая символика в тюркской этнонимике // Атлас «Символика Тюркского мира» (в печати).
16. ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер., предисл., коммент., примеч. и указатели. З.М. Буниязова. Баку: Элм, 1973. 450 с.
17. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 2/ пер. с перс. О.И. Смирновой; примеч. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; ред. А.А. Семенова. 316 с.
18. Тагирджанов А.Т. Влияние поэмы Фирдоуси «Йусуф и Зулайха» на «Қисса-и Йусуф» ‘Али и «Йусуф и Зулайха» Шаййад Хамзы // Палестинский сборник. 1970. Вып. 21(84). Ближний Восток и Иран. С. 46–61.
19. Тенишев Э.Р. Этнический и родоплеменной состав народности юйгу // Советская этнография. 1962. № 1. С. 59–66.
20. Тимохин Д.М. Сочинение Фахр-и Модаббера как источник по истории Афганистана и Северной Индии // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 4. С. 200–212.
21. Тишин В.В., Нанзатов Б.З. Татары Внутренней Азии VIII–XII вв.: некоторые вопросы исторической географии // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 8–31. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.8-31
22. Умняков Н.И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха. [Рец. на] Ta’rikh-i-Fakhru’d-Dīn Mubārāk-shāh being the historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru’d-Dīn Mubārāk-shāh Marvar-rūdi completed in a.d. 1206. Edited from a unique Manuscript by E. Denison Ross, Director of the School of the Oriental Studies. London, 1927. XX+84 pp. 8° («James G. Forlong Fund» Series, № 4) // Вестник Древней истории. 1938. № 1(2). С. 108–115.
23. [Anonym.] [Review] Asia Polyglotta. Julius Von Klapproth. Paris. Bei A. Schubart, Rue Choiseul. 1 vol. 4to.; with folio Sprach Atlas // The Quarterly Oriental Magazine. Calcutta, 1824. Vol. IV. P. 137–165.
24. Barthold W. Turkestan Down to the Mongol Invasion. 2nd edition / transl. from the original Russian and revised by the author with the assistance of H.A.R. Gibb. London: Luzac and Co., 1928. 514 p.
25. Bāstānī Pārīzī M.E. AFZAL-AL-DĪN KERMĀNĪ // Encyclopædia Iranica / Ed. by E. Yarshater. London and Boston: Routledge & Kegan Paul, 1985. Vol. I, Fasc. 6. P. 599. <http://www.iranicaonline.org/articles/afzal-al-din-kermani-abu-hamed-ahmad-b>
26. Bell J. A System of Geography, Popular and Scientific: Or a Physical, Political, and Statistical Account of the World and Its Various Divisions. London: A Fullerton and Co, 1849. Vol. V. Pt. 1. [8], 304 p.
27. Bibliotheca geographorum arabicorum / ed. M.-J. de Goeje. Lugduni Batavorum: E.J. Brill, 1870 [2-е изд.: 1927]. Vol. I. Viae regnorum, Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishāk al-Fārisī al-Istakhrī. XI, ۳۴۸ p.
28. Bibliotheca geographorum arabicorum / ed. M.-J. de Goeje. Lugduni Batavorum: E.J. Brill, 1889. Vol. VI. Kitāb al-Masālik wa’l-Mamālik (Liber Viarum et Regnorum) auctore Abu’l-Kāsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordādhbeh, accedunt excerpta e Kitāb Al-Kharādj auctore Kodāma ibn Dja’far. XXIII, 216, ۳۰۸ p.
29. Binbaş İ.E. Structure and Function of the “Genealogical Tree” in Islamic Historiography (1200–1500) // Horizons of the World: Festschrift for İsenbike Togan / Hudūdü’l-Âlem: İsenbike Togan’a Armağan. Istanbul: İthaki Yayınları, 2011. S. 465–544.
30. Cereti C.G. Some Passages on Turkic Peoples in Zoroastrian Pahlavi Literature // Journal of Persianate Studies. 2013. Vol. 6 (1–2). P. 197–206.
31. Czeplédy K. Gardizi on the History of Central Asia (746–780 A.D.) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1973. T. XXVII. Fasc. 3. P. 257–267.
32. Divanü Lûgat-it-Türk Tıpkıbasım. “Faksimile”. Ankara: Alaëddin Kırıl Basımevi, 1941. 638 s.
33. Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi / çev. B. Atalay. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1985. Cilt I. 530 s.; Cilt II. 366 s.; Cilt III. 329 s.; Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1986. Cilt IV. 885 s.
34. Eren H. A.K. Kuryšžanov, Issledovanie po leksike starokypčakskogo pisjmennoĝo pamjatnika XIII v. – «Tjurksko-arabskogo slovarja». Alma-Ata 1970, 234 p. // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1976. T. XXX. Fasc. 1. P. 141–147.
35. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p. (Turkologica. Bd. 9).
36. Golden P.B. Cumanica IV: The Cumano-Qıpçaq Clans and Tribes // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1995–1997. Vol. IX. P. 99–122.
37. Golden P.B. Cumanica V: Basmls and Qıpçaqs // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2006–2007. T. 15. P. 13–42.
38. Golden P.B. The Turkic World in Maḥmūd al-Kāshgharī // Complexity of Inter Action along the Eurasian Steppe Zone in The First Millennium CE / Ed. by J. Bemmam, M. Schmauder. Bonn: Vorund Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015. P. 503–555.
39. Hudūd al-‘Ālam: “The Regions of the World”, A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. 2nd ed. / with the preface by V.V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky; ed. by C.E. Bosworth. London: Luzac, 1970. 524 p.

40. Les invasions mongoles en Orient vécues par un savant médiéval arabe ibn Abi l-Hadid al-Madâ'ini, 1190–1258 J.C: Extrait du Sharh Nahj al-balâgha / Trad. M. Djebli. Paris: Le Groupe Harmattan, 1995. 160 p.
41. Khan Agha Abdus-Sattar. Fakhr-i Mudabbir // Islamic Culture. 1938. № 12. P. 397–403.
42. Khan M.S. The Life and Works of Fakhr-i Mudabbir // Islamic Culture. 1977. № 60. P. 127–140.
43. Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge; ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940) / mit Unterstützung der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, T. Weicher, 1903. 557 s.
44. Markwart J. Wehrot und Arang untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen landeskunde von Ostiran. Leiden: E.J. Brill, 1938. 202 s.
45. Martinez A.P. Gardîzî's Two Chapters on the Turks / A.P. Martinez // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. T. II. P. 109–217.
46. O'Neal M.P. Fakhr-i-Mudabbir // Islam, Judaism, and Zoroastrianism. Encyclopedia of Indian Religions / Ed. by Z.R. Kassam, Y.K. Greenberg, J. Bagli. Dordrecht: Springer, 2018. P. 397–403.
47. Ögel B., Temir A., Sümer F. Tatar // İslâm Ansiklopedisi: İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1979. Cilt XII.1. Takirat – Tuğrâi. S. 50–61.
48. Pelliot P. Notes on Marco Polo I. Paris: Imprimerie Nationale; Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959. 612 p.
49. Rashîd al-Dîn Fazl-âllah Hamedânî. Jâmi al-Tawârîkh / publ. and comment. by Moḥammad Rawshan, Mostafa Mousavi. Tehrân: Nashr âl-barz, 1373. Vol. 1–4.
50. Ross E.D. The Genealogies of Fakhr-ud-Din Mubârak Shâh // A volume of oriental studies presented to Edward G. Browne on his 60th birthday (7 February 1922) / ed. by T.W. Arnold and R.A. Nicholson. Cambridge: University Press, 1922. P. 392–413.
51. Shafi I.M. Fresh Light on the Ghaznavîds // Islamic Culture. 1938. № 12. P. 189–234.
52. Sharaf al-Zamân Ṭâhir Marvazî on China, Turks and India / Arabic Text (circa A.D. 1120) with the English translation and commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942. 170 p.
53. Siddiqui I.H. The Turks and their Migration to Central Asia and India: Analysis of the Historical Information on the Turks and Turkestan in Early Medieval Indo-Persian Sources // Proceedings of the Indian History Congress. 1994. Vol. 55. P. 176–185.
54. Sims-Williams N. Ancient Afghanistan and its invaders: Linguistic evidence from the Bactrian documents and inscriptions // Indo-Iranian Languages and Peoples / ed. by N. Sims-Williams. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 225–242.
55. Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. 2. baskı. Ankara, 1972. 532 s.
56. Şeşen R. İslam Coğrafyacılarına Göre Türkler ve Türk Ülkeleri. 2. baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2001. 299 s.
57. Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubârakshâh, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubârakshâh Marvar-rûdî Completed in A.D. 1206 / ed. by E. Denison Ross. London: Royal Asiatic society, 1927. 104 p.
58. Validî A.Z. On Mubarakshah Ghuri // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. 1932. Vol. VI. No. 4. P. 847–858.
59. Ventury F. An Old Tibetan Document on the Uighurs: A New Translation and Interpretation // Journal of Asian History. 2008. Vol. 42. No. 1. P. 1–35.

Сведения об авторах: Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: horezm83@mail.ru

Владимир Владимирович Тишин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: tihij-511@mail.ru

A LIST OF TURKIC TRIBES IN THE WORK OF FAKHR-E MODABBER

D.M. Timokhin

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

V.V. Tishin

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

Research objectives: The article presented to the reader is dedicated to the analysis of a list of Turkic tribes, which is given in the work “*Shajara-ye ansāb-e Mobārakshāhī*” (or “*Bahr al-ansāb*”) by Moḥammad b. Maṣṣūr b. Saʿīd Fakhr-e Modabber also known as Mobārakshāh. It was written ca. 1206 A.D., however, the only known manuscript (published in 1927 by Sir Edward Denison Ross) should be considered as a later copy. The text of manuscript contains a number of mistakes to be *lapsus calami* relating to words apparently not understood to the copyist. It is presented here the list of tribal names of Turks. From the very beginning of the study of the manuscript, orientalist tried to analyze the list and correct some misreadings to propose reconstructions to hard-to-identify names (after Sir E.D. Ross himself there were A. Zeki Velidi (Togan), I.I. Umnyakov, F. Sümer, B.A. Akhmedov, P.B. Golden etc.). In general, it is clear that the list was compiled based on the different times data, therefore it contains anachronisms and repeated mentions of the same tribal names. A significant part of the tribal names given finds correspondences with data of Maḥmūd al-Kashgārī to be differing in their graphic appearance (and also, probably, phonetically). The fact allows one to assert that some of the information reported by Fakhr-e Modabber is authentic and does not depend on Maḥmūd al-Kashgārī’s work.

Research materials: in addition to this work by Fakhr-e Modabber, the authors sought to use a wide range of written sources, which was intended to help in the reconstruction of the tribal names given as part of the “list of tribes of Turks” in the introduction to “*Shajara-ye ansāb-e Mobārakshāhī*”.

Research results and novelty: The present paper proposes a reconstruction of the entire list of tribal names of Turks, based on both the results already achieved by the predecessors and new solutions. The authors of the article offer a graphical reconstruction of some spellings, comparing the given in the manuscript forms with those in well-known works of Muslim historiographic tradition. In their commentaries the authors of the article argued the origin and semantic of some of the tribal names analyzed based on the historical and cultural context.

Keywords: Fakhr-e Modabber, nomadic Turkic tribes, Muslim writings, Edward Denison Ross

About the authors: Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: horezm83@mail.ru

Vladimir V. Tishin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: tihij-511@mail.ru

ОБ ОДНОМ НЕДООЦЕНЕННОМ ИСТОЧНИКЕ ИСЛАМИЗАЦИИ УЛУСА ДЖУЧИ

Д.М. Исхаков

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Редакция журнала «Туган жир. Родной край»

По общепринятой точке зрения этнической основой государствообразующего «народа» Улуса Джучи / Золотой Орды являлись кыпчаки [25]. Но в связи с ними за пределами исследований остается вопрос о конфессиональной принадлежности кыпчаков, точнее, в орбиту внимания историков больше попадают западные кыпчаки (половцы / куманы), по источникам предстающие как тенгрианцы, затем в предмонгольское время начавшие подпадать под влияние христианства [28; 17].

Между тем, существовала не менее значимая восточная часть кыпчаков, больше восходившая своими этническими истоками к ядровому населению Кимакского каганата, обладавшему иными, чем у западных кыпчаков, этническими составными (канглы, татары, уйгуры и др.) [29; 2; 13;9; 21], немалой хозяйственной спецификой (наличие городов и т.д.) и проживавшим по соседству с исламскими государствами (Хорезмийским султанатом, Волжской Булгарией), с которыми у них установились тесные контакты, явно не оставшиеся без последствий в том числе и для их конфессиональной жизни. Но об этом практически ничего не пишется, в основном, прежде всего по причине недостаточности источниковой базы. Хотя при более детальном анализе выясняется, что источники существуют, правда, в большинстве своем не в совсем привычных для историков, разновидностях (дастаны, предания, родословные). Другой причиной недостаточного внимания со стороны историков к этим сюжетам является то, что при общем взгляде на исламизацию населения Золотой Орды начиная с XIV в., когда доминирующий среди золотоордынцев этнический элемент состоял из кыпчаков, проблема возможной исламизации их части – в данном случае населения восточной зоны Дешт-и Кыпчака – еще в домонгольское время, оказывается в тени гораздо более грандиозной акции исламизации всего государствообразующего «народа» Улуса Джучи при хане Узбеке в XIV в.

Между тем, уже принятие ханом Берке (1208(?)–1266) и всем его окружением ислама еще в XIII в., а также придание ему многочисленного (30000, т.е. 3-х туменей) конного войска только из мусульман, вызывает много вопросов, в том числе и из-за существования большого числа восточных кыпчаков там, где в детстве, а возможно и позже, находился будущий хан Берке и где исламизация кыпчаков в значительной мере произошла, скорее всего, ещё в домонгольский период.

При таком подходе проблема исламизации основного политического ядра населения Золотой Орды – средневековых татар, оказывается нуждающейся в новой трактовке, учитывающей влияние мусульманизированных ещё в домонгольское время восточных кыпчаков на этот процесс. В таком случае у предков татар кроме общепринятых двух этапов их исламизации – волжско-булгарского и золотоордынского, потребуется выделить ещё один – домонгольско-кыпчакский этап, обоснованию существования которого и посвящена настоящая публикация.

Ключевые слова: Улус Джучи (Золотая Орда), исламизация, хан Берке, Хорезмийский султанат, восточные кыпчаки, кимаки, канглы, клан албыр

Один из существенных аспектов поставленной проблемы связан с принятием ханом Берке и его окружением ислама. Этот достаточно неординарный акт в свое время американским историком Девином де Визом поименованный «королевским обращением» [27, р. 83], намекающим на его верхушечный характер, на самом деле, похоже, не был таковым, ибо по имеющимся источникам видно [6, с. 45, 73, 171, 219], что кроме хана Берке ислам был принят тогда многими знатными лицами, находившимися в его окружении. Несмотря на неплохую изученность данного события (см., например обзор литературы по этой теме, сделанный Девином де Визом [27, р. 83–86]), оно в ряде моментов остается не вполне проясненным (время обращения Берке в ислам, место этого события и др.). К ним относится и объяснение одного места из труда Джуджани «Табакат-и-Насыри», в котором его автор, придерживавшийся версии о воспитании Берке в мусульманском духе по поручению своего отца – Джучи, еще с детства, сообщает: «... по достижении возмужалости ... в войско его <Берке> были назначены все мусульмане, находившиеся в стане Туши-хана», указывая затем, что ещё Бату «отнес-

ся к Берке-хану с большим уважением и утвердил за ним командование <армией>, свиту [атба] и уделы [икта]», уточнив, что «все его войско состояло из 30000 всадников-мусульман и в войсках его была установлена пятничная молитва» [30, р. 1284–1285].

Хотя это сообщение Джуджани известно давно и неоднократно в литературе разбиралось, мимо внимания исследователей прошла такая важная часть информации этого весьма осведомленного историка, как переход под управление Берке весьма крупного (3 тумена!) воинского соединения из всадников-мусульман, ранее находившихся в стане Джучи. А ведь такое значительное по численности конное войско не могло быть набрано ниоткуда. Но у нас нет прямых данных о том, из кого это войсковое подразделение состояло. С этим вопросом следует разобраться, ибо его выяснение позволит нам лучше понять некоторые неясные аспекты принятия ислама Берке и его окружением.

Прежде всего следует отметить, что по наиболее достоверным данным матерью Берке являлась дочь хорезмшаха Мухаммеда (1169–1220) по имени Хан-Султан, ставшая супругой Джучи после завоевания территории Хорезмийского султаната [16, с. 15]. Как полагает А.А. Порсин, каан Угэдей мог, учитывая передачу Хорезма Джучи ещё при Чингизхане, а также знатное происхождение его матери Хан-Султан, «подчинить <ему> все или часть войска Хорезмийского султаната, вошедших в состав монгольской армии» [16, с. 59]. Вот откуда у Берке могло появиться крупное воинское подразделение из всадников-мусульман. Но для нас необходима не просто данная констатация, с которой можно согласиться, а целесообразно установление этнической, а также клановой принадлежности этих 30 тыс. конных воинов. И тогда выяснится, что за данной проблемой скрывается целый ряд нерешенных до конца вопросов относительно исламизации населения Улуса Джучи.

Когда А.А. Порсин пишет, что к 1223 г. Джучи уже контролировал территорию Волго-Уральского междуречья, выйдя на юго-восточные границы Волжской Булгарии [16, с. 81, 101], проходившей, судя по всему, по р. Яику, тут есть доля истины. Но есть возможность выхода войск Джучи, в составе которых находились и Субэдей с Джебе, в бассейн р. Яика ещё в 1215–1216 гг. в ходе преследования монгольской армией меркитов, бежавших к кыпчакам (это событие А.А. Порсин датирует 1219 г. – см.: [16, с. 74], а мы полагаем, что оно случилось раньше – в 1215–1216 гг. [13, с. 50–51]). Такой выход в район р. Яика означал конфронтацию с кыпчако-кимакским кланом албыр, занимавшем как раз эту зону, а также с иными группами, смежными с ним, о чем подробнее будет сказано далее.

То, что Джучи к северу от Хорезмийского султаната в Дешт-и Кыпчаке столкнулся с потомками восточных кыпчаков из кимаков (йемеков) и близких к ним этнически других тюркских групп (канглы, уйгуров, татар и т.д.), известно достаточно хорошо [2; 13; 21]. Кроме уже использовавшихся до сих пор источников, позволяющих осветить этот вопрос, имеются и некоторые давно известные, но не интерпретированные должным образом источники, проливающие дополнительный свет на монголо-кыпчакское взаимодействие на востоке Дешт-и Кыпчака. В частности, в арабских хрониках ан-Нувайри и Ибн Халдуна сохранились весьма любопытные сведения, попавшие туда, как думается, из воспоминаний мамлюков из кыпчаков (см. подробнее: [10]). Так, рассказывая о вражде двух племен – токсоба и дурут / дурт (это известные из русских летописей Токсобичи и Тертеровичи), имена предводителей которых сохранились и в сибирско-татарском дастане «Ак Күбәк», ан-Нувайри отмечает, что после сражения, происшедшего между этими двумя кланами, первые обратились «к Души хану, которого Укедийа ... отрядил в Северные страны, <и> <который> пожаловался ему <Души> на то, что приключилось народу его со стороны кыпчакского племени дурут, и сообщил ему, что если он пойдет на них, то не встретит <там>, кроме их <дурутов>, ни одного противника. Тогда он <Души> двинулся на них своими войсками, напал на них и большую часть их избил и захватил в плен ...» [8, с. 65]. Несмотря на некоторые анахронизмы (Угэдей сел на трон Монгольской империи лишь в 1229 г., а Джучи умер еще в 1227 г.), это сообщение заслуживает внимания, ибо моделирует достаточно ранние контакты некоторых восточных групп кыпчаков, находившихся скорее всего на территории «Черной Кумании», и имевших несколько иное происхождение, чем западные кыпчаки-куманы (половцы), с монголами во главе с Джучи. Об этом сигнализирует, в том числе и определение Ибн Халдуна племени токсоба как «татарского» клана [8, с. 66]. По некоторым поздним материалам видно, что племя токсоба было локализовано на близкой к Яику, территории [10], скорее всего, восточнее клана албыр. В целом же можно заключить, что вышедшие в свое время из Кимакского каганата восточные кыпчаки, наследники кимаков / йемеков, по этническому составу будучи довольно сложным конгломератом разных кланов, в качестве элиты имели племя татар, несмотря на продолжаю-

щуюся дискуссию об их происхождении, на наш взгляд, являвшихся тюркским этническим формированием (обсуждение проблемы детальнее излагается в: [13]).

Кроме сказанного нельзя упускать из виду такое сообщение из «Юань ши», как известие о том, что вернувшийся из своего затянувшегося похода 1221–1223 гг. Субэдэй-бахадур подал на имя Чингизхана в 1223 или 1224 году докладную записку, в которой предлагал создать отдельную «армию» (подразделение), состоявшую из «тысяч» меркитов, найманов, кирей (киреитов), канглов и кыпчаков [26, с. 500–501]. Мы точно не знаем, было ли создано данное подразделение, но то, что туда предполагалось включить кроме алтайских и близких к ним территориально групп тюрков (меркиты, кирейты, найманы) и восточных кыпчаков (собственно кыпчаки и канглы, занимавшие район Отрарского оазиса и округ Дженда [16, с. 121, 249]), позволяет предположить, что в монгольской армии кыпчакские группы появились ещё во время жизни Джучи, что мы видели и из сообщений арабских хронистов, приведенных выше. А так как он в формировавшейся Монгольской империи отвечал за «кыпчакское» направление, последние могли быть приданы именно ему и набраны они могли быть как раз из тех восточных кыпчаков, которые входили в орбиту влияния Хорезмийского султаната.

Как известно, находившиеся на северных рубежах Хорезмийского султаната кимакско-кыпчакские группы ещё в домонгольский период вошли в весьма тесные связи с этим государством, когда последние поколения хорезмшахов и их семьи происходили от выходцев из Дешт-и Кыпчака, имели женами кыпчакских принцесс, гвардия хорезмшахов тоже во многом состояла из кыпчаков (включая и близких к ним этнически канглов) [2; 13; 21]. Есть данные и о ранних контактах йемеков с Волжской Булгарией [13, с. 55, 73]. В последнем случае можно было бы предположить связи болгар с кланом албыр, как было сказано, жившем в бассейне Яика, и про который есть весьма интересные данные у Джуджани, поддающиеся интерпретации опираясь на одно сообщение Ибн ал-Асира. Так как эти данные важны для темы нашего исследования, рассмотрим их.

В труде Ибн ал-Асира «Ал-Камил фи-и-та'рих» под 635 г.х. (1043/1044) сказано: «... приняли ислам десять тысяч кибиток неверных тюрков, которые бывало, делали ночные набеги на мусульманские города в краях Баласагуна и Кашгара, грабили и учиняли беспорядки». Далее в источнике уточняется: «... они проводили лето в краях Булгара, а зимовали в краях Баласагуна. Но когда приняли ислам, то рассеялись по стране; в каждом крае по тысяче кибиток или меньше, или больше...» [7, с. 211–212]. Это известие, датирующееся эпохой начала кыпчакской экспансии и относящееся к довольно многочисленному (10 тыс. кибиток это не менее 50 тыс. чел., а то и больше) объединению, как было нами обосновано [13], может быть увязано с элитным кыпчакским кланом албыр, чей предводитель Бачман-султан был пленен и убит монголами в низовьях Волги около 1235 г. [13, с. 43]. Несмотря на то, что эта группа по Ибн ал-Асиру после исламизации вроде бы полностью осталась на юге, это вряд ли так. Тут нам надо иметь в виду и информацию из «Дивани лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари, где есть сообщение о том, что «двоих сыновей царя Кыпчаков инала Уза... называют табар» [1, с. 344]. Тут *инал* – это тюркский титул, поэтому в «табаре» тоже можно предположить древнетюркский титул «*эльтабар*». Но не исключено, что от последнего могло произойти и имя «абар». Между тем, если допустить подобную трактовку, то у Махмуда Кашгари также может идти речь о той же группе албыр, ибо по Джуджани мы отчетливо видим, во-первых, происхождение клана албыр от йемеков, во-вторых, возможность принадлежности знатного предка данного клана Абархана к этому же роду. Вот о чем в данном источнике идет речь в связи с ушедшим в ходе монгольских завоеваний Средней Азии вначале в сторону Багдада, затем Дели, «Улуг ханом» Азамом (на ее дочери был женат Арзали, сын хорезмшаха Мухамеда), сообщаящим некоторые подробности о нем. В источнике сказано, что этот «Улуг хан» (тут мы явно имеем дело с титулом) и его родственники были «важными персонами из рода племени Ильбари», уточняя, что он «...<являлся> ханом Ильбари и шахом Йемека» [30, pp. 791, 1205]. Далее, Джуджани ещё отмечает, что отец «Улуг хана» Азама (имя не приводится) происходил из «...корня (рода) Абар хана Ильбари, бывшего ханом 10000 семей» [30, p. 800]. Сейчас мы знаем, что владение погибшего от рук монголов около 1235 г. Бачман султана находилось в бассейне р. Яика, а столичный центр, именованный «Ак Тубе», там, где в XVIII в. возник г. Оренбург (об этом детальнее см. в нашей работе: [13, с. 36–77]). По сообщению П.И. Рычкова, на этом месте в XVIII в. были еще видны «некоторые развалины», причем, что весьма важно для нас, там наблюдалось следующее: «... Над могилой того хана <Басмана> построено было каменное кладбище (явно имеется в виду мавзолей / дюрбе – Д.И.), кое еще доньше при Нагорном бастионе знатно и при застройке Оренбурга немалая часть этого кладбища в целостности была, и разные

камни с арабскими надписями найдены» [19, с. 69]. Стало быть, кладбище, где был похоронен Бачман (Басман) хан (султан), было мусульманским!

Кроме уже проведенных на этот счет данных обращаем внимание ещё на один момент, позволяющий дополнительно подкрепить наш вывод – речь идет о том, что в генеалогии потомков Бачман-султана – Арских князей из Казанского ханства, в звеньях, находящихся выше этой личности, имеются мусульманские имена (отца звали Габдрахман-султаном и прадеда – Габделгазиз султаном). Имея в виду эти и приведенные выше сведения о мусульманских эпитафиях на кладбище, где был захоронен Бачман (Басман) хан, мы можем ещё раз убедиться об исламизованности клана албыр ещё до монгольских завоеваний XIII в.

Теперь нам ещё раз необходимо вернуться к фигуре Берке-хана, сосредоточившись на том, где он «сидел» до того, как стал ханом. К сожалению, наши сведения об этом весьма скудны, а между тем установление точного местонахождения его «юрта» до того, как он занял золотоордынский престол, весьма существенно для решения вопроса о том, кем являлись оказавшиеся у него в подчинении 30 тыс. мусульманских всадников.

Перед тем, как сесть на золотоордынский престол, Берке некоторое время находился, как это засвидетельствовал Рубрук, «в направлении ... к Железным воротам» [15, с. 115], то есть в районе Дербента. Это сообщение фиксирует прохождение Гильомом де Рубруком через земли Золотой Орды по пути в Монгольскую империю в 1251 г. Но затем, на обратном пути (около сентября 1254 г.), он сообщает, что «Бату приказал ему <Берке>, чтобы тот передвинулся с того места за Этилию, к востоку» [15]. К сожалению, из-за состояния источников мы не можем установить точно, куда Берке тогда переместился. Так как эта передвижка случилась похоже уже после участия Берке вместе с сыном Бату Сартаком в интронизации на троне Монгольской империи Менгу-каана в 1251 г., куда, кстати, они пришли с войском, как раз состоявшем из 3-х туменей [18, с. 80, 139–140], можно было бы думать, что эти два события как-то между собой связаны. Действительно, перед восшествием на имперский престол Гуюка в 1245 г., Бату для участия на курултае отправил в имперский центр целую группу своих братьев, в числе которых был и Берке, и вышли они в путь «из ставки» [18, с. 118]. Не исключено, что это был старый центр Джучи, куда он направился после захвата зимой 1220 / 1221 гг. объединенными войсками монголов Хорезма. По Рашид ад-Дину, эта местность находилась «в сторону Иртыша», а точнее, «в пределах реки Иртыша и Алтайских гор», где располагались «летние и зимние кочевья» Орды Джучи [18, т. I, кн. 2, с. 257; т. II, с. 78]. Но это мог быть и район Сыгнака (северного и нижнего течения Сырдарьи с городами Отрар, Сайрам, Дженд и Сыганак [21, с. 153]), ибо в труде «Кара таварих» Утемиш-хаджи отмечается, что «через несколько лет» после смерти Джучи, Берке пришел именно в этот «вилайат», где находился «на служении» у шейха Сейф ад-дина Бахарзи и где его застала смерть Бату (Саин-хана), откуда он (возможно, через Бухару) «отправился в вилайат Дешта», прибыв вначале в Ургенч, затем в «Сарайчук» и далее «на берега Идили» [21, с. 33–35]. Так как Берке в 1251 г. вместе с сыном Бату Сартаком, как отмечалось, с 3 туменами войска принимал участие в интронизации Менгу-каана [18, т. II, с. 80, 139–140], перевод его на восток от р. Волги, как можно думать, скорее всего произошел после этого события и не исключено, что именно тогда он оказался в районе Сыгнака, населенного как раз восточными кыпчаками и завоеванного в свое время войсками Джучи. О том, что это могло быть именно так, свидетельствуют события, связанные с конфронтацией Арик-Буги с Хубилаем, когда Чагатаид Алгу отправил войска в Самарканд, Бухару и «в области Мавераннахра» для «охраны рубежей того края», а прибыв «в те пределы... <они> убили всех нукеров Берке и зависимых от него людей вплоть до потомка шейха ал-ислама Бурханиддина, сына знаменитого шейха Сейф-ад-дина Бухарзи», что произошло до 1264 г. [18, т. II, с. 163]. Из-за того, что нукеры скорее всего являлись представителями личных кланов (каучин) хана, как видимо и зависимые от Берке люди, получается, что войска Чагатаидов вторглись тогда во владения хана Берке или в целом на территорию Золотой Орды в Средней Азии, где хан мог тогда находиться. В связи с тем, что одна из групп армии Чагатаидов около 1263/1264 г. отправилась походом на Хорезм [18, т. II, с. 163], а Чагатаид Алгу «сразился один раз с войсками Берке» (дело происходило около 662 г.х. – 1263/1264, – Д.И.), победил их и «разграбил» Отрар [18, т. II, с. 165], речь идет о военных действиях, происходивших на южных рубежах восточной зоны Дешт-и Кыпчака, там, где до монгольских завоеваний, как было сказано, жили восточные кыпчаки, потомки населения Кимакского каганата (кимаки/йемеки, канглы, уйгуры, татары и др.). Они то и оказались скорее всего после завоевания монголами этих территорий в 1220-х годах во владении Джучи, перейдя затем под руку Берке.

Вот эти восточные кыпчаки, состоявшие из разных этнических и клановых групп, и должны быть все время в поле нашего зрения из-за их возможной принадлежности к мусульманам.

Мы не исключаем, что Берке находился в районе Сыгнака еще до того, как оказался на правом берегу Волги по соседству с Дербентом, ибо у Джуджани сохранилась информация об отправке от имени Берке в 631 г.х./1233/1234 г. послания с посланниками в адрес правителя Делийского султаната Ильтутмышша (1210–1236), не исключено, происходившего из того же знатного клана албыр, что и «Улуг хан» Азам. Эта поездка закончилась провалом – послы были изолированы и умерли в тюрьме [30, р. 1284]. Если тогда Берке еще был малолетним (по одной версии ему было тогда 12–13 лет, правда по другой он был значительно старше, достигнув возраста 29–30 лет [16, с. 31]), он мог со своими братьями находиться тогда в орде своей матери как раз в Сыгнаке или поблизости. Хотя, по Джуджани получается, что когда Берке «достиг срока обучения», оно происходило в Ходженде [30, р. 1284].

Но в любом случае в окружении Берке, его братьев и матери Хан-Султан, с детства явно имелись многочисленные мусульманские группы прежде всего из восточных кыпчаков, в особенности, из клана албыр и группировки канглы. В результате монгольских завоеваний в 1220–1230-х годов, восточные группы кыпчаков, как мы видим, оказались в составе Улуса Джучи. При этом Джуджани, описывавший переход власти в этом владении после смерти Джучи (1227 г.) к Бату, не преминув подчеркнуть, что «под его власть попали все земли племен Туркестана, от Хорезма, болгар, буртасов и сакалибов до пределов Рума», перечисляя далее тех, кого он покорил, отмечает «все племена кыпчак, канглы, йемек, ильбары», а затем называет группы «рус, черкес и ас» [6, с. 251]. На самом деле понятие «все племена кыпчак» должно было включать как канглы, так и йемекскую группировку ильбары (албыр). Но дело видимо было в том, что группировка албыр, вошедшая в состав Улуса Джучи, продолжала еще сохранять свою отличительность (исповедание ислама и некоторые культурные особенности – о последниках см.: [12; 18, с. 34]. Что касается канглы, то по китайскому источнику «Хэй-да ши люэ», как кыпчаки (кэ-би-шао), так, и канглы (хан-ли) обе считались «мусульманскими государствами» [16, с. 101]. При этом есть устойчивая традиция, когда понятие «канглы» в источниках выступает в более узком значении по отношению к понятию «кыпчак» и это не было случайностью – относительно Теркен-хатун, являвшейся супругой хорезмшаха Ала ад-Дина Текиша и матерью хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда, в источниках есть сообщения как о том, что она происходила от йемеков (из ветви байавут), так и о том, что она была из племени канглы, будучи дочерью кыпчакского хана Акрана (Икрана) [21, с. 103]. Теркен-хатун иногда причислялась со своими многочисленными родственниками также к клану уран / оран, бывшему частью тех же йемеков [13, с. 62]. Не случайно отдельные исследователи предпочитают видеть в канглы тех же кыпчаков, которые поселились в XI в. в Отрарском оазисе с центром в Канге (древняя земля Канхи) [21, с. 121; 16, с. 121]. Так как канглы составляли чуть ли не важнейший костяк войск последних хорезмшахов (детальнее см.: [13, с. 62–63]), нет никакого сомнения об их исламизированности уже в домонгольское время. То, что объединение канглы вошло в состав «народа» Улуса Джучи, видно из того, что Утемиш-хаджи относил бывшего аталыком хана Бердибека (1357–1359) эмира племени канглы Товлу (Тоглу)-бия к тем, кто имел «многочисленных и сильных родичей» [23, с. 108]. Это было правдой – он и по русским летописям считался «темником» или «князем темным и сильным» [14, с. 150]. Этот князь, известный в числе приближенных хана Узбека ещё в 1339–1340-х годах и являвшийся у хана Джанибека (1343–1357) «одним из столпов державы», в одно время командовал Азовским туменом [14, с. 150]. Более чем вероятно, что эта тьма, состоявшая из канглинцев, являясь одной из частей мусульманских всадников хана Берке. А другие части этого войска могли состоять из кланов албыр и токсоба, возможно и др. групп (татар, уйгуров), с ними связанных со времен Кимакского каганата.

В итоге оказывается, что в процессе исламизации Улуса Джучи надо видеть не просто влияние Хорезма и Волжской Булгарии, а тех групп населения восточного Дешт-и Кыпчака, с этими государствами тесно связанных еще в домонгольский период. Поэтому представляется целесообразным выделение домонгольского этапа исламизации таких предков средневековых татар, как восточные кыпчаки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ал-Кашгари Махмуд. Дивāн Лугāt ат-Турк. Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. 1288 с.
2. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. 291 с.
3. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов // Бартольд В.В. Работы по истории, филологии тюркских и монгольских народов / В.В. Бартольд: Подгот. к изд. С.Г. Кляшторный; отв. ред. А.Н. Кононов – перепеч. с изд. 1968 г. М.: «Восточная лит-ра», 2002. С. 19–192.
4. Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде (историко-археологическое исследование). Астрахань: Изд.дом. «Астраханский университет», 2007. 190 с.
5. Галиахметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. 131 с.
6. Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. Ч. I. Извлечения из сочинений арабских. Ч. II. Извлечения из сочинений персидских /Сост., введ. ст.и коммент. Р.П. Храпачевского. М.: ПП «Наука», 2003. 448 с.
7. Ибн ал-Асир. Ал-камил фи-т-та'рих. Полный свод историй / Пер. с араб. яз., прим. и комм. П.Г. Булгакова, доп. к перев., прим. и комм., введ. и указ. Ш.С. Камолуддина. Ташкент: «Узбекистан», 2006. 560 с.
8. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечение из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Подгот. к изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.Б. Мукменова. Переработанное и дополненное издание. Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. 711 с.
9. Исхаков Д.М. История племен Кай и вопрос о происхождении династии Османов // Туган жир. Родной край. 2020. № 1, с. 34–50; № 2, с. 52–68; № 3/4, с. 60–86.
10. Исхаков Д.М. По следам одного татарского дастана: в поисках исторических реалий в эпическом произведении «Ак Күбәк» // Туган жир. Родной край. 2021, № 4, с. 20–33.
11. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и русского государства). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 224 с.
12. Исхаков Д.М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 119–127.
13. Исхаков Д.М. История рода Яушевых в Средневековый период и кимакская проблема. Воронеж: ООО «Фаворит», 2018. 116 с.
14. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI в.). Научное издание. Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
15. Плано Карпини Дж. дель. История монголов / Дж. дель Карпини. 3-е изд. Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ.ст., коммент. М.Б. Горунга. М.: «Мысль», 1997.
16. Порсин А.А. Берке. Мусульманин на монгольском троне. Нур-Султан: «Гылым» баспасы, 2020. 424 с.
17. Плетнева С.А. Половцы / Светлана Плетнева. М.: «Ломоносов», 2010. 216 с.
18. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. 315 с.; Т. II. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. 241 с.
19. Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. 95 с.
20. Семенов А.А. Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1954. С. 109–150 с.
21. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Очерки истории Хорезма и Восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII вв. / Д.М. Тимохин, В.В. Тишин: Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2018. 380 с.
22. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскр. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на русс.яз.И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная ред. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
23. Утемиш-хаджи / Факсимиле, перев., транскр., текстол., примечания, исследование В.П. Юдина. Комм. и указ. М.Х. Абусеитовой, Алма-Ата: «Гылым», 1992. 292 с.
24. Фахрутдинов Р.Г. Очерки Волжской Булгарии. М.: «Наука», 1984. 215 с.
25. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 179 с.
26. Юань ши (официальная хроника династии Юань) // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: Изд-во «ВЗОИ», 2004. С. 432–540.
27. De Weese, Devin. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania State university Press, 1994. 638 p.
28. Golden Peter B. Relegion among the Qipčaq of Medieval Eurasia // Central Asiatic Journal. 42 (1998). Pp. 180–237.
29. Golden Peter B. The Polovci Dikii // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. III–IV. Part I. Pp. 296–309.
30. [Jouzjani]. Tabakat-i Nasiri: A General History of the muhammadian dynasties of Asia, Including Hindustan; from a.h. 194 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260 a.d.) and Irruption the infidele Mugals into Islam by Maulana Minhaj-

ad-din, Abu-Umar-i Usman [ibn Sirajol-din al Juzjani]. Transl. by Major H.G. Raverty. New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 1970. Vol. II. 1296 p.

Сведения об авторе: Дамир Мавляевеич Исхаков – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная станция УрО РАН; главный редактор журнала «Туган жир. Родной край» (Казань, Российская Федерация). E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

ON AN UNDERESTIMATED SOURCE OF THE ISLAMIZATION OF THE ULUS OF JOCHI

D.M. Iskhakov

*Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences;
Editorial board of the "Tugan jir. Native Land" magazine*

According to the commonly accepted view, the ethnic basis of the state-forming “people” of the Ulus of Jochi / Golden Horde were the Kipchaks. However, there remains a question about the confessional affiliation of the Kipchaks outside of research, more precisely, Western Kipchaks (Polovtsians/Kumans) who are more often in the orbit of historians' attention, appearing in sources as Tengrians, and then, in the pre-Mongol period, beginning to fall under the influence of Christianity.

Meanwhile, there existed an equally significant eastern part of the Kipchaks, which traced its ethnic roots back to the core population of the Kimak Kaganate, possessing different ethnic components than the western Kipchaks (Kangly, Tatars, Uyghurs, and others), with considerable economic specificity (the presence of cities, etc.), and living next to Islamic states (the Khorezmian Sultanate, the Volga Bulgaria), with which they established close contacts, clearly not without consequences for their confessional life. However, little is written about this, mainly due to the lack of sources. Although, with a more detailed analysis, it becomes clear that sources do exist, albeit mostly in not quite familiar to historians varieties (dastans, legends, genealogies). Another reason for historians' insufficient attention to these plots is that, with a general view of the Islamization of the population of the Golden Horde, starting from the 14th century, when the dominant ethnic element among the Golden Horde people consisted of Kipchaks, the problem of possible Islamization of their part – in this case, the population of the eastern zone of Dasht-i Kipchak – in the pre-Mongol period, is overshadowed by a much more grandiose action of Islamization of the entire state-forming “people” of the Jochi Ulus under Khan Uzbek in the 14th century.

However, the adoption of Islam by Khan Berke (1208(?) – 1266) and all his entourage as early as the 13th century, as well as giving him a numerous (30,000, i.e., three tumens) cavalry only from Muslims, raises many questions, including because of the existence of a large number of eastern Kipchaks where future Khan Berke was in his childhood and possibly later, and where the Islamization of the Kipchaks largely took place, most likely in the pre-Mongol period.

With this approach, the problem of Islamization of the main political core of the Golden Horde population – the medieval Tatars, requires a new interpretation that takes into account the influence of the Eastern Kipchaks who were already Islamized during the pre-Mongol period on this process. In this case, in addition to the commonly accepted two stages of their Islamization – the Volga-Bulgaria and the Golden Horde, another stage will be required for the ancestors of the Tatars – the pre-Mongol Kipchak stage, which is the subject of the present publication.

Keywords: Ulus of Jochi (Golden Horde), Islamization, Khan Berke, Khwarazmian Sultanate, Eastern Kipchaks, Kimaks, Kangly, Albyr clan

About the author: Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Chief Editor of the “Tugan jir. Native Land” magazine (Kazan, Russian Federation). E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

ИСЛАМИЗАЦИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ПО СВЕДЕНИЯМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Э.Г. Сайфетдинова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

В статье рассматриваются вопросы распространения, становления ислама в Золотой Орде согласно сведениям средневековых арабских сочинений XIII–XIV вв. Несмотря на то, что тема исламизации затрагивалась во многих исследованиях, все же они представлены на основе комплексного изучения источников. Благодаря тесным дипломатическим связям Золотой Орды с мусульманским миром, в особенности с мамлюкским Египтом многие события золотоордынской истории отразились на страницах письменных источников. Несмотря на ряд хронологических и фактологических ошибок, средневековые арабские летописи, исторические хроники, записки путешественников оставили много полезной информации о религиозной ситуации в Золотой Орде, о роли в процессах исламизации золотоордынских правителей и особенностях ритуальной практики.

Ключевые слова: история, Золотая Орда, ислам, процесс исламизации, средневековые арабские источники

Тема исламизации в Золотой Орде на протяжении многих лет привлекает к себе внимание многих исследователей и литература, посвященная ей достаточно обширна. Что же касается источниковедческой базы, здесь она также различна, наряду с письменными нарративными источниками, значимую роль в раскрытии данной темы играют и археологические, и архитектурные, этнографические источники. Важную часть источников по исламизации Золотой Орды составляют средневековые арабские источники XIII–XIV в. Несмотря на ряд хронологических и фактологических ошибок они помогают раскрыть процесс распространения ислама на территории Улуса Джучи.

Арабские летописцы с симпатией относились ко всему, что связано с исламом. Поэтому после принятия ислама золотоордынским правителем Берке высоко оценивали его роль в распространении мусульманства на территории Улуса Джучи. «Он (Берке) распространил его (ислам – С.Э.) между всем народом своим и стал строить мечети и училища во всех своих владениях, приблизил к себе ученых и правоведов и сдружился с ними... обращение его (Берке) в ислам совершилось (уже) при брате его Бату» [2, с. 379]. «Это тот (самый), который сделался мусульманином и заставил принять ислам Татар, находящихся в его государстве» [3, с. 121].

Каллиграф мамлюкской канцелярии ан-Нувейри восклицал: «Этот Берке сделался мусульманином и ислам его был прекрасный. Он воздвиг маяк веры и установил обряды мусульманские, оказывал почет правоведам, приблизил их к себе, держал их вблизи от себя, сдружился с ними, и построил в пределах своего государства мечети и училища. Он первый из потомков Чингиз хана принял религию ислама; (по крайней мере) нам не передавали, чтобы кто-нибудь из них сделался мусульманином до него. Когда он стал мусульманином, то и большая часть его народа приняла ислам. Жена его Джиджекхатун (также) сделалась мусульманкой; она устроилась себе мечеть из шатров, которую возила с собой [11, с. 151]. О мечетях из шатров рассказывал и дамаский ученый Аз-Захаби, который отмечал, что большая часть войска Берке состоит из мусульман, на службе состоят имамы и муэдзины и совершаются пятикратные молитвы. Аз-Захаби также приводит историю о посещении Берке скита шейха Сейфетдина ал-Бахарзи и оказание почета ему», со ссылкой на то, что эту информацию он взял у багдадского ученого, библиографа и историка Ибн Фуватти¹. [4, с. 205]. Более подробный

¹ Камал ад-Дин ‘Абд ар-Раззах ибн Ахмад ибн ал-Фувати (25 июня 1244 – 1323) был средневековым библиотечником и историком, который много написал, но чьи работы в основном утеряны. Его наиболее важным дошедшим до нас трудом является «Талдиш», биографический словарь. Ибн ал-Фувати родился 25 июня 1244 года в Багдаде. Его семья происходила из Марв ар-Руд в Хорасане. Его нисба указывает на то, что один из его родителей был продавцом обертываний (арабский: *фута*, множественное число: *фоват*). В возрасте 14 лет он был поработан и заключен в тюрьму монголами во время осады Багдада (1258) и впоследствии был доставлен в Азербайджан. В 1261/2 году он присоединился к Насир ад-Дину ат-Туси в Мараге и был назначен Туси библиотечником обсерватории в Мараге. Находясь в Мараге, Ибн ал-Фувати написал биографический словарь аст-

рассказ о знакомстве с шейхом Сейфетдином ал-Бахарзи зафиксирован в сочинении секретаря египетского султана Мухаммада ан-Насира (1293–1294, 1299–1309, 1309–1341), Шихабетдина ал-‘Омари: «Проходя мимо Бухары, он (Берке) сошелся с шейхом Шемседдином Эльбахерзи, (одним) из последователей «главы аскетизма» Неджметдина Кубра. Прекрасно повлияла на него речь Эльбахерзи и он (Берке) принял ислам из рук его» [8, с. 245]. Ал-‘Омари утверждает, что именно ал-Бахарзи посоветовал Берке установить контакты с последним багдадским халифом ал-Мустасимом². «Он Берке написал халифу и отправил ему подарок. Стали они (с тех пор) посылать друг к другу послов, письма, дары и приношения» [8, с. 245].

Статус халифа Арабского халифата в то время был высок и непоколебим, совмещал духовную и светскую власть в одном лице. Аз-Захаби утверждал, что «одной из главных причин возникновения войны, происшедшей между ним (Берке – С.Э.) и Хулаку, было умерщвление (последним) халифа [4, с. 205]. В ставке чеканятся монеты с упоминанием имени халифа Насир ад-Дина (Насир лид-Дина)³, что показывает отношение Берке к «мусульманской легитимности». Своим визирем Берке назначает мусульманина Шарафетдина ал-Казвини, встретившиеся с ним египетские послы говорили то, что он «разговаривал по-арабски и по-тюркски» [10, с. 192].

Укрепление позиций ислама в Улусе Джучи Берке видел и в установлении дипломатических отношений с мамлюкским Египтом. Личный секретарь мамлюкского султана Бейбарса Ибн ‘Абд аз-Захир приводит информацию о том, что «он (султан) получает известия о принятии им (Берке) ислама [9, с. 55, 98].

Для проведения проповеднической деятельности египетский султан Бейбарс направляет в Орду правоведа Меджетдина Рудзравери, однако которому из-за приключившейся с ним болезни пришлось вернуться в Египет. Для Бейбарса видимо было важно показать, что после падения Багдада в 1258 г., Египет, взяв под свою опеку наследника последнего халифа, стал занимать ключевую роль в истории Арабского халифата. В 1261 году мамлюкский султан Бейбарс провозгласил себя правителем Египта и Сирии. Кроме того, мамлюки контролировали Мекку и Медину. При этом титул халифа Бейбарс принять не мог, так как не имел на него никаких прав. Выходом из сложившейся ситуации стало провозглашение халифом Абул-‘Аббаса ал-Мустансира, который был представителем династии ‘Аббасидов, правившей в Арабском халифате. Но вскоре он был убит, новым халифом стал ал-Хаким. Таким образом, в Мамлюкском султанате сложилось формальное двоевластие, хотя халиф фактически не обладал никакими полномочиями, а был скорее церемониальным лицом. Бейбарс делал акцент на авторитете халифа ал-Хакима и отправил в Орду письмо об избрании халифа и «родословную его (халифа Эльхаким-биамриллаха), восходящую до пророка – над которым благословение Аллаха и мир! Она (родословная) была написана и раззолочена, а также редкий экземпляр Корана ‘Усмана [9, с. 56].

Побывавшие в ставке Берке египетские послы рассказывали о соблюдении особого церемониала, а также отмечали, что «у каждого эмира, находящегося при нем есть муэдзин и имам и у каждой хатуни свой муэдзин и имам, дети слушают чтение Корана в училищах» [9, с. 64].

В окружении Берке было большое количество правоведов, шейхов и других духовных наставников. Египетский историк христианин копт ал-Муфаддал сообщал, что «был у царя Берке человек факир из жителей Фаюмских, по имени Шейх Ахмед Эльмисри, который пользовался у него большим почетом» [10, с. 194].

После дипломатического визита египетских послов в Каир прибывает ордынская делегация с ответным письмом от Берке, в котором подробно перечисляются принявшие мусульманство представители «татарских домов»... «по племенам и родам, (с указанием) отдельных лиц и ратей, младших и

рономов «*Такерат ман касад’л-рашад*» (не сохранился). Он остался в Мараге вместе с сыном и преемником Туси Асил ад-Дином. В 1281 году Ибн ал-Фувати вернулся в Багдад по просьбе Ата Малика Джувайни и был назначен директором школы Мустансирия. Ибн ал-Фувати посетил Азербайджан по меньшей мере три раза между 1304 и 1316 годами. Он удалился в Багдад после казни Рашид ад-Дина Хамадани в 1318 году. Религиозные убеждения Ибн ал-Фувати не поддавались строгой классификации, поскольку его по-разному называют ханбалитом, шафиитом, шиитом и суфием. Он умер в 1323 году в Багдаде.

² Халиф ал-Мустасим был казнен монголами 20 февраля 1258 года.

³ Абул-‘Аббас Ахмад ан-Насир Лидиниллах (1158–1225) – багдадский халиф (1180–1225) из династии ‘Аббасидов. Последний значительный государь из халифов Багдада. Халиф ан-Насир был сыном халифа ал-Мустади Биамриллаха и его умм ал-валад по имени Зумурруд-хатун, была тюркских корней. В багдадской надписи 618 г. х./1221–1222 гг. ан-Насир называет себя «имамом, повиноваться которому предписано всем людям», «халифом господ мира».

старших», а также, что они «ввели у себя уставы и правила (ислама) [3, с. 99]. Подробный отчет об исламизации отдельных представителей ордынской знати видимо был направлен на то, чтобы мамлюкский султан проникся данным сообщением и оказал поддержку золотоордынскому двору.

В летописи Бейбарса ал-Мансури сохранилось перечисление имен приближенных Берке, принявших ислам: «наши старшие братья и наши младшие братья, со своими детьми, сыновьями Будакура со своими чадами и домочадцами, Пулад-Кукаджасу, Яншунука и находящиеся на землях их Кудагу, Караджар, Танушбуга, Ширамун, Бузбаку, Менгкадар со своими ратями и слугами, Беккадак-Байнал, Тукузогул, Кутлугтимур, Аджи со своими детьми, Дурбай и десятитысячный отряд, который двинулся для набега на Хорасан, да все те, которые отправились вместе с Байджу, как напр. Байнал-Нойон и Ай-каку. Все они приняли ислам, без исключения, ввели у себя уставы и правила (ислама) [3, с. 99]

После смерти Берке процесс исламизации, несколько утрачивает свои ключевые позиции как фактора государственной политики, поскольку следующие золотордынские правители вернулись к своим родовым верованиям, однако не был искоренен и продолжал развиваться на ордынских территориях, как сообщают некоторые арабские авторы Токта хан «был неверным (державшимся) религии поклонения идолам, любил уйгуров, т.е. лам и волшебников, и оказывал им большой почет. Он был правосуден и расположен к людям добра всякого вероисповедования, но более других уважал мусульман» [6, с. 174, 4, с. 206]. А его (Токты хана) сын «был привержен к исламу, любил слушать чтение Корана великого, хотя и не понимал его, и предполагал, когда сделается царем (этой) страны, не оставить в царстве своем никакой другой религии, кроме мусульманской. Но он умер (уже) при жизни отца, оставив сына [6, с. 174, 4, с. 206].

Некоторые представители ордынской элиты и после смерти Берке не отказались от мусульманства и заявили о приверженности к исламу. Один из золотордынских бекляребеков Ногай, отправляя в Египет в 1270–1271 г письмо, он акцентировал внимание на том, что он принял ислам и идет по пути мусульманина Берке. «Хвалю Аллаха всевышнего за то, что сделал меня одним из тех, которые следуют вере очевидной» [3, с. 101].

Мировоззренческие метания верхов золотоордынского общества завершились с воцарением в Улусе Джучи хана Узбека (1312–1342), ставленника мусульманской партии.

Однако и при Узбеке, восточные источники единодушно говорят о том, что идеологические реформы, проведенные ханом, проходили нелегко. Дело доходило до жестких мер в большинстве своем касающейся правящей элиты. В арабских источниках сообщалось, что в государстве Узбека оставалась еще люди, не исповедующих ислама, – но что он, воцарившись, предоставил им выбрать вступление в мусульманскую религию, они отказались и, вступив в бой, погибли, также он отдалил от себя лам и волшебников, и провозгласил исповедание ислама [11, с. 163; 6, с. 174].

Со ссылкой на Ибн Касира, арабский летописец ал-Асади сообщает: «закон мухамеданский (шариат-С.Э.) стал там выше всех (других) законов. Он (Узбек) устроил себе мечеть соборную, в которой совершал пять (установленных) молитв» [5, с. 446].

Важным источником по процессам исламизации Золотой Орды служили сведения арабского путешественника Ибн Баттуты, который еще и обладал знаниями шариатских наук и владел должностью кади (судьи). Ибн Баттута посетил Золотую Орду во времена, когда ее правитель Узбек хан объявил ислам государственной религией. В частности, Ибн Баттута описал празднование Ураза-байрама, посвященного окончанию поста в священный месяц рамадан. Ибн Баттута вспоминал, что это было большое торжество с выездом хана с семьей, придворными и духовенством на место празднования под бой литавров и со знаменами. После проповеди главного кади, проводились соревнования в стрельбе. Затем была церемония вручения эмирам ханских подарков. После чествования эмиров, в шатре начинался пир, на котором ели конину и баранину и пили кумыс. И лишь потом совершали молитву в мечети. Застолье продолжалось вплоть до вечерней молитвы [7, с. 305]. Путешествуя Ибн Баттута встречался со многими представителями духовного сословия Золотой Орды: шейхами, факихами и кади и отмечал принадлежность их к определенному мазхабу: «Встретил я в этом городе старшего кадия, Шемседина Эссаили, кадия ханефийского, встретил в нем (также) кадия шафийского, имя которого Хыдр; правоведа-наставника Алаэддина Эласи; проповедника шафийского Абубекра, который проповедывал в соборной мечети, построенной в этом городе (Солхате – С.Э.) Эльмелик Эннасыром (египетским султаном – С.Э.) – да будет над ним милосердие Аллаха! – шейха мудраго и благочестивого Музаффареддина – он был из Греков, но обратился в правоверие и был искренним мусульманином, – шейха благочестивого и религиозного, Музхиреддина, одного из правоведов, пользовавшихся почетом. [7, с. 281]. Побывав в столице Золотой Орды городе Сарае он отмечал, что в городе существуют действующих 13

соборных мечетей, из которых одна шафиитская, также существуют и множество других мечетей: «Кади этой столицы, бедреддин Эларадж, один из лучших кадиев. Между наставниками шафиитов есть там правовед, достойный имам Садреддин Сулейман Эльлекзи, один из отличнейших людей, а между малекитами – Шемседдин Эльмысри, один из тех, которые подвергаются нареканиями по религиозной части [7, с. 306]. Из этого сообщения Ибн Баттута можно заключить, что в Золотой Орде, в частности, в его столице служили представители различных суннитских мазхабов.

Особым авторитетом в ставке пользовались представители мусульманской ученой элиты и шейхи: «Есть там (также) келья правоведа, ученого имама Номанеддина Эльхарезми. Я видел его; это один из отличнейших шейхов, прекрасного нрава, благородной души, чрезвычайно скромный и чрезвычайно строгий к обладателям благ мирских. Султан Узбек каждую пятницу приходит навещать его, но он (имам) не выходит к нему на встречу и не встает перед ним. Султан садится перед ним самым ласковым образом и смиряется перед ним, шейх же (поступает) противоположно этому. Обхождение его с факирами, нищими и странниками было иное, чем обхождение его с султаном: он относился к ним снисходительно, говорил с ними ласково и оказывал им почет» [7, с. 307]. Особое впечатление на него оказала встреча с шейхом Мухаммедом Эльбатаихи: «Мы остановились там в ските благочестивого, религиозного, престарелого шейха Мухаммеда Эльбатаихи, (родом) из Батаиха Иракского. Он был преемником шейха Ахмеда Эррефаи, да будет над ним благоволение Аллаха! В ските его около 70 факиров арабских, персидских, тюркских и румских, женатых и холостых. Живут они подаяниями. Жители этой страны питают большое доверие к факирам и каждую ночь приводят в ските лошадей, коров и овец. Султан и хатуни ходят посещать шейха и получать от него благословения; они расточают милостыни и раздают большие подарки, в особенности женщины, которые делают большие подаяния и творят добрые дела. В городе Маджаре мы совершили соборную молитву, по окончании которой взошел на амвон проповедник Иззедин (или Медждеддин), один из правоведов и знаменитостей Бухары, у которого было множество учеников и чтецов, читавших перед ним. Он произнес проповедь и увещания, при чем присутствовали начальник города и старшины его [7, с. 287].

Ибн Баттута также оставил интересные сведения о порядке совершения религиозных обрядов, так побывав в Хорезме, он отмечает особое отношение людей к совершению молитвы: «Есть у них по части молитвы прекрасный обычай, какого я не видел ни у кого, кроме них; он состоит в том, что из муэдзинов при мечетях их каждый обходит дома живущих близ мечети, оповещая их о наступлении времени молитвы. Кто не является на молитву вместе со всеми, тот наказывается имамом в присутствии общины – с этой целью в каждой мечети повешена плеть – и платить пять динаров, которые употребляются на потребности мечети или раздаются нищим и бедным. Они (Харезмцы) говорят, что этот обычай существует у них с давних времен» [7, с. 309].

На своем пути Ибн Баттута посетил захоронение известного мутазилитского ученого Абу Касима аз-Замахшари. Известный богословский труд аз-Замахшари «Кашшаф...» был популярен среди золотоордынских ученых, автор религиозно-дидактического сочинения «Нахдж ал-Фарадис» («Путь в рай») Махмуд ал-Булгари часто ссылаясь на эту книгу в своем сочинении [13]. Ибн Баттута отмечал, что встретил на своем пути представителей идей мутазилизма: «После утренней молитвы пришли к нам упомянутый кади и вместе с ним несколько старейшин города, в том числе почтеннейшие Хумамеддин, Зейнеддин Эльмукаддеси, Радиэддин Яхья, Фадлаллах Эррыдави, Джелаледдин Элимади и Шемседдин Эссинджари, имам эмира его (Харезмского). Это мужи доблестей и благородств. В учении их преобладает итизаль (=уклонение от существующих догматов, раскол), но они не выказывают его, потому что султан Узбек и начальник этого города Кутлудумур, сунниты [7, с. 310]. Выводы Ибн Баттута по части того, что мутазилиты скрывают свои воззрения из-за того, что правящая элита представители суннитского направления несколько непонятна, возможно магрибский путешественник не признавал мутазилитов как часть доктрины суннитского ислама.

Будучи сам приверженцем маликитского мазхаба, Ибн Баттута отмечал особенности исповедования ислама среди населения Золотой Орды согласно правового толка: «Они (Кипчаки) ханефийского толку и опьяняющий напиток у них дозволен. Напиток этот, приготовляемый из дуки, они называют бузой [7, с. 284]. Как отмечает М. Мусаев [12, с. 93]: «Многие ханафиты понимали под термином «хамр» лишь то, то им обозначалось. По их мнению, применение термина «хамр» ко всем вещам, которые обладают способностью вызывать опьянение, является неверным, и поэтому такие напитки, как «набиз», не должны входить в категорию «хамр»⁴.

⁴ Набиз – обобщенное название алкогольных напитков различных видов, производившихся посредством брожения.

Особое внимание затронуто в отношении краткости ночи в Булгаре и невозможности соблюдения пятикратности молитвы. Ал-'Омари со ссылкой на рассказы купцов, побывавших в Орде, отмечает, что самая короткая ночь в этом городе длится 4,5 часа.

«Подобное этому уже сообщал шейх Шахабеддин Элираки в книге своей «Яхонты по части определения времен». Пришла, говорит он, фетва из земли Булгарской к правоведам Бухарским о том, что ночь у них продолжается (всего) три часа. Мы говорим (так значилось в запросе): если мы займемся молитвой, то настает разсвет и мы упускаем розговенье. Так что должно совершить раньше (определенного законом) времени? Бухарские правоведы разрешили им совершить раньше розговенье и отложить молитву. Элираки говорит, что эта фетва их верна, так как основывается на применении принципа удобства (т.е. что люди не должны быть слишком стесняемы религиозными обрядовыми предписаниями). Может быть, потому что купец Хасан Эрруми человек, на которого можно положиться [8, с. 226].

«Сделан был призыв к вечерней молитве во время нашего розговенья. Мы совершили ее (вечернюю молитву), да молитвы *теравих*, *шаф* и *випр*, а вслед за тем (уже) занялась и заря. Также короток день в нем (Булгар) в период краткости его (зимой) [7, с. 297].

Мусульманское реформаторство во времена правления Узбек хана проходило не только на территории Золотой Орды, благотворительную деятельность правитель распространял и на территориях святых мест для мусульман, как сообщает ал-Бирзали, Узбек хан послал с ордынским купцом и путешественником Алаэтдином Энноманом «сумму денег, чтобы одарить некоторые обитатели в Иерусалиме и уделить часть (денег) на богомольцев, живущих в двух священных городах (Мекки и Медине) [6, с. 175]. Многие из эмиров и золотоордынской элиты и их семей отправлялись в хадж. Так, в 741 году ездил в Мекку из эмиров Сейфеддин Буляк, начальник уборной, и Сейфеддин Солгат, прибывший из Крыма. Это был зять Меликтемира, наместника Крымского [1, с. 253].

Несмотря на панегирическое описание процессов исламизации в Золотой Орде арабские авторы все же сообщали о распространении на ордынских землях особенного характера ислама: «Не смотря на появление ислама в этих народах и исповедание ими двух догматов (признание единство Аллаха и его пророка Мухаммада – С.Э.), он все таки переступают правила ея (религии) во многих делах. Как первый так и последний из этого народа не следуют ясе (уставу) Чингизхана на столько, насколько ей следуют другие из них, хотя и наказывают они друг друга весьма сильно за ложь, за прелюбодейство, за нарушение обязательств и договоров» [8, с. 234].

Сведения средневековых арабских источников, конечно, не раскрывают полную картину процесса исламизации золотоордынских территорий, они позволяют дать лишь самую общую характеристику. Также нужно учитывать, что многие авторы средневековых арабских летописей не являлись очевидцами событий, свои сведения о Золотой Орде они черпали со слов представителей дипломатических миссий, путешественников, переселенцев. И несмотря на компилятивность представленных в них сведений, они оставили много разнообразной информации не только о религиозной, но и военной, политической, этнической, культурной жизни золотоордынского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Из биографии султана Эль-Мелик Эннасыра // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с.
2. Из истории Ибн Халдуна // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с.
3. Из летописи Рукнеддина Бейбарса // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с.
4. Из летописи Эддзехеби // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с.
5. Из летописи Эласади // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с.
6. Из летописи Эльбирзали // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с.
7. Из описания путешествий Ибн Баттуты // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с.
8. Из сочинений Ибнфадлаллаха Эломари // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с.

9. Из сочинения Ибн Абдезахра // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с.
10. Из сочинения Элмуфаддаля // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с.
11. Из энциклопедии Эннувейри // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. 564 с.
12. Мусаев М. Запрет на употребление алкоголя в исламе: религиозные императивы и практика на примере Дагестана XVII – первой половины XIX в // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 4(34). С. 92–117.
13. Сайфетдинова Э.Г. Источники религиозной мысли в Золотой Орде (по материалам произведения «Нахдж ал-Фарadis» Махмуда ал-Булгари). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 164 с.

Сведения об авторе: Эльмира Гадельзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

ISLAMIZATION OF THE GOLDEN HORDE ACCORDING TO MEDIEVAL ARABIC SOURCES

E.G. Sayfedinova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

This article discusses the spread and establishment of Islam in the Golden Horde according to the information provided in medieval Arab sources from the 13th and 14th centuries. Despite the fact that the topic of Islamization has been addressed in many studies, they are still presented based on a comprehensive analysis of sources. Due to the close diplomatic ties between the Golden Horde and the Muslim world, especially with Mamluk Egypt, many events in the history of the Golden Horde have been reflected in written sources. Despite some chronological and factual errors, medieval Arab chronicles, historical chronicles, and travel notes have provided a lot of useful information about the religious situation in the Golden Horde, the role of Golden Horde rulers in the process of Islamization, and the peculiarities of ritual practices.

Keywords: history, Golden Horde, Islam, process of Islamization, medieval Arabic sources

About the author: Elmira G. Sayfedinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

ВОСПРИЯТИЕ ИСЛАМА КОЧЕВНИКАМИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В.А. Иванов

Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы

Цель исследования: показать, что в XIV в. ислам хотя и внедрялся в духовную жизнь кочевников Золотой Орды, но происходило это довольно своеобразно. Кочевники видели, что их элита исламизируется и выражается это в появлении в степи монументальных кирпичных мавзолеев для захоронения представителей высшей знати и более многочисленных сырцовых мавзолеев для представителей более низкой социальной страты. Однако сами они в массе своей еще долгое время продолжали в своей погребальной обрядности придерживаться традиционных языческих традиций. Таким образом, во второй половине XIV в. в кочевой золотоордынской степи сосуществовали типично языческие и типично мусульманские некрополи, правда, территориально друг от друга дистанцированные.

Материалы исследования: археологические памятники (могильники) кочевников Золотой Орды, исследованные в степях Заволжья и Южного Предуралья, датированные серединой – второй половиной XIV в.

Результаты и научная новизна: появление мусульманских мемориалов – монументальных или сырцовых мавзолеев – в степи кочевники Золотой Орды воспринимали вполне лояльно. Во всяком случае никаких следов преднамеренного разрушения подобных памятников не выявлено. Однако и свои языческие захоронения устраивали в удалении от этих мемориалов. Не исключено, что это делалось и преднамеренно. Явно преднамеренно соблюдалась определенная дистанция при размещении языческих и мусульманских захоронений как на пригородных, так и на степных могильниках Золотой Орды. Эти факты дают основание предполагать, что восприятие ислама кочевниками Золотой Орды было хотя и лояльным, но и не лишенным некоторой индифферентности. Преодолена она была к началу XV в., когда в погребальной обрядности кочевников стали отчетливо преобладать мусульманские черты.

Ключевые слова: мавзолей, курган, погребальный обряд, кочевники, Золотая Орда

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

О масштабах распространения ислама у населения Золотой Орды (Улуса Джучи) в XIV в. имеющиеся письменные источники дают нам самые поверхностные и малоинформативные сведения. Они неоднократно подвергались источниковедческому анализу, по результатам которого исследователи пришли к однозначному выводу о том, что процесс исламизации Золотой Орды был длительным и сложным (не обошлось и без вооруженного противостояния приверженцев традиционных верований и уже исламизированной власти), а самое главное – неравномерным: золотоордынские кочевники-степняки в плане исламизации заметно отставали от горожан [3; 6; 7; 13, с. 105; 14, с. 110–118; 16, с. 94–110]. Тем не менее, к началу XV столетия ислам в мировоззренческом пространстве кочевников, если не побеждает окончательно, то, по крайней мере становится доминирующим, сочетаясь с пережитками язычества. И подобная ситуация фиксируется, например, в казахской и башкирской этнографии в XVIII и XIX вв. В этой связи возникает вопрос, посредством каких форм ислам мог проникать в сознание и подсознание золотоордынского кочевника, сторонящегося городских центров, где уже существовали мусульманские уммы, строились мечети, открывались медресе, в предместьях городов создавались мусульманские кладбища с совершенно иными, нежели у кочевников, обрядовыми правилами и традициями.

Монотеистическая религия на потенциальных неофитов воздействует, прежде всего, визуально через архитектуру и декор храмов, роскошь одеяний священнослужителей и обилие соответствующих аксессуаров. Ислам, в отличие от христианства и буддизма, на сознание и подсознание людей воздействует, прежде всего, посредством культовой архитектуры. Именно культовые сооружения – мечети и мавзолеи – бросались в глаза кочевнику, приезжающему в золотоордынский город. Здесь безусловно имели место не только эмоциональное воздействие монументальной эстетики городских и пригородных мавзолеев на сознание кочевника, но и осознание им того обстоятельства, что столь величественные сооружения возводились в честь и память человека высокого социального статуса.

В середине XIV в., по мере приобщения золотоордынской знати к исламу, аналогичные сооружения появляются и в степи. Э.Д.Зиливинская выделяет три группы мемориальных сооружений в Золотой Орде – собственно мавзолеи, склепы-мавзолеи и подкурганные сырцовые оградки. К первым относятся купольные и порталные одно- или многокамерные постройки из жженого кирпича или камня. Ко вторым – подземные или полуподземные сводчатые сооружения из сырцового и обожженного кирпича. К третьим – оградки прямоугольной, квадратной или круглой формы, стенки которых сложены из сырцового кирпича [9].

По данным автора, на территории Золотой Орды сейчас известны более 40 мавзолеев, большинство которых расположены в Волго-Уральском регионе – основной территории Золотой Орды (28 из 44 известных) [9, с. 332, рис. 105]. Если оставить в стороне городские и пригородные мавзолеи Среднего и Нижнего Поволжья, то мы обнаруживаем, что к востоку от Волги известны 17 мавзолеев, расположенных бессистемно в степях Южного Предуралья (рис. 1)*. Характерная черта сооружений этой группы – они строились в открытой степи и не имели привязки к каким-либо поселениям [4, с. 97]. От себя добавим, что рядом с ними не известны и синхронные мусульманские кладбища.

Исключением являются мавзолеи в низовьях р.Дема – Хусейн-бека, Тура-хана, «Малый кэшэнэ» – рядом с которыми выявлены мусульманские кладбища. Но, во-первых, указанные мавзолеи расположены не в степи, а в лесостепи. Во-вторых, в окрестностях мавзолеев известны поселения этой культуры – Горновское, Кара-Якуповское, Нижнехозятовское, Новотроицкое и др. – рядом с которыми выявлены свои мусульманские некрополи, к мавзолеям никоим образом не привязанные [8, с. 338]. То есть, погребальные ансамбли указанных мавзолеев формировались автономно и для окрестного населения, как и аналогичные постройки для степного, они являлись памятниками представителям местной элиты (Хусейн-бек, безусловно, был таковым), наделенными сакральными функциями [16, с. 98, 101].

Примечательная деталь: в ближайшей округе степных мавзолеев мы не находим ни одного языческого захоронения, заведомо (благодаря находкам монет) им синхронного (рис. 1).

Другая группа мемориальных сооружений, указывающих на то, что здесь витает дух ислама, это т.н. «сырцовые или кирпичные подкурганные оградки-сагана». Долгое время они действительно воспринимались и исследовались как один из типов подкурганных захоронений. Однако Э.Д.Зиливинская в своем исследовании убедительно показывает, что «сырцовые оградки» различных форм – это небольшие сырцовые мавзолеи, по своей конструкции и планировке идентичные большим кирпичным или каменным мавзолеям [9, с. 187]. Большинство из них присутствуют в могильниках, расположенных вблизи золотоордынских городов (Царев, Маляевка, Солодовка, Бахтияровка, Ленинск) [19], но достаточно широко они известны и в степи (Лебедевка VIII, Караул-Тобе I, Красная деревня, Мустаево V, Тептяри (Свердлово V), Изобильное, Саралжин, Мокринский) [15; 18, с. 73–54; 5]. Характерная деталь: если в окрестностях золотоордынских городов сырцовые мавзолеи входят в состав крупных некрополей, содержащих и типично языческие подкурганные захоронения (Бахтияровка, Царев, Маляевка, Ленинск), то в глубине степного Заволжья и Южного Предуралья известен только один могильник – Лебедевка VIII – на котором среди языческих курганов выявлен один сырцовый мавзолей (Лебедевка VIII, к. 1).

В ряде сырцовых мавзолеев найдены монеты: Мокринский – 8 монет Узбек-хана и Джанибек-хана [15, с. 153]; Царев, к. 59 – 5 монет хана Токты [19, с. 252]; Маячный бугор – монета Узбек-хана [1]; Бахтияровка, к. 41, 48, 99 – три монеты 1310–1360 гг. [20, с. 292].

Монеты этого же времени найдены в типично языческих подкурганных захоронениях Волго-Уральских степей: Тлявгуловском, Андреевском, Абганерово I, Августовка, Давыдовка, Сарпа, Харьковка, Боаро, Зауморье и др. Территориально обе группы этих полностью синхронных памятников не совпадают (рис. 2).

Наконец, ещё одним признаком проникновения ислама в глубину золотоордынской степи по мнению исследователей, являются кирпичные оградки-сагана вокруг могилы под курганной насыпью или безинвентарные погребения под земляными курганами, в которых умерший лежит вытянуто на спине головой на запад с поворотом лица или всего тела на юг («кибла») [2, с. 46]. С кирпичными подкурганными «сагана» сейчас ясно – их не было. Однако в степях Южного Предуралья известны погребения под каменными надмогильными сооружениями (т.н. «каменные курганы» – 207 погребений), среди которых 8,7% составляют захоронения, вокруг которых были возведены каменные оград-

* Рис. 1, 2 к статье см. на цветной вклейке.

ки прямоугольной или овальной формы. Может быть, они ассоциировались у кочевников с мусульманскими «сагана»?

Могильники, содержащие мусульманские погребения, характеризующиеся такими признаками обряда как «кибла», «ляхд», западная ориентировка погребенного при отсутствии вещей, в степной «глубинке» Золотой Орды известны: Блюменфельде), Белокаменка, Аткарский, Свинуха (Лесное), Худай-Берген, Ишкуловский II, Хабарный I, Линевский и др. [10; 12]. Большинство из этих могильников содержат как мусульманские, так и языческие захоронения. И это при том, что шариат неодобрительно относится к захоронению мусульман на немусульманских кладбищах. Подобная ситуация дает основание считать, что в религиозной практике населения Золотой Орды ислам и язычество какое-то время сосуществовали. Причем, это касается не только кочевой степи, но и городской округи.

Формы этого сосуществования наглядно представлены в планиграфии могильников, состоящих из языческих и мусульманских захоронений. Так, на могильнике у пос.Урал каменные выкладки с мусульманским обрядом расположены вплотную к одному из больших курганов (вероятно, сарматскому), тогда как курганы с языческими погребениями (№№5 и 9) расположены в 120 м севернее. Дистанция в 25–30 м прослеживается между языческими (к. 1,2,4,5) и мусульманскими захоронениями под каменными выкладками на Ишкуловском II могильнике. Многочисленная группа мусульманских захоронений Покровского IV могильника компактно группируется в 40–160 м к юго-западу от языческих захоронений (к. 9, 17, 18). На Линевском могильнике мусульманские захоронения под небольшими земляными курганами группируются вокруг трех крупных курганов, оказавшихся позднесарматскими (к. 10, 11, 12), но зато два типично языческих кургана (Линевский одиночный и Линевский одиночный 1) располагались в 200–300 м к западу от основной группы, будучи отделенными от нее ложбиной (рис. 2).

Нечто подобное, т.е. дистанция между языческими и мусульманскими захоронениями наблюдается и на пригородных могильниках – Царев, Маляевка, Бахтияровка – где захоронения в сырцовых мавзолеях и языческие захоронения под земляными курганами разделены пустыми пространствами в 50 и более м. (рис. 2).

Обсуждение и выводы.

Археологические материалы, отражающие характер взаимоотношения традиционного язычества и ислама в религиозной и погребальной практике кочевников Золотой Орды, позволяют сделать следующие выводы. Строительство кирпичных мавзолеев и массовое распространение захоронений в сырцовых мавзолеях в степных могильниках свидетельствуют о том, что в середине – второй половине XIV в. процесс приобщения к исламу охватывал не только золотоордынскую аристократию, приближенную к ханскому двору, но и степную знать, практически не подверженную влияниям городской жизни.

Синхронизация с помощью монетных находок языческих погребений и погребений в сырцовых мавзолеях определенно указывает на то, что в истории Золотой Орды был период, когда она представляла собой дуалистичное в религиозном отношении государство. Этот период (золотоордынский мусульманский) приходится на вторую половину XIV – начало XV вв. [11, с. 39–41; 15, с. 147–151].

В отличие от пригородных некрополей, на которых языческие и мусульманские захоронения четко различаются по своим внешним признакам, степные смешанные могильники такой четкой картины не дают. В степи мы не находим могильников типа Царева, Маляевки, Бахтияровки, на площадке которых современник мог сразу увидеть и мусульманские сырцовые мавзолеи, и курганы язычников. На степных мусульманских могильниках, состоящих из мавзолеев – Мокринский, Караул-Тобе I языческих захоронений нет. А на смешанных, языческо-мусульманских могильниках – Линевском, Ишкуловском II – мусульманские погребения выделяются только по скрытым от внешнего наблюдения признакам обряда: кыбла, ляхед, (Линевка, к. 5,7,8; Ишкулово II, к. 6,7,8,10,11,12).

Судя по материалу этих памятников в XIV в. в погребальной обрядности кочевников Золотой Орды язычество продолжало сохранять свои позиции. Можно даже допустить, что в это время в кочевой степи сложился своеобразный конфессиональный дуализм, при котором и язычество, и ислам были одинаково «легитимны» даже внутри отдельных родовых подразделений.

Вместе с тем, подобная «легитимность», очевидно, сочеталась и с определенной индифферентностью кочевников к монументальному проявлению ислама в степи. Как показывают результаты картографирования языческих курганов и мусульманских мавзолеев, расположенных в удалении от городов, они не обнаруживают локальных связей между собой. Причем, даже в тех случаях, когда речь идет о явно мусульманских кочевнических могильниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998, стр. 101–112.
2. Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2009. 192 с.
3. Васильев Д.В. Утверждение ислама как государственной религии в Золотой Орде // Гуманитарные исследования. 2002. №5.
4. Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. № 2(4). 2014. С. 95–119.
5. Гарустович Г.Н. Могильник Саралжин I (к вопросу об исламизации Джучиева Улуса) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 86–90.
6. Гарустович Г.Н. Религиозная ситуация в Золотой Орде глазами современников // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 73–97.
7. Гарустович Г.Н. Средневековые авторы о распространении ислама в Улусе Джучи // Вестник академии наук РБ. 2012, т.17, №3. С. 55–61.
8. Гарустович Г.Н., Нечвалода А.И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология). Уфа: Китап, 2020. 400 с.
9. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014. 228 с.
10. Иванов В.А. Хабарный I – могильник золотоордынского времени в Центральном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VI. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2004. С. 74–83.
11. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: «Наука», 1988. 90 с.
12. Иванов В.А., Русланов Е. В., Проценко А.С. Ишкуловский II курганный могильник – памятник монгольских кочевников XIII–XIV вв. на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21, № 2. С. 243–258.
13. Измайлов И.Л. Принятие ислама в Улусе Джучи: Причины и этапы исламизации // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 98–116.
14. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.
15. Кригер В.А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). – Уральск, 2012. 200 с.
16. Малов Н.М., Малышев А.Б., Ракушин А.И. Религия в Золотой Орде. Учебное пособие для студентов исторического факультета. Учеб. пособие. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 128 с.
17. Марыксин Д.В. Об одном типе сырцовых оградок Западного Казахстана // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 14, №3, 2012. С. 243–248.
18. Матюшко И.В. Погребальный обряд кочевников Степного Приуралья IX–XIV вв. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. 211 с.
19. Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.
20. Пигарев Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк: ДонГУ, 2000. С. 283–301.

Сведения об авторе: Владимир Александрович Иванов – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7243-2588. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

PERCEPTION OF THE ISLAM BY NOMADS OF THE GOLDEN HORDE

V.A. Ivanov

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

Research objective: To show that in the 14th century, although Islam was introduced into the spiritual life of the Golden Horde nomads, it happened in a rather peculiar way. The nomads saw that their elite was becoming Islamicized, and this was expressed in the appearance of monumental brick mausoleums for burying representatives of the highest nobility and more numerous adobe mausoleums for representatives of the lower social strata. However, they themselves, for the most part, continued to adhere to traditional pagan funeral traditions for a long time. Thus, in the second half of the 14th century, in the nomadic steppe of the Golden Horde, typically pagan and typically Muslim cemeteries coexisted, albeit territorially distanced from each other.

Research materials: archaeological sites (burial grounds) of the Golden Horde nomads studied in the steppes of the Volga region and Southern Trans-Urals, dated to the mid-second half of the 14th century.

Results and novelty of the research: The appearance of Muslim memorials – monumental or adobe mausoleums – in the steppe was perceived quite loyally by the Golden Horde nomads. In any case, no evidence of intentional destruction of such monuments has been found. However, they also arranged their pagan burials away from these memorials. It is not excluded that this was done intentionally. A certain distance was clearly maintained when placing pagan and Muslim burials both in suburban and steppe burial grounds of the Golden Horde. These facts give reason to suggest that the perception of Islam by the Golden Horde nomads was loyal but not devoid of some indifference. This was overcome by the beginning of the 15th century when Muslim features clearly began to dominate in the funeral traditions of the nomads.

Keywords: mausoleum, mound, funeral rites, nomads, Golden Horde

Financial Support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

About the author: Vladimir A. Ivanov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of National History, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7243-2588. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

«БЕСЕРМЕНЫ» ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ЧИСЛЕННИКИ, ОТКУПЩИКИ, ГОСТИ**Л.В. Воротынцев**

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Цель исследования: определение основных групп мусульманского населения («бесермен») Золотой Орды, осуществлявших свою профессиональную деятельность на территории Руси, а также элементов их взаимодействия с правящими элитами, торговыми сообществами и населением русских земель в XIII–XIV вв.

Материалы исследования: комплекс древнерусских летописных источников, правовых уложений и княжеских договоров, исторические труды Рашид ад-Дина и Ата Мелика Джувейни, монгольско-китайская династическая хроника «Юань-ши», «Сокровенное сказание монголов», «История монгалов» Платона Карпини.

Результаты и новизна исследования: на основании анализа письменных источников автором исследования делается вывод о том, что в период ордынского владычества наиболее многочисленной группой представителей мусульманской уммы Улуса Джучи, имевшей регулярные контакты с населением земель Северо-Восточной и Южной Руси являлись представители привилегированных купеческих корпораций (ортаков, «ордынских гостей»), некоторые из которых становились т. н. «откупщиками», то есть полномочными представителями властей Золотой Орды по сбору налогов в русских землях, а в некоторых случаях и по прямому управлению определенными территориями. Ко второй группе «ордынских бесермен» следует отнести высокопоставленных служилых чиновников мусульманского вероисповедания, осуществлявших административную, фискальную, а также, вероятно, ревизионную деятельность на территории русских княжеств.

Ключевые слова: «бесермены», Золотая Орда, русские земли, численники, откупщики, гости

История отношений населения древнерусских земель (преимущественно купеческих сообществ и знати) с представителями Исламского мира (Дар аль-Ислама), посещавшими русские земли или проживавшими на территории Руси, прослеживается с эпохи становления древнерусской государственности. В частности, торговые контакты русов с мусульманскими купцами фиксируются письменными и археологическими источниками с первой трети X в. [11, с. 95–143; 23, с. 78–79]. К концу X в., несмотря на русско-булгарский военный конфликт 985 г. и неудачную попытку исламского прозелитизма при дворе киевского князя Владимира Святославовича (986 г.) [16, Стб. 72], заинтересованность обеих сторон во взаимовыгодном коммерческом сотрудничестве привела к налаживанию регулярных торговых отношений между Древнерусским государством и мусульманскими купеческими корпорациями Среднего Поволжья, Центральной Азии и Ближнего Востока как по Волжскому торговому пути, так по сухопутному маршруту, получившему в научных исследованиях название «Пути из Булгара в Киев» [22].

Длительные и регулярные контакты мусульманских торговых кругов с представителями древнерусского общества не могли не отразиться в нарративных источниках и правовых уложениях средневековой Руси, где выходцы из стран Исламского мира обозначались термином «бесермене» («бесурмене»), подчеркивающим их конфессиональную принадлежность [29, с. 130]. В исторических исследованиях предпринимались неоднократные попытки определения этнической принадлежности «бесермен», не внесших, тем не менее, окончательной ясности в данную проблему. Так, по мнению Н.М. Карамзина, «бесерменами» в древнерусских источниках обозначались исключительно представители некоторых этнических групп Средней Азии – уроженцы Хивы и Бухары [9, с. 28–29]. Согласно более обоснованной гипотезе М.Н. Тихомирова, слово «бесерменин» имело в Древней Руси двойное значение, обозначая как человека принадлежащего к исламскому вероисповеданию, так и конкретную этническую группу – камских (волжских) болгар [27, с. 84–90]. В свою очередь современным исследователем В.Н. Рудаковым была представлена достаточно аргументированная точка зрения о том, что начиная с середины XIII в. к «бесерменам» на Руси стали относить представителей привилегированных купеческих сообществ Золотой Орды – т.н. ортаков, а несколько позднее данный термин стал синонимом обозначения всего нехристианского населения Джучидского государства – т.н. «тагар» [25, с. 19–24].

Следует отметить, что в отличие от домонгольской эпохи, в период ордынского владычества отношения между населением русских земель и представителями исламской уммы Улуса Джучи

(«ордынскими бесерменами») стали носить многоуровневый и разноплановый характер (от торгово-экономического взаимодействия, до административного управления и военно-политического противостояния). Целью представляемого исследования является определение основных групп мусульманского населения Золотой Орды, осуществлявших свою профессиональную деятельность на территории Руси в эпоху ордынского владычества.

Широкое участие полиэтничного сословия служилого чиновничества и купеческих корпораций в становлении административно-государственной и хозяйственно-экономической систем Монгольской Империи и чингизидских государств образовавшихся после ее распада, является достаточно известным и в некоторой степени освещенным в исторических исследованиях фактом. Вместе с тем, недостаточная изученность вопросов, связанных с той немаловажной ролью, которую играли в процессе монгольского и золотоордынского государствогенеза представители мусульманских этносов, вошедших в состав *Yeke Mongyol Ulus* и Улус Джучи делает актуальной изучение вопросов взаимодействия «ордынских бесермен» с населением русских княжеств.

Рассматривая вышеобозначенную проблему, необходимо учитывать тот факт, что уже на начальном этапе завоевательных компаний монголов, мусульманские купцы являлись не только посредниками в торговле между державой Чингиз-хана и соседними государствами, но также являлись участниками дипломатических миссий и военных компаний монголов. Так, по сообщению хроники Рашид ад-Дина первое посольство, направленное Чингиз-ханом ко двору хорезмшаха Мухаммеда состояло из дипломатов-мусульман центрально-азиатского происхождения, сопровождаемых большим караваном мусульманских купцов-ортаков, представлявших коммерческие интересы монгольской аристократии: «...Согласно приказу каждый человек (представитель правящей элиты – Л.В.) назначил из своих людей по одному – по два человека; собралось четыреста пятьдесят мусульман. Чингиз-хан, присоединив к тем купцам в качестве послов Махмуда Хорезми, Али-Ходжу Бухари и Юсуфа Канка Отрари отправил их к хорезмшаху...» [24, с. 188]. Беспричинное истребление торгово-дипломатической миссии хорезмийским наместником Отрара – Инальчук Кайир-ханом, послужило не только предлогом, но и одной из основных причин начала монгольско-хорезмийской войны [24, с. 189].

Несмотря на свою конфессиональную принадлежность, ряд представителей мусульманской уммы, имевших тесные связи с монгольской военно-политической элитой, приняли активное участие в среднеазиатской компании Чингиз-хана. В частности, во время осады Сыгнака (Сугнака), купец-ортак Хасан-хаджи погиб во время исполнения дипломатического поручения Чингиз-хана: «...приблизившись к городу Сугнаку...он (Чингиз-хан – Л.В.) отправил вперед Хасан-хаджи как своего посланника. Тот Хасан-хаджи, будучи купцом, давно состоял на службе Завоевателя Мира и был принят в число его приближенных. Убийство ханского посла привело к резне населения Сыгнака, переданного в управление сыну Хасана-ходжи» [4, с. 58].

После взятия Дженда, даругачи города и округа был назначен еще один представитель группы служилых чиновников-мусульман – Али-ходжа. По сведениям представленном в труде Ата Мелика Джувейни: «...Этот Али-ходжа был уроженцем Кыздувана, что близ Бухары, и поступил на службу к монголам задолго до того, как они обрели могущество...» [4, с. 59–60]. В свою очередь, в китайско-монгольской династической хронике «Юань-ши» отмечено деятельное участие в событиях связанных с рейдом монгольских туменов Субэдэя и Джэбэ мусульманина Исмаила (в китайской транскрипции – Хэсь-май-ли). Примечательно, что Исмаил не только выполнял ряд дипломатических поручений, возглавляя посольские миссии к курдским эмирам и ширван-шаху, но также сопровождал плененного в битве при Калке русского князя Мстислава (Мечжисыле) в ставку Джучи [13, с. 35]. После завершения Хорезмийской компании, мусульманские чиновники (сартаулы) появляются на завоеванных монголами территориях Северного Китая: «...Из Сартаульских же людей он (Чингиз-хан – Л.В.) поставил советников-соправителей при монгольских даругачинах в Китае, так как они имели возможность получить указания о городских законах и установлениях» [26, с. 307–308].

В последующем, «служилые» мусульмане принимали активное участие в военных компаниях и административной деятельности потомков (сыновей и внуков) Чингиз-хана.

Так, в 1239 г. откупщик Абд-ар-Рахман получает от великого хана Угэдэя право сбора налогов в китайских провинциях Монгольской империи: «Весной, в начальной луне года гэн-цзы (26 января–24 февраля 1240 г.), 12-го [от установленного правления], Абд-ар-Рахману было поручено исполнение обязанностей распорядителя (нилин) над чиновниками бюро по сбору всех налогов (кэшуйсо) во всех областях (лу)» [30, с. 175]. В 1241 г. на важнейший пост наместника Северного Китая был назначен Махмуд Ялавач: «Зимой, в десятой луне (5 ноября – 3-декабря 1241 г.), [Угэдэй] дал повеле-

ние [Махмуду] Ялавачу ведать делами ханского народа» [30, с. 176]. В первой половине 40-х гг. XIII в., при дворе Туракины (Эргенэ-хатун) абсолютное влияние получает группа мусульманских сановников возглавляемая фаворитом регентши – Абд-ар-Рахманом (Ао-ду-ла-хэ-мань в китайской транскрипции). Согласно сведениям представленным в официальной биографии государственного советника (чжу-шу-лина) – Елюя Чуцай: «Когда императрица...вступила во временное правление [империей] и благоговейно стала доверять коварным мусульманам...Ао-ду-ла-хэ-мань получил в свои руки кормило управления...и при дворе все примкнули к нему...» [14, с. 200].

Аналогичная деятельность монгольских чиновников-мусульман отмечается источниками и на территории Улуса Джучи. В частности, после завершения Западного похода, в 40-х гг. XIII в. начинается формирование административно-фискальной системы управления в ряде южнорусских земель, напрямую вошедших в состав Монгольской империи и владений Джучидов. Активнейшее участие в данном процессе принял видный монгольский чиновник, уроженец Ургенча – Масуд-бек Хорумши. Будучи сыном другого видного сановника мусульманского вероисповедания Махмуда Ялавача, перешедшего на службу к монголам во время Хорезмийского похода Чингиз-хана, Масуд-бек имел богатый опыт административной деятельности. Согласно сообщению составителей «Сокровенного сказания монголов» («Монгол ун ниуча тобчийн»): «... После окончательного покорения Сартаульского народа...явились к нему из города Урунгечи (Ургенча – Л.В.) двое Сартаульцев, по фамилии Хурумши, по именам Ялавачи и Масхут, отец с сыном. Они беседовали с Чингис-ханом о городских законах и обычаях, и он убедился в их сходстве с Законом Йосух (Ясы – Л.В.). Посему он поручил сыну его, Масхут Хурумшию, совместно с нашими даругами, ведать городами Бухар, Удан, Кисхар, Уриан, Гусендандарил и прочими. А Ялавача увез с собой и поручил ему ведать Китадским столичным городом Чжунду...» [26, с. 307–308].

После смерти великого хана Угэдэя и перехода ханских полномочий к регентше ханского престола Эргенэ-хатун (Туракины), Масуд-бек переходит на службу к Джучидам, на землях которых проводит ряд мероприятий по налаживанию системы налогообложения согласно правилам фискальных уложений распространенным в государствах исламского мира, а также в провинциях Монгольской империи с преимущественно мусульманским населением.

По не выясненной причине, в записках Плано Карпини вышеуказанный монгольский чиновник упоминается не под своим именем, а под прозвищем фиксирующим его этно-конфессиональную принадлежность – «Сарацин»: «...в бытность нашу в России, был прислан туда один Сарацин, как говорили, из партии Куюк-каана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили в последствии; вместе с тем он увел всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые изыскивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той стране, название которого мы не умеем передать по латыни, а по немецки оно называется ильтис (iltis), поляки же и русские называют этого зверя дохорь (dochori), и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к татарам и обращен в их раба» [3, с. 55].

Заслуживает внимания тот факт, что в середине 30-х гг. XIII в. группой монгольских чиновников (возможно мусульманского происхождения) была предпринята попытка введения подушевого налогообложения и в китайских провинциях Монгольской империи: «...Когда в году цзя-у (31 января 1234 г. – 20 января 1235 г.) [при дворе] обсуждался [вопрос о] переписи населения... и сановник Худу-ху (Quduqu) и другие предлагали считать [каждого] тяглого (человека – Л.В.) за [отдельный] двор, [Елюй] Чуцай заявил: «Нельзя! [Ибо] когда тяглый уйдет в бега, то некому будет платить подати. Должно устанавливать их (налоги) подворно!» После неоднократных споров [налоги] наконец, были устанавлены подворно...» [14, с. 193].

На русских землях подушевая система налогообложения, введенная Масуд-беком, просуществовала с середины 40-х по середину 50-х гг. XIII в. В 1253–1257 гг., после проведения переписных мероприятий высокопоставленным имперским чиновником – бетекчи Берке, на большей части русских земель устанавливается монгольско-китайская система фискальных сборов с предоставлением налоговых привилегий христианскому духовенству: «приехаша численицы исчетоша всю землю Сузальскую и Рязанскую и Мюромскую и ставиша десятники и сотники и тысящники и темники и

идоша в Орду. Толико не чтоша игуменовъ, чернецовъ, попов, крилошанъ, кто зрит на святу Богородицу и на владыку...» [15, Стб. 474].

Однако с приходом к власти младшего брата Бату – Берке, право сбора налогов в русских землях передается представителям мусульманских купеческих корпораций – ортаков, посредством получения откупных ярлыков. В Лаврентьевской летописи присутствует описание фискальной и коммерческой деятельности «бесурмен» на землях Северо-Восточной Руси: «...окупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творяхуть роботяще резы и многы души крестьяньския разнo ведоша...» [15, Стб. 476]. Исходя из информации приводимой в вышеуказанном летописном сообщении, откупщики – «бесурмене» имели полномочия не только на неограниченные сборы денежных средств, но и вели активную ростовщическую деятельность («роботяще резы»), имея право обращать в невольников и даже продавать в рабство людей, находившихся в долговой зависимости от них.

Следует отметить, что практика выдачи денежных займов под процент представителями мусульманских купеческих корпораций являлась достаточно распространенной на всей территории Монгольской империи и чингизидских государств, образовавшихся после ее распада, несмотря на присутствующие в исламе прямые запреты на занятие ростовщичеством (риба ан-насиа) [10, Сура 2 аль-Бакра, аяты 275–279, сура аль-Имран аят 130; 8, с. 34–36]. Согласно сообщению «Юань-ши», в период правления великого хана Угэдэя, долги государственных чиновников и населения перед мусульманскими купцами достигли огромной суммы в 76 тыс. лян серебра, приводя к массовому разорению должников [13, с. 80].

И если в китайских провинциях Монгольской империи проблема вышеописанных злоупотреблений была решена посредством выплат из гос. казны и реформы системы налогообложения [14, с. 80], то в русских землях подобная деятельность мусульманских «откупщиков» вызвала в 1262 г. восстание в ряде городов Северо-Восточной Руси: «В лето 6770 [1262 г.] избави Бог от лютого томления бесурменскаго люди Ростовскія земли вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ изволишаа вечь и выгнаша из городовъ изъ Володимира, изъ Суждаля, изъ Ярославля...» [15, Стб. 476]. По всей вероятности, подобная реакция городского населения была вызвана не только причинами фискально-экономического характера, но и неправомерными действиями некоторых монгольских чиновников мусульманского вероисповедания. В пользу данной гипотезы свидетельствует сообщение Лаврентьевской летописи о бесчинствах джучидского «титяма» – «бесурменина» Кутлубия, производившего некие «досадные» действия в отношении христианских культовых сооружений и церковного имущества: «...бе бо тогда титям приехалъ от царя татарского именемъ Кутлубий, зол сый бесурменинь, того поспехом оканьнии лишеникъ творяше храмомъ велику досаду, кресту и святымъ церквамъ поругаяся...» [15, Стб. 476]. По краткому и неопределенному сообщению летописи трудно определить характер действий Кутлубия. Можно лишь предположить, что речь идет о неких действиях монгольского чиновника в отношении ритуальных ценностей, а также храмового имущества, расцененных православным духовенством и прихожанами как поругание христианских святынь.

В данном контексте представляет особый интерес определение административного статуса «бесурменина», «бесчинствовавшего» в городах «Ростовской земли» (Северо-Восточной Руси). Согласно гипотезе А.П. Григорьева, летописный «титям» (от тюркского «tetim» – «упорный», «решительный», или «tetig», «tetik» – «умный», «сметливый», «сообразительный») [5, с. 556; 7, с. 30] Кутлубий, являлся доверенным лицом Берке или великого хана, выполнявшим особые поручения и наделенным специальными полномочиями [2, с. 183]. В свою очередь, И.В. Зайцев, посвятивший специальное историко-филологическое исследование проблеме определения значения слова «титям», делает вывод о соотношении данного термина с дипломатической должностью «тетик»/«тетим»/«теть», фиксируемой в дипломатической переписке между Москвой и Бахчисараем в XV–XVI вв. [7, с. 29–34]. Исходя из вышеизложенной информации, допустимо высказать предположение о попытке проведения властями Улуса Джучи ревизии имущества Русской Православной Церкви с целью получения дополнительных налоговых выплат, посредством направления специальной миссии во главе с чиновником мусульманского вероисповедания.

Восстание 1262 г. привело к временному прекращению практики передачи права сбора налогов в русских землях представителями мусульманских купеческих корпораций. Однако с приходом к власти хана-дerviша Туда-Менгу (1281 г.) происходит усиление влияния торговых сообществ ортаков, вновь получивших возможности к ведению не только коммерческой и фискальной, но и административно-хозяйственной деятельности на некоторых русских землях.: «Бе убо обычай царем ордин-

ским и князем его на всей русской земле дань взимати, овогды же убо откупаху даньския пошлины русских князей, овогды же сами князи на своих княжениях забираху дани и отвожаху во Орду, овогда же... **ординския гости**... откупаху дани в русских княжениях, и тако корысть себе приобретаху» [17, с. 162].

Деятельность одного из таких «ордынских гостей», получила достаточно подробное освещение в русских летописных сводах, ввиду того обстоятельства, что «бесерменин» Ахмат получил ярлык не только на сбор податей, но и на управление территорией Курского княжества, с правом создания населенных пунктов («свобод», слобод). Согласно сообщению Лаврентьевской летописи, в 1288 г.: «...сътворися зло в княжения Курския области, бяше некто бесерменин злохитр и велми зол, имя ему Ахмат, держаше баскачество Курскаго княжения, откупаша у татар дани всякия и теми даньми велику досаду творяше князем и черным людем в Курском княжении, насилие творяху христианом, сущим Курския волости, около Воргола и около Рыльска пусто створиша» [15, Стб. 481]. Помимо полномочий фискального чиновника, «бесерменин» Ахмат получил право на осуществление административно-хозяйственной деятельности, включавшей основание новых населенных пунктов – «свобод» (слобод): «...Еще же к тому наряди две свободы в отчине Олга, князя Рыльского и Воргольского, и оумножишася люди в свободах тех, со всех сторон шедшеся...» [15, Стб. 481–484]. Впоследствии, на территории Курского и Рыльско-Воргольского княжеств была образована т.н. «Курская тьма», также, по всей вероятности, управлявшаяся ордынскими чиновниками-«бесерменами».

Помимо исполнения фискальных и административных полномочий, мусульманские купеческие корпорации вели коммерческую деятельность в Северо-Восточной и Юго-Западной Руси, используя как речные, так и сухопутные торговые маршруты. К сожалению, как в русских, так и в иностранных источниках сохранились лишь отрывочные сведения о масштабах и направлениях «бесерменской» торговли на русских землях, по которым, тем не менее, можно составить общую картину русско-мусульманских торговых контактов в золотоордынскую эпоху.

Так, русские летописные источники отмечают существование крупной мусульманской общины в Нижнем Новгороде, уничтоженной во время набега новгородских ушкуйников в 1365 г. Согласно сообщению Типографской летописи: «...придоша Волгою из Новагорода из Великаго полтораста ушкуев Новгородци, разбойницы оушкуйницы, избиша множество бесермен в Новегороде в Нинем, множество муж и жен и детеи, товар их бесчисленно весь пограбиша. А суды их кербаты и лодии и оучаны и павозки и струги, то все посекоша, и сами отидоша в Каму и придоша до Болгар, тако же творяще и воююще...» [20, с. 124; 1, с. 214]. В свою очередь, русские купцы вели активную коммерческую деятельность на Волжском торговом пути и в крупных городских агломерациях Золотой Орды в Среднем Поволжье [28, с. 63].

Также фиксируется ведение корпорациями ортаков («ордубазарных гостей») крупнооптовой торговли на сухопутных маршрутах. В частности, письменными источниками отмечается активное функционирование в XIV в. т.н. «Татарского пути» («Via Tatarica»), соединявшего торговоремесленные центры Северного Причерноморья и Приазовья с государствами Восточной Европы. Свидетельством того, что основными действующими субъектами на данном маршруте были, преимущественно, мусульманские торговые корпорации, являются обнаруженные на ряде поселений «Татарского пути» типичные для центрально-азиатских и ближневосточных торговых путей элементы инфраструктуры обслуживания купеческих караванов (караван-сарай, бани-хамамы, печитандыры) [12, с. 20–22]. Достаточно оживленная и масштабная сухопутная торговля велась «ордынскими гостями» и с землями Северо-Восточной Руси. В частности, Никоновская летопись отмечает прибытие в 1398 г. «Тохтамышева посла царева Темир-Хози», который: «...был на Рязани, у великого князя Олега Ивановича Рязанского, а с нимъ много Татар и коней и гостей» [18, с. 167]. По сообщению Московского летописного свода, пришедший в 1476 г. из Большой Орды в московские земли купеческо-посольский караван из Большой Орды состоял из нескольких тысяч купцов: «Того же лета [6982 (1476) года – Л.В.] месяца иуля 7 пришел из Орды Микифоръ Басенков с послом царевымъ Ахмутом болшиа орды с Кара Кучумом, а с ним множество татаръ пословых было 6 сот, коих кормили, а гостей с коньми и со иным товаром было 3 тысячи и двести, а коней продажных было с ними боле 40 тысяч, и иного товару много...» [21, с. 302]. Подобная концентрация купцов и товаров, двигавшихся в сопровождении многочисленной охраны из воинов ханских посольств, по всей вероятности, позволяла обеспечивать максимальную безопасность и прибыльность торговли.

Судя по отрывочным сообщениям русских источников, «ордынские гости» продолжали заниматься ростовщической деятельностью и в XIV в., выдавая крупные займы русским князьям. В част-

ности, во время борьбы за ярлык на великое княжение к заимствованиям денежных сумм пришлось прибегнуть московскому князю Дмитрию Ивановичу, возвратившемуся из Мамаевой Орды «съ многими длъжники...» [19, Стб. 98]. То, что заемщиками правителя московского княжества выступали представители мусульманских купеческих корпораций, подтверждается сообщением о «долге бесерменском и проторах (убытках – Л.В.)», содержащемся в соглашении («докончании») Дмитрия Донского со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским заключенным в 1389 г. [5, с. 31].

Таким образом, подводя итоги исследования можно констатировать, что основными группами «ордынских бесермен», осуществлявших коммерческую и административную деятельность на русских землях в XIII–XV вв. являлись купеческие корпорации-ортаков, представлявшие интересы монгольской (ордынской) аристократии, торговые круги Волжской Болгарии, а также золотоордынские чиновники мусульманского вероисповедания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воротынцев Л.В. «Черная смерть» и феномен новгородского ушкуйничества (XIV – первая половина XV вв.) // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Казань, 2018. С. 209–221.
2. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. 276 с.
3. Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов // Путешествие в восточные страны. М., 1957. 287 с.
4. Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик. История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004. 690 с.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1950. 585 с.
6. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
7. Зайцев И.В. Кто такой теть? // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 4. 2011. С. 29–34.
8. Имам Захаби. 76 больших грехов. М.: ООО Издательская группа «Сад», 2010. 192 с.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. М.: Наука, 1996. 560 с.
10. Коран. Прочтение смыслов. Сура 2 аль-Бакра, аяты 275–279, сура аль-Имран аят 130. М., 2017. Фонд исследований исламской культуры. 624 с.
11. Ковалев Р.К. О роли русов и волжских болгар в импорте североиранских дирхемов в Европу во второй половине X – начале XI в. // Древнейшие государства Восточной Европы: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2015. С. 95–143.
12. Козир І.А., Чорний О.В. Локалізація місця битви на Синніх Водах 1362 р. у світлі нових джерел // Український історичний журнал. Київ, 2012. № 2. С. 20–22.
13. Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Дучи. От Калки до Астрахани (1223–1556). Казань, 2001. С. 30–42.
14. Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М.: Наука, 1965. 223 с.
15. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 392 с.
16. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. Стб. 72. СПб., 1908. 938 Стб.
17. ПСРЛ. Т. X. Никоновская летопись. СПб., 1885. 226 с.
18. ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. СПб., 1897. 262 с.
19. ПСРЛ. Т. XV. Рогожская летопись. М., 2000. 504 Стб.
20. ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. Пт., 1921. 272 с.
21. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 1949. 464 с.
22. Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992. 136 с.
23. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 78–79.
24. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.-Л., 1960. 248 с.
25. Рудаков В.Н. О значении термина «бесермене» в русских источниках второй половины XIII–XVI вв. // Вестник славянских культур. 2013. №3. С. 19–24.
26. «Сокровенное сказание монголов» («Монгол ун ниуча тобчиан») // Золотая Орда в источниках: в 5 т. Т. 3. Китайские и монгольские источники / Перевод с кит., сост., вводная статья и комментарии Р.П. Храпачевского. М., 2009. 336 с.
27. Тихомиров М.Н. Бесермены в русских источниках // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973. С. 84–90.
28. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. I. СПб., 1884. 563 с.

29. Устав князя Ярослава о церковных судах. Пространная редакция. Основной извод // Гайденко П.И., Фомина Т.Ю. История Русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (обзор письменных источников). М., 2009. С. 130–132.

30. Юань-ши (Официальная хроника династии Юань) // Золотая Орда в источниках: в 5 т. Т. 3. Китайские и монгольские источники / Перевод с кит., сост., вводная статья и комментарии Р.П. Храпачевского. М., 2009. 336 с.

Сведения об авторе: Леонид Вячеславович Воротынцев – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Российская Федерация). E-mail: leonrus1245@mail.ru

“BESERMENS” OF THE GOLDEN HORDE: NUMERATORS, TAX COLLECTORS, GUESTS

L.V. Vorotyntsev

Bunin Yelets State University

Research objectives: to determine the main groups of Muslim population (“besermens”) of the Golden Horde who were engaged in their professional activities on the territory of Rus, as well as elements of their interaction with ruling elites, trading communities, and the population of Russian lands in the 13th–14th centuries.

Research materials: Old Rus’ chronicles, legal regulations and princely treaties, historical works of Rashid al-Din and Ata Melik Juvaini, the Mongolian-Chinese dynastic chronicle “Yuan-shih”, “The Secret History of the Mongols”, “The History of the Mongols” by Plano Carpini.

Results and novelty of the research: Based on the analysis of written sources, the author of the study concludes that during the period of the Horde rule, the most numerous group of representatives of the Muslim Ummah of the Jochi Ulus who had regular contacts with the population of the lands of Northeastern and Southern Russia were representatives of privileged merchant corporations (Ortaks, “Horde guests”), some of whom became so-called “tax collectors”, that is, authorized representatives of the authorities of the Golden Horde to collect taxes in Russian lands, and in some cases, to directly manage certain territories. The second group of “Horde-free tribes” should include high-ranking officials of the Muslim faith, who carried out administrative, fiscal, and also, probably, auditing activities on the territory of the Russian principalities.

Keywords: “Besermens”, Golden Horde, Rus’ lands, numerators, tax collectors, guests

About the author: Leonid V. Vorotyntsev – Cand. Sci. (History), Research Fellow, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: leonrus1245@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ЭПИЗОДЫ «ВЕЛИКОЙ ЗАМЯТНИ» В КОНТЕКСТЕ НУМИЗМАТИКИ

Ф.В. Ермолов

Волгоградская региональная общественная организация
«Общественный совет по культурному наследию»

Цель исследования: уточнение хронологии и выявление внутренней логики событий «великой замятни», идентификация эмитентов монет этого периода и соотнесение их с историческими персонажами, известными по сведениям нарративных источников.

Материал исследования: серебряные и медные монеты периода замятни, в т.ч. новосарайские монеты хана Абдаллаха, датированные 762 г.х. и монеты Пулад-Тимура 768 г.х., а также нарративные источники, содержащие сведения о событиях середины XIV века в Золотой Орде.

Результаты и научная новизна: уточнена атрибуции нескольких типов золотоордынских монет, выявлены нумизматические свидетельства первой интронизации хана Абдаллаха еще в 762 г.х. Предложено новое чтение паторнимического имени на монетах Пулад-Тимура, позволяющее отождествить этого эмитента с неоднократно упомянутым в нарративных источниках Тимуром, сыном Могул-Буги. Выдвинута гипотеза о родстве Пулад-Тимура с ханом Джанибеком и эмиром Тагаем, чеканившим от своего имени медную монету в мордовском улусе. Тулунбек-ханум, чеканившая медную монету в Новом Сарае в 773 г.х., соотнесена с матерью Бердибека. Показано, что все эмитенты золотоордынских монет нечингизидского происхождения были связаны родственными связями с династией Батуидов.

Ключевые слова: Золотая Орда, нумизматика, Великая замятня, Абдаллах, Пулад-Тимур, Тагай, Тулунбек-ханум

Период «великой замятни» крайне скупо и противоречиво освещен в нарративных источниках, так что особо ценными для изучения событий середины XIV века в Золотой Орде являются нумизматические источники. Однако полноценному использованию историками этого класса источников препятствует отсутствие источниковедческого анализа нумизматического материала. Долгое время джучидская нумизматика занималась исключительно формальной атрибуцией монет, зачастую осуществляемой по единичным экземплярам, вырванным из общего контекста. С накоплением нумизматического материала, развитием технологий, позволяющих фиксировать, хранить и обрабатывать большие объемы данных, эволюцией методик самой нумизматики – появилась возможность верифицировать многие интуитивные по сути утверждения, прочно вошедшие в нумизматическую и историческую литературу. Имея значительно более полную и целостную картину денежного обращения Золотой Орды и помещая нумизматический источник в контекст всех доступных нарративных источников – мы сейчас можем справиться со многими историческими задачами, прежде казавшимися неразрешимыми. Рассмотрим несколько конкретных примеров.

Монеты Абдаллаха 762 г.х. (см. рис. 1, 2). Наиболее раннее упоминание новосарайской серебряной монеты Абдаллаха 762 г.х. нам удалось обнаружить в одной из рукописей А.Ф. Лихачева [3, с. 37, № 135]. В 1896 году такая монета была описана А.К. Марковым [12, с. 41, № 645], прорисовка штемпелей опубликована Н.М. Шелди [24, с. 90, №326]. Фотографии монет (с ошибками в атрибуции) были приведены в публикациях нумизматического комплекса Сарайчука [19, с. 133, № 37; С. 177] и Каратунского клада [21, с. 467, P7290227, P7290228]. Фото еще одного экземпляра размещено в нумизматической базе Zeno.ru (#112744). Все монеты отчеканены одной штемпельной парой.

А.К. Марков полагал, что монета бита старым штампом реверса, ничем эту точку зрения не обосновывая. В результате данный монетный тип выпал из поля зрения исследователей. Однако проведенный нами поштемпельный анализ новосарайских монет 762 г.х. Хызра, Тимур-Ходжи, Орду-Мелика и Кельдибека не подтверждает это предположение. Данный реверс в сочетаниях с другими аверсами никогда не использовался, хотя монеты Тимур-Ходжи, Орду-Мелика и Кельдибека образуют одну штемпельную сетку, в которой реверсы переходили от одного эмитента к другому и работали до полного износа. Анализ особенностей палеографии монет в штемпельных цепочках позволяет выде-

лить партии штемпелей, изготовленные одновременно – как правило, они отличаются мелкими дифферентами, своими для каждой из таких партий. Наиболее близким рассматриваемому по манере исполнения штемпелем (высокие цифры, дифферент «звезда» между цифрами 7 и 6) является первый реверс монет Орду-Мелика (рис. 1, 1). Вероятно, эти штемпели были изготовлены вместе в одной партии. Штемпель аверса рассматриваемой монеты после правки (точка над именем хана перерезана в звезду, правее добавлен дифферент «о») использовался при чеканке новосарайских монет Абдаллаха в 764 г.х. в начале штемпельной цепочки (рис. 1, 3). Характерно, что монеты, датированные 762 г.х. заметно реже новосарайских монет Абдаллаха всех остальных штемпельных пар, что позволяет предположить отдельную раннюю эмиссию этого правителя.

Рис. 1. 1 – Ордумелик, Сарай ал-Джедида, 762 г.х. (Zeno, #48408);
2 – Абдаллах, Сарай ал-Джедида, 762 г.х. (Zeno, #112744);
3 – Абдаллах, Сарай ал-Джедида, 764 г.х. (Zeno, #214358)

На наш взгляд, наличие новосарайских монет Абдаллаха с датой 762 свидетельствует о том, что вскоре после воцарения Тимур-Ходжи, Мамаем была осуществлена попытка интронизации Абдаллаха и реализовано «право сикке». В изложении русских летописей именно Мамай свергает Тимур-Ходжу, причем Абдаллах в этих известиях уже назван царем [17, с. 181]. Судя по редкости рассматриваемых монет, практически сразу Абдаллах был смещен Орду-Меликом, имевшим больше прав на престол как представитель старшей по отношению к Абдаллаху ветви Тука-Тимуридов. Мы поддерживаем точку зрения А.Г. Гаева о принадлежности Орду-Мелика к потомкам Баяна, а ханов орды Мамаея к младшей ветви Тука-Тимуридов [4, с. 23, 53, 54]. После Орду-Мелика в Новом Сарае воцарился Кельдибек – именно такой порядок смены правителей демонстрирует штемпельная цепочка. Нарративные источники единодушно называют Кельдибека самозванцем. Некий Кельдибек присутствует в шежире племени Канлы и приходится внуком самому Канлы, основателю рода [2, с. 101]. С нашей точки зрения этого Канлы допустимо отождествить с Канлы Тулубаем (Тоглубаем, Товлубием) [20, с. 47].

Вероятно, небольшая эмиссия монет Абдаллаха с датой 762 была отчеканена в короткий промежуток времени между свержением Тимур-Ходжи и приходом к власти Орду-Мелика. Позже подправленный аверс был использован при повторном воцарении Абдаллаха в 764 г.х. После интронизации Орду-Мелика Абдаллах потерял ханский титул, о чем свидетельствует перерыв в чеканке последнего до 764 г.х., а также азакские монеты Мамаея 763 г.х. (незначительная, вероятно, пробная эмиссия). Утверждения об интронизации Абдаллаха в Азаке или Крыму представляются нам ошибочными. Интронизация нового правителя должна была происходить исключительно в столичном регионе – «престольном владении», в связи с чем для восстановления Абдаллаха у власти Мамаю потребовалось в 764 г.х. отбить Новый Сарай у другого Тука-Тимурида, вошедшего в историографию как «Хайр-Пулад». С нашей точки зрения прочтение на монетах имени «Хайр-Пулад» является ошибочным. Наш вариант прочтения этого имени – «Джаниса-Пулад». В таком случае этого эмитента можно соотнести

с Тука-Тимуридом Джанисой, отцом Таш-Тимура. Эта гипотеза требует подробного изложения и будет рассмотрена нами в ближайших публикациях. Абдаллах становится активным участником событий (выдает ярлык на великое княжение московскому князю Дмитрию Ивановичу) только с 1363 года (764 г.х.), т. е. после повторной интронизации в Новом Сарае. Наличие монет Абдаллаха 762 г.х. позволяет не только более полно представить стремительный ход событий после смерти Хызра, но и лучше понять логику противостояния различных кланов времен замятни.

Монеты Пулад-Тимура. Пулад-Тимур – единственный эмир Золотой Орды, осмелившийся выпустить значительную эмиссию серебряных монет со своим именем, что свидетельствует о принадлежности этого эмитента к верхушке золотоордынской элиты, а значит его имя с высокой вероятностью должно фигурировать в нарративных источниках. Аверсы серебряных монет Пулад-Тимура читаются однозначно: «Султан покойный Джанибек хан, да продлится правление» (на некоторых редких вариантах просто «султан справедливый Джанибек хан»), но единой точки зрения в отношении прочтения легенд реверсов этих монетах так и не было выработано. Х.М. Френ прочел легенду реверса как «Пулад-Тимур, сын Нугана год 768». [22, с. 19]. В.В. Григорьев читал ту же легенду иначе: «по повелению Пулад-Тейму[r]-хана; года 728» [7, с. 52–53]. П.С. Савельев отметил, что в интерпретации Френа имя «Нуган» можно прочесть и как «Туган», но в итоге поддержал версию Григорьева. На одном из вариантов монет этого типа он прочел реверс иначе – «повеление Пулад-Тимура, Гюлистан, 768 года» [18, с. 208–214]. А.К. Марков при описании одного из типов медных пулов этого эмитента (рис. 2, 1) прочел легенду «Пулад бен Буга Шах» [12, с. 116. № 777а]. А.Г. Мухамадиев читал легенду серебряных монет Пулад-Тимура «Булат-Тимур сын Токла (Тюкла, Теввекел) би», на некоторых вариантах он, как и Савельев, вместо отчества видел место чеканки – Гюлистан. Токла би Мухамадиев осторожно соотнес с эмиром Тоглубеем [14, с. 93–94].

Рис. 2. Медные пулы Пулад-Тимура.
Насаб – Буга-шах (Zeno, #66597; #190530)

На данный момент нам известно более 100 серебряных монет Пулад-Тимура. Выявлено несколько существенно отличающихся вариантов этого монетного типа, образующих не связанные штамповые цепочки, что свидетельствует о работе нескольких эмиссионных центров. Но ареал встречаемости рассматриваемых монет ограничен исключительно бывшими землями Мордовского и Булгарского улусов, ни один из вариантов этих монет не чеканился на Нижней Волге, и непосредственно к городу Гюлистану (Царевскому городищу) они отношения не имеют. Одна из штамповых цепочек действительно содержит реверс с легендой «чекан / Гюлистана / 767» (см. рис. 4, 3), но это старый штамп монет с именем Азиза, чеканившихся ранее в землях Мордовии (судя по топографии находок) при Тагае. «Азиз» в данном случае – вероятно, не часть имени «Азиз-Шейх» а почетное посмертное прозвище хана Джанибека [15].

Имея перед глазами относительно полные штамповые цепочки, мы можем продвинуться в чтении легенды реверса. Нами выявлено три устойчивых варианта написания насаба (патронимического имени) на этих монетах. С учетом вариантов с тщательно расставленными диакритическими знаками их чтения «Буга-би» (см. рис. 3, 1), «Буга-шах» (рис. 3, 2), «Бугшах» (рис. 3, 3). Третий вари-

ант был ошибочно прочтен Савельевым и Мухамадиевым как «Гюлистан» – на наш взгляд, это просто слитное написание конструкции «Буга-шах». Чередование слогов -би / -шах говорит о том, что это не часть имени, а титул. Само имя отца Пулад-Тимура – Буга.

Рис. 3. Варианты монет Пулад-Тимура с разным написанием насаба (Zeno, #234015; #300664; #48695; #164987)

Рис. 4. 1, 2 – Серебряные монеты, отчеканенные в Мордовском улусе при Тагае (Zeno, #226151; #281877).
3 – Монета Пулад-Тимура 768 г.х., битая старым реверсом (Zeno, #300676)

Помимо русских летописей, Пулад-Тимур упомянут так же в династических таблицах Натанзи [25, с. 41]. Там он указан беклярибеком Бердибека. Однако из ярлыков Бердибека митрополиту Алексию и венецианским купцам Азака мы знаем, что эту должность при Бердибеке занимал Могул-Буга [5, с. 11]. Таким образом, мы имеем основания соотнести Пулад-Тимура с неоднократно упомянутым в нарративных источниках эмиром Тимуром, сыном Могул-Буги. На монетах отсутствует первая часть имени Могул-Буги, но анализ нарративных источников показывает, что такие сокращения были допустимы и части составного имени могли бытовать изолированно. В частности, Могул-Буга и его сын Тимур фигурируют в различных версиях сказания об Амате. В татарском дастане «Рассказ о Жаныбек-хане и Амате» соперником героя является Темир, сын Мунгала [10, с. 154], а в ногайском ге-

роическом эпосе «Эрю-Амет, сын Айсулы» тот же персонаж указан как Темир, сын Бугалы [1, с. 24]. Первая часть имени Пулад-Тимура, напротив, могла быть опущена в нарративных источниках. Отметим, что Эвлия Челеби упоминает искомые имена при пересказе тариха на текке Тахир-бея в Старом Крыму: «...Бай Буглы-хатун... дочь Тонкатая, сына Кутлуга, сына Тимура, сына Буга Бая» [23, с. 168].

Могоул-Буга был представителем высшей знати – он занимал должность беклярибека при Джанибеке (до 752 г.х.) и Бердибеке [5, с. 11]. В одном из списков «Дафтар-и Чингиз-наме» указана родовая принадлежность Тимура и Могоул-Буки – племя кипчак. Тот же источник относит к кипчакам и Тайдулу, мать Джанибека [13, с. 123, 127]. Вероятно, Могоул-Буга был близким родственником Тайдулы, возможно, братом. С этим могут быть связаны щедрые выплаты Могоул-Буге, его сыну Тимуру и их семьям в «платежной ведомости Тайдулы» [6, с. 206]. В таком случае, Пулад-Тимур был родичем Джанибека, возможно, двоюродным братом, что объясняет появление на монетах этого эмира имени уже покойного хана с формулировкой «да продлится правление». Имена покойного могущественного отца и покойного родственника-Чингизида должны были подчеркнуть легитимность собственного независимого правления.

По Натанзи Могоул-Буга погиб в правление Кельдибека [9, с. 255]. К тому же времени русские летописи относят захват Пулад-Тимуром Булгара [17, с. 181], вероятно, он обособился там после гибели отца. Пребыванию Пулад-Тимура в Булгарском улусе (763–767 гг.х.) соответствуют надчеканы «хан» и «Азиз хан», часто встречающиеся на медных пулах 762–767 гг.х. на территории Татарстана. На наш взгляд слово «Азиз» и в этом случае является прозвищем покойного Джанибека – формула «султан покойный Азиз Джанибек хан, да продлится правление» присутствует на медных монетах Пулад-Тимура (рис. 2, 2) [15, с. 180].

Монету со своим именем Пулад-Тимур начинает чеканить только с 768 г.х., когда под его контролем оказываются не только Булгарские земли, но и Мордовский улус, которым прежде владел эмир Тагай. Последний раз летописи упоминают Тагай осенью 1365 года (рубеж 766–767 гг.х.), когда он совершил набег на Переяславль-Рязанский [17, с. 183]. Летом 1367 года (конец 768 г.х.), после набега на владения Суздале-Нижегородских князей, за реку Пьяну (т. е. в Мордовские земли) уходит Пулад-Тимур [16, с. 85]. Там же, в Мордовском регионе, основное сосредоточение находок как медных, так и серебряных монет Пулад-Тимура. Возможно, Пулад-Тимур унаследовал улус своего старшего родича. Как и Пулад-Тимур, Тагай чеканил монету (только медную) от своего имени, что говорит о его высоком социальном статусе. Под 716 г.х. Ал-Маркизи сообщает о посольстве в Египет от Узбека и его родственника Тогайа [8, с. 309]. В генеалогических источниках среди Джучидов, живших в этот период, нет никого с таким именем. Возможно, Тагай так же был родичем Тайдулы, супруги Узбека. Примечательно, что Тагай и Пулад-Тимур одновременно обособились в соседних северных улусах на рубеже 762–763 гг.х. Новые ресурсы Мордовского улуса, где уже чеканилось серебро (см. рис. 4, 1, 2), и положение старшего в роду могли подтолкнуть Пулад-Тимура к началу выпуска от своего имени серебряной и медной монеты.

Мы считаем, что и другие персоны нечингизидского происхождения, оставившие свои имена на монетах в годы замятни, так же были связаны с домом Бату. По Ибн Халдуну Мамай, от имени которого была выпущена небольшая эмиссия серебряных монет в Азаке [22, с. 20], был женат на Ханум, дочери Бердибека [8, с. 276]. Более достоверными представляются сведения Кырыми, согласно которым женой Мамайа была сестра Бердибека Бисулу Хануш [11, с. 65]. Возможно, этот брак был заключен уже после смерти Бердибека. Рогожский летописец сообщает, что Мамай в 1361 году вывел с собой на правый берег Волги всех цариц [16, с. 71]. Вероятно, среди них были и Тулулунбек-ханум с Бисулу Хануш, на последней Мамай мог в последствии жениться, чтобы поднять свое общественное положение, а первую мог сделать своей наместницей в Новом Сарае в 773 г.х. Кроме сообщения Ибн Халдуна, скомпрометированного утверждением о том, что Токтамыш является сыном Бердибека, иных сведений о высоком положении Мамайа и его родстве с ханом в период правления Бердибека нет.

Тулулунбек-ханум, чеканившая медную монету от своего имени в 773 г.х., упомянута в династических таблицах Натанзи как мать Джанибека. Матерью Бердибека там же названа Тайдула. Вероятно, автор перепутал их местами и на самом деле Тулулунбек являлась супругой Джанибека и матерью Бердибека. Черкес-бека мы соотносим с Салчи, сыном эмира Амата из племени уйсун и дочери хана Джанибека. В ближайших публикациях мы намерены рассмотреть эти темы более детально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Г. Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. Ставрополь, 1909. С. 1–29.
2. Аргынбаев Х., Муканов М., Востров В. Қазақ шежіресі хақында. Алматы, 2000. 464 с.
3. Бургачев А.Н. Неопубликованный клад золотоордынских монет из архива А.Ф. Лихачева // Труды МНК. М., 2008 С. 26–38.
4. Гаев А.Г. Генеалогия и хронология Джучидов // Древности Поволжья и других регионов. Вып. 4. Т.3. Нижний Новгород, 2002. С. 9–55.
5. Григорьев А.П. Обращение к ордынскому хану и его сановникам в посланиях венецианского дожа 14 в. // Вестник Санктпетербургского университета. 1992. Сер. 2. № 4. С. 6–12.
6. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002. 276 с.
7. Григорьев В.В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // Записки Санкт-петербургского археолого-нумизматического общества. Т. II. Вып.1. СПб., 1850. С. 1–63. Таб. I–IV.
8. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Подгот. к изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с. (История Казахстана в арабских источниках, т. I).
9. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Отв. ред. М.Х. Абусейтова. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 620 с. (История Казахстана в персидских источниках, т. IV).
10. История Чингисхана и Тамерлана // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIX. 1907. С. 119–158.
11. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
12. Марков А.К. Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 120 с.
13. Мустакимов И.А. Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 122–131.
14. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 168 с.
15. Пачкалов А.В. Образ золотоордынского хана Джанибека в представлении потомков (по данным нумизматики) // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2007. С. 180–184.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Изд. 2. Вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922. 132 с.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. 458 с.
18. Савельев П.С. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамыша // Записки Восточного Отделения Императорского Археологического Общества. Т. XII. Выпуск второй. СПб., 1858. С. 181–342.
19. Самашев З., Бурнашева Р., Базылхан Н., Плахов В. Монеты Сарайчика. Алматы, 2006. 184 с.
20. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М.Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой, З.Т.Хафизова; перевод на русский язык И.М.Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М.Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
21. Федоров-Давыдов Г.А., Мухаметшин Д.Г. Каратунский клад джучидских монет XIV века. Том II. Казань: Изд-во Orange Key, 2020. 487 с.
22. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М. Френа. СПб., 1832. 80 с.
23. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2008. 272 с.
24. Шелди Н.М. Булгаро-Татарские монеты XIII–XV веков. Практическое пособие для нумизматов-ориенталистов. Казань, 2002. 168 с.
25. Nagamine H. On the jadwar of Kōk Orda and Aq Orda in the paris manuscript of Muntakhab al-tawārikh-i Mu‘īnī // Материалы международной конференции «Сарыарка и Алтын Орда: время и пространство» посвященной 750-летию основания Золотой Орды. Караганды, 23–25 октября 2019 год. Караганды, 2019. С. 40–48.

Сведения об авторе: Федор Валентинович Ермолов – заместитель председателя правления, Волгоградская региональная общественная организация «Общественный совет по культурному наследию» (Волгоград, Российская Федерация). E-mail: qutlug_bulsun@mail.ru

SOME EPISODES OF THE “GREAT TROUBLES” PERIOD IN THE CONTEXT OF NUMISMATICS

F.V. Ermolov

Volgograd Regional Public Organization
“Public Council for Cultural Heritage”

Research objectives: To clarify the chronology and reveal the internal logic of the events of the “Great Troubles”, identify the issuers of coins of this period and correlate them with historical characters known from narrative sources.

Research materials: silver and copper Golden Horde coins of the 760s AH, including coins of Khan Abdallah, dated 762 AH and coins of Pulad-Temur 768 AH, as well as narrative sources containing information about the events of the middle of 14th century in the Golden Horde.

Results and novelty of the research: the attributions of several types of the Golden Horde coins were clarified, numismatic evidence of the first enthronement of khan Abdallah back in 762 AH was revealed. A new reading of the paternymic name on the coins of Pulad-Temur is proposed, which makes it possible to identify this issuer with Temur, the son of Mogul-Buga, repeatedly mentioned in narrative sources. A hypothesis has been put forward about the relationship of Pulad-Temur with khan Janibek and amir Taghai, who minted a copper coin in his own name in the Mordovian ulus. Tulunbek-khanum, who minted a copper coin in New Sarai in 773 AH, is identified with Berdibek's mother. It is shown that all issuers of the Golden Horde coins of non-Chingizid origin were related by family ties to the Batuid dynasty.

Keywords: Golden Horde, numismatics, Great Troubles, Abdallah, Pulad-Temur, Taghay, Tulunbek-hanum

About the author: Fedor V. Ermolov – Deputy Chairman of the Board of the Volgograd Regional Public Organization “Public Council for Cultural Heritage” (Volgograd, Russian Federation). E-mail: qutlug_bulsun@mail.ru

БИТВА 1391 ГОДА: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ О СРАЖЕНИИ

И.М. Миргалеев

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Статья посвящена кондурчинскому сражению между ханом Золотой Орды Токтамышем и эмиром чагатайского улуса Тимуром, состоявшейся 18 июня 1391 года на левобережье Волги. Автор обращает внимание на дискуссионные вопросы и дает свое видение по локализации места сражения и места переправы Токтамышем Волги. Анализ письменных источников и ход дальнейших событий показывает, что Токтамыш планировал дать бой во время переправы врагом Волги, но Тамерлан сумел атакой своего авангарда заставить Токтамыша принять бой на левобережье Волги. Битва была проиграна Токтамышем прежде всего вследствие измены его военачальников. Однако Тимур не стал переправляться через Волгу, так как часть войска Токтамыша сумела переправиться со своим ханом, к тому же на правобережье Волги собиралась новое войско.

Ключевые слова: Кондурча, Токтамыш, Тимур, Золотая Орда, битва, 1391 год

Война между Золотой Ордой и Чагатайским улусом, начавшаяся в 1385 году шла с переменным успехом. Эмиру чагатайского улуса Тимуру удалось перенести ее глубоко на территорию золотоордынского государства. О причинах противостояния Токтамыша с Тимуром, о ходе войны, о самой битве на реке Кондурче и о политических обстоятельствах этого периода золотоордынской истории мы уже писали не раз [3, 4, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 25, 26, 28, 29, 30].

В последнее время интерес к этой тематике активно начали проявлять самарские краеведы, благодаря усилиям которых к теме подключились самарские и казанские археологи и историки, в том числе и мы. Учитывая значение этого грандиозного события для татарской истории, для Среднего Поволжья и конкретно для Самарской области, возник вопрос о более детальном обследовании маршрута обеих войск, о месте ставок Токтамыша и Тимура и конкретно о месте самой битвы.

Планы по изучению места сражения с помощью новых технологий и археологических исследований безусловно должны опираться на серьезный анализ источников, описывающих это грандиозное событие.

В наших многочисленных работах по данной теме мы уже останавливались на этих вопросах, однако именно конкретной привязки места сражения с указанием современных населенных пунктов мы не делали. Общение с самарскими краеведами, погруженными достаточно глубоко в тематику заставило нас заново вернуться к этому вопросу и рассмотреть данные письменных источников и предложить свое видение по озвученным выше вопросам (см. рис. 1*).

Важный нюанс, это маршрут войск Тимура, состоящий из пути вверх до Улытау и потом движение на запад с перемещением на северное направление. Безусловно, такой маршрут был выбран для того, чтобы скрыть вторжение Тимура на территорию золотоордынского государства. Рассмотрение нахождения Тимура на Улытауе и проведение им языческого обряда уже становилась объектом исследования казахстанских коллег [23]. Конечно, здесь речь идет о суевериях чагатайских воинов, а вовсе не о проявлении дани уважения праху Джучи, о чем иногда пишут некоторые любители.

Здесь безусловно для нас важны данные так называемой Карасакпайской надписи [17, 16], к прочтению которой до сих пор есть вопросы [7], однако основное содержание этого «послания» вполне понятно. В ней Тимур объявляет о цели похода и о количестве своих войск. Необходимо учитывать, что некоторые расчеты современных любителей, которые привлекают прежде всего западно-европейские подсчеты воинов на количество населения не совсем подходят для так называемых восточных армий, которые формировались совершенно по другим параметрам, а учитывая, что в битве участвовали ополчения и собирали войска «по новым числам», т.е. учитывая степень опасности вторжения врага вооружали всех, кого могли, то конечно же речь идет об экстраординарности события. Даже русские летописи отмечают, что Тимур «сеяше просо за шесть месяцев, еже прекормити толикое множество воинства» [15, с. 421]. Безусловно подсчеты должны учитывать все эти нюансы.

* **Рис. 1** (План-схема битвы на Кондурче 18 июня 1391 г. на базе карты с современными топонимами) к статье см. на цветной вклейке.

Утверждения, что якобы на площади перед Улытауом могут вмещаться только определенное количество войск также не могут быть приняты полностью во внимание, так как не все войско находилось на одном участке, армия Тимура двигалась на огромном пространстве, также следуя походному построению войска, когда «кулы» флангов и центра двигались на некотором расстоянии между собой, а не прямо вслед корпус за корпусом. Даже в современных условиях движение войск происходит несколькими колоннами, а не сплошным маршем, как говорится плечом к плечу, как на параде.

В своей книге мы писали, что доверяем данным Карасакпайской надписи в 300 тысяч воинов [8, с. 121], хотя это была правка моего научного руководителя и я далее не стал ее пересматривать. Сейчас также называть какую-то конкретную цифру достаточно затруднительно. Учитывая известные мне данные и понимание темы могу предположить только, что речь все же идет о десятках тысяч воинов. Думаем, что армия Тимура могла состоять до 50 тысяч воинов, у Токтамыша на Кондурчинском сражении должно было быть меньше. Конечно, все эти цифры условные и вполне дискутируемые. Надеемся, что у будущих исследователей найдутся другие возможности и данные, которые помогут конкретизировать этот вопрос. А пока мы все вынуждены оперировать рассуждениями на основе специфических данных и современного уровня понимания исторических процессов прошлого.

Второе утверждение, что степь не прокормит такое количество лошадей, также далеко от истины и от реальных знаний степного биомира. Во-первых, весной и в начале лета в условиях достаточной влажности трава растет безостановочно и восполняется за 3–4 дня. Во-вторых, движение не происходит вплотную, не вся трава съедается и затаптывается, также необходимо учитывать, что кормежка происходит в основном при движении и во время ночных стоянок, что еще больше помогает реанимировать степь. Такие расчеты являются весьма условными и не могут ответить на все эти вопросы, ответы на которые могут дать только комплексные исследования. Учитывая, что Тимур в основном двигался по мезоксерофильным степям (т.е. луговым и разнотравным), проблемы с подножным кормом у него не было. Иначе он и не смог бы пересечь всю степь. Да и источники сообщают только о проблемах с водой, из-за чего страдали кони [6, с. 20]. Время похода было рассчитано согласно временам года, Тимур выбрал время, когда степь как раз сможет прокормит огромное количество скота. Выгорание степной растительности начинается только в июне и пик засушливости приходится на июль-август. Судя по срокам похода, видим, что этот нюанс полководцы Тимура учли и использовали в полную меру. Их желание как можно скорее остановить Токтамыша и сразиться, по нашему мнению, также исходила из этих расчетов. В принципе, они как раз и попали в эти временные рамки, хотя, скорее всего, планировали сразиться раньше 18 июня и не так близко к Волге.

Еще один нюанс, это сам ход войны и вторжение войск Тимура на территорию Золотой Орды. Как известно, к концу 1390-го года Тамерлан подошел вплотную к границам Золотой Орды на Кавказе и взял под свой контроль Дербент. Такая ситуация естественно заставила Токтамыша сконцентрировать воинские силы на Кавказском фронте и самому находиться в столичном улусе [8, с. 112].

По свидетельствам тимуридских авторов, Тамерлан в этот поход готовился с особой тщательностью [22, с. 158–159]. Подготовка началась как минимум за полгода. По свидетельству Абд-ар-разака Самарканди, Тимур приказал своим адъютантам собирать войска «по прежнему и новому числу» [22, с. 191]. Мирхонд сообщает, что Тимур дал приказ, чтобы войско запаслось «по старым и новым обычаям, продовольствием и провизией на год» [6, с. 17]. Эти свидетельства говорят, что обычное количество постоянно воюющего войска Тимура была увеличена именно для этого похода. Также, красной нитью проходит упоминания о сторонниках этого вторжения из Золотой Орды, которые спланировали и координировали свои действия с Тимуром и в итоге стали главной причиной поражения Токтамыша. По свидетельству Ибн Арабшаха и Мустафы ибн Хасана, эмир Идегей своими призывами и умолениями к Тимуру добился организации этого похода [21, с. 458–459; 6, с. 63].

О конкретных договоренностях Тимура с золотоордынскими заговорщиками нам остается только гадать, однако безусловно, главной целью было свержение Токтамыш-хана. Думаю, как раз именно вокруг этого вопроса стороны и нашли взаимопонимание. Хотя противники Токтамыша из числа золотоордынской элиты и Тимур преследовали разные цели, но на данный момент их цели должны были совпасть и быть обоим сторонам выгодным. Так как мы знаем, что противники Токтамыша в дальнейшем быстро дистанцировались от Тимура. В своей работе мы уже писали, что между Токтамышем и Тимуром были и личные неприязненные отношения [8, с. 93, 99]. Думаю, этим объясняется и принятие Тамерланом предложения противников Токтамыша о совместных действиях. Токтамыш в своем письме Ягайло сообщает, что Тимур поверил их лживым речам «веруя в лукавое сердце и такой же язык их, пришел тайно» [1, с. 37]. Пока Тимур готовился к вторжению на террито-

рию Золотой Орды, Токтамыш после попытки переворота, устроенного его родичем Бек Булатом [2, 5, 27], решил выйти из войны. Уже в самом начале 1391 года он отправил посла с предложением мира [22, с. 112, 159; 6, с. 18, 44]. После совещания с эмирами и безусловно с противниками Токтамыша из Сарая, было решено продолжить поход, а посол был оставлен в лагере Тимура в качестве проводника. Но для дезинформации и чтобы Токтамыш не обнаружил вторжение врага был отправлен ответ «пусть пошлет навстречу нам Али-бека, чтобы мы, устроив совещание (джанкы) совместно с эмирами, выполнили то, что будет нужно» [22, с. 113].

Поход Тимура начался в январе 1391 года. По данным Мирхонда и Шереф ад-дина Йезди 19-го января [6, с. 18; 22, с. 159], а по данным Низам ад-дина Шами 22 января [22, с. 112]. Войско Тимура двигалось быстрым маршем. Токтамыш, ждавший ответ своего посла, узнал о вторжении уже когда войско чагатайцев вовсю двигалась по золотоордынской территории. Весть о вторжении врага принесли два нукера Идегея [22, с. 160–161]. Хоть источники и сообщают, что Токтамыш-хан «тотчас же дал знать во все стороны, собрал войско правого и левого крыла» [22, с. 164], однако он мог собрать только готовые воинские подразделения и не со всей территории. Очень мало времени для сбора было у беков Левого крыла, поэтому их участие было минимальным. В таких условиях они должны были принять несколько планов по противодействию Тимуру и сбору войска за максимально короткий срок. Вот почему разведчики и караульные отряды показывались ежедневно и не давали расслабиться противнику [24, р. 116]. Плюс к этому, татары оставляли многочисленные костры, показывая, что впереди Тимура находится многочисленное войско [22, с. 113]; они также разжигали траву, но была весна и это было малодейственно. Эти отряды как раз и были скорее всего войска Левого крыла, которые завлекали врага к реке Яик, к известным переправам. Конечно же, все это делалось с целью выиграть время для сбора войска, и чтобы завлечь врага глубже на территорию Золотой Орды.

Из-за того, что Тимуру удалось использовать в какой-то мере фактор внезапности и скрыть от Токтамыша свое вторжение, ему удалось навязать свою тактику по ведению войны. Оставалось определиться с выбором места сражения. Так как Токтамыш не успел собрать все свои войска, ему нужно было выиграть время и держать врага на расстоянии. Отсюда и попытка Токтамыша напасть на чагатайцев во время его переправы большой реки Яик. Скорее всего весть о вторжении Тимура Токтамышу принесли тогда, когда Тимур уже достиг Улытауа. Токтамыш находился в это время с большой вероятностью в столице. После получения вестей ему надо было преодолеть большие расстояния и переправиться на левобережье Волги, или в низовьях Волги или же на Укекской переправе и организовать засады на реке Яик, куда и должны были прийти войска со всех концов Золотой Орды. Вынужденная остановка и принятие боя на Кондурче говорит о том, что Токтамыш не смог собрать достаточное количество войска. Безусловно, на правобережье Волги еще продолжали собираться новые отряды и после поражения и переправы Волги Токтамыш опирался на них. Тимур не рискнул переправиться через Волгу. А вот Токтамыш благодаря наличию войска за очень короткое время сумел заново вернуть Сарай и наказать Бек Булата, под началом которого несомненно были немалые силы.

Также, нужно учитывать, что битва закончилась отступлением Токтамыша и тактическим поражением в сражении, но не разгромом. Если смотреть как описываются сражения 1391 го и 1395 годов, то можно заметить одну деталь, в отличие от битвы 1395 года, описанного достаточно детально, кондурчинское сражение в описании панегеристов Тимура скудно на детали. Также панегеристы замалчивают тему предательства некоторых военачальников Токтамыша и уход Бек Булата с большой частью войск правого крыла, что и решило исход битвы.

По описанию Будака Казвини видно, что Токтамыш начал стремительную атаку и вскоре вышел на тыл врага. «Натянув уздечку коня, обрушился на тысячи Сулдуза и опрокинул эту громаду, покрыв ее градом стрел. Затем он с отрядом храбрецов занял позицию за армией монарха». «Эмир Тимур-Куркан сразу же обрушился на Токтамыш-хана со всеми войсками, которые следовали за его победным стремением, и этот Хан, как только увидел этот маневр монарха, подобного Рустаму, почувствовал, как дрогнули его ноги и бросился в долину бегства» [6, с. 52]. Если сюда добавить и данные письма Токтамыша, то получается, что после того как постоянно отступающую армию Токтамыша, который избрал тактику завлечь врага как можно глубже на свою территорию и тем самым навязать место сражения, удалось остановить и заставить принять бой, стороны встали против друг друга. После начала военных маневров часть фланговых корпусов татар ушли с поля боя, из-за чего Токтамыш был вынужден отступить за Волгу. Его отступающие войска враг преследовал до Волги и возможно часть уничтожил. А сообщения о том, что позже они взяли в плен, тех кто прятался на островах [22, с. 172], это скорее всего остатки верных частей фланговых корпусов правой руки, которые

видя уход части войска и отступление центра спрятались на берегу Волги, где крутые берега и невозможно было переправиться вплавь. Учитывая, что главный предатель Бек Булат, который был одним из командиров правого крыла покинул поле битвы и направился в столицу [2, с. 26], надо полагать основная часть корпусов именно правого крыла и была в сговоре с Тимуром. Корпуса левого крыла легко могли уйти на север на безопасное место вверх по реке Кондурче, или в Болгар и занят оборону этого важного города. Также они могли уйти в обход армии Тимура в Сарай за Бек Булатом или же в восточном направлении. К сожалению, на этот счет у нас нет информации, если только о них не говорит в своей книге «Халасат ал-ахбар» Хондемир: «Весь улус Джучи-хана, побежденный и рассеянный, растворился в равнине и степи» [6, с. 41]. Как известно, Токтамыш смог переправиться на правый берег Волги, по нашему мнению, отступление татар было в северо-западном направлении и переход через Волгу был в районе строящегося моста около современного села Климовка, где левый и правый берег Волги наиболее удобен. Учитывая ландшафт берега Волги, что было очень важно для выбора места перехода и необходимую удаленность от места битвы, чтобы осуществить переправу, на наш взгляд – это наиболее подходящее место переправы Токтамыша и уцелевших его воинов.

Необходимо учитывать, что Тимур не стал переправляться через Волгу, что говорит о том, что это было крайне опасно для него и что переправы охранялись. Его некоторая задержка, по сообщению источников на 26 дней на равнине Ур-туба, скорее всего в низовьях правобережья реки Сок, так как источники сообщают, что он после преследования Токтамыша вернулся на равнину Ут-туба, где он остановился лагерем «армия разбила лагерь на берегу Волги и в долине Ур-туба» [6, с. 35, 41, 54], на этом месте скорее всего связана с тем, чтобы не допустить возможного нападения на него Токтамыша с новой армией. Ну и дать войску возможность ограбить близлежащие населенные пункты и запастись провизией для обратной дороги.

Токтамыш безусловно должен был оставлять некоторые воинские подразделения для охраны возможных переправ через Волгу. Также часть войска, которая не успела к месту сражения должна была быть близко и собраться на правом берегу, не далеко от войск Тимура. Учитывая, что болгарский улус был одним из наиболее густонаселенных и развитых центров страны, у Токтамыша рядом были серьезные ресурсы для пополнения и вооружения. Разнообразный ландшафт, лесные массивы, все это учитывалось сторонами и стало причиной, почему битва по сути закончилась ничем и через несколько лет понадобилась новое вторжение на территорию Золотой Орды.

Кроме этих, вышеозвученных аспектов есть еще масса других вопросов, начиная от профессионализма, мотивации, вооружения, тактических приемов, стратегии, темы предательства и т.п. вопросов, на которые нельзя отвечать просто рассуждениями и современными расчетами. Для определения многих моментов войны и битвы нам нужно очень хорошо уметь «читать» источники, конечно же речь идет о прочтении на основе источниковедческих методик, их беспристрастного анализа и коррелирования с неписьменными данными. Надо сказать, что по неписьменным данным мы пока тоже не можем утверждать, что поставленные вопросы изучены хоть как-то. Все это дело будущего.

Источники, описывающие события этого противостояния отчетливо показывают, что Токтамыш хоть и прекратил политическую смуту, но раскол элит был глубоким. Вся эта группа, которая объединилась вокруг Токтамыша, продолжала грызться между собой. Это мы видим и до войны и даже во время сражения, что в 1391-м, что в 1395-м году. Причина войны отчетливо высказана в официальных документах Золотой Орды «отправив вперед человека по имени Идикгия, послали (без моего ведома) к Темирю. По тому требованию он выступил», так описывает эти события сам Токтамыш-хан в письме Ягайле [1, с. 37]. Безусловно, «отправителем» Идегея был Бек Булат. Хотя панегиристы и обходят эту деликатную тему, но переворот готовил именно этот джучид, который после оставления места сражения захватил Сарай. Все же о нем тимуриды знали. В тимуридском генеалогическом сочинении «Муизз ал-ансаб» указана его генеалогия: «Бек Булат стал падишахом и выгнал Токтамыш-хана, который пришёл к Амир Тимур Сахиб Киран. Он был одним из потомков ибн Каракара, но доподлинно имя его отца не известно» (Каракар является сыном Уран-Тимура, сына Тукай-Тимура) [18, с. 814].

Изучив политическую историю периода Токтамыша, мы можем констатировать, заявления Токтамыш-хана соответствуют действительности и помогают определить главных зачинщиков и причину поражения в битве.

Сражение произошло 18 июня 1391 года. Сначала битвы инициатива была взята Токтамышем, войско которого с обоих флангов окружило врага и вышло к нему в тыл, вызвав расстройство в армии Тимура [24, р. 121]. Но предательство военачальников изменило все планы Токтамыша [22,

с. 209; 1, с. 37]. Полководцы, участвовавшие в заговоре, командовали фланговыми корпусами, и после окружения ими врага отступили. Соединения, оставшиеся верными, были растянуты.

Стороны использовали ландшафт в своих тактиках. Учитывая, что Токтамыш устроил засады на всех трех переправах на реке Яик, он как раз хотел напасть во время вынужденных маневров врага, а переход реки всегда сложный во всех отношениях действие. Возможно, после Яика Токтамыш планировал дать бой именно во время переправы врагом Волги.

К сожалению, источники местом сражения называют только Кондурчу. Как сообщает один из главных источников Низам-ад-Дин Шами, «15 раджаба в местности Кундурча произошла великая битва» [22, с. 117]. Учитывая огромное количество войска и военные маневры, речь конечно же идет о достаточно большом участке в десятки километров. Для ставок полководцев нужны возвышенности, позволяющие хорошо просматривать огромные пространства и возможность разместить близкой к лагерю арьергард. Учитывая, что в битве использовалась в основном конница, то между ставками должна быть и открытая местность, позволяющая использовать эту конницу. Особенно это важно было для корпусов центра. Отталкиваясь от этих условий и сообщений письменных источников, предполагается, что Кондурчинское сражение могло произойти в междуречье Сок и Кондурча или же между Кондурчой и Волгой.

Учитывая данные, что часть отступающего войска татар не смогла переправиться через Волгу и пыталась спастись на островах, конечно же вверх от впадения реки Сок в Волгу, то надо полагать, что правое крыло войска татар должна была контролировать пространство между Кондурчой и Волгой. После атаки фланговых корпусов, большая часть войска правого крыла ушла, переправившись через реку Сок, которую после этого под контроль взяло войско чагатайцев и закрыло путь отступления верным Токтамышу корпусам, вынудив их выйти к Волге и прятаться на островах. На наш взгляд самый удобный для лагеря Тимура является местность вблизи слияния рек Сок и Кондурча. Отсюда можно управлять войском используя и естественные природные преграды и есть открытые пространства, где можно разместить арьергард. С началом битвы Тимур мог переместиться в правобережье Кондурчи и занят возвышенность западнее современного села Екатериновка.

Что касается лагеря Токтамыша, то он мог находиться между деревнями Сергеевка и Старый Буян. Но Токтамыш мог перемещаться на несколько мест, так как он начал первым атаку и в дальнейшем провел несколько маневров, в том числе после ухода правого крыла с места битвы организовал отход и переправу своего войска.

Само столкновение корпусов центра обеих войск скорее всего происходило на правобережье Кондурчи, на поле около современного села Екатериновка. Но конечную точку ставить сложно, так как столкновения были на нескольких местах, безусловно, части правого крыла также дали бой. Что касается левого крыла, то скорее всего и там было сражение, но все же основная битва происходила между корпусами центра. Источники как раз и сообщают о битве центральных корпусов и о контратаке центра и обоих флангов войска чагатайцев в центр армии Токтамыша [6, с. 52], что говорит о том, что фланги войска татар не представляли для них угрозу. Верные фланговые корпуса Токтамыша, которые вышли в тыл врага уже легко могли сдерживать войска из арьергарда Тимура. Также бой должен был быть в месте переправы на Волге.

Армия Тимура состояла из самостоятельных корпусов, действовавших автономно. Фланговые авангарды и арьергард его армии организовали хорошую оборону, а весь центр, правое и левое крыло ударили в центр армии Токтамыша. Видя предательство фланговых корпусов, Токтамыш решает оставить поле боя и отступает к Волге и переправляется с частью своего войска, прежде всего с ханом должны были уйти корпуса центра. По сообщению Шереф-ад-Дина Йезди, после отступления Токтамыша, Тимур «выбрав затем из всего войска по 7 человек из 10, он отправил их в погоню за обреченными на смерть беглецами. Они, согласно приказанию, двинулись по пятам врагов быстро, как бегущая молния и как грядущая судьба, а у тех несчастных спереди оказалась река Итиль, а сзади губительный меч. ... Немногим удалось легко выбраться из этого омута бедствия; жены же их, дети, имущество и снаряжение все попали в руки победоносного войска» [22, с. 171]. «Тимур-завоеватель же благополучно двинулся вслед своим войскам, ушедшим в погоню за неприятелем, прибыл к берегу Итиля, и равнина Уртупе стала местом лагеря султана. <...> в этом очаровательном месте он среди удовольствий и счастливой жизни провёл 26 дней» [22, с. 172].

После переправы Волги Токтамыш должен был оставить серьезную охрану возможных мест переправ на Волге и прежде всего там, где он сам переправился и собирать новые войска, возможно хан ушел в северном направлении, в лесные массивы и оттуда уже «собрал войско свое и призвал на

помощь народ свой, который помог ему» [21, с. 470]. Токтамыш очень энергично принялся за наказание предателей, которые «отправились в пограничные области и утвердились там» [21, с. 393]. Уже к началу 795 г.х. (17.XI.1392 – 5.XI.1393) «их казнили так, што опять не будут ... пакостити» [1, с. 21–22]. Токтамыш убил и одного из главных предателей – Бек Булата, который покинул хана во время битвы и захватил Сарай [21, с. 393].

К лету 1392 года Токтамыш-хан полностью восстановил свою власть в Золотой Орде и приступил к созданию антитимуровской коалиции из ведущих мусульманских держав [13]. Битва 1391 года для Тимура и для противников Токтамыша закончилась безрезультатно. Поэтому через несколько лет Тимуру понадобилась новое вторжение на территорию Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березин И.Н. Ханские ярлыки. I. Ярлык Токтамыш-хана к Ягайлу. Издание Кн. М.А. Оболенского. Казань: тип. Н.Кокевина, 1850. 72 с.
2. Миргалеев И.М. Бек Булат: из полководца в мятежники // XIII Фаизхановские чтения. «Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии». Материалы международной научно-практической конференции. М.: ООО «Медина», 2017. С. 339–345.
3. Миргалеев И.М. Битвы Токтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. Отв. ред. и составитель И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 170–182.
4. Миргалеев И.М. Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 88 с.
5. Миргалеев И.М. К вопросу о Бек Булате – Бек Пуладе // Научный Татарстан. №. 1/2. 2004. С. 145–149.
6. Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 108 с.
7. Миргалеев И.М. Надпись Аксак Тимура: несколько замечаний по прочтению // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 2. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. С. 121–127.
8. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
9. Миргалеев И.М. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. С. 698–704.
10. Миргалеев И.М. Причины поражения Токтамыша в войнах с Тимуром // Сборник материалов итоговых конференций молодых ученых и аспирантов за 1999–2000 г. / Редколлегия: Р.С. Хакимов и др. Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. С. 182–185.
11. Миргалеев И.М. Правление Токтамыш-хана // История татар с древнейших времен. В семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 706–712.
12. Миргалеев И.М. Проблема антитимуровского союза Золотой Орды, Османской империи и мамлюков в арабской и турецкой историографии // Общество, государство, личность: проблемы взаимодействия в условиях рыночной экономики: Материалы VII межвузовской научно-практической конференции (27–28 апреля 2006 г.). В 2-х ч. Ч. 2. Казань: Академия управления «ТИСБИ», 2006. С. 50–53.
13. Миргалеев И.М. Токтамыш и Тимур: реставрация антимамалякской коалиции // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященная памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории, 2011. С. 27–32.
14. Миргалеев И.М. Чума во время противостояния Токтамыша с Тимуром // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 144–149.
15. Полное собрание русских летописей. Том 22. Русский хронограф. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1911. 570 с.
16. Пономарев А.И. Поправки к чтению «Надписи Тимура» // Советское востоковедение. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 222–224.
17. Поппе Н.Н. Карасакпайская надпись Тимура // Труды отдела истории культуры и искусства Востока государственного Эрмитажа. Том 2. Л.: Государственный Эрмитаж, 1940. С. 185–187.
18. Сабитов М.Ж., Маргулан А.С., Камбарбекова Г.А. Сравнительный анализ генеалогий джучидов по данным пяти списков «Муизз ал-Ансаб» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 4. С. 799–818. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.799-818 EDN: HSLHVQ
19. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М.: Инсан, 1996. С. 277–526.

20. Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния /Сост., обр. и подг. текста Р.Рахманалиева. М.: Изд-во «Гураш», 1992. 544 с.
21. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабскихъ. Том I. СПб.: тип-я ИАН, 1884. 564 с.
22. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
23. Усманова Э.Р., Захаров С.В., Джумабеков Д.А., Антонов М.А. Традиция культа гор в Улытау (Центральный Казахстан), или Ритуальный разговор с горой // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции: материалы I Междунар. междисциплинар. конф. / отв. ред. Е.В. Куприянова. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. С. 81–91.
24. Charmoy M. Expedition De Timour-i lenk ou Tamerlan contre Toqtamische, Khan de l'owous de Djoutchy, en 793 de l'hegire ou 1391 de Notre ere // Memoirer de l'Academie imperiale des sciences de Saint-Peterburg. Sixieme serie, sciences politiques, Histoire et philologie, tome III. St. Peterburg, 1836. P. 89–505.
25. Mirgaleyev I. Altın Orda, Osmanlı ve Memlûklerin Aksak Timur'a Karşı Birlik Kurma Meselesine Dair // Karadeniz Araştırmaları Dergisi. 25. Sayı, Bahar 2010. S. 51–57.
26. Mirgaliyev İ. Toktamış ve Timur: Memlûk Karşısı Koalisyonun Restorasyonu // 1402/ Ankara savaşı uluslararası kongresi (Yıldırım-Timur)/ Ankara, 9–12 Ekim 2012. Bildiri kitabı. Editor: Doc. Dr. Mustafa Kalkan. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2014. S. 651–657.
27. Mirgaleev I.M. Bek Bulat: From a Military Commander to a Rebel. Golden Horde Review. 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 784–789.
28. Mirgaleev I. El peor enemigo de Timur La campana cjntra la Horda de Oro // Desperta Ferro. № 42. Madrid, 2017. P. 34–40.
29. Mirgaleev I. Toqtamish Khan's War against Amir Timur // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 247–255.
30. Mirgaleev I.M. Toktamış ve Timur'un mücadelesi zamanında Veba. Çev. Erhan Karaoglan // Genel Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi. Cilt/Volume 3, Sayı/Issue 6, Temmuz/July 2021, ss. 553–558.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017. E-mail: dilnur1976@mail.ru

THE BATTLE OF 1391: DISCUSSION QUESTIONS ABOUT THE BATTLE

I.M. Mirgaleev

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

The article is dedicated to the Battle of Kundurcha that took place on June 18, 1391, on the left bank of the Volga River between the Khan of the Golden Horde, Tokhtamysh, and the Emir of the Chagataid Ulus, Timur. The author focuses on controversial issues and provides their own perspective on the localization of the battlefield and the site of Tokhtamysh's crossing of the Volga. Analysis of written sources and the course of further events shows that Tokhtamysh planned to engage the enemy during the crossing of the Volga, but Timur managed to attack with his vanguard, forcing Tokhtamysh to accept battle on the left bank of the Volga. The battle was lost by Tokhtamysh primarily due to the treachery of his military leaders. However, Timur did not cross the Volga, as part of Tokhtamysh's army managed to cross the river with their khan, and a new army was gathering on the right bank of the Volga.

Keywords: Kundurcha, Toktamış, Timur, Golden Horde, battle, 1391

About the author: İl'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6013-6944, ResearcherID: J-9533-2017. E-mail: dilnur1976@mail.ru

1391 ГОД. БИТВА НА КОНДУРЧЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

С.Э. Зубов, А.М. Назаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Вторая половина XIV века ознаменовалась трансформацией политической системы государственного устройства Улуса Джучи и Улуса Чагатай, в результате которой произошла монополизация власти эмиром Тимуром в Мавераннахре и ханом Токтамышем в Золотой Орде и были заложены основы ускорения интеграционных процессов. Укрепление этих соседних государств привело к серьезным противоречиям, вылившихся в военный конфликт.

Кульминацией политического противостояния является военный поход эмира Тимура, завершившийся битвой на Кондурче 18 июня 1391 года. Итог этого сражения коренным образом изменил политический ландшафт обширных территорий Евразии. Место сражения до сих пор является предметом дискуссий при наличии многочисленных первоисточников, научных публикаций и имеющихся материальных свидетельств военного похода.

Авторами статьи предлагается новое видение о необходимости использования комплексных современных технологий дистанционного зондирования земли с использованием новых естественнонаучных методов и технологий изучения природных приоритетных территорий Самарской области для локализации сражения и проведения археологических работ.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, средневековье, 1391 год, локализация сражения, Кондурча, эмир Тимур, Токтамыш-хан, археологические и естественнонаучные методы

Средневековое сражение между войсками Токтамыш-хана и эмира Тимура на Кондурче 18 июня 1391 года отражено в летописных источниках и сохранившиеся материальные свидетельства этого исторического события. Однако историкам и археологам не удалось найти место этой битвы на протяжении многих последних десятилетий.

Первым историком, который обратился к изучению военного похода эмира Тимура против Токтамыш-хана в 1391 году, стал Михаил Игнатьевич Иванин, генерал-лейтенант Генерального штаба Российской армии. В 1876 году он опубликовал монографию «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане». В этой работе он дал общий анализ военного похода. Как написал д.и.н., профессор М.А. Усманов во вступительном слове к переизданию этой монографии издательством АО «Славия» (Санкт-Петербург) в 2003 году, «Есть ещё одно подкупающее позитивное качество Иванина-исследователя. Это его довольно трезвое и критическое отношение к информации средневековых письменных источников, особенно в части цифровых данных» [3, с. 13].

В высокую оценку монографии дал член военно-учёного комитета Главного штаба, Генерального штаба генерал-лейтенант князь Н.С. Голицын в апреле 1875 года «Сочинение его <...> разделено на две части: первая – при Чингисхане и вторая – при Тамерлане. В каждой из них излагаются <...> система, характер и искусство ведения войны Чингисханом и Тамерланом и самые войны и походы того и другого, словом – довольно полные история военного искусства и военная история монголо-татар и среднеазиатских народов при обоих этих завоевателях. Они составлены на основании восточных источников в лучших французских и английских переводах и подлинных сочинений известнейших ориенталистов: монаха Иакинфа Бичурина, В. Григорьева, Чармон, барона д'Оссона, барона Хаммера, равно Карамзина, Соловьева и других. На этом основании они изложены, едва ли не впервые, военным специалистом, согласно с новейшими военными понятиями и воззрениями военной науки и имеют двойное, весьма важное значение: общеисторическое и собственно военно-историческое» [3, с. 23]. Далее он пишет, что «Это значение для нас возвышается еще более, <...>, тем, что сочинение М.И. Иванина составлено преимущественно не на неудовлетворительных для того (как объяснено автором) сказаниях наших летописей, но на восточных источниках и на исследованиях новейших ориенталистов, и притом военным специалистом, близко знакомым с прошедшим и

настоящим бытом среднеазиатских кочевых народов, между тем как такое громадное военное событие, как завоевание России монголо-татарами, до сих пор изображалось в наших русских историях людьми не военными» [3, с. 24].

Для оценки места сражения прежде всего необходимо было принять численность войск с обеих сторон, чтобы можно было рассчитать примерную площадь поля боя. Современные историки имеют две крайности в этих суждениях при изучении средневековых сражений: либо соглашаться с данными письменных источников, либо чрезмерно эти данные занижать.

Михаил Иванин впервые в истории назвал оценочную численность войска у эмира Тимура. Он пишет следующее: «Опасаясь нечаянных нападений, он отдал войскам следующий приказ: не отлучаться от своих полков, приготовить большие и малые щиты, каждый раз окапывать стан рвом, делать разьезды, запрещал иметь огни; перед восходом солнца, для разьездов вокруг стана на расстоянии фарсанги назначал 30 000 войск (по тягости этой службы, надобно полагать, что для нее наряжалось не более шестой части всей армии, поэтому число войск Тамерлана могло простираться до 200 000 человек)» [3, с. 223]. Далее в примечании он указывает, что «По постановлениям Тамерлана, в мирное время 12 000 воинов всегда находились в виде телохранителей вокруг его дворца; из них только по одной тысяче назначалось для непрерывных разьездов в ночное время. Если для вышеозначенного расчета принять эту пропорцию, то войска Тамерлана могли простираться до 360 000 воинов» [3, с. 223]. Следует отметить, что к этому времени археологи ещё не нашли камень с Карсакпайской надписью.

Как известно, каменную плиту с надписью эмира Тимура обнаружил геолог Карсакпайского рудника К.И. Сатпаев на сопке Алтынчоку (каз. Алтыншоке) на левом берегу реки Сарысу напротив горного массива Улытаг в августе 1935 года. Осенью 1936 года камень был доставлен для изучения в Государственный Эрмитаж [6, с. 109]. Учёные Государственного Эрмитажа в разных составах проводили дешифровку текста на камне в течение нескольких десятилетий, и окончательный текст прочтения двуязычной надписи Тимура в русском переводе гласил [6, с. 127]:

«Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! Владыка сущего,
Святилище истины, Неусыпный защитник, Всесильный и Всемогуший,
Премудрый даритель жизни и смерти!

Лета семьсот девяносто третьего, в средний месяц весны года овцы (6 апреля 1391 г.), султан Турана Тимур-бек поднялся с тремя сотнями тысяч войска за ислам на булгарского хана Тохтамыш-хана. Достигнув этой местности, он возвел этот курган, чтобы был памятный знак.

Даст бог, Господь да свершит правосудие! Господь да окажет милость людям страны! Да помянут они нас молитвой!»

Таким образом, на соглашаясь с выводами учёных, мы можем принять, что эмир Тимур также указывает на численность своего войска в 300 тысяч воинов.

И.М. Миргалеев также считает численность войска эмира Тимура в 300 тысяч воинов обоснованной. Он пишет: «Против армии такого огромного государства, как Золотая Орда, нам кажется недостаточной цифра в 200 000 для определения численности войска Аксак Тимура – покорителя почти половины Старого света. Поэтому мы доверяем последнему варианту прочтения «Карсакпайской надписи», т.е. цифре 300 000» [4, с. 121].

В дальнейшем я буду принимать во внимание численность войска эмира Тимура в 300 тысяч воинов. Поэтому принимая эти данные можно рассматривать возможные пути войска эмира Тимура после переправы через реку Урал (Яик).

Следует принять во внимание различные лингвистические ошибки в географических названиях, топонимах и гидронимах, обусловленных наложением неверного изложения в письменных источниках и более поздними ошибками перевода или изложения, а также изменения этих названий в процессе исторических преобразований.

Территория между Уральским горным массивом и левобережьем реки Волга определяется рельефом Бугульминско-Белебеевской возвышенности, которая даёт начало многим рекам, впадающим в Волгу.

Как пишет Низам-ад-Дин Шами: Расспросив у них сведения, (Тимур) выступил и в среду 24 (того же) месяца (=29 V) достиг реки Яика. Проводник (качарчи) сказал: «У этой реки три переправы: одна называется Айцыр-яли, вторая Бур-кичид, третья Чапма-кичид». Тимур сказал: «Переправляться через все эти три переправы не следует и нельзя доверять им, так как враг напротив; возможно, что прячется в углях и во время переправы выйдет из засады. Правильное решение таково, чтобы мы вы-

ступили в поход, пошли вверх по реке и, возложив упование на бога, бросились в воду и переправились *** Эмиры повиновались и тотчас выступили, пошли вверх по (реке) и переправились через реку Яик. Они снова шли еще 6 дней и достигли реки Самар. Сторожевой отряд победоносного войска ушел вперед, услышал голоса врагов, которые разговаривали друг с другом, и сообщил это его величеству. В это время мирза Мухаммед-Султан взял (в плен) одного (человека) из вражеского войска и послал к его величеству. (У него) спросили о положении и выяснили стоянки и переходы. Обнаружив переправу через реку, (Тимур) остановился там на ночь, а утром первого раджаба (= 4 VI) переправился через реку Иик и отправился в сторону врага» [5, с. 114].

Шереф-ад-Дин Йезди об этой переправе пишет так: «Получив от них [пленных] сведения о Токтамыш-хане, откочевали и, пройдя много стоянок и переходов и переправившись через множество рек и озер, в понедельник 24 джумади II 199 (= 29 V 1391) дошли до берега реки Яика (совр. – Урал). Проводник доложил Тимуру; что на этой реке три брода: один зовут Айзыр-яли, другой Буркичит, а третий, мениший из всех – Чапма-кичит. Но Тимур, светлый ум которого был центром лучей истины и здравомыслия, сказал, что переправляться по этим переправам не следует, потому что неприятель, может быть, устроил засаду, а что лучше нам двинуться к верховью реки и, возложив упование на бога, броситься в реку и переправиться (вплавь). В тот же час откочевали и, отправившись к верховью реки, конные и пешие отовсюду устремились в реку и перебрались вплавь. В два дня все это бесчисленное войско благополучно переправилось через эту большую реку. Еще 6 дней совершали стоянки и переходы и пришли к реке Самур» [5, с. 163].

Михаил Иванин конкретизирует место переправы через Урал и обосновывает дальнейший путь войска эмира Тимура: «Урал (Яик) он должен был перейти ниже Ильинской крепости, с тем чтобы миновать Губерлинские горы. К месту переправы через Урал он мог прибыть в конце мая (по Шармуа – 29 числа). В это время здесь вода в реке Урал обыкновенно входит в берега [3, с. 220].

Для сообщения Золотой Орды с родовым улусом, находившимся в собственной Монголии, без сомнения, существовала постоянная дорога, потому что и теперь еще остались следы так называемой старой Нагайской дороги, которая шла от Волги, направляясь на восток к Уралу (вблизи от нынешнего почтового тракта из Самары в Оренбург, называвшегося прежде Военно-Самарской линией). Это предположение подтверждается тем, что Токтамыш заблаговременно устроил позади Урала засады против трех бродов: Егирь-Яли (вероятно, где ныне Гирьяльский форпост), Бура-гетши (место это называется Керк-Гюль) и Тшапмагетши, следовательно, здесь должна была существовать постоянная переправа через реку Урал. Тамерлан, как опытный в военных хитростях монголов, из предосторожности не пошел туда и переправил войска вплавь выше этих бродов. По переходе через Урал он узнал, что Токтамыш, устроив засаду в означенных местах, находился там со всей армией и ожидал прибытия подкреплений из Азова (то есть из улусов, кочевавших на Дону) и из других мест, где обыкновенно летом кочевала Золотая Орда [3, с. 221]. Этому описанию есть комментарий: «Место этих бродов мне неизвестно, но, вероятно, названия их остались в названиях некоторых урочищ. Может быть, Керк-Гюль находится близ Нижне-Озерской крепости. При основании Оренбургской линии, форпосты и крепости преимущественно закладывались там, где киргизы легче могли делать прорывы, следовательно против главнейших бродов; поэтому вышеозначенные названия надобно искать на пространстве от Гирьяльского форпоста вниз до Оренбурга, против которых-либо из основанных нами форпостов и крепостей. Направление так называемой Нагайской дороги, по переходе ее через Урал, шло далее на восток, на реки Тобол и Ишим; обойдя озеро Зайсан по южную сторону, дорога эта шла далее в Монголию. Полковнику барону Мейендорфу во время путешествия его в Бухару также показывали место Нагайской дороги несколько севернее Аральского моря. Это, вероятно, и была южная зимняя дорога от Золотой Орды, то есть от Сарая, к улусу джагатайских ханов и в Монголию. По всей вероятности, Плано Карпини, следуя от Батыя в Монголию, ехал этой южной дорогой» [3, с. 227].

Михаил Иванин указывает последнее место на пути войска эмира Тимура, которое можно утверждать с высокой вероятностью: «Тамерлану нужно было, отбросив войска Тохтамыша от лесов, направить их по кратчайшему направлению к Волге. Для выполнения этого движения, Тамерлан переправился через реку Сакмару, выше устья реки Ик (моё – Большой Ик), впадающей в нее с левой стороны, и переходом здесь избежал переправы через нее ниже, в виду армии Тохтамыша. Перейдя потом через реки Ик (по расчету Шармуа – 4 июня), он быстро двинулся вперед» [3, с. 223].

На основании вышеизложенного мы можем утверждать, что войска эмира Тимура двигалось по древнему торговому пути вдоль реки Самары от Оренбурга до Алексеевки у Самары, а затем по до-

роге из Самары в сторону Болгара вдоль будущей Новой Закамской линии поднялись севернее до места впадения реки Кондурча в реку Сок у села Красный Яр. Войско должно было преодолеть эту дистанцию в 430 км за 7 дней. В этом случае первый военный лагерь был обустроен 11 июня.

Низам-ад-Дин Шами так описывает это место: «Тимур выстроил победоносное войско и, проверив латы и снаряжение их (воинов), пожаловал им безграничные награды и милости. Он приказал, чтобы приготовили заслоны и щиты, веревками разделили землю, устроили ров между собой и врагами, и чтобы каждый день соблюдали осторожность таким порядком. Выступив оттуда в сторону врага, они дошли до больших болот и топей, после больших трудностей перешли через них и стали лагерем» [6, с. 115].

До сих пор хорошо сохранился ров общей длиной около 12 км, проходящий через высоту 146 метров между селами Кочкари и Малая Каменка Красноярского района и замыкающий треугольную территорию между реками Кондурча и Сок. Этот ров имеет равномерно расположенные фортификационные проходы шириной 5 метров через каждые 300 метров. Местные краеведы считают этот ров границей военного лагеря войска эмира Тимура. На высоте 146 метров, которую местные жители называют Алтай гора, установлен памятный гранитный камень с табличкой, что здесь находился военный лагерь эмира Тимура.

После обустройства военного лагеря перед эмиром Тимуром главной задачей являлось найти войско Токтамыш хана. Он направляет сторожевые отряды по 30 тысяч воинов.

Низам-ад-Дин Шами пишет: «Когда покажется черная масса вражеского войска, вы, если их будет много, также издали покажите черноту и сделайте так, чтобы те, обманувшись, подошли (ближе), и пошлите нам гонца. Они отправились согласно приказанию, перешли по пути через много болот, топей и рек и увидели 15 человек противников. Саин-Тимур подошел и заговорил с ними, вернулся и, послав Мули, сообщил известие (об этом). Тимур назначил Ику-Тимура с несколькими отважными людьми, чтобы они отправились и как следует привезли верное известие о положении врага. Тот так и сделал, перешел через много рек и болот и, увидев много врагов, подошел (к ним). Они стояли на вершине горы и наблюдали. Он послал к ним несколько славных воинов и дельных людей. Когда враги заметили (их), то тотчас спустились с возвышенности, а они (отряд Ику-Тимура), заняв место врагов, поднялись на гору. Когда они посмотрели, то увидели 30 кошунов, одетых в латы, устроивших боевые ряды и засевших в засаду в ущелье. Это известие послали Тимуру» [6, с. 115].

Эмир Тимур принимает решение о построении войска перед сражением. Низам-ад-Дин пишет: «Выступив оттуда и дойдя до степи, (Тимур) стал лагерем и подумывал о том, чтобы выслать из войска (отряд, в) набег (илар), когда прибыл гонец от сторожевого отряда и сообщил, что сторожевые отряды обеих сторон сошлись. В тот же день, со счастьем и успехом, они двинулись по направлению к врагу и шли, выстроив правое и левое крыло войска. Каждый день сторожевой отряд неприятеля показывался и снова уходил. 5 дней они провели таким образом, а в эти дни был дождь, снег и холод. На 6-й день погода прояснилась. Тимур привел в порядок войска и назначил 7 корпусов (кул) таким (хорошим) образом, что его ни описать, ни объяснить нельзя» [6, с. 116]. Вероятно, эмир Тимур переместил своё войско в новый лагерь, который расположен на плато у доминирующей высоты 225 метров у села Кандабулак Сергеевского района. Сегодня хорошо сохранился защитный ров на указанной высоте параллельно руслу реки Кандабулак общей длиной около 13 км.

Войска встали друг перед другом как написал Низам-ад-Дин: «Вдруг появился сторожевой отряд (врага), а вслед за ним появились войска целиком. От многочисленности и массы их смутился глаз ума, от пыли, (подымаемой) копытами лошадей, потемнел воздух <...> Тимур приказал, чтобы смельчаки и храбрецы войска, спешившись, пошли вперед и указал, чтобы для него поставили в степи зонт, палатку и шатер и расстелили ковры. Это самообладание, спокойствие, храбрость и пренебрежение врагом увеличили страх и ужас в сердце неприятеля. 15 раджаба (=18 VI) в местности Кундурча произошла великая битва. При этом Тимур укрылся под защиту милосердного (бога) и стал искать прибежища у благословенного духа пророка, а несколько великих шерифов и благородных сейидов, вроде сейида Береке и других сейидов, которые сопутствовали (Тимуру), воздели руки к молитве и просили об одолении и победе. Тимур, поддерживаемый помощью божией, выступил» [6, с. 117].

Исходя из вышеизложенного, можно с высокой уверенностью утверждать, что главное сражение войска произошло на территории вблизи того места у села Борма в 30 км от села Кошки у реки Кондурча вблизи места впадения реки Кандабулак. Эта территория имеет обширные ровные степные участки, перемежающихся прорезанными руслами рек, впадающий в реку Кондурча.

Сражение протекало стремительно и финал был печальным для войска Токтамыш-хана. Шереф-ад-Дин писал: «Когда на Токтамыш-хане и приверженцах его оправдалось на деле изречение «они вкусили наказание за свое действие и концом их дела был убыток», Тимур победоносно и счастливо стал лагерем и занялся исполнением обязательства благодарности и хвалы царю царств всевышнему и святейшему *** Могущественные царевичи и высокопоставленные эмиры, собравшись у подножия победного престола, преклонили колена и, радостно поздравляя его со славной победой, совершили большой нисар. Могущественный Тимур принял их в свои объятия и, почтив эмиров и храбрецов победоносного войска разными милостями, наградами и ласками, пожаловал царские подарки. Выбрав затем из всего войска по 7 человек из 10, он отправил их в погоню за обреченными на смерть беглецами *** Они, согласно приказанию, двинулись по пятам врагов быстро, как бегущая молния и как грядущая судьба, а у тех несчастных спереди оказалась река Итиль, а сзади губительный меч. И с той стороны нет пути к бегству и убежища и с этой нет отсрочки и пощады. Спереди их была глубокая река Итиль и вода переходила через голову, а сзади вода мечей поднималась и доходила до шеи; поэтому среди двух таких потоков у большинства их вода жизни пролилась на землю гибели и пламя существования их потухло от ветра исчезновения. Немногим удалось легко выбраться из этого омута бедствия; жены же их, дети, имущество и снаряжение все попали в руки победоносного войска» [6, с. 171].

Шереф-ад-Дин написал: «Тимур-завоеватель же благополучно двинулся вслед своим войскам, ушедшим в погоню за неприятелем, прибыл к берегу Итиля, и равнина Уртупе *** стала местом лагеря султана. <...> Всех неприятелей, искавших спасения на островах Итиля, схватив и забрав в плен, привели в (лагерь). <...> Тимур, с помощью Всевышнего, вступив на престол царствования и миродержавия в том месте, которое было столицей султанства и ханства Джучи-хана и сыновей его, предался удовольствиям и счастливой жизни. Таким образом в этом очаровательном месте он среди удовольствий и счастливой жизни провёл 26 дней» [6, с. 172].

Самарский краевед Е.Ф. Гурьянов в 1984 году в газете «Маяк Ильича», которая издавалась в селе Кошки опубликовал интересную версию о местных топонимах и гидронимах, которые, по его мнению, могли быть связаны с битвой на Кондурче [1, с. 5; 2, с. 5] В целом его гипотеза может быть полезной для дальнейшего поиска следов этого грандиозного сражения на Самарской земле более 6 веков назад.

Вышеизложенные размышления предлагают вполне определённые территории в Самарской области, на которых могли бы сохраниться свидетельства этого военного похода и грандиозного сражения. Применение комплексных современных технологий дистанционного зондирования земли с использованием новых естественнонаучных методов и технологий изучения таких приоритетных территорий в Самарской области можно использовать для локализации сражения и проведения археологических работ. Такими технологиями обладает научно-исследовательская лаборатория археологии Самарского национального исследовательского университета имени С.П. Королева, и она имеет необходимый опыт и знания в проведении подобных археологических экспедиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурьянов Е.Ф. Битва на Кондурче // Маяк Ильича. Орган Кошкинского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов Куйбышевской области. 19 июля 1984. № 8 (6687). С. 5.
2. Гурьянов Е.Ф. Битва на Кондурче // Маяк Ильича. Орган Кошкинского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов Куйбышевской области. 24 июля 1984. № 10 (6689). С. 5.
3. Иванов М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб.: АО «Славия», 2003. 336 с.
4. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
5. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.2: Извлечения из Персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Л.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1941. 308 с.
6. Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. М.: Вост. лит., 2011. 383 с.

Сведения об авторах: Сергей Эдгардович Зубов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Самара, Российская Федерация). E-mail: guberfond@rambler.ru

Александр Михайлович Назаров – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Самара, Российская Федерация). E-mail: amn60@mail.ru

1391. THE BATTLE ON KONDURCHA: PROBLEMS AND PROSPECTS OF STUDY

S.E. Zubov, A.M. Nazarov

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The second half of the 14th century was marked by the transformation of the political system of the state structure of the Ulus of Jochi and the Ulus of Chagatai, as a result of which the power was monopolized by the emir Timur in Transoxiana and the khan Tokhtamysh in the Golden Horde, laying the foundations for the acceleration of integration processes. The strengthening of these neighboring states led to serious contradictions, which resulted in a military conflict.

The culmination of this political confrontation was the military campaign of Amir Timur, which ended with the Battle of Kondurcha on June 18, 1391. The outcome of this battle radically changed the political landscape of vast territories of Eurasia. The location of the battle is still the subject of debate despite the numerous primary sources, scholarly publications, and available material evidence of the military campaign.

The authors of the article propose a new vision of the need to use complex modern remote sensing technologies using new natural science methods and technologies for studying the natural priority territories of the Samara region for the localization of the battle and archaeological work.

Keywords: Middle Volga region, Middle Ages, 1391, localization of the battle, Kondurcha, Amir Timur, Khan Tokhtamysh, archaeological and natural science methods

About the authors: Sergey E. Zubov – Cand. Sci. (History), Leading Research Fellow of the Research Laboratory of Archeology, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara, Russian Federation). E-mail: guberfond@rambler.ru

Alexander M. Nazarov – Research Fellow of the Research Laboratory of Archeology, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara, Russian Federation). E-mail: amn60@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ МЕСТА БИТВЫ ТОКТАМЫША С ТАМЕРЛАНом НА КОНДУРЧЕ

А.И. Еремкин

МРО Фонд содействия безопасности «Каскад»

Место локализации многих сражений Средневековья, к которым относится и состоявшаяся в 1391 г. битва Великого хана Золотой Орды Токтамыша с великим эмиром Турана Тимуром – является предметом острого обсуждения.

На основе анализа имеющейся топонимики, геоданных и особенностей ландшафта предполагаемого места сражения, учета существовавшей в то время военной практики и социокультурных традиций, а также более поздних свидетельств местных информаторов – предлагается рассмотреть локацию битвы Токтамыша и Тамерлана в месте впадения в р.Кондурча ее правого притока р.Буян.

Для подтверждения/опровержения предложенной версии предлагается использовать комплексный подход с использованием естественнонаучных и современных инженерно-технических методов геозондирования на местности.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Токтамыш, Тамерлан, Тимур, Кондурча, история, конфликтология, социогенез

Место локализации многих сражений Средневековья является предметом острого обсуждения, в том числе и место битвы Великого хана Золотой Орды Токтамыша с Тимуром, состоявшейся в 1391 г. (793 г.хиджры/6900 л.от сотв.мира) и ставшей определенным триггером для многих последующих событий на просторах Евразии той эпохи.

Без дополнительного анализа имеющихся источников, геоданных предполагаемых мест сражения, учета существовавшей в то время военной практики и социокультурных традиций, а также более поздних свидетельств местных информаторов – невозможно качественно подойти к решению этой проблемы.

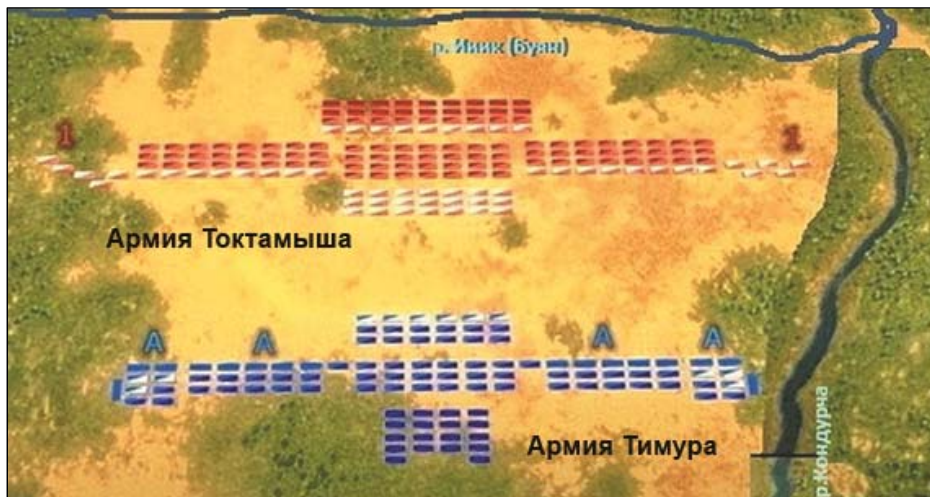
Во всех доступных нам письменных источниках содержится упоминание локации сражения Токтамыша и Тамерлана (1391 г.), привязанной к названию «Кондурча». При этом следует принять во внимание, что в рассматриваемую эпоху в лесном и лесостепном ландшафте «евразийской Ойкумены» существовала традиционная практика ориентирования на местности и ее конкретной идентификации, опирающаяся, как правило, на указание на гидронимы, наименования (их лексическая форма) которых исторически были наименее подвержены существенным изменениям.

Учитывая, что в принятой «широкой» локации рассматриваемой битвы – по левобережью реки Итиль (р.Волга) от реки Сок до реки Черемсу (Большой Черемшан) – большинство гидронимов имеют «тюркскую» этимологию (Сок, Кондурча, Курумча/Курумоч, Сенча, Черемсу/Черемшан, Безенча/Безенчук, Моча(Чапаевка) и др.), это дает очевидное направление для поиска конкретного места состоявшегося сражения Тимура и Токтамыша, непосредственно связанного именно с рекой «Кондурча».

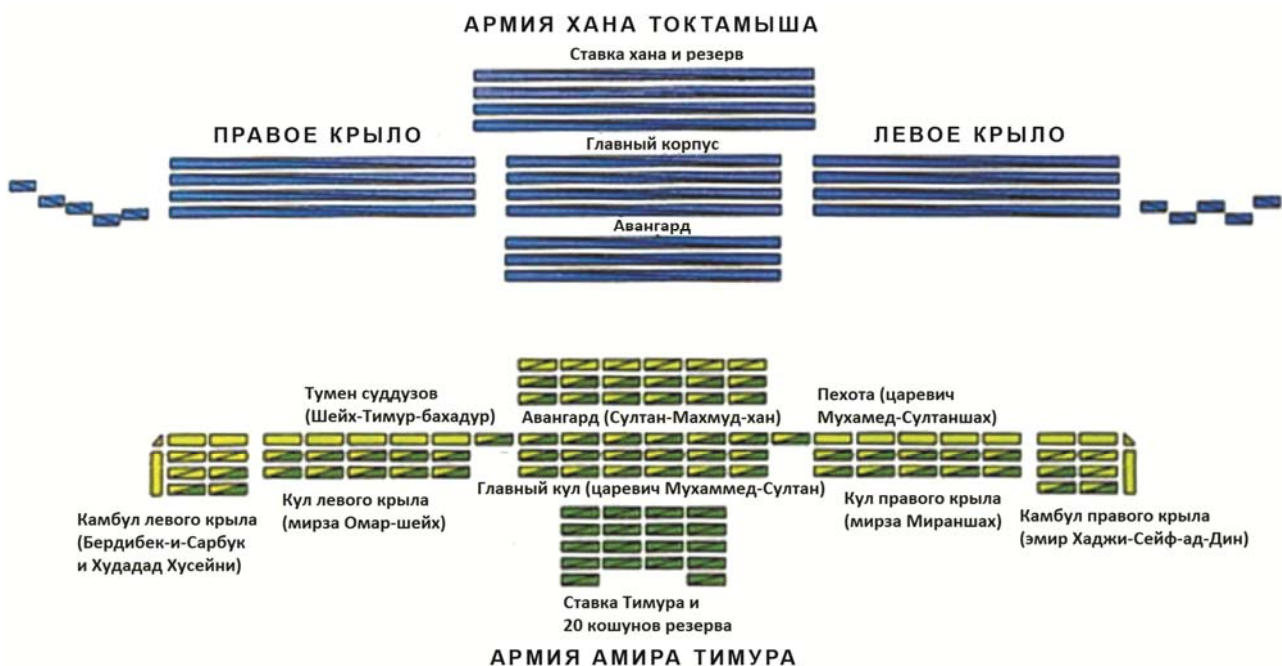
На состоявшемся 26.09.2021 г. в рамках V-го международного этнофестиваля «Русь. Эпоха объединения» круглом столе «Битва на Кондурче: мифы и реальность» [1] в докладе И.Л.Измайлова «Политика в центре Евразии. Тимур как исторический феномен. Войска Тимура, принципы вооружения и построения. Расположение войск в битве» содержалось упоминание в древних источниках реки «Иик» – как места локации прошедшей битвы Тимура и Токтамыша. Следует отметить, что упомянутый гидроним явно «тюркский», семантика которого – «юркая, буйная речка», что весьма схоже с семантикой одного из правых притоков р.Кондурча – современного гидронима «Буян», название которого явно отличается и выделяется среди окружающей «тюркской» гидронимики. Это обстоятельство дает нам основание поддержать существующую версию предполагаемой локации сражения 1391г. между войсками Тимура и Токтамыша – в районе впадения р.Буян в р.Кондурча.

Кроме собственно «гидронимического» фактора обоснования вышеуказанного предполагаемого места битвы весьма подходящими являются и имеющиеся особенности рельефа и иные ландшафт-

ные особенности местности, которые с учетом применявшейся в то время военной практики могли бы подходить под описание в доступных нам письменных источниках сражения Токтамыша и Тамерлана – как расположения их подразделений, так и хода битвы. Сравнительно ровное поле, ограниченное по бокам крутым правобережьем р.Кондурча – с одной стороны и заросшие лесом склоны кряжа – с другой стороны, между р.Буян и относительно высоким (около 100 м.) курганом с седловиной вершиной, весьма круто спускающимся к р.Кондурча, у современной д.Заглядовка – видится нам наиболее предпочтительной локацией предполагаемого места битвы, способной тактически осмысленно расположить и вместить боевые действия 7 кулов армии Тимура и 5 туменов хана Токтамыша.

Соответственно, предполагаемое поле сражения между войсками Тимура и Токтамыша составляет порядка 4,5 км в длину (в примерной ориентации «север-юг») и 2–4 км в ширину («запад-восток»). Что видится достаточным по масштабу для рассматриваемой битвы при условии, что традиционная оценка численности армий Тимура и Токтамыша является значительно завышенной. Предлагается согласиться с мнением некоторых современных учёных, что численность армии Тимура в 200–300 тысяч воинов и превышающая их численность армии Токтамыша является пропагандистским преувеличением [2] или предположить, что в битве на Кондурче участвовали не все их имеющиеся подразделения. В данном варианте – порядка 40 тысяч воинов со стороны Тимура и порядка 60 тысяч воинов со стороны Токтамыша, что нисколько не умаляет эпичность их сражения, одного из крупнейших и значимых в истории Средневековья.

Рассматривая предложенную локацию, предполагаем, что лагерь эмира Тимура был разбит с южной стороны предлагаемого места битвы – на вершине кургана у современной д.Заглядовка, ландшафтные особенности которого как нельзя лучше подходили для этого. Относительно крутые склоны с 3-х сторон, причем один склон почти близок к обрывистому правобережью р.Кондурча, заросший лесом овраг с другой стороны, седловидная ложбина на вершине, являющаяся одной из господствующей высот на местности – облегчали обеспечение охраны военного лагеря Тимура и защиты его от нападения неприятеля.

В части подготовки Тимура к битве ложбина на седловине вершине этого кургана видится весьма удобным местом для скрытого от противника расположения 2-х корпусов резерва. Причем северная, обращенная у противнику часть вершинной седловины является несколько выше ее южной части, что могло делать ее удобным местом для управления уступающих в численности армии Токтамыша (в основном – конница) войсками Тимура (пехота и конница) на поле боя, где кулы его правого фланга опирались на крутой правый берег р.Кондурчи, а кулы левого фланга – на лесистый склон расположенного с западной стороны кряжа. Для передового же кула армии Тимура наиболее подходящим видится расположение на рассматриваемом поле немного севернее самого узкого места относительно ровного поля.

При этом 5 корпусов туменов Токтамыша органично смотрятся на значительно более широкой, северной части рассматриваемого открытого поля со стороны правого берега р.Буян, до места впадения его в р.Кондурча. Сам же лагерь хана Токтамыша предположительно мог располагаться со стороны левого берега р.Буян на господствующей высоте, являющейся самой высокой в предлагаемой локации и наиболее удобной для места управления подразделениями армии великого хана.

При этом упомянутый в известных источниках ход битвы Токтамыша и Тамерлана, ее событийная логика в целом ложатся на ландшафт локации предполагаемого места сражения в районе впадения р.Буян в р.Кондурча.

Кроме того, именно курган у правого берега р.Кондурча, где предположительно располагался военный лагерь эмира Тимура, – видится наиболее подходящим местом для места, где победитель битвы 26 дней отмечал победу, проводя время в бесконечных пиршествах, пока его «летучие» небольшие отряды собирали людские и материальные трофеи, разоряя и сжигая поселения Булгарского улуса Золотой Орды, располагавшиеся по обеим берегам Волги, что, кстати, по нашему мнению, стало причиной появления известного топонима «Жигули», сменившего название «Печенежские / Девичьи горы». Соответственно, распространенное предположение о связи топонима «Царев курган», расположенного в месте впадения р.Сок в р.Волга, с рассматриваемой битвой Тимура и Токтамыша видится ошибочным, к тому же имеющееся название данного топонима связано с более поздними временами, а именно посещением этого кургана российским императором Петром I.

Также нельзя не упомянуть свидетельства местных информаторов нашего времени, говорящих о неоднократных находках предметов военного снаряжения (подвергшиеся значительной коррозии наконечники стрел и копий, металлические части конской упряжи) во время агротехнических работ на поле в рассматриваемом месте предполагаемой локации битвы 1391 года.

Нельзя оставить без внимания и их информацию о наличии останков древнего мусульманского кладбища, располагавшегося на восточной оконечности вершины кургана, где предположительно был разбит военный лагерь Тимура. Поскольку подобное месторасположение места некрополя соответствует особенностям порядка захоронения погибших воинов мусульманского вероисповедания.

Из вышеизложенного – для подтверждения или опровержения предложенной локации места битвы Токтамыша и Тамерлана на Кондурче у р.Буян, – напрашивается логичный вывод о необходимости применения предложенного на видеоконференция по теме «Проблемы локализации крупных сражений Средневековья» [3] руководителем научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского университета С.Э.Зубовым комплексного подхода с использованием естественнонаучных и современных инженерно-технических методов геозондирования на местности: скрупулезный, с применением должной критичности анализ источников; дистанционное зондирование территории; зондирование выявленных перспективных участков; археологическое зондирование и раскопки. Что позволит не только выявить место сражения и расположения военно-полевых лагерей, но и позволит уточнить количество участников битвы в зависимости от выявленной ее площади и характер отдельных этапов сражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Круглый стол «Битва на Кондурче: мифы и реальность». 26.09.2021 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ik0ccV02G_0
2. Григорьев А.П., Телицин Н.Н., Фролова О.Б. Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб.: СПбГУ, 2004. Вып. XXI. С. 20.
3. Видеоконференция «Проблемы локализации крупных сражений Средневековья». 22.06.2022 г. URL: <https://alexpsw.livejournal.com/578598.html>

Сведения об авторе: Александр Иванович Еремкин – член Российского Исторического Общества, исследователь социогенеза, руководитель МРО Фонд содействия безопасности «Каскад» (Самара, Российская Федерация). E-mail: island63@mail.ru

ON THE LOCALIZATION OF THE PLACE OF THE BATTLE OF TOKHTAMYSH WITH TAMERLANE AT KONDURCHA

A.I. Eremkin

Interregional Security Assistance Fund "Cascade"

The location of many battles in the Middle Ages, including the 1391 Battle of the Great Khan of the Golden Horde, Tokhtamysh, with the great Turanian Amir Timur, is the subject of intense debate.

Based on an analysis of the available toponymy, geodata, and features of the landscape of the presumed site of the battle, taking into account the military practices and sociocultural traditions of the time, as well as later accounts from local informants, it is proposed to consider the location of the Tokhtamysh and Timur battle at the confluence of the Kondurcha River and its right tributary, the Buyan River.

To confirm or refute this proposed location, a comprehensive approach is suggested, utilizing natural science and modern engineering techniques for geosounding in the field.

Keywords: Golden Horde, Ulus Jochi, Tokhtamysh, Tamerlane, Timur, Kondurcha, history, conflictology, sociogenesis

About the author: Alexander I. Eremkin – Member of the Russian Historical Society, Researcher of Sociogenesis, Head of the Interregional Security Assistance Fund "Cascade" (Samara, Russian Federation). E-mail: island63@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОТЕКАНИЯ ЧЁРНОЙ СМЕРТИ НА ТЕРРИТОРИИ УЛУСА ДЖУЧИ

Т.Ф. Хайдаров

Казанский государственный институт культуры

Цель исследования: В свете последних открытий в области изучения генома *Yersinia pestis*, эпидемиологии и опубликованных ранее текстов письменных источников предполагается уточнить некоторые моменты в возникновении и последующего распространения Чёрной смерти на территории Улуса Джучи.

Материалы исследования: в качестве основных источников наряду с лабораторными данными палеогенетических исследований широко были использованы последние публикации отечественных и зарубежных авторов, так или иначе затронувшие озвученную тему. Основная реконструкция событий базировалась на данных полученных входе текстологического анализа письменных источников на русском, персидском, латинском и арабских языках.

Результаты и научная новизна: проведенная научно-исследовательская работа позволила понять основной алгоритм распространения чумных эпидемий в историческом прошлом, определить место и роль в этом процессе территории Улуса Джучи. Видимым результатом явилась реконструкция хронологической последовательности событий. Причём нашли своё подтверждения известные широкой публики исторические факты вспышек чумной эпидемии близ озера Иссык-Куль в 1338/1339 гг., а также в генуэзской колонии в Крыму, Кафа в 1346/1347-ых годах. Имеющиеся прямые и косвенные свидетельства о средневековых вспышках позволили предположить более ранее проявление чумы в Поволжье (IX–XIII вв.), более длительное 15 летнее протекания Чёрной смерти в Улусе Джучи.

Ключевые слова: Юстиниана чума, черные крысы, Чёрная смерть, Золотая Орда, палеогенетика *Yersinia pestis*, эпидемия чумы близ озера Иссык-Куль 1338/1339 гг., осада Кафы 1346/1347 гг., русские княжества, дезурбанизация Золотой Орды

Одной из самых крупных эпидемий чумы древности, приведшей к глобальным изменениям, по праву считается разразившаяся в середине I тыс. н.э. «чума Юстиниана». Подробное изучение первой пандемии чумы позволило выделить основные факторы, напрямую поспособствовавшие началу чумной эпидемии. Среди последних можно выделить

- 1) произошедшее вследствие резкого изменения климата мутация *Y.pestis*;
- 2) начавшееся вслед за вторжением гуннов переселение кочевых народов евразийских степей;
- 3) наличие в наиболее густонаселенных районах афроевразийского пространства развитой дорожной сети;
- 4) усиление торгово-хозяйственной деятельности на всем протяжении Великого шелкового пути;
- 5) длительное нахождение населения в состоянии психологического стресса.

Впрочем, наиболее важным фактором масштабности и длительности протекания «чумы Юстиниана», надо полагать, явилась активизация уже на всей территории *Rex Romana* целой сети вторичных микроочагов и антропоургических очагов чумы. Подтверждением этой гипотезы служат как факт общепринятой верхней границы первой пандемии чумы (750 г.), так и выявленное исследовательской группой Института истории человечества М. Келлером на территории Центральной и Восточной Европы во время последующих вспышек чумы генетическое разнообразие штаммов *Y.pestis* [6; 8].

Таким образом, мы можем говорить о том, что, кроме указанных выше, важнейшими чертами протекания чумных пандемий являлись:

- 1) среднеазиатское происхождение чумной пандемии;
- 2) наличие длительного предпандемического периода в развитии нового штамма *Y.pestis*;
- 3) одновременная циркуляция нескольких высоко контагиозных заболеваний (оспы, чумы и тифа) уже во время самой пандемии [7];
- 4) 500-летний период протекания самой пандемии (250–750 гг.) и ее 200-летний пиковый период (541–750 гг.).

Хотя последовавшие в ходе распада Западной Римской империи дезурбанизация и обострение политической ситуации [43] и привели к общему снижению эпидемической активности, это не озна-

чало, что *Y.pestis* полностью исчезла в IX–XIII вв. на территории Западной Европы. Должно быть, вследствие исхода населения произошло снижение уровня воздействия на окружающую среду антропогенного фактора. Это, в свою очередь, положительно отразилось на становлении в западной оконечности афроевразийского пространства вторичных природных микро- и мезоочагов чумы. Наиболее подходящими регионами в плане становления европейских вторичных микроочагов можно считать горные массивы (Гарц, Судеты, Альпы, Карпаты, Скандинавские и Лужицкие горы, Пиренеи). Для европейских вторичных мезоочагов – дельты и междуречья крупнейших рек континента [38, с. 693–756]. Сами же эпидемические вспышки, скорее, стали носить локальный характер или зачастую проявлялись в форме эпизоотий.

Определенные подвижки в эпидемиологической картине начали происходить в XII–XIII вв. только вследствие ускоренного развития городов. Причем наиболее заметным этот процесс был в недавно основанных немецких городах. Располагаясь между крупными торговыми центрами Италии и Франции, они смогли очень быстро стать центрами дальнейшей колонизации Центральной и Восточной Европы. Последовавший экономический подъем городов не только привел к быстрому формированию местной дорожной сети, но и способствовал становлению новых антропоургических очагов чумы. Как показало исследование Ф. Славина, отличительной особенностью последних являлась хорошая связанность посредством транспортной сети с вторичными природными очагами [60, р. 35]. Именно этот фактор в значительной степени и определял распространение и циркуляцию того или иного локального штамма *Y.pestis*. Но утверждать то же и в отношении крупных торговых-транспортных узлов мы не можем, так как вследствие большой пропускной способности эти территории могли оказаться в зоне активности сразу нескольких штаммов чумы. Поэтому можно предположить, что перед началом второй пандемии чумы («Чёрной смерти») здесь проходил процесс сокращения геномного разнообразия чумной бактерии (через исчезновение менее адаптивных и вирулентных видов *Y.pestis*). В условиях дальнейшего экономического подъема этот процесс стал охватывать остальные территории Старого Света.

Причем, как было отмечено выше, резкие климатические изменения зачастую могли выступить в качестве одного из важнейших факторов начала новой пандемии [27; 33; 59]. Именно это и наблюдалось во второй половине XIII в. Однако отмеченные в исследованиях эпидемические вспышки могли иметь совершенно иного возбудителя, отличного от бактерии *Y.pestis*. Тем не менее полностью отрицать сам факт чумных эпидемий накануне начала «Чёрной смерти» все же не стоит. Подтверждением возможности их возникновения служит использование арабскими авторами слов, обозначающих чуму [62].

Вспышка эпидемии 1258 г. в Багдаде входит в число тех, которым посвящено наибольшее число публикаций. Именно с ней связали начало «Чёрной смерти» современные американские исследователи Н. Фэнси и М. Грин [49]. Между тем мы не можем согласиться с данной гипотезой, так как, согласно письменным источникам, самая близко территориально расположенная к Багдаду эпидемическая вспышка была зафиксирована только в 1267 г. в слабо связанном с ближневосточными городами Пскове [4, с. 25]. Указаний на крупные вспышки заболеваний в 50–60-е годы XIII в. в регионах между русскими княжествами и Ближним Востоком нами также не было обнаружено. Поэтому считаем, что, вероятнее всего, в Багдаде произошло одно из локальных проявлений одного из вымерших местных штаммов *Y.pestis*.

Впрочем, ясность в определение природы происхождения багдадской эпидемии могут внести палеогенетические исследования. Именно они и позволили в середине 10-х годов нынешнего века выдвинуть гипотезу о начале «Чёрной смерти» на территории Улуса Джучи приблизительно в 70–80-е годы XIII в. [62] Однако, как и в случае с Багдадом, очевидно, имело место всего лишь локальное проявление чумной эпидемии, но в качестве возбудителя здесь выступил штамм «Чёрной смерти», который согласно современным палеогенетическим исследованиям мог относиться к базальной группе ветви *I.ORI*. Все вышесказанное наводит на мысль о возможно более длительном процессе распространения второй пандемии чумы. Подобное предположение уже неоднократно высказывалось западными коллегами [9, с. 237; 50, р. 1629].

Наиболее близкая нам оценка межпандемическом периоде (IX–XIII вв.) была дана американским антропологом Ш. ДеВитт [48]. До последнего времени эти оценки носили сугубо характер гипотезы. Лишь в 2020/21 гг. вследствие развития технологии ПЦР появилась возможность выделить из обнаруженных в крупных археологических памятниках костей синантропических видов грызунов (чёрные крысы) ДНК возбудителя чумы (*Y.pestis*) [65].

Отталкиваясь первоначально от идеи привязки обнаружения костей чёрных крыс с, возможно, произошедшими в историческом прошлом крупными эпидемическими вспышками чумы, отечественные исследователи совместно с коллегами из Польши пришли к выводу:

– важность в зарождении и последующем распространении «Чёрной смерти» восточноевропейского региона;

– роль местных природных очагов чумы в европейских пандемических процессах XIII–XIV вв.;

– геномное разнообразие активных во время средневековой пандемии чумы штаммов *Y.pestis* [56].

Куда больше информация о межпандемическом периоде в России предоставляют, приведенные в статье 2021 г. отечественных исследователей, данные по обнаруженным на крупных археологических памятниках Поволжья костным остаткам чёрных крыс [40]. Согласно им существует большая вероятность протекания в данном регионе крупных эпидемических вспышек в Средние века. Сами же авторы исследования склоняются к точке зрения фиксации минимум протекания в регионе 4-х эпидемических этапов: первый – «чума Юстинианова» (IV–VI вв.), второй – межпандемический период (IX – начало XIII в.), третий – «Чёрная смерть» (конец XIII – XV вв.), четвертый – «*second plague*» (XVI–XVII вв.) [4, с. 4].

С предложенной российскими исследователями хронологической последовательностью эпидемических этапов в Средние века мы в целом можем согласиться. Однако, отсутствие в раннем и развитом средневековье в Поволжье развитой дорожной сети и густонаселенных городских поселений не позволяет нам обозначить данный регион в качестве основного исходного для начала «Чёрной смерти». Скорее всего, в межпандемический период в Среднем Поволжье активность проявлял, обнаруженный при проведении палеогенетических исследований биологического материала из могильника Чакма (Лаишево, РТ, РФ) более архаичный, чем Чёрной смерти местный локальный штамм *Y.pestis* (LA1009)¹.

Поэтому куда предпочтительнее смотреться в качестве исходного региона Второй пандемии чумы район кыргызского озера Иссык-Куль. Наличие активных природных микро- и экзочагов заболевания, их близкое расположение с Великим Шёлковым путём, густонаселенными китайскими и среднеазиатскими городскими центрами привели к тому, что именно здесь в межпандемический период произошло складывание более вирулентного штамма чумы. Как показали генетические исследования последних десятилетий, отсутствие у представителей европейской расы в гаплотипе антигенов *HLA-B8*, *HLA-A1* и *DR3* позволило новому штамму *Y.pestis* очень быстро адаптироваться к человеческому организму и приобрести ряд специфических черт внешнего проявления (например: массивное кровоизлияние и тромбоз сосудов). Наиболее заметным среди них являлось быстрое почернение отмирающих участков кожи. Зачастую данный процесс, по мнению современных исследователей, сопровождался синдромом внутрисосудистого свертывания крови (ДВС-синдром)², вызывавшимся наличием в геноме некоторых людей аллелей *TNF2* и *TNF-α*, отвечающих за повышенную выработку «фактора некроза опухолей». При этом сама Чёрная смерть выступала по отношению к бубонной чуме вторичной легочной формой заболевания [10, с. 34–35].

Именно остатки такого штамма обнаружила международная исследовательская группа во время исследований биологического материала из расположенных в Чуйской долине могильников Кара-Джигач и Бурана [63]. Соотнеся данные палеогенетического анализа с информацией представленной на эпитафиях могильных камней, ученые пришли к выводу, что в 1338/39 гг. в районе озера Иссык-Куль действительно произошла вспышка чумы, ставшей в последствии знаменитой «Чёрной смертью». Однако, присутствие в захоронениях остатков людей и нумизматического материала из разных точек Тянь-Шаньского горного хребта не позволило окончательно локализовать исходную точку возникновения штамма «Чёрной смерти». Но, в то же время, подчеркнуло ведущую роль Центральной Азии в эпидемических процессах на афроазиатском пространстве. При этом была подчеркнута роль в возникновении и в дальнейшем распространения эпидемии средневековой чумы трансконтинентальных транспортных артерий (Великий шёлковый путь), антропогенный фактор в развитие местной экосистемы и климатические изменения. Именно, поэтому первую половину XIV в., когда произошло пересечение всех этих факторов и нужно рассматривать в качестве начала Второй пандемии

¹ Согласно современным палингенетическим исследованиям мог относится к базальной группе ветви *I.ANT*. См. [64].

² ДВС-синдром – это патологический неспецифический процесс, характеризующийся образованием тромбов в сосудах, сочетающийся с несвёртываемостью крови, приводящей к множественным массивным кровоизлияниям.

чумы. Относительно произошедших в межпандемический период эпидемических вспышек данного заболевания, то исследователи не уверены в том, что это было проявление именно «Чёрной смерти». Скорее речь шла лишь о локальных вспышках чумы [64]. Ярким примером чему является уже упомянутая Багдадская чума 1258 г. [49]

Крайне ограниченный регион охвата чумных эпидемий межпандемический период наталкивает нас на мысль о том, что одну из ведущих ролей в эпидемических процессах накануне «Чёрной смерти», как и в случае с «чумой Юстиниана» могло сыграть длительное нахождение человеческих сообществ в условиях стресса. Одной из первой о его роли в эпидемических процессах высказалась в России доктор исторических наук, академик РАН, директор НИИ и музея антропологии имени Д.Н. Анучина МГУ А.П. Бужилова. По её мнению, основными факторами способствующими усилению стресса среди человеческих сообществ является массовое прибытие мигрантов, наступление длительного голодного периода или обострение военно-политической ситуации. Поэтому для современных исследователей крайне важным при осмыслении начала любых эпидемий в историческом прошлом будет освещение данных сюжетов. Именно в ходе них на фоне общего ухудшения иммунной системы человека происходит активизация эндо- и эктопаразитов³. Обладающие более ускоренным обменом веществ, чем здоровые живые существа, последние в условиях резких изменений условий внешней среды могут для сохранения популяции начать вести более активный образ жизни. Что в конечном итоге, зачастую приводит к увеличению числа генетически наследуемых аномалий в геноме болезнетворного возбудителя, и как следствие появление более вирулентных штаммов заболевания. Поэтому, по заключению отечественного исследователя, любое начало крупной эпидемии это прежде всего комбинация природных, этнопсихологических и социальных факторов. Именно от понимания специфики последних и будет зависеть осмысления протекания конкретного заболевания в различных природно-климатических средах [3, с. 147].

Так если для Западной Европы и Северной Африки факторами ухудшения эпидемической обстановки накануне начала Чёрной смерти историками были признаны разразившийся в конце XIII в. масштабный экономический кризис [2], а также произошедший в 1315–1320 гг. «Великий голод» [48]. То для остальной части афроевразийского пространства – происходившее в результате монгольского завоевания и в последующего строительства новой евразийской империи масштабное переселение огромной массы людей [9; 28; 54], наступившее плавное изменение климата и возможное усиления в районах расположения природных очагов сейсмической активности [1; 36]. Поэтому говорить о единой картине протекания Второй пандемии чумы в различных частях афроевразийского пространства, так и о попытке выяснить общее количество погибших не имеет смысла.

Единственным в чём можно быть уверенным, что важную роль в дальнейшем движении эпидемической волны, как и во время «нулевой пандемии чумы» Бронзового века и «чумой Юстиниана» степень включенности территорий в хозяйственно-экономическую деятельность на пространстве Великого шёлкового пути, уровня урбанизационных процессов, близость расположения местных локальных микро- и антропургических очагов чумы. Поэтому определенный интерес начального этапа «Чёрной смерти» будут представлять регионы совместившие эти факторы⁴. Географическая близость к крупнейшим городам региона позволяет нам в значительной степени предполагать, что одним из важных регионов, как и во время предыдущих пандемий, выступило Армянское нагорье. Именно здесь и были хронистами зафиксированы в 1320–1330-х годах, развивавшиеся на фоне «сильного голода, мора, дрожи, нашествия варваров и саранчи, других многообразных бедствий», крупные эпидемии.

Приведенное в текстах армянских колофонов названия город и районов⁵ указывают на возможное основное направление движение данной эпидемической волны на юго-запад, то есть с территории входивший в Улуса Хулагу далее на Ближний Восток. Однако, если исходить из написанного несколько позднее персидским летописцем текста Фасихова свода то можно предположить о возможном северном направлении продвижении, через два/три года эпидемической волны [6]. Поэтому эпидемические вспышки в 1321, 1329 и 1337 гг. могли иметь продолжения в «землях Узбековых» в 1324/25, 1332/33 или 1339/40 годах [36].

³ Эктопаразиты могут поселяться на поверхности тела перенос (вши, блохи, клещи, клопы), эндопаразиты обитают внутри переносчиков (плазмодий малярийный, аскарида, власоглав, цепень бычий).

⁴ Армянское и Цинхай-Тибетское нагорье, горные долины западных склонов Тянь-Шаня (долина озера Иссык-куль, Чуйская долина).

⁵ г. Тарон близ оз. Ван – 1329 г., Киликия и Аллепо – 1337 г. См.: [47, Р. 64, 68, 78–79].

Одним из доказательств возможного начала близ византийских земель в конце 1330-ых годов крупной эпидемии служат сообщения Никифора Григоры. Используя традиционный для средневековых хронистов прием, когда при описании начала бедствий были приведены указания астрономических или необъяснимых явлений (полет кометы, затмений и др.), византийский автор постарался подчеркнуть масштабность происходившего бедствия [12].

Куда более точную информацию можно подчерпнуть из текста хроники Иоганна Винтертурского и «Истории Пармы» доминиканца Джовани. Согласно им из-за масштабного «мора» среди населения Золотой Орды на востоке Польского королевства и на территории Галицко-Волынского княжества произошло обострение военно-политической обстановки [38]. Конечно же, если исходить из информации о причинах венецианско-ордынского конфликта 1307 г., то под словом «мор» скорее нужно понимать, возникший вследствие наступления Малого ледникового периода массовый голод среди населения. Однако, мы склоняемся к точке зрения, что наравне с голодом в золодоордынских землях в конце 1330-ых годов разразилась крупная эпидемия.

Отчасти подтверждает эту гипотезу знаменитая осада Каффы войсками золотордынского хана Джанибека. Из текстов армянских колофонов нам известно о наступлении «горьких времен» во время первой блокады в 1344 г. генуэзской колонии в Крыму [47, р. 728–732, 737–738]. Скорее всего, данный сюжет без особых изменений был заимствован Габриэлле де Мусси и Маттео Виллани при описании второй осады Каффы (1346/47 гг.). Проведенный современным российским исследователем А.Г. Емановым текстологический анализ хроники Габриэлле де Мусси подтвердил возможность протекания осады Каффы в 1346/47 гг. уже на фоне происходившей в золотоордынских землях обостренной эпидемической ситуации [5].

К сожалению не все современные историки критически подходят к осмыслению данного исторического факта. Так с легкой руки современного американского исследователя М. Уилиса, последний был обозначен в качестве одного из первых актов биологической войны, приведшего к началу «Чёрной смерти» в Западной Европе [67]. Одним из первых, кто поставил под сомнений подобных ход исторический событий в 2004 г. стал норвежский учёный О.Й. Бенедиктов [43]. В окончательном виде его гипотеза о каффийских событиях середины 1340-ых годов увидела свет только в 2017 г. в совместной с Д. Чезаной и Р. Биануччи статье.

Согласно точки зрения О.Й. Бенедиктова, главную роль в распространение чумы сыграли именно чёрные крысы. Эти млекопитающие выступили для бактерии *Yersinia pestis* в качестве своеобразного передвижного «резервуара». Путем замедления всех жизненных циклов (стазис) и отчасти ведения в организме заражённой крысы паразитарного образа жизни, чумная бактерия смогла не только успешно пережить неблагоприятный зимний период 1346/47 гг., но и продолжить своё «смертоносное» шествие во время наступления теплого периода в 1347 г. Таким образом, О. Бенедиктов с коллегами не отрицал сам факт произошедшей в Каффе эпидемической вспышки, но хронологически он отнёс её к весне-летнему периоду 1347 г. [46] Подчеркнув ведущую роль в эпидемических процессах Второй пандемии чумы именно чёрной крысы (лат. *Rattus rattus*). Такая позиция, с одной стороны, фактически реабилитировала данный вид грызунов, возвратив его в качестве одного из ведущих в эпидемические процессы Второй пандемии чумы. С другой стороны, это состыкуется с уже упомянутыми предположениями отечественных специалистов относительно вспышек чумы в Среднем Поволжье в межпандемический период (IX–XIII вв.), где крысы смогли выступить в качестве своеобразного аккумулятора для чумной бактерии, позволяя ей достаточно продолжительное время сохранять взаимодействие с местной человеческой популяцией.

В тоже время, абсолютизировать роль крысы в дальнейшем распространении Чёрной смерти тоже явно не стоит. Прибывшие на генуэзских галерах данные животные могли ускорить в конце 1347 – начала 1348 гг. вспышку неизвестного на тот момент времени европейцев заболевания. Как показали проведенные в конце XIX – начале XX вв. замеры скорости распространения так называемой портовой чумы показали порядка всего нескольких десятков километров в месяц. В то время, как во время «Чёрной смерти» речь шла о сотнях километрах. Исходя из этого, мы можем говорить о влиянии несколько иных факторов. Главным образом, речь идет о роли в эпидемических процессах, расположенных на западной оконечности афроевразийского пространства, вторичных микро- и антропоургических очагов заболевания. Фактически, именно имевшие более тесные торговые экономические контакты с Западной Европой, но расположенные близ природных очагов чумы на активно использовавшейся трансконтинентальной транспортной системе Великого шёлкового пути крупные византийские, сирийские, египетские, персидские, ближневосточные или магрибские города [2,

с. 306] стали теми ускорителями, которые привели в середине XIV в. в Западной Европе к масштабной вспышке «Чёрной смерти». Таким образом, мы можем утверждать, что точек исхода и путей проникновения «Чёрной смерти» в Западную Европу было куда больше. Этим и объясняется фиксации средневековыми арабскими летописцами до 8 различных форм эпидемий чумы [30].

В условиях развития торгово-экономических связей занос штамма «Чёрной смерти» на европейский континент мог иметь более раннюю датировку. Исходя из этого, мы можем говорить, что во время протекания первой пандемической волны «Чёрной смерти» (1320–1350-ые годы) эпидемический процесс скорее указывал на переходную форму от эпизоотии к антропоценозу. При продолжающемся в эпидемических процессах доминировании в Европе местных микро- и экзочагов, стала возрастать роль человеческих сообществ. Доказательством чему является сокращения генетического разнообразия штаммов *Y.pestis* [61] и не столь высокий уровень смертности в Западной Европе. Как было установлено в современных западных историко-демографических и палеоантропологических исследованиях, он мог достигнуть примерно 22% населения тогдашней Западной Европы (20–25 млн. человек), что было значительно ниже, чем во время протекания последующих пандемических волн чумы. Предложенные современными исследователями данные демографических потерь во собственно вспышки «Чёрной смерти», состыкуют с озвученными папой Климентом VI числовыми показателями (23,84 млн. человек) [45].

Несколько сложнее реконструировать эпидемическую ситуацию во время «Чёрной смерти» на территории России. Традиционно отечественные исследователи отталкиваются от информации представленной в текстах русских летописей. Согласно ей, в эти годы в «землях Узбековых» «великого мора» – «Чёрной смерти». «...бысть казнь от бога на люди под восточную страну в Орде и в Орначи, и в Сараях, и в Бездежь, и въ прочихъ градахъ и бысть мор великъ на люди, и на Жиды, и на Фрязи, и на Черкасы, и на прочие человеки, тамо живущая в нихъ. Толь же силенъ бысть моръ въ нихъ, яко небе мощно живыхъ мертвыхъ погребати» [27, с. 336–337]. Скорее всего, исходный вариант, согласно точки зрения советского исследователя Г.Н. Моисеева, присутствовал в летописном своде 1408 г. митрополита Киприана. Аналогичные оценки «Чёрной смерти» можно встретить в источниках⁶, относящихся к тверской летописной традиции (Рогожский летописец и Симеоновская летопись) [19, с. 57; 21, с. 97].

Заметные изменения по отношению к тексту Троицкой летописи характерны для новгородско-псковской летописной традиции. Здесь, в отличие от остальных летописных сводов, явно заметно влияние библейских сюжетов. «Чёрная смерть» здесь описывается как «казнь Египетская» [14, с. 276; 17, с. 479; 20, с. 78]. Подобная оценка событий в целом была присуща текстам, созданным в более позднее время.

Наиболее спорным моментом в описании первой волны «Чёрной смерти», считается упоминание города Ворначь (Орначь). Зачастую бытует мнение, что под ним подразумевается среднеазиатский Ургенч. Биологических исследований природных очагов чумы на Кавказе, скорее всего, указывают на один из золотоордынских городов, находившихся: либо на Северном Кавказе, о чем свидетельствуют указанные в тексте сообщения народы; либо в устье Дона, о чем говорит Н.М. Карамзин, и упоминание в летописной записи ближайших ордынских городов (Хаджи-Тархан, Сарай, Бельджамен). Отчасти доказательством этого предположения может служить тот факт, что в перечислении не указываются другие среднеазиатские центры.

К предположению об усть-донском происхождении этого города склонялась отечественный историк Г.Н. Моисеева. Ссылаясь в своей статье на карту венецианского космографа Фра Мауро, посетившего в 1388 г. Нижнее Поволжье, исследователь приходит к выводу, что располагавшиеся в устье Дона город *Organsa*, скорее всего, являлся легендарным городом Орнач. Правда, факт присутствия на карте рядом с надписью наименования города изображения надгробия с надписью «*Sepulcrum real*» («в действительности могила») напрямую свидетельствовал об исчезновении в конце XIV в. этого города [11, с. 225]. На северокавказское месторасположение города Орнач указывает немецкий хронист Иоанн Шильтенбергер. Попав в 1396 г. в плен к туркам он смог описать восточные земли и города. Одним из увиденных крупных ордынских поселений на Кавказе стал город Оригенс (Origenes),

⁶ Аналогичные сообщения данного исторического события можно встретить во многих русских летописях: Рогожский летописец, Ермолинская летопись, Троицкая летопись, Холмогорская летопись, Новгородская летопись, Летопись Авраимики, Новгородская 4-я летопись, Софийский временник, Софийская первая летопись, Патриаршая или Никоновская летопись, Симеоновская летопись, Львовская летопись, Московский летописец.

расположенный на берегу реки Эдил близ горной страны Джулад [39]. Впрочем, о существовании единой точки зрения на месторасположение этого города в российской историографии говорить не приходится.

Однако, вполне вероятно, что сам русский летописец при описании событий, через достаточно продолжительное время, мог иметь ввиду под Ворначем (Орначем) именно крупный перевалочный пункт на Великом шёлковом пути ордынский Ургенч. Что в принципе состыкуется с точкой зрения современного западного исследователя Дж. Келли. Основываясь на данных представленные в среднеазиатских источниках им была выдвинута гипотеза. Согласно которой дальнейшее продвижение иссык-кульской эпидемии 1338/39 гг. было куда более медленным, чем это рисуется современным учёным. В период с 1340 по 1342 г. зараженными оказались города (Баласагун, Талас и Самарканд), то есть расположенные всего в пару сотнях километрах западнее кыргызского озера [54]. И только лишь 1345 года, если верить данным Фасихового свода чума смогла достигнуть Ургенча [32]. Исходя из приведенных фактов, мы можем говорить о том, что знаменитая эпидемическая вспышка в Кафе в 1346/47 гг. скорее являлась возникшей вследствие наложения двух эпидемических волн (центральноазиатской и кавказской) «Чёрной смерти» [5; 41].

Дальнейшее движение эпидемических волн с территории Крыма и Золотой Орды скорее всего происходило в юго-западном направлении. Именно об этом свидетельствует уже упомянутая выше хроника Никифора Григоры. Согласно представленной в данном источнике информация, при описания событий 1346–1347 гг. в качестве исходного региона «Чёрной смерти» византийский хронист сознательно указал на ордынские земли (устье реки Дон, побережье Азовского моря и Крымский полуостров). Также определённый интерес вызывает приведённый пример с параллельной вспышки эпизоотии среди животных, что в целом встраивается в современные теоретические взгляды на «Чёрную смерть» скота [12]. Согласно последним, одним из сопутствующим факторов эпидемии чумы среди популяции людей могла стать массовая эпизоотия среди домашнего скота [51].

Намеки на возможный хронологический период передвижения «Чёрной смерти» в «землях Узбековых» мы можем найти в тексте «Русского хронографа»: «В лето 6856 (1348) казнь бысть отъ Бога – моръ на бесермены въ Орначи и Сарай и во Азътаракани и инымъ градомъ, ако неможно ихъ и погребати» [22, с. 470]. Это может свидетельствовать лишь о том, что эпидемия продлилась в западных ордынских улусах на протяжении двух лет. Косвенно о массовом море людей до конца 1340-ых годов в зависимых от Улуса Джучи землях говорят Холмогорская и Новгородская 4-я летописи. Они свидетельствовали о начавшейся в 1349 году борьбе за Волынь между Великим княжеством Литовским и польским королевством: «В лето 6857 Король краковский пришед, взя лестию землю Волынскойю и церкви претвори в латынство богомерзское служение. Того же лета князь великий литовский Олгерд посла в Орду ко царю Чанибеку братию Кориада да Михаила, да Семена Свикличевского просити помочи на великого князя Семена. То же слышав, князь великий посла ко царю своих киличеев Федора Глебовича, да Аминя, да Федорова Шибачеева заловатись на Олгерда. Слышав же то царь, яко Олгерд улус его пустошит, а князя великаго обидит, и выда послов литовских, братию Олгердову киличеем великого князя, приведени на Москву послом царевым Тутуем» [15, с. 276; 24, с. 83].

Дальнейшее продвижение «Чёрной смерти» по территории расположенных на северо-западе от Золотой Орды русских княжеств вызывает массу споров. Главный из которых, ведется вокруг выяснения причин остановки дальнейшего продвижения эпидемической волны чумы далее на север по рекам Волге и Дону. Традиционная оценка этих событий к которой склоняются отечественные исследователи строиться на предположении О.Й. Бенедиктова, связавшего приостановку распространения «Чёрной смерти» с временным прекращением торговли в северном направлении из-за военного противостояния хана Джанибека с генуэзскими купцами. Однако, отсутствие косвенных свидетельств общего обострения военно-политической обстановки на пространствах Улуса Джучи, проявившейся в виде, проходившей по указанным рекам, русско-ордынской торговли, не позволяет рассматривать данную гипотезу в качестве основной для объяснения данных событий. Скорее наоборот, в условиях усиления власти хана Джанибека на зависимых землях стал наблюдаться общий подъем торговых сделок на этой территории. Чему свидетельством является стабильный рост работорговли в Крыму с теми же итальянскими контрагентами [7, с. 141]. Поэтому, скорее всего, прекращение дальнейшего движения «Чёрной смерти» на север было во многом переопределено политикой ордынских властей, активно использовавших, известную со времен второго правоверного халифа Умара, систему карантинных крупных городов [35]. Подобная практика потом получила свое распространения среди многих государств наследников Золотой Орды, не исключая царства Московского.

Поэтому для прояснения дальнейшего движения чумных волн нужно обратиться к текстам русских летописей. Согласно им, одним из первых пострадавших от «Чёрной смерти» русских городов в 1349 году стал Полоцк [18, с. 221; 22, с. 110]. Расположенный на восстановленном ордынскими ханами днепровском торговом пути, имеющие тесные торговые контакты с Польским королевством, Ганзейской лигой немецких городов (Ганза), Ливонией и Тевтонским орденом (государство Немецкого ордена), последний мог стать местом пересечения сразу же нескольких эпидемических волн «Чёрной смерти»⁷.

В 1351–1353 гг. в «морь» вновь проникает на территории русских земель. Данная эпидемическая вспышка была достаточно подробно описана в сводах, относящихся к северо-западной русской летописной традиции. Поэтому единственным сюжетом, который вызывает спор среди современных историков, является определение хронологии событий. Если же исходить из принятого в Новгороде и Пскове мартовского летоисчисления, то можно согласиться с позицией современных российских исследователей, небезосновательно определявших 1352 г. в качестве года начала крупной эпидемической вспышке в указанных городах [13]. Подтвердили данную гипотезу изыскания отечественных эпидемиологов. Согласно ей, пик активности чумной бактерии в России традиционно охватывал июль – март. С точки зрения эпидемиологии это объяснялось тем, что основные переносчики чумы синантропические виды грызунов (серые мыши, полевки и чёрные крысы), после бурного численного роста во время летнего периода, осенью устремлялись к амбарам собранного зерна в поисках пропитания. Поэтому было не случайно присутствие в тексте, базировавшемся на протографе XV в., летописном своде Авраамки записей указавших на протекание эпидемии чумы от «Оспожина дни» (8 сентября) до «Велика дни» Пасха (в 1353 г. пришла на 24 марта) [20, с. 86]. К тому же, если верить данным северогерманских хроник, пиковыми годами вспышки «Чёрной смерти» для Ливонии и Курляндии стали 1349–1351 гг.⁸ Поэтому, мы склоняемся к тому, чтобы отнести «псковский морь лета 6860» к осени 1351 – весне 1352 гг. Если же анализировать информацию, описывающую ситуации в самом Пскове во время данной эпидемической вспышки, то здесь явно бросается влияние византийской средневековой традиции описания чумного бедствия, особо акцентировавшего внимание на массовой смертности и росте напряжения среди населения из-за вспыхнувшей эпидемии [16; с. 21–22]. Поэтому нам кажется, что абсолютизировать данные по общему количеству умерших в результате действия «Чёрной смерти» без проведения комплексных исследований всё же не стоит.

Дальнейший «шаг» эпидемии в сторону Новгорода летом 1352 г. подтверждается сообщением о смерти 3 июля на р. Узе, возвращавшегося из зараженного Пскова, новгородского архиепископа Василия Калики [15, с. 285]. 15 августа 1352 г. язва посетила Новгород. Сама болезнь сравнивается с той, что возникла в восточных странах. «В лето 6860 в Пскове и Новгороде мор бысть силен – хракаха кровью, и в иных городех окольных, а пошел из Ынденския земли, скажут, от Солнцаград» [25, с. 73]. Причем эта вспышка охватила значительные территории. «Того же лета бысть морь силенъ зело в Смоленске, и в Киеве, и в Чернигове и в Суждале, и во свей земле Русстей смерть люта, и на праса и скоро; бысть страхъ и трепеть велий на всехъ человекехъ. Въ Глухове же тогда не единъ человекъ остася, вси изморша; сице же и на Белоозере» [18, с. 224]. Весной 1353 г. «Чёрная смерть», вероятнее всего, отметилась в Москве, умертвив, согласно летописи, кроме самого митрополита, Великого князя Московского Семиона Иоанновича, двух его сыновей Семиона Семиновича и Ивана Семионовича, а также его брата Андрея Серпуховского. Оставшийся в живых из всего большого семейства Великого князя младший брат Семиона Иоанновича, Иоанн II Иоаннович Красный, отец Дмитрия Донского, выжил тем, что вынужден был задержаться в ставке ордынского хана [19, с. 179].

Приведённое описание симптоматики эпидемической вспышки аналогично той, что была зафиксирована в начале 1350-ых годов на Британских островах и Скандинавии [13, с. 1020]. Это наводит на мысль о проявлении именно лондонского штамма «Чёрной смерти» (London–6330) [63]. Исходя из этого, мы можем предположить фиксацию реверсивного движения чумной волны к исходной точке возникновения. Именно об этом в качестве одного из доказательств проявления пандемии указывают специалисты-эпидемиологии.

Исходя из приведённых хронологических данных общая длительность протекания на территории Улуса Джучи первой пандемической волны «Чёрной смерти» смогла составить примерно 14–15 лет (1339–1353). Именно поэтому единых оценок демографических потерь в отличие от остальных

⁷ Южная волна, двигающаяся из Золотой Орды, западная – с территории Центральной Европы или северо-западная – с территории Ганзы.

⁸ Подробно о дате вспышек см. [44; 65].

территорий афроевразийского пространства в научных кругах практически не сложилось [29; 31; 37; 55; 57; 59; 60]. Традиционно принято считать, что общие потери населения Золотой Орды могли составить около 50% от эпидемических показателей. Современные математические методы позволили уточнить эту цифру [42]. Согласно им, смертность от заболевания за весь период первой пандемической волны могла достигнуть только 22%. В то время, как остальные потери могли возникнуть вследствие разразившегося голода. И только таким образом достигнуть исходные 50%.

Более длительное сокращение населения для Золотой Орды оказалось, куда губительнее, чем мгновенная массовая смертность в Западной Европе. Более высокая урожайность позволила европейским странам быстро компенсировать численные потери. При ускоренном техническом перевооружении всего сельского хозяйства и добывающей промышленности это дало мощный толчок к ускоренному переходу к капиталистическому способу производства, ставившего во главе угла получение максимального дохода при сокращении расходов. Поэтому важными становились не навыки и знания работников, а их общее количество. В то время, как в Золотой Орде и в зависимых от неё территориях из-за доминирования более архаичной управленческой структуры такой переход был в целом осложнён. Экономическая система средневеково татарского государства продолжала базироваться на небольшой, но высококвалифицированной прослойке специалистов (ремесленников, учёных). Поэтому потеря одного из них влекло куда большим издержкам, чем при потере одного работника в капиталистической системе. Впрочем, для крайне персонифицированной политической системы джучидов подобный ход событий явно не являлся не решаемой проблемой. Накопленные за несколько десятилетий ресурсы позволили лишь на некоторое время стабилизировать положение.

Прерывание после смерти Бердибека в 1359 г. правящей династии Батуидов запустило, приторможенные жесткой рукой ордынских правителей, негативные тенденции в экономике и политике. Главным образом речь шла о начале длительного военного противостояния территориальных правителей различных областей Золотой Орды. В последующие десятилетия комбинация из сокращения ресурсной базы, ухудшения климатической картины (длительные засухи) и новых эпидемических волн запустил процесс массового переселения в менее пострадавшие регионы наиболее высококвалифицированных кадров ордынской экономики. Наиболее пострадавшие в такой ситуации стали поволжские города. Отсутствие основных производителей товаров с высокой добавочной стоимостью привело к тому, что последние перестали быть местом притяжения товаров, капиталов и людских потоков. Исчезновения с географических карт для ордынских городов стало лишь вопросом времени. Исходя из этого можно утверждать – процесс дезурбанизации в Золотой Орде имел куда более длительных хронологический отрезок времени, чем это было до сих пор представлено в научной литературе [58, р. 453]. Прибывшие из глубин центральноазиатских степей новые группы кыпчаков, хотя и исповедовали официально принятый ислам, но не обладали необходимыми навыками производства на прежнем уровне ремесленных товаров. Это с одной стороны, привело к окончательному утверждению среди татарского населения ислама, закрепившего принятой в исламском мире системы сакрализации и легитимизации верховной власти [6, с. 359]. С другой стороны, консервации сложившихся на тот момент времени укоренившихся в средневековом татарском государстве социально-экономических и общественно-политических отношений. В конечном итоге, именно это самым негативным образом сказалось на существовании татарских государств-наследников Золотой Орды.

Подводя всему выше сказанного можно отметить, что вспышки чумных эпидемий происходили задолго до начала Чёрной смерти. Исследования крупных эпидемических вспышек на афроевразийском пространстве позволили достаточно точно реконструировать общую картину зарождения и дальнейшего распространения данного природного бедствия в историческом прошлом, определить место и роль в этом процессе экосистемы в Поволжье, Приуралье, Северного Кавказа, Понтийский и Казахских степей. Последние исследования в области генетики показали важное место в эпидемиологических процессах, развившую на фоне резкого изменения климата, мутацию в основном геноме болезнетворных микроорганизмов. Впрочем, без участия человека эпидемии не смогли бы достигнуть максимальных величин. Именно пересечения всех этих факторов и произошло накануне начала «Чёрной смерти». Вероятнее всего исходной точкой начала эпидемии в Западной Евразии могла стать горная система Тянь-Шаня. Если учесть временной промежуток протекания одной пандемической волны во время «Чёрной смерти» в среднем 30–35 лет, то вполне очевидно, что начало данного природного бедствия на территории Улуса Джучи нужно искать в районе 1320 года. Сообщения в текстах армянских колофонов о произошедших на территории Великой Армении в районе 1320–1330-ых гг. крупных эпидемический вспышек, а также присутствие в текстах нарративных источни-

ков различных описаний симптоматики, указывают как на полиочаговость, так и на параллельную вспышку сразу же нескольких эпидемических заболеваний. Поэтому начало «Чёрной смерти» на территории Улуса Джуса имеет более сложную картину, чем это было принято до сих пор. Однако, она не отрицает сам факт свершившихся эпидемических вспышек близ озера Иссык-куль, в Ургенче и в Кафе. Правда выявленная нам хронология событий и основные вектора распространения «Чёрной смерти» указывает на 15-ти летний период её протекания. Даже несмотря на это численные потери среди населения Золотой Орды были куда ниже, чем это рисуется в воображении основной части современного населения (22%). Наличие сильной власти ханов из династии Батуидов позволило очень быстро восстановиться после этого бедствия. Поэтому считать, что именно Чёрная смерть являлась чуть ли не главной виновницей в деградации и исчезновении с политической карты средневекового татарского государства будет в целом некорректным. Скорее она являлась фактором обострения уже имевшихся в Улусе Джучи проблем в области общественно-политических отношений. В купе с массовым оттоком населения и большими потерями среди горожан, являвшихся основными производителями товаров с высокой добавочной стоимостью, явилось ускорением дезурбанизационного процесса в Золотой Орде. Последовавший вслед за этим ужесточение из-за сокращения ресурсной базы военно-политическое противостояние между ордынскими элитами («Великая замятня») лишь усугубил демографический кризис. Попытка его решить за счёт переселения исповедующих ислам кочующих кыпчаков, хотя и привело к окончательному распространению ислама среди многонационального населения средневекового татарского государства. Однако, скорее нужно говорить о консервации на определённом уровне устоявшихся на тот момент времени норм социально-экономических и общественно-политических отношений. В условиях ускоренного обострившегося геополитического противостояния это становилось смертельно опасной ловушкой для существования татарских государств-наследников Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюхин Ю.В. Природные катаклизмы как одна из причин «Великой замятни» в Золотой Орде и появление Азака // Боспорские исследования. 2009. Вып XVI. С. 314–334.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. М.: Весь мир, 2006. Т. 2. 672 с.
3. Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни / Ин-т археологии РАН. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
4. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России: От чумы до коронавируса. М.: Родина, 2020. 560 с.
5. Еманов Е.Г. Великая пандемия середина XIV века как финал средневековой истории // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 49–55.
6. Измайлов И.Л. Становление средневекового татарского этноса / История татар с древнейших времен: в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.
7. Карпов С.П. Работоторговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // Византийский временник. 1986. Т. 146. С. 139–145.
8. Кульпин-Губайдуллин Э.С. Золотая Орда. М.: Изд-во Московский лицей, 1998. 243 с.
9. Макнил У. Эпидемии и народы. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского: Русский фонд содействия образованию и науке, 2021. 448 с.
10. Метелёва И.Г. Бич Божий. История чумы. М., 2020. 352 с.
11. Моисеева Г.И. К вопросу о датировки задонщины // ТОДРЛ. 1979. Т. XXXIV. С. 220–240.
12. Никифор Григора. История ромеев. В 3 т. / Пер. с греч. Р.В. Яшунского. СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2013, 2014, 2016. Том I. Книги I–XI. 2013. xlii+438 с.; Том II. Книги XII–XXIV (начало). 2014. viii+496 с.; Том III. Книги XXIV–XXXVI. 2016. viii+488 с.
13. Пенской В.В., Липич В.В. и др. Бысть мор зол...»: «Чёрная смерть» XIV века на Руси // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. 29(4). С. 1017–1024.
14. Полное собрание русских летописей. Т. IV. СПб., 1851.
15. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. Часть 1. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 285.
16. Полное собрание русских летописей. Т. V. Псковская 1-я летопись. Вып. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003.

17. Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб., 1853.
18. Полное собрание русских летописей. Т. X. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1885.
19. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Петроград, 1922.
20. Полное собрание русских летописей. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М.: Языки русской культуры; 2000.
21. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 95.
22. Полное собрание русских летописей. Т. XXII. Русский хронограф редакции 1512 г. СПб., 1911. Ч. 1.
23. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 33. Л., 1977.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Архангелогородский летописец. Л., 1982.
26. Порсин А.А. Климат и эпидемии в Золотой Орде в период с 1280 по 1313 годы // Золотоордынское наследие: Материалы VI Междунар. Золотоордынского Форума «Рах Татарica: генезис и наследие государственности Золотой Орды». Вып. 3. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 132–142.
27. Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.-Л., 1950.
28. Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 472 с.
29. Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М.: Высшая школа, 1976. 248 с.
30. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: В 2-х кн. Кн. I: Чума добактериологического периода. М.: Вузовская книга, 2006. 468 с.
31. Урланис Б.Ц. Историческая демография: избранные труды [отв. ред. А.Г. Вяземский]; Ин-т народо-хозяйственного прогнозирования РАН. М.: Наука, 2007. 468 с.
32. Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод. Ташкент, 1980. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Fasihi/frameset1.htm>
33. Хайдаров Т.Ф. Рубикон Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 2. С. 314–335.
34. Хайдаров Т.Ф. Эпидемии чумы в Каспийском регионе во второй половине XIV в. – начале XV вв. // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 320–326.
35. Хайдаров Т.Ф. Эпоха «Чёрной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII – первая половина XV вв.): монография. Сер. 23. История и культура Золотой Орды и татарских ханств». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 304 с.
36. Хайдаров Т.Ф. Роль ордынско-русской политики и крупных эпидемических вспышек чумы в истории татар / Золотоордынское наследие. Сборник статей Международной научной конференции, посвященной 700-летию со дня рождения средневекового поэта Сейфа Сараи и заседаний триптиха. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 190–226.
37. Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Теоретические аспекты осмысления второй пандемии чумы («Чёрной смерти») на территории Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 264–282. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-2.264-282.
38. Хаугала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 6 / общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. № 131–154. 976 с.
39. Шильтенбергер И. Путешествие Ивана Шильтберхера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. / Пер. Ф.К. Бруна // Записки императорского Новороссийского университета. Т. 1. 1867.
40. Askeyev Igor V., Shaymuratova Diyara N., Nedashkovsky Leonard F. Distribution of the Black Rat (*Rattus Rattus* L., 1758) in the Middle Ages in the Volga region (according to archaeozoological data) // Russian Journal of Applied Ecology. 2021. № 4. С. 4–10. DOI:10.24852/2411–7374.2021.4.4.10
41. Barker H. Laying the Corpses to Rest: Grain, Embargoes, and Yersinia pestis in the Black Sea, 1346–48 // Speculum. 2020. Vol. 96. № 1. P. 97–126.
42. Bekker-Nielsen Dunbar D.M., Finnie T.J.R., Sloane B., Hall I.M. Methods for calculating credible intervals for ratios of beta distributions with application to relative risks of death du-ring the second plague pandemic // PLoS ONE. 2019. Vol. 14. No 2. Art. e0211633, P. 1–12. DOI: 10.1371/journal.pone.0211633.
43. Benedictow O.J. The Black Death, 1346–1353: The Complete History. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2004. 434 p.
44. Biraben J.-N. Les hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens. Tome I: La peste dans l'histoire. Tome II: Les hommes face à la peste. Paris-La Haye, Mouton, 1976. In–8°. 455 p.
45. Byrne J.P. Demographic Effects of Plague: Europe 1347–1400 // The Encyclopedia of the Black Death. 2012. P. 108.

46. Cesana D., Benedictow O.J., Bianucci R. The origin and early spread of the Black Death in Italy: first evidence of plague victims from 14th-century Liguria (northern Italy) // *Anthropological Science*. 2017. Vol. 125(1). P. 15–24.
47. Colophons of Armenian manuscripts, 1301–1480. A selected, translated, annotated by Avedis K. Sajian. Harvard University Press, Cambridge, 1969. 470 p.
48. DeWitte Sh., Slavín Ph. Between famine and death: England on the eve of the Black Death – evidence from paleoepidemiology and manorial accounts // *J. Interdiscip. Hist.* 2013. Vol. 44. No 1. P. 37–60.
49. Fancy N., Green M.H. Plague and the Fall of Baghdad (1258) // *Med. Hist.* 2021. Vol. 65. № 2. P. 157–177. DOI: 10.1017/mdh.2021.3.
50. Green H.M. The Four Black Deaths // *Am. Hist. Rev.* 2020. Vol. 125. № 5. P. 1601–1631. DOI: 10.1093/ahr/rhaa511.
51. Gunnar U. Neumann, et al. Ancient *Yersinia pestis* and *Salmonella enterica* genomes from Bronze Age Crete // *Current Biology*, Published: July 25, 2022. DOI: 10.1016/j.cub.2022.06.094.
52. Harper K. Pandemics and passages to late antiquity: Rethinking the plague of c. 249–270 described by Cyprian // *J. Roman Archaeol.* – 2015. – vol. 28. – p. 223–260. – doi: 10.1017/S1047759415002470.
53. Keller M., Spyrou M.A., Krause J. et al. Ancient *Yersinia pestis* genomes from across Western Europe reveal early diversification during the First Pandemic (541–750) // *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.* 2019. Vol. 116. № 25. P. 12363–12372. DOI: 10.1073/pnas.1820447116.
54. Kelly J. *The Great Mortality: An Intimate History of the Black Death, the Most Devastating Plague of All Time*. New York: HarperCollins, 2005. 304 p.
55. Martin S. *Black Death*. Sparkfold: J.H. Haynes and Co, 2001. 160 p.
56. Morozova Ir., Kasianov Ar. et al. New ancient Eastern European *Yersinia pestis* genomes illuminate the dispersal of plague in Europe // *Philosophical Transactions of The Royal Society B Biological Sciences*. 2020. Vol. 375. P. 1–8. DOI:10.1098/rstb.2019.0569.
57. Naphy W., Spicer A. *La peste noire, 1345–1730: grandes peurs et épidémies*. Paris: Éditions Autrement, 2003. 187 p.
58. Schamiloğlu U. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // *Central Asian Survey*. 1993. № 12(4). P. 447–457.
59. Schamiloğlu U. Climate change, disease, and the history of Western Siberia in the medieval and early modern periods // *Сибирские татары: Материалы Всерос. (с междунар. участием) симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири», посвящ. 100-летию д-ра ист. наук. Ф.Т.-А. Валеева и 20-летию I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. Тобольск: Тобол. тип., 2019. С. 180–188.
60. Slavín Ph. Out of the West: Formation of the a Permanent Plague Reservoir in South-Central Germany (1349–1356) and its Implications // *Past & Present*. 2021. <https://doi.org/10.1093/pastj/gtaa028>
61. Spyrou M.A., Keller R. et al. A phylogeography of the second plague pandemic 1 revealed through 2 the analysis of historical *Y. pestis* genomes // *Nature Communications*. 2019. Vol. 10 (1).
62. Spyrou M.A., Tukhbatova R.I., Krause J. et al. Historical *Y. pestis* genomes reveal the European Black Death as the source of ancient and modern plague pandemics // *Cell Host Microbe*. 2016. Vol. 19. № 6. P. 874–881. DOI: 10.1016/j.chom.2016.05.012.
63. Spyrou M.A. et al. Phylogeography of the second plague pandemic revealed through analysis of historical *Yersinia pestis* genomes // *Nat. Commun.* 2019. Vol.10. P. 4470.
64. Spyrou M.A., Musralina L., Ruscone G.A.G., Slavín Ph., Krause J. et al. The source of the Black Death in fourteenth-century central Eurasia // *Nature*. 2022. Vol. 606. P. 718–724.
65. Susat Ju., Lübke H. et al. A 5000-year-old hunter-gatherer already plagued by *Yersinia pestis* // *Cell reports*. 2021. № 35. P. 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.celrep.2021.109278>
66. Sticker G. *Die Geschichte der Pest* // *Die Abhandlung aus der Seuchengeschichte und Seuchelehre*. Gießen, 1908. Bd. 1.
67. Wheelis M. Biological Warfare at the 1346 Siege of Caffa // *Historical review*. 2002. Vol. 8. № 9. Pp. 971–975.

Сведения об авторе: Тимур Фаритович Хайдаров – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения, Казанский государственный институт культуры (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-1909-5727. E-mail: timkh2000@yandex.ru

SOME CLARIFICATIONS REGARDING THE COURSE OF THE BLACK DEATH ON THE TERRITORY OF THE ULUS OF JOCHI

T.F. Khaydarov

Kazan State Institute of Culture

Research objective: In the light of recent discoveries in the field of studying the genome of *Yersinia pestis*, epidemiology and previously published texts of written sources, it is proposed to clarify some points in the emergence and subsequent spread of the Black Death on the territory of the Ulus of Jochi.

Research materials: As the main sources, along with laboratory data of paleogenetic studies, the latest publications of domestic and foreign authors have been widely used, one way or another touching on the voiced topic. The main reconstruction of the events was based on the data obtained from textual analysis of written sources in Russian, Persian, Latin and Arabic.

Results and novelty of the research: The conducted research made it possible to understand the basic algorithm of the spread of plague epidemics in the historical past, to determine the place and role of the territory of the Ulus of Jochi in this process. The visible result was the reconstruction of the chronological sequence of events. Moreover, the historical facts known to the general public of outbreaks of the plague epidemic near Lake Issyk-Kul in 1338/1339, as well as in the Genoese colony in the Crimea Kafa in 1346/1347, have found their confirmation. The available direct and indirect evidence of medieval outbreaks suggested an earlier manifestation of the plague in the Volga region (IX–XIII centuries), a longer 15-year course of the Black Death in the Ulus of Jochi.

Keywords: Justinian's plague, black rats, Black Death, Golden Horde, paleogenetics of *Yersinia pestis*, plague epidemic near Lake Issyk-Kul 1338/1339, siege of Kafa 1346/1347, Rus' principalities, deurbanization of the Golden Horde

About the author: Timur F. Khaydarov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Museology, Cultural Studies and Art History, Kazan State Institute of Culture (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1909-5727. E-mail: timkh2000@yandex.ru

ИСЛАМСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В ТАТАРСКОМ ЭПОС-ДАСТАНЕ «КАХАРМАН КАТИЛ»

Л.Х. Мухаметзянова

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ

Цель: Изучение эпических нарративов тюркских народов в общетеоретическом плане в России было начато еще более века назад. Данное исследование также посвящено проблемам эпоса, здесь предметом изучения становится эпическое наследие татар Поволжья. Автор демонстрирует, что этноэпический памятник татар «Кахарман Катил» представляет собой ценностное ядро национальной культуры. Цель автора – через рассмотрение произведения как концентрат представлений татар о мире, выявить ценностные смыслы одного из сюжетных пластов, являющегося важным составляющим народного произведения письменно-книжного характера «Кахармана Катил». Отражение исламского мировоззрения в эпосе автор связывает с влиянием средневековой мусульманской письменности на татарское народное творчество и ранним приобщением поволжских татар к мусульманской культуре.

Материалы исследования: В исследовании рассматриваются татарские варианты героико-религиозного книжного эпос-дастана «Кахарман Катил» (в шести вариантах). В качестве основного варианта автор обращается к наиболее полнообъемному тексту дастана, текстологически переработанному М. Ахметзяновым.

Результаты и научная новизна: Эпос-дастаны книжно-письменного характера обладают определенными функциями в духовной жизни татарского народа. Среди них произведения, освещающие события с позиции ислама и отчасти суфийской философии, возникли под влиянием письменных памятников мусульманского Востока. Ислам – религия, официально укоренившаяся на территории Поволжья среди татар с начала X в. и в продолжении многих веков татарский народ жил, проникнувшись духом ислама. В этой ситуации вполне естественно распространение объемных письменных эпических произведений, проникнутых мусульманскими идеями и направленных на защиту ислама. В отличие от традиционного героического эпоса, героика, борьба с врагами в них осуществляются с помощью Аллаха и по его воле. Каноны героического эпоса в данной группе эпос-дастанов подстраиваются под идеологию ислама. Такие дастаны в сущности являются героическими, поскольку пронизаны эпической героикой, однако в них вместо могучего богатыря страны и народа на пьедестал поднимается пример героизма на пути веры, сюжет и события освещаются своеобразно. В то же время следует отметить, что каноны ислама никогда не вступали в глубокое противоречие с образом жизни татарского народа, т.к. укоренившийся на Волге ханафитский масхаб, отличающийся своей толерантностью, мирно уживался с местными народными традициями. Поэтому героико-религиозные книжные дастаны легко срослись с духовной жизнью поволжских татар.

Ключевые слова: Кахарман Катил, исламское мировоззрение, эпос-дастан, сюжет, героико-религиозный, письменно-книжное наследие татар

Эпические письменные памятники религиозного характера создавались на примере героических дастанов. В сущности они являются героическими дастанами, т.е. как и героический эпос, пронизаны героикой. Но в силу религиозной темы в этих дастанах на передний план вместо могучего богатыря страны и народа выходит героизм на пути веры, сюжет и события подчиняются идеям ислама. Некоторые из таких дастанов занимали свое место в татарском литературно-фольклорном наследии. Например, дастаны «Кисекбаш китабы», «Кыссаи авык», «Кыссаи Сякам», «Кахарман Катил» были несколько раз изданы, а некоторые из них научно исследованы.

Дастан «Кахарман Катил» татар Поволжья – письменный народный эпос героического характера. В различных научных центрах хранятся рукописи дастана, переписанные татарами в XVIII в., а с начала XX в. он был несколько раз издан в типографиях Казани. «Кахарман Катил» создан путем переработки персоязычного средневекового эпоса «Кахарманнамэ» [10, с. 137–138], истоки которого, возможно, берут начало из персидского письменного источника, имеющего отношение к толкованию Корана [5, с. 248–277].

Существует несколько письменных экземпляров дастана. Все рукописи выполнены татарскими переписчиками. В некоторых случаях имя переписчика неизвестно, но по особенностям почерка несложно установить, что каждый экземпляр выполнен отдельным человеком. Правда, в плане содержания произведения, последовательности событий, образной системы в рукописях принципиальных

различий не наблюдается. Но каждый из древних текстов, исходя из объема произведения, зависящего от переписчика-информанта, синтаксических различий в структуре предложений, времени переписывания, исполнителя и места, где он был переписан, ценен и вправе рассматриваться как отдельный вариант. Каждая рукопись и издание текста начинается с имени Аллаха.

Написанный на татарском языке на арабской графике дастан «Кахарман Катил» текстологически исследовал и ввел в научный оборот М. Ахметзянов. Ученый перебрал все рукописи дастана, изучил их, приблизил язык дастана к современному татарскому языку, написал вступительное слово и комментарии к тексту, подготовил к изданию – таким образом предложил народное достояние в виде современной книги [9]. Ученый, основательно изучивший каждую рукопись дастана «Кахарман Катил», взял за основу издание 1918 года. В тексте учтены современные правила написания, незнакомые современному читателю слова сопровождаются пояснениями, устранены типографские ошибки. В использованном издании 1918 года места, где отсутствуют некоторые листы, состыкованы с фрагментами рукописных экземпляров. В данном исследовании мы взяли в качестве основного на сегодня наиболее полный вариант М. Ахметзянова, который переработал издание 1918 года в сравнении с другими рукописями, далее будем использовать этот вариант дастана при обращении к тексту.

Произведение достаточно сложное, в содержании которого нашли отголоски и архаические иранские пласты из священной книги Авеста – религии зороастризма, и пласты персидского мусульманства, и коранические мотивы, проникшие от арабов-мусульман, и влияние поволжских татар-мусульман, в том числе оно испытало влияние укоренившейся здесь этнической формы ислама. «Кахарман Катил» – обогащенное на локальной почве Поволжья своеобразными оттенками, здесь сформированное, способное удовлетворить внутренние потребности образованной прослойки общества, распространенное в нескольких вариантах народное произведение. В рамках данного исследования обратим специальное внимание на исламское мировоззрение, отраженное в сюжете эпоса-дастана «Кахарман Катил».

В татарском «Кахармане Катиле» можно выделить две большие сюжетные линии: религиозно-героическую и сказочно-мифологическую. Через события дастана, объединенные в единый сюжет, они находятся в тесной связи между собой. Эти две сюжетные линии и сами состоят из отдельных небольших хикаятов (рассказов), воспринимающихся как единое целое, вернее, события дастана могут легко подразделяться на мелкие рассказы с самостоятельным сюжетом. Поэтому в народе нашли хождение и полный вариант «Кахармана Катила», и отдельные варианты в форме отдельных хикаятов, выделенные из большого сюжета дастана и ставшие самостоятельными. Для татарского «Кахармана Катила» наряду с мотивами, восходящими к Корану и его толкованиям, характерно освещение событий, исходя из общих исламских традиций. Элементы, приближающие дастан «Кахарман Катил» к исламу, охватывают целиком и линию героического сюжета, и мифологическую часть, выполняют роль идеологического моста, объединяющего в дастане два больших мотива.

Основная мысль произведения – усиление ислама. Преклонение перед Аллахом, упование на его милость всегда остаются главной точкой опоры в событиях произведения. Время в дастане обозначается в соответствии с временем намаза (молитвы), одного из столпов ислама; сражения, пройденный батыром путь, паузы между боями и др. обозначаются следующим образом: «до ахшама», «после ахшама», «после полуденного намаза» и т.д. В сюжете произведения из повседневных событий картина укрепления отношений богатыря и его возлюбленной через никах описываются несколько раз. При описании событий каждое дело возлагается на волю Аллаха и исполняется с именами его пророков на устах, героизм богатыря основан на условиях: «С помощью Аллаха», «Если Аллах даст сил». Упоминание имени Аллаха в тяжелых ситуациях, сборы в дорогу, полагаясь на Аллаха, воспринимаются в дастане как естественное явление. Даже описывая не одобряемые исламом деяния, в конечном счете выясняется, что все это исполняется по воле Аллаха. Например, при гадании или предсказании будущего приглашенным астрологом делается вывод: «Аллаху нельзя ни в чем противостоять».

События сюжета произведения, которые можно отделить в качестве мифологической части, подчинены этой же мысли. Например, когда шах Шахбал обратился за помощью к богатырю персидского падишаха Кахарману с просьбой спасти свою жену Кемеррух, Кахарман сразу отправляется в путь. Полагаясь на милость Аллаха, он спускается на дно колодца, откуда и начинается мир дивов.

Дивы, чувствуя приближение к ним батыра Кахармана, говорят: «О, милостивый, да это же богатырь Кахарман». А див Шагбан, разрубленный пополам богатырским мечом Кахармана, оживает и говорит: «Эй, богатырь! В честь уважения твоей веры, поруби меня еще раз своим мечом!» Или же другой пример: после того, как Кахарман разрубил своим мечом дива Эквала, тот «переместился на седьмое дно ада». Как видно из примеров, кажущаяся в какой-то степени самостоятельной мифологическая сюжетная линия дастана не свободна от возвеличивания Аллаха, идеологии ислама и ведения религиозных войн.

В дастане войско шаха Хушана – падишаха персидского государства – в каждом случае соседствует с возвеличиванием в качестве исламского войска, а воины шаха Хушана, как правило, – исламские воины, мусульмане. Сам шах Хушан – «умный и сильный», чрезвычайно опытный руководитель, подчинивший себе всех падишахов, кроме индийского, призван на персидский трон из государства Синжак. После его восшествия на персидский трон государственные интересы обращаются в сторону Индии, разумеется, и цели богатырей в сюжете естественным образом совпадают с целью падашаха.

Важным элементом сюжета произведения является написание письма и доведение его через послов до адресата. В одном из таких писем шах Хушан пишет индийскому правителю о святой миссии своего государства и доводит до его сведения о своем приближении к Индии. В письме, начатом словами: «От имени властелина земли и неба и его великого пророка», после довольно объемного текста следуют следующие слова: «На верном пути Аллаха мы со своим мощным и многочисленным (больше, чем муравьев) войском очистим землю от язычников, и осветим весь мир светом ислама». Индийский царь призывается «встать на путь истины» сначала дипломатическим путем, в противном случае, с применением силы. Картины описания эпических схваток и сражений, которыми изобилует сюжет дастана, героических черт, характерных для героического эпоса, ведутся в тексте под знаменем ислама. Героическую славу батыры обретают на пути достижения этой цели. Если подробное описание картин сражений, с одной стороны, делается на основании древних эпических канонов, с другой стороны, необыкновенно живописно описанный сюжет борьбы всегда приводит к победе исламского войска.

Как известно из истории, страна, которая начиная с VII в. вела захватническую войну под знаменем миссионерства с целью завоевания Индии – Арабский халифат, а не Иран. Персы также приняли ислам, глубоко пережив такое же влияние. В VII–IX вв. Иран и Средняя Азия в социально-экономическом плане вошли в состав Арабского халифата.

В событиях дастана «Кахарман Катил», как это часто было характерно для фольклорного произведения, наблюдается искажение истории, подмена ролей. То, что в произведении распространителями ислама в Индии выступают персы – видимо, результат того, что исторические события в фольклоре испытывают контаминацию. В татарском «Кахармане Катиле» это может быть отражением анахронизма, проникшего непосредственно через персидский письменный источник. Возможно, персидский «Кахарманнамэ» роль победителя в событиях произведения отдал персам, либо персидский письменный источник возник после внедрения здесь исламских порядков, на основе толкования Корана. Известно, что еще до IX в. персидская литература через арабов испытывала на себе влияние мусульманской идеологии и в этом регионе доминировал арабский язык.

«Соприкоснувшись с другой культурой, арабоязычная персидская литература в VII–IX вв. настолько обогатилась, что не только подняла на новую ступень саму арабскую литературу, но, по существу, создала предпосылки для последующего возникновения классической персидской литературы уже на родном языке. Этому способствовало и то, что арабский язык в то время играл роль мирового языка и персидская литература таким образом, непосредственно связалась с мировой культурой той эпохи» [4, с. 486]. Если подходить к проблеме с этой стороны, можно допустить, что древний персидский текст проник к нам через арабскую литературу и культуру, испытывая арабское влияние. Изучая персидско-татарские литературные связи, ученый-текстолог С. Гилязутдинов рукописи «Кахармана Катилы» относит к памятникам, попавшим к татарам при посредничестве арабской литературы [6, с. 167–168]. Татарский «Кахарман Катил» вместил в себя и древнеиранский пласт, и традиции персидской культуры мусульманской эпохи, поэтому под плотным слоем исторической пыли, возможно, и не удастся легко взять за основу лишь одну позицию.

Несомненно и должным образом доказан следующий факт: персидский «Кахарманнамэ» возник намного позднее арабских завоеваний, поэтому каждое из упомянутых выше предположений являются равноправными. И персидский «Кахарманнамэ», и татарский «Кахарман Катил», похоже,

вобрали в себя все характерное для своей эпохи, в то же время они сохранили в основе произведения самый древний пласт – традиции древнеиранского эпоса. В отношении некоторых изображенных в дастане эпизодов в нем можно обнаружить также влияние более ранних, чем культура мусульманского Ирана, явлений.

В татарском «Кахармане Катиле» в нескольких местах упоминается, как вражеский правитель и его войско поклоняются огню. В перерывах между сражениями обе стороны хоронили своих погибших воинов. Если тела исламских воинов естественным образом предавались земле, то индийцы тела своих воинов сжигали. Мусульманский обычай захоронения в произведении противопоставляется вражескому ритуалу предания тела огню. Здесь главный враг исламского войска – индийское войско, поклоняющееся огню. Известно, что поклонение огню и сжигание трупов берет начало с очень древних времен, т.е. оно возникло еще задолго до Авесты. Сжигание умершего выполнялось с целью быстрее отправить душу к создателю. Огню поклонялись также и древние арабы.

Если помнить, что географическим ареалом возникновения персидского «Кахарманнаме» считается Древний Иран, то не составляет большого труда выяснение того, что следы борьбы против огнепоклонников ведут все на ту же территорию Ирана. Если обратиться к истории, корни религии поклонения огню, как и корни «Кахарманнаме», восходят к Древнему Ирану. Здесь еще до арабских завоеваний, а точнее в VII–VIII вв., существовала вера огнепоклонников – зороастризм. Священная книга древнеиранской веры была известна под названием «Авеста», а понятие «зороастризм» восходит к имени легендарного пророка Зороастра (Заратуштра), заложившего основы этой религии [1, с. 7–21]. Храмы вечного огня, будучи языческим символом, в зороастрийских обрядах играют решающую роль. В свое время территория Ирана полностью находилась под влиянием зороастризма. «Авеста» включает в себя пять книг, вобравших различные идеи своей эпохи. Отдельные идеи Авесты оказали сильное влияние на религиозные представления, искусство, литературы народов Азии и Средиземноморья. Если иметь в виду роль божественного света в Авесте, в «Кахармане Катиле» обычай сжигать тела своих умерших может быть отражением традиции зороастризма. Но, если взять за основу сведения о том, что «зороастрийцы тела умерших и не предают земле, и не сжигают, а оставляют на поверхности земли на съедение диких животных и птиц» [11, с. 39], оказывается, что обычай сжигания трупа по религии Авесты не совсем соответствует действительности.

В данном случае известно одно: обычай сжигать трупы или оставлять их на съедение был очень древним, и ислам положил конец этим порядкам. Мы признаем, что корни обычая сжигания восходят в традициям, существовавшим задолго до появления Авесты, но в татарском «Кахармане Катиле» доминирует предположение, что оно берется во внимание лишь как явление, запрещенное в исламе. Следовательно, в дастане речь о сжигании врагами тел своих погибших воинов можно принять как средство подчеркивания преимущества ислама, как критику явлений, не соответствующих исламским порядкам. Несмотря на то, что исторические корни огнепоклонения и сжигания трупов восходят ко временам до нашей эры, то в дастане совершенно очевидно, что они носят характер легенды и испытывают на себе фольклорную контаминацию.

Арабо-персидские мусульмане огнепоклонников называли кяфирами. «Кяфир» – слово арабское, означает «непризнающий, неблагодарный, неверующий, безбожник, гяур», т.е. не признающий праведный путь, предложенный человеку Аллахом. В Коране он как правило используется в отношении язычников, не признающих ислам. Но в «Кахармане Катиле» слово «кяфир» ни разу не встречается. Все очень просто. Для татар кяфиры – это враги мусульман по вере – соседи-христиане. В Поволжье у татар слово «кяфир» адресовалось к соседним немусульманским народам. С исторической точки зрения это естественно и соответствует истине. В татарском эпосе есть тому примеры. Например, в татарском дастане, посвященном Чура-батыру, на эту же тему откровенно написано, что врагами Чура-батыра являются соседние христиане, и в этих эпических произведениях они именуется кяфирами [7, с. 44, 158 и т.д.].

Огнепоклонники в «Кахармане Катиле» заметно отделились от последователей религии Авеста, поэтому многие стороны традиции зороастризма освещались с точки зрения ислама, порой искажались. Все это в дастане ярко отражает религиозно-мифическое существо Иблис. В Авесте Иблиса нет. В книге зороастризма вообще нет никаких сведений об Иблисе (его другие имена Шайтан, Сатана, Дьявол и др.). Несмотря на то, что в книге Авесты огнепоклонение занимает основное место, оно не рассматривается в связи с Иблисом. Иблис – чрезвычайно сложный древний образ, корнями восходящий к различным источникам. В одних религиях он занимает видное место, в некоторых, например, в иудейской, его роль почти незначительна [3, с. 265].

Иблис – имя дьявола в исламе. В Коране про Иблиса (шайтан, сатана) говорится, что Аллах создал его одновременно с ангелами, джинами и первым пророком Адамом. По велению Аллаха и сотворенные из света ангелы и сотворенные из огня джины должны были подчиниться пророку Адаму. Но один из джинов по имени Газазил отказывается подчиниться пророку Адаму: «Его я лучше. Ведь из огня меня Ты сотворил, его же – из (ничтожной) глины» (сура «Аль А`раф», 7:12). Слово «иблис» в арабском языке соответствует понятию «безнадежный», т.е. он находится вне милости Аллаха, и нет никакой надежды на то, что он образумится и исправится. Бесспорно то, что сведения об Иблисе татары узнали именно через Коран, в Коране о нем немало информации (сура «Пещера», 18:48, 18:50; сура «Аль Хиджр», 15:27; сура «Милосердный», 55:15).

Тот факт, что в «Кахармане Катиле» вражеский правитель и его войско поклоняются огню, в произведении приравнивается поклонению Иблису, созданному из огня. Иначе говоря, по представлению исламского войска шаха Хушана, за вражеским огнем прячется Иблис, который является для них и богом. Индийцы, якобы «возвеличивая, поклоняются огню», их падишах Раи Хинд, обращаясь к огню, говорит: «О, мой бог, свет и свет – это огонь!», просит у него совета. В этом эпизоде привлекает внимание наличие большого количества книжных выражений, создающих образ. Они уводят произведение от традиций народного эпоса, но усиливают индивидуальное начало. В то время, как индийский царь Раи Хинд просит у огня совета воевать с иранским падишахом или мириться, «враг людей и религий, изгнанный Аллахом проклятый Иблис отвечает из-за огня сердитым голосом, призывает воевать, т.е. подстрекает людей. Получив от Бога-огня, олицетворяющего образ Иблиса, обещание победы, индийцы бросаются в бой и после довольно подробно описанного сражения, в конце концов, терпят поражение.

В «Кахармане Катиле» становится понятным, почему убеждения огнепоклонников связаны с образом Иблиса, который по описанию в Коране создан из огня, и на нем стоит клеймо «безнадежного» за отказ выполнять волю Аллаха. Изображение событий, связанных с племенем огнепоклонников, посредством Иблиса показывает то, что автор произведения и читатели с этим, созданным из огня, существом были знакомы через Коран. Поэтому можно сделать вывод, что пласт Авесты, характерный для пласта архаичного Ирана, в дастане слился с более поздними представлениями. Это еще один достойный внимания элемент, приведенный лишь с целью продемонстрировать победу ислама. Описание Иблиса не в религиозно-мифологической части дастана, а в светской, т.е. в части, пронизанной религиозной героикой, доказывает, что этот древний образ не имеет ничего общего с древнеиранской или языческой тюркской мифологией и введен в произведение с целью пропаганды исламской идеологии.

Итак, в татарском дастане в основе описания насаждения в далекой Индии ислама лежат татаро-мусульманские взгляды о превосходстве ислама над язычеством. Главные идеи мусульманизации Индии в татарской версии переплетаются с идеей и целью пропаганды ислама и укреплении его в Поволжье. В содержании дастана ислам играет большую роль, но эта идея проводится в простой, доступной для читателя форме, главное внимание направлено к художественной эпичности, и именно это качество делает произведение увлекательным и живым.

Татарский дастан по своему сюжету, именам образов-персонажей, типологическому своеобразию произведения по большому счету сохранил верность персидско-иранским и тюрко-иранским традициям. Несмотря на то, что в основных мотивах дастана нет элементов, противоречащих исламу или касающихся доисламской жизни, его все же нельзя оценивать как произведение, овеянное полностью лишь религиозно-мистическими взглядами и воплощающее в жизнь учение ислама. Здесь речь идет скорее о народном типе ислама, а именно о религии этнических мусульман. Об этом говорит и частая замена имени «Аллах» на «Хода», «Ходай» и даже «Тенгри». В словаре указано, что слова «хода» и «ходай» проникли из персидского языка, а по поводу слова «тенгри» сказано, что еще у древних тюрков оно употреблялось в значении «Аллах» [8, с. 151]. Известно, что главный бог гуннов (хуннов) и тюрков Тенгри в тюрко-булгаро-татарской мифологии считался богом неба, управляющим земным народом, судьбой страны, связывался с мужским началом [2, с. 26].

Употребление в устном разговоре и в письме этих слов («Хода», «Ходай», «Тенгри») в исламе в значении Аллаха нежелательно, но тем не менее использование слова «ходай» у татар и слова «тенгри» (в значении управляющего всем миром) у древних тюрков уже давно закрепились на уровне местной традиции.

Популярную сюжетную линию в дастане составляют мотивы предсказаний и гаданий. Как известно, в соответствии с исламом гадание в исламе считается языческим деянием (ширк – с

арабского означает «многобожие», «язычество», т.е. создание подобия Аллаху). Аллах бесподобен и у него нет потребности ни в ком, поэтому «ширк» считается большим грехом и запрещается во всех формах проявления. Однако, несмотря на несоответствие строгим исламским канонам, гадание в народе считалось занимательным делом. Случаи обращения к астрологам и другие виды гаданий, зафиксированных в татарских дастанах, более чем достаточны. И в сюжете «Кахармана Катил» эта древняя традиция, т.е. обращение к различным магическим средствам с целью предсказания будущего, занимает достаточно значительное место. Из видов предсказаний, широко распространенных в народе, здесь доминирует обращение к книге. Даже предсказатели-астрологи говорят о будущем «глядя в книгу», «раскрыв книгу».

Уже в начале произведения, когда на фоне неожиданно возникшей черной тучи, грозы и темноты таинственно исчезает трехлетний Кахарман, его отец-падишах Тахмасып сильно переживает и собирает предсказателей. Когда одна из вдов умершего от этого горя Тахмасыпа рождает ребенка, Хирасып, занявший его место на троне, собирает предсказателей с целью «посмотреть его счастье, его будущее». Если в первом случае предсказатели имеют дело с книгой, во втором – астрологи предсказывают по звездам. Художественное чудо, в котором были убеждены творившие дастан, заключается в том, что слово предсказателей обязательно сбывается в конкретном месте, как только наступает день и час. В этом случае судьбы Кахармана и родившегося после его исчезновения брата Кахтарана сбываются в точном соответствии с предсказаниями.

В дастане большое значение предсказаниям судьбы придают правители. Правитель Хирасып заранее узнает от астрологов то, что после него страной будет править шах Хушан, а шахзады (принцы) Кахарман и Кахтаран будут ему служить верой и правдой, проявят храбрость и отвагу. Он верит в то, что эта судьба дарована ему Аллахом и считает, что «ни одному из деяний Аллаха нельзя противодействовать». Более того, он сам предпринимает меры для того, чтобы предсказанное сбылось – он вызывает из другого государства шаха Хушана, который был предсказан, завещает своему сыну Кахтарану верно служить падишаху, мотивируя это тем, что «храбрость, мужество выше трона падишаха», брату Тахмасу завещает оказывать почести сыну Кахарману, когда тот объявится. Здесь закладывается основа того, в каком направлении будут развиваться события, в дальнейшем сбывается все, что было предсказано, а Кахтаран точно следует тому, что было сказано отцом.

Признание Аллаха, подчинение, преклонение ему через использование табуированного самой религией деяния – это яркий пример того, что в эпическом фольклоре татар ислам воспринимается в некоем народном варианте. Для событий дастана совершенно не характерны элементы неожиданности, внезапности, отклонения от того, что было предсказано заранее, совершение произвольных действий. Основное правило – преданная служба исламскому войску падишаха, проявление беспрекословного подчинения. Если обратить внимание, то становится ясно, что все это соответствует требованиям ислама, предъявляемым мусульманам, следовательно, совпадает с основными правилами образа жизни народа, исповедующего ислам. Суть «Кахармана Катил» как религиозно-героического дастана состоит в том, что здесь в рамках тюркских эпических традиций занимают место герои и события, не отступающие от правил религиозного бытия мусульманина, но такое бытие во многом пронизано народным пониманием действий, порой противоречащих ортодоксальному исламу.

Перечисленные выше образы-персонажи, мотивы в дастане «Кахарман Катил» нашли удивительно богатое воплощение в довольно сложной последовательности.

Кахармана Катил еще в трехлетнем возрасте похищают дивы. Несмотря на тесную связь в дастане между миром мифических существ и миром людей, в дастане они представлены как два самостоятельных мира. Несмотря на то, что повествование о мире мифических существ повышает приключенческий характер повествования, и между представителями этих двух миров случаются браки, и описываются люди, рожденные от этого союза, мир людей, пэри и дивов в социальном плане никак не сливаются, не смешиваются воедино. Например, исламское войско добивается победы лишь характерными для человеческого общества способами – жестоким сражением на поле брани двух войск. Пэри и дивы в дастане находят отражение в виде отдельных объемных рассказов. В них также речь идет о героях, в частности, об исключительном героизме Кахармана, у мира мифических существ есть немало своих особенностей (ведение дел через колдунов, часто достижение поставленной цели путем колдовства, хитрости и коварства и др.). Их мир имеет характеристику другого, чуждого для мира человека, они не участвуют в решении проблем, характерных для мира людей.

Несмотря на разделенность в дастане реального мира и мифического, между ними нет противоречий, а есть границы, которые непреодолимы для человека, и вечная борьба между представителями этих двух миров. Эти два мира отличаются друг от друга системами характерных для них образов-персонажей, в то же время они находятся в тесной взаимосвязи. Из дастана становится понятно, что исламское понимание мира проникло в оба эти мира, поскольку имя Аллаха упоминается и в устах персонажей мифического мира, пэри интересуются победой ислама и др.

Таким образом, в дастане нашли отражение древнетюркские и древнеиранские компоненты идейно-структурного характера, пронизанные мусульманской идеологией и более поздними инновациями. Сюжет и ведущие образы «Кахармана Катила», которые идут от персидских письменных памятников, несмотря на переплетение с мифологическими мотивами, чрезвычайно близки жизни тюрков и тюркскому героическому эпосу. Он – неопределимый богатый источник для выяснения миропонимания татар Поволжья, один из видных и ценных письменно-книжных эпос-дастанов религиозно-героического характера.

Выводы

Начиная с рукописей XVIII в. и до 20-х гг. XX в. произведение занимает свое прочное место в татарском наследии художественной словесности. Татарский героический книжный дастан в жизни народа был не только духовной пищей, но на решающем этапе исторического развития народа выполнял своего рода своеобразную идеологическую функцию. Велика вероятность того, что популярность у татар эпос-дастана «Кахарман Катил», повествующего о героических приключениях исламских войск в исповедующей языческую религию стране, непосредственно связана с идеей пропаганды и укрепления ислама. В произведении повествуется о походе исламского войска в Индию. Татары-мусульмане, испытавшие на себе при царизме миссионерские погромы и религиозные притеснения и гонения, благодаря хождению в рукописной форме, а позже и в форме печатных книг, таких религиозно-героических дастанов, как «Кахарман Катил», «Кыссаи Сякам», «Кисекбаш», «Джумджума султан» сохранили свою веру. В эпос-дастанах переход героики в религиозную героику – средство стремления народа на инстинктивном и сознательном уровнях сохранить свою веру, культуру, традиции, язык. В исламе, вере в Аллаха народ обретал самодостаточность в национальных и религиозных взглядах и находил духовное успокоение. В определенные периоды дастаны становились площадкой для обсуждения животрепещущих вопросов.

Эта и другие причины приблизили дастан «Кахарман Катил» к татарскому народу, повлияли на широкое распространение его вариантов. Наряду с отражением в некоторой степени светского мировоззрения, в произведении также присутствует идея суфизма, восходящая к древней и средневековой восточной литературе. В процессе многовекового превращения персидского источника в татарскую версию произведение претерпело различные изменения. В итоге оно начало служить удовлетворению запросов проживающего в Поволжье татар. Религиозно-героические дастаны служили именно цели распространения и укрепления ислама, подчиняясь при этом канонам народной жизни, местным особенностям. В «Кахармане Катиле» события в определенные решающие моменты, отклоняясь от закономерностей традиционного тюркского эпоса, подчиняются востребованным в определенный период народной жизни целям и исламу, переписываясь и распространяясь в Поволжье, дастан претерпевает религиозно-идеологические изменения уже на собственной почве. В этом, разумеется, велико влияние укоренившегося ислама в Поволжском регионе с давних времен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авеста в русских переводах (1861–1996). Сост. общ. ред., примеч., справ. разд. И.В. Рака. СПб.: Журнал «Нева» РХГИ, 1997. 480 с.
2. Бакиров М.Х. Татарский фольклор. Казань: Ихлас, 2012. 400 с.
3. Большая энциклопедия. В шестидесяти двух томах. Т. 16. М.: Терра, 2006.
4. Брагинский И.С. Из истории персидской и таджикской литератур. Избранные работы. М.: Наука, 1972. 524 с.
5. Брагинский И.С. Литература Ирана и Средней Азии // История всемирной литературы. В девяти томах. Т. 2. М.: Наука, 1984. С. 248–277.
6. Гилязутдинов С.М. Персидско-татарские литературные связи (X – начало XX вв.). Казань, 2011. 212 с.
7. Ибраимова Л.Х. Төрки халыклар ижатында «Чура батыр» дастаны. Казан: Фикер, 2002. 190 б. (на татар. яз.)
8. Ислам. Белешмә-сүзлек. Казан: Татар. кит. нәшр, 1993. 191 б. (на татар. яз.)

9. Кахарман Катил (дастан). Кереш язучы, текстологик эшкүртүче. М. Әхмәтжанов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. 221 б. (на татар. яз.)
10. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос: книжные дастаны. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2014. 380 с.
11. Урманче Ф. Татар мифологиясе. Сүзлек: 3 томда. Т 1. (А–Г). Казан, 2008. 303 б. (на татар. яз.)

Сведения об авторе: Лилия Хатиповна Мухаметзянова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0071-7058, ResearcherID: 99527520. E-mail: lilmuhat@mail.ru

ISLAMIC WORLDVIEW IN THE TATAR EPOS-DASTAN “KAKHARMAN QATIL”

L.Kh. Mukhametzyanova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences*

Research objectives: The study of the epic narratives of Turkic peoples in a theoretical context in Russia began over a century ago. This study is also dedicated to the problems of the epic, where the subject of the study becomes the epic heritage of the Volga Tatars. The author demonstrates that the ethnic-epic monument of the Tatars, "Kakharaman Qatil", represents a valuable core of national culture. The author's goal is to identify the valuable meanings of one of the plot layers, which is an important component of the national written epic work "Kakharaman Qatil", by examining the work as a concentrate of Tatar views on the world. The author links the reflection of the Islamic worldview in the epic to the influence of medieval Muslim literature on Tatar folk creativity and the early involvement of Volga Tatars in Muslim culture.

Research materials: The study examines the Tatar versions of the heroic-religious book epos-dastan «Kakharaman Katil» (in six versions). As the main variant, the author turns to the most comprehensive text of the dastan, textually revised by M. Akhmetzyanov from a manuscript found in 1918.

Results and novelty of the research: Book-written epics-dastans have certain functions in the spiritual life of the Tatar people. Among them, works that illuminate events from the position of Islam and partly Sufi philosophy emerged under the influence of written monuments of the Muslim East. Islam, the religion that officially took root among the Tatars in the Volga region from the beginning of the 10th century, and for many centuries, the Tatar people lived imbued with the spirit of Islam. In this situation, it is quite natural to spread voluminous written epic works imbued with Muslim ideas and aimed at protecting Islam. Unlike traditional heroic epic, heroism, and the struggle with enemies in these dastans are carried out with the help of Allah and according to His will. The canons of heroic epic in this group of dastans are adapted to the ideology of Islam. Such dastans are essentially heroic, as they are permeated with epic heroism, but instead of a mighty hero of the country and the people, an example of heroism on the path of faith is elevated to the pedestal, and the plot and events are highlighted in a peculiar way. At the same time, it should be noted that the canons of Islam never came into deep contradiction with the way of life of the Tatar people, as the Hanafi madhhab, which took root on the Volga and is distinguished by its tolerance, peacefully coexisted with the local folk traditions. Therefore, the heroic-religious book dastans easily merged with the spiritual life of the Volga Tatars.

Keywords: Kakharaman Qatil, Islamic worldview, epos-dastan, plot, heroic-religious, written and book heritage of the Tatars

About the author: Liliya Kh. Mukhametzyanova – Dr. Sci. (Philology), Chief Research Fellow of the Department of Folk Art, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0071-7058, ResearcherID: 99527520. E-mail: lilmuhat@mail.ru

ЭПИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ИДЕГЕЯ В ТАТАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

И.Г. Закирова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

Цель исследования: Исследование образа Идегея, отражающего идеи власти и государственности татарского народа с национально-мифологической, эпической точки зрения.

Материалы исследования: варианты татарской версии дастана «Идегей»

Результаты и научная новизна: Образ Идегея в дастане «Идегей» изображаются на основе эпической традиции тюркских народов. В фольклорных произведениях в отношении исторических личностей много надуманного, но оно тесно переплетается с фактами действительности. В этих произведениях, несмотря на наличие реалистической тенденции в описании основных событий, есть стремление к некоторой сказочности. В описании главных персонажей произведения присутствуют элементы фантастики. Необычное рождение героя, описание его детства подчинены эпическим традициям. Достижение им совершеннолетия, первые проявления героизма, сведения о любви формируются в рамках фольклорных канонов. Описывается основное событие, которое запечатлелось в народной памяти, благодаря которой он вошел в фольклорное произведение. В фольклоре запечатлеваются, как правило, самые сильные черты характера этой личности. Приход Идегея к власти объясняется его личной харизмой, т.е. исключительностью претендента, целеустремленностью, умением достигать поставленной цели.

Ключевые слова: Идегей, татарский эпос, эпическая биография, тын/кот, варианты дастана «Идегей»

Мирза Идегей – личность эпохи Золотой Орды, вызвавшая противоречивые мнения и споры. Одни идеализируют исторического Идегея, видят в нем борца за справедливость и народное счастье, другие же обвиняют его в предательстве и крахе Золотой Орды. Фольклорный образ Идегея также дуалистичен, основан на единстве божественного и земного, добра и зла [3, с. 216].

Дастан «Идегей» в многочисленных версиях и вариантах был известен татарам, крымским и сибирским татарам, а также казахам, каракалпакам, ногаям, башкирам, узбекам, туркменам. Известно около 20 татарских вариантов дастана «Идегей».

В IV томе «Образцов народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» В.В. Радлов опубликовал записанные у сибирских татар три варианта («Идэгэ Пи», «Токтамыш хан», «Токтамыш Кан») [16, с. 27–45, 127–136, 195–204], в I томе – отрывок из дастана, записанного у телеутов» [15, с. 200–204]. В VII том вошли записанные у крымских татар «Идеге би» («Идэгэ Би») и «Эдиге» («Эдигэ») (3 варианта) [14, с. 99–122, 146–149, 154–165, 198–201]. Одна версия дастана была записана Н.Г. Хакимовым в 1919 году от сибирского татарина Ситдика Зайнутдинова (Ситдыйк карт варианты) (Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, фонд №52). Второй сводный вариант татарского эпоса был составлен Н. Исанбетом [6, № 11, с. 39–76; № 12, с. 34–82]. Как отмечает Л.Х. Мухаметзянова, вариант, представленный в хрестоматии Н.И. Березина [1] как туркменский, также следует считать татарским вариантом, зафиксированным в середине XIX века [11, с. 542]. В 1915 году в Омской области Хафизом Рахматуллиным записан вариант известный в науке как «вариант Гафур бабай» (Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, фонд №52). Согласно известному августовскому постановлению 1944 года, изучение и публикация дастана «Идегей» прекратились на долгие годы и возобновились лишь спустя полвека. В постсоветское время основные варианты дастана «Идегей» были опубликованы в фольклорных сборниках, а сводный текст, составленный именно Н. Исанбетом, вышел отдельной книгой. В 1999 году увидела свет монография Ф.И. Урманчеева, посвященная сравнительно-историческому и сравнительно-типологическому изучению всех известных вариантов татарской версии дастана [20]. Этот труд открывает новый этап в разностороннем исследовании эпоса «Идегей».

Сравнительное изучение вариантов дастана дает полное представление о фольклорном образе Идегея. Несмотря на то, что сюжет дастана «Идегей» создан на основе исторических событий, он не пересказывает историю. Исторические личности и события отражаются в нем через призму восприятия народа, при изображении исторических событий воплощаются идеалы и стремления народа, мечты о справедливости и счастье. Исторические личности и отдельная историческая эпоха в дастане

«Идегей» изображаются на основе эпической традиции тюркских народов. Дастан состоит из нескольких пластов: исторического, эпического, мифологического. В текстах много общих мест, мифологических мотивов, элементов традиционного сюжета. Анализ эпоса также помогает выявить содержащейся в нем значимой исторической информации [7, с. 506].

Дастан «Идегей» начинается с повествования конфликта, возникшего из-за охотничьих птиц Токтамышша и звучащего лейтмотивом всего произведения. Хан Токтамыш получает письмо от Тамерлана, где последний требует у Токтамышша отдать ему своего сокола, который являлся предметом гордости и хана, и Золотой Орды:

Жаектан ашу Ак түбә,
Иделдән ашу Күк Түбә,
Күк Түбәдә ак сарай;
Анда утырган Туктамыш –
Ул Туктамыш син булсаң,
Курымны эчкән син булсаң,
Сине баккан мин булсам,
Тугрыңа кунган Төкле Аяк
Тугыз йортка дан булса,
Аны миңа тапшыргыл. [5, с. 12]

Если привольна Яик-река,
Если Идель-река широка,
Если реки подвластны тебе,
Если за реками – Кук-Тубе,
Если стоит Сарай в Кук-Тубе,
Если ты в Сарае сидишь,
Если ты – хан Токтамыш,
Если тебе я подмогой был,
Если ты тот, кто когда-то пил
Лишек моего кумыса,
Если сокол сидит у тебя на шестке,
Черный сокол Тюкли Аяк,
Если вблизи и вдалеке
Славой он стал девяти стран,
Славой, гремящей из края в край,
Сокола мне передай! [4, с. 7]

Если Тамерлан в своем письме укоряет Токтамышша в неблагодарности тому, кто не раз его поддерживал, то в своем ответе Токтамыш, стремясь доказать свое превосходство над Тамерланом, напоминает о том, что именно он является чингизидом, что дает ему право пренебрегать в дальнейшем Тамерланом. Он отказывается Тамерлану отдать своего черного сокола – символ власти и государственности.

Кара лачын Төкле Аяк
Сиңа булмас, Шаһ Тимер!
Тугыз йортка дан булган,
Кара лачын ау кошым
Сиңа булмас, Шаһ Тимер. [5, с. 13]

Если мой сокол Тюкли Аяк
С высоты бросается вниз,
Вверх взлетает, добычу зажав;
Если славой он стал девяти держав, –
Твоим не будет он, Шах-Тимир! [4, с. 8]

В дастане сокол упоминается как государственная птица и является символом власти. Поэтому столь большое внимание к птице в начале дастана не случайно, этот эпизод сообщает о борьбе за трон Золотой Орды, который принадлежит хану Токтамышшу и завоевание которого является целью Аксака Тимура. Следующий эпизод, связанный с соколом, подтверждает эту мысль.

Присмотр и охрана за охотничьими птицами хана Токтамышша была поручена сокольнику Кутлукья би. Когда пришло время запускать ловчих птиц в небо, Токтамыш приказал принести последних птенцов Тюкли Аяка. Однако птенцы не оправдывают ожидания хана. Он, обвиняя Кутлукья би в подмене птенцов, в предательстве, выносит приговор о казни Кутлукья бия и уничтожении его рода.

Котлыкяя ялган бине
Муйнын ора чап! – диде. [5, с. 21]

Кутлукья – лже-бий:
Голову ему отруби! [4, с. 15]

Конфликт, возникший из-за ловчих птиц, нашел отражение в различных версиях эпоса. Если в сводном варианте Н. Исанбета, нет прямого обвинения Кутлукья бия, то тобольском варианте, записанном Нигматом Хакимом, Кутлукья действительно является виновным [18, с. 286]. Отец Идегея обвиняется в безнравственности, предательстве своего хана.

Идегея, сына Кутлукья, спасает Джантимир, заменив своим сыном Кубугьлом. С этого эпизода начинается знакомство с главным героем дастана. С одной стороны, Идегей является или может являться сыном предателя, с другой, Туктамыш хан в любом случае является ханом, казнившим его отца, и человеком, который захотел расправиться с его родом. Поэтому по эпическим традициям, и не только эпическим, Идегей должен отомстить хану за кровь отца.

Кутлыкья би лишь одно из звеньев в родословной Идегея. В большинстве версий родословная Идегея восходит к известной в исламском мире личности Баба Туклеса, который отождествляется с среднеазиатским мистиком и чудотворцем Ахмедом Ясеви [10, с. 10.]

Төп атамны сорасан,
Баба Тукләс Чәчлэ Газиздер иде.
[18, с. 297]

Если спрашиваешь о моем роде,
То мой предок Чачли-Азиз Баба-Туклес.
(Перевод И.З.)

Информация о том, что родословная Идегея восходит к Ахмеду Ясеви, повторяется в фрагменте, где сын героя Норадын, называет себя потомком Хаджи Ахмета [4, с. 181]. В различных версиях Баба Туклес является дальним предком или дедом Идегея.

Брак Баба Туклеса и девушки Пери соответствует мифологическому мотиву брака человека с существом иного мира. Святой Баба Туклес видит на берегу трех голубиц, пришедших искупаться и сбросивших свои перья. Восхищенный красотой девушек-голубей, он прячет их птичьи одеяния. В обмен на птичьи одеяния одна из девушек с тремя условиями соглашается выйти замуж за Баба Туклеса: не смотреть на голову, когда она причесывается, не заглядывать в подмышки, когда она раздевается, не смотреть на ее ноги, когда они босые. Через некоторое время Баба Туклес нарушает условия своей жены. Пери, покидая мужа, который не сдержал слово и нарушил запрет, сообщает ему о своей беременности, и о том, где он должен искать сына. По другой версии девушка, встретившаяся у воды, оказывается Водяной, и Баба Туклес женится на ней. В татарской версии отцом Идегея является Кутлукья, а не Баба Туклес, и он женится на Пери, и Идегей является сыном пери. Пери/Пэри – мифологические образы, представлявшие в облике прекрасных девушек, могут превращаться в птиц или животных. От их браков с людьми рождаются необыкновенные люди [21, с. 275].

Пәридән алган хатыны,
Бишектә ятар баласы;
Аны да ташлап калдырган
Пәридән булган анасы. [5, с. 21]

Была у него жена.
Пери была она.
Подарила ему дитя,
К своим потом улетя. [4, с. 15]

В этой же версии о том, что Идегей является сыном матери-Пери рассказывает алып Кара Тиин. Богатырь, которого убивает Идегей, говорит ему об их родстве, о то, что они оба являются наполовину представителями неземной стихии.

Китмә, китмә, Идегәй:
Ике туган пәри кыз,
Апасыннан мин тусам,
Сеңлесеннән син туган! [5, с. 104]

Эй, Идегей, Идегей,
Не уходи до поры!
Жили две пәри, две сестры.
Я родился от старшей сестры,
Ты родился от младшей сестры. [4, с. 99]

Следовательно, с одной стороны род Идегея восходит к святому Баба Туклесу. Как отмечает А.В. Медведев использование терминов «священный», «святой» в различных контекстах позволяет зафиксировать то, что, «как правило, они используются в качестве прилагательного, дабы подчеркнуть особую значимость, ценность чего-либо» [9, с. 12]. Святой в эпическом творчестве татарского народа – это человек обладающий божественными качествами, присутствием в нем божественного начала. В дастане есть намеки на зарождение Идегея от луча, на его сошествие с небес, т.е. на его божественное начало. Старик Субра делает акцент на его необычности:

Күзләренә карасам,
Күгеннән пәйдә булгандай
Каршыннан торып карасам,

Если посмотрю ему в глаза, -
Как будто сошел он с Небес!
Если посмотрю на его лицо, -

Каһәрдән пәйдә булгандай;
Буйларына карасам,
Нурдан пәйдә булгандай! [5, с. 67]

Будто из ярости он возник!
Если на стан его я взгляну –
Будто из света он возник! (Перевод И.З.)

Сын Идегея Нурадын также напоминает о своем небесном, то есть божественном происхождении:

Ай белән көн яурылып,
Ике нурдан ялгашып,
Чын газиз канның үзеннән
Пәйдә булган мырзамын. [5, с. 180]

Когда слились луна и день,
От двух лучей соединенных,
Из настоящей святой крови
Явился я на свет. (Перевод И.З.)

Рождение эпического героя от солнечного луча, связь истоков священных родов с небом в тюрко-монгольском фольклоре встречается и в литературе о Чингизхане. Например, в «Дастане о Чингизхане» повествуется о зачатии ребенка Алангу от небесного луча [2, с. 12].

С другой стороны, со стороны матери, Идегей является представителем другой стихии. Эпическая биография Идегея, таким образом, начинается с мотивации его необычности. Эта отнесенность к другой стихии, т.е. рождение от водяной или пери добавляет Идегею качества, которыми не обладают обычные люди, показывает его отличие от других, его избранность.

Главной особенностью, отличающей Идегея от других, является его харизма. В дастане эта особенность выражается словом «кот» или «тын». Хан Токтамыш, «тын» или «кот» (харизма) которого гораздо слабее, чем у Идегея, неосознанно встает при виде последнего. Жены обращают внимание Токтамыша на то, что он боится Идегея, подсознательно признает его превосходство. В варианте Нигмата Хакима жены предупреждают хана о том, что «Идегея тын тяжелее чем ваш тын, когда он заходит, вы теряете свое величие, могучесть. В этом что-то есть» [18, с. 289]. В сводном варианте Н. Исанбета жена хана также сравнивает кот-харизму хана и его бывшего пастуха Кобыгула:

Елкычыдан би булган,
Түрәң булган Кобогыл
Өрәңгедән каты икән;
Килбәте синнән киң икән,
Коты синнән котлы икән! [5, с. 40]

Ставший бием теперь
Советник всегдашний твой,
Твой судья Кубугыл, поверь,
Оказался тверже, чем клен!
Кот его сильнее
Чем твой кот! [4, с. 33]

Сильная харизма, т.е. наличие у Идегея кот/тын, подтверждало, как его его превосходство над Токтамышем, так и право на трон. Токтамыш сначала не хочет верить в харизму Идегея.

Коты миндәй котлы булалмас!
Чыңгыздан булган затыма
Кол Кобогыл тиңәлмәс! [5, с. 41]

Я – венценосный властелин!
Не будет равен его кот моему,
Не будет он равен
Мне, чьим предком был Тимучин!
(Перевод И.З.)

Убедившись в превосходстве Идегея-Кобыгыл, хан хочет узнать о нем больше. Хан принимает свой страх, как предзнаменование того, что ему грозит смерть от Идегея. Следовательно, тот факт, что Идегей обладает «кот», дает ему право занять в будущем трон.

Коты синнән котлы булганда
Аны да котсыз кылаек. [5, с. 42]

Если кот его тверже твоего,
Мы уничтожим его кот. (Перевод И.З.)

О том, что термины «кот» или «кут» означают харизму, можно судить по отрывку из текста на памятнике Кюль-Тегина: «Тәңри ярлыкадукын үчүн, өзим кутым бар үчүн, каган олуртым» («По милости Тенгри, благодаря тому, что я имел кот, я стал каганом») [8, с. 28]. Из другого отрывка также очевидно божественное происхождение кагана: «Тәңри тәг тәңридә болмыш түрк билгә каган бу өдкә

олуртым» («Я, рожденный по воле Тенгри, тюркский каган, воссел на трон») [8, с. 27]. Как утверждает текст на стелле Кюль-Тегина (VIII в.) у древних тюрков право на власть так же давалось небесами, а на трон мог сеть, т.е. стать каганом, только человек, обладающий «кот», т.е. харизмой. Основываясь на этом, Л.П. Потапов объясняет слово «кут» как право на власть, данное свыше [13, с. 196].

Детство Идегея во всех версиях трактуется одинаково. Он с детства, с семи лет, пасет скот. От других детей он отличается умом, организаторскими способностями, поэтому в играх всегда сам себя назначает ханом. Эпизод встречи пятнадцатилетнего Идегея с Токтамышем однозначно может трактоваться как прямой намек на то, что в будущем этих героев ждут непростые взаимоотношения.

– Анау килгән ак атлы –
Ул Туктамыш хан булса,
Алдында баш имәгез,
Үзе сәлам бирмәсә,
Башлап сәлам бирмәгез. [5, с. 29]

Тот, кто скачет среди травы,
Кажется, – хан Токтамыш.
Не склоните пред ним головы.
Если «салям» не скажет он сам,
Первыми не говорите «салям». [4, с. 23]

К Идегею, проявившему свою находчивость, народ стал обращаться за помощью в сложных ситуациях. Наслышанный о его качествах Токтамыш хан берет его к себе на службу. Но постепенно начинает сомневаться в Идегее, сильном своим «кот» / «тын».

О том, кто такой Кубугыл, рассказывает мудрый старец, прорицатель и певец 190 (195) лет Субра (Сыпра-Сыбрау-Сыбра). С его слов Кубугыл-Идегей предстает противоречивой личностью. С одной стороны, он не имеет себе равных, Кубугыл превосходит всех ханов, которых пережил Субра:

Чыкмаган жан йөргәндә,
Йөз туксанга килгәндә,
Кобогылдай ирләрне
Һич күрмәгән картыңмын. [18, с. 297]

Еще теплится в теле душа,
А за спиной уж 190 лет,
Мужчин, Кубугулу равных,
Я, старец, еще не встречал. (Перевод И.З.)

С другой стороны, со слов Субры явствует, что несравненный Кубугыл еще и страшный человек:

Артыннан килеп карасам,
Каһәрдән пәйдә булгандай.
Яныннан килеп карасам,
Еланнан пәйда булгандай,
Алдыннан килеп карасам,
Нурдан пәйда булгандай син! [18, с. 297]

Сзади на тебя смотрю,
Ты словно рожден из проклятий.
Сбоку на тебя погляжу,
Ты словно рожден от змеи.
Спереди тебя лицезрею,
Ты словно возник от луча. (Перевод И.З.)

Хотя предсказатель Субра-ерау отзывается об Идегее хвалебно, как о сильной личности, однако при этом с сожалением признает, что он именно тот, по вине которого погибнет страна. Субра предсказывает, что он приведет страну гибели. Если даже в том, что Идегей превратился во врага, есть вина Токтамыша, Субра благополучие страны ставит выше личности Кубугыл-Идегея:

Исән-имин китсә ул,
Иделдән ары үтсә ул,
Шаһтимергә китәчәк,
Шаһтимерне алып килеп,
Сарайны харап итәчәк, – диде.
[18, с. 299]

Если один далеко уйдет,
И дальше Волги пройдет,
А уйдет он к Шахтимеру,
И приведет он Шахтимера,
И погубит он Сарай.
(Перевод И.З.)

Субра предлагает Токтамышу помириться с Идегеем, говорит, что вражда с ним принесет стране и самому хану много несчастий.

Убегая от Токтамыша, Идегей в дороге встречается с богатырем Кара Тиинном (в различных версиях: Кабардин-Алп, Чуюн-Кулак-дию, Калмык батыры, русский богатырь Анисим), укравшим дочь Тамерлана Ак Белек. Вместе с дочерью Тамерлана Идегей убивает спящего алып, затем идет с ней к Тамерлану и женится на Ак Белек.

Долгие годы Идегей живет при Тамерлане в качестве зятя. Когда подрастает его сын Норадын-Нуреддин, Идегей начинает задумываться о мести Токтамышу и просит помощи у Тамерлана. С его помощью он побеждает Токтамыша. Бросив страну, Токтамыш бежит, убийцу своего отца убивает Норадын. После одержанной победы две дочери Токтамыша остаются в руках Идегея, из-за них между отцом и сыном разгорается скандал. Норадын выбивает отцу глаз и изгоняет его страны.

Идегей говорит, что сын был для него самым дорогим человеком. Однако Норадын себя виноватым не считает и говорит о возможности смыть с себя грех:

Күзең орып чыгарсам,
Тэнре өе Кәгъбәне
Бер әйләнсәм унармын,
Өч әйләнсәм тынармын;
Языгы белән гөнаһсын
Жиде әйләнсәм, йолармын! [5, с. 197]

Если выбил я глаз у отца,
То Каабу, обитель Творца,
Троекратно я обойду,
Божьему подвластный суду,
Семикратно я обойду
И душевный покой найду,
Тяжкий грех я смою с себя. [4, с. 193–194]

Поперек дороги Норадына становится мать, обвиняя его в том, что он причиняет много боли и страданий родителям. Но главная вина Норадына в том, что он противопоставляет себя народу, покидает родину:

Әй Норадын, Норадын,
Кара суга кан койсаң,
Суны кайдан эчәрсең?
Халык белән даулашып,
Яхшыны кайдан табарсың?
Каулы жиргә ут салып,
Утны кайдан утларсың?
Халык белән яулашып,
Яхшыны кайдан табарсың? [5, с. 200]

Норадын, Норадын опять,
Стала старая мать причитать, –
Если кровью реку загрязнишь,
Где ты жажду свою утолишь?
Если спорить с народом начнешь,
Где ты благо – добро обретешь?
Если травы сухие зажжешь,
То куда ты стада поведешь?
Если спорить с народом начнешь,
Где ты благо – добро обретешь? [4, с. 197]

Диалог Норадына с матерью записан В.В. Радловым у телеутов как самостоятельное произведение «Мырат Пи» [1, с. 200–204]. В нем мать уговаривает сына не выходить в дорогу, не расставаться со страной. Отрывок очень близок к татарской версии. Мать перечисляет сыну все препятствия, стоящие на его пути, пытается объяснить, что нельзя противостоять стране и дому. В ответах Мырат Пи чувствуется вера в себя, граничащая с высокомерием.

В дастане главной причиной конфликта между Идегеем и Норадыном является претензия сына на золотоордынский трон.

Йә син үзең хан булгыл,
Йә син мине хан кылгыл!
Йә син мине үтергел,
Йә мин сине үтерим!
Йә күземә күренмә,
Казак чыгып кит! – диде. [5, с. 210]

Или ханом себя утверди,
Иль меня на престол возведи:
А не то уходи с моих глаз,
Уходи в казаки, уходи! [4, с. 209]

Таким образом, Норадын понуждает отца бежать из страны. Вместо того, чтобы, объединившись, противостоять общему врагу, они тратят время на бессмысленную борьбу друг с другом. Отсутствие единой цели, в конечном счете, приводит обоих к трагедии. Из-за того, что нет единства, они каждый по отдельности воюют с главным врагом. Правда, исторических фактов, доказывающих существование в действительности конфликта между отцом и сыном, нет. По-видимому, это не отражение исторических событий, а лишь эпический вымысел, призванный мотивировать, с одной стороны, смерть Идегея как харизматической личности, с другой – поражение и падение Золотой Орды.

В татарской версии дастана трагедия героев представлена следующим образом. После того, как Норадын убил хана Токтамыша, его сын Кадырберди мстит Норадыну за отца. Он сажает своего

врага на ножи, прикрытые сверху войлоком, и начинает допрос. Норадын, словно не чувствуя боли, отвечает на вопросы. Затем Кадырберди сажает его на неоседланного коня и отправляет домой. От полученных ран Норадын умирает. Эпическая традиция, будучи выражением этических ценностей народа, не позволяет иного развития сюжета, кроме как смерть Норадына. У человека, послушавшего родителей, поднявшего руку на отца, изгнавшего его из родного дома, нет права оставаться в живых и быть ханом. В дастане не может такой человек сесть ханом на трон. Но он, все же, получает шанс на прощение грехов, совершенных по молодости и неопытности. Норадын успевает, будучи раненым, переплыть Волгу и попросить у отца прощения.

Татарская версия заканчивается тем, что сын Токтамышша Кадырберди, желая восстановить Золотую Орду, убивает Идегея. Но и после смерти Идегея процесс распада Золотой Орды не останавливается:

Идел-йортны дау алды,
 Яу өстенә яу килде,
 Идегәй әйткән көн килде.
 Чыңгызның куйган хан тагы
 Кан тагы булып әверелде;
 Хан сарае камалды.
 Крым, Казан, Аждаркан
 Башлы-башлы ил булды,
 Алтын Урда таралды. [5, с. 244]

Смута настала в Идиль-стране,
 Гибли в междоусобной войне
 Множество отцов и детей,
 Как предсказал муж Идегей,
 Темный день на землю пришел.
 Сотворенный Чингизом престол
 Стал престолом, где кровь лилась,
 Ханский дворец исчез из глаз,
 Край разоренный стал пустым.
 Отошли друг от друга тогда
 Аждаркан, Казань и Крым,
 Золотая распалась Орда. [4, с. 240]

Судьба реального Идегея несколько отличается от той, что изображена в дастане. В последние годы жизни он полностью взял в свои руки власть в Золотой Орде. Последние дни жизни Идегея описаны в трудах арабских и персидских историков. Сведения, записанные Ибн Арабшахом, совпадают с сюжетом татарской версии дастана «Идегей». Он описывает, как после ранения, полученного в столкновении с Кадырберди, Идегей тонет: «В то самое время, когда сгущались мраки междоусобиц и перепутывались звезды бедствий между обеими партиями в сумраках Дештских, вдруг в полном величии власти Джелалиевой появился (один) из блестящих потомков Токтамышевых и поднялся, выступая из стран Русских. Произошло это событие в течение 814 года (25 апреля 1411 – 12 апреля 1412). Обострились дела, усложнились бедствия и ослабело значение Идику. Тимур (хан) был убит, и продолжались смуты да раздоры между царями владений Кипчакских, пока, (наконец), Идику, раненый, потонув, не умер. Его вытащили из реки Сайхун, у Сарайчука, и бросили на произвол судьбы...» [19, с. 473]. Второй арабский историк Бадр ад-дин аль-Айни в книге «Связки жемчужин» («Икд ал-джуман») повествует о том, как Идегей был тяжело ранен в жестоком столкновении с Кадырберди (бой великий и сражение ожесточенное). Во время схватки погибает и Кадырберди. Тяжело раненый Идегей, не зная, что Кадырберди погиб, и думая, что он победил, бросается в бегство. Идегея находят люди Токтамышша и убивают: «Затем он приказал бывшим при нем людям своим напасть на него (Идики) с мечами, и они разрубили его на куски» [19, с. 532]. Идегей и Кадырберди погибают оба в 1419 году.

В заключение надо отметить, что фольклорный образ Идегея создан на основе исторического Идегея. В фольклорных произведениях реалистические мотивы переплетаются с эпическими и мифологическими мотивами. Биография реального исторического Идегея приспособлена к традициям тюркского эпоса. Она начинается с необычной, чудесной родословной – шеджере, что намекает на необычность самого героя. Необычность Идегея видна в том, что ему присущ *кот*. В некоторых вариантах татарской версии *кот* обозначается как *тын* и это показывает, что герой избран самим Аллахом.

В основе сюжета дастана «Идегей» лежит идея борьбы за трон. Вражда между Идегеем и Токтамышем приводит к гибели их рода, обрывается связующая нить жизни. В представлении тюрков уничтожение рода, племени – самое страшное преступление и самая страшная кара. Народ в своем творчестве наказывает героев гибелью их рода. Гибель всех основных героев – Идегея, Токтамышша, Кадырберди и др. является своеобразным предвестником распада Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березин И. Турецкая хрестоматия. В 3-х т. Т. 2. Казань: Тип. Университета, 1862. 144 с.
2. Дәфтәре Чыңгыз-намә / Китапны басмага хәзерләүче сүзлек һәм аңлатмаларның авторы Сәлим Гыйләжетдинов. Казан: Иман, 2000. 44 б.
3. Закирова И.Г. Эпическое творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы. Казань, 2011. 268 с.
4. Идегей. Татарский народный эпос. Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. 256 с.
5. Идегей. Татар халык дастаны. Казан: Тат. кит. нәшр., 1988. 254 б.
6. Исәнбәт Н. Татар халык эпосы «Идегей» дастанының 500 еллыгы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. Б. 39–76, № 12. С. 34–82.
7. Исхаков Д.М., Закирова И.Г. К вопросу о присутствии в Западной Сибири следов домонгольских кыпчаков (на основе анализа дастана «Ак күбәк») // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 504–522. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.504-522 EDN: AMXZRT
8. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
9. Медведев А.В. Сакральное как причастность к абсолютному. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. 150 с.
10. Мелиоранский П.М. Предисловие к. тексту «Сказание об Едигее и Тохтамыше». Приложение к сочинениям Ч.Ч. Валиханова: Записки Императ. Рус. Географ. Общ-ва по отделению этнографии. Приложение к тому XXIX. СПб., 1905. С. 1–18.
11. Мухаметзянова Л.Х. Татарский эпос «Идегей»: эхо сквозь столетия // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 537–550. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.537-550
12. Потанин Г.Н. Тюркская сказка об Идыгэ // Живая старина, 1897, №7, вып. III–IV. С. 294–350.
13. Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 265–286.
14. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Часть VII. Наречия Крымского полуострова. СПб., 1896. 384 с.
15. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть I. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866. 420 с.
16. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872. 411 с.
17. Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. 328 с.
18. Татар эпосы. Дастаннар / Төзүче, кереш сүз һәм искәرمәләрне язучы, сүзлекне әзерләүче Ф.В.Әхмәтова-Урманче. Казан: Раннур, 2004. 640 б.
19. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечение из арабских сочинений. СПб., 1884. 563 с.
20. Урманче Ф.И. Народный эпос «Идегей». Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, 1999. 200 с.
21. Урманче Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек. 2 т. Казан: Мәгариф, 2009. 343 б.

Сведения об авторе: Илсеяр Гамиловна Закирова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: ilzakirova@mail.ru

THE EPIC BIOGRAPHY OF IDEGEY IN TATAR FOLKLORE

I.G. Zakirova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences*

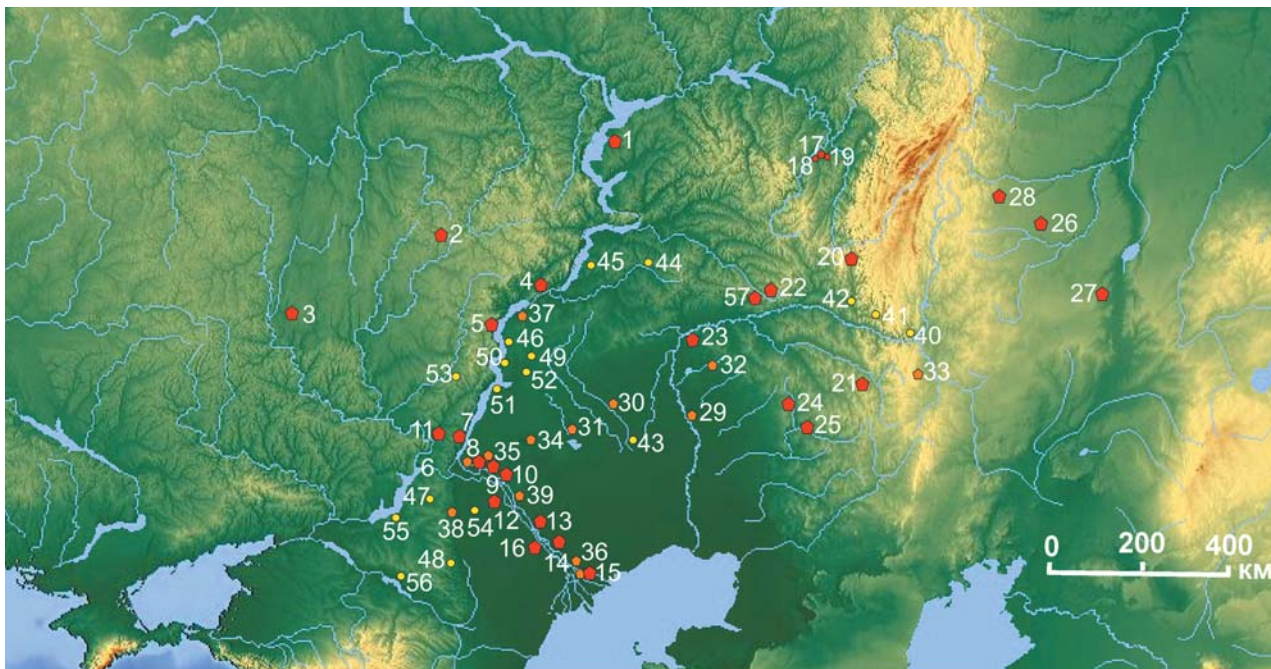
Research objectives: The study of the Image of Idegey, reflecting the ideas of power and statehood of the Tatar people from the national-mythological and epic point of view.

Research materials: Variants of the Tatar version of the dastan “Idegey”.

Results and novelty of the research: The image of Idegey in the epic tale “Idegey” is depicted based on the epic tradition of Turkic peoples. In folk works regarding historical figures, there is a lot of imagination, but it is closely intertwined with facts. In these works, despite the presence of a realistic tendency in describing major events, there is a desire for some fairy tale-like quality. Elements of fantasy are present in the description of the main characters of the work. The unusual birth of the hero and the description of his childhood are subject to epic traditions. His attainment of adulthood, his first displays of heroism, and details of his love life are all formed within the framework of folklore canons. The main event, which was etched into the popular memory and led to his inclusion in the folklore work, is described. Folklore typically captures the strongest character traits of the individual. The rise to power of Idegeya is explained by his personal charisma, i.e. the exceptional qualities of the pretender, determination, and ability to achieve his goals.

Keywords: Idegey, Tatar epic, epic biography, tyn/cat, variants of the dastan “Idegey”

About the author: Ilseyar G. Zakirova – Dr. Sci. (Philology), Chief Research Fellow of the Department of Folk Art, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: ilzakirova@mail.ru

 – мавзолеи кирпичные (по Э.Д.Зиливинской, Г.Н.Гарустовичу, С.Г.Боталову, А.Ф.Яминову, Д.В.Васильеву)

 – языческие курганы с монетами Джучидов

 – мавзолеи сырцовые

Рис. 1. Мавзолеи и языческие курганы кочевников Золотой Орды в Поволжье и Предуралье.

- 1 – Болгар; 2 – Мохши; 3 – Краснохуторской; 4 – Царевщина; 5 – Укек; 6 – Мечетное; 7 – Водянское; 8 – Бахтияровка; 9 – Царевский; 10 – Солодовка; 11 – Веселый; 12 – Кривая Лука; 13 – Селитренное; 14 – Комсомольский; 15 – Маячный бугор; 16 – 301-й км; 17 – Тура-хана; 18 – Малый кешене; 19 – Хусейн-бека; 20 – Бендебике; 21 – Болгасы; 22 – Тептяри; 23 – Жайык; 24 – Абат-Байтак; 25 – Саралжин; 26 – Варненский («Башня Тамерлана»); 27 – Атчергат; 28 – Троицкий; 29 – Караул-Тобе; 30 – Саралжин; 31 – Мокринский; 32 – Лебедевка; 33 – Ак-Жар; 34 – Эльтон; 35 – Маляевка; 36 – Досанг; 37 – Подстепный; 38 – Кузин; 39 – Успенка; 40 – Новоорский; 41 – Тлявгуловский; 42 – Андреевский; 43 – Джангала; 44 – Августовка; 45 – Саратов; 46 – Зауморье; 47 – Абганерово; 48 – Сарпа; 49 – Давыдовка; 50 – Ровное; 51 – Бережновка; 52 – Харьковка; 53 – Даниловка; 54 – Большой Царын; 55 – Нагавская; 56 – Гува III; 57 – Мустаево

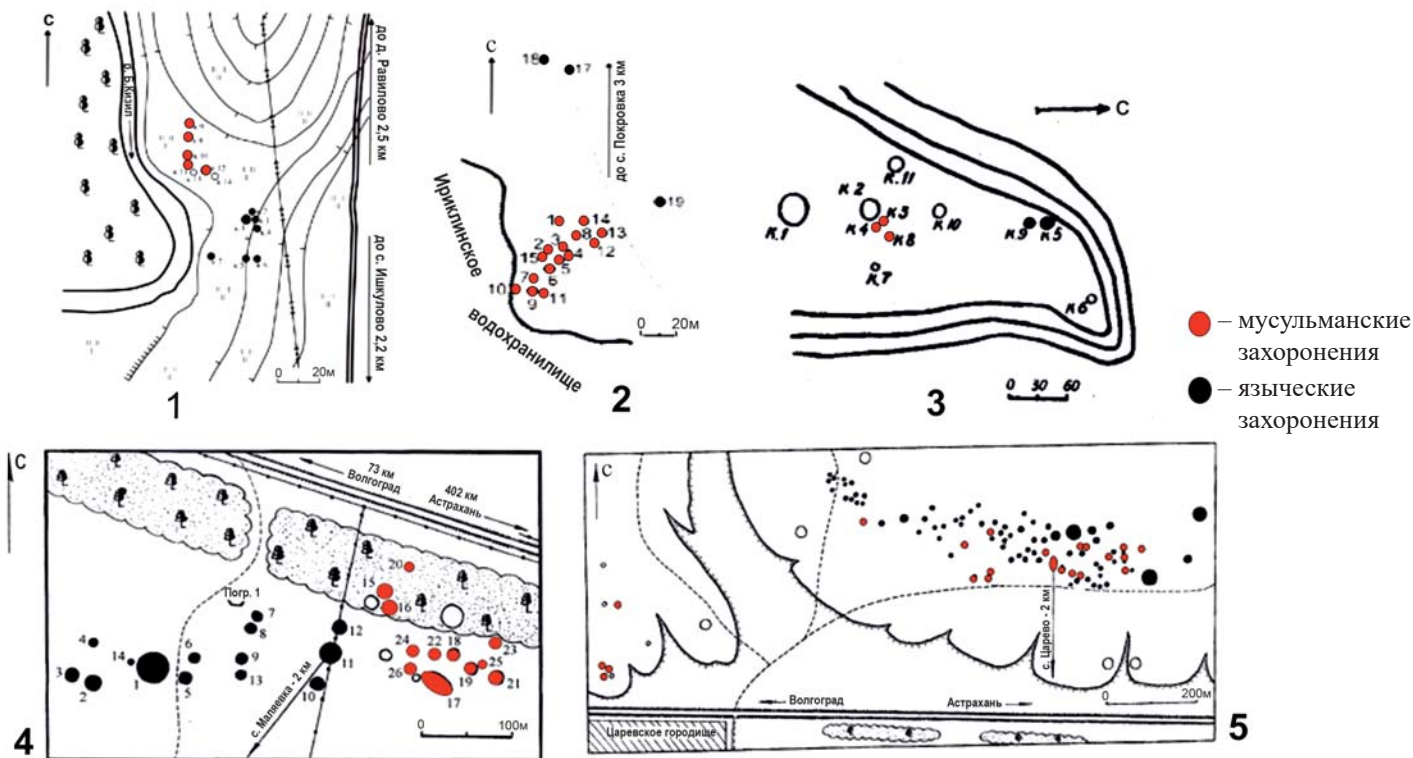

Рис. 2. Кочевнические могильники с языческими и мусульманскими захоронениями.

- 1 – Ишкуловский II; 2 – Покровский; 3 – у пос. Урал; 4 – Маляевка; 5 – Царевский

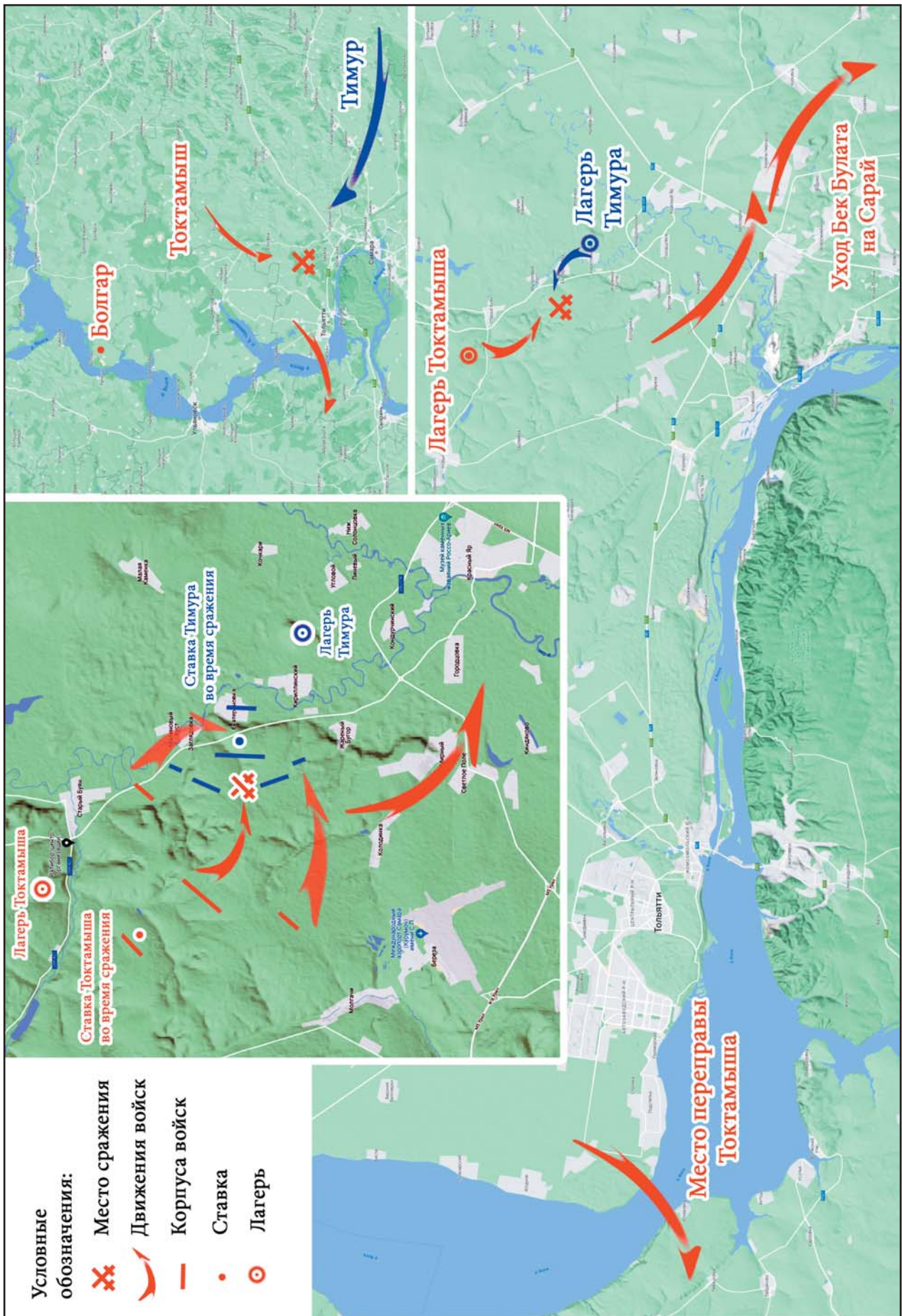

Рис. 1. План-схема битвы на Кондурче 18 июня 1391 г. на базе карты с современными топонимами

Рис. 5. Монеты Тигене и Махмуда и их вес

Рис. 6. Монеты Тигене и Махмуда и их вес

Рис. 7. Монеты Тигене и Махмуда и их вес

Рис. 8. Монеты Тигене и Махмуда и их вес

Рис. 9. Монеты Тигене и Махмуда и их вес

Рис. 10. Монеты Тигене и Махмуда и их вес

Рис. 11. Монеты Тигене и Махмуда и их вес

К статье *Козлов А.П., Якушечкин А.В.* К вопросу о хронологии выпуска ранних медных монет Крыма в составе государства Джучидов

Фототаблица IV

Фототаблица V

Фототаблица VI

Фотогaблицa VII

Фототаблица VIII

Фототаблица IX

Фототаблица X

Фотогaблицa XI

37

38

39

40

41

42

43

К ВОПРОСУ О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ЧЕРВЛЕННОГО ЯРА И ПОЛИТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЕГО БАСКАКОВ

Р.Ф. Иглесиас-Алонсо

Институт всеобщей истории РАН

В статье предлагается новый подход к изучению политико-географического феномена Червленого Яра. Рассматриваются обстоятельства возникновения данного историко-географического региона в связи с появлением здесь института православных баскаков. Особое внимание уделяется спорным вопросам и неоднозначным толкованиям фактов и событий. На основании сличения и сравнительного анализа грамот на Червленый Яр митрополитов Феогноста и Алексия, опубликованных результатов археологических раскопок и картографического материала обосновываются новые географические границы Червленого Яра. Выдвигается предположение, согласно которому баскаки Червленого Яра занимали в иерархии баскаков низшую категорию сельских баскаков-даруг.

Ключевые слова: Баскаки, митрополит, грамоты, митрополит Феогност, митрополит Алексий, Золотая Орда, Червленый Яр, буферные зоны, Дон, Хопер

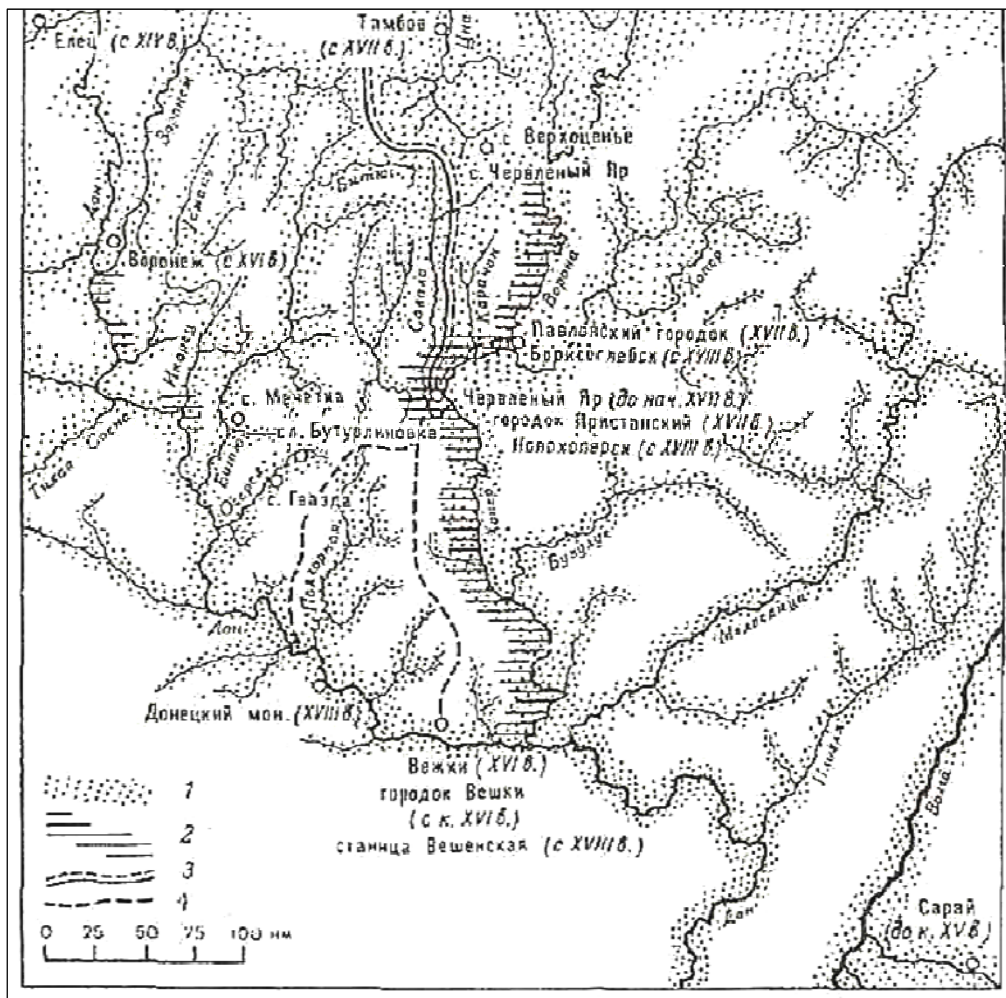
Одним из наиболее интересных и мало изученных феноменов русско-ордынской контактной зоны является православное баскачество. Православное баскачество не представляло собой цельного явления или целенаправленно созданной системы. Православные баскаки появлялись в разное время, на разных территориях и в разных исторических условиях. Бесспорных упоминаний о православных баскаках сохранилось чрезвычайно мало¹. Одно из них содержится в двух грамотах, направленных около середины XIV в. митрополитами Феогностом и Алексием на Червленый Яр. Прежде чем перейти к изучению статуса баскаков в этом регионе, необходимо еще раз рассмотреть вопрос о территориальных пределах Червленого Яра (см. карту 1), ибо лишь помещенные в правильный историко-географический контекст православные баскаки могут обнаружить свою политическую роль.

Исходя из того факта, что топоним Червленый Яр встречается как на Среднем Дону, ниже устья Воронежа, так и на Хопре и его притоках [27, с. 29–31; 3, с. 364], исследователи еще в позапрошлом веке пришли к выводу, ставшему впоследствии общепринятым, что упомянутая в митрополитских грамотах область простиралась на всей территории между Доном, Воронежем и Хопром с его притоком Вороной [27, с. 28–35; собственное мнение автора: 27, с. 3–6, ср. с. 12]², несмотря на то что грамоты называют один только восточный рубеж Червленого Яра (Великую Ворону), а Дон во второй грамоте упомянут только как южный предел предполагаемого рубежа по Хопру (см. ниже)³. Если разбираемая в грамотах тяжба епископов Сарайского и Рязанского вокруг Червленого Яра действительно касалась всего междуречья Хопра и Дона, остается без ответа вопрос, почему в более ранней из двух сохранившихся грамот упомянут один лишь северный приток Хопра и не названа основная, наиболее протяженная часть границы по Хопру, при том что обе грамоты закрепляют, очевидно, один и тот же рубеж между епархиями.

¹ Из 11 известий о баскаках (число отдельных упоминаний, разумеется, больше за счет дублирования одного и того же известия в разных летописных сводах), обнаруженных нами в летописях, актах, помянниках и житийной литературе, два известия (о боровском баскаке Мартине, деде преп. Пафнутия Боровского, и баскаках Червленого Яра) достоверно и еще два (о Милее в Бакоте и недавно обнаруженном Георгии Баскаке) с определенной долей вероятности относятся к баскакам, исповедовавшим или принявшим православие.

² Из более поздних работ назовем: [25, с. 194; 2, с. 88; 6, с. 82; 21, с. 135–136; 17, с. 354–355; 7, с. 395; 22, с. 80].

³ Уже в XIX в. Л.Б. Вейнбергом были высказаны обоснованные сомнения в столь широких географических рамках Червленого Яра. Он указал, в частности, на то, что ни один известный письменный памятник не называет весь очерченный Иловайским обширный регион (30 тыс. квадратных верст) Червленым Яром [4, с. 29, 31].

Карта 1. Схематическая карта левобережной части Среднего Подонья (показаны объекты, имеющие отношение к истории Червленого Яра).

1 – леса до XVIII в.; 2 – районы с названием «Червлёный Яр»; 3 – Ордобазарная дорога в пределах Червленого Яра; 4 – пути разъездов «сторож» в пределах Червленого Яра. [27, с. 5]

Следует, видимо, полагать, что земли по Хопру от впадения в него Вороны до его устья, как и лежащие к западу от этой линии, вообще не составляла предмета спора. Тяжба велась только из-за того, по какому из правых, текущих в меридиональном направлении притоков Хопра должна пролежать разделительная черта между епархиями Рязани и Сарая. Поскольку рязанским притязаниям, как явствует из грамот, соответствовал рубеж по р. (Великая) Ворона, выглядит логичным, что с точки зрения Сарайских епископов граница должна была пролежать западнее, по одному из притоков, впадающих в Хопер ниже Вороны. Выше уже говорилось, что топоним Червлёный Яр (с небольшими вариациями) зафиксирован при устье и недалеко от истоков р. Савала, которая впадает в Хопер в 45 км (по прямой) ниже устья Вороны. Из этого можно заключить, что именно по течению Савалы располагалась основная территория Червленого Яра как историко-географической области, восточная граница которой пролежала – или была специально установлена при размежевании – по р. Ворона (Великая Ворона), южная, очевидно, совпадала с соответствующим отрезком русла Хопра, северная доходила до волжско-донского водораздела, а западная пролежала где-то к западу от Савалы, не доходя, по-видимому, до Дона и Воронежа и теряясь где-то в бассейне ее правых притоков или левых притоков верхнего Битюга.

Зачем же в таком случае в одной из грамот был упомянут Хопер? Можно было бы предположить, что Сарайский епископ, первоначально оспаривавший лишь «предел» по Великой Вороне, позднее попытался поставить под сомнение и продолжение этой границы далее на юг по течению Хопра (или же его могли подозревать в таком намерении). Но в таком случае рубеж между епархиями

вдоль Хопра был бы обозначен так же, как и рубеж вдоль Вороны, «по Хопору», а упоминание располагавшихся возле реки караулов было бы излишним⁴.

Естественнее было бы предположить, что караулы по Хопру попали в адресат грамоты Алексея в силу не географической, а персональной принадлежности к Рязанской епархии. По всей видимости, несение этих караулов входило в обязанности жителей Червленого Яра. Уточнив это обстоятельство, митрополичья канцелярия, во избежание возможных недоразумений, сочла необходимым включить в грамоту на Червлёный Яр также и эту категорию окормляемого Рязанским епископом населения. Лишь крайне неудачная, как видно из приводимой ниже цитаты, механическая подстановка этого нового обстоятельства в устоявшуюся уже формулу «передел по Великую Ворону» может создать впечатление, что речь здесь идет не об особой группе людей, а о географическом объекте. Эта неуклюжесть, обусловленная недостаточно тщательным редактированием данного места грамоты, совершенно незаметна при первом упоминании караулов, написанном с белого листа и потому более ясным, но именно оно и не подразумевает какого-либо рубежа, продолжая адресацию «к всем крестьяном».

Вопрос о том, проходила ли в действительности по Хопру граница между Воронежской и Сарайской епархиями, что предполагается сложившимся научным консенсусом, мы оставляем в стороне как не имеющий прямого отношения к нашему предмету. Зафиксируем лишь, что никакого отношения к границам Червленого Яра упоминание караулов по Хопру, очевидно, не имеет.

Таким образом, территория Червленого Яра, как удалось установить, не занимала всего донско-хоперского междуречья, но лишь его дальнюю северо-восточную периферию, развернутую широтным на этом участке течением Хопра в сторону волжского бассейна. Считать столь обширную территорию объединенной единым названием, образованным от сравнительно малозначимого географического объекта (какой бы из Червленых Яров ни считать исходным для наименования более крупной территории), по нашему представлению, нет достаточных оснований. Созвучие прихоперских топонимов типа Червлёный Яр с их донскими «тезками» могло появиться вследствие сходства географического облика этих объектов, когда в эпоху одной из волн славяно-русской колонизации данное имя сделалось «популярным» и могло повторяться несколько раз на различных территориях, затронутых единым колонизационным потоком.

Концепцию «малого» Червленого Яра можно подтвердить и текстологическими наблюдениями над текстом митрополичьих грамот. Грамота Феогноста соотносит Червлёный Яр только с одним объектом – Великой Вороной. Грамота Алексея называет географические ориентиры дважды, оба раза начиная с Червленого Яра, причем сперва вводит только связанный с ним гидроним – Великую Ворону – и лишь затем называет его собственное имя. Оба раза с этим объектом сопоставляется указание караулов возле Хопра, сначала через союз «и», затем бессоюзно. Ни из чего не видно, чтобы Хопер мог восприниматься составителем документа или его читателем как один из рубежей Червленого Яра. Напротив, текст второй грамоты при внимательном прочтении явно расширяет географический горизонт первого документа введением новых ориентиров, независимых от уже известной пограничной линии в регионе Червленого Яра. Если в грамоте Феогноста слова «по Великую Ворону» следует понимать как обозначение рубежа спорного географического объекта, именуемого Червлёным Яром, то в грамоте Алексея Червлёный Яр представляется, напротив, территориально обособленным от называемых вслед за ним караулов по Хопру («в пределе Червленого Яру и по караулом возле Хопор до Дону»). Заслуживает также внимания, что в двух фрагментах второй грамоты, дающих географические ориентиры спорного «передела», Червлёный Яр соотносится, как и в первой грамоте, с обстоятельством «по Великую Ворону», тогда как караулы по Хопру фигурируют каждый раз отдельно, представляя собой описание связанной с Червлёным Яром, но не идентичной ему реалии. Приведем соответствующие места обеих грамот, а также отказной грамоты Сарайского епископа.

⁴ Обозначение рубежей при земельном размежевании обычно происходило посредством заметных географических или топографических объектов. Указание при этом на события или действия, будь то спорадические или регулярные, связанные с человеческой деятельностью, крайне нетипично, если не уникально.

Грамота митр. Феогноста [ок. 1343–52 гг.]	Грамота митр. Алексия [1356 г.]	Грамота еп. Софония [1330 г.] ⁵
1) и ко всем крестьяном Червленого Яру, и ко всем городом, по Великую Ворону 2) держати всего передела того по Великую Ворону 3) передела того всего, по Великую Ворону 4) передел ть весь, по Великую Ворону [1, с. 341–342; ср.: 19, с. 292, 293]	1) к всем крестьяном, обретающимся в пределе Червленого Яру, и по караулом возле Хопор, по ⁶ Дону 2) о том же переделе, по Великую Ворону[,] возле Хопор, до Дону, по караулом [1, № 313, с. 343–344; ср.: 19, № 95, с. 294, 296].	не вступатися в передел в Резанской по Велику от Ворону [1, № 310, с. 340] ⁷ .

Интересно будет теперь сопоставить предполагаемые территории «малого» и «большого» Червленого Яра с данными археологии (см. карту 2). Археологически исследованная территория междуречья Хопра и Дона зримо распадается на четыре основных культурных ареала⁸. 1) Регион выше устья Воронежа отмечен отсутствием памятников золотоордынского круга, за исключением монетных кладов, и значительной концентрацией русских поселений. 2) Течение Среднего Дона и его левых притоков Икорца, Битюга, Осереда и Подгорной. Данный регион отмечен значительной концентрацией и разнообразием памятников как русского (селища и группы селищ), так и золотоордынского (курганные и грунтовые могильники, одиночные погребения, в т.ч. элитные, два мавзолея) облика. Обращает на себя внимание как обилие здесь русских (по археологическому комплексу), так и почти полное отсутствие золотоордынских (или смешанных [26, с. 171]) поселений. В сочетании с уникальными для данной территории престижными сооружениями (мавзолеи) это дает картину значительной концентрации здесь ордынской военно-племенной аристократии с зависимым от нее и обслуживающим ее покоренным населением (все «русские» поселения отличаются малыми размерами и отсутствием мощного культурного слоя [26, с. 172]). 3) Нижнее течение Хопра с его притоками. Большая концентрация золотоордынских поселений (уникальная для всего рассматриваемого региона) с курганным могильником. Полное отсутствие памятников, связываемых с русским населением (также уникальное для всего междуречья Хопра и Дона). 4) Бассейн Верхнего Хопра и его правых притоков, в т.ч. Савалы и Вороны. Этот ареал явно распадается на два субрегиона. А) По р. Вороне и к западу от нее – характеризуется чрезвычайно высокой концентрацией русских поселений (сопоставимой лишь с бассейном низовьев Битюга) и полным отсутствием «татарских» памятников. Б) К востоку от р. Вороны. Здесь отмечается умеренное присутствие селищ с русской керамикой рядом с курганными могильниками кочевников. Обобщая представленную выше археологическую картину, можно выделить ареалы со смешанным населением (2 и 4б) и с практически однородным населением (1, 3 и 4а), причем в регионах 1 и 4а абсолютно преобладает русское (по культурному облику) население, а в регионе 3 – золотоордынское.

Какой из указанных ареалов больше соответствует историческому облику Червленого Яра, каким он предстает перед нами в митрополичьих грамотах? Очевидно, что регион 3 сразу же исключается как историко-географический ареал Червленого Яра. Это сразу же исключает из рассмотрения все теории, распространяющие восточную границу Червленого Яра до Хопра в его нижнем течении, вплоть до впадения в Дон. Здесь, по всей видимости, отсутствовало русское или христианское население, без которого невозможно представить себе исторический Червленный Яр. Присутствие могильников традиционного кочевнического типа является ясным свидетельством не только этнического, но и конфессионального облика местного населения. Регион 1 никогда не включался исследователями в предполагаемые границы Червленого Яра по причине отсутствия там соответствующей топонимики. Регион 2, с наиболее богатыми и разнообразными археологическими комплексами, рассматривается как центр татарского улуса [26, с. 169, 172], о владельцах которого свидетельствуют мусульманские мавзолеи с многократными захоронениями внутри и вокруг них. Это плохо соответствует христиан-

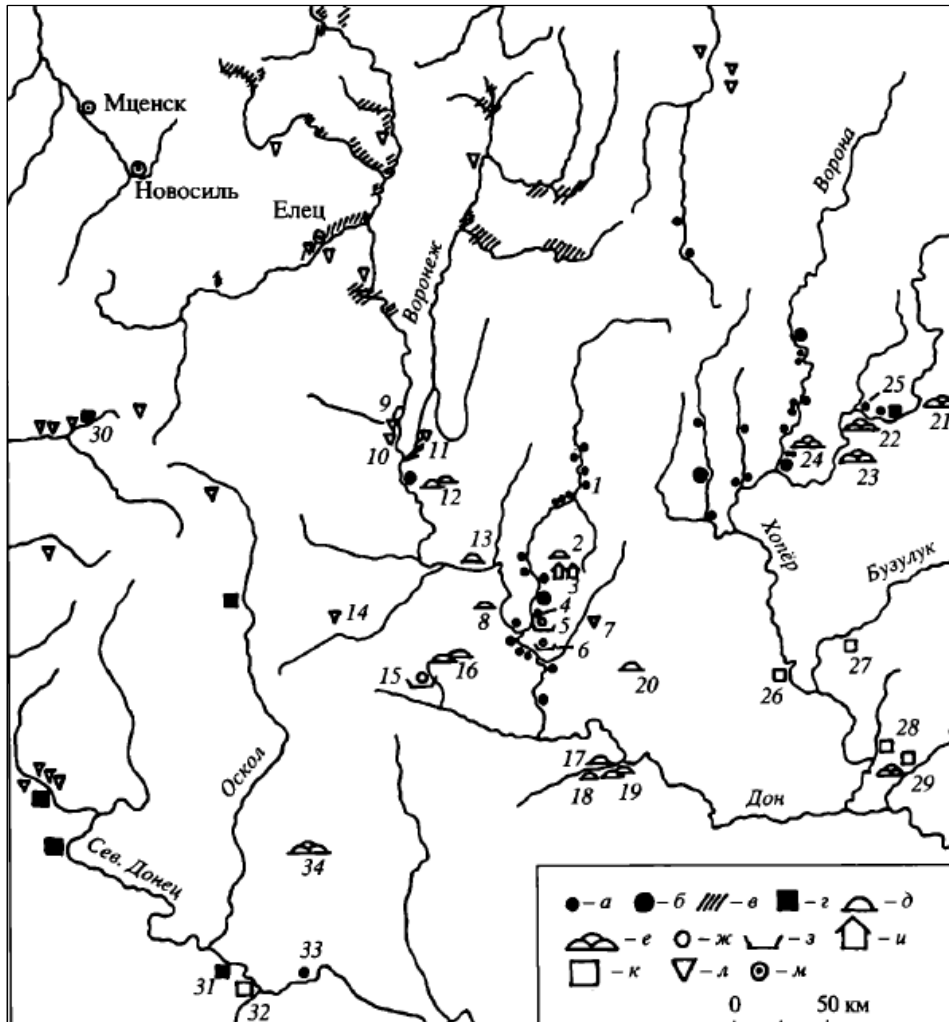
⁵ Отступная грамота Сарайского епископа Софония, подтверждающая отказ от Червленого Яра.

⁶ Вар.: до [19, с. 294].

⁷ Вар.: на Великую Ворону [19, с. 294]; по Великую Ворону [20, с. 21, № 57].

⁸ Подавляющее большинство датированных памятников относится к XIV в. Взаимосвязанная система русских и золотоордынских комплексов распадается и исчезает в конце XIV – начале XV в. [26, с. 172].

скому облику элиты Червеного Яра и ее, по-видимому, олигархической структуре. Из двух оставшихся ареалов, объединенных нами под номером 4, фигурирующий под литерой «б» находится за пределами Червеного Яра митрополичьих грамот по самому своему расположению по ту сторону р. (Великой) Вороны.

Карта 2. Карта расположения археологических памятников на периферии Золотой Орды в Подонье.

a – селище с древнерусской керамикой (в ряде случаев – и с золотоордынской); *б* – группа селищ с древнерусской керамикой; *в* – участки концентрации древнерусских селищ в Верхнем Подонье (по работам М.И. Гоняного, Н.А. Тропина, результатам исследований экспедиции Воронежского госуниверситета); *г* – поселение с древнерусской (керамикой «древнерусского облика») и с золотоордынской керамикой на городищах предшествующего времени; *д* – подкурганное кочевническое погребение; *е* – курганный кочевнический могильник; *ж* – поселение золотоордынского круга; *з* – грунтовой могильник золотоордынского круга; *и* – золотоордынский мавзолей; *к* – золотоордынское поселение с постройками из кирпича; *л* – клад золотоордынских монет; *м* – летописные города XIV в.

1 – Дрониха; 2 – Новый Буравль (Сафоновка); 3 – Красный; 4 – Антиповка; 5 – Таганский; 6 – Затон I; 7 – Воронцовка; 8 – Марки; 9 – с. Семилуки; 10 – Девица; 11 – г. Воронеж, Отрожки; 12 – Олень-Колодезь; 13 – Лиски; 14 – Нижнепокровское; 15 – Новохарьковка; 16 – Караяшннк; 17 – Вервековка (III Богучарский могильник); 18 – Лофицкое; 19 – Дьяченково (Высокая Гора); 20 – Новомеловатка; 21 – Ключи; 22 – Лесное (Свинуха); 23 – Третьяки; 24 – Власовский; 25 – Инясево; 26 – Тншанское; 27 – Дурновское; 28 – Кумылженское; 29 – Глазуновская; 30 – Бесединское (Ратское); 31 – Царино; 32 – Казачья Пристань (Райгородок); 33 – Зливки, 34 – Нижняя Дуванка. [26, с. 167]

Таким образом, единственным историко-археологическим ареалом, не имеющим очевидных «противопоказаний» для того, чтобы считать его совпадающим с историческим регионом Червленого Яра, является ареал 4а. Именно его мы и определили выше, на основании других критериев, как Червленый Яр митрополичьих грамот. Сопоставляя результаты историко-географического и историко-археологического анализа, мы можем яснее представить себе исторический облик Червленого Яра. В частности, теперь можно не считать Червленый Яр областью со смешанным русско-ордынским населением, что верно лишь для «большого» Червленого Яра. Если потомки степняков и входили в состав населения Червленого Яра, они подверглись не только формальной христианизации, но и культурной ассимиляции и утратили собственный этнографический облик. Червленоярцы предстают перед нами, насколько это доступно археологической реконструкции, людьми русского культурно-исторического типа [25, с. 195]⁹. Помимо того, распределение селищ на археологической карте региона подтверждает предположение о том, что территория Червленого Яра не выходила за пределы бассейна Савалы на западе и на левый берег Хопра на юге. Крупнейшие скопления поселений отмечены по среднему течению Савалы и в низовьях и среднем течении Вороны. Остается, правда, неясным, относились ли группы селищ на восточном берегу Вороны к Червленому Яру или уже к сопредельной территории. В последнем случае Савала выступает главнейшим демографическим и экономическим средоточием Червленого Яра.

Территориально-политическая принадлежность Червленого Яра также не является окончательно установленной. Одни исследователи, в особенности историки конца XIX – первой трети XX вв., считали междуречье Дона и Хопра, т.е. Червленый Яр в традиционно представляемых широких границах, входившим в состав Рязанского княжества [12, с. 141–144; 23, с. 463; 3, с. 373; и др.]. Интенсивные археологические исследования середины прошлого века и последующего времени существенно поколебали данное представление, выявив значительное и постоянное присутствие разных групп и слоев золотоордынского населения на большей части этого региона [13, с. 16]. С тех пор вся указанная территория, по-прежнему отождествляемая с Червленным Яром, окончательно стала рассматриваться как составная часть Золотой Орды [15, с. 117; 9, 53, ср. с. 43; 27, с. 17; 10, с. 181; 14, с. 210–211; 22, с. 80–82; 21, с. 136–137; 5, с. 41; и др.].

Вместе с тем, предлагаемое в этой статье новое определение границ исторического региона Червленый Яр позволяет по-иному подойти к рассмотрению настоящего вопроса. Как уже говорилось выше, «малый» Червленый Яр не покрывает основной части доно-хоперского и воронежско-хоперского междуречья, занимая в этом географическом регионе периферийное положение. Собственно, по своему географическому расположению выявленная нами территория Червленого Яра принадлежит не столько к междуречью Дона с Воронежем и Хопра, сколько к ареалу между верховьями Хопра и рек бассейна Оки – Мокши и Цны, вплотную прилегая к волжско-донскому водоразделу. Цна и Мокша относились в XIV в. к ареалу проживания мордвы, земли которой, в свою очередь, представляли собой отдаленный ордынский улус, на который постепенно наступала с запада, со стороны Поценья, рязанская колонизация¹⁰.

Принадлежность исторического («малого») Червленого Яра к основной территории Золотой Орды представляется поэтому вполне вероятной, тогда как относительная удаленность рязанского рубежа не позволяет видеть в данном регионе составную часть Рязанской земли.

Чем же мог быть вызван спор между епископами Сарайским и Рязанским по поводу обладания Червленным Яром? Будучи прямым и, очевидно, давним ордынским владением, регион Червленого Яра естественным образом должен был относиться к пределам Сарайской епархии. Тем не менее, рязанские епископы находили достаточно оснований в тот исторический период, когда сарайские ханы еще сохраняли свое могущество и авторитет, заявлять и успешно отстаивать свои притязания на часть епархии, находившейся под особым ханским покровительством. Данный вопрос нуждается, безусловно, в дополнительном изучении. Попытаемся лишь выдвинуть некоторые предположения.

Обширная территория обитания мордовских и родственных им племен стала зоной славянской колонизации уже в историческую эпоху. По мере освоения вятичами дремучих мордовских лесов автохтонное население отступало, разбивалось на отдельные островки, узнаваемые иногда по дошедшим до наших дней географическим названиям и постепенно ассимилировалось славянами. Именно

⁹ Это относится ко всему населению междуречья Дона и Хопра, имевшего древнерусскую материальную культуру.

¹⁰ Уже во второй половине XIV в. земли в бассейне Мокши и Цны становятся добычей рязанского и московского князей [9, с. 52–53; 7, с. 503–504 (карты)].

на исконно мордовских землях возникло впоследствии Рязанское княжество (ср. Рязань – эрзя). Собственно, рязанско-мордовское пограничье представляло собой «живую» контактную зону, где мордовское население со временем становилось славяно-русским, а этническая граница медленно, но неуклонно смещалась на восток, создавая предпосылки и для перемещения в том же направлении политической границы. Стихийная колонизация и целенаправленное «окняжение» мордовских земель переводили под контроль Рязани всё новые и новые участки приокских лесов, сужая сферу обитания мордвы и стесняя ее политическую свободу.

Русская колонизация мордовских земель естественным образом должна была сопровождаться их христианизацией. Власть рязанских епископов продвигалась на восток вслед за светской властью князей. История христианизации мордвы известна очень плохо. Можно представить лишь общие контуры этого процесса. Земли славянизированной или просто крещеной мордвы включались в состав Рязанской епархии, в глубь еще языческой территории направлялись христианские миссии, проникали отшельники-монахи. Со временем рязанские владыки привыкали видеть в мордовских землях свою миссионерскую территорию. Те из них, куда проникало христианство, автоматически становились частью Рязанской епархии. Этот же взгляд мог распространяться и на смежные с мордвой «некрещеные» территории.

Одной из таких территорий, вероятно, и был Червленный Яр. Значительное приток сюда славяно-русского населения приходится на конец XIII в. [25, с. 193], как результат насильственного или добровольного переселения, причем колонизация идет со стороны Рязанского княжества [25, с. 196]. Возникший таким образом христианский анклав в «тылу» мордовских земель вполне мог рассматриваться рязанскими епископами как естественная часть их церковной провинции, тем более если значительная часть новых поселенцев происходила из Рязанской земли или же там уже проживало некоторое число крещеной мордвы. Именно в конце XIII или самом начале XIV в., при митрополите Максиме (1283–1305), была выдана первая грамота рязанскому епископу, подтверждавшая его власть над Червеным Яром [1, № 312, с. 341]. Возможно, именно принадлежность этого района к сфере миссионерских интересов и активности Рязанской епархии склонила руководство русской церкви к признанию прав Рязани на Червленный Яр.

С другой стороны, сарайские епископы также имели все основания считать территорию Червленого Яра, находившуюся под прямым управлением Орды, своей канонической территорией. Спор был решен в результате долгой и упорной борьбы, обстоятельства которой остаются неизвестными. В эту борьбу были вовлечены духовные и светские власти Рязани, сарайские епископы, русская митрополия, окружение золотоордынских ханов, возможно, и великие князья Владимирские. Борьба за Червленный Яр еще ожидает более глубокого исследования.

Что говорят наши источники о месте и роли баскаков в социально-политической жизни Червленого Яра? Вся информация об этом заключена в нескольких строках адресации двух сохранившихся грамот.

Грамота Феогноста	Грамота Алексия
Благословение Феогноста, митрополита всея Руси, к детям моим, к баскаком и к сотником, и к игуменом и попом, и ко всем крестьяном Червленого Яру, и ко всем городом ¹¹ , по Великую Ворону [1, № 312, с. 341].	Благословение Алексия, митрополита всея Руси, к всем крестьяном, обретающимся в пределе Червленого Яру, и по караулом возле Хопор, по Дону, попом и дьяконом, и к баскаком, и к сотником, и к бояром [1, № 313, с. 343].

Эти тексты свидетельствуют о том, что баскаки занимали верхнюю позицию во властной иерархии Червленого Яра, по крайней мере, ее христианской части. То, что «все крестьяне» названы во второй грамоте впереди баскаков, говорит в пользу, как иногда полагают, общинно-демократического, протоказацкого устройства Червленого Яра [27, с. 19–20], не более, чем такое же место «попов и дьяконов» – о его теократической конституции. Это не более чем особенности митрополичьего делопроизводства и условности дипломатического этикета. Рисуемая грамотами социальная

¹¹ Никаких городов не выявлено на всей территории доно-хоперского междуречья [25, с. 194]. Возможно, речь идет о небольших острожках, не оставивших заметного следа. Не исключено, что здесь сказался стереотипный формуляр подобных грамот и никаких укреплений в регионе Червленого Яра не было. Вторая грамота о городах не упоминает.

структура имеет все признаки развитой социальной дифференциации, от представителей центральной власти до наследственной землевладельческой аристократии. Подробное перечисление различных категорий социальных верхов и собирательное обозначение массы непосредственных производителей также трудно признать свидетельством демократизма червленоярского социума.

Спорным остается вопрос, существовали ли на этой территории более высокие представители ордынской власти, не исповедовавшие христианство. Когда в междуречье Дона и Хопра были обнаружены элитные погребения знатных ордынских воинов, а в нижнем течении Битюга – нечто похожее на центр улуса [27, с. 34] с фундаментальными кирпичными мавзолеями исламской погребальной обрядности и большим скоплением эфемерных русских поселений [25, с. 194], обслуживавших, по видимому, крупное феодальное хозяйство, представления о возглавлявшем Червленый Яр крупном ордынском беке-мусульманине, казалось, получили подтверждение. Сузив рамки данной территории, мы возвращаемся к той же дилемме. Так как никаких памятников ордынского типа в пределах «малого» Червленого Яра не обнаружено, а его территория слишком мала и по своим природным условиям (обилие рек и лесов) не очень пригодна для значительного кочевого улуса, ничто не вынуждает нас придерживаться точки зрения, ставящей над местными баскаками более крупного представителя ордынской власти.

Теряет свою убедительность и предположение, что над червленоярскими сотниками должны были стоять тысячники, в которых также видели ордынцев [22, с. 85; 21, с. 138]. Вся территория Яра могла составлять всего одну или даже часть административной «тысячи», а обязанности тысячника мог исполнять один из баскаков либо какой-то администратор, пребывавший за пределами Червленого Яра.

Перейдем к последнему – но не по важности – вопросу о множественности червленоярских баскаков, тем более необычной, что сфера их деятельности сужается теперь до очень небольшой территории.

Структура баскаческого управления на Руси остается во многом неясной. В летописях и актах изредка упоминаются баскаки великих и крупных удельных княжеств, есть упоминание о баскаках в Туле. Существование баскаков низшего ранга и более мелких территорий можно лишь предполагать. Сведения о коллективном баскачестве или о присутствии нескольких баскаков в одном княжестве отсутствуют.

Дефицит сведений о баскаках можно восполнить имеющейся информацией о даругах, упоминания которых в ярлыках ханов различных монгольских улусов более многочисленны и содержат данные об их внутренней структуре и иерархии. Дискуссия о соотношении баскаков и даруг имеет давнюю историю и до сих пор не привела к единому мнению. Многие исследователи считают эти должности функционально тождественными или почти совпадающими¹².

Ханские ярлыки называют следующие категории даруг: даруги туменов (в древнерусском переводе – «волостные»), городские («городные») и сельские («сельные») [28, р. 189–190; 6, с. 94–95, 97; 17, с. 31]. Даругам туменов в русских условиях соответствуют, видимо, баскаки княжеских волостей (княжеств) [24, с. 53–54]. Тогда эквивалентом червленоярских баскаков могли бы стать даруги двух низших категорий. Поскольку в Червленом Яру отсутствовали поселения городского типа (едва ли монголы могли принять за города небольшие остроги), наиболее подходящим для здешних баскаков представляется ранг сельского даруги. В таком случае их число могло быть относительно большим. Конечно, баскаки не сидели в каждом селении, в противном случае им было бы трудно сохранить свой высокий по местным масштабам статус. Каждый баскак мог весть группой деревень, например, расположенных по течению одной реки.

Заметим, что в московско-рязанском докончании 1381 г. в котором содержится упоминание о Туле, «коли ее баскаци ведали» [8, с. 29], может иметься в виду не последовательное, а одновременное управление баскаками тульского региона. Тула имела по своему географическому, демографическому и политическому положению много общего с Червеным Яром [см.: 16, с. 67–86]. Поэтому там могли действовать сходные административные институты¹³.

Необходимо также отметить взаимное притяжение между жителями Червленого Яра и правительством в Сарае. Благоволение последнего проявилось в дозволении червленоярцам иметь свою

¹² Далеко не полный их перечень см.: [17, с. 23, также см. с. 33, 34]. Из специальных работ, поддерживающих данную точку зрения, отметим [28, VII, р. 205].

¹³ Подробнее о Туле XIV в., в т.ч. о возможных интерпретациях известия о ее баскаках см. [11, с. 19–80, особенно с. 35 и сл.].

собственную администрацию, состоящую из православных христиан¹⁴. Вероятно, им были предоставлены и другие льготы. Этим можно объяснить приверженность обитателей Червленого Яра сарайским владикам и их упорное нежелание принять рязанского епископа [1, № 313, с. 343].

Таким образом, Червленый Яр представляет собой характерный пример низовой баскаческой структуры. Яркий и чрезвычайно интересный феномен Червленого Яра остается, по нашему мнению, не до конца понятным, несмотря на обилие посвященной ему литературы, прежде всего, по причине неверной локализации данного хоронима. Будучи ограничен, насколько нам удалось установить, частью верхнего течения Хопра и его северных притоков, этот исторический регион получает новую интерпретацию. Возникший на территории одного из улусов Золотой Орды, но в зоне интенсивной рязанской колонизации и обусловленных ею церковно-политических притязаний Рязани, Червленый Яр получил особое управление, выразившееся в назначении на административные должности сельских (?) баскаков-даруг и сотников лиц православного вероисповедания и, возможно, в некоторых элементах выборного самоуправления. Как пример своеобразной территориально-политической организации, Червленый Яр, возможно, не является уникальным. Своим присутствием на страницах истории он обязан длительной тяжбе за церковную власть над ним, которую вели между собой две соседние епархии русской митрополии. Подобное же устройство могли иметь и другие территории с преобладающим русским или смешанным православным населением, входившие в т.н. «буферную» или, точнее, контактную зону, например, в обширном регионе между Доном, Воронежем и Хопром, традиционно трактуемом как «Червленый Яр», или на землях тульского «баскачества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М.: Наука, 1964. Т. 3. 688 с.
2. Амелькин А.О. Границы государств в Подонье в последней четверти XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. М., 1999. С. 86–90.
3. Введенский С.Н. Червленый Яр // Воронежская старина. Воронеж, 1905. Вып. 5. С. 347–380.
4. Вейнберг Л.Б. Где был Червленый Яр? // Вейнберг Л.Б., Полторацкая А.А. Рефераты, читанные в заседаниях Воронежского губ. статистического комитета в течение 1889 г. Воронеж, 1889. С. 27–33.
5. Воротынцев Л.В. Контактные зоны русско-ордынского лесостепного пограничья в XIII – первой половине XV в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Елец, 2020. 231 с.
6. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Наука, 2004. 273 с.
7. Дедук А.В. Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в.: Методика локализации. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018. 510 с.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 588 с.
9. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. 3-е изд. М.: Наука, 2010. 245 с.
10. Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Российская археология. 2000. № 1. С. 175–185.
11. Иглесиас Р.Ф. Генезис и особенности политического статуса Тулы в XIV–XV вв. // Каптеревские чтения – 18. М., 2020. С. 19–80.
12. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858. 346 с.
13. Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж, 2005. 206 с.
14. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд. СПб., 2015. 453 с.
15. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 304 с.
16. Майоров А.А. К вопросу о Тульском баскачестве на землях северо-восточной части Черниговского княжества XIII–XIV вв. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 67–86. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.67-86
17. Маслова С.А. Даруги и баскаки: соотношение должностей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 23–36.

¹⁴ Подразумевала ли эта администрация выборное самоуправление, как иногда полагают, и на каких именно уровнях – остается в области предположений. Также невозможно сказать, были ли баскаки крещеными татарами, как полагал А.А. Шенников [27, с. 10], или назначенными на эту должность местными жителями из числа мордвы или русских.

18. Никитин А.П. Червлёный Яр в политической истории Джучиева Улуса // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии. М., 2017. С. 353–364.
19. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М., 1987. Ч. 2.
20. Рязанские достопамятности, собранные архим. Иеронимом, с примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889. 568 с.
21. Селезнев Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XIV вв. Воронеж: Центрально-черноземное книжное изд-во, 2013. 472 с.
22. Селезнев Ю.В. «А переменит Бог Орду...» (русско-ордынские отношения в 1382–1434 гг.). Воронеж: Научная книга, 2020. 333 с.
23. Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1988. Кн. 2: История России с древнейших времен: Т. 3–4. 765 с.
24. Трепавлов В.В. Россия и кочевые степи: Проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 53–54.
25. Цыбин М.В. Шенников А.А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. (рец.) // История СССР. 1990. № 2. С. 192–197.
26. Цыбин М.В. Периферия Золотой Орды в Подонье // Краткие сообщения Института археологии. 2007. Вып. 221. С. 166–175.
27. Шенников А.А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.: Наука, 1987. 139 с.
28. Vásáry I. Turks, Tatars and Russians in the 13–16 Centuries. Aldershot Ashgate: Ashgate Publishing, 2007. 364 p. (pagination divided).

Сведения об авторе: Рикардо Феликсович Иглесиас-Алонсо – научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: riglesias@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE CHERVLENY YAR LOCATION AND THE POLITICAL STATUS OF ITS BASKAKS

R.F. Iglesias-Alonso

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

The article proposes a new approach to the study of the political and geographical phenomenon of Chervleny Yar. It considers the circumstances of the emergence of this historical and geographical region in connection with the emergence of the institution of Orthodox Baskaks. The comparative analysis of the letters to Chervleny Yar by Metropolitan Theognost and Alexiy, the study of the published results of archaeological excavations and cartographic material substantiate new geographic boundaries of Chervleny Yar. This author draws the conclusion that the boundaries of this region were approximately formed by the rivers Savala and Vorona. This reduces the territory of Chervleny Yar to a much smaller area than was generally supposed before. The larger boundaries of the region as one of the great uluses of the Golden Horde are not supported by the scrupulous examine of the metropolitan letters. The greatest agglomerations of the population of Chervleny Yar are defined by the concentration of archaeological sites along Savala and Vorona rivers. Another major problem is the position of the baskaks of Chervleny Yar mentioned in the metropolitan charters to the population of the region. The author bases his conclusions on the assumption of equivalence of the terms baskak and daruga, which is supported by many researchers. The collectivity of the baskaks mentioned and the proved existence of the rural ('selnye') darugas prompt the supposition that the baskaks of Chervleny Yar formed this lower rank of the daruga hierarchy.

Keywords: Baskaks, metropolitan, charters, Metropolitan Theognost, Metropolitan Alexiy, Golden Horde, Chervleny Yar, buffer zones, Don, Khoper

About the author: Ricardo F. Iglesias-Alonso – Research Fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: riglesias@mail.ru

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ ЭМИРАХ ТИГЕНЕ И МАХМУДЕ**Р.Ю. Рева***Эксперт Министерства культуры РФ***Б.И. Леонов***Независимый нумизмат-исследователь*

С конца XIX века считалось, что существуют монеты хана Мухаммада сына Тимура, где на обратной стороне указано имя его сына Махмуда. На основании этого делались выводы о принадлежности всех монет с подобным реверсом к чеканке от имени хана Кичи-Мухаммада. В результате штемпельного анализа авторами статьи установлено, что легенды оборотных сторон монет были прочитаны и интерпретированы неверно. На самом деле они содержат не указание на сына Кичи-Мухаммада, а имена и отчества неких эмиров Тигене и Махмуда. Монеты чеканены на Бек-Базаре этих князей. В докладах 2019 года авторы указывали, что, скорее всего, на реверсе обозначены Ширинские беки: Тигене и его сын Мамак. Однако гипотеза об отнесении этих эмиров к Ширинским бекам встречает определённые трудности, что предполагает проведение поиска эмитентов этих монет также и среди представителей других княжеских родов Золотой Орды.

Ключевые слова: Золотая Орда, Большая Орда, Джучиды, Ширины, хан Мухаммад, эмир, бек, Махмуд, Тигене, монеты, тамга

Благодарности: Авторы выражают свою признательность Р.Ю. Савосте, К.К. Хромову, В.П. Лебедеву, В.Б. Клокову, П.Н. Петрову, К.В. Панину, Ю.В. Дзюбе, А.Е. Купцову, В.И. Харитонову, В.О. Симонову, Д. Макарову, А.А. Шевчуку, С.В. Гумаюнову, А.В. Якушечкину за предоставленный материал, использованный при подготовке данной публикации.

В настоящее время как никогда остро встаёт вопрос о критическом анализе нумизматических источников. Дело в том, что огромный поток нумизматических сведений, который обрушился на современных исследователей Улуса Джучи, не будучи переработанным специалистами в этой одной из сложнейшей области вспомогательных исторических дисциплин, приводит к тому, что неправильно понятая, но широко озвученная информация, неаккуратно выведенная из нумизматического источника, становится основанием для широких исторических построений, в большинстве своём, неверных и спекулятивных. В дальнейшем исторические исследования ссылаются на эти построения как на само собой разумеющийся, широко известный факт, который не требует проверки. Даже в тех случаях, когда нумизматическая наука в своём развитии находит ошибки в работах исследователей, исправляет их, подробно объясняя причины их появления, и то, как в настоящее время следует трактовать тот или иной нумизматический факт, специалисты из смежных исторических дисциплин часто не замечают невольно или умышленно, что те нумизматические основания, на которых зиждутся их построения, уже давно признаны ошибочными, что по их поводу среди специалистов в данной области достигнут консенсус, а, значит, таких фактов на которые ссылаются историки просто не существует.

Ситуация часто осложняется разными трактовками тех или иных нумизматических объектов. Одно дело, когда внутри нумизматического сообщества существует борьба мнений по какому-то вопросу, когда у оппонентов разные позиции, подтверждённые критическим разбором нумизматического материала и аргументами из своей и других областей знаний. Другое дело, когда у одного из оппонентов нет никаких аргументов, кроме собственного мнения, и, невзирая на обоснованные замечания «коллег по цеху», он продолжает тиражировать собственные заблуждения, неся их в массы, как совершенно доказанный факт. О некоторых таких нумизматических «заблуждениях» и о возможных способах их преодоления авторы поведают ниже.

Монеты, представленные в этой статье редки и практически не встречаются в таком состоянии, чтобы на одной монете были полностью видны легенды как лицевой, так и оборотных сторон. Это обстоятельство явилось основной причиной того, что правильная атрибуция этих артефактов не могла быть сделана в течении продолжительного времени.

В «Инвентарном каталоге» А.К. Маркова есть подраздел «Мухаммедь бенъ Тимуръ и его сынъ Бекъ Махмудъ», котором указаны 4 серебряные монеты «безъ обозначенія места чекана и даты» [14, с. 531]. Изображений монет в Инвентарном каталоге нет, поэтому мы можем только догадываться, что обозначенные так артефакты – именно те, что будут рассмотрены ниже. А.К. Марков хорошо разобрался в куфических монетах, где очень часто имена правителя и его наследника помещались на разных сторонах монет. Исследователь неосторожно посчитал, что правило, неплохо работающее для монет первых столетий мусульманской эры, применимо для артефактов девятого века Хиджры, возможно, поэтому так и озаглавил упомянутый подраздел. Следующим в каталоге идёт раздел, описывающий монеты уже самого хана Махмуда сына (Кичи-)Мухаммада сына Тимура [14, с. 531]. Атрибуция большей части монет и этого раздела была сделана неверно, однако для некоторых экземпляров она актуальна до сих пор¹.

Версия А.К. Маркова о том, что указанный на реверсе персонаж с именем *Махмуд*, непременно должен быть сыном Кичи-Мухаммада сыграла злую шутку с последующими авторами, в очередной раз убедительно демонстрируя то, что исследователям нельзя воспринимать в качестве нумизматического факта сведения, приведённые в нумизматических пособиях, к которым, несомненно, относятся разного рода инвентарные каталоги.

Заметим сразу, что для правильной атрибуции рассматриваемых ниже монет необходимо решить два важных вопроса для каждой представленной разновидности: 1. Какой из ханов, носивших имя *Мухаммад*, указан на аверсе? 2. Что написано на реверсе?

Надо сказать, что с момента возникновения Джучидской нумизматики вопрос отнесения монет XV века с именем «Мухаммад» к конкретному персонажу, носившему такое имя, был одним из самых сложных, в связи с тем, что несколько ханов, правивших одновременно, носили это имя. Х.М. Френ в «*Recensio numorum...*» свёл все монеты с именем «Мухаммад-хан» в один раздел, указав, что «под этим именем объединены монеты двух ханов Улу-Мухаммада (он же Улу-Махмет, Улу-Ахмет) и Кичи-Мухаммада (Кичи-Ахмет) сына Тимур-хана» [30, с. 386]. Решить вопрос с отнесением монет к конкретному лицу попытался А.К. Марков, без объяснений приписав часть монет Улу-Мухаммаду (вероятно, по причине того, что посчитал, что они чеканены не позднее 831 г.х.) [14, с. 502–503], остальные были отправлены в раздел Кичи-Мухаммада [14, с. 530–531].

На протяжении нескольких лет существовало негласное правило, которое письменно было сформулировано только в 2001 году в работе В.П. Лебедева и В.Б. Клокова: «В случае разных Мухаммадов уже достигнуто понимание как они именовали себя на монетах: Улу-Мухаммад просто Мухаммад; Барак – Мухаммад-Барак; Кичи-Мухаммад – Мухаммад б. Тимур» [10, с. 30]. Это правило позволяло разделять монеты указанных эмитентов, некоторое время правивших одновременно. В 2004 году вышла статья указанных авторов, в которой они уверенно привязывают определённые типы монет с именем *Мухаммад* к конкретным лицам, пользуясь этим правилом [11, с. 43–45]. В этой же работе представлены прорисовки и описание монет с одинаковым реверсом с двуногой тамгой в центре и круговой легендой, содержащей имя *Махмуд* (остальную часть легенды авторы прочитать не смогли) и двумя разными типами аверсов, на одном из которых они прочитали: «Мухаммад сын Тимура». Исследователи указали, что «А.К. Марков соправителем Кичи Мухаммада считает его сына Бек Махмуда» [11, с. 35–36, 45, № 70,71]².

В 2004 году К.К. Хромов опубликовал четыре типа монет³, «с обеих сторон имеющих изображения разных форм тамги и имени хана Кичи Мухаммеда и его сына Махмуда б. Мухаммеда» [29, с. 36, 38–40]. Хотя приведённые монеты не имели обозначения монетного двора, они были отнесены к монетному двору «Орду Базар» «на основе топографии находок и стилистической близости этих монет к монетам с указанием монетного двора (Орду Базара – Р.Р., Б.Л.)» [29, с. 36, 38–40]. Дальше у Хромова идёт сложная конструкция: на монетах Орду-базара с лицевой стороной «Султан Правосудный Мухаммад хан (да продлит Аллах)» после имени хана нет отчества, но известна монета Хаджи-Тархана с именем Мухаммад, «имеющая прямые аналогии с рассматриваемыми монетами». Автор представил изображения монет, у которых на аверсе «находится такая же легенда, как на приписываемым Улу Мухаммаду монетам», а на реверсах у одной – «Орду-Базар», у второй – «Хаджи-Тархан», у третьей – «на

¹ Из 18 описанных экземпляров, вероятно, только 7 определены верно. Атрибуция 3 монет раздела уже поправлена [18, с. 131]. Определения оставшихся 8 монет также требует корректировки.

² Это неверное утверждение. А.К. Марков указал, что на монетах, есть имя наследника, но ничего не писал о соправительстве.

³ Один тип повторял опубликованный ранее В.П. Лебедевым и В.Б. Клоковым.

второй стороне в круговой легенде имеется указание на Махмуда, **который был сыном Кичи Мухаммада**⁴ (выделено нами – Р.Р., Б.Л.) и выпускал монеты как от своего имени, так и совместно со своим отцом». В результате делается предположение, что отнесение к Улу-Мухаммаду монет с легендой аверса «Султан Правосудный Мухаммад хан (да продлит Аллах)» неверно, «правильным будет определить такие монеты чеканенными от имени Кичи-Мухаммада, но при отсутствии «упоминания отчества хана» [29, с. 36]. Следует признать, что в тексте К.К. Хромова не всё безусловно с логическими построениями. Во-первых, если какая-то монета найдена вместе с другими монетами, на которых указано, что они чеканены в Орду-базаре, это вовсе не означает, что и первая чеканена на этом же монетном дворе. Во-вторых, если одна монета «имеет прямые аналогии» с другими монетами, то это не означает автоматически, что эмитент должен быть обязательно один и тот же. Пикантность ситуации заключается в том, что, судя по приведённой в статье фотографии «монеты Кичи-Мухаммада в Хаджи-Тархане, имеющей прямые аналогии...», данную монету в настоящее время можно с большой долей уверенности определять как чеканенную от имени Улу-Мухаммада, т.к. она произведена во времена борьбы за Нижнее Поволжье между Девлет-Бирди, Гийас ад-Дином, Улу-Мухаммадом и Мухаммадом Бараком, т.е. до 831 г.х., когда воцарился Кичи-Мухаммад. Т.е. метод аналогий, предложенный К.К. Хромовым, работает в противоположную сторону от сделанных им самим выводов. Неверное определение эмитента хаджитарханской монеты привело его к мысли о возможности чеканки монет Кичи-Мухаммада без указания отчества. Наличие монет с лицевином, ранее относимым к эмиссиям Улу-Мухаммада, и обороткой, близкой к тем, что была у монет с легендой «Мухаммад сын Тимура», утвердило исследователя в мысли, что правило Лебедева-Клокова здесь не работает. В-третьих, наличие имени *Махмуд* в легенде оборотной стороны не может однозначно свидетельствовать о том, что так обозначен именно Махмуд сын Кичи-Мухаммада. Напомним, что имя *Махмуд* в это время носили помимо сына Кичи-Мухаммада и другие Джучиды: сыновья Улу-Мухаммада, Хаджи-Мухаммада, Ак-Суфи. Вспомним также Махмуда-Ходжу сына Каганбека и Пир-Махмуда сына Менгасира. А если учесть, что на монетах стоит *Бек Махмуд*, то данного персонажа скорее следует искать среди эмиров Джучидского государства, нежели среди огланов. Итак, не отрицая пока того, что некоторые приведённые в работе К.К. Хромова монеты, имеющие на одной стороне имя хана Мухаммада (без отчества), а на другой – некоего Махмуда, могут всё же оказаться чеканенными подданными Мухаммада сына Тимура, следует признать, что приведённые обоснования для подобного утверждения являются спорными. Ещё больше вопросов вызывает утверждение, что Махмуд, указанный на монете, обязательно должен быть сыном Кичи-Мухаммада.

Изображения подобных монет с именем *Махмуд* на реверсе вместо указания монетного двора были опубликованы в 2007 году в работе В.В. Майко. В.В. Майко определил их как произведенные в Хаджи-Тархане, Бик-Базаре и на неопределённом монетном дворе [13, с. 140–143, 150–153 № № 4071, 4101, 4081, 4082, 4186].

В работе 2012 года В.П. Лебедев и В.Б. Клоков показали ещё одну такую монету (с отчеством), правильно определили имя хана-эмитента – Мухаммад ибн Тимур, но легенду оборотной стороны не смогли прочитать из-за плохого состояния экземпляра. Однако авторы сделали ценное замечание, что, возможно, здесь указано имя беклербека. Рассуждая о беклербеке хана Мухаммада сына Тимура, они пишут: «беклербеками... ещё до занятия им (Кичи-Мухаммадом – Р.Р. Б.Л.) престола последовательно были Мансур б. Идигу в 1424–1425 гг. и его брат Гази по 1428 г. Под 1438 г. источники отмечают, что беклербеком Кичи-Мухаммада стал третий (?!)⁵ – Р.Р., Б.И.) сын Едигея Навруз ... К сожалению, на монете сохранился небольшой фрагмент, который может быть предположительно прочтён как [Навр]уз бек...?» [12, с. 139–140, 203, № 6]. Как мы увидим ниже, предположение об имени «Навруз» окажется ошибочным, однако версия о том, что на оборотной стороне может стоять имя какого-то значимого эмира, было абсолютно правомерным.

Подведём промежуточные итоги. В 1896 году А.К. Марковым была высказана версия, что некоторое время Кичи-Мухаммед чеканил монеты с одновременным указанием своего имени и имени своего сына Махмуда. В 2001 году было сформулировано «правило Лебедева-Клокова» о том, каким

⁴ К.К. Хромов, следуя за мнением А.К. Маркова, что Махмуд на реверсе – это сын Кичи-Мухаммада, сделал заключение, что имя сына соперника Улу-Мухаммада не может стоять на его монетах. В результате чего пришёл к выводу, что все монеты, где на реверсе стоит имя *Махмуд*, биты от имени хана Мухаммада сына Тимура.

⁵ Здесь авторы ошибаются. Навруз не был «третьим сыном Идигея» (возможно, пятым), так как у него было четыре старших брата: Нураддин, Кейкубад, Мансур и Гази. Мансур был беклербеком Нугманов (Большой Орды) вплоть до начала 831 г.х. (кон. 1427 – нач. 1428). Гази был убит не раньше 1429 года.

образом следует различать разных эмитентов XV века, с мусульманским именем *Мухаммад*. В 2004 году были опубликованы реконструкции **пяти** типов монет с именами ханов *Мухаммад* и *Мухаммад сын Тимура* на аверсе и именем *Махмуд* на реверсе, была озвучена «гипотеза Хромова», что в некоторых случаях на монетах Кичи-Мухаммада его имя могло писаться без указания отчества. Как мы видели выше, к гипотезе Хромова привела цепочка ошибочных умопостроений, но, как не парадоксально, сама гипотеза остаётся вполне жизнеспособной и может оказаться верной для некоторых случаев (о чём ниже).

Наиболее спорной публикацией монет с оборотной стороной, содержащей имя *Махмуд*, стала статья Ю.В. Зайончковского, в которой автор попытался разобрать все известные сведения о монетах такого рода, однако описал только **четыре** (? – Р.Р., Б.Л.) типа [6, с. 159–164]. Первый тип содержит на лицевой стороне «Мухаммад, сын Тимура»⁶, второй – автор обозначает так: «тип II близок к типу I; главное отличие заключается в том, что в центральном круге на аверсе помещено только имя Мухаммад». Третий: «Данг с очень близким по написанию легенд аверсом, но другим реверсом был опубликован К.К. Хромовым». «Монеты типа IV были опубликованы К.К. Хромовым» [6, с. 161]. Почему в статье не разобраны и не выделены в отдельные типы опубликованные к этому времени другие варианты остаётся загадкой?⁷

Любопытны рассуждения Ю.В. Зайончковского о том, от имени каких ханов биты эти монеты. «Тожественность легенды реверса позволяет утверждать, что эмиссии, осуществлённые (sic!) от одного монарха – Кичи Мухаммада, имя которого на аверсе типа I передано как Мухаммад бен Тимур, а на типах II и III как Мухаммад» [6, с. 161], т.е. автор опрометчиво утверждал что, если у монет одинаковая легенда оборотной стороны, то и эмитент, указанный на аверсе, должен быть одним и тем же человеком!?!⁸ Базируясь на этом очевидно неверном утверждении Ю.В. Зайончковский при подведении итогов делает следующий вывод: «Установлено, что на монетах одного хана – Кичи-Мухаммада – его имя может быть передано как Мухаммад бен Тимур или как Мухаммад. Таким образом, отсутствие имени отца на монете не является достаточным основанием для отнесения монеты к Улу-Мухаммеду» [6, с. 163]. Возникает закономерный вопрос, каким образом и на основании чего это «установлено»? И уж если быть вполне честным, то возможное отсутствие отчества на некоторых монетах Кичи-Мухаммада – это была версия К.К. Хромова, как мы видели, также никоим образом им не доказанная.

Ещё более курьёзными выглядят рассуждения Ю.В. Зайончковского о легенде оборотной стороны монет. Попеняв Хромову, что тот не объяснил «почему этот Махмуд является именно Махмудом бен Мухаммадом», «исследователь» сам решается ответить на этот вопрос. Не сделав реконструкции штемпелей и штемпельных связей, не представив даже приличных образцов с более-менее сохранившейся оборотной стороной, уважаемый Юрий Валентинович, ничтоже сумняшеся, заявил: «Легенда реверса может быть реконструирована следующим образом: ... (см. **рис. 4** – Р.Р., Б.Л.) Махмуд сын беклербек» [6, с. 162]. «Исходя из нашего варианта прочтения монетной легенды, можно допустить, что сын Кичи Мухаммада Махмуд некоторое время занимал при отце пост беклербека, получая опыт руководства государством. Для информирования подданных об этой должности наследника престола, да и о нём самом, были отчеканены «прокламационные монеты», на которых место выпуска на реверсе заменила легенда с именем и обозначением высокой должности Махмуда бен Мухаммада бен Тимура» [6, с. 162].

В приведённых умопостроениях Ю.В. Зайончковского неверно всё!

Никакими ухищрениями нельзя прочитать слово *беклербек* в легенде этих монет. Судя по нескольким неясным фотографиям, которые приведены в статье и демонстрируют сохранившиеся разные части разных монет, чеканенных к тому же разными штемпелями, видно, что автор просто дофантазировал недостающие части легенды реверса.

⁶ Опубликован ранее В.П. Лебедевым и В.Б. Клоковым [11, с. 35, 45, № 70; 12, с. 139, 203, № 6].

⁷ Фактически, к пяти описанным ранее типам Ю.В. Зайончковский добавил ещё два (в его классификации II и III), однако выпустил из описания три других варианта: «с подражательно исполненным аверсом» [11, с. 45, № 71; 29, с. 39, рис. 4], а также ещё два [29, с. 39, рис. 3; 26, с. 40, рис. 5.2].

⁸ Следуя логике уважаемого Юрия Валентиновича ханы Джалал ад-Дин, Керим-Бирди и Кибак, монеты которых содержат полностью одинаковую легенду оборотной стороны «Султан справедливый», это один и тот же человек! Ханы Бердибек и Кульпа, чьи монеты биты одинаковыми штемпелями обратной стороны в Гюлистане в 760 г.х. – это тоже один и тот же человек! А в следующем году в Гюлистане «тождественные легенды реверса» были у монет ханов Кульпы, Навруза и Хызра – и они тоже «от одного монарха»?

Беклербек – это эмир над эмирами, главнокомандующий всей армии, второе лицо в государстве, советник хана, а иногда, реальный правитель при номинальном хане. Судя по количеству известных на сегодня штемпелей – чеканка монет с именем *бека Махмуда* на реверсе осуществлялась несколько лет. А в момент смерти хана Кичи-Мухаммада его старшему сыну Махмуду было всего 11 лет [3, с. 84]. Таким образом, следуя Зайончковскому, такой важный пост был бы доверен 8–10 летнему мальчишке!? И это в самый критический момент, когда Джучидское государство было разделено на несколько частей, которые постоянно воевали друг с другом!?

Беклербек – это эмир в силу своего высокого происхождения из кочевой знати, обычно, глава одного из могущественнейших родов. Эту должность (по крайней мере, с начала XIV века) занимают природные беки, но не Чингизиды.

Ещё более удивителен следующий пассаж автора: «Что касается слова *сын*, то можно предположить, что отсутствие места на крохотном монетном кружке заставило резчика не указывать имя отца *Махмуда*, ограничившись только указанием титула, ... смысловой перевод легенды можно передать как «Махмуд сын Мухаммада беклербек» [6, с. 162]. Т.е. даже прочитав: «Махмуд-сын-беклербек», Ю.В. Зайончковский, вроде бы должен был предположить, что речь идёт о некоем Махмуде сыне беклербека, но и тут автор начал придумывать сложные конструкции, чтобы подогнать выдуманный им самим текст легенды под озвученную предшественниками схему: «Махмуд – это сын Кичи-Мухаммада». Мол, легенда такая необычная, потому, что кружок маленький, а имя хана итак уже присутствует, правда, на аверсе. А читать, выходит, надо в таком порядке: два слова с реверса, потом одно с аверса, потом снова одно с реверса и т.д. Вот такой синтаксис от Зайончковского!

Ну и самый забавный момент! Уважаемый Юрий Валентинович назвал эти выпуски «прокламационными монетами», выпущенными якобы «для информирования подданных об этой должности наследника престола, да и о нём самом» [6, с. 162]. Т.е. это такие специальные монеты-агитки, сообщающие окружающим о состоянии дел. Правда, прочитать их практически невозможно из-за малого кружка, не полностью помещающейся на ней легенды со «сложным синтаксисом», в некоторых случаях из-за неаккуратного, почти подражательного исполнения текста. Вот уже более ста лет, как известны эти монеты, а специалисты всё спорят, что же на них написано. Вот именно такие нечитаемые объекты Ю.В. Зайончковский объявил прокламациями для информирования практически неграмотного кочевого населения!?

Выше уже было показано, что Ю.В. Зайончковский заявил, что в его работе «установлено, что на монетах одного хана ...». Удивительно, что автор не понимает эпистемологического различия между понятиями: «версия» и «установлено».

При чтении этого «исследования» складывается устойчивое впечатление, что автор намеренно устроил всю эту буффонаду лишь для того, чтобы разыграть читателя и редакцию уважаемого издания и проверить, до какой грани можно пойти в своих фантазиях при публикации откровенной глупости. Проверил. Опубликовано!?? Со всеми вытекающими выводами о качестве научного редактирования конкретного издания...

Казалось бы, у всех бывают неудачные статьи, но проходит время, и спешешь сам исправить невольной заскочившую в твою работу ошибку. Ан, нет. В статье 2018 года мы снова читаем, что «нумизматичні джерела дозволяють припустити, «що син Кічі Мухаммада Махмуд деякий час займав пост беклербека батька... Для інформування підданих про цю посаду спадкоємця престолу, та й про нього самого, були викарбувані «прокламаційні монети», на яких місце випуску на реверсі змінила легенда з ім'ям і позначенням високої посади Махмуда б. Мухаммада б. Тимура» [7, с. 32]. То есть, и по прошествии пяти лет, у многоуважаемого «исследователя» даже не возникло и тени сомнения в правильности своих фантазийных построений.

Удивительно, но по истечении ещё трёх лет, в работе 2021 года, даже после того, как автор этих строк в 2019 году прочитал на представительных конференциях три разных доклада, в которых подвёрг критике показанные выше трактовки Ю.В. Зайончковского и указал иное возможное прочтение легенд этих монет, появившееся в результате проведённого штемпельного анализа⁹, мы снова встреча-

⁹ Доклады: Рева Р.Ю. «Золотоордынские эмиры XV века по данным нумизматики (новейшие открытия)» / VI Международный Золотоордынский Форум «Рах Татарица: генезис и наследие государственности Золотой Орды». Казань, 26 июня 2019 г.; Рева Р.Ю., Леонов Б.И. «Нумизматические свидетельства о Ширинских беках?» / Там же. Казань, 27 июня 2019 г.; Рева Р.Ю. «Джучидские монеты XV века как источник о золотоордынских эмирах» / IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований». Улан-Удэ, 17 сентября 2019 г.

ем текст этого автора о своих «находках»: «Ю.В. Зайончковский посчитал возможным допустить, что сын Кичи-Мухаммада Махмуд некоторое время занимал при отце пост беклербека, получая опыт руководства государством. Для информирования подданных об этой должности наследника престола, да и о нём самом, были отчеканены «прокламационные монеты», на которых место выпуска на реверсе заменила легенда с именем и обозначением высокой должности Махмуда б. Мухаммада б. Тимура [6. с. 162]. После публикации 2013 года прошло уже довольно много лет и, учитывая тот факт, что альтернативного аргументированного прочтения легенды реверсов группы 4 предложено не было, авторы склонны рассматривать процитированную реконструкцию как базовую рабочую версию на настоящий момент¹⁰» [8, с. 624].

В 2019 году на основании проведённого штемпельного анализа монет с именем *Махмуд* на реверсе мы показали реконструированные нами оттиски штемпелей, а также выявленные штемпельные связи. Обнаружены следующие варианты чеканки:

1. Монеты с аверсами, с которыми производились эмиссии, относимые сейчас к Улу-Мухаммаду с легендой «Султан справедливый Мухаммад хан. Да продлит Аллах царствование (его)». Обратная сторона содержит в центре двуногую тамгу и круговую легенду: «Чекан Бик-Базара Тигене сына Махмуда» (рис. 1, 1–4).

2. Аверсы как у варианта 1, на реверсе – двуногая тамга, вокруг «Бек Махмуд сын Тигене»¹¹ (рис. 1, 5–9).

3. На аверсе: трёхногая тамга в центре, вокруг «Султан справедливый Мухаммад хан. Пусть продлит Аллах царствование». Реверс как у предыдущих (рис. 1, 11, 14).

4. Аверсы как у варианта 3. Реверс – Двуногая тамга, вокруг «Чекан Махмуда ... (?) Тигене» (рис. 1, 10, 12, 13).

5. На аверсе: «Султан Мухаммад хан». На реверсе: «Махмуд сын Тигене» (рис. 1, 15).

6. Аверс: в центре «Мухаммад хан», по кругу «Султан высочайший. Да продлит Аллах царствование...». Двуногая тамга в центре реверса, вокруг: «Бек Махмуд сын Тигене» (рис. 1, 16–17).

7. Самые многочисленные выпуски. Аверс: в центре «Мухаммад сын Тимура», вокруг «Султан высочайший. Пусть Бог увековечит это царствование...». На реверсах: двуногая тамга, вокруг «Бек Махмуд сын Тигене» (рис. 1, 18–24, рис. 2, 25–31, рис. 3, 37–45).

8. Как вариант 7, но круговая легенда аверса укорочена: «Султан высочайший, хан» (рис. 2, 32–35).

9. Как вариант 7, но, вероятно, слово *бек* на реверсе заменено на слово *чекан* (рис. 3, 36).

10. На аверсе «Султан справедливый Мухаммад хан» (тип Улу-Мухаммада), на реверсе: «Махмуд сын Тигене» и сразу три тамги: трёхногая, двуногая и в виде «рыбки» над именем *Махмуд* (рис. 3, 46).

11. Аверс и реверс как у варианта 10, но исполнены зеркально (рис. 3, 47).

12. Зеркальное подражание аверсу Сайид-Ахмада Второго. Реверс бит тем же штемпелем, что у варианта 11 (рис. 3, 48).

13. Аверс: в центре «Мухаммад сын Тимура», вокруг «Султан...». Реверс «... Махмуд...» (рис. 3, 49).

Описывая содержание легенды реверсов, мы указали, что часть легенды реверса следует читать как *Тигене*. На рис. 4 мы приводим примеры того, как указывалось имя Ширинского бека Тигене сына Рек-Тимура (варианты: Урек-Тимур, Урук-Тимур), сподвижника Улу-Мухаммада, в арабских, персидских и тюркских средневековых сочинениях. Представлены также варианты нашего видения этого имени на реверсе монет. Приведённые примеры, как мы надеемся, являются сильным аргументом в пользу того, что именно так: *Тигене*, а никак не *беклербек* следует читать эту часть монетной легенды.

Восстановив штемпели монет¹², показав обнаруженные штемпельные цепочки, учтя, что в некоторых случаях, возможно, была произведена чеканка старыми или подражательными штемпелями,

¹⁰ Несомненно, положительным сдвигом в последней работе стало то, что авторы перестали рассматривать высказывания Зайончковского об этих монетах как установленный факт и начали называть их лишь «рабочей версией».

¹¹ Легенду оборотной стороны можно прочесть либо как «Бек Махмуд сын Тигенэ», либо как «Махмуд сын Тигене-бека». Возможно, текст специально зациклен на слове «бек», чтобы читалось «Бек Махмуд сын Тигене-бека».

¹² На рис. 5–11 (см. на цветной вклейке) мы приводим для каждого обнаруженного штемпельного сочетания изображения самих монет с указанием веса тех экземпляров, у которых он был для нас известен.

т.е. не каждое штемпельное сочетание обязательно правильно отражает реальную ситуацию: «бек, указанный на реверсе чеканит при хане, указанном на аверсе», тем не менее, можно сделать несколько очевидных выводов:

1. Монетная чеканка, следуя легенде реверса этих монет, производилась на Бик-Базаре – кочевой ставке глав одного из важных княжеских родов Джучидского государства. Необходимо заметить, что монетные дворы в Золотой Орде были как стационарными, базирующимися в городах (стационарных), так и кочевыми. Кочевые монетные дворы находились в составе передвижных городов (базаров), которые сопровождали перемещающиеся в пространстве ставки ханов и могущественных беков. Так описывали их современники-иностранцы [23, п. 166]. Кочевая ставка хана называлась Орду, Орду-Базаром, Орду-Му‘аззам, Орду Базар Му‘аззам и т.п. Ставка бека именовалась Бик-Базаром, часто с добавлением имени этого бека.

2. Обнаруженные штемпельные связи показывают, что сначала место чеканки указывалось как «Базар бека Тигене сына Махмуда» через некоторое время слово «Бик-Базар» выпало из легенды реверса, в которой продолжали указывать только имя, отчество князя-владельца кочевой ставки, а также его титул *бек*.

3. Приведенные выше выводы опровергают версию А.К. Маркова о том, что на изучаемых монетах указано имя сына Кичи-Мухаммада – царевича Махмуда. Что, в свою очередь, влечёт отмену всех логических построений, которые были сделаны нашими предшественниками на основании этого предположения. Т.е. ошиблись не только Марков, но и К.К. Хромов, считавший, что монеты определённого типа не мог чеканить Улу-Мухаммад, потому что тот не поставил бы на своих монетах имя наследника своего врага. Ошибки Ю.В. Зайончковского разобраны выше.

4. К.К. Хромов верно подметил стилистическую связь лицевой стороны некоторых монет с отдельными монетами Хаджи-Тархана. Заметим, что указанные хаджитарханские монеты [29, с. 66, Фото 28; 21, с. 88, № 170–171] начали чеканиться во времена серебряного кризиса 826–830 гг.х., ещё до воцарения Мухаммада сына Тимура в 831 г.х. Низкопробные монеты с таким типом аверса были обнаружены в составе большого комплекса из Самарской Луки, в котором младшими были монеты Гийас ад-Дина, предшественника Кичи-Мухаммада. Таким образом, если пользоваться методом аналогий, предложенным К.К. Хромовым, то следует утверждать, что такие монеты (рис. 1, 1–6; рис. 3, 46, 47), скорее всего, биты от имени хана Улу-Мухаммада сына Хасана, а не от имени Кичи-Мухаммада сына Тимура.

5. Чеканка произведена не одним князем, а двумя: Тигене сыном Махмуда и Махмудом сыном Тигене. Монеты связаны в штемпельные цепочки, т.е. штемпели использовались внутри одного кочевых монетного двора. Следовательно, обозначенные эмитенты: Тигене, а после Махмуд были беками-правителями одного кочевого княжества, способного чеканить собственную монету, и, по всей видимости, приходились друг другу отцом и сыном. Другими словами, обнаружена династическая цепочка беков, которая выглядит как Махмуд – Тигене – Махмуд. При этом по монетам видно, что Тигене сын Махмуда, вероятно, служил при Улу-Мухаммаде. Его сын Махмуд – при Мухаммаде, о котором мы точно не можем сказать Улу-Мухаммад это или Кичи-Мухаммад, но позже самые массовые монеты Махмуда сына Тигене биты от имени хана Мухаммада сына Тимура (Кичи-Мухаммада).

6. Судя по изафетной конструкции «...Бик-Базар-и ...», оборотная сторона таких монет исполнена на одном из тюркских языков¹³.

В докладах 2019 года мы указывали, что наиболее вероятными претендентами на роль эмитентов этих монет являются Ширинские беки: Тигене сын Урек-Тимура и его сын Мамак. Для Урек-Тимура мы предполагали, что «Махмуд» – это его мусульманское имя. Для Мамака проговаривали, что «Мамак» – это, вероятно, стяжение от «Махмудек», что в свою очередь – уменьшительное от «Махмуд». О роли Ширинского бека Тигене одного из самых значимых эмиров Улу-Мухаммада, боровшегося за высочайшее для беков положение при престоле с Кунгратским эмиром Хайдаром написаны сотни работ. Нет смысла их перечислять. Чеканка на Бик-Базаре Ширинских князей и перемещение штемпелей вместе с этим кочевым монетным двором объясняла, почему возникли штемпельные связи у монет, разнесённых во времени, а также, почему такие монеты находят как на Украине, так и в Поволжье.

¹³ Благодарим уважаемого Юлай Шамильоглу, который обратил наше внимание на это обстоятельство во время прочтения доклада 26 июня 2019 г. в Казани.

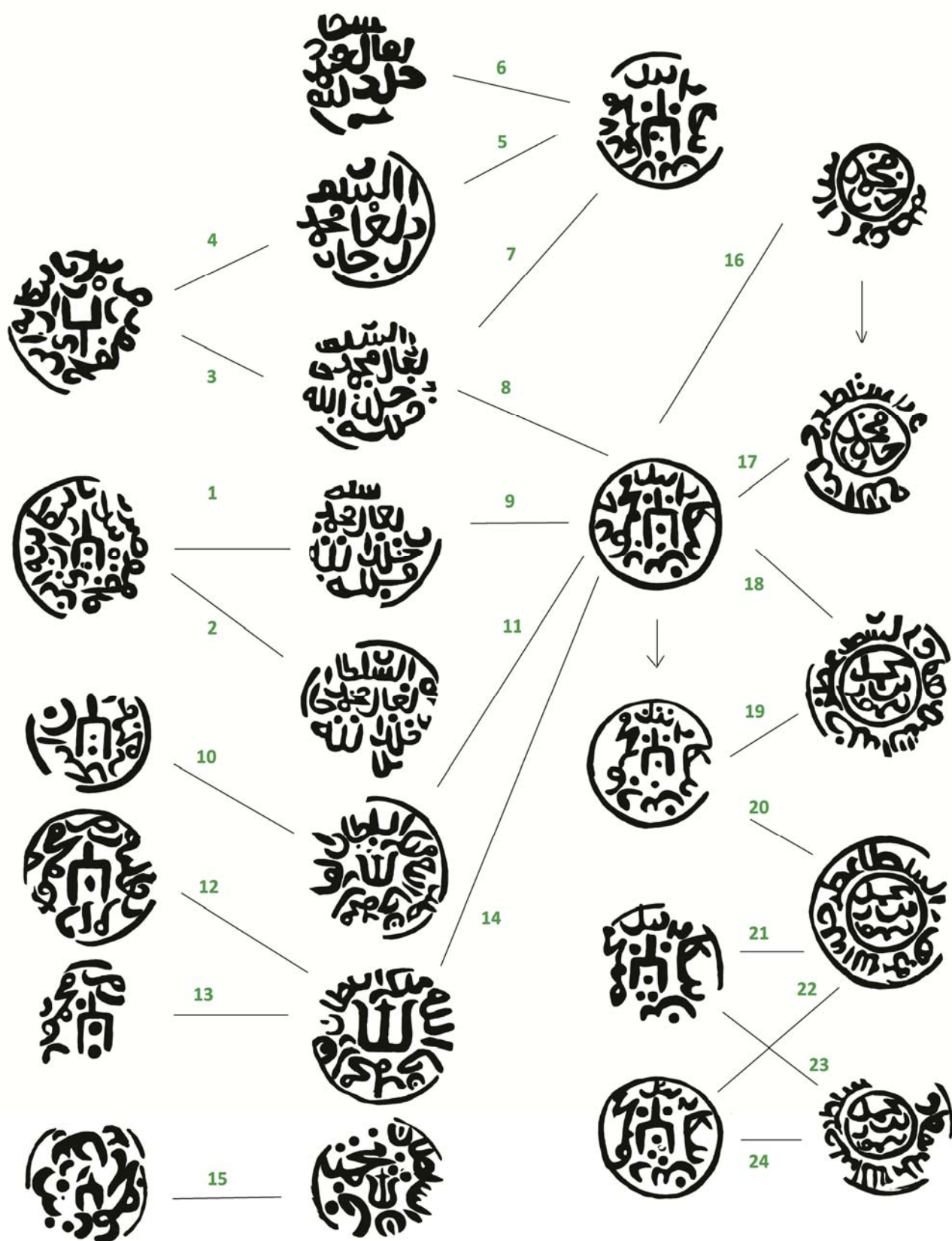

Рис. 1. Реконструкции штемпелей и штемпельные связи монет с именами *Тигене* и *Махмуд*

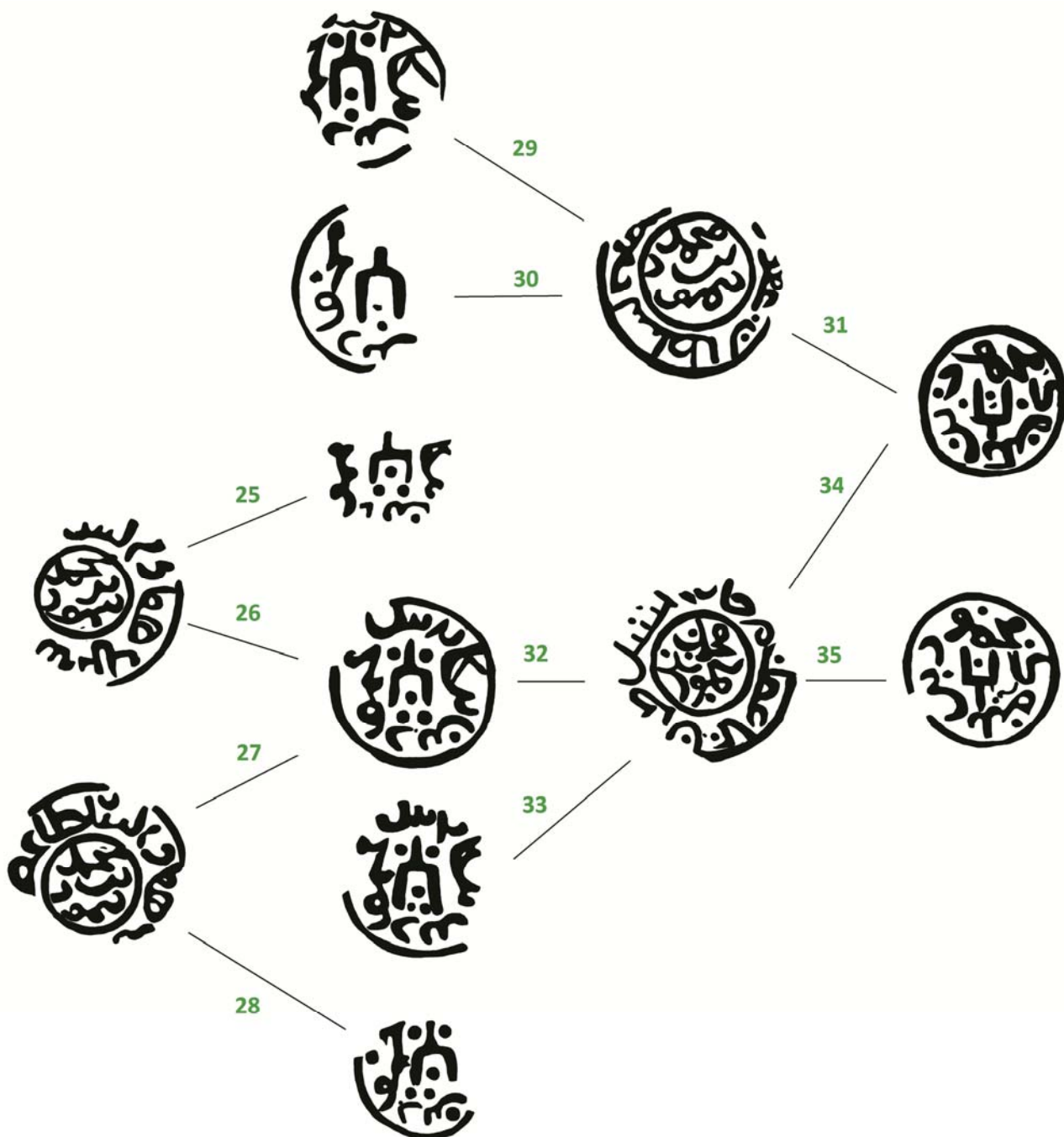

Рис. 2. Реконструкции штемпелей и штемпельные связи монет с именами *Тигене* и *Махмуд*

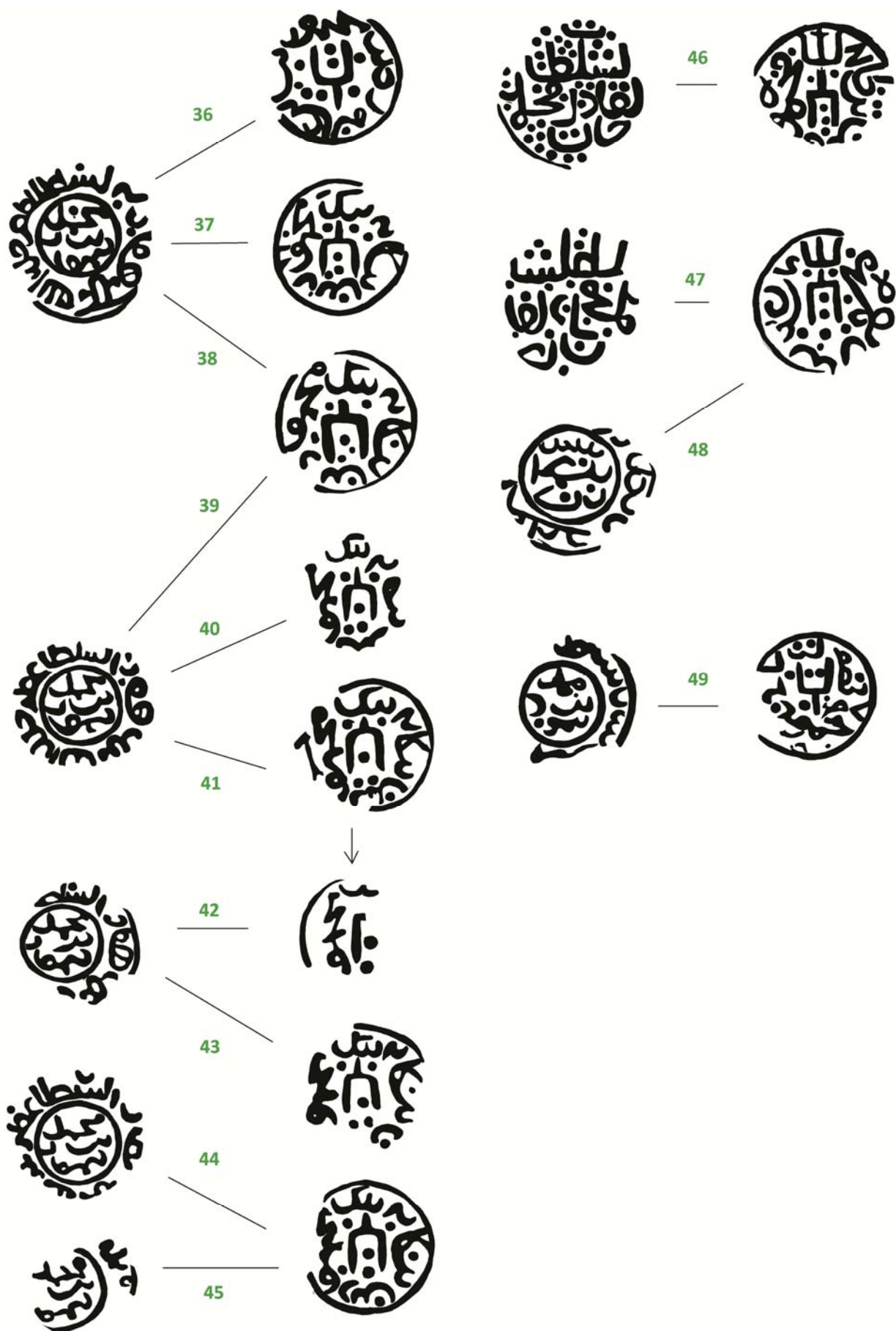

Рис. 3. Реконструкции штемпелей и штемпельные связи монет с именами *Тигене* и *Махмуд*

Написание имени <i>Тигене</i> в письменных источниках:	Написание имени <i>Тигене</i> на монетах	
Маджмӯ' ат-таварих [Ахсиканти, 1960. С. 62, 43а(۸۵)]	شیرین تیکانا بیك	تيكانا
Кара таварих [Утемиш хаджи, 2017. С. 184, 189, 190]	تکانا	تيکانيه
Из продолжения ад-Дзехеби [Тизенгаузен, 1884. С. 553]	تکنا	تيکانه
Кара таварих [Утемиш хаджи, 2017. С. 216]	تيکنه بك	تکنه
Умдет ал-ахбар [Абдулгаффар, 2014. С. 336, 341, 349]	تکنه بك	
Из Самарканди [Тизенгаузен, 1941. С. 253-254]	دکنه	
Умдет ал-ахбар: Emnek Beğ bin Memak Beğ bin Tekene Beğ bin Rektemür Beğ [Абдулгаффар, 2014. С. 115, 330]	امنك بك بن ممامك بك بن تکنه بك بن رکتور بك	
Вариант чтения реверса, предложенный Ю.В. Зайончковским [Зайончковский, 2013. С. 162]	محمود بن بکلاری بك «Махмуд сын беклербек»	

Рис. 4. Варианты написания имени *Тигене* в письменных источниках и на монетах

Обратимся к нарративным источникам. «Родословная Ширинских» считает следующим беём после Тегене его сына Мамака (Махмудека?? – Р.Р., Б.Л.): «Мамак бей при Хаджи-Гирей хане, имея знамена и подвластные ему народы, пришёл с оными от реки Волги в Крым, оный завоевал» [2, с. 196; 9, с. 124]. Другая ветвь князей Ширинских также была связана с Большой Ордой: «Известная версия родословной князей Мещерских из Бархатной книги гласит: «Князь Ширинский Бахмет Усеинов сын пришёл из Большие Орды в Мещеру и Мещеру воевал, и засел её, и в Мещере родился у него сын Беклемиш» [2, с. 195]. Т.е. отец Мамака, князь Тигене, и его племянник Хусейн¹⁴ сын Йахши-Ходжи служили хану Улу-Мухаммаду, а их дети Мамак и Бахмет позже в какой-то момент оказываются подданными царей Большой Орды. Напомним, что фраза «при Хаджи-Гирее», который воцарился в Крыму в марте-начале апреля 1442 года [X-XI/845 г.х.] [5, с. 128–129], означает, что это произошло в то время, когда Улу-Мухаммад уже потерял былую власть. В 1436 году Улу-Мухаммад потерпел поражение от Сайид-Ахмата Второго, потеряв контроль над западными землями Джучидов [28, с. 182]. В следующем году он пришёл к Белёву «ис Поля, согнанъ з Болшіа Орды отъ брата своего Кичи-Ахметя (вариант: Кичи-Махметя)» [16, с. 63], т.е. Улу-Мухаммад уже не контролировал ни восточные, ни центральные, ни западные части Золотой Орды. Итак, с 1437 года Улу-Мухаммад был вынужден искать новые территории для своего «государства», и в итоге «царь Улу-Махметъ з дѣтми своими и со всей Ордою своею» осел в среднем течении Волги [16, с. 65–66]. Таким образом, судя по письменным источникам, Мамак мог некоторое время служить Мухаммаду сыну Тимура, и раз он «завоевал Крым», то сделать это он мог отбив эту землю у соперника Улу- и Кичи-Мухаммадов Сайид-Ахмада или его потомков. В дальнейшем Мамак сын Тигене служил Хаджи-Гирею. Одно время был тудуном Каффы. Умер около 1473 года.

Таким образом, нумизматический материал вроде бы подтверждал данные письменных источников. Монеты с именем Ширинского бека Тигене могли чеканиться во время службы одного при Улу-Мухаммаде, после – переходный период чеканки бека Махмуда, когда лишь нужно уточнить, от имени какого конкретно хана по имени *Мухаммад* чеканены некоторые монеты, затем чеканка Махмуда (Мамака) сына Тигене при царе Мухаммаде сыне Тимура. Такая картина представлялась нам по состоянию на 2019 год.

Что же изменилось с того времени? Несмотря на то, что гипотеза об именах Ширинских беков по-прежнему остаётся основной, мы не должны забывать, что всё-таки это только одна из версий, и возможны другие варианты объяснения представленного нумизматического материала. Ниже будут перечислены обстоятельства, заставляющие нас сомневаться в правильности озвученной выше гипотезы.

¹⁴ «Усеинъ именемъ, постельникъ царевъ, братаничъ тому Ширинъ-Тягинъ» [16, с. 16].

Во-первых, имена. Как было указано выше, имя отца Тигене Ширинского было *Рук-Тимур*, а не *Махмуд*, а имя *Тигене* могли носить и представители других родов.

Во-вторых, были и другие могущественные княжеские роды. Мы не должны заикливаться только на Ширинах, помимо них были другие важные династии беков. Так для Крымского, Казанского и Касимовских ханств (осколков некогда единой протоктамышевской партии) важнейшими бекскими родами стали Ширины, Барыны, Аргыны, Кыпчаки, Сиджиуты для Сайидахматовой Орды – Кунграты и др., для Нугманов (Большой Орды) – Мангыты, Уйшины и др., для Шибанидов – Кыяты, Дурманы, Мангыты, Найманы, Хытай и т.д. Таким образом, полагать, что только исключительно Ширины могли чеканить эти монеты – неверно.

В-третьих, Большая Орда. Так как основная масса представленных монет чеканена от имени хана Большой Орды (Нугманов) Мухаммада сына Тимура, то логично поискать бека Махмуда и его потомков среди важнейших княжеских родов Большой Орды. Тут на ум приходят монеты, чеканенные в промежутке 826–831 гг. от имени предшественника Кичи-Мухаммада на троне Большой Орды хана Гийас ад-Дина сына Шадибека, битые на Махмуд-Бик-Базаре – кочевой ставке некоего бека Махмуда, чья принадлежность к какому-то определенному княжескому роду пока остаётся неизвестной [19, с. 74]. Если заглянуть ещё глубже, то можно вспомнить, что при хане Тимуре (отце Кичи-Мухаммада) в 813–814 гг. беклербеком был не Мангыт Идику, а Уйшин Пир-Махмуд [27, с. 64].

В-четвёртых, тамги. На монетах (рис. 3, 46–47), помимо ханских двуногой и трёхногой тамг, прямо над именем *Махмуд* стоит особая тамга в форме рыбки, похожая на символ ранних христиан. Отнести эту тамгу к Ширинам сложно, так как в настоящее время считается, что Ширины использовали другую, так называемую «Шомиш» (иначе «Чомычы»)–тамгу, по форме напоминающую ложку [9, с. 123].

В-пятых, сложности в согласовании нумизматической картины с нарративными источниками. У Мацея Стрыйковского сказано: «Того же года (т.е. 1443 [29/VIII/846 – 10/IX/847 гг.]) татары перекопские, барыньские и ширинские, у которых царь умер без потомства, прислали к Казимиру, великому князю литовскому, с просьбой дать им на царство Хаджи-Герая, который, бежав из Орды, в то время проживал в Литве, где владел для прокормления городом Лидою по милости панов литовских. Поэтому Казимир в назначенный день в Вильне, в приготовленном замке, возвел с литовскими панами того Хаджи-Гирая на царство татарское и послал его в Перекопскую орду с маршалком Радзивилом, который смело посадил его на трон отцовский» [22, с. 194]. В.Д. Смирнов называет это «вторичным призванием Хаджи-Гирея» [22, с. 194]. Указанная в отрывке дата смерти царя – 1443 год – удивительным образом попадает в интервал, в котором мы локализуем дату смерти Кичи-Мухаммада по косвенным данным из восточных источников «847–848 гг. (1443–1445 гг.)» [20, с. 154] и совпадает с датой смерти этого хана (1443 г.), указанной А.К. Алексеевым [3, с. 68]. То, что хан объявлен в польских источниках не оставившим потомства, не должно смущать. Как мы указывали выше, в момент смерти Кичи-Мухаммада его дети были слишком малы. Т.е. Ширинские, Барыньские и «Перекопские» беки, вероятно, служили именно Кичи-Мухаммаду, а после его смерти были вынуждены искать нового хана, так как они не могли перейти ни к Сайид-Ахмаду, ни к Улу-Мухаммаду, там они не получили бы высокого положения при троне ввиду того, что такие места были уже заняты другими. Выход был один – интронизировать нового царя. Что и произошло. Здесь для нас важным становится вопрос, был ли жив в этот момент Тигене Ширинский? Некоторые источники утверждают, что это именно Ширин Тигене сам возвёл на престол Хаджи-Гирея¹⁵. В таком случае сын Тигене – Мамак не успел бы послужить Кичи-Мухаммаду, так как стал бы главой Ширинов уже после смерти отца, т.е. при правлении Хаджи-Гирея¹⁶. Представленные монеты в этом случае не могут принадлежать

¹⁵ В.Д. Смирнов приводит такую цитату из турецко-татарских преданий: «...могущественнейший из эмиров того времени и сторонник Сейид-Ахмед-хана Кункрат-Хайдэр-мурза умер; тогда престиж перешел к Ширин-Тэгенэ-мурзе. А так как у этого Тэгенэ-мурзы была вражда к Сейид-Ахмед-хану, то он, чтобы, найдя одного из двух пропавших ханычей (Хаджи-Гирея и Джаная – Р.Р., Б.Л.), поставить его ханом, стал делать розыски и расспросы. Один разумный человек из подданных Гыяс-эд-Дина, отца Хаджи-Герая, знавший о Хаджи-Герее, известил Тэгенэ-мурзу. Тэгенэ-мурза тотчас же отправил упомянутого человека с подводой к Хаджи-Герее. Хаджи-Герей немедленно по прибытии вошёл в общество Тэгенэ-мурзы. Все мурзы, присягнув ему, сделали его ханом. Затем, когда оба хана вступили друг с другом в бой, Хаджи-Герей-хан одолел, а Сейид-Ахмед-хан, будучи побежден, бежал на Волгу...» [22, с. 187].

¹⁶ В истории Джучидского государства есть примеры, когда сын бека ещё при жизни отца поддерживал противоположную сторону. Так Нураддин, сын Идегея, некоторое время был на стороне хана Тимура, уже

Ширинам. Но если всё-таки в источниках ошибка, и вместо Тигене в призвании Хаджи-Гирея участвовал его сын Мамак, то тогда получается, что он мог послужить перед этим Кичи-Мухаммаду, и монеты вполне могут быть выпущены от имени этой династии беков.

В Симеоновской летописи представлен перечень имён князей ордынских, ходивших в 1408 году на Москву «именемъ Едигѣи, повелѣниемъ Булата царя»: «князь великий Едигеи, князь Махметъ, Исупу Сулеменеву сыну, князь Тегиня, Шиховъ сынъ, князь Сарай, Урусаховъ сынъ, князь Обрягимъ, Темирязевъ сынъ, князь Якъшибѣи, Едигѣевъ сынъ, князь Сеитялибѣи, князь Бурнакъ, князь Ериклейберди» [17, с. 155]. Мы видим, что в этом походе **Большой Орды** на Русь вторым по значимости князем после Идегея назван некий *Махмет* (Махмуд-?), родственник (?) Юсупа сына Сулеймана. Сразу после него показан *Тегиня*. Не следует воспринимать последнего однозначно, как сына некоего *Шиха*. Очевидно, запятых в оригинале текста не было, и мы не можем указать, к кому точно относится фраза *Шихов сын* к Тегине или Сарайю? Если посмотреть внимательно на продолжение перечня: *князь Якъшибѣи – Едигеев сын – князь Сайид-Али*, то можно заметить, что в источниках не отмечено детей Идегея с именем Якъшибѣи, а вот Сайид-Али-мирза, действительно, был сыном Идегея [26, с. 83]. Т.е. фраза *Едигеев сын* определяет князя, указанного не до, а после неё. Вероятно, *Тегиня* (Тигене -?) в приведённом перечне также не сын Шиха, а родственник князей, показанных перед его именем, возможно, сын Махмуда.

Абдарраззак Самарканди при описании событий начала 814 г.х. [весна 1411 г.] сообщает, что одним из военачальников хана Тимура, осаждавших Идегея в Хорезме, был эмир *Декне* (Тигене-?, см. **рис. 4**), «женатый на сестре Тимур-хана» [25, с. 194, 253–254]. Очевидно, этот бек, будучи зятем ханам Тимур-Кутлугу, Пуладу и Тимуру, занимал высокое положение при дворе Нугманов. В Му‘изз ал-ансаб показаны две сестры хана Тимура, сына Тимур-Кутлуга, Махдум-Султан и Сарвар-Султан [15, с. LVII]. Кто из них была замужем за этим эмиром пока неизвестно.

Все перечисленные обстоятельства заставляют констатировать, что вопрос о родовой принадлежности династии беков Махмуд – Тигене – Махмуд, чеканивших представленные в статье монеты, ещё далёк от однозначного решения. Надеемся, что будущие исследователи смогут разгадать эту загадку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 420 с.
2. Акчурин М.М. Начальная генеалогия ширинских князей // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 191–202.
3. Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов: по материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 229 с.
4. Ахсиканти. «Собрание историй» Маджмӯ‘ ат-таварих. Подготовил к изданию А.Т. Тагирджанов. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1960.
5. Гулевич В.П. Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 110–146.
6. Зайончковский Ю.В. Серебряные монеты джучидского хана Мухаммада бен Тимура с именем Махмуд на реверсе // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. № 6, 2013. Культурные слои веры. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест. С. 159–164.
7. Зайончковський Ю.В., Романова С.С. Щодо питання про час закінчення політичної кар’єри джучидського хана Мухаммада б. Тимура // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія. Політологія Збірник наукових праць. Маріуполь, 2018. Вип. 21. С. 27–36.
8. Зайончковский Ю.В., Тишкин В.Е. Хан «Большой Орды» Мухаммад б. Тимур и его серебряные монеты // Экспедиция працягласцю ў жыццё. Зборник навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага. Мінск: «Колорград», 2021. С. 615–629.
9. Лашков Ф.Ф. Сборникъ документовъ по исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія (Продолженіе). Отдѣл второй. Документы беевъ // Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи № 23. Симферополь: Типографія Тавричesk. Губернск. Правленія, 1895. С. 118–129.
10. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монеты с юго-восточных окраин Сарая // Татарская археология №1–2 (8–9). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2001. С. 22–52.

вступившего в войну против бывшего беклербека. Однако в нашем случае, штемпельные сетки показывают, что монеты биты в едином, а не разобщённом Бик-Базаре, т.е. нет следов того, что отец и сын могли служить разным ханам одновременно.

11. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Денежное обращение Сарая и его округи после 1395 г. // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М., Нижний-Новгород: Издательство «Нумизматическая литература», 2004. С. 23–75.
12. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монетный клад конца XV в. с селища Каменный Бугор близ развалин средневекового Сарая // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань: Изд-во «ЯЗ», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. 218 с. С. 138–142.
13. Майко В.В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-кале в юго-западном Крыму. Киев: «София Киевская», 2007. 190 с.
14. Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. С.Петербург: Типолитография Н. Зейферт, 1896. 879 с.
15. Му‘изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии) // История Казахстана в персидских источниках. Том III. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006. 672 с.
16. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С.-Петербург, 1901 // М.: «Языки русской культуры», 2000. 272 с.
17. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. С.-Петербург, 1913 // М.: «Знак», 2007. 328 с.
18. Рева Р.Ю., Казаров А.А., Кравцов К.В. Об «укекских» монетах хана Махмуда // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2017 года. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. С. 130–133.
19. Рева Р.Ю., Леонов Б.И. В поисках Махмудов (Первые 30 лет XV в.) // Тезисы 20 ВНК. Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г. М., 2019. С. 73–75.
20. Рева Р.Ю., Недайвода А.В. Монеты с именем амира Ваккаса и два правления Махмуда, хана Большой Орды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 16. № 7: Археология и этнография. Новосибирск, 2017. С.151–159.
21. Савоста Р.Ю. Монеты Хаджи-Тархана 813–831 г.х. Серебряные и медные монеты Золотой Орды. Каталог. Николаев: Издатель Шамрай П.М., 2016. 112 с.
22. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. Том первый. Москва: «Рубежи XXI», 2005. 540 с.
23. Тафур П. Странствия и путешествия. Перевод, предисловие и комментарии Л.К. Масиеля Санчеса. М.: Индик, 2005. 296 с.
24. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из сочинений арабских. Санктпетербург: издано на иждивение графа С. Г. Строганова. 1884. 566 с.
25. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том II. Извлечения из персидских сочинений. М.; Л.: «Издательство Академии наук СССР», 1941. 308 с.
26. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Издательство Казанского университета, 1972. 224 с.
27. Утемиш-хаджи. Кара таварих. Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова. Пер. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
28. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Выпуск 10. Славяне и кочевой мир. М.: «Наука», 2001. С. 172–196.
29. Хромов К.К. Монетный двор второй четверти XV века «Орда Базар» в Нижнеднепровском регионе // Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций. Часть 1. Монеты Джучидов XIII–XV веков. Киев: «Клякса», 2004. С. 34–66.
30. Fraehn Ch.M. Recensio numorum muhammedonorum Academiae Imp. Scientiarum Petropolitanae, Petropoli, 1826. 743 p.

Сведения об авторах: Роман Юрьевич Рева – эксперт Министерства культуры РФ по категории «Нумизматические материалы Востока (III в. до н.э. – XX в. н.э.)»; соучредитель Новосибирской городской общественной организации любителей старины (Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: roman04@ngs.ru

Борис Иванович Леонов – независимый нумизмат-исследователь (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: overshtag@bk.ru

NUMISMATIC WITNESSES ABOUT TIGENE AND MAHMUD AMIRS

R.Yu. Reva

Expert of the Ministry of Culture of the Russian Federation

B.I. Leonov

Independent Numismatist Researcher

Since the end of the 19th century, it was believed that there were coins of khan Muhammad son of Timur, where the name of his son Mahmud was indicated on the reverse side. Based on this, conclusions were drawn about the belonging of all coins with the similar reverse to the minting on behalf of Kichi-Muhammad khan. As a result of the stamp analysis, the authors of the article found that the legends of the reverse sides of the coins were read and interpreted incorrectly. In fact, they do not contain an indication of the son of Kichi-Muhammad, but the names and patronymics of amirs Tigene and Mahmud. The coins were minted at the Bik-Bazar of these beks. In the reports of 2019, the authors indicated that, most likely, the Shirin beks Tigene and his son Mamak were indicated on the reverse. However the hypothesis of attributing these amirs to the Shirin beks encounters certain difficulties, which implies a search for the issuers of these coins also among representatives of other princely families of the Golden Horde.

Keywords: Golden Horde, Great Horde, Jochid, Shirins, khan Muhammad, amir, bek, Mahmud, Tigene, coins, tamga

Acknowledgements: The authors express their gratitude to R.Yu. Savosta, K.K. Khromov, V.P. Lebedev, V.B. Klovov, P.N. Petrov, K.V. Panin, Yu.V. Dzyuba, A.E. Kuptsov, V.I. Kharitonov, V.O. Simonov, D. Makarov, A.A. Shevchuk, S.V. Gumayunov, A.V. Yakushechkin for the provided material used in the preparation of this publication.

About the authors: Roman Yu. Reva – Expert of the Ministry of Culture of the Russian Federation in the Category “Numismatic materials of the East (III century BC – XX century AD)”; co-founder of the Novosibirsk city public organization of antique lovers (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: roman04@ngs.ru

Boris I. Leonov – Independent Numismatist Researcher (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: overshtag@bk.ru

О КЛАДЕ ОРДЫНСКИХ МОНЕТ XV В. ИЗ ПОСЕЛКА БОРИСКОВО (КАЗАНЬ)

А.И. Бугарчев

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

О.В. Степанов

Всетатарское общество краеведов

Данная работа посвящена публикации нового клада золотоордынских монет, найденных в окрестностях Казани. Общее количество – 119 серебряных монет первой половины – середины XV в., из них 112 акче выпущены на болгарских монетных дворах, а 7 монет относятся к продукции южных монетных дворов. В конце статьи приводится фототаблица с изображениями отдельных кладовых монет.

Ключевые слова: монета, клад, Мухаммад, Булгарский вилайат, Борисково, XV век

Клады монет XV в. – очень важный и часто единственный источник по истории политической и экономической жизни Среднего Поволжья. Поэтому публикация любого нумизматического комплекса представляется авторам необходимым условием для формирования более объективных знаний по денежному обращению Булгарского вилайата в первой половине XV в.

Данная статья посвящена изучению метрологических и типологических характеристик нового клада золотоордынских монет, найденного в окрестностях города Казани в начале XXI века. Приведём описание клада:

1. Мухаммад, Булгар, после 1418 г., 27 экз. (вес в граммах): 0,45; 0,43; 0,46; 0,48; 0,49; 0,69; 0,44; 0,47; 0,52; 0,46; 0,51; 0,48; 0,39; 0,49; 0,47; 0,42; 0,66; 0,49; 0,50; 0,48; 0,42; 0,51; 0,47; 0,53; 0,42; 0,51; 0,55.

2. Мухаммад, Булгар, после 1418 г., 9 экз. (вариант «изящный»): 0,49; 0,49; 0,59; 0,51 (односторонняя); 0,47; 0,38; 0,38; 0,47; 0,48.

3. Мухаммад, Булгар, после 1418 г., вариант 7 [1] (л.с. «султан / Мухаммад хан / великий»), 0,46 г.

4. Мухаммад, Булгар, после 1418 г., 0,58 г.

5. Мухаммад, Булгар, после 1418 г., 6 экз., вариант А [1]: 0,45; 0,52; 0,45; 0,48; 0,51; 0,54.

6. Имя не попало, Булгар, вариант А [1], 0,41 г.

7. Мухаммад, Булгар, после 1418 г., 8 экз., вариант В [1]: 0,53; 0,48; 0,53; 0,44; 0,42; 0,46; 0,47; 0,50.

8. Мухаммад, двор стёрт, 2 экз.: 0,48; 0,46.

9. Имя не попало или стёрто, Булгар, 30 экз.: 0,37; 0,43; 0,56; 0,51; 0,58; 0,42; 0,57; 0,41; 0,52; 0,48; 0,44; 0,53; 0,48; 0,47; 0,47; 0,43; 0,37; 0,44; 0,42; 0,68; 0,41; 0,41; 0,46; 0,43; 0,46; 0,34; 0,46; 0,48; 0,46; 0,62.

10. Мухаммад Барак, Булгар, 1422–1425 гг., 0,40 [2].

11. Мухаммад, Булгар, 0,58 (Барак?).

12. Гийас ад-Дин, Булгар, после 1425 г., 0,42.

13. Имя не попало, Орда, 0,45 (о.с. зеркально).

14. Мухаммад, 3-ногая тамга, 2 экз.: 0,48; 0,52 (вариант Ж) [1].

15. Имя не попало или стёрто, 3-ногая тамга, 7 экз.: 0,50; 0,55; 0,49; 0,53; 0,48; 0,46; 0,53.

16. Мухаммад, 3-ногая тамга, 6 экз.: 0,38; 0,54; 0,59; 0,57; 0,50; 0,52 («ал-адил»).

17. Мухаммад, 3-ногая тамга – 0,46 (буквы вокруг тамги).

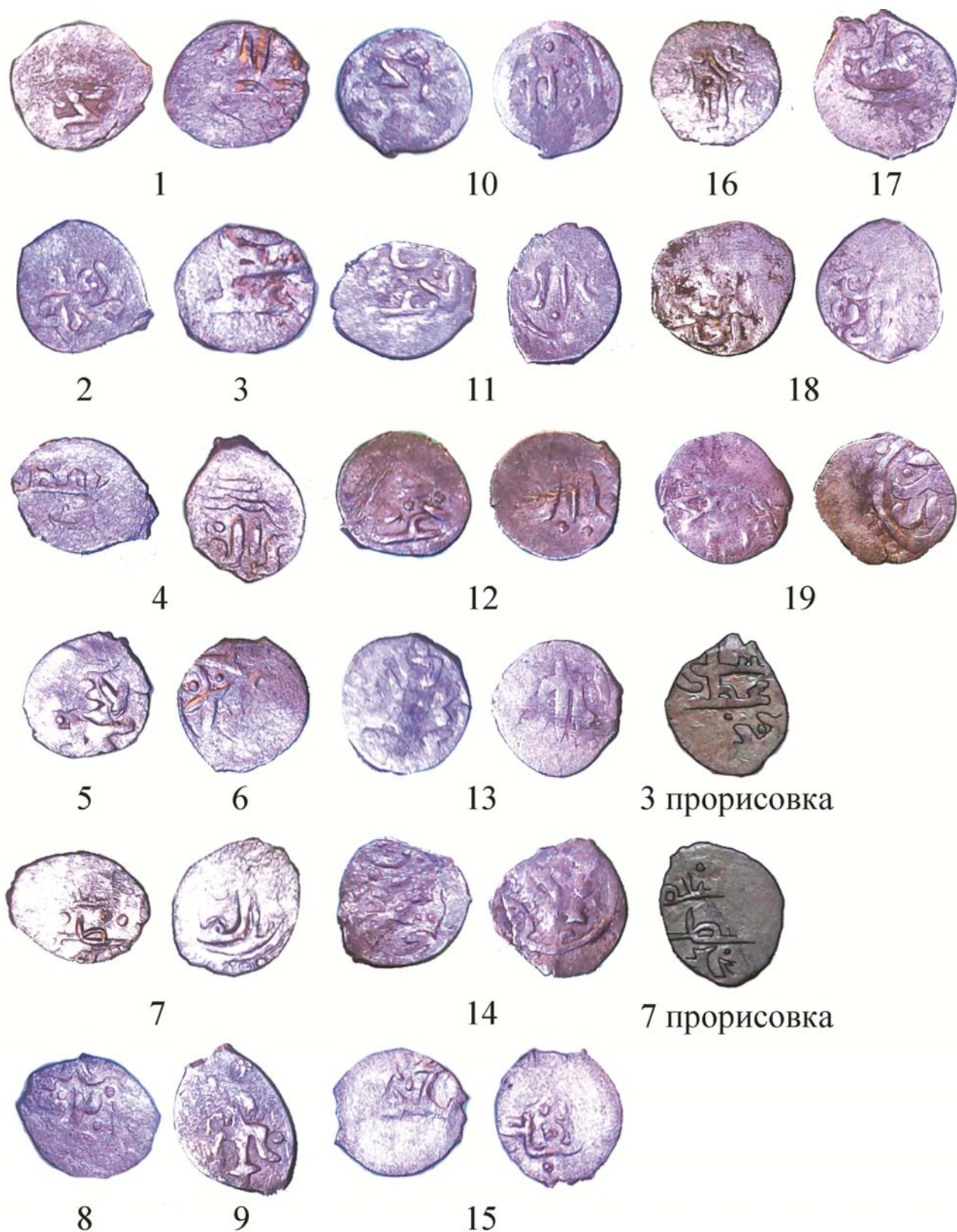
18. Имя стёрто или не сохранилось, 3-ногая тамга, 3 экз.: 0,48; 0,52; 0,70 (буквы вокруг тамги).

19–20. Имя стёрто или не попало, Орда (Базар?), 0,42; Иль Уй, 0,86.

21–22. Мухаммад, Хаджи-Тархан, после 1418 г., 0,77; Сарай, 0,85.

23. Остатки легенд, 4 экз.: 0,56; 0,82; 0,82; 0,85 (южный чекан).

24. Остатки легенд, 3 экз.: 0,42; 0,51; 0,52 (местный чекан).

Фототаблица. Клад из Борисово

1. С именем Мухаммада, Булгар, вес 0,48 г.
2. С именем Мухаммада (только лицевая сторона), вес 0,54 г.
3. Имя стёрто, Булгар. Л.с. Палочка от «азам» – как единая вертикаль с палочкой в «султан». Вес 0,48 г.
4. С именем Мухаммада, Булгар, вес 0,51 г.

5. С именем Мухамада, вес 0,51 г.
6. С именем Мухаммада, вес 0,46 г.
7. С именем Мухаммада, Булгара, вариант «изящный», вес 0,47 г.
8. Гийас ад-Дин, вес 0,42 г.
9. Имя не попало, 3-ногая тамга, вес 0,70 г.
10. С именем Мухаммада, 3-ногая тамга, вес 0,50 г.
11. С именем Мухаммада, 3-ногая тамга, вес 0,54 г.
12. Имя не попало, 3-ногая тамга, вес 0,46 г.
13. Л.с. стёрта, 3-ногая тамга, вес 0,52 г.
14. Л.с. стёрта, 3-ногая тамга, вес 0,46 г.
15. С именем Мухаммада, Булгар, вес 0,48 г.
16. Барак (только о.с.), Булгар, вес 0,40 г.
17. Мухаммад, вес 0,79 г (южный чекан).
18. Монетный двор Иль Уй, вес 0,86 г (южный чекан).
19. Л.с. и о.с. не прочитаны, вес 0,85 г (южный чекан).

Прорисовка акче из Кайбицкого клада (2019, №26), аналогичной монете №3 из фототаблицы.

Прорисовка акче «изящного» варианта из Кайбицкого клада (2019, №14), аналогичной монете №7 из фототаблицы.

Всего в таблице учтено 119 акче – 112 болгарских и 7 южных.

Болгарские монеты чеканены, по нашему мнению, в период после 822 до начала 830-х годов хиджры (1419 – рубеж 1420-х – 1430-х гг.).

Пока у нас нет возможности точно атрибутировать монеты «с именем Мухаммада» – это мог быть Хаджи-Мухаммад (822–826 гг.х./ 1419–1422/1423), Улу-Мухаммад или Кичи-Мухаммад (II половина 820-х – 830-е гг.х./ 1420-е – 1430-е).

Несколько слов о метрологии кладовых монет. Для установления максимума значений веса нами были выбраны экземпляры с указанием МД Булгар – 86 штук. Построенная гистограмма с шагом 0,03 г позволила установить моду на значении $0,47 \pm 0,02$ г (сама гистограмма не приводится). Диапазон значений – от 0,34 до 0,69 г, что свидетельствует о том, что к моменту сокрытия клада в обращении участвовали монеты разных весовых норм, сменивших друг друга в период 822–830-х гг.х. (1419–1430-х гг. н.э.).

Борисковский комплекс представляет собой ценный источник по истории монетного обращения Среднего Поволжья в XV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Купцов А.Е., Бугарчев А.И. Клад джучидских монет XV в. из Ульяновской области // Нумизматические чтения ГИМ. Мат-лы докладов и сообщений. / Отв. ред. Е.В. Захаров. М., 2018. С. 92–104.
2. Рева Р.Ю. Мухаммад-Барак и его время // Нумизматика Золотой Орды. № 5. Казань, 2015. С. 80–104.

Сведения об авторах: Алексей Игоревич Бугарчев – лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: abugar.61@rambler.ru

Олег Витальевич Степанов – член Всетатарского общества краеведов (Казань, Российская Федерация)

**ABOUT THE GOLDEN HORDE COIN HOARD
OF THE 15TH CENTURY FROM THE VILLAGE OF BORISKOVO (KAZAN)**

A.I. Bugarchev

*Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov
of the Tatarstan Academy of Sciences*

O.V. Stepanov

All-Tatar Society of Local Historians

This work is devoted to the publication of a new hoard of Golden Horde coins found in the vicinity of Kazan. The total number is 119 silver coins from the first half to the middle of the 15th century, of which 112 akche were minted at Bulgar mints, and 7 coins belong to the production of southern mints. At the end of the article, a photo table with images of individual hoard coins is provided.

Keywords: coin, hoard, Muhammad, Bulgar Vilayat, Boriskovo, 15th century

About the authors: Alexey I. Bugarchev – Laboratory Assistant-Researcher, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: abugar.61@rambler.ru

Oleg V. Stepanov – Member of the All-Tatar Society of Local Historians (Kazan, Russian Federation).

**«ТАТАРЫ, СОХРАНЯЯ В ПАМЯТИ МЕСТО ДРЕВНЕГО СВОЕГО ЖИЛИЩА,
НАЗЫВАЮТ ЕГО ПОНЫНЕ ИСКИ КАЗАНЬ, ТО ЕСТЬ СТАРАЯ КАЗАНЬ»
(к 30-летию со дня основания Иске-Казанского государственного
историко-культурного и природного музея-заповедника)**

Р.Р. Фахрутдинов

Казанский федеральный университет

Цель исследования: предлагаемая статья посвящена 30-летию со дня основания Иске-Казанского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника. Дается описание археологических памятников, входящих в состав заповедника. На основе археологических материалов и исторических источников рассматривается один из крупнейших памятников средневековой археологии Северо-западных территорий Золотой Орды, представленный двумя археологическими памятниками – Камаевским городищем (XIV–XVI вв.) и Русско-Урматским селищем (XIII–XV вв.), которые представляют остатки крупного средневекового города, вошедшего в историографию под названием Иски-Казань. В статье прослеживаются основные этапы становления и развития Иски-Казани, показана роль Иски-Казани в общей истории древней Казани, в качестве центра Казанского княжества в конце XIV – первой половине XV в.

Рассматривается материальная культура памятников, кратко анализируются письменные источники, прослеживается историография изучения памятника отечественными исследователями. Утверждается тезис о соответствии памятников Иски-Казани (Камаевское городище и Русско-Урматское селище) летописной Казани XIII–XV вв.

Ключевые слова: Золотая Орда, северо-западные территории Улуса Джучи, золотоордынская археология, Иске-Казань, археологические памятники, материальная культура, письменные источники, Камаевское городище, Русско-Урматское селище, Иске-Казанский государственный историко-культурный и природный музей-заповедник

В этом году исполнилось 30 лет со дня основания Иске-Казанского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника, который расположен в окрестностях деревень Камаево, Русский Урмат и Татарская Айша Высокогорского района Республики Татарстан. Музей был основан в 1992 году по инициативе руководителя Иски-Казанской археологической экспедиции, доктора исторических наук, известного татарского историка и археолога Фахрутдинова Равиля Габдрахмановича (Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 14.04.1992 г. № 228). Иски-Казанский комплекс памятников является одним из крупнейших археологических памятников северо-западных земель Улуса Джучи и представлен двумя памятниками: Камаевским I (Иске-Казанским) городищем (6,12 га), который расположен у с. Камаево Высокогорского района Республики Татарстан, а также русско-Урматским I селищем в (124 га), между деревнями Камаево и Русский Урмат в нескольких километрах от Камаевского городища. В целом Иски-Казанские окрестности представлены историко-археологическими памятниками эпохи первобытности, раннего, развитого, а также позднего средневековья. И в этом отношении данный памятник является одним из значимых археологических и историко-культурных объектов Татарстана, да и всего Среднего Поволжья.

Заселение данного района началось еще в первом тысячелетии до н.э., в период ананьинской археологической культуры, когда весь средневожско-приуральский регион вошел в широкий контакт с целым рядом народностей и племен Евразии, в том числе и с южным скифо-сарматским миром Северного Причерноморья. Именно о таких связях в значительной степени свидетельствуют найденные под Иске-Казанским городищем два скифских бронзовых зеркала т.н. ольвийского типа VI в. до н.э. Эти зеркала являются уникальными не только для Татарстана, но и всего древнего Волго-Камья и связаны возможно с ананьинской культурой. Следовательно, район Иске-Казани, судя по этим редким памятникам, еще с древних времен вошел в сферу исторических связей северной зоны Пердкарья с античным миром. Непосредственно с ананьинской же культурой связано т.н. II Камаевское городище, расположенное в непосредственной близости, к западу за оврагом от основного Камаевского (I Камаевского) городища.

В последующий историко-археологический период – в I тысячелетии н.э. – описываемый лесной северный район частично был заселен местными финно-угорскими племенами, о чем в некоторой степени свидетельствуют отдельные небольшие поселения и местонахождения керамики чуть выше по Казанке.

Более интенсивное заселение района началось позднее – с начала II тысячелетия, более конкретно с XI–XII вв. и связано с тюркоязычными булгарскими и родственными им племенами.

Как известно, в XII в. происходит расширение территории Волжской Булгарии, которое было связано с ростом ее социально-экономической силы, и непростыми отношениями с северо-восточной Русью. Так начинается активное освоение северных земель, прежде всего долины Казанки и Меши. Именно в это период здесь возникает значительное количество болгарских поселений, одно из которых и представлено Русско-Урматским I селищем. Надо полагать, что именно Русско-Урматское селище и становится со временем одним из центров экономической, а затем и политической консолидации тюркского населения этих земель. Бурные и во многом драматичные события в Улусе Джучи в конце XIII в. непосредственно затрагивают и Северный Улус Золотой Орды. Значительная часть населения центральных земель бывшей Волжской Булгарии активно начинает заселять более северные земли. Очевидно, что с населением сюда уходит и военно-политические силы Закамья. Эти события достаточно ярко отражены в татарских летописях и сохранились в народных преданиях. Так, в VI главе «Дастан фи-т-тарих», т.е. повествование по истории, известного исторического сочинения «Дафтар-и Чингиз-намэ», составленного в конце XVII – начале XVIII в. говорится, что после разрушения города Булгара два оставшихся в живых царевича – Алтын-бек и Алим-бек [1, с. 303–348]. Об этом же событии рассказывается в целом ряде других татарских рукописей XVII–XVIII вв.: в рукописях по И.Г.Георги, К.Ф.Фуксу, И.Ф.Яковкину, в «Ферхег-намэ», «Таврих уд-Даваир», «Беан дастан уд-Тарих», в «Повести о несгораемой царевне», в многочисленных вариантах татарского устного народного творчества. С.М. Шпилевским же были собраны все имевшиеся к тому времени татарские летописи, а также предания, связанные с возникновением Старой Казани [5, с. 68–87].

Так в районе относительно спокойного лесного севера, в среднем течении Казанки и возникает крупная военная крепость. А наличие крупного поселения (Русско-Урматское селище) постепенно способствует формированию нового центра в северной зоне Среднего Поволжья. Так собственно и возникла Иски-Казань (конечно в то время Казань). Именно Иски-Казань вскоре становится новым политическим, экономическим и культурным центром Среднего Поволжья, а затем и Казанского княжества.

Город, получивший название Казань, его богатая материальная культура, выявленная археологическими исследованиями, свидетельствует о функционировании здесь крупного средневекового города. Находки весьма разнообразны: ювелирные изделия, орудия труда, оружие, керамика, крупные производственные комплексы, представленные гончарными и металлургическими и горнами, эпиграфические памятники, нумизматика и др. В целом, археологический материал с городища несколько отличается от находок с селища. Если на селище материал представлен в основном простой керамикой, бытовые предметы и железные орудия труда, гончарные горны, немногочисленные медные монеты. На городище же находки намного богаче и разнообразнее: поливная, изразцовая т.н. тимуридская керамика, различное оружие, огнестрельное оружие (металлические ядра). Если на селище – материал, в основе своей относящийся к булгарской культуре, то на городище значительная доля нижеволжской, собственно золотоордынской материальной культуры (керамика с редким лощением, с розовой или ангобированной поверхностью, погребение кипчака и др.). На городище несравненно больше серебряных джичидских (золотордынских монет) XIV и в основном XV в. Наличие большого количества серебряных монет, заготовки для чеканки монет свидетельствует о том, что Казань была центром чеканки золотоордынских монет на севере. Монеты преимущественно XV в.

В последующее время месторасположение города в среднем течении Казанки, в значительном отдалении от Волги, растущие производственные силы города, его численность населения, а также политические устремления элиты Казани привели к переносу основной части населения города и военно-политической элиты в устье Казанки. Именно здесь по мнению ряда исследователей, начиная с X в. существовало крупное военное поселение Перенос столицы княжества Казани достаточно ярко отражен в татарских источниках и народном фольклоре.

С переносом Казани постепенно приходит в упадок и прекращает свое существование посад города (Русско-Урматское селище). Кремль города (Камаевское городище) продолжал существовать

еще длительное время в качестве военной крепости. В последний раз Иски-Казань упоминается в русских летописях под 1536 годом в связи с казнью там казанского хана Джан-Али.

Помимо своей основной цели в качестве военно-стратегического пункта по охране северных земель ханства, Иске-Казанская крепость сыграла дополнительную роль в качестве своего рода бастиона-тюрьмы, где, видимо, содержались и военнопленные. Именно о пленниках в определенной степени свидетельствуют и археологические находки, например, некоторое количество православных крестиков. Очевидно сюда, в Иски-Казанскую крепость и была переправлена значительная часть военнопленных в период 1551–1552 гг.

В результате похода большого отряда русского войска в Заказанье в сентябре 1552 г. перед штурмом города Казани армией Ивана Грозного, Иске-Казанский городок был взят и ликвидирован как военный форпост.

Кроме Камаевского городища и Русско-Урматского селища необходимо упомянуть еще один памятник, относящийся к древней Казани. Речь идет об Иске-Казанском кладбище, недалеко от городища. До начала 60-х годов XX в. на его территории находилось три надгробных камня XV, XVI и XVII вв. После попытки их разрушения в 60-е гг. XX в., они были перенесены на территорию действующего кладбища деревни Мульма в 3 км от данного памятника; один из них, камень XV в. в настоящее время находится в Иске-Казанском музее.

В последнее время среди общественности началось муссирование совершенно нелепой мысли о существовании некой «Ички Казани», и тем самым ставится под сомнение вопрос о ранней истории Казани. Поскольку такая трактовка нивелирует роль Иски-Казани в общей истории средневековой Казани, постольку необходимо вкратце проследить историю изучения данного памятника в отечественной исторической науке, рассмотреть основные позиции исследователей в интерпретации археологического объекта.

В русских писцовых книгах, составленных через 13–16 лет после завоевания Казанского ханства, т.е. в 1565–1568 гг., он упоминается как место Иски-Казани, а находившееся рядом село – Князь-Камаево (современное Камаево) по имени казанского князя Камая, известного по русским источникам во время взятия Казани (очевидно, село было вотчиной этого князя). В последующих документальных материалах (переписные книги 70-х годов XVIII в., т.н. «Акты генерального межевания» и др.) село также именуется как Князь-Камаево, иногда с дополнением «Иски-Казань – Камаево» или сокращенно «Искамаево» – так называлось оно местным татарским и русским населением почти до последнего времени [2, с. 116–120].

В писцовых книгах сер. XVI и нач. XVII вв. зафиксирована и близлежащая деревня татарская Айша. В известном татарском историческом сочинении «Таварихе Болгария», написанном в нач. 50-х годов XVI в., эта деревня названа «Гайшэ бикэ авылы» (деревня Гайшэ-бикэ) в честь героини «Повести о несгораемой царевне».

Памятники Старой Казани и ее ближайшей округи исследуются с конца XVIII в. Вначале это были первые полевые описания, сделанные историками-любителями и географами-путешественниками при попутном сборе у местного населения исторических рассказов и преданий о возникновении Казани, а также некоторых остатков материальной культуры на ее территории (И.Г.Георги, Д.Зиновьев, И.Ф.Яковкин, М.С.Рыбушки, Н.Н.Кафтанников, П.Малов, Х.Фаизханов). Так, Н.П.Рычков, посетивший городище в 1770 г., отметил «татары, сохраняя в памяти место древнего своего жилища, называют его поныне Иски Казань, то есть старая Казань» [3, с. 1].

Именно об Иски-Казани писал И.Г.Георги в 1772 году при возвращении из научной командировки в Сибирь «следы прежнего заложения Казани под именем Иски Казань весьма приметны» [4, с. 120]. И.Г.Георги впервые ознакомил научную общественность с татарскими источниками об истории старой Казани. Все последующие исследователи, описывая памятник, подчеркивали его историческое название, а именно в форме Иски-Казани. Позднее К.Фукс в работе «Краткий курс истории Казани» также приводит отрывок из татарских рукописей об Иски-Казани, позднее ставшей известной как один из вариантов «Дафтара». Подобные же сюжеты о Старой Казани мы встречаем также в работах татарских просветителей: И.Хальфина, К.Насыри, Х. Фаизханова.

Позднее, с начала XX в., такие же поиски с небольшими археологическими раскопками при параллельном изучении эпиграфических памятников проводили члены ОАИЭ при Казанском университете, некоторых других московских и казанских обществ (В.Л.Борисов, И.Н.Смирнов, П.А.Пономарев, М.М.Хомяков, И.Н.Бороздин, Али-Рахим).

В 1950-х годах там работала археологическая экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР и Казанского университета под руководством Н.Ф.Калинина, в 1960 г. небольшие исследования на иске-казанских памятниках проводила Поволжская археологическая экспедиция, руководимая А.П.Смирновым. С 1972 по 1989 гг. памятники Старой Казани исследовались Иски-Казанской археологической экспедицией ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР под руководством Р.Г.Фахрутдинова и при участии А.Г.Мухамадиева, Н.А.Кокориной и Р.Р.Фахрутдинова (в 1969–1970 гг. Р.Г.Фахрутдиновым же была проведена первая сплошная археологическая разведка бассейна верхнего и среднего течений Казанки с выявлением целого ряда новых памятников XII–XVI вв). Небольшая часть сохранившихся материалов дореволюционных поисков находится в Объединенном гос. музее Республики Татарстан и Национальном музее Финляндии (Хельсинки); материалы раскопок А.П.Смирнова в Государственном историческом музее (Москва), Н.Ф.Калинина – в Казанском университете, Р.Г.Фахрутдинова – в Иске-Казанском музее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Катанов Н.Ф., Покровский И.М. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). Казань, 1905. Т. XXI, вып. 4. С. 303–348.
2. Малов П. Городище Старая Казань и город Арск. // ЗАО, СПб., 1853. Т. V. С. 116–120.
3. Рычков Н. Продолжение журнала или дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1772. 585 с.
4. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Изд-во «Наука», 1984. 215 с.
5. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

Сведения об авторе: Раиль Равилович Фахрутдинов – доктор исторических наук, заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования (на базе Института всеобщей истории РАН) Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6798-8904. E-mail: fahrutdinov.rail@mail.ru

**“THE TATARS, WHILE KEEPING THE MEMORY OF THEIR ANCIENT DWELLING PLACE,
STILL CALL IT ISKE KAZAN, THAT IS, OLD KAZAN”
(to the 30th anniversary of the founding
of the Iske-Kazan State Historical, Cultural and Natural Museum-Reserve)**

R.R. Fakhruḍdinov
Kazan Federal University

This article is dedicated to the 30th anniversary of the founding of the Iske-Kazan State Historical, Cultural and Natural Museum-Reserve. It describes the archaeological sites that are part of the reserve. Based on archaeological materials and historical sources, one of the largest monuments of medieval archaeology of the North-Western territories of the Golden Horde is considered, represented by two archaeological sites – the Kamaevskoe settlement (14th – 16th centuries) and the Russko-Urmatskoe settlement (13th – 15th centuries), which represent the remains of a large medieval city known as Iske-Kazan in historiography. The article traces the main stages of the formation and development of Iske-Kazan, shows the role of Iske-Kazan in the general history of ancient Kazan, as the center of the Kazan principality in the late 14th – early 15th centuries. The material culture of the monuments is examined, written sources are briefly analyzed, and the historiography of the study of the monument by domestic researchers is traced. The thesis is put forward that the monuments of Iske-Kazan (Kamaevskoe settlement and Russko-Urmatskoe settlement) correspond to the records of Kazan in the chronicles of 13th – 15th centuries.

Keywords: Golden Horde, north-western territories of Ulus of Jochi, Golden Horde archaeology, Iske-Kazan, archaeological monuments, material culture, written sources

About the author: Rail R. Fakhruḍdinov – Dr. Sci. (History), Head of the Department of Historical and Social Science Education (on the basis of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences) of the Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6798-8904. E-mail: fahrutdinov.rail@mail.ru

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД КАЗАНСКОГО ХАНА ИБРАГИМА В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ РУССКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ

А.В. Аксанов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

В данной работе анализируются летописные известия о походе казанских войск в Вятские земли в 1478 году. Этот поход известен только по данным русских летописей. Самое раннее летописное известие, составленное современником событий, говорит о том, что в результате похода вятские города подчинились казанскому хану. Тогда как поздние летописи описали это событие противоположным образом. При описании похода москвичей на Казань, летописец-современник умалчивает о результатах экспедиции, а поздние источники уточняют, что штурму Казани помешали неблагоприятные погодные условия, но, несмотря на военную неудачу, казанский хан якобы заключил мир на условиях Москвы. Текстологический анализ летописных известий показывает, что более поздние сообщения не подтверждаются независимыми источниками и являются результатом редактирования официального летописания в пользу представлений об исконности власти московских государей над Вятской землей.

Ключевые слова: Московское государство, Казанское ханство, летописи

Судя по данным источников, 1470-е годы – «темное время» в истории Казанского ханства. Вероятно, в сознании летописцев 70-е годы ассоциировались с другими важными событиями: во внешней политике Москвы на первый план вышла борьба с Большой Ордой и пролитовской партией в Новгороде [8, стб. 170–309; 9, с. 162–213; 10, с. 142–212; 12, с. 288–329; 13, с. 278–284; 14, с. 128–150, 298–316; 15, с. 43–49]. Более чем за десятилетие в поле зрения летописцев попали лишь два события, связанных с московско-казанскими отношениями – это поход казанцев на Вятку в начале 1478 г. и военная экспедиция московских войск на Казань, состоявшаяся весной того же года.

Очень краткое сообщение о конфликте 1478 г. содержится в Московском летописном своде конца XV века. По словам летописца, «тое же зимы Казанской царь ходил на Вятку и много полону поимал, и секл и грабил через роту свою, а грады дашася за него». Далее идет рассказ о реакции московского правительства: «Тое же весны князь велики отпустил рать судовую на Казань, воевода большей Василен Федорович Образец, а из Новгорода пошли под Казань маа 26 вторник» [12, с. 323; 4, с. 117; 10, с. 189]. О результатах похода Федора Образца летопись не сообщает.

Дополняют и, в то же время, противоречат Московскому своду такие источники, как Летописный свод 1497 г., свод 1518 г. и Воскресенская летопись. Московский летописец писал, что «грады дашася за него», но авторы более поздних сводов описали неудачный поход армии Ибрагима: «Града же ни единого не взя и множество Тотар оу него от вятчан под градом избиено бысть» [9, с. 199; 14, с. 147, 312; 11, с. 196]. Эти источники подробнее, чем Московский свод, рассказывают о весеннем походе на Казань: «Они же (князь Семен Иванович и Василий Федорович. – А.А.) плениша землю их по Волзе, множество исекоша и иных плениша и предоша ко граду, нача стрелятися, бысть буря сильна и дождь и нелзе приступите ко граду. Они же вспятися и сташа на Волзе, а вятчане и оустюжане плениша по Каме, множество бесчисленное исекоша, а иных в полон поимаша. Царь же посла с челобитием к великому князю, и оумиристася, яко же оугодно есть великому князю» [9, с. 199–200; 11, с. 196–197; 14, с. 148, 312].

Пространный рассказ Софийской второй летописи связывает конфликт 1478 г. с новгородскими событиями. По свидетельству летописца, поводом к нападению казанцев на Вятку стала дезинформация хана относительно результатов похода Ивана III на Новгород весной 1478 года. К Ибрагиму пришла весть о разгроме московских войск, чем он воспользовался, напав на Вятку. Согласно софийскому летописцу, «потом царю прииде праваа весть, что взял князь велики Новгородъ и наместники посажа, и посла царь казанскыи, и велель скоро воем своим възвратитися. Они же слышавше, толь скоро бежаша, елико варяху в котлех еству, все опрометаша» [8, стб. 285].

Составитель Софийской второй летописи сообщает и об ответном походе русских на Казань: «Посла князь велики рать свою на Казань воевод Василья Обрасца в судех да Бориса Слепца. И посла царь казанский с челобитьем к великому князю, князь же велики пожалова его» [8, стб. 286].

Таким образом, даже в официальном летописании наблюдается разброс мнений относительно событий 1478 года. Можно выделить, как минимум, три взгляда на произошедшее: наиболее ранняя запись автора Московского летописного свода; статья, вошедшая в Воскресенскую летопись, Летописный свод 1497 г. и Летописный свод 1518 г.; и, наконец, сообщение Софийской второй летописи.

Неоднозначно представлен и поход русских на Казань. Московский летописец ограничился сообщением, что Иван III отправил воевод на Казань. В Летописном своде 1497 г., своде 1518 г. и Воскресенской летописи рассказывается, что угроза осады Казани была снята самой стихией, хотя, после погрома приволжских и прикамских поселений, хан вынужден был пойти на мир.

Интересные сведения содержатся в Устюжской летописи. Она рассказывает о походе казанцев не только на Вятку, но и на Устюг. По данным летописца, поход на Устюг был продолжением военной операции против Вятки. В результате казанцы не дошли до Устюга – Ибрагим «воротился» [15, с. 48]. Устюжский книжник согласился с утверждением официальных летописцев, что хан «города ни единого не взял» [15, с. 48], однако не подтвердил их известие о походе русских на Казань.

С.М. Соловьев указал на расхождения в источниках относительно вятского похода казанцев, но не обратил внимания на различия в трактовках ответной экспедиции москвичей. Поэтому ученый не стал делать однозначных выводов по первому эпизоду, но, характеризуя поход на Казань, принял более позднюю версию официального летописания и заключил, что «Ибрагим послал с челобитьем к великому князю и заключил мир на всей его воле» [7, с. 67–68]. Необходимо заметить, что историки следующих поколений, вовсе проигнорировав разночтения в летописях, представляли события, целиком положившись на поздние официальные известия [18, с. 43–44; 2, с. 124; 1, с. 36–37; 3, с. 121; 5, с. 138–139].

Возможно, исследователи обошли эту проблему из-за того, что не нашли объяснений противоречивым оценкам. Почему мнение летописца-современника событий, считавшего, что «грады дашася за» казанского хана, через 20–40 лет опровергается, и в летописании распространяется точка зрения, что хан «града же ни единого не взял»? Почему официальные книжники по-разному осветили поход русских на Казань?

Уникальные известия Московского свода созданы по горячим следам минувших событий, предположительно в 1479 году [19, с. 256–283; 6, с. 122–167]. Остальные летописи составлены уже после двух важных событий: похода великокняжеских войск на Казань в 1487 г. и похода русско-татарских войск на Вятку 1489 г. Поход 1487 г. был финальным аккордом междоусобной войны вокруг казанского престола между ханом Ильхамом и его единокровным братом Мухаммад-Амином. Последний, по ходатайству крымского хана Менгли-Гирея и крымской ханбике Нурсултан, как минимум трижды (в 1485, 1486 и 1487 гг.) получил военную помощь от Ивана III. Вынудив казанцев принять на ханский престол Мухаммад-Амина, Иван III не только укрепил союзнические отношения с Крымом против Большой Орды и ВКЛ, но и качнул чашу весов в свою пользу в деле подчинения Вятской земли, которая уже со времен Василия II стала яблоком раздора между Казанью и Москвой. В сложившихся условиях Казань не только перестала препятствовать установлению московского контроля над Вяткой, но и оказала военную помощь великокняжеской рати в походе 1489 г. Вхождение Вятки в состав ВКМ впоследствии могло привести к пересмотру летописной нарративной традиции. В исследованиях С.П. Серкина показаны примеры пересмотра летописцами известий, связанных с историей Вятской земли. Причем, порой, книжники XVI в. редактировали своих предшественников, меняя смысл их сообщений на противоположный. [16; 17]. Как видим, аналогичная судьба постигла и первоначальное известие московского летописца о подчинении казанским ханом вятских городов в 1478 г. Начиная с 1497 г. официальные летописцы стали отрицать этот факт, говоря о том, что хан «града же ни единого не взял».

Очевидно, что и летописная статья об ответном походе московских войск на Казань под пером более поздних летописцев была дополнена новыми апологетическими обстоятельствами, порождающими источниковедческий парадокс. В первоначальном тексте не сообщалось о результатах похода московских воевод на Казань. Подобное умалчивание в летописной традиции обычно указывает на безрезультатность похода, или на провал военной операции. Сообщение о безрезультатности московской экспедиции на Казань, в контексте об успешном походе казанского хана на Вятку, говорит о сохранении значительного политического влияния в регионе Казанского ханства. Но через 20 лет

ситуация изменилась, начались изменения и в нарративной традиции. В новых политических реалиях казанский хан должен был предстать немощным, неспособным к подчинению вятских городов и отражению военного натиска Москвы. Симптомом тенденциозного изложения событий 1478 г. является и сообщение о неблагоприятных погодных условиях, помешавших воеводам подойти к Казани. Подобным образом, эти же летописцы объясняли провал второго похода Ивана IV на Казань (1549–1550 гг.). Но в последнем случае сообщение о непогоде, как об основной причине провала похода, опровергается независимыми источниками, указывающими на отступление царских войск из-за больших военных потерь. Поэтому можно допустить, что и при описании похода 1478 г. данный элемент служил лишь для того, чтобы оправдать неудачи московских войск, не предавая значение военному потенциалу противника.

Такой взгляд на положение Казани доминировал в умах составителей летописных сводов, среди которых были авторы Летописного свода 1497 г., Софийской второй, Уваровской и Воскресенской летописей. Отсюда расхождения в источниках. Если для современника событий – московского летописца 1479 г. – нет ничего удивительного в том, что хан Ибрагим захватил вятские города и успешно отразил натиск московских воевод, то для более поздних летописцев это представляется немыслимым.

По этим же причинам Московский свод не сообщает об итогах ответного похода воевод великого князя, а другие источники повествуют о челобитье казанского хана к великому князю, который «пожаловал его». В данном случае наблюдается некая «модернизация» явлений: летописцы конца XV–XVI в. представили события 1478 г. в свете политических реалий более позднего времени.

Таким образом, события 1478 года оставляют много вопросов. Информация в приведенных статьях крайне скудна, но иных сведений о московско-казанском конфликте в нашем распоряжении нет. Судя по всему, у большинства летописцев указанные события не вызвали интереса, а книжники, обратившиеся к этой проблеме, имели довольно смутное представление о случившемся. Историки, невзирая на расхождения в источниках, сошлись на мнении, что в 1478 г. казанцам не удалось подчинить вятские города, а поход москвичей на Казань завершился подписанием договора на условиях великого князя. Однако, как было показано, подобные выводы противоречат более ранним официальным известиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
2. Базилевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства во второй половине XV века. М.: Изд-во МГУ, 1950. 543 с.
3. Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. 567 с.
4. Иоасафовская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 239 с.
5. Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
6. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV веков. М.: Наука, 1976. 283 с.
7. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 3. Т. 5–6. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989. 783 с.
8. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 6. Софийская вторая летопись. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. VIII + 446 стб.
9. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. X + 302 с.
10. ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 266 с.
11. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. XII + IV + 272 с.
12. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
13. ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 418 с.
14. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.: Наука, 1963. 411 с.
15. ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.
16. Серкин С.П. Фальсификация строк летописей ПСРЛ о вятчанах и городах Вятской земли в конце XV в. // Вопросы истории. 2019. № 9. С. 88–97.

17. Серкин С.П. Спорные вопросы истории Вятской земли XV–XVI вв. // Золотоордынское наследие: Материалы VII Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России», Казань, 14–16 декабря 2022 г. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2023. С. 196–212.
18. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с., карт.
19. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 372 с.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8970-5880. E-mail: aksanov571@gmail.com

THE LAST CAMPAIGN OF THE KAZAN KHAN IBRAHIM IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN CHRONICLERS VIEWS

A.V. Aksanov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

This article analyzes the chronicle accounts of the campaign of Kazan armies into the Vyatka lands in 1478. This campaign is only known from Russian chronicles. The earliest chronicle account, written by a contemporary of the events, states that as a result of the campaign, the Vyatka cities were subordinated to the Kazan Khan. However, later chronicles describe this event in the opposite way. When describing the campaign of the Muscovites against Kazan, the contemporary chronicler remains silent about the results of the expedition, while later sources clarify that the storming of Kazan was hindered by unfavorable weather conditions, but despite the military failure, the Kazan Khan allegedly made peace on Moscow's terms. Textual analysis of the chronicle accounts shows that the later reports are not confirmed by independent sources and are the result of editing of official chronicles in favor of ideas about the legitimacy of Moscow rulers' power over the Vyatka land.

Keywords: Moscow state, Kazan khanate, Chronicles

About the author: Anvar V. Aksanov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8970-5880. E-mail: aksanov571@gmail.com

КАЗАНСКИЙ ПОХОД ИВАНА ГРОЗНОГО 1552 Г.: ОПЫТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИТИНЕРАРИЯ

К.Ю. Ерусалимский

Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Цель исследования: создать полный итинерарий похода Ивана Грозного на Казань от принятия решения о его подготовке в марте – апреле 1552 г. до его завершения и крещения татарских правителей в январе – феврале 1553 г.

Материалы исследования: тексты летописей, сочинений Ивана Грозного и кн. А.М. Курбского, «Казанской истории», «Троицкой повести», посольских книг.

Новизна и результаты исследования: Инструментом в идеологическом обосновании и информационном сокрытии похода были торжественные поездки на богомолье, слухи о приближении полков московского царя к Туле, день за днем изложенное по станам в летописи движение царя от Мурома в Свяжск, а затем подробный рассказ об окружении и первых боях за Казань, после чего «стояние» под Казанью представлено как доказательство личного участия и упорства Ивана IV в завоевании Казанского царства. Не менее значимы первые мероприятия в Казани, на пути в Москву, в самой Москве и в Троице-Сергиевом монастыре по идеологическому закреплению результатов «Казанского взятия». В данном случае источники содержат разногласия, которые отчасти вызваны также первыми попытками включить завоеванное царство в состав Московского государства как новой христианской общности.

Ключевые слова: Казанский поход 1552 г., Иван Грозный, итинерарии московских царей, идеология Московского царства

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 21-18-00181 «Итинерарии власти. Передвижения правителей России и Западной Европы в политической культуре XVI – начала XVII в.» (руководитель – В.В. Шишкин). Отдельно выражаю благодарность Райнхарду Фрётчнеру (Мюнхен) за помощь в доступе к исследованию Ф. Кемпфера.

В истории Казанского похода Ивана Грозного 1552 г. множество дискуссионных вопросов. Им посвящена обширная научная литература. Между тем из всего комплекса дискуссий трудно составить полный взгляд на участие самого молодого российского царя в походе. Предлагаемый ниже итинерарий Ивана IV охватывает период от весны 1552 по начало 1553 г.¹ Основным источником для него служат официальные московские летописные своды 1550-х – 1560-х гг., Лицевой летописный свод и «Казанская история». В меньшей мере – не столь информативные с выбранной точки зрения акты, эпистолярные послания, посольские и разрядные книги, «Степенная книга» и «История о делах великого князя московского» кн. А.М. Курбского. Все названные источники вызывают в свою очередь разногласия в науке относительно их датировок и полноты [8, с. 402–515; 17; 20; 16, с. 115–119; 1, с. 41–49, 224–252].

Источниковедческое исследование каждого привлекаемого памятника позволяет заострить дискуссионные вопросы, однако представляется оправданным и рассмотрением данных вопросов фрагментарно, на фоне всего комплекса доступных данных о каждом перемещении царя. Однако основным предметом данной работы является порядок датировок и локализаций в итинерарии Ивана Грозного в канун, во время и в первые месяцы после похода. Отвечают этим задачам только те известия, которые фиксируют местонахождение или перемещение царя на точный хронологический момент (до дня, недели или месяца). В научной литературе многократно пересказывались основные моменты похода и осады, однако меньше внимания уделялось обратному пути царского войска, да и биографическая информация источников о событиях до октября – ноября 1552 г. использовалась вы-

¹ См. Приложение.

борочно [см., например: 6, стб. 83–122; 12, с. 441–462; 15, с. 149–155; 2; 5, с. 138–199; 7, с. 258–273; 3, с. 322–338].

Полный свод датированных и локализованных данных позволяет служить отправной точкой для суждений о том, как вырабатывались и воплощались в жизнь логистические решения в период подготовки и начала военных действий, какую роль в нем играли решения высшего командования и лично царя, как влияло присутствие Ивана IV под стенами Казани на боевые действия и осаду и как видел царь и его окружение в первые дни и недели после завоевания Казани дальнейшую судьбу Казанского ханства.

Решение о походе на Казань было принято между советом царя с митрополитом 24 марта и датированным лишь до месяца – апрелем 1552 г. советом царя с кн. Юрием Васильевичем, кн. Владимиром Андреевичем и боярами. Вероятно, решение идти в поход было принято около середины апреля, когда прекратилась до конца ноября выдача именных грамот от лица царя². А.М. Ермушев допускает, что «в Москве в конце мая 1552 г. состоялось новое правительственное совещание, итогом которого явилось решение об активизации и завершении в ближайшее время подготовки к наступлению на Казань, а также разработка детального плана похода» [5, с. 165]. Как представляется, точнее было бы отнести и это решение, и само совещание к началу мая – в ряде источников оно датируется 9 мая 1552 г.³

Со времен Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева дискуссию вызывает посещение Иваном IV Троице-Сергиева монастыря перед походом на Казань. Звучал тезис о том, что это не факт, а литературно-публицистическая фикция. С.Х. Алишев и А.В. Аксанов не учитывают этой поездки ни накануне 16 июня, ни в первые дни после выхода царя из Москвы [2, с. 116–119; 1, с. 232–234]. Д.А. Котляров пишет: «В ЛНЦ о поездке царя в Троице-Сергиев монастырь перед решающим походом на Казань не сообщается» [7, с. 266]. Эту поездку все же следует признать возможной, учитывая, что она упомянута не только в Троицкой повести, но и в Казанской истории и Пространной Разрядной книге в так называемой редакции 1605 г., с обстоятельствами, которые не расходятся с летописными данными о выезде в Остров. Впрочем, датировки в данном случае могут быть лишь предварительно намечены и отнесены к кануну выступления царя в Коломну. Ф. Кемпфер считает, что поездка в Троице-Сергиев монастырь действительно произошла перед началом Казанского похода и приводит в качестве параллели и образца для подражания царя «Сказание о Мамаевом побоище», согласно которому Дмитрий Донской заручился поддержкой Сергия Радонежского перед Куликовской битвой. По мнению исследователя, после богомолья в Троице царь еще вернулся в Москву и уже из Москвы отправился 16 июня на Коломну [17, S. 48–50]. Однако этот сценарий не представляется возможным: «ногайская» посольская книга и официальная летопись не отмечают никаких поездок царя в конце мая – начале июня 1552 г. и практически день за днем фиксируют его активность в Москве. Вероятен другой сценарий – царь направился в Троице-Сергиев монастырь, уже выйдя из Москвы 16 июня⁴.

Датой проведения совета в Коломне после отступления Девлет-Гирея С.Х. Алишев считает 1 июля 1552 г. [2, с. 120]. Однако почему принята именно эта дата? ЛНЦ сообщает о том, что совет состоялся на день раньше⁵. Из издания в издание «Истории России» С.М. Соловьева и книги «Иван Грозный» Б.Н. Флори переходит пометка, отражающая ход событий не к началу июня, а к началу июля: «Иоанн... возвратился в Коломну, куда 1 июня пришли к нему воеводы с тульского дела...» [12, с. 450]; «К 1 июня стало ясно, что хан Девлет-Гирей ушел в Крым «невозвратным путем», и главные силы русской армии во главе с самим Иваном IV двинулись к Казани» [13, с. 45; 14, с. 42]⁶.

Д.А. Котляров отмечает, что после молитвы в Успенском храме Коломны царь «через 3 дня» молится в Успенском соборе Владимира [7, с. 267]. Это неверно – согласно всем данным, путь из Коломны во Владимир занял не три, а пять дней⁷.

Разногласия источников о продолжительности пребывания царя в Муроме разрешил еще Г.З. Кунцевич [8, с. 415]⁸.

² Приложение, 11.4.1552, 15.4.1552, 27.11.1552.

³ Приложение, (9.5).1552.

⁴ Приложение, 16–19.6.1552.

⁵ Приложение, (30.6 или 1.7).1552.

⁶ Ср.: Приложение, (30.6 или 1.7).1552.

⁷ Приложение, 3–8.7.1552.

⁸ См. здесь: Приложение, 10–13.7.1552, 15.7.1552, 20.7.1552, 20.7–1.8.1552.

Переход из Муромы к Свияжску по «станам» изложен на основе летописей еще Н.М. Карамзиным, географические названия позднее были уточнены, а также выявлено соответствие «станов» календарным дням. Можно лишь подправить в целом добротный анализ С.Х. Алишева, уточнив дату стояния царя на Тирен-Узеке (не 21–22 августа, как полагает исследователь, а все же до 23 августа) [6, стб. 93–96; 2, с. 124–127]⁹.

А.Г. Бахтин началом переправы русского войска через Волгу по пути к Казани считает 17 августа, а подход войска к городу датирует 22 августа, тогда как летописи датируют указ царя и начало переправы на день раньше, а разворачивание войска у стен крепости относят к тому же дню, когда к войску подошел Царский полк с самим царем, на день позже [3, с. 331]¹⁰.

Г.З. Кунцевич ошибочно датировал бурю на Волге 23 августа [8, с. 447]. В летописях сочетание денной даты с днем недели исключает эту датировку¹¹.

При всем богатстве и многообразии данных об осаде Казани в нашем распоряжении крайне мало сведений о том, где именно и в какие дни находился Иван Грозный с конца августа по начало октября 1552 г. Это сказывается и на возможностях датировать перемещения царя между шатрами (ставкой) и осаждающими город полками. Велика вероятность, что основные приказы царь отдавал в ходе боев непосредственно из своего военного лагеря на Арском поле и в ряде случаев – из других точек у стен Казани, куда он направлялся, прежде всего, для поддержания боевого духа воинов. Впрочем, хронометрировать эти переходы на основе сохранившихся источников не представляется возможным.

Показательная неточность во многом аккуратного изложения Н.М. Карамзина относится именно к этим событиям – историограф создал выразительный, но не подкрепленный источниками образ царя, который будто бы 5 сентября сам «выехал к укреплениям», чтобы наблюдать, как взрывают подкоп под стеной Казани. Мало того что описываемые события относятся, не к 5, а к 4 сентября, зрелищная сцена появления царя – плод воображения автора начала XIX в. [6, стб. 102–103].

С.Х. Алишев предположил, что 4–5 октября к царю приехали бить челом представители «луговой» черемисы, однако эта дата – предположительная, включать ее в итинерарий не приходится [2, с. 144].

М.Г. Худяков, говоря об окончательном завершении военных действий, пишет: «12 октября Иван IV двинулся в обратный поход» [15, с. 155]. Вернее было бы говорить, что это произошло еще накануне, 11 октября 1552 г.¹²

Требует пересмотра и ряд известий о пути царя от Казани до Москвы. Здесь целый ряд нерешенных и слабо обоснованных датировок, которые нуждаются в дальнейшем изучении: датировки прохождений царем местностей после Нижнего Новгорода, момент получения известия о рождении у царицы Анастасии Романовны сына (царевича Дмитрия), датировка возвращения царя в Москву – конец (между 25 и 29) октября и вплоть до пира в Москве 8–11 ноября 1552 г.¹³

Упомянутую в Царственной книге и Александро-Невской летописи поездку царской семьи в Троицу на крещение сына в декабре удается достаточно точно датировать благодаря посольским книгам¹⁴. Связь между событиями конца 1552 г. и чередой хорошо изученных в науке крещений татарских ханов в Москве в начале 1553 г. – не столь очевидна, однако нельзя исключать, что вопрос о переходе Чингизидов в православие решался после поездки царя в Троице-Сергиев монастырь [18, р. 260–261; 19, р. 294–295; 4, с. 83–84; 11, с. 112, 122]¹⁵.

Таким образом, целостное полномасштабное изучение данных об участии Ивана Грозного в походе на Казань в 1552 г. и его последствиях позволяет не только внести ряд уточнений в сложившийся образ событий, но и пересмотреть особенности их фиксации в источниках, принципы повествования, особенности формирования культурной памяти о Казанском походе и его значении в современной книжности. Нерешенным вопросом все так же остается момент принятия решения о подготовке к походу (конец марта – май 1552 г.). Важным инструментом в идеологическом обосновании и информационном сокрытии похода были торжественные поездки на богомолье, слухи о приближе-

⁹ Ср. здесь: Приложение, 18–22.8.1552, 23.8.1552.

¹⁰ Ср. здесь: Приложение, 16.8.1552, 23.8.1552.

¹¹ Приложение, 24–25.8.1552.

¹² Приложение, 11–12.10.1552.

¹³ Приложение, 11–12.10.1552, 13–(15).10.1552, (16.10 – 7.11).1552, 8.11.1552, 8–11.11.1552.

¹⁴ Приложение, (11)–17.12.1552.

¹⁵ Ср.: Приложение, 8.1.1553, (8–31).1.1553, 26.2.1553, 1–2.3.1553.

нии полков московского царя к Туле, день за днем изложенное по станам в летописи движение царя от Муром в Свяжск, а затем подробный рассказ об окружении и первых боях за Казань, после чего «стояние» под Казанью представлено как доказательство личного участия и упорства Ивана IV в завоевании Казанского царства. Возможно, смена летописных принципов в изложении обратного похода, сказавшаяся на наших возможностях выявить детали возвратного шествия, связана с конфликтами и разногласиями между царем, кем-то из его окружения и воеводами, о чем глухие свидетельства доносят Переписка Ивана Грозного с кн. А.М. Курбским и законченная в эмиграции Курбским «История». Не менее значимы первые мероприятия в Казани, на пути в Москву, в самой Москве и в Троице-Сергиевом монастыре по идеологическому закреплению результатов «Казанского взятия». В данном случае источники содержат расхождения, которые отчасти вызваны также первыми попытками включить завоеванное царство в состав Московского государства, представляемого царем, а также церковной и политической элитой как новая христианская империя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Итинерарий Ивана IV за 24 марта – 17 декабря 1552 г.¹⁶

24.3.1552 (М.) Пр. б. Ивана Шереметева и др. посланников к царю «в навечерие Благовѣщения», т.е. вечером, в канун Благовещения. Вероятно – в Москву. Согласно Ла, царь обращается к митр. Макарию и освященному собору за советом о войне против Казани (Ла–29. С. 171; Лл–20. С. 493).

11.4.1552 М. Гр. в Звенигород кн. Ивану Васильевичу Мезецкому (о правах Савво-Сторожевского монастыря, по челобитью его иг. Филарета с братией) (пб.: АЮ. № 362 (по сп. XVI в., описан как современный сп., столбец); РИБ. Т. 32. Стб. 368–369. № 191 (по сп. XVI в.); Каштанов. № 668).

15.4.1552 М. Гр. старице Анисье Глинской (Ос–137. Л. 1–1 об. (подлинник, печать утрачена); Тр–527–529. № 312; Тр–553, по Ростову. № 40, пб.: АИЯГ. С. 14–16; Каштанов. № 669; Енин 1992. № 148).

24.4.1552 (М.) Пр. служилого татарина Беляка Киикова и вожа Сююнчалае Ордазаева из Темникова от Василия Дмитриева сына Федорова и Еникея Тенишева (ПКН–4. Л. 97, пб.: ПКРНО. С. 82).

25.4.1552 М. Пр. «к Москве» ногайских гонцов-татар Калынчур (Калынчюры) Елтаева от Белека Булата Исенлюля Якшиева от Асана (из Пронска от кн. Михаила Репнина). См. также: «И царь и великий князь велел...» (ПКН–4. Л. 121–121 об., пб.: ПКРНО. С. 94–95).

(?)4.1552 М. Совет по вопросу о начале Казанской войны с кн. Юрием Васильевичем, кн. Владимиром Андреевичем и др. В лет. не говорится, где происходил совет. В Лк–19 прямо названа Золотая палата Кремля: «И призывает к себѣ в великую полату Златую братью свою...» (впрочем, здесь нет точных дат) (Лн–13. С. 177–178; Лц–13. С. 476–477; Лн–29. С. 72–73; Ла–29. С. 171–172; Лл–20. С. 493–494; Лк–19. Стб. 99–103, 379–386).

(?)4.1552 (М.) Пр. («пригонил») Михаила (Михалко) Шипилова от свияжских воевод б. кн. Семена Ивановича (Микулинского) и др. Ряд сообщений затем не датированы: об отп. царского гонца в Нижний Новгород, пр. Ивана (Иванко) Кочергина и др. из Свяги от воевод б. кн. Александра Борисовича (Горбатого) и др. В РК 1598 и РК 1605 отп. кн. А.Б. Горбатого и Д.Р. Юрьева датирован «апреля», «в апреле» (Ла–29. С. 172–173; Лл–20. С. 494–496; РК 1598. С. 134 (л. 132); РК 1605. Т. 1. Ч. 3. С. 408 (л. 265 об.)).

3.5.1552 М. Пр. служилого татарина Баиша Барамшинова из Темникова от Василия Дмитриева и Еникея Тенишева: «Царь и великий князь велел нагайских поставити на Нагайском дворе...» (ПКН–4. Л. 109, пб.: ПКРНО. С. 89).

6.5.1552 М. В пт. пр. кн. Ивана Кашина и Михаила Лыкова «с нагайскими послы к Москве». См. также: «И царь и великий князь велел...» (ПКН–4. Л. 122, пб.: ПКРНО. С. 95).

(9.5).1552 М. Приговор царя о росписи похода на Казань в лет. датирован маем 1552 г. Отпуск воевод на Свягу (в Свяжск), согласно Ла, может относиться еще к апрелю. Упоминание в Лк–19 апрельских событий может быть ошибкой расчетов. Согласно этому памятнику, царь сам отправляется в поход на Казань «по двю мѣсяцу по преже посланными воеводах». При этом Лк–19 повествует о начале похода после празднования Пятидесятницы, что относит упоминания двухмесячной давности не к маю, а к апрелю (см. 16–19.6.1552). Назначение военных сборов в Москву прямо упоминается в Лк–19 (без точных датировок): «...да скоро соберутся в

¹⁶ Условные обозначения: М. – Москва; *скобки* (М.) или (9.5).1552 – предположительная датировка или локализация; (?) – датировка не установлена; *лет.* – летописи; *б.* – боярин; *гр.* – грамота; *ц.* – царь; *кн.* – князь; дни недели: *пн., вт., ср., чт., пт., сб., вс.*; *пр.* – приезд (к царю Ивану IV); *в-д* – выезд; *п-м* – прием (у Ивана IV); *отп.* – отпуск (Иваном IV); *р.* – река; *оз.* – озеро; *Тр.-Ср. мн.* – Троице-Сергиев монастырь. Сокращенные названия летописных сводов и изданий – см. в библиографическом списке (обозначения списков летописных памятников указаны в изданиях, здесь не раскрываются). См. также: *Ник. лет.* – Никоновская летопись, *ЛНЦ* – Летописец начала царства. Знак многоточие (...) во всех случаях привнесен в цитаты, отражая пропуски при цитировании.

преславны град Москву» (вариант: «в пременитый»). Далее в Лк–19 названа дата отпуска воевод к Казани из Москвы: «мая в 9 день». Эта же дата – отп. из Муром в Свяжск по велению царя (в РК 1598: «велел итти... в росписал их по полком»; в РК 1605: «велел господарь царь и великий князь») согласно РК 1598 и РК 1605 (Лн–13. С. 184; Лц–13. С. 482; Лн–29. С. 78; Ла–29. С. 172; Лл–20. С. 499; Лк–19. Стб. 103–105; РК 1598. С. 134 (л. 132 об.); РК 1605. Т. 1. Ч. 3. С. 410).

12.5.1552 М. В чт. п-м ногайских послов Кошхозары (Хошхозары) «с товарищи» «на дворе» царя, «в Столовой избе в брусняной» (ПКН–4. Л. 122–123, пб.: ПКРНО. С. 95–96).

18.5.1552 (М.) Царь слушал ногайские грамоты. Приговор об отп. послов Хошхозара «с таварищи»: «А у себя им на отпуске быти не велел» (ПКН–4. Л. 126 об., пб.: ПКРНО. С. 97).

21 (или 25).5.1552 М. Гр. митр. Макария в Свяжск, отправлена с протопопом Архангельского собора Кремля Тимофеем. Согласно лет., царь совместно с митрополитом лично участвовал в избрании Тимофея в качестве представителя в Нижний Новгород и Свяжск. В день, которым подписано послание митр. Макария, «отпущен протопоп». Денная дата в ранних летописях – 21 мая, в Ла–29 – нет даты (Лн–13. С. 179–184; Лц–13. С. 478–482; Лн–29. С. 75–78; Ла–29. С. 173–176; Лл–20. С. 496–499; АИ. Т. 1. С. 287–290. № 159).

21–22.5.1552 (М.) 21 мая Ногайские послы Кошхозар (Хошхозар) со товарищи на Казенном дворе, отп. в тот же день, на следующий, 22 мая в вс. в-д из Москвы. Царь прямо не упомянут (ПКН–4. Л. 126 об. – 127, пб.: ПКРНО. С. 97).

23.5.1552 М. В пн. пр. ногайских послов Янмагмета «с таварищи к Москве». См. также: «И царь и великий князь велел...» (ПКН–4. Л. 110, пб.: ПКРНО. С. 89).

24.5.1552 (М.) Царь разрешает торг ногайским послам Янмагмету со товарищи (ПКН–4. Л. 110, пб.: ПКРНО. С. 89).

31.5.1552 М. Во вт.: 1) Пр. «к Москве» ногайских послов Байтерека «с таварищи»: «И царь и великий князь велел нагайских послов Байтерека с таварищи поставити под Паншиным...» (ПКН–4. Л. 101 об., пб.: ПКРНО. С. 85). 2) П-м «на дворе» Янмагмета и др., «в Столовой избе брусняной» (ПКН–4. Л. 110 об., пб.: ПКРНО. С. 89).

(?).5.1552 (М.) Пр. царевича Абдаллаха бин Аккубек (Ак-Кобек) бин Муртаза (Кайбуллы Ахкубекова сына). Неясно, куда – вероятно, в Москву (Лн–13. С. 177; Лц–13. С. 476; Ла–29. С. 171).

(?).5.1552 М. Посылка в Городок за Шигалеем, который в ответ на призыв Ивана IV «к Москвѣ приѣхал». В Лц приписка (возможно, поздняя): «велѣ ему быти к себѣ на Москву» (Лн–13. С. 184; Лц–13. С. 482–483; Лн–29. С. 78; Лл–20. С. 499).

2.6.1552 М. В чт. п-м ногайских послов Байтерека «с таварищи» «на дворе» царя, «в Столовой избе в брусняной» (ПКН–4. Л. 101 об.–102, пб.: ПКРНО. С. 85).

5–11.6.1552 М. Пятидесятницу и «всю тую неделю пянтикосную» царь со своими вельможами, согласно Лк–19, празднует, не покидая Москвы. Это следует из фразы о том, что после этого царь «предает славны град Москву в Божии руке и Пречистой Богородицы». Точной даты отправления царя в поход на Казань в Лк–19 нет (Лк–19. Стб. 105).

8.6.1552 М. Царь слушал ногайские грамоты и велел посла кн. Юсуфа, Янмагмета со товарищи «отпусти-ти в Нагаи». Дата «июня 8» приписана над строкой (ПКН–4. Л. 115–115 об., пб.: ПКРНО. С. 92).

9.6.1552 М. Царь слушал грамоты, присланные ногайскими послами Байтереком со товарищи. Приговор о п-ме посла «на дворѣ» царя (ПКН–4. Л. 105 об., пб.: ПКРНО. С. 87).

10.6.1552 М. В пт.: 1) Ногайские послы Байтерек «с таварищи» у царя «на дворе были», «в Столовой избе в брусняной». Отп. послов. В тот же день послы у царя «ели»: «А стол был в Столовой избе в брусняной» (ПКН–4. Л. 106, пб.: ПКРНО. С. 87). 2) П-м и отп. ногайских послов Янмагмета «с таварищи» «на дворе» царя, «в Столовой избе в брусняной». Тогда же послы у царя «ели»: «А стол был в Столовой избе в брусняной» (ПКН–4. Л. 115 об.–116 об., пб.: ПКРНО. С. 92).

14.6.1552 (М.) Во вт.: 1) В-д ногайских послов Байтерека со товарищи из Москвы. См. также: «А велел им царь и великий князь...» (ПКН–4. Л. 107, 117, пб.: ПКРНО. С. 87–88, 92). 2) В-д ногайских послов Янмагмета «с таварищи» и служилых татар Сююнока Тулусупова «с таварищи с Москвы» (ПКН–4. Л. 116 об., пб.: ПКРНО. С. 92).

16–19.6.1552 М. («с Москвы») – село Коломенское («к селу своему Коломенскому») – Троице-Сергиев монастырь («к Живоначалное Троице и преподобному Сергию чудотворцу», «к Живоначалной Троице и ко преподобному Сергию Чудотворцу») – село Остров («к селу своему Острову») – Коломна («на Коломну», «к Коломнѣ», «к Окѣ-рѣцѣ»). В чт. 1-й недели Петрова поста, 16 июня в-д царя «на свое дѣло». Начало Казанского похода. Прощание с ц. Анастасией Романовной не локализовано, но в разделе лет. «О походѣ» говорится, что царь перед походом молился в соборной церкви (Успенском соборе) «царствующаго града Москвы». В Лк–19 также нет упоминаний о других поездках царя между празднованием Пятидесятницы и походом на Казань. Здесь же говорится о молении царя сначала в Благовещенском, а затем в Успенском соборе после прощания с ц. Анастасией Романовной (см. 5–11.6.1552). В тот же день, 16 июня, царь направился в с. Коломенское, а оттуда, согласно лет., – в с. Остров (где «бѣ ему начевати») и в Коломну, куда въехал в вс. 19 июня. Согласно РК 1598 и РК 1605, царь отправился из Москвы в Коломну «в первой четверг, заговор Петрова поста (посту), июня 16 день» (здесь встречается дата в списках РК 1605: 17 июня, но ниже в данной редакции верно – 16 июня). Царь

ожидал вестей о крымском хане, а если бы хан не появился, планировал идти «в Муром, а из Мурома итти по-лем». В Лк–19 выходу царя на Казань из Москвы посвящена отдельная глава 55. Царя провожает «безчисленное множество народа московского». И присутствует точная дата: «Выеждят же царь князь великий из великого своего града столного славныя Москвы в лѣто 7060-го мѣсяца июня в Первую неделю Петрова поста, в 10 час дни, 22-е лѣто от рожения возраста своего. И поиде с Москвы на Коломну...» (вариант: «выежжает», в сп. Б ошибочно денная дата: «июня 2 день», или же это «июня в... день»). Точная до часа дата не содержит денного компонента. Слово о «Первой неделе Петрова поста» вряд ли следует понимать как Петровское заговенье (в 1552 г. – это 12 июня) или Первое вс. после начала поста (19 июня). Вероятно, в Лк–19 названа вся неделя 12–18 июня без уточнения денной даты. Впрочем, в списках Лк–19, сходных с Рум., дата выхода из Москвы в Коломну названа в соответствии с летописными известиями: 16 июня, «на память Тихона, чюдотворца амафасискаго, день неделны». Г.З. Кунцевич отметил ошибку в этой версии текста: «В 1552 г. 16-ое июня было в чет-верг». В то же время именно в Рум. Лк–19 этого текста говорится о том, что, отправив князей, бояр и воевод в Остров, царь велел им там ждать, пока он помолится в Тр.-Ср. мн.: «Пребысть же благовѣрный царь у Живоначалныя Троицы день един и (како) поиде х Коломне». Согласовывая версии официальной лет. и Казанского летописца между собой, можно предположить, что 17 июня царь находился в Тр.-Ср. мн., после чего 18–19 июня через Остров направился в Коломну. РК 1605 также сообщает о поездке царя перед Коломной в Тр.-Ср. мн. В Троицкой повести говорится о решении царя поехать в Тр.-Ср. мн. после совета с кн. Владимиром Андреевичем и «з боляры и воеводами», на котором царь принял решение «итти на Коломну против недруга своего» (точных дат здесь нет, но общая локализация: (Москва) – Тр.-Ср. мн. – Коломна – Ока (Кашира)) (Лн–13. С. 184–187; Лц–13. С. 483; Лн–29. С. 78–80, 82; Ла–29. С. 176–178; Лл–20. С. 499–502; Лк–19. Стб. 105–108, 396. Примеч. и; БЛДР. Т. 10. С. 516–529; РК 1598. С. 135 (л. 134–134 об.); РК 1605. С. 411–412 (л. 267–267 об.)).

19–(20).6.1552 Коломна («на Коломну», «х Коломне»). Пр. Айдара Волжена, который сообщил царю о походе крымского хана. Смотр войска и укреплений на Оке-реке. Царь пишет в Москву жене, ц. Анастасии Романовне, и митрополиту Макарию (Лн–13. С. 187–188; Лц–13. С. 485–486; Лн–29. С. 82; Ла–29. С. 178–179; Лл–20. С. 502–503; Лк–19. Стб. 397–405).

21.6.1552 (Коломна). Пр. гонца из Тулы, «против среды» (т.е. еще во вт.). В списках М и П ЛНЦ здесь рубрика: «13 день о вестех на Коломнѣ про Тулу» (Лн–13. С. 188; Лц–13. С. 486; Лн–29. С. 83; Ла–29. С. 179; Лл–20. С. 503; БЛДР. Т. 10. С. 528–529).

21–22.6.1552 Коломна. Пр. гонца с Тулы от кн. Григория Темкина, когда «часы отдают ночные, против среды» (т.е. в ночь со вт. на ср.). Царь, получив вести о приходе крымских и турецких войск, не завершив за-столья, идет в Успенскую церковь к владыке Феодосию, направляет воевод «своего полку за город и повелѣвает на полах полк строити», а воеводе кн. Ивану Федоровичу Мстиславскому и воеводам полка левой руки велит перейти Оку («рѣку Оку възитися»). Воеводы строят также полки под Коломной («но и поля Коло-меньские их не вмѣщашу» или «не всѣщашу») (Лн–13. С. 188–189; Лц–13. С. 486; Лн–29. С. 83; Ла–29. С. 179; Лл–20. С. 503–504; БЛДР. Т. 10. С. 528–529).

22–24.6.1552 Коломна («на Коломнѣ», «с Коломны») – предместья Каширы («х Коширѣ», «к Кошире», «близ Коширы», «к велицей рецѣ Окѣ»). Получив известия о событиях под Тулой, отслушав богослужение в Успенском соборе Коломны и отдав распоряжения воеводам, царь в тот же день отправился в Каширу, где го-товятся «перевозы на Окѣ». Троицкая повесть говорит о желании царя «возитися за Оку и тамо встрѣтити и битися з безъбожными агаряны». РК 1605 сообщает о достигшем хана слухе о том, что царь идет «х Туле». Здесь же к царю 23 июня приезжает гонец Григорий (Гриша) Сухотин от кн. Григория Темкина. Царь ночует у Каширы с чт. 23-го на пт. 24 июня. Утром 24 июня пр. Бебежа Глебова из Тулы от воевод (Лн–13. С. 189–190; Лц–13. С. 486–487; Лн–29. С. 83–84; Ла–29. С. 179–180; Лл–20. С. 504–505; БЛДР. Т. 10. С. 526–531; РК 1605. Т. 1. Ч. 3. С. 415 (л. 269)).

24.6.1552 Предместья Каширы – Коломна («на Коломну»). Узнав о разгроме войска Девлет-Гирея под Тулой, царь в пт. 24 июня возвращается в Коломну, где его встречают крестной процессией владыка Феодосий с освященным собором и «с всѣм народом». Царь отправляет известие о победе в Москву и на Свягу. Плани-рует поход «х Казани», о чем извещает свияжских воевод (Лн–13. С. 190–191; Лц–13. С. 487–488; Лн–29. С. 84–85; Ла–29. С. 180–181; Лл–20. С. 505; БЛДР. Т. 10. С. 530–531).

26.6.1552 (Коломна). Царь к этому времени «пошел на свое дело х Казани». К царю «на Коломну» отп. из Москвы служилые татары Акчюра Каипов со товарищи, присланные «к Москве» б. Иваном Дмитриевичем Шейным из Городка (ПКН–4. Л. 130–130 об., пб.: ПКРНО. С. 99).

(30.6 или 1.7).1552 Коломна («на Коломнѣ», «на Коломну»). К царю «на Коломну» из Тулы приходят воеводы. Совет с кн. Владимиром Андреевичем и др., «как итти х Казани и на которые мѣста». Царь решает идти на Владимир и Муром, а с воеводами, которые пойдут на Рязань и Мещеру, – сойтись «на Полѣ за Алата-рем» (или: «Алатором»). Денная и месячная дата: в Ник. лет., Лц, Ла и Лл–20 – 1 июля, в ЛНЦ – 30 июня (Лн–13. С. 191; Лц–13. С. 488; Лн–29. С. 85; Ла–29. С. 180–181; Лл–20. С. 505–506).

3–8.7.1552 Коломна – Владимир («ко Володимирю», «в Володимирѣ», «до Володимеря», «во славны град Владимир»). После молитвы в храме Успения («в соборную церковь Пречистые Богородицы») Коломны перед владыкой Феодосием вместе с кн. Владимиром Андреевичем царь отправляется во Владимир в вс. 3 июля, куда приходит через 5 дней в пт. 8 июля. В ЛНЦ денная дата «июля 3» или «июля 3 день» только в списках П и М.

Однако слова «в недѣлю» (т.е. в вс.) читаются в основном тексте или на полях во всех списках, и может относиться до следующей в тексте денной даты «июля 8» только к 3 июля. В Рум. Казанского летописца дата выхода – 4 июля: «И тако поиде с Коломны в Муром мѣсяца июля в 4 день, на память иже во святых отца нашего Андрѣя Крытцкаго, в первое воскресение по Петрове дни». В РК–1605 сходная с Лк–19 дата поездки царя «с Коломны на Володимер и на Муром»: «июля в 4 день на память иже во святых отца нашего Андрея Критцкаго, в первое воскресение после Петрова дни». Г.З. Кунцевич отметил здесь явную ошибку в расчетах, которая также сохраняет в силе версию лет.: «В 1552 г. Петров день был в среду: первое воскресение по Петрове дне было 3-го июля» (Лн–13. С. 191; Лц–13. С. 489; Лн–29. С. 85; Ла–29. С. 181; Лл–20. С. 506; Лк–19. Стб. 112, 406. Примеч. д; БЛДР. Т. 10. С. 530–531; РК 1605. Т. 1. Ч. 3. С. 416–417 (л. 269 об.–270)).

8–9.7.1552 Владимир. Царь молится в храме Успения, обходит святые места и монастыри города («и по всѣм святым мѣстом и по манастырѣм, ту бывшим, обходит», в списках *П* и *М* ЛНЦ вариант: «и ту бывши»). Пр. со Свяги протопопа Кремлевского Архангельского собора Тимофея (Лн–13. С. 191–192; Лц–13. С. 489; Лн–29. С. 85–86; Ла–29. С. 181–182; Лл–20. С. 506).

10–13.7.1552 Владимир («из Володимеря», «из Володимера») – Муром («к Мурому», «в Муром»). Царь отправляется в вс. 10 июля, в ср. 13 июля приезжает в Муром и совершает молитву в храме Рождества Богородицы, обходит святые места «с молением». В Лк–19 говорится, что во Владимире царь «препочи... неделю едину, по церквам ездя и Богу моляся, и милостину нищим дая». Слова о «неделе единой» могут относиться ко всему переходу от Коломны во Владимир (см. также 3–8.7.1552). После этого в Лк–19 сказано, что царь, придя в Муром, «стояше в нем десять дней, собираяся помалу с вонеством и ожидая царя Шигалѣя». Шигалей (Шах-Али) пришел в Муром будто бы (согласно Лк–19) «по днеш 10». Впрочем, о пр. и отп. ц. Шигалея к царю в Муром в Ник. лет. сообщается еще до главки об отп. ертаула, когда царь не был в Муроме и трех дней (см. 15.7.1552). В Рум. Лк–19 содержит точную ремарку: «И прииде в Муром за неделю до Ильина дни, (честнаго собора небеснаго воеводы архистратига Гаврила) того же мѣсяца (в) 13 день (во вторник)». День недели указан в ряде списков ошибочно: 13 июля приходилось в 1552 г. на ср. Пр. митрополичьего боярина с гр. от митр. Макария из Москвы от 13 июля 1552 г. и его отп. с гр. от царя митр. Макарию (Иван IV извещает митрополита, что планирует выйти из Муромы «в среду на Пророка Илиин день», т.е. 20 июля). В списках *М* и *П* ЛНЦ дата в-да из Владимира иная: 11 июня (см. 20.7.1552). У М.М. Щербатова денная дата: «Июля в 15». В Троицкой повести приход царя в Муром датирован июлем 1552 г. Согласно кн. А.М. Курбскому, царь позволил войску, вернувшемуся от Тулы, «опочивати» «аки осм дней» и «по осми днях» направился в Муром. Впрочем, возможно, под походом царя «на мѣсто великое, глаголемое Муром» Курбский подразумевает отправление не из Владимира в Муром, а из Коломны во Владимир с намерением затем идти в Муром (в таком случае слова «аки осм дней» относятся к событиям 24.6.1552 и (30.6 или 1.7).1552. Списки РК 1605 содержат варианты, однако основная дата сходна с лет.: приход царя в Муром отнесен к 13 июля (Лн–13. С. 192–198; Лц–13. С. 489–494; Лн–29. С. 86–91; Ла–29. С. 182–187; Лл–20. С. 506–512; Лк–19. Стб. 112; АИ. Т. 1. С. 290–295. № 160; Щербатов. Т. 5. С. 538–547; БЛДР. Т. 10. С. 530–531; Курбский 2015. С. 32–33).

15.7.1552 Муром. Отп. ертаула во главе с кн. Юрием Ивановичем Шемякиным и кн. Федором Ивановичем Троекуровым. Нахождение царя в Муроме следует из планов предыдущих дней и сообщения о последующем выходе царя. В списках *М* и *П* ЛНЦ нет месячной и денной даты. См.: 10–13.7.1552 и 20.7.1552 (Лн–13. С. 199; Лц–13. С. 495; Лн–29. С. 92; Ла–29. С. 187; Лл–20. С. 512).

20.7.1552 Муром («из Муромы») – Саканский лес («за Оку-рѣку на Саканьской лѣс»). В ср. на Ильин день царь выходит из Муромы и движется в направлении Саканского леса по «станам» (см. 20.7 – 1.8.1552). В списках ЛНЦ дата: «Иулиа 8» (весь заголовок с датой вписан особым почерком). Однако в списках *М* и *П* (и Лл–20) денная дата: 20 июля. Кроме того, день 8 июля в 1552 г. не приходился на среду и не был Ильиным днем. В Лк–19 этот момент описан с патетическими интонациями, однако без точной датировки: «И возвигнувся из Муромы царь князь великий, собрався со всѣми силами рускими, изыде на чистое полѣ на великое». В Рум. Лк–19: «И пребысть в Муроме едину недѣлю; и паки совершив молебная, и поиде из Муромы мѣсяца (июля) в 20 день, (на память святаго и славнаго пророка Или). И тако реку перевезеся (глаголему Оку)». Троицкая повесть говорит о походе царя из Муромы на Казань «подем» (без датировок) и приходе на Свягу. РК 1605 сходно с др. источниками о том, что царь был в Муроме неделю, «а из Муромы пошел тово же месяца в 20 день на память святаго пророка Ильи». Первым делом царь переправился через Оку и, став «в лугех», назначил по разряду воевод (см. 10–13.7.1552) (Лн–13. С. 199; Лц–13. С. 495; Лн–29. С. 92; Ла–29. С. 187; Лл–20. С. 512–513; Лк–19. Стб. 112–114; БЛДР. Т. 10. С. 532–533; РК 1605. Т. 1. Ч. 3. Ч. 417 (л. 270)).

20.7 – 1.8.1552 Муром – р. Велетьма («на лѣсу на рѣкѣ Велетмѣ») – р. Шилекша («на Шилекшѣ») – под Саканским городищем («под Саканьским городищем»), «под Садканским городищем», «на Сокольское городище») – р. Иржа («на полѣ на Иржѣ») – р. Авша («на Авшѣ-рѣчкѣ», «на Явше-рѣчке», «на Явсе-рѣчке», «на Авшеч-реки») – р. Кевса или Кесва («на Кѣвсѣ», «на Кѣсве», «на Кѣве») – оз. Икша («на озерѣ на Икшѣ») – озеро у р. Пьяны («на озерѣ не дошед Пианы-рѣкы» или «Пьяны», «на озере не дошед Пьяны», «на Пьяне», «на Пояне») – оз. Дубровка («на Дубровкѣ-озерѣ») – р. Медянка («на рѣчкѣ на Мѣдянкѣ») – р. Мяня («на рѣчкѣ на Мянни», «на рѣчке на Мянки»). Поход, согласно РК 1605, начался «подем». Первые 11 станом – каждый равен одной ночевке после дневного перехода. Первый стан – в 25 верстах («от города пол–30 верст») от Муромы. На восьмом стане (у р. Пьяны), т.е. 28 июля, к царю пришел из Кородка (Городка) Ак-сеит Черевсеев (Черевсеев)

с городецкими князьями, мурзами и татарами. Реку Пьяну царь перешел днем тут же наведенными мостами, станом на ней не останавливались. На р. Мяни царь был 1 августа, тут царь заходил в воду, и ее святили (Лн–13. С. 199; Лц–13. С. 495; Лн–29. С. 92; Ла–29. С. 187–188; Лл–20. С. 512–513; РК 1605. Т. 1. Ч. 3. С. 417 (л. 270), 419 (л. 271)).

1–3.8.1552 Река Мяня – р. Алатырь («на Алатарѣ-рѣкѣ», «на Алатарь-рѣкѣ», «на Олаторе-рѣчке», «на Алатаре», «на Олатаре-рекѣ») – р. Большая Сара («на Болшом Сарѣ», «на рекѣ Болшом Саре»). 12-й стан был на р. Алатыри, видимо, 2 августа. Здесь пр. кн. темниковского Еникаея с татарами и мордвой. 13-й на Б. Саре – 3 августа (Лн–13. С. 199; Лц–13. С. 495–496; Лн–29. С. 92; Ла–29. С. 188; Лл–20. С. 513).

3–5.8.1552 Река Большая Сара («вверх тое же рѣки Сары», «вверх тоѣ же рѣчки Сары») – р. Сура под Баранчевым городищем («на рѣкѣ на Сурѣ под Баранчѣвым городищем», «доидохом Суры, рѣки великие, на устья Барыша-рѣчки»). На Б. Саре, видимо, 3 августа царя нашли бояре и воеводы кн. И.Ф. Мстиславский «с товарищи». На Суре около 4 августа 14-й стан. Здесь были наведены «многие мосты». 4 или 5 августа к царю пришли от воевод со Свяги – Никита Трофимов и Роман Пивов (последний не назван в ЛНЦ) и с ними «горние люди» Янтуду-мырза, Бузкей (Бузкѣ) и Кудабердей «с товарищи». Отп. посыльных обратно в Свяжский (Свиазьской) городок, с ними Василий (Васка) Тетерин везет наказ встретить царя «за два дни от Свиазьского города вверх Свяги» (или «от Свиазьского... Свяги», или «сверх Свяги»). Кн. А.М. Курбский говорит о том, что его полку переход до Суры занял около пяти недель («аки бы по пяти неделях»), и в тот же день подоспели туда и основные силы вместе с царем (Лн–13. С. 199–200; Лц–13. С. 496; Лн–29. С. 92; Ла–29. С. 188; Лл–20. С. 513; Курбский 2015. С. 32–33).

5–11.8.1552 Река Сура («на Суру-рѣку») – р. Киватка («на рѣкѣ на Киватѣ») – р. Якла («на Яклѣ», «на Аяке») – р. Цильна («на Чивль», «на Чилвы») – р. Карлы («на Карлѣ») – р. Була («на Булѣ») – р. Бия («на Бѣѣ»). Царь переправляется через р. Суру. За рекой «на полях» к царю пришли воеводы б. кн. И.Ф. Мстиславский «с товарищи» (ср. 3–5.8.1552). 15-й стан (обозначения данного стана нет в списках *М* и *Л* ЛНЦ) на р. Киватке царя приходится на праздник Преображения, т.е. относится к 6 августа. Затем лет. следует по станам: 16-й – на Якле, 17-й – на Цильне (здесь пр. горних людей к царю), 18-й – на Карле, 19-й – на Буле (в ЛНЦ нет слов «на Булѣ», но для названия стана в списках оставлено место), 20-й – на Бие (Лн–13. С. 200; Лц–13. С. 496–497; Лн–29. С. 93; Ла–29. С. 188–189; Лл–20. С. 513–514).

11–13.8.1552 Река Бия – поле Итяково («на Итяковѣ», «с Ытякова», «с Ытякова поля») – Военный лагерь у Свяжска («к Свиазьскому городу», «в Свяжский град», «в Свиазьский град», «в Свиазьский град», «до новаго града Свяжского», «до нова города Свяжского», «к новому городу Свяжскому»). Когда царь «пошел с стану» (20-го на Бие), его встретили воеводы со Свяги. 21-й стан – на Итяковом поле, после этого в сб. 13 августа царь въехал в Свяжск, где молится в церкви Рождества (Рождства) Богородицы. Приход войска и царя в Свяжск описан в Лк–19 как преодоление трудного пути, который длился «пятию недели». Учитывая дату 13 августа как время пришествия, можно предположить, что составитель Казанского летописца пять недель отсчитывал от выхода не из Муром, а из Владимира. Рум. Лк–19 датирует приход к Свяжску: «...мѣсяца августа 13 день (в субботу) (на память святых мученик Фотѣя и Аникиты)». Г.З. Кунцевич отметил, что день памяти Фотия и Аникиты – 12 августа, который в 1552 г. приходился не на сб., а на пт. Это наблюдение позволяет уточнить логику составителя этой версии летописи: в пт. царь был лишь встречен недалеко от Свяжска воеводами. Троицкая повесть сообщает о приходе царя в Свяжск «месяца августа» и встрече его «не доходя нова города Свяжского» воеводами кн. А.Б. Горбатым, кн. П.И. Шуйским, Д.Р. (Юрьевым) и др., а также горними черемисами. Точно совпадает с датировкой переходов 5–11.8.1552 и 11–13.8.1552 сообщение кн. А.М. Курбского о затрате восьми дней («осм дней») на продвижение войска «полями дикими и дубровами, нѣгде и лесами» (Лн–13. С. 200–201; Лц–13. С. 497; Лн–29. С. 93–94; Ла–29. С. 189; Лл–20. С. 514; Лк–19. Стб. 114–115, 410. Примеч. i; БЛДР. Т. 10. С. 532–533; Курбский 2015. С. 32–35; РК 1605. С. 419–420 (л. 271–271 об.)).

13–15.8.1552 Военный лагерь под Свяжском – Свяжск – Военный лагерь под Свяжском у Вязовых гор («в шатрѣх на лузѣх под Свиазьским городом» или «в шатрѣ», «шатры от Вязовых гор в лузѣх», «в шатрех от Вязовых гор»). Царь выезжает в сб. 13 августа под Свяжск на «луга», где проводит совет с кн. Владимиром Андреевичем и ц. Шигалеем и др. Решение было – «итти к городу к Казани, не мѣшкаа». Видимо, в лагере царь так и стоит до 15 августа (этой даты нет в сп. *М* ЛНЦ), когда и был отпущен в Казань тамошний купец («тезик казаньский»). Согласно Рум. Лк–19, царь подошел к Свяжску в сб. (т.е. 13 августа). На лугах у Вязовых гор царь расположился лагерем, а въехал в Свяжск в вс. (т.е. 14 августа): «И приде господарь к нову городу Свяжскому (в субботу в предпразньство Успения Богородицы). И стаща шатры от Вязовых гор в лузѣх, и елико ближним повелѣ быти близ себя... И тако (в недѣлю, предпразньство святых Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успения, на память святого отца нашего Максима Исповѣдника), вниде православный царь князь великий Иван Васильевич всея Руси в новосозданный град во своей отчине, еже глаголетца новый град Свяжский» (опущен ряд разночтений, вместо второго случая в скобках сп. *А*: «того же мѣсяца в 14 день в недѣлю накануне Успения Пресвятыя Богородицы»). Сведения о лагере «передпразньство Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения, на память святого отца нашего Максима Исповѣдника», в шатрах «от Вязовых гор» передает также РК 1605. Согласно этому источнику, царь стоял у Свяжска и в Свяжске «три дни». Кн. А.М. Курбский об этих событиях пишет, что в районе Свяжска войско отдыхало около трех дней («аки три

дни») (Лн–13. С. 201; Лц–13. С. 497–498; Лн–29. С. 94; Ла–29. С. 189; Лл–20. С. 514–515; Лк–19. Стб. 411; Курбский 2015. С. 34–35; РК 1605. Т. 1. Ч. 3. С. 420 (л. 271–271 об.)).

16.8.1552 Военный лагерь под Свияжском («за рѣку против Свиязьскаго города» или «Свиязского города») – (Военный лагерь на левом берегу Волги («на лузѣх на Казаньской сторонѣ»)). В этот день царь велит войску переходить на «Казанскую сторону», т.е. за Волгу. Неясно, пошел ли сам царь вслед за войском (Лн–13. С. 201; Лц–13. С. 498; Лн–29. С. 94; Ла–29. С. 190; Лл–20. С. 515; РК 1605. Т. 1. Ч. 3. С. 420 (л. 271 об.)).

18.8.1552 Военный лагерь под Свияжском – Свияжск («в соборную церковь Рождества Пречистые», «к великой соборной церкви (Пречистыя Богородицы честнаго Ея Рождества)», «от Свияжска-града, с нагорныя страны») – Военный лагерь на левом берегу Волги («за рѣку за Волгу», «на реку на Волгу», «перевозитися... великую реку Волгу», «за реку за Волгу на луговую сторону»). В чт. царь возвращается в Свияжск на молитву в церкви Рождества Богородицы, после чего направляется к войску за Волгу. Согласно Лк–19, царь в Свияжске «пробыть, в нем стоя, неделю». Согласно Рум. Лк–19 – «три дни». Затем началась переправа русского воинства через Волгу с нагорной «на Казанскую страну, на луговую». В списках Лк–19 переправа датируется ошибочно 25 или (в сп. Б) 15 августа. Сама переправа длилась, согласно этому источнику, «по 7 дней». Впрочем, гл. 59 Казанского летописца открывается сообщением, что царь «превезся Волгу-реку августа в 17 день». Согласно Рум. Лк–19, это происходит лишь 18 августа «на память святых мученик Фрола и Лавра». Чт. 18 августа «по Оспожине дни на память святых мученик Флора и Лавра» называет также РК 1605. Кн. А.М. Курбский свидетельствует, что «все войско» переправилось примерно за два дня через Волгу («аки за два дни»), но двинулось дальше только на третий («и на третей день») (Лн–13. С. 201–202; Лц–13. С. 498; Ла–29. С. 190; Лл–20. С. 515; Лк–19. Стб. 115–117, 411–412; Курбский 2015. С. 34–35; РК 1605. С. 420–421 (л. 271 об.)).

18–22.8.1552 Военный лагерь за Волгой – р. Казанка («за Казань-рѣку») – Терен-узяк («на Терень-узякѣ», «на Терьузяке», «на Тереньузѣкѣ»). На левом берегу Волги царь «дневал», т.е., по всей видимости, остался на весь день 19 августа, ожидая, пока воеводы подготовят «многие мосты» через р. Казань. И лишь в сб. 20 августа царь переправился за р. Казанку, здесь пр. «полоняника» от хана Ядгар-Мухаммеда б. Касима (Едигер-Магмета) из Казани. Согласно Рум. Лк–19, царь после переправы через Волгу «стоял в лузѣх два дни» (варианты: «стояху», «стоя»; затем: «лузѣ», «лугех»), хотя во многих местах воины «вожахуся 7 дней безпрестанно (да) господарева приходу» (варианты: «и до», «до») (в сп. О вместо 7 дней – 4). Возможно, отсчет летописец здесь ведет от 16.8.1552. Согласно этой же версии Лк–19, в сб. «порану» (т.е. 20 августа утром) царь совершает молебен и приходит «на усть реки Казани близ Волги на заводи Терезузи, и стоял ту два дни» (сп. А реку называет «Казанки»; сп. Хр о заводи: «Переузину», сп. А: «Тереузы»). Это соотносится с лет. – см. 23.8.1552. Царь размещается близ заводи Тирен-Узяк (Терень-узяк, Терь-узяк), где стоял, согласно лет., «в недѣлю и в понедѣльник», т.е. 21 и 22 августа. Тогда же, в пн. (т.е. 21 августа) Рум. Лк–19 и РК 1605 говорят о пр. к царю на службу из Казани мурзы Камая и семи его слуг. Полки при этом расположились «по Цареву лугу и вниз по Волзѣ» (в ЛНЦ без союза «и», в Лл–20 союз читается). Сходно с Лк–19, РК 1605 отмечает, что после переправы через Волги царь остановился «тут в лугах и стоял два дни на одном месте», тогда как воеводы перевозились через реку «четыре дни». Затем в сб. царь пришел на устье р. «Казани» (т.е. Казанки) «на заводе Переузи, и тут стоял два дни». Троицкая повесть, видимо, вторична, когда сообщает о том, что царь «ста на Цареве лугу». На совете с кн. Владимиром Андреевичем, ц. Шигалеем и др. решено, что царь вместе с кн. Владимиром Андреевичем станет «на Царевѣ лугу близько Отучевы мизгити». Согласно кн. А.М. Курбскому, выход к Казани занял три с лишним дня (четыре мили были преодолены лишь за три дня из-за разрушенных казанцами мостов и гатей через речки, «еже впадают в Волгу»), и лишь на четвертый день войско царя вышло «сопротив града Казанского на великие, на пространные, и гладкие зѣло веселье луги». Войско встало у Волги в большой миле от Казани («до мѣста аки милья зѣло велика»). Еще примерно день («аки день един») ушел у войска на отдых и разгрузку артиллерии с кораблей. Это соответствует летописным сообщениям о пяти днях перехода от Волги до Терен-Узяка. (Лн–13. С. 202–203; Лц–13. С. 498–499; Лн–29. С. 94–95; Ла–29. С. 190; Лл–20. С. 515–516; Лк–19. Стб. 412–413; БЛДР. Т. 10. С. 532–533; Курбский 2015. С. 34–35; РК 1605. С. 421 (л. 271 об.–272)).

23.8.1552 Терен-узяк («с Терен-узека», «с Терь-унзека») – Военный лагерь под Казанью на Арском поле у Кабана-озера («к городу Казани», «к городу к Казани», «близ самого града Казани», «под Казань», «ко граду Казани», «близ Отучевы мизгити на Нагайской дорозе»). Согласно лет., во вт. 23 августа (Рум. Лк–19 уточняет: «на память святаго мученика Лумпа») царь направился к Казани вслед за большим полком, который двинулся «на Арьское поле вверх Булака у Кабана-озера», «на луг против города». Поставлены «шатры... царьские». Приход царя к Казани в Лк–19 завершается словами: «...и ста на Арском полѣ со всѣю матичею великою, прямо града, за версту едину противу троих врат Арских, и повелѣ себя оделати градцем». То есть тут же на Арском поле были созданы ограждения ставки («градец»). Троицкая повесть говорит о лагере царя у Отучевы (Отучевой) мечети на Нагайской дороге (напротив Аталыковых и Ямских, т.е. Кураишевских ворот) и постановке трех храмов – Архангела Михаила, Мученицы Екатерины и Преподобного Чудотворца Сергия. Кн. А.М. Курбский говорит о выступлении к стенам Казани «на другий же день» после отдыха войска (см. 18–22.8.1552) и об установлении лагеря царя и его полка («валного гуфа») «от Казани аки за версту або мало болши от града с приходу своего от Волги на мѣсте аки на погористом». Согласно РК 1605, царь и кн. Владимир Андреевич пришли под Казань 23 августа «на память святаго мученика Алумпия (Алимпия), во вторник». Царь велит ставить полки «за две версты до города Казани» (Лн–13. С. 203–205; Лц–13. С. 499–500; Лн–29. С. 95–97; Ла–29. С. 190–192; Лл–

20. С. 516–518; Лк–19. Стб. 117, 413; БЛДР. Т. 10. С. 532–535; Курбский 2015. С. 36–39, 42–43; РК 1605. С. 421–422 (л. 272)).

24–25.8.1552 Военный лагерь на Арском поле у Кабан-озера. В ср. 24 августа вечерняя буря («в среду вechере бысть буря велиа») снесла шатры, разбиты корабли на Волге. Царь посылает в Свиягу и Москву за запасами, готовясь к долгой осаде («и зазимовати хотяше тут») (Лн–13. С. 205; Лц–13. С. 499–500; Лн–29. С. 97; Ла–29. С. 192; Лл–20. С. 518; БЛДР. Т. 10. С. 536–537).

25–26.8.1552 Военный лагерь на Арском поле – объезд вокруг Казани («круг града»). После бури («во всѣ дни и в нощи») царь в окружении небольшой свиты объезжает Казань, чтобы понять, «по коим мѣстом крѣпости дѣлати». По меньшей мере царь был у Царевых, Арских, Аталыковых и Тюменских ворот. В чт. 25 августа (*Рум.* Лк–19 уточняет: «на память святых апостол Парфоломѣя и Варнавы») отп. ертаула за р. Казань. В пт. 26 августа царь, видимо, уже вернулся к своим шатрам и полевым храмам, отсюда дальше управлял осадой. Согласно РК 1605, 25 августа «на память святого апостала Варфоломея» царь «повеле обступити град Казань» (Лн–13. С. 205–206; Лц–13. С. 500–501; Лн–29. С. 97; Ла–29. С. 192; Лл–20. С. 518–519; Лк–19. Стб. 417; РК 1605. Т. 1. Ч. 3. С. 422 (л. 272)).

26.8 – 6.9.1552 Военный лагерь на Арском поле. С пт. 26 августа до вт. 6 сентября царь управляет осадой Казани из своего военного лагеря (Лн–13. С. 206–213; Лц–13. С. 501–508; Лн–29. С. 97–101; Ла–29. С. 192–197; Лл–20. С. 519–524; Лк–19. Стб. 417–421).

(6–30).9.1552 Объезд вокруг Казани во время осады («под Казанью», «ис-под Казани»). Между вт. 6 и пт. 30 сентября в лет. говорится без явной хронологической привязки: «Царь же благочестивый ѣздя по полком круг города и к турам приходя, утвержая всѣх, да не ослабѣют в бранех» и др. («сия же по многы дни и нощи творяше»). Особо отмечены распоряжения царя у Царевых и Арских ворот. К этому периоду (7 сентября 7061 г.) относится роспись воевод «к Арскому» в РК 1605 (Лн–13. С. 213; Лц–13. С. 508–509; Лн–29. С. 101–103; Ла–29. С. 197–199; Лл–20. С. 523–525; РК 1605. Т. 1. Ч. 3. С. 425. Л. 274).

30.9.1552 Военный лагерь на Арском поле – у стен Казани. В пт., согласно лет.: «Царь же благочестивый сам выѣде к граду...». Туры были установлены у Царевых, Арских, Аталыковых и Тюменских ворот. После этого царь, видимо, вернулся в свой лагерь (Лн–13. С. 213; Лц–13. С. 509; Лн–29. С. 103–104; Ла–29. С. 199; Лл–20. С. 525–526).

1.10.1552 Военный лагерь – у стен Казани (Царевы ворота). В сб. на Покров Пресвятой Богородицы перед последним штурмом Казани царь и кн. Владимир Андреевич со своими полками выстроились напротив Царских ворот (Лн–13. С. 214–215; Лц–13. С. 510; Лн–29. С. 104–105; Ла–29. С. 199–200; Лл–20. С. 526–527).

1–2.10.1552 Военный лагерь на Арском поле – у стен Казани – Казань от Муралеевых ворот до ханского двора – военный лагерь на Арском поле («на свой двор за город»). В ночь с сб. 1 октября на вс. 2 октября царь наедине со своим духовником протопопом Андреем. Утром (*Рум.* Лк–19 уточняет: «в первый час дни», хотя в сп. В: «во 2-ой час») 2 октября царь планирует после общего с воинством молебна ехать в свой полк, однако штурм начался с подрыва городской стены сразу после молебна: «Благочестивый же царь из церковных дверей мало поступи и видѣ градскую стѣну подкопом вырвану...». Тем не менее царь направился на коне к своему полку к Казани. В *Рум.* Лк–19 списки не расходятся в дне памяти и дне недели, поэтому речь идет определенно о 2 октября (хотя рывде списков денная дата пропущена): «В лѣта 7061-го мѣсяца октября в (2) день, на память святых мученик Киприяна и Устиньи, день недѣльный». Затем во время штурма царь отдает команды из своего полка, здесь же встречает воевод с победными вестями и поздравлениями. Въехал в Казань царь после того, как ему очистили в завоеванном городе «едину улицу... от Муралѣевых ворот» («одну улицу... от Маралѣевых ворот»). Оттуда Иван IV въехал «на царев двор». После этого и распоряжений в городе царь возвращается в свой военный лагерь, который назван по аналогии с ханским двором – «на свой двор за город, гдѣ преже стоял». Отсюда он направляет известие о победе в Москву и жалованные грамоты в казанские улусы («по всѣм улусом»). Троицкая повесть датирует взятие Казани 2 октября «на память священномученика Киприяна и Устиньи, в день недѣльный, пятый час дни». РК 1605: «на память святых мученик Киприяна и Устины девицы, наутрее праздника Пречистые Богоматере честнаго Ея Покрова, в неделю, светаюшу дни, в первом часу» (Лн–13. С. 215–221; Лц–13. С. 510–516; Лн–29. С. 105–110; Ла–29. С. 200–205; Лл–20. С. 527–532; Ст. С. 368–369; Лк–19. Стб. 433–469; БЛДР. Т. 10. С. 542–551; РК 1598. С. 138 (л. 138); РК 1605. С. 427–428 (л. 275)).

4.10.1552 Военный лагерь на Арском поле – Казань. Во вт. в третий час дня (так в Лк–19) после очищения Казани «от множества трупиа мертвых» царь едет «в град» и выбирает место «среди града» для храма Благовещения (там Иван IV водрузил крест). Затем принимает участие вместе с протопопом Андреем и др. в обходе Казани «с кресты по стѣнам градским» и освящении города. В Лк–19 нет денной даты, указан только день недели: «во фторник, въехав в столный град Казань, в 3 час дни». Г.З. Кунцевич неверно полагал, что речь идет о событиях 2 октября 1552 г. и указывал, что вт. назван по ошибке вместо вс. (Лн–13. С. 221; Лц–13. С. 516; Лн–29. С. 110; Ла–29. С. 205; Лл–20. С. 532; Лк–19. Стб. 167. Примеч. а, Стб. 469–470; БЛДР. Т. 10. С. 550–551).

5.10.1552 (Предместья Казани). Согласно Троицкой повести (и без даты – РК 1605), в ср. 5 октября протопоп Андрей во главе собора игуменов, священников и диаконов освятил церковь «Нерукотвореннаго Образа Господа нашего Иисуса Христа» (у Арских ворот). Этим же днем Троицкая повесть датирует взятие всего «Казанского царства» (БЛДР. Т. 10. С. 550–551, 554–555; РК 1605. Т. 1. Ч. 3. С. 440 (л. 280)).

6 (или 9).10.1552 Казань. Согласно лет., царь 6 октября на освящении соборного храма Благовещения в Казани. Службу вели духовник царя протопоп Андрей и протопоп Свяязского Рождественского собора Афанасия (Офонасей) и др. В этот же день назначены воеводы в Казани – первый кн. Александр Борисович Горбатый, второй кн. Василий Семенович Серебряный и др. О том, что царь на тот момент и вплоть до 12 октября находился не в своем военном лагере, а в Казани, говорит более поздняя запись «О походѣ ис Казани». См. *11.10.1552* и *12.10.1552*. Троицкая повесть датирует освящение храма Благовещения вс. 9 октября («того же мѣсяца в 9 день недельный») (Лн–13. С. 221; Лц–13. С. 516; Лн–29. С. 110; Ла–29. С. 205; Лл–20. С. 532; Лк–19. Стб. 470; БЛДР. Т. 10. С. 550–551).

10.10.1552 (Казань) Пр. Никиты Казаринова и Камай-мурзы с арскими людьми, пр. луговых людей из Як и др. мест. Локализации нет. В сп. *Л* Лл–20 денная дата: 1 октября. См. *11.10.1552* и *12.10.1552* (Лн–13. С. 221–222; Лц–13. С. 516; Лн–29. С. 110–111; Ла–29. С. 205–206; Лл–20. С. 532–533).

11.10.1552 Казань. Приговор с кн. Владимиром Андреевичем и др. «итти к Москвѣ». Царь должен был возвращаться «в судѣх» по Волге. Затем в лет. раздел «О походѣ ис Казани» (Ник. лет., Лц) или «О походѣ царском из Казани» (ЛНЦ), в котором рассказано, как царь перед возвращением в Москву молится в новом храме Благовещения в Казани и оставляет наказ казанским воеводам. В *Рум.* Лк–19 о решении вернуться в Москву говорится: «Пребысть же благовѣрный царь после взята града 10 дней, и восхотѣ поити в царствующий град Москву». Сообщение *Сол.* Лк–19 о том, что царь «пребысть в Казани, взяв град, дни 15», содержит ошибочную цифру (Лн–13. С. 222; Лц–13. С. 516; Лн–29. С. 111; Ла–29. С. 206; Лл–20. С. 533; Лк–19. Стб. 174, 472).

11–12.10.1552 Казань – Свяязск («в Свяязский город», «к нову граду Свяязскому»). 11 октября (Лк–19 уточняет: «на память святого (апостола) Филиппа, во вторник») царь «поиде к Волге», ночь с 11 на 12 октября он провел «на брегу у Волги» (в Лл–20: «и Волги»), «ночевал на песку, на Волге, против Гостина острова» (*Рум.* Лк–19). На следующий день («назавтрѣ»), 12 октября царь и кн. Владимир Андреевич поплыли в «ушкулах» и приплыли в Свяязск, где царь отдал распоряжения и заночевал («и тут начевал»). Кн. А.М. Курбский этим датировкам следует, говоря о том, что после победы «аки бы на третий день» царь на совете проявил гнев в отношении своих воевод, а затем еще через неделю («стояв едину неделю») отправился из Казани в направлении Нижнего Новгорода. Эти два датирующих момента соответствуют примерно 9–10 дням от момента завоевания Казани. Согласно РК 1605, царь стоял «под Казанью девять недель» (Лн–13. С. 222; Лц–13. С. 516–517; Лн–29. С. 111; Ла–29. С. 206; Лл–20. С. 533; Лк–19. Стб. 174; Курбский 2015. С. 62–65; РК 1605. Т. 1. Ч. 3. С. 440 (л. 280)).

13-(15).10.1552 Свяязск («из Свяязского города», «ис Свяязского города», «из Вязского города», «из Свяязского города», «из Свяязского (града)») – Василь-город («к Василю-городу», «к Василю-граду») – Нижний Новгород («к Новугороду-Нижнему», «в Нижней Новѣгород», «к Новому городу Нижнему», «к Нижнему Новуграду», «к Новуграду Нижному»). Царь со своими спутниками (*Рум.* Лк–19: в чт. садится «в ушкулы под Вязовыми горами», варианты: «ушкалы», «ушколы») отправляется по Волге («рѣкою Волгою») и за один день преодолевает расстояние от Свяязска до Нижнего Новгорода, пройдя через Василь-город. В Нижнем Новгороде его встречают от ц. Анастасии Романовны б. кн. Федор Андреевич Булгаков, от кн. Юрия Васильевича ок. Владимир (Володимир) Васильевич (ЛНЦ ошибочно: Андрѣевичъ) Морозов, от митр. Макария б. Иван Кузьмин и Елизар Соболев и др. *Сол.* Лк–19 не упоминает на обратном пути царя Свяязск, но пишет о поездке «в лодях» по Волге к Василь-граду и Нижнему Новгороду. *Рум.* Лк–19 говорит и о приходе в Свяязск, и затем о плавании в Нижний Новгород, где царь «пребыв два дни» (Лн–13. С. 222; Лц–13. С. 517; Лн–29. С. 111; Ла–29. С. 206; Лл–20. С. 533; Лк–19. Стб. 174–175, 472).

19.10.1552 (Поход). Пр. служилых татар Тягригула Шийдякова и др. «из Елатмы» от воеводы кн. Семена Ивановича Стародубского (ПКН–4. Л. 146–146 об., пб.: ПКРНО. С. 107).

21.10.1552 (Поход). В пт. пр. «из Елатмы» служилого татарина Исеня Келдишева от кн. С.И. Стародубского (ПКН–4. Л. 150, пб.: ПКРНО. С. 109).

(16.10 – 7.11).1552 Нижний Новгород («из Новогорода») – Балахна («на Балахну», «к Балахнѣ», «от Балахны») – Судогда («на ям зовомы Судагда», «Судага», «Судагда») – Владимир («к Володимерю», «к Володимирю») – Суздаль («в Суздаль», «в Суждаль») – Юрьев-Польской («на Юрьев») – Троице-Сергиев монастырь («к Живоначальной Троицѣ и к чудотворцу Сергию», «в великую обитель Живоначальная Троица в Лавру Сергия-чудотворца», «к Живоначальной Троицы в пречестную ограду преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергия-чудотворца») – с. Тайнинское («в селѣ своем в Танинском», «в Тонинском») – М. («к Москвѣ», «к царствующему (своему) граду Москвѣ», «к царствующему граду Москве», «в преимяниты град Москву», «во царствующий град Москву», «в великий преименитый град Москву», «к царствующему (Богом хранимому) граду Москве», «до Москвы») – Фроловские ворота Кремля («в большая врата граду, зовомыя Фроловская»). В лет. в этом месте обрываются точные даты переходов. В Нижнем Новгороде, согласно *Рум.* Лк–19, царь провел «два дни» и направился «в струзѣх Волгою» к Балахне, т.е. достиг ее приблизительно 18 октября. Согласно кн. А.М. Курбскому, царь оставался в Нижнем Новгороде «три дни», распустил там войско и поспешил оттуда в Москву («на подводах сто мил»), узнав о рождении царевича Дмитрия. Согласно *Рум.* Лк–19, в Балахне царь сошел с кораблей и «всѣл на кон», и так доехал до Судогды, где его встретил от ц. Анастасии Романовны б. Василий Юрьевич Малой Траханиот с вестью о рождении сына Дмитрия («нареченный царевичъ Дмитрей (Иванович)»). После этого царь отправляет к царице Никиту Романовича Юрьева, а сам едет во Владимир, где

молится в Успенском соборе («к преимянитей велицей соборней церкви (Пречистыя) Богородицы», вариант: «Пресвятыя»). Отсюда же царь рассылает по городам сообщение о рождении царевича (об этих переходах и событиях подробно только в *Рум.* Лк–19, но здесь пропущены переходы в Суздаль и Юрьев-Польской). Согласно другим летописям, весть о рождении у него сына (царевича Дмитрия) настигла царя уже во Владимире. Первый сын царя родился 11–12 октября и был крещен под именем Уар, тогда как имя Дмитрий получил по дню памяти св. Дмитрия – 26 октября [9, с. 52–53, 59–60; 10, с. 389–395]. Переезд из Балахны в Судогду или Владимир не мог произойти за один день, однако у нас нет информации об остановках и станах царя, как в походном летописце за лето 1552 г. И после Владимира царь посетил еще по меньшей мере четыре пункта – молился у Покрова Богородицы в Суздале, направился к Юрьеву, к обители Сергия Радонежского (здесь, согласно *Рум.* Лк–19, он молился у раки св. Сергия), встретил брата, кн. Юрия Васильевича, в с. Тайнинском. Согласно Лк–19, кн. Юрий и др. встретили царя не в Тайнинском, а в Тр.-Ср. мн., «и поиде царь князь великий изо обители Сергиевы вкупе з братиею своею» (вариант: «з братом и со всѣм воинством»). Все эти переезды из Владимира заняли вряд ли менее недели вместе с остановками. Лет. говорят без точных дат о получении царем радостного известия во Владимире, возможно, и имя царевича добавив задним числом. Крещение царевича, согласно приписке в Лц, состоялось лишь (?). 12.1552 в Тр.-Ср. мн. Возможно, въезд царя в Москву состоялся еще в октябре 1552 г., поскольку в одном из списков лет. рассказ об этом сопровождается заставкой «Того же мѣсяца, о приходѣ царьском к Москвѣ» (в ЛНЦ слова «О приходе царьском к Москвѣ» на поле особым почерком). Однако этот вывод необязателен, поскольку в списках Ник. лет. *О, Н, Б и Т* этой заставки нет, а в ЛНЦ он вставлен на поле, а к какому месяцу относится в данном случае формула «Того же мѣсяца» (к октябрю или уже ноябрю) – определить невозможно. ПКН отмечают дипломатическую активность казначея Ф.И. Сукина от имени царя в Москве еще за 25 октября – в этот день царя в Москве еще не было (ПКН–4. Л. 149 об., пб.: ПКРНО. С. 109, см. также 8–11.11.1552). *Сол.* Лк–19 датирует въезд царя в Москву «мѣсяца ноября в 1 день, на память святых безсребреник Козмы и Демьяна». Действительно, на 1 ноября приходится один из дней памяти Козьмы и Дамиана, однако в Лк–19 множество хронологических неточностей, и эта датировка может оказаться одной из ложных конкретизаций. *Рум.* Лк–19 также приводит очень конкретную дату въезда царя в Москву, вплоть до часа, но иную: «Прииде же господарь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси (к Москве) мѣсяца октября 29 день на память святых мученицы Анастасии (четверток), (в четвертом) часу дни» (варианты: «в преимянитый царствующий град Москву», «четверг», «на четвертом»). Встреча царя большой процессией из чинов и московского люда состоялась «на Переславской доро(ге)». Митр. Макарий и духовенство встречали царя «у Пречистые у Стрѣтениа» (Лк–19: «во вратѣх града Китая, на Стрѣтенской улицы»). Здесь царь и кн. Владимир Андреевич спешились («поидоша пѣши»), и процессия двинулась (согласно Лк–19, через Фроловские ворота) в Кремль к Успенскому собору (затем, согласно *Рум.* Лк–19 – к «гробом прародителей своих» в Архангельский собор и в Чудов мн. «к великому чудотворцу Алексѣю» и в др. храмы, а согласно *Сол.* Лк–19, в Благовещенский собор), после чего царь «иде в царьския своя полаты» (Лк–19: «поиде в царския полаты своя»), к ц. Анастасии Романовне и царевичу Дмитрию (по Лк–19, они были вместе «со благоверными женами с княгини, и з боярыны»). Следующее сообщение в лет. – от 8 ноября. Царь устраивает пир после своего приезда, из чего может следовать, что события этого дня несильно отстоят от торжеств въезда царя в Москву. Ряд предположений не позволяет строго хронометрировать переезды царя на пути от Нижнего Новгорода до Москвы, но все названные перемещения должны поместиться между 16 октября и 8 ноября 1552 г. Согласно Лк–19, прослышав о приближении царя к Москве, митрополит ему навстречу отправил «епископы 3» (архиеп. ростовский Никандр, еп. тверской Акакий, еп. крутицкий Савва (Сава)), которые его встретили «от града Москвы за 12 верст, в царском селѣ его в Тонинском». Встретив царя, те вернулись «скоро назад», после чего царя, кн. Юрия Васильевича и кн. Владимира Андреевича «на полѣ» за посадом встречал весь город, как чины, так и «все множество безчисленное народа московского» и иностранные гости (Лн–13. С. 223–227; Лц–13. С. 517–522; Лн–29. С. 111–115; Ла–29. С. 206–210; Лл–20. С. 533–538; Лк–19. Стб. 175–180, 186, 472–478).

8.11.1552 М. Во вт. пр. ногайских послов Кошая «с таварищи». См. также: «И царь и великий князь велел...» (ПКН–4. Л. 152–152 об., пб.: ПКРНО. С. 110).

8–10.11.1552 М. «На Михайлов день» царь устраивает в Москве «в Большой полатѣ в Грановитой, что от Пречистой с площади» (вариант ЛНЦ и Ла: «в Большой полате»), пир по случаю своего возвращения из похода на Казань. Согласно лет., торжества длились «по три дни в той полатѣ», т.е. 8–10 ноября. Согласно Лк–19, царь велел после возвращения в Москву «пиршеству велию по 40 дни сотворятися» (в сп. Б ошибочно: «по 40000 дней»). Из этих слов может следовать, что до 17–18 декабря 1552 г. царь оставался в Москве (однако это не так – см. (11)–17.12.1552). См. также в Лк–19 о том, что священники и дьяконы были на пиру «со всего града Москвы» (Лн–13. С. 227–228; Лц–13. С. 522; Лн–29. С. 115–116; Ла–29. С. 210; Лл–20. С. 538; Лк–19. Стб. 180–181).

24.11.1552 (М.) Пр. из Смоленска от наместника кн. Ивана Андреевича Булгакова (ПКП–4. Л. 225, пб.: СИРИО. Т. 59. С. 361–362).

25.11.1552 М. П-м ногайских послов от различных мурз Кошаю, Ахкуле, Байтереку и Кулчану со товарищи «на дворе» царя, «в Столовой избе в брусяной» (ПКН–4. Л. 152 об.–153 об., пб.: ПКРНО. С. 110–111).

27.11.1552 М. Гр. своеземцу Шенкурского городка городовому приказчику Ивану Васильеву сыну Федорова Едомского (Бр–32/2. Л. 66–66 об., пб.: Вулих 1914. С. 162–163; Каштанов. № 674).

28.11.1552 (М.) Память Ивану Сотницкому сыну Клобукова о встрече литовского посланника Яна Гайко (ПКП–4. Л. 226 об., пб.: СИРИО. Т. 59. С. 362–363. № 24/1).

(8–30).11.1552 (М.) Пр. черкасских господарей князей Маашука, Ивана Езболзукова (Езболзукова, Езболзукова) и Танашука (Лн–13. С. 228; Лц–13. С. 526; Лн–29. С. 116; Ла–29. С. 214; Лл–20. С. 538).

(8–30).11.1552 (М.) Отп. новопоставленного архиеп. Великого Новгорода и Пскова Пимена (Пимина) в Великий Новгород. Видимо, в конце месяца, поскольку в Новгород Пимен приехал лишь на Николин день (6 декабря). Москва не названа прямо как место отпуска, однако подразумевается, поскольку этому прямо предшествовала церемония поставления на архиепископскую кафедру (Лн–13. С. 228; Лц–13. С. 526; Ла–29. С. 214; Лл–20. С. 538).

4.12.1552 (М.) Пр. от Ивана Сотницина и смоленского пристава при литовском посланнике Олеси Битяговского (ПКП–4. Л. 229 об.–230, пб.: СИРИО. Т. 59. С. 364. № 24/II).

8.12.1552 М. В чт. пр. литовского посланника Яна Гайко «к Москвѣ». См. также: «И царь и великий князь велѣл...» (ПКП–4. Л. 230–230 об., пб.: СИРИО. Т. 59. С. 364).

11.12.1552 М. П-м (по приказу царя) литовского посланника Я. Гайка у митр. всея Руси Макария (ПКП–4. Л. 231 об., пб.: СИРИО. Т. 59. С. 364. № 24/III).

(11)–17.12.1552 (М.) – Троице-Сергиев монастырь («к Живоначальной Троицѣ в Сергиев монастырь», «у Троицы в Сергѣевѣ монастырь», «к Троицѣ») – М. («на Москву», «к Москвѣ»). Поездка царя и ц. Анастасии Романовны, новорожденного царевича, кн. Юрия Васильевича и др. для крещения царской четой «сына своего царевича князя Дмитрея». Крестил царевича архиеп. ростовский Никандр. После этого «вскорѣ» вся семья царя вернулась в Москву. Когда 11 декабря в Москве митрополит и боярская комиссия принимали литовского посланника (см. 8.12.1552), царь «в то время был в своей богомольѣ у Троицы в Сергѣевѣ монастырь». Ему туда же «к Троицѣ» была направлена гр. короля, но сам царь «декабря в 17 день» «к Москвѣ приѣхал и литовские грамоты слушал». В лет. данное сообщение датировано только месяцем и содержится только в приписках к Лц и в Ла (Лц–13. С. 522–523, 529; Ла–29. С. 210–211; ПКП–4. Л. 240–241 об., пб.: СИРИО. Т. 59. С. 366. № 24/IV-V).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования / отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2016.
2. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995.
3. Бахтин А.Г. Российское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб., 2022.
4. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.
5. Ермушев А.М. Россия и Казанское ханство в 1533–1552 гг. Дисс. ... к.и.н. Саранск, 1998. 251 с. (науч. рук. – А.Б. Кузнецов).
6. Карамзин М.Н. История Государства Российского. Кн. II: Тома V, VI, VII, VIII. Репринт. воспр. изд. 5-го. М., 1989.
7. Котляров Д.А. От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб., 2017.
8. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905.
9. Кучкин В.А. Московские Рюриковичи. Генеалогия и демография // Исторический вѣстникъ: История – свидетельница времен. М., 2013. Т. 4 (151).
10. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006.
11. Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2017.
12. Соловьев С.М. Сочинения в 18 кн. Кн. III: История России с древнейших времен. Т. 5–6. М., 1989.
13. Флоря Б.Н. Иван Грозный. 4-е изд. М., 2009.
14. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2019.
15. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. 3-е изд., доп. М., 1991.
16. Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1990.
17. Kämpfer F. Die Eroberung von Kazan 1552 als Gegenstand der zeitgenössischen russischen Historiographie // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1969. Bd. 16. S. 7–161.
18. Khodarkovsky M.P. Four Degrees of Separation: Constructing Non-Christian Identities in Muscovy // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584 / ed. by A.M. Kleimola, G.D. Lenhoff. Moscow, 1997.
19. Martin J. Religious Ideology and Chronicle Depictions of Muslims in 16th-Century Muscovy // The New Muscovite Cultural History. A Collection in Honor of Daniel B. Rowland / ed. by V. Kivelson et al. Bloomington, Indiana, 2009.
20. Pelenski J. Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology. Paris, 1974.

СОКРАЩЕНИЯ

- АИ. Т. 1 – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1. 551, 43 с.
- АИЯГ – Акты, относящиеся к истории Ярославской губернии / изд. под ред. Ф.А. Бычкова. Ярославль, 1889. Вып. 1. 30 с.
- АЮ – Акты юридические или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. 511 с., разд. паг.
- БЛДР. Т. 10 – Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10: XVI век / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб., 2000. 618 с.
- Бр–32/2 – Архив СПб ИИ. Рукописные книги, описанные Барсуковым. № 32/2.
- Вулих 1914 – Вулих Е. К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества // ЖМНП. 1914. Ч. 52. № 7. С. 101–167.
- Енин 1992 – Каталог древнерусских грамот, хранящихся в отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Выпуск первый и второй, 1269–1612 гг. 2-е изд., испр. и доп. / сост. Г.П. Енин; ред. В.И. Афанасьев. СПб., 1992.
- Каштанов – Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 129–200.
- Курбский 2015 – Курбский А.М. История о делах великого князя московского / отв. ред. Ю.Д. Рыков; составление, статьи, примечания К.Ю. Ерусалимского; перевод с древнерусского А.А. Алексева. М.: Наука, 2015. 944 с.
- Лв–8 – Воскресенская летопись (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8).
- Лн–13 – Никоновская летопись (ПСРЛ. СПб., 1904–1906. Т. 13. Ч. 1–2. С. 1–408).
- Лц–13 – Царственная книга (ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13. Ч. 2. С. 409–532).
- Ла–29 – Александро-Невская летопись (ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 117–223, 315–355).
- Лк–19 – Казанская история (ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19).
- Лл–29 – Лебедевская летопись (ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 224–314).
- Лн–29 – Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича (ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 9–116).
- Ос–137 – ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). № 137.
- ПKN–4 – Посольские книги ногайские (РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 4).
- ПКП–4 – Посольские книги польские (РГАДА. Ф. 79. (Сношения России с Польшей). Оп. 1. Кн. 4).
- ПКРНО – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / под ред. Д.А. Мустафиной, В.В. Трепавлова. Казань, 2006. 340 с.
- РИБ. Т. 32 – Русская историческая библиотека. Т. 32. Архив П.М.Строева. Т. 1. Пг., 1915.
- РК 1598 – Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, введ. ст. и ред. В.И. Буганова; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1966. 614 с.
- РК 1605. Т. 1. Ч. 3 – Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Н.Г. Савич, Л.Ф. Кузьмина; под ред. и с предисл. В.И. Буганова, Н.М. Рогожина. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 407–610.
- СИРИО. Т. 59 – Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1887. Т. 59. IV, XVI, 629 с., 98 стб., VI с.
- Тр–527–529, 553 – ОР РГБ. Ф. 303/1 (Грамоты, копиянные книги Троице-Сергиевой Лавры). № 527, 528, 529, 553.
- ЛНЦ – Летописец начала царства.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

Сведения об авторе: Константин Юрьевич Ерусалимский – доктор исторических наук, научный сотрудник, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: keralsimski@mail.ru

**IVAN THE TERRIBLE'S KAZAN CAMPAIGN OF 1552:
AN ATTEMPT TO RESEARCH THE ITINERARY**

K.Yu. Yerusalimsky

*Northwestern Institute of Management of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation*

Research objectives: To create a complete itinerary of Ivan the Terrible's campaign on Kazan from the decision on its preparation in March – April 1552 to its completion and the baptism of the Tatar rulers in January – February 1553.

Research materials: Texts of chronicles, works of Ivan the Terrible and the book of A.M. Kurbsky, “The Kazan history”, “The Trinity Tale”, embassy books.

Results and novelty of the research: The ideological justification and information concealment of the campaign were carried out through solemn pilgrimages, rumors about the approaching troops of the Moscow Tsar to Tula, the daily account of the Tsar's movement from Murom to Sviyazhsk in the chronicle, and then a detailed description of the siege and the first battles for Kazan, after which the “stand” near Kazan is presented as evidence of Ivan IV's personal participation and perseverance in the conquest of the Kazan kingdom. The first measures taken in Kazan, on the way to Moscow, in Moscow itself, and in the Trinity-Sergius Monastery were no less significant in ideologically solidifying the results of the “Taking of Kazan”. In this case, the sources contain discrepancies, which are partly caused by the first attempts to incorporate the conquered kingdom into the Moscow state as a new Christian community.

Keywords: Kazan campaign of 1552, Ivan the Terrible, itineraries of the Moscow tsars, ideology of the Moscow Tsardom

Financial Support: The article was prepared with the support of the Russian Academy of Sciences, project No. 21-18-00181 “Itineraries of Power. The movements of the rulers of Russia and Western Europe in the political culture of 16th – early 17th century.” (head – V.V. Shishkin). I would also like to express my gratitude to Reinhard Fretchner (Munich) for his help in accessing F. Kaempfer's research.

About the author: Konstantin Yu. Yerusalimsky – Dr. Sci. (History), Research Fellow, Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: keralsimski@mail.ru

О ПРАВЯЩИХ КЛАНАХ В КАСИМОВСКОМ ХАНСТВЕ*

М.М. Акчури

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Ж.М. Сабитов

Научный институт изучения Улуса Джучи

Цель исследования: раскрыть информацию о правящих кланах в Касимовском ханстве на основе информации из дастана об Ураз-Мухаммед хане из сочинения Кадыр Али-бека.

Материалы исследования: изображение трона в дастане об Ураз-Мухаммеде является единственным источником о названии кланов у беков Касимовского ханства. В исследовании использовались актовые и делопроизводственные материалы, предания татар, родословные росписи, восточные сочинения, результаты генетических исследований Y-хромосомы потомков беков.

Результаты: в статье представлены итоги многолетнего исследования, в ходе которого среди касимовских татар были идентифицированы участвовавшие в 1600 г. в церемонии возведения на ханский престол Ураз-Мухаммеда карачи-беки. Были выяснены их родословные линии и происхождение. Учитывая, что касимовские карачи-беки являлись представителями известных ордынских кланов, то соответственно мы получили представление о происхождении отдельных наиболее могущественных аристократических нечингизидских родов эпохи существования Улуса Джучи. Кроме этого рассмотрены некоторые сюжеты по истории татар Мещеры, связанные с представителями изучаемых кланов.

Ключевые слова: Кадыр-Али бек, Ураз-Мухаммед, Улус Джучи, Золотая Орда, Касимов, Касимовское ханство, Крымское ханство, Мещера, Касимовский уезд, кыпчаки, аргыны, мангыты, беки, карачи-беки, татарские князья

Благодарности: авторы выражают искреннюю благодарность за оказанную помощь в сборе материалов Тахиру Абдурахманову, Муллануру Ишееву, Александру Абдиеву, д.и.н. Андрею Белякову, д.и.н. Радику Салихову, Искандеру Насырову.

Введение

Ни в исторической памяти касимовских татар, ни в их семейных преданиях, ни в актовых и делопроизводственных документах Касимовского уезда практически нет никаких упоминаний, свидетельствующих о наличии кланов среди местных татар. Единственным и поэтому особенно ценным источником оказалось сообщение из сочинения «Джами ат-таварих» [45; 26; 54], написанное в самом начале XVII века Кадыр Али-беком. В дастане об Ураз Мухаммеде Кадыр Али-бек детально описал проведенную в 1600 г. церемонию провозглашения ханом в Касимове султана Ураз Мухаммеда. В дастане приводится изображение трона, где подписаны имена четырех беков, стоявших по правую и левую сторону от трона. Эти четыре бека были старшими в Касимовском ханстве, их называли карачи-беками. Рядом с именами подписаны названия родов. Одним из беков являлся сам автор сочинения Кадыр Али-бек из рода Джалаир, который прибыл в Касимов вместе с Ураз Мухаммедом. Но кем были другие беки? Данное изображение привлекло внимание исследователей, однако кроме самого факта присутствия института карачи-беков в Касимовском ханстве какой-то конкретной информации о личностях других беков не удавалось обнаружить. Заслуживает внимания попытка идентификации остальных карачи-беков, которую предпринял Д.М. Исхаков. Используя переводы И.Н. Березина, В.В. Вельяминова-Зернова и М.А. Усманова Д.М. Исхаков в своей работе «От средневековых татар к татарам Нового времени» предположил, что татары Чанышевы происходят от аргына Чаныша, а Семиневы – от мангыта Саманая [25, с. 209]. Кыпчак Тукай остался у Д.М. Исхакова под вопросом – он допустил, что с ним связан род Тевкелевых [25, с. 209].

* Основные положения статьи опубликованы на английском языке [56].

В своем исследовании мы поставили задачу проверить данные предположения и найти любую дополнительную информацию, связанную с карачи-беками из дастана об Ураз Мухаммед-хане. Изображения трона сохранились в двух списках сочинения: в Санкт-Петербургском на листе 155б и в Казанском на листе 68 – факсимиле обоих списков опубликованы в изданиях 2022 г. [54, с. 163, 239; 26, с. 452, 294]. Основные варианты прочтений имен приведены в таблице (см. Таблица 1). Как будет показано далее, наиболее подходящим выглядит написание имен в Санкт-Петербургском списке сочинения Кадыр Али-бека, составленном в первой половине XVII века [52, с. 36]. А наиболее близким оказался перевод З.А. Хисамиевой: «На левой стороне – аргун Чаныш бек, кыпчак Тугай бек, на правой стороне – джалаир Кадыр-Гали бек, исбай мангут Симнай бек» [54, с. 141].

Таблица 1

Варианты прочтений имен татарских беков
на изображении трона из дастана об Ураз-Мухаммеде

Санкт-петербургский список	Казанский список
<p>Версия З.А. Хисамиевой [54, с. 141]: Правая сторона: джалаир Кадыр-Гали бек, исбай мангут Симнай бек Левая сторона: аргун Чаныш бек, кыпчак Тугай бек</p>	<p>Версия М.А. Усманова [52, с. 46]: Правая сторона: джалаир Кадыр-Али-бий, исбай мангыт Тимир-бий Левая сторона: аргын Чатыш-бий, кыпчак Тукай-бий,</p>
<p>Версия И.Н. Березина (1851 г.) [14]: Правая сторона: джалаир Кадыр Али Бек, исбай мангут Себай Бек Левая сторона: аргун Джаниш Бек, кыпчак Тукэй Бек</p>	<p>Версия Р. Алимов [26, с. 170]: Правая сторона: джалаир Кадыр Али-бий, эшбай Мангут Темир-бий Левая сторона: аргун Чаташ-бий, кыпчак Тёкей-бий</p>
<p>Версия И.Н. Березина (1854 г.), перевод В.В. Вельяминова-Зернова (1864 г.)¹ [17, с. 403]: Правая сторона: джалаир Кадир-Али-бик, исбай мангит Саманай-бик Левая сторона: аргын Чеш-бик, кипчак Тукай-бик</p>	

Изображение трона из Санкт-Петербургского списка и реконструкция имен татарских беков представлены на рисунке ниже (см. Рис. 1).

Кроме дастана об Ураз Мухаммеде о наличии карачи-беков в Касимовском ханстве говорится в Крымских посольских книгах в грамоте Ивана IV за 1568 г. В этой грамоте московским послан А.П. Нагому и Ф.А. Писемскому содержалось приглашение для крымского хана прислать своего младшего сына или внука на престол в Касимов: «есть у нас юрт мусульманской Касимов-городок в Мещере... в том юрте карачеи и уланы, и князи, и мырзы, и ички, да и всякие люди приближенные» [35, с. 138–140]. Несмотря на то что крымскому царевичу не довелось оказаться в Касимове, отметим такое условие. Уточнялось, что крымский царевич мог с собой привести из Крыма своих людей до 100–150 человек, но без притеснения местных татар: «старых тамошних приближенных царевых людей не вон выметати» [35, с. 138–140]. Можем предполагать, что тем самым Иван IV договаривался о сохранении своего положения в том числе старой знати, включая карачи-беков. Данное сообщение

¹ Прочтения Ч.Ч. Валиханова [15, с. 243] и Р.Г. Сыздыковой [4747, с. 170] совпадают с публикацией И.Н. Березина и переводом В.В. Вельяминова-Зернова.

свидетельствует, что если Ураз Мухаммед назначил карачи-беком своего приближенного человека Кадыр Али-бека из рода Джалаир, то остальные беки могли являться представителями местной аристократии.

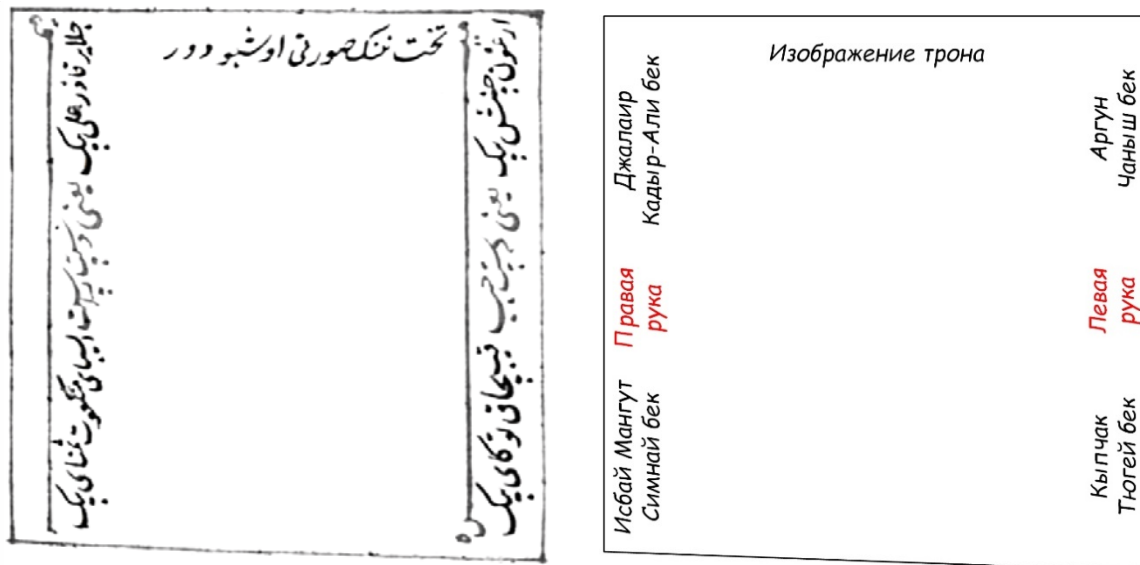

Рис. 1. Изображение трона Ураз-Мухаммеда из Санкт-Петербургского списка и реконструкция имен татарских беков

Татарские беки в русских источниках указывались с титулом «князь». Согласно ордынским традициям, которые должны были сохраняться и в Касимовском ханстве, наличие бекского (по русским источникам княжеского) титула означало, что его носитель обладал определенными властными полномочиями, распространявшимися на некий «эль» («юрт» или «улус») [5]. К сожалению, отсутствие каких-либо сведений не дает нам ясного представления о том, чем являлись бекские «эли» в Касимове. Возможно, что «эль» составляла определенная подведомственная группа служилого татарского населения, в то время как уездное русское население, находилось в ведении представителей русской администрации – волостелей или наместников [6].

Основным надежным источником для поиска карачи-беков или их потомков являются различные сохранившиеся списки служилых татар Касимовского уезда XVII века, как правило, это десятки, смотренные списки.

Касимовские представители рода Аргын

Предполагая, что с левой стороны трона Ураз Мухаммеда находился бек из рода Аргын по имени Чаныш, то нам следует искать в русскоязычных списках среди татар князя Чаныша или его потомков, у которых этом имя указано в отчествах или в родовых прозваниях (будущих фамилиях). Самого князя обнаружить не удалось. Однако в списках среди касимовских татар мы смогли встретить следующие записи:

– 1623 г., смотренный список [11]:

«Тимошка-мурза княж Денышев (вероятно, Ченышев – прим. авторов)», Царев двор, оклад 150 четвертей;

«Емай мурза княж Ченышев», новик, поместный оклад 100 четвертей.

– 1643/44 г., смотренный список²:

«Тимошка мурза князь Ченышев», Царев двор, оклад 150 четвертей;

«Емай мурза князь Ченышев», Царев двор, оклад 100 четвертей³;

«Чернокай мурза Тимофеев сын князь Ченышев», новик, оклад 300 четвертей⁴.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 9. Д. 184. Л. 71.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 184. Л. 71.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 184. Л. 87.

В этих записях родовое прозвание «князь Ченышев» написано с приставкой «князь» или «княж» – это означает, что родоначальником их носителей являлся князь Ченыш. Такое сходство позволяет сделать предположение, что эти татары были потомками аргына Чаныш-бека.

В Российском государственном архиве древних актов в коллекции Миллера сохранилась одна из родословных касимовских татар. Родословная начинается от князя Темгена, у которого было два сына князь Ченыш и князь Сутуш⁵. В родословной отмечено, что от Ченыша пошли Чанышевы, а от Сутуша – Сутушovy (Сутешевы – прим. авторов)⁶. Изображение этой родословной и ее реконструкция представлены на рисунке (см. Рис. 2).

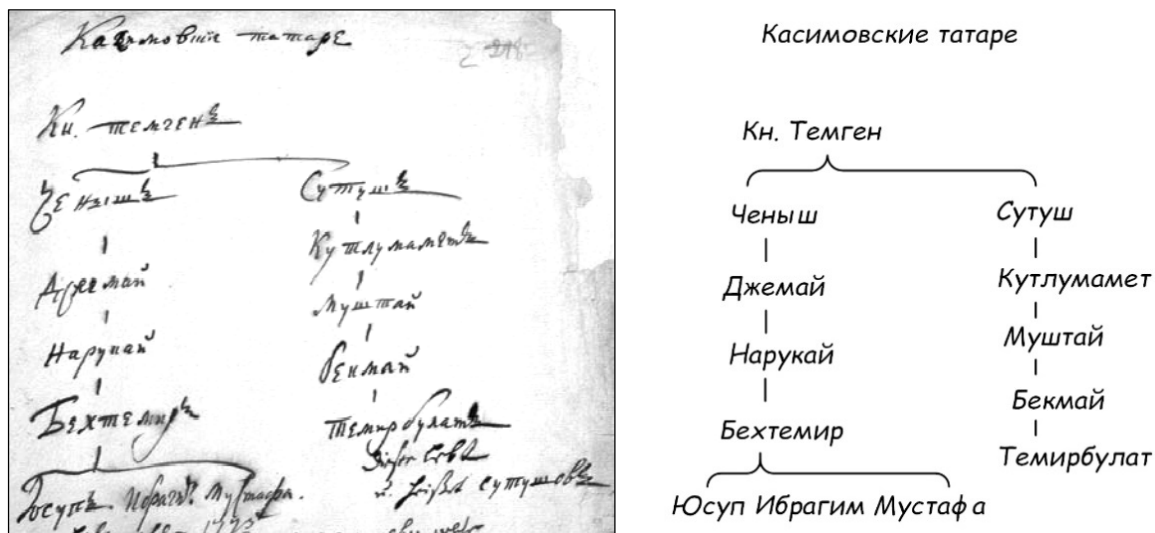

Рис. 2. Изображение родословной Чанышевых и Сутешевых из коллекции Миллера

В связи с обнаружением князя Темгена весьма примечательным выглядит информация о Темгене и его сыне Чаныше из старинного татарского предания жителей д. Бастаново, опубликованного в журнале «Шуро» в 1915 г.⁷ Бастаново – это старинное татарское поселение известное с начала XVI века (ныне с. Бастаново Сасовского р-на Рязанской обл.), но располагалось оно за пределами Касимовского

⁵ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. №. 299. Ч. 8. Д. 5. Л. 2. Родословное древо рода касимовского князя Темгена. URL: http://portal.rusarchives.ru/evants/exhibitions/miller_exp/725.shtml (дата обращения: 02.04.2022).

⁶ В пошлинной книге 1613 г. указано имя вероятного потомка князя Сутуша: «Бурнаш мурза князь Сузтешев» [21, с. 17].

⁷ Ниже представлен фрагмент предания, записанный на современном татарском алфавите: «Янэ шул эснадэ Дусихан, Кырымнан Кырымның (гаюр вэ) мөгьтэбэр адэмлэрдэн Тимгэн исемле кешене жәлеп итеп, ул да Кырымнан Бостанга хәтле, бәлки Ханкирмәнгәчә дә, канал казып килгән. Халә дә ул канав бар (сукалап бозарга да кайсыдыр падиша тарафыннан мәныг ителгән) «Крымская даруга» дип атала. Тимер юллар йөрмәс борын, безнең халык шул юл белән Кырымга күп йөрүчән булганнар. Баягы Тимгән шул жирдә (йирдә) истикамәт итеп, аның Чаныш дигән углы әүляды белән Бәләбәйгә күчәнгән. Халә Бәләбәйдә Чаныш фамилиясендә дворяннар бар. Монда Чанышевлар булса да, христиан динендә князьләр булып калганнар. Бостанның әүвәлге урыны Цна суының жәнүб гарби тарафында Тимгәндә булса да, бәгъзе бер кысынкылык сәбәпле, суның икенче тарафына күчәнеп, Бостан исеме биргәннәр. Тимгәндә фәкәт христиан дине кабул иткәннәр генә калып, халә дә Тимгән атала. Ләкин йирләр (йирләре) әле дә булса Бостан милкендә күбрәк кый-семе.» [48, с. 198–199].

Перевод авторов: В это время Дусихан, пригласил из Крыма из деятельных и уважаемых крымских людей человека по имени Темген, и он прорыл канал из Крыма в Бастаново, может быть, даже в Ханкирман (Касимов – прим. авторов). И сейчас еще тот канал сохранился (какой-то царь запретил его разрушать распашкой) под названием «Крымская дорога». Когда не было железных дорог, наши люди ездили в Крым по этому пути. Вышеупомянутый Темген в том месте показал верность, его сын Чаныш с семьей переехал в Белебей. Сейчас в Белебее есть дворяне с фамилией Чаныш (Чанышевы – прим. авторов). Если здесь и будут Чанышевы, то только оставшиеся в христианской религии князя. Изначальное место Бастанова располагалось в Темгене (Темгенево – прим. авторов) к юго-западу на берегу реки Цна. Из-за некоторой тесноты переехали на другую сторону реки и дали название Бастанову. В Темгене остались только те, кто принял христианство, сейчас по-прежнему зовут Темген (Темгеневы – прим. авторов). Но большая часть земли там все еще в собственности Бастанова.

ханства в соседнем Шацком уезде, а рядом на противоположном берегу реки Цна находилось село Темгенево (ныне с. Темгенево Сасовского р-не Рязанской обл.). Татар Шацкого уезда на протяжении XVI–XVII веков называли ценскими татарами. Итак, согласно преданию, касимовский хан призвал одного из самых уважаемых людей Крыма по имени Темген. Темген якобы прокопал канал из Крыма до Бастаново и до Касимова, который назывался Крымской дорогой. По этому пути люди раньше ездили в Крым. Несмотря на некую фантастичность рассказа о канале, в этом сообщении отражаются реальные исторические факты. Дело в том, что через данный район пролегла татарская сакма, которая могла называться Крымской дорогой. Однако кроме крымских посольств, воспользоваться дорогой могли отряды крымских или ногайских воинских людей. Согласно докладом шацких воевод первой половины XVII века, возле Шацка на сакмах устанавливались остроги и острожки, а чтобы их нельзя было обойти поперек дороги устраивались засеки и выкапывались рвы [28, с. 101, 105].

Что может оказаться еще интересным, рядом с современным селом Темгенево располагаются остатки старого городища (Темгенево городище). Предположительно, это остатки Андреева городка, неоднократно упоминаемого в начале XVI века в Крымских Посольских книгах. По утверждению археологов, город был русским [55]. Неожиданное упоминание Андреева городка в ответе московского князя Василия III на просьбу царевича Аккурта о пожаловании одного из татарских «юртов» в 1508 г. [44, с. 15] позволяет предполагать, что Андреев городок мог пожаловаться кому-то из знатных татар и ранее как некий «юрт». Родословная князей Мещерских связывает Андреев городок с родом ширинского князя Бахмета Усейнова [39, с. 275]. Из ответа царевичу Аккурту становится также известно, что в 1508 г. Андреев городок уже находился во владении касимовского царевича Джаная [44, с. 15]. В Андрееве городке как в татарском «юрте» так же могла находиться некая группа татар, поскольку татарские правители, получив город как пожалование, поселялись там со своим окружением или отрядом татар. Часто такие поселения служилых татар образовывали татарскую слободу в черте пожалованного города – татарские слободы были в Касимове [18, с. 64], в Звенигороде [13, с. 280], в Романове [23, с. 122]. Поэтому в 1508 г. такая группа татар могла находиться под управлением касимовского правителя царевича Джаная. В ходе набегов 1514–1515 гг. Андреев городок был разрушен отрядами крымских татар [44, с. 231]. Если вспомнить предание жителей Бастаново, то можно предположить, что именно эти события стали причиной переселения татар на другой берег Цны в Бастаново. А значит бастановские татары могли еще какое-то время находиться в подчинении у касимовских правителей. Любопытно, что в 1558 г. сбежавший из крымского плена Кочеулай Сенильдеев сын, являвшийся жителем Бастаново, так как записан «бастановцем», указан в разрядных книгах как «городецкий» татарин – т.е. касимовский [38, с. 167]. Что еще интересно, в том же 1558 г. наряду с русскими годовыми воеводами в Шацке показан человек с татарским именем Кулак князь Темгенев [38, с. 166], который судя записи имени мог быть сыном Темгена из миллеровской родословной Чанышевых. Таким образом, мы сделаем заключение, что царевич Джанай, возможно, кто-то из последующих касимовских правителей-Чингизидов назначил татарским наместником над этой областью своего карачи-бека из рода Аргын.

Генетические исследования Y-хромосомы нескольких представителей фамилии Чанышевых и крымско-татарских представителей фамилии Аргинских показали их близкое родство между собой. Аргинские и Чанышевы относятся к гаплогруппе J1, субклад J-FGC7⁸. Почти все многочисленные генетические родственники происходят из арабских стран.

Крымские татары с фамилией Аргинские являются потомками беков и мурз из рода Аргын, которые после ликвидации Крымского ханства вошли в состав дворянства Российской империи [27, с. 101–104]. Учитывая, что и согласно преданию, Темген приехал из Крыма, мы можем предположить, что Чаныш бек являлся потомком представителей крымского рода Аргын.

При этом стоит отметить, что исследование по генетике казахских аргынов показало, что потомки аргынов Акзола (Даир-ходжа) и его сыновей Кара-ходжи и Сомдыка относятся к гаплогруппе G1 [57], т.е. по прямым мужским линиям они не близки Аргинским и Чанышевым, которые имеют явно арабское происхождение. Видя такое противоречие, необходимо найти объяснительную модель. По нашему мнению, она заключается в следующем. Согласно данным Туркестанского сборника Шейхом (духовным лидером) рода Аргын был некий Джелеладдин [51, с. 58]. По нашему мнению, данный Джелеладдин тождественен шейху Джелал ад-Дину из суфийского тариката Ишкийя (Фергана). Он имел следующую генеалогию:

⁸ ДНК-тестирование выполнялось в лаборатории FamilyTreeDNA (Houston, USA).

Джелал ад-Дин, сын Сеид Джаффара, сына Сеида Наки, сына Сеида Мухаммеда, сына Сеида Таки, сына Сеид Ибрагима, сына Сеида Ахмеда, сына Сеида Мухаммеда, сына Али Зарбагыша, сына Махди (двенадцатый имам шиитов, потомок пророка Мухаммеда) [2, pp. 9–10].

Таким образом данный Джелал ад-Дин был из сословия Сейидов и принадлежал к потомкам пророка Мухаммада. При этом, если поднять все данные по «Маджму ат-таварих», то окажется, что у аргынов были тесные связи с этим Джелал ад-Дином. Акжол (Даир-ходжа) и его сын Кара-ходжа были мюридами в тарикате у данного шейха [3]. Как известно, впоследствии из-за землетрясения в Фергане часть представителей тариката интегрировалась в тарикат Накшбандийа.

Вполне возможно, что кто-то из потомков Джелал ад-Дина смог интегрироваться к племени Аргын, чьи родоначальники служили его предкам. Тем самым они (потомственные шейхи Аргынов, происходящие от Сеидов) приобрели Аргынскую идентичность в Крымском и позже Касимовском ханствах.

Посольские книги называют имя еще одного аргынского князя крымского происхождения, присутствовавшего в Касимове в конце XV века. Менгли-Гирей в ноябре 1491 г. попросил Ивана III вернуть князя Мардана: «Да говорили о Мардане о князе, чтобы деи его пожаловал князь велики отпустил, а Нурдовлат бы деи царь не ведал» [43, с. 121]. Отметим, что Мардан упоминается с княжеским титулом – таким образом, мы можем считать его правителем аргынского эля в Касимове при хане Нур-Даулете. Видимо, вскоре он вернулся в Крым, поскольку в 1501 г. упоминается в списке крымских вельмож для выплат «поминок» [43, с. 352]. И, судя по всему, Мардан возглавил крымский эль аргынов, поскольку упоминается среди карачи-беков, подписавших в 1508 г. договор между Василием III и Менгли-Гиреем [44, с. 20].

Касимовские представители рода Кыпчак

Обнаруженное в Астраханском областном архиве прошение об установлении дворянского происхождения татарина Юсупа Тонкачеева, поданное в 1802 г.⁹ содержит изображение родословного древа Тонкачевых. Карачи-беком из рода Кыпчак в церемонии провозглашения ханом Ураз Мухаммеда в 1600 г., вероятно, был князь Тюгей – представитель фамилии Тонкачевых (см. Рис. 3). Это уникальное родословное древо начинается с князя Исеня Кипчакского, вероятно, принадлежащего к клану Кыпчак. В древе обнаруживается имя князя Тюгея. Таким образом, мы можем реконструировать старинную династию кыпчакских князей Тонкачевых в Касимове (см. Рис. 4). Указанные в древе имена предков Тюгея (Булущ, Салтанглыч, Танкач) являются историческими личностями, так как упоминаются в других источниках [46; 32, с. 260; 43, с. 142].

Князь Тюгей в росписи показан сыном князя Булуша. На изображении ханского трона (золотой кошмы) в «Джами ат-Таварих» имя одного из карачи-беков, располагавшегося с левой стороны, было прочитано исследователями как «*Tuqay bek*», «*Tukey bik*» (см. Таблица 1). Учитывая, что татарские звуки «g» и «k» в тексте летописи передавались одной буквой арабского алфавита *kāf* «ك», т.е. слово «*Tügäy bek*» в написании не отличалось от «*Tükäy bek*», можно предположить, что этим карачи-беком был именно Тюгей. Тюгей подходит на роль карачи-бека и по другим признакам. Во-первых, согласно обнаруженной поколенной росписи, он принадлежал к роду Кыпчак, так как его предка звали Исень Кипчацкий, во-вторых, имел титул князь (бек). Князь Тюгей обнаруживается в записи отчества Едигера мурзы, упоминаемого в смотренных списках касимовских татар:

– 1642/43 г., смотренный список:

«Едигел мурза князь Тюгеев сын Толкачов», Царев двор, оклад 300 четей¹⁰;

– 1649 г., смотренный список:

«Едигер мурза князь Тегреев сын Тонкачев», Царев двор, оклад 300 четей [12].

Предок представителей фамилий Тонкачевых (Тонкачевых), а также Булушевых, Альшевых, Кичичевых, Емашевых, князь Тонкач, является лицом историческим, он упоминается в памяти посла Ивана Лобана, которому предписывалось доложить крымскому хану Менгли-Гирею об итогах совместной военной кампании касимовских, казанских и русских полков во главе с касимовским царевичем Сатылганом против Большой Орды. Из текста памяти мы узнаем, что летом 1491 г. углубившись в степь, царевич Сатылган выслал вперед сборный отряд князя Тонкача «с татары и русью», который подвергся внезапной атаке большеордынского мурзы Мусеки, сына правителя мынгытского улуса в

⁹ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 375. Оп. 1. Д. 128. Л. 9.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 184. Л. 70.

крымское посольство вместе с Курчбулатом-уланом, который, в свою очередь, в сообщении января 1493 г. указывался головой мещерских казаков [43, с. 176]. И что важно отметить, племянник Менгли-Гирея, живший у Тонкача, являлся представителем все того же рода Кыпчак, как и Тонкач, поскольку про его отца Менгли-Гирей осенью 1493 г. написал: «Кипчак, а и Кобяк нам был брат, один его сын у тебя нынеча, как гораздо пожаловав, к нам того, а и Кобякова княжова сына пришлешь» [43, с. 197].

Информация о князе Тонкаче не стыкуется с имеющимся в деле о восстановлении дворянства Юсупа Тонкачеева текстом выписей из Выезжих книг, согласно которым, в 1492/93 г. из Золотой Орды вместе с татарскими царями Мухамет ханом и Баром ханом выехал их «ближний» князь Исень Кипчацкий¹¹, дед Тонкача. Но исторический Тонкач, как было показано выше, в эти годы уже жил в Мещере и участвовал в походе, командуя полком. Значит, его дед, князь Исень, в действительности должен был выехать раньше. Причем мы допускаем, что реальный князь Тонкач, упоминаемый в 1491 г., был достаточно взрослым человеком, ведь он уже обладал княжеским титулом, а княжеский титул, согласно татарской традиции, передавался самому старшему из представителей рода.

Мы считаем, что в таком случае время жизни князя Исеня Кипчакского приходится на первую половину – середину XV века. Пока наиболее вероятным ханом, для которого Исень являлся «ближним» князем, и по годам жизни, и по созвучию имени мог быть Улу-Мухаммед. В русских источниках его так же называли как «царь Махмет» без приставки «Улу» [33, с. 103, 107]. Безусловно, сам Улу-Мухаммед не выезжал к московскому князю на службу, но вот после смерти Улу-Мухаммеда (он пропадает из источников после 1445 г.) один из его «ближних» князей вполне мог туда выехать, например, вместе с сыновьями с царевичами Касимом или Якубом, ведь с ними также прибыли «ордынские» князья [22, с. 140–142]. Справедливости ради надо отметить, что имя Исеня не фигурирует среди имен выехавших князей царевича Касима, с которым заключил договор великий московский князь Василий Темный: «Князь Велики Василей Васильевич за твоего отця за великого князя Василья Ивановича кончал со царевичевыми с Касымовыми князьями с Кобяком с Айдаровым сыном, да с Исаком с Ахматовым сыном» [22, с. 129]. Тем не менее мы пока склонны считать князя Исеня одним из бывших князей-карачи Улу-Мухаммеда. А факт наличия записей о нем в Выезжих книгах Посольского приказа, свидетельствует о его историчности.

Для получения более глубокой информации о происхождении рода Тонкачевых (Тонкачевых, Танкачевых), были выполнены ДНК-тесты Y-хромосомы одного из касимовских представителей татарской фамилии Танкачевых в лаборатории Family Tree DNA (Хьюстон, США). О его предках известно, что они проживали в деревне Тонкачеве Касимовского района Рязанской области. Тесты показали, что гаплотип относится к гаплогруппе R1b-M73. Что примечательно, протестированный Танкачев оказался принадлежащим к кластеру, который отличает специфическое значение STR¹² маркера DYS390=19, характерное для субклада R-Y14051. Поясним, что речь идет о выяснении родства только по прямой мужской линии. Эта генетическая линия обнаруживается у разных народов евразийского пространства от областей Западной Украины и Молдовы до Внутренней Монголии [20; 59]. Ее главная особенность заключается в том, что она присутствует у многих носителей этнонима кыпчак. В первую очередь было отмечено наличие этой линии у большинства представителей казахского рода Каракыпшак [60], а также у некоторых представителей каракалпакских кыпчаков [40] и башкирских кыпсаков [30], крымскотатарских кыпчаков [29]. Представленные в данной статье свидетельства позволяют нам заключить, что к этой генетической линии относились и золотоордынские князья из рода Кыпчак. Данные обстоятельства не исключают вероятности прихода князей из рода Кыпчак в западную часть Золотой Орды, на правобережье Волги, вместе с ханом Токтамышем из восточных областей Дешт-и Кыпчак. Полный секвенс Y-хромосомы определил субклад R-BY199373¹³. Остается вопрос, могли ли предки по прямой мужской линии как современных носителей этнонима кыпчак, так и золотоордынских беков из рода Кыпчак находиться среди домонгольских кыпчаков, которых в русских источниках называли половцами, а в европейских и византийских – куманами. Исследователи, проанализировав результаты ДНК-тестирований, пришли к выводу, что есть основания дать положительный ответ на поставленный вопрос [41]. Ключевым фактором является значительное присутствие R1b-M73 (DYS390=19) среди кумандинцев [20]. Кумандинцы – тюркский народ, живущий в Алтайском крае,

¹¹ ГААО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 128. Л. 9; Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 19. Оп. 2. Д. 1. Л. 399.

¹² STR – короткие tandemные повторы.

¹³ ДНК-тестирование выполнялось в лаборатории FamilyTreeDNA (Houston, USA).

Республике Алтай и Кемеровской области России. О связях предков кумандинцев с средневековыми кыпчаками высказывались еще О. Притсак и Л.П. Потапов [36]. Поэтому родиной предков золотоордынских беков из рода Кыпчак считают Кимакское государство [19]. Стоит отметить, что палеодНК из захоронения кимаков так же относятся к данному субкладу [58]. Добавим, что и Рашид ад-дин в своем сочинении «Сборнике летописей» не относил кыпчаков к числу монгольских племен Чингиз-хана, считая их потомками Огуза [37].

Касимовские представители рода Исбай-Мангыт

Анализ имен из сохранившихся архивных списков позволяет предположить, что для сообщения в «Джами ат-Таварих» о карачи-беке Симнае из рода Исбай-Мангыт самым подходящим мог быть князь Семеней (Семинай, Сименей) Немичев. Сам он не упоминается, но имена его потомков встречаются в списках XVII века:

– 1623 г., смотренный список [11]:

«Сюняй мурза князь Семинеев», новик, оклад 200 четей;

«Алей мурза князь Семинеев», Царев двор, оклад 300 четей

– 1642/43 г., смотренный список:

«Сюняй мурза князь Семенеев», Царев двор, оклад 200 четей¹⁴;

«Алей мурза Семенеев», Царев двор, оклад 350 четей¹⁵;

«Карслан мурза князь Семенеев», Царев двор, оклад 200 четей¹⁶

«Тенебек мурза Семинеев», Царев двор, оклад 350 четей¹⁷;

– 1646 г., переписная книга г. Касимова [31]:

«двор Тенибека мурзы князь Семинеева сын Немичева».

Факт того, что Семеней Немичев мог быть беком, означает, что он так же являлся правителем некоего собственного эля.

Возможно, князь Иван Немичев, который, согласно грамоте 1587 г. об освобождении татар от различных оброчных и пошлинных выплат, возглавлял касимовских татар Царева двора [4, с. 230], являлся крещеным родственником князя Семеней Немичева. Это еще раз свидетельствует о каком-то особом положении данного рода среди татар Касимова. Князь Иван Немичев в качестве воеводы упоминается в записях за 1582/83 г. в Касимове «по ногайским вестям», в этом же году «по ногайским вестям» он стоял в Алатыре «а с ним были мещеряне» [34, с. 230].

В.В. Вельяминов-Зернов предположил (в дальнейшем эту мысль поддержал Д.М. Исхаков), что Исбай-Мангыт («Исбай» – ايسباي) – это название одного из подразделений рода Мангыт [17, с. 434; 25, с. 209–210]. Но что это мог быть за подрод, заметно отличавшийся своей значимостью? Известно, что в первой половине XVI века в Московском государстве присутствовали мангытские мурзы из некогда враждебной для Москвы и Крыма большеордынской ветки (потомки Мансура б. Идегея) [50; 8; 25, с. 225], затем во второй половине XVI века были испомещены потомки Идегея из Ногайской Орды в основном в Романовском, Ярославском и Ростовском уездах [9; 50]. По замечанию В.В. Трепавлова, княжеский титул в итоге получили только те из них, кто принял крещение [50]. Из этого мы можем сделать предположение, что, несмотря на особое положение, потомки Идегея вряд ли имели свой эль в Касимове, который бы им обеспечил получение бекского титула. Нам представляется, что подрод Исбай-Мангыт берет свое начало от упомянутого в сочинении Утемиша-хаджи мангыта Асбай-бека («Асбай» – اسباي) [53, с. 62, 66, 208]. В других сочинениях его имя писалось как Эсебий, Эсеней [49, с. 65; 1, с. 67, 83]. У Утемиш-хаджи Асбай-бек назван дядей Идегея [53, с. 62]. Стоит отметить важную деталь, Асбай был пожалован ханом Токтамышем собственным элем: «дали вилайат в Кылыгычы Куры» [53, с. 62]. Утемиш-хаджи также сообщил, что его внук, Мухаммад бек (Шейх Мухаммед бег – по версии Абдулгаффара Кырыми [1, с. 83]), отличился в качестве сторонника хана Улу-Мухаммеда при поимке хана Барака [53, с. 78]. Здесь внук назван с титулом «бек», значит, от Асбай-бека действительно пошла отдельная бекская династия. Интересно, что среди ногайских («татарских») племен в сводке сведений из «старинных грамот», хранившихся в архиве Астраханского губернского правления, также можно обнаружить созвучное подразделение «эсебеймангытского род-

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 184. Л. 71.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 184. Л. 92.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 184. Л. 93.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 184. Л. 70.

ства» [49, с. 502]. По сведениям А.Д. Гребенкина, собранным в 1868 г., среди проживавших около Самарканда и Катта-Кургана мангытов были роды «Исабай» и «Иссабай» [24, с. 87].

Таким образом, версия о происхождении касимовских представителей рода Исбай-Мангыт от легендарного мангыта Асбай-бека, не выглядит противоречивой, учитывая, что внук Асбая был среди сторонников Улу-Мухаммеда, а значит его потомки могли оказаться среди приближенных беков царевича Касима, сына Улу-Мухаммеда.

Однако, результаты ДНК-тестирования Y-хромосомы возможных потомков князя Семенеева оказались странными. Нами были изучены образцы представителей фамилии Сименеевых – выходцев из д. Караулово (ныне не существует, было расположено на территории Ермишевского района Рязанской области). Согласно отказным книгам 1685 г., мурзы Бирюш, Мамет и Фрола – внуки вышеупомянутого касимовского Сюняя мурзы князь Семинеева, были пожалованы дедовскими поместьями в д. Караулово соседнего Кадомского уезда¹⁸. Дети Фрола мурзы указаны среди жителей д. Караулов в переписной книге 1723 г.¹⁹ Результаты представителей Сименеевых показали субклад J2b-Y12000, характерный для потомков местной татарской знати Кадомского уезда, но не для потомков касимовских беков [42]. Несмотря на документальную достоверность происхождения карауловских Семинеевых от касимовского Сюняя мурзы князь Семинеева, следует признать, что генетически они вряд ли связаны с по прямой мужской линии.

Здесь стоит отметить, что ДНК-тестирование проводилось у других представителей рода Мангыт. Один из князей Урусовых тестировался на полный сиквенс Y-хромосомы и полностью совпал с каракалпакским представителем рода Кара-Мангыт. Они оба относятся к субкладу C2-BY182928, расчетный возраст которого составляет 950 лет (в диапазоне 800–1100 лет)²⁰. Данный субклад относится к C2-старккластеру, к которому так же относятся генетически представители других нирунских родов. Как видим, вышеуказанные Семинеевы не совпали генетически с другими представителями рода Мангыт.

Касимовские представители рода Ширин

Род Ширин являлся одним из самых влиятельных родов в Крымском и Казанском ханствах, однако его представители отсутствуют среди приближенных хана Ураз Мухаммеда. На это обстоятельство обратил внимание еще В.В. Вельяминов-Зернов. Тем не менее В.В. Вельяминов-Зернов указал, что в Касимове представители этого рода должны были присутствовать. В доказательство привел слова из послания ногайскому бию Исмаилу 1563 г. о выплате таможенных пошлин в Касимове «истари» на царя или царевича и на большого князя Ширинского [16, с. 471–472; 17, с. 434–435].

В известных смотренных списках касимовских татар первой половины XVII века идентифицировать представителей рода Ширин пока не удалось.

Но есть более ранние сведения из крымских посольских книг в посланиях 1508–1509 гг. о пребывании в Касимове крымского выходца ширина Казы-Мансыря [44, с. 26, 68]. Это был период правления в Касимове династии крымских Чингизидов. Примечательно, что много позднее в 1587 г. была дана грамота всем касимовским служилым татарам об освобождении их от различных податей, среди которых упоминается «Казы Мансыревский ясак» [4, с. 230]. Еще раз об освобождении от выплаты «Казы Мансыревского ясака» упоминается в 1580 г. в жалованной грамоте служилым татарам двоюродным братьям Тюгею Девлесупову сыну и Тимерю Мамаеву сыну Кусменевым на отцовские поместья в д. Каракадышево Борисоглебского стана²¹. Очень вероятно, что название данного ясака связано с именем того самого Казы-Мансыря, хотя уже и являлось анахронизмом. Возможно, и упомянутая выше таможенная пошлина на большого ширинского князя когда-то шла именно Казы-Мансырю. Но в таком случае мы не можем быть уверенными, что в Касимове при хане Шах-Али существовали карачи-беки из рода Ширин. Не исключено, что беки из рода Ширин утратили свое правящее положение сразу после смены крымской династии.

К сожалению, какой-то дополнительной надежной информации нам найти пока не удалось. Хотя мурзы Ширинские в Касимовском и в соседнем Кадомском уезде упоминаются на рубеже XVII–XVIII веков.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Д. 6496. Л. 158–163.

¹⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1068. Л. 576–577.

²⁰ YFull YTree v11.02.00. URL: <https://www.yfull.com/tree/C-BY182928/>

²¹ Отдел рукописей РГБ. Ф. 28. К. 1. Д. 162. Л.1–2.

В опубликованном М.И. Ахметзяновым шэжэрэ (родословной) татар Ширинских, жителей с. Подлипки (ныне с. Подлипки Касимовского р-на Рязанской обл.), сказано, что их родоначальником являлся выходец из Крыма Ишмухамет мурза [7, с. 68–69]. Шэжэрэ составлено на основании копии документов 1858 г. из Касимовского уездного суда. Указанные имена подтверждаются и другими архивными документами. Так, в ведомости дворянского депутатского собрания 1791 г. предком Резепа мурзы Шабаетова сына Ширинского, так же указанного в шэжэрэ, показан Ишмамет мурза Ширинский со ссылкой на выписку из грамоты 1647 г.²² В деле Касимовского уездного суда 1814–1834 гг. о размеживании земель казенных поселян с помещиками с. Подлипки все землевладельцы с. Подлипки предъявили документы о правах на земельные участки. И здесь никто из татар Ширинских не приложил старые жалованные грамоты, а только купчие о приобретении земель у местных татар в XVIII–XIX веках²³. Самая ранняя купчая датирована 1731 г., покупателем там показан Шабай мурза Чумаев сын Ширинский²⁴. Это обстоятельство может свидетельствовать, что мурзы Ширинские в с. Подлипки не являлись коренными жителями. За неимением других данных вопрос о происхождении касимовских мурз Ширинских остается открытым, возможно, действительно они относятся к уже поздним переселенцам из Крыма. Ширинские упоминаются в переписных книгах 1717 г. по с. Подлипки²⁵:

Чумай мурза Кантемиров сын Ширинский, умер в 1711 г.;

Ченкай мурза Муратов сын Ширинской;

кормовой Курамша мурза Ханмометев сын Ширинской.

В соседнем Кадомском уезде так же обнаруживаются мурзы Ширинские, они проживали в д. Богданово (ныне д. Богданово Кадомского р-на Рязанской обл.). В переписной книге 1723 г. по д. Богданово указаны: Ждан мурза Бибаев сын Ширинский, Резен (Резеп?) мурза Бекбаев сын Ширинский²⁶. М.И. Ахметзянов опубликовал шэжэрэ [7, с. 70], согласно которому эти Ширинские происходят от кадомских мурз Крымских. Данное шэжэрэ подтверждается другими архивными документами. Самые ранние имена мурз Крымских мы встречаем среди кадомских татар в разборном списке 1621/22 г. [10]:

Искендер мурза Исламов сын Крымов;

Муралей мурза Изинеев (Исекеев? – прим. авторов) сын Крымской.

Во второй половине XVII века, приняв крещение, некоторые представители рода Крымских сменили свое родовое прозвище на более престижное Ширинские. Стольников Крымских и Ширинских можно обнаружить в Боярских списках конца XVII – начала XVIII веков²⁷ – их имена совпадают с именами из шэжэрэ [7, с. 70]. Похоже, что им последовали и остальные Крымские, предпочтя стать Ширинскими. По всей видимости, этот род напрямую не связан с касимовскими Ширинскими и вряд ли связан с карачи-беками Касимовского ханства. Хотя, судя по первоначальному родовому прозвищу, Крымские, их предки так же являлись выходцами из Крыма.

ДНК-тесты Y-хромосомы представителей кадомской ветви татар Ширинских, выходцев из с. Богданово, показало их вероятную принадлежность к субкладу C-Y4541²⁸. Однако результат представителей крымско-татарской фамилии Ширинских оказался несколько иным – C-FT37001²⁹. Таким образом их родство пока не подтверждается.

Заключение

Подводя итоги исследования отметим, что нам удалось идентифицировать все роды, имена представителей которых были указаны на изображении трона Ураз Мухаммеда: татары Чанышевы и Сутешевы принадлежали к роду Аргын, татары Тонкачевы – к роду Кыпчак, татары Немичевы-Семеневы – к роду Исбай Мангыт. Выяснилось, что более корректные имена записаны в санкт-

²² Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 98. Оп. 1–30. Д. 40. Л. 23.

²³ ГАРО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 210. Л. 60–75 об., 132–133 об., 149–150 об.

²⁴ Там же. Л. 71.

²⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 172. Л. 68–81.

²⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1068. Л. 574–574 об.

²⁷ Захаров А.В. Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века» [Электронный ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 01.03.2023 г.)

²⁸ ДНК-тестирование выполнялось в лаборатории FamilyTreeDNA (Houston, USA).

²⁹ YFull YTree v11.02.00. URL: <https://www.yfull.com/tree/C-FT37001/>

петербургском списке сочинения Кадыр Али-бека. Последняя публикация и перевод З.А. Хисамиевой оказались наиболее точными в передаче имен.

Мы можем предположить, что представители родов Аргын, Кыпчак, Исбай-Мангыт являлись одними из самых старых родов в Касимове. Вероятно, аргыны, являлись выходцами из Крыма и появились в Касимове с приходом новой крымской династии. А вот представители рода Исбай-Мангыт могли прийти в Касимов еще вместе с царевичем Касимом, сыном хана Улу-Мухаммеда. Несмотря на очень глубокую родословную, о времени и обстоятельствах прихода рода Кыпчак судить сложно.

Проведя генетические исследования современных потомков этих старинных и наиболее знатных татарских родов, мы можем сделать предварительные выводы о их происхождении. Так, касимовские и крымские аргыны, вероятно, происходят от арабских выходцев шейхов суфийского тариката, которые в Средней Азии являлись духовными лидерами в племени Аргын, и впоследствии, видимо, возглавили их в качестве беков. Ордынские беки из рода Кыпчак не случайно получили такое название – генетически они связаны с Кимакским и Кыпчакскими каганатами.

По роду Ширинов выводы делать пока преждевременно, здесь потребуются поиск дополнительной информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. Акеров Т.А. «Маджму ат-Таварих» как исторический источник (Полный перевод, анализ и комментарии). Бишкек, 2017. 348 с.
3. Акеров Т.А. Сабитов Ж.М. Военно-Политическая деятельность золотоордынского Пулат-хана на Востоке Улуса Джучи по данным Маджму ат-Таварих. История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Курган, 2017. С. 21–25.
4. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / сост. А.В. Антонов. М.: Древлекхранилище, 2002. 689 с.
5. Акчурин М., Ишеев М. Институт власти татарских князей в Российском государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сборник статей. Вып. 4. Казань: Институт истории АН РТ; Яз, 2014. С. 5–27.
6. Акчурин М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мешеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. С. 4–18.
7. Әхмәтҗанов М.И. Татар шәжәрәләре. Казан: Татар китап нәшрияты, 1995. 128 б.
8. Беляков А.В. Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 15–20.
9. Беляков А.В. Организационная структура служилых татар в Русском государстве конца XV – первой половины XVII в. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный вып. V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч.1. С. 134–149. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.milhist.info/2015/11/17/belyakov_1 (дата обращения: 01.03.2023)
10. Беляков А.В. Разборный список кадомских служилых татар 130-го (1621/22) г. // Российская генеалогия: научный альманах. Выпуск двенадцатый. М.: Старая Басманная, 2022. С. 51–86.
11. Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1623 г. // Рязанская старина. 2004–2005. № 2–3. Рязань: Край, 2006. С. 358–380.
12. Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царева двора и сеитова полка 1649 г. // Рязанская старина. 2004–2005. № 2–3. Рязань, 2006. С. 381–405.
13. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
14. Березин И.Н. Татарский летописец, современник Бориса Годунова. // Москвитянинъ. 1851. № 24, декабрь. Кн. 2. С. 543–554.
15. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. 432 с.
16. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. 587 с.
17. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. 520 с.
18. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866. 525 с.

19. Волков В.Г. К вопросу о прародине и миграциях кыпчаков. Генетический аспект // Золотоордынская цивилизация. №9. Казань, 2016. С. 298–308.
20. Волков В.Г. Кыпчакский генетический компонент в составе средневекового населения юга Западной Сибири и Северного Казахстана // Этногенез казахов: историко-генетический аспект. Алматы: Shejire DNA, 2014. С. 234–245.
21. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / сост. С. Б. Веселовский. М.: Наука, 1994. 482 с.
22. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей / Под ред. Л. В. Черепнина. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 587 с.
23. Города России XVI века. Материалы писцовых описаний / Изд. подг. Е.Б.Французовой. М.: Древле-хранилище, 2002. 469 с.
24. Гребенкин А.Д. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Вып. 2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. М., 1872.
25. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Мастер-Лайн, 1998. 276 с.
26. Кадыр Али-бек. Джамии ат-таварих. Факсимиле рукописи / авт. издания текста, исследования, критического текста, перевода с тюрки, словаря Р. Алимов; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 544 с.
27. Лашков Ф.Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды IV Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. IV. Одесса, 1889. С. 96–110.
28. Материалы по истории Шацкого уезда. Город Шацк и его служилые люди / Сост. И. П. Алябьев. Ульяновск, электронная версия от 07.05.2022 г. испр. и доп. 623 с. [Электронный ресурс] URL: http://rgada.info/publicat/Alyabiev_Materiali_Shatsk.pdf (дата обращения: 01.03.2023)
29. Муратов Б.А. ДНК-генеалогия татарских фамилий–2. Крымские татары // ВЕНР «Suyun». Vol. 3. №1 [1, 2]. January 2016. [Электронный ресурс] URL: http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-1/Crimea_Tatars_3_20160103_1_%5B1_2%5D_3_VENPS_2016_1.pdf (дата обращения: 01.03.2023)
30. Муратов Б.А. Потомки кланов Дешти-Кипчака – куман и сиров, R1b-M73. Часть 1-я // ВЕНР «Suyun». Vol. 3. №5 [1, 2]. May 2016. [Электронный ресурс] URL: [http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-5/Cumans_Sirs_R1b-M73_3_20160526_5_\[1_2\]_3_VENPS_2016_5.pdf](http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-5/Cumans_Sirs_R1b-M73_3_20160526_5_[1_2]_3_VENPS_2016_5.pdf) (дата обращения: 01.03.2023)
31. Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. VI. 1891. № 1. Рязань, 1892. С. 5–10.
32. Полное собрание русских летописей. Т. XXIX. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., Л., 1965. 391 с.
33. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып.2. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. I–VIII, 312 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: «Наука», 1978. 307 с.
35. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / Отв. ред. М.В. Моисеев; подгот. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи, коммент. А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М.В. Моисеев. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 400 с.
36. Потапов Л.П. Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. М.: «Наука», 1968. С. 316–323.
37. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том I. Книга первая. / Перевод с персидского Л.А. Хетагурова. Редакция и примечания проф. А.А. Семенова. Ответственный редактор С.П. Толстов. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 315 с.
38. Разрядная книга 1475–1598 гг. / подгот. текста, ввод. ст. и ред. В.И. Буганова. М.: Наука, 1966. 614 с.
39. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих (Бархатная книга). Ч. 2. М.: В Университетской Типографии у Н. Новикова, 1787. 458 с.
40. Сабитов Ж.М. Даулет Б. Гаплогруппы и гаплотипы 50-ти каракалпаков // Russian Journal of Genetic Genealogy. (Русская версия) Том 3. №3 (2011) / Том 4. № 1 (2012). С.83–90.
41. Сабитов Ж.М. К вопросу о гаплогруппах кипчаков // Ұлы Даланың тарихы: түріктер мен моңғолдар. Астана: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ баспасы, 2014. С. 102–107.
42. Сабитов Ж.М., Акчурин М.М. Генеалогии (Шежире) и генетические данные по происхождению постордынской родоплеменной аристократии // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 6. Казань, 2014. С. 127–139.
43. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 41: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Ч. 1 (годы с 1474 по 1505) / Напечатано под наблюдением Г. Ф. Карпова. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. 10, XXII, 558 с., 82 стб.

44. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 95: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб.: Печатня С.И. Яковлева, 1895. xix + 706 с. + 108 стб.
45. Сборник летописей. Татарский текст (Составлен в царствование Б. Годунова) с русским предисловием // Библиотека восточных историков. Изд. И.Н. Березина. Т. II. Ч. 1. Казань, 1854 Б. 162–170.
46. Селиванов А.В. Опись дел Рязанского Исторического Архива. Древние акты и грамоты. // ТРУАК. Т. VI. 1891. № 3. Рязань, 1892. С. 33–45.
47. Сыздыкова Р.Г. Язык «Жами́ ат-тауа́рих» Жалаири. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1989. 243 с.
48. Татар халык риваятьләре һәм легендалары / С.М. Гыйләжетдинов. Казан: Раннур, 2000. 320 б.
49. Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 752 с.
50. Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002. М., 2003. С. 320–353.
51. Туркестанский сборник. Т. 440. Ташкент, 1907. 190 с.
52. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. [Текст]. Казань: Изд-во Казан. унта, 1972. 223 с.
53. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
54. Хисамиева З.А. Язык дастанов Кадыр Али-бека. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 244 с.
55. Челябинов В.П. К вопросу об Андреевом городке каменном // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Вып. 8. Рязань, 2005. С. 13–16.
56. Akchurin M.M., Sabitov Zh.M. Dastan about Uraz-Muhammad Khan from the work of Kadyr-Ali bek as a source about the clans of the tatars of Kasimov // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 411–428. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.411-428 EDN: MMRWOG
57. Balanovsky O. et al. Deep phylogenetic analysis of haplogroup G1 provides estimates of SNP and STR mutation rates on the human Y-chromosome and reveals migrations of Iranic speakers // PLoS One. 2015. 10 (4): e0122968. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0122968> (дата обращения: 01.03.2023)
58. Damgaard, P.d.B., Marchi, N., Rasmussen, S. et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes. Nature 557, pp. 369–374.
59. Tianzhen Gao, Libing Yun, Shuang Gao, Yan Gu, Wang He, Haibo Luo, Yiping Hou Population genetics of 23 Y-STR loci in the Mongolian minority population in Inner Mongolia of China. [Электронный ресурс] URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s00414-016-1433-1> (дата обращения: 01.03.2023)
60. Turuspekov Y., Sabitov Zh., Daulet B., Sadykov M., Khalidullin O. The Kazakhstan DNA project hits first hundred Y-profiles for ethnic Kazakhs // The Russian Journal of Genetic Genealogy. 2011, vol.2, №1, pp. 69–84.

Сведения об авторах: Максум Маратович Акчурин – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация). E-mail: bigeevo@yandex.ru

Жаксылык Муратович Сабитов – Ph.D. (политические науки), директор Научного института изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0001-7186-156X. E-mail: babasan@yandex.ru

ABOUT THE RULING CLANS IN THE KASIMOV KHANATE

M.M. Akchurin

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Zh.M. Sabitov

Research Institute for Jochi Ulus Studies

Research objective: to reveal information about the ruling clans in the Kasimov Khanate based on information from the dastan about Uraz-Muhammed Khan from the work of Qadyr-Ali bek.

Research materials: the image of the throne in the dastan about Uraz-Muhammed is the only source about the names of clans among the beks of the Kasimov Khanate. The research used acts and documents of management and

record keeping, legends of the Tatars, genealogical lists, oriental writings, the results of genetic studies of the Y-chromosome of the beks' descendants.

Results: the article presents the results of a long-term research, in which among the Kasimov Tatars, Karachi-beks who participated in the ceremony of enthroning Uraz-Muhammed to the Khan's throne in 1600 were identified. Their family trees and origins were clarified. Considering that the Kasimov Karachi-beks were representatives of the well-known Horde clans, we accordingly got an idea of the origin of some of the most powerful aristocratic non-Chingisid clans of the Ulus Jochi era. In addition, some plots on the history of the Meshchera Tatars associated with representatives of the studied clans are considered.

Keywords: Qadyr-Ali bek, Uraz-Muhammed, Ulus Jochi, Golden Horde, Kasimov, Kasimov Khanate, Crimean Khanate, Meshchera, Kasimovsky uyezd, Kypchaks, Argyns, Mangyts, Beks, Karachi-beks, Tatar knyazes.

Acknowledgements: The authors express their sincere gratitude for their assistance in collecting materials to Takhir Abdurakhmanov, Mullanur Isheev, Alexander Abdiev, Doctor of Sciences (History) Andrey Belyakov, Doctor of Sciences (History) Radik Salikhov, Iskander Nasyrov.

About the authors: Maksum M. Akchurin – Cand. Sci. (History), Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: bigeevo@yandex.ru

Zhaxylyk M. Sabitov – Ph.D. (Political Sciences), Director, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0001-7186-156X. E-mail: babasan@yandex.ru

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ XV–XVI ВВ.

С.П. Серкин

Независимый исследователь

В статье кратко представлена историография истории средневековой Вятской земли с татарским анклавом в её центре. Сделан вывод о большей зависимости вятчан от татарских правителей, чем от великих князей московских. Дается критический анализ летописных сообщений XV в. о Вятской земле и её городах в период первой русской колонизации (1489–1539 гг.). Комплексный анализ источников (сообщений общерусских летописей, писем казанского хана Сафа-Гирея к польско-литовскому королю Сигизмунду I, а также данных Сигизмунда Герберштейна) позволил выявить недостоверные известия.

Ключевые слова: Вятская земля, Казанское ханство, Московское государство, Повесть о стране Вятской, Нукратские князья, опричное княжество, историография, источники

Благодарности: Данный вопрос исследовался автором при многолетней поддержке д.и.н., почётного члена Учёного совета РГГУ, профессора РГГУ, РАНХ и ГС, члена Комиссии по истории Вятского края (1978), академика РАЕН Аркадия Ивановича Комиссаренко (1937–2021), а так же д.и.н. Андрея Львовича Юрганова (РГГУ), д.и.н. Юрия Владимировича Кривошеева (СПбГУ), д.и.н. Марины Сергеевны Черкасовой (ВоГУ, Вологда), д.и.н. Константина Александровича Руденко (профессора Казанского государственного института культуры), д.и.н. Игоря Петровича Ермолаева (заслуженного профессора Казанского федерального университета (КФУ)), к.и.н. Дины Абдулбаровны Мустафиной (КФУ) и ряда других историков.

Более чем двухвековые споры историков по вопросу понимания событий средневековой Вятки требуют в настоящее время пристального рассмотрения Договорных грамот первой половины XV века и послания митрополита Ионы на Вятку 1452 года. Нужно отметить, что послание митрополита Ионы региональные исследователи старались обходить стороной, а если и рассматривали, то только в основном первоначальные строки его обращения, так как в последующем тексте изложена нелюбимая информация о вятчанах.

Такой подход историков к выбору источников не способствовал изучению реальной истории средневековой Вятки. Её адекватному исследованию мешало то, что за основу средневековой историографии был взят поздний, и к тому же недостоверный источник второй трети XVIII в. – «Повесть о стране Вятской» [56, с. 210–215]. Причем крайне критическое отношение к «Повести» было высказано в выводах известных русских историков ещё в начале XX века [25, с. 1799].

В XIX веке в исторической науке господствовало мнение, что Вятка являлась новгородской колонией с конца XII века, «где повторялось внутреннее устройство метрополии». Автор этих строк – доктор русского права М.Ф. Владимирский-Буданов оговаривался: «Впрочем, подробности устройства Вятки малоизвестны, так как здесь совсем не существовало княжеской власти» [8, с. 90].

Но что же тогда здесь действительно было? В чьих руках находилась власть в бассейне Средней Вятки в конце XII века, и какие события происходили в последующие века?

Такого вопроса на серьёзном научном и глубоком уровне перед собой региональные историки не ставили, так как главным и определяющим источником для их исследований считалась и до сих пор является выше названная «Повесть». В ней сообщается о приходе новгородцев на Вятку, строительстве ими своих городков и, что будто бы они жили независимо, соблюдая отеческие законы и религиозные традиции до вхождения под власть великого княжества Московского.

Историк А.А. Спицын в отличие от других исследователей средневековой истории Вятской земли не только критически относился к этому недостоверному источнику, но и ставил вопрос о необходимости изучения татарского влияния на вятчан в тот период. В своей статье он признавал важным сообщением С. Герберштейна о подданстве вятчан татарам [10, с. 129] и считал, что это известие заслуживает особого внимания исследователей. Свои рассуждения он завершил следующими словами: «К сожалению, до сих пор у нас никто не занимается этим вопросом» [62].

В другой работе он указал: «Ясно, что Арские (татарские) князья играли в истории Вятки какую-то роль, может быть значительную» [65, с. 28]. На призыв А.А. Спицына, рассмотреть обстоя-

тельно сообщение С. Герберштейна о подданстве вятчан татарам, никто из историков не откликнулся ни в XIX веке, ни в XX столетии, ни в начале XXI века.

К.и.н., профессор А.В. Эммаусский в своей работе кратко указал, что на Вятке проживали «удмурты и марийцы, находившиеся на стадии разложения патриархально-родового строя и зарождения феодальных отношений». Далее он писал, что «в XI–XIII вв. южные удмурты и горные марийцы фактически стали подданными Волжской Болгарии» [78, с.13–14]. Северных удмуртов, по мнению А.В. Эммаусского, писавшего историю Вятки с учётом взятого за основу названного выше источника, подданство Булгарии, будто бы, не коснулось.

В отличие от А.В. Эммаусского А.Х. Халиков писал: «Севернее...по Вятке (Нукрату) располагались земли не собственно болгарской территории, а находившиеся под протекторатом Булгарии. Здесь выделяется область достаточно плотно заселённая выходцами из Булгарии ещё в домонгольское время, а также бежавшими от монгольского нашествия в 1236–1240 гг...» [71, с.75–76].

Исследователь рукописных источников и преданий Казанского края Н.К. Баженов (1804–1848) в своей работе писал о том, что новгородские выходцы вначале XI в. заводили в Булгарию свои торговые колонии, однако, "соединившись с болгарями, горстка славян приняла религию, нравы и язык этого господствующего племени" [3, с. 2–3, 6]. О том, что данный регион был взят под контроль войсками Батия в 1241 г., свидетельствует Никоновская летопись [53, с.125].

О более поздних событиях А.Х. Халиков писал: «Разграблению были подвергнуты и закамские земли Булгарии, через которые в 1391 году прошёл с войском по приказу Тохтамыша царевич Бектут, который “шед взя Вятку, а люди посече, а иные в полон поведе”. Видимо, этот поход был совершён в отместку за стремление болгарских княжеств к самостоятельности, и его результатом явился отказ болгарских князей участвовать в битве Тохтамыша с Тимуром на Кондурче» [71, с.70]. Однако, здесь будет правильнее предположить, что если и был проведен такой рейд, то он был связан с борьбой хана Тохтамыша со своими внутренними противниками.

Золотоордынский царевич, очевидно, произвел замену князей, управляющих Вятской землёй, которых русское население, впоследствии, стало называть Вятскими князьями [9, с. 38; 1]. Учитывая эту информацию, а также сообщение М.М. Щербатова о существовавшей связи Нукратских татарских князей с золотоордынским ханом в 1458 г. [76, с. 590], можно сказать, что Вятка являлась специфичным золотоордынским княжеством буферной зоны, в которой в дальнейшем сталкивались интересы Москвы и Казани.

О княжестве на Вятке в 1715 г. в Швеции писал А.И. Манкеев (+1723) [43, с. 153], а историк В.Н. Татищев указал на иноязыческое княжение в бассейне Средней Вятки [67, с. 115, 120]. Так же, о татарских Вятских князьях сообщают региональные летописи в строках о взятии Вятки в 1489 г. В отличие от них во многих общерусских летописях князья названы не татарскими, а арскими, при том, что они никакого отношения не имели к Арской земле. Такое их наименование фигурирует в XVI веке в царских жалованных грамотах по причине находящихся под их властью удмуртов, которых татары называли «арами». Об этом же свидетельствовал и князь А.М. Курбский [32, с. 206]. Мнение о том, что под «арами» подразумеваются только южно-удмуртские князья, неверно.

Вопрос появления татарских князей на Вятке до сих пор пока не решён. Могли ли быть на Вятской земле во время карательной акции царевича Бектута каринские татарские князья? Скорее всего, такого быть не могло. Не было смысла его войску идти в регион, где властвовали татарские князья. Генеалогия каринских татар «Шеджере Кара-бека» сообщает о «пожаловании Калталы Иваном их предку страны «Нукрат» требует дальнейших исследований. Здесь нужно сказать, что при Иване Калите (1288–1340) такого быть не могло. Епифаний Премудрый (+1420), автор жития преподобного Стефана Пермского в своём повествовании в конце XIV века в перечне не христианских, иноязычных народов [21, с. 199], живших вокруг Перми, то есть находившихся под татарской властью, указал и вятчан. Это сообщение в первую очередь опровергает миф «Повести о стране Вятской» о религиозности вятчан и поселении на Вятке новгородцев. В это время на Вятке, до прихода золотоордынского царевича Бектута, очевидно, правили болгарские князья. Региональные летописи впервые свидетельствуют о татарских Вятских князьях только в 1489 г., когда Иван III после их пленения позволил вернуться на место своего прежнего проживания [9, с. 38]. При этом у них было урезано право владения землёй. Им позволялось владеть только землями по берегам р. Чепцы с удмуртским населением и другими этническими группами [11, с.13–15].

Наименование татарских князей в летописях «арскими» входило в план фальсификации событий на Вятке, как и указание её городов в XV в., которые возникли только в 1540-х годах [56, с.47].

Летописцы XVI в. создали неразрешимые проблемы в понимании историками реальных событий, происходивших в XV в. Эти цели были поставлены во главу угла кружком митрополита Макария для замалчивания о поражениях великокняжеских войск и захвате казанскими войсками Вятской земли во второй половине 1530-х годов.

Рассматривая данный вопрос, уместно представить интересный факт, который приводят исследователи Р.Ж. Баязитов и В.П. Макарихин, из работы историка М. Смирнова: «Царевич Бектут, грабивший от имени Тохтамыша Вятку в 1391 г., в 1393 году был в Сарове, «сотрудничал» с князем Василием Кирдяпой¹» [4], который считался владетельным князем Вятки на основании договорной грамоты. О дальнейших событиях на Вятке Софийская летопись сообщает, что в 1393 г. Вяткой завладел царевич Махмут. Передача этого края Токтамышем русским князьям во владение хотя и происходила в формальном плане, но в реальности Нукратские князья и казанские ханы старались противостоять установлению контроля над водным путём великокняжеской властью.

Историк П.Н. Луппов в своей работе писал, что сын Дмитрия Донского великий князь Московский Юрий Дмитриевич владел Вяткой семнадцать лет [37, с. 55]. Как в реальности складывались в то время обстоятельства, и мог ли он владеть ею в действительности, а не формально, неизвестно. П.Н. Луппов неслучайно писал: «летописцы имели основание вначале XV в. считать Вятскую землю землёй татарской» из-за похода на неё царевича Бектута [36, с. 19], оставившего после своего ухода татарских князей. Для большего понимания жизни на Вятке в тот исторический период, необходимо учитывать то, что А.Х. Халиков не знал и потому не рассматривал, как и региональные историки, взаимосвязи между двумя тюркскими городищами в центре земли Вятской. Эта особенность геофизического расположения их в русском анклавe, находившемся в зоне болгарских интересов с древних времён, сыграла свою роль.

В малый тюркский анклав входила не только каринская земля с городищем Кала-тау и его окрестностями на левом берегу Вятки, но и городище Чуршина (позднее наименование Подчуршинское) на правом её берегу. Оно представляло собой значительный холм на высоком крутом берегу Вятки напротив Кала-тау (город на горе). Русифицированное наименование городища Чуршина возникло от тюркского слова «Чур» в значении «воин», имевшее в болгарский период также название Нукрат-туба (Нукрат-гора), Бол(в)(у)анская гора, позднее местное русское население называло его уже Богатырской горой.

Рассматривая данный вопрос, мы должны коснуться и этимологии гидронима Нукрат, так как филологи и историки Вятки и Казани при изучении этого вопроса следовали за мнением А.Ф. Чеботарёва, который на основе недостоверного известия «Повести о стране Вятской», выдвигал следующую этимологическую цепочку: «Новгород – новгородцы – Но(у)г(к)рат» [75, с. 240–241].

Гидроним Нукрат имеет угро-тюркское происхождение от морфемы нукр(ь) в значении «река» + тюркская морфема «ат» [17, с. 64–65] – в значении «имя, наименование». Следует также сказать, что нукратских болгар с древности называли серебряными [22, с. 3–36]. Такое их название фигурирует в русских летописях [46, с. 1]. Эти болгары получили наименования от реки Нукрат, на берегах которой проживали. Со словом «серебро» этот гидроним никак не связан, однако были попытки филологов его вывести от персидского слова «ногре» – серебро [16, с. 153]. Ложное восприятие этимологии этого гидронима сложилось в тюркской среде в древний период, когда эти болгары являлись посредниками в торговле между персидскими купцами и народами севера при обмене серебряных и золотых изделий на меха [73, с. 51]. Вероятно, именно тогда из-за их длительной деятельности по перевозке серебряных изделий могло появиться параллельное понимание возникновения его этимологии, которое вытеснило из жизни его первоначальные истоки.

¹ Князь Семён и Василий Кирдяпа содействовали Токтамышу, как и их отец – Дмитрий Константинович, который отказался принять участие в выступлении русских князей против войск Мамаю, так как стремился к дружбе с татарами [37, с. 52]. За их верную службу хан Токтамыш дал князю Семёну ярлык на Вятскую землю [37, с. 54]. Мог ли он иметь действительную власть на Вятке при существовании в этом регионе Нукратских князей? Скорее всего, этого не могло быть. Следы его проживания на Вятке в XVII в. были две пустоши недалеко от р. Хлыновицы, которые в переписных книгах указаны под именами Первое Кирдяпино и Другое Кирдяпино [РГАДА. Ф. 1209. Кн. 1029. Л. 105]. Эти князья совершенно не случайно укрывались от великокняжеского гнева подальше на Вятке в области Нукратских татарских князей.

О древней тюркской крепости, находившейся на этом холме, свидетельствуют не только его топонимы, но и гидроним (тюркская морфема «бир» в значении поголовная подать) в наименовании ключа (речки) – Бирский(ая) у его подножия, сохранившийся до середины XIX в.²

Крепость на Подчуршинском городище возникла в ранний болгарский период на воднотранспортном торговом пути болгарских купцов к северным народам и морским берегам, так как известна их активная посредническая деятельность между арабами и народами Севера [64, с.19].

Серьёзным исследованиям этот памятник археологии X–XII вв. местного значения [50, с. 96] до сих пор не подвергался по причине существующей парадигмы в средневековой истории Вятского края и мифологических воззрений, господствующих в исторической науке и в настоящее время, связанных с «Повестью о стране Вятской» и «Сказанием о Вятчанах» [40, с.150–152].

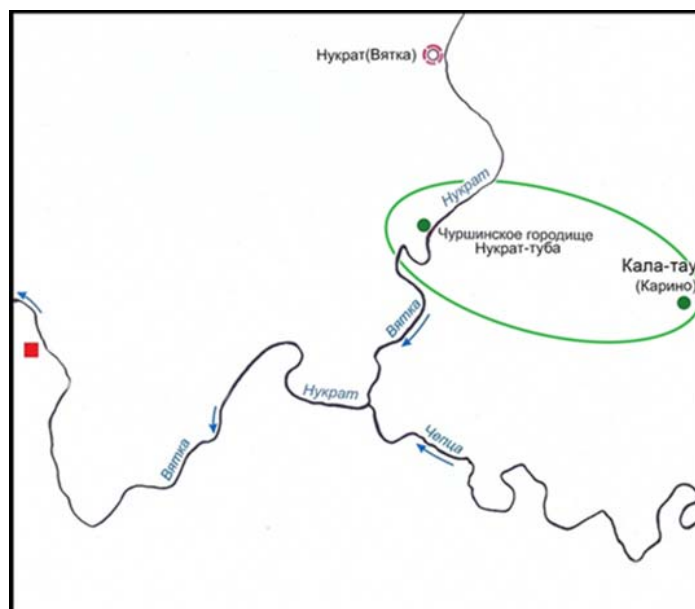
О более позднем периоде истории Вятской земли М.А. Усманов писал следующее: «С XIV в. на Вятке начинают сталкиваться интересы русских князей и татарских ханов. Если правители славянских княжеств предпринимали меры для освоения края, то татарские ханы старались удержать господство над ним...» [69, с. 183–184].

Безусловно, такой вывод соответствует действительным событиям того времени. Борьба шла за данный регион между великими князьями и татарскими ханами, в зависимости от которых были вятчане, представлявшие собой их воинство, находившееся при относительной свободе, но под контролем Нукратских князей [8, с. 45–46]. Выше приведённые слова М.А. Усманова как раз и характеризуют весь последующий исторический период событий на Вятке, вплоть до окончательного вхождения Вятской земли в состав Московского государства в 1539–1540 гг.

Рассматривая данный вопрос, необходимо кратко сказать об имеющемся мнении казанского историка Р.Н. Степанова в публикациях, касающихся нукратских татарских князей. Он сообщал о существовании Каринского опричного княжества с центром – Карино (Нукрат) [66, с. 21] во 2-й четверти XIV – 2-я половина XVI веках, удела, который располагался в верховьях реки Чепцы, пожалованного этим князьям за службу. Его мнение было ошибочным, и могло относиться к этому уделу только в XVI веке. Р.Н. Степанов рассматривал эту территорию ограниченно, по причине крайне малой в научном поле информации о Подчуршинском городище, имевшем также тюркские корни. Аналогично рассматривал это княжество и историк М.Г. Худяков, назвавший его «болгаро-татарским Каринским княжеством» [73, с. 176].

Карта-схема первых русских городов и двух татарских городищ в бассейне Средней Вятки

Центральная часть Вятской земли в 1489–1530-е годы. На месте, отмеченном квадратом, в 1540-х годах возник город Хлынов

² Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 574. Оп.1. Д. 72. Л. 47об.

Примечание к правой схеме.

Город Вятка возник на месте татарского города Нукрат в 1489 г. В овале показаны две крепости тюркского анклава с Нукрат-туба и Кала-тау. Город Котельнич на р. Чепце находился за пределами центральной части, как и Слобода, располагавшаяся в низовьях р. Вятки.

В договорной грамоте великий князь Василий Васильевич братьям своего отца в 1428 г. [59, с. 89] указывает, что Вятская земля со слободами и всеми местами пожалована ему его отцом Василием Дмитриевичем, и они не должны в неё вступать. В другой Договорной грамоте великий князь Василий Васильевич договорился с князем Дмитрием Юрьевичем (Шемякой) 1434 г. [59, с. 109] о том, что Вятка является его «отчиной», в которую последнему также не позволено вступать. В Духовной грамоте князь Георгий (Юрий) Дмитриевич Галицкий в 1434 году [59, с. 105] даёт трём своим сыновьям Вятку «с города и волости». В Договорной грамоте великого князя Василия Васильевича с князем Дмитрием Юрьевичем (Шемякой) 1436 г. [59, с. 120] указывается аналогично, что Шемяка не должен вступать в Вятку. Об этом же сообщается в Договорной грамоте великого князя Василия Васильевича с князем Дмитрием Юрьевичем (Шемякой) и с братом его князем Дмитрием Юрьевичем (Красным) 1440 г. [59, с. 128–132]. В Договорной грамоте Суздальских князей с князем Дмитрием Юрьевичем (Шемякой) и с сыном его князем Иваном 1446 г. [59, с. 135] последним также указано о запрете вступления им в Вятку.

Представленная выше информация, казалось бы, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что Вятская земля в первой половине XV в. находилась под контролем галицкой ветви московских великих князей – сыновей Юрия Дмитриевича. То есть, они делили между собой доходы с этой земли, а другие московские князья не могли вмешиваться.

Слова князей о том, что Вятка являлась «прадединой, дединой и отчиной» говорят о том, что воеводам их прадеда в XIV в. вятчане целовали крест и клялись в верности. Таким образом, обратив формально Вятскую землю в свою вотчину, находившуюся далеко от своих владений, князь должен был ставить своего наместника для установления контроля по своевременной выплате дани, сохранения в силе власти князя и др. задач. Кроме того, при нём должны были быть дьяки и подьячие для письма и пр. Но как в действительности реализовывалось правление великих князей на этой территории, если она находилась за тридевять земель в соседстве с достаточно мощным Казанским ханством? Этого мы не знаем, и можем строить только предположения.

В тексте грамоты митрополита Ионы 1452 года «вятским воеводам и всем жителям» [1, с. 490] сообщалось о том, что вятчане, хотя и называли себя христианами, но таковыми в действительности не являлись, так как «издавна» с «поганством» жили в единении и, что «многожды» воевали земли Великого князя, разоряли церкви, убивали христиан и брали их в плен, а затем продавали. Кроме того, сообщалось, что они многократно целовали крест у воевод (6 раз) и клялись в верности великим князьям с приходом московского войска, но постоянно им изменяли (вероятно, сразу после его ухода).

О чём свидетельствуют эти походы московских войск на Вятку, о которых в общерусских летописях ни слова не упоминается? Они говорят о том, что вятчане-воеводы, представлявшие собой какую-то фиктивную власть (реальная находилась у Нукратских/Вятских татарских князей³) при контактах с представителями великокняжеского воинства, нарушали свои обещания и клятвы верности великим князьям, не посылали дани и грабили их земли. А так как они не признавали их требования, то, следовательно, и наместников великокняжеских вместе с дьяками и подьячими, оставленных для контроля и управления, они, надо полагать, также не воспринимали и выгоняли. Примером тому служит известный факт изгнания на Вятке наместника великого князя в 1487 г. [30, с. 17].

Изгнание наместников в тех удалённых обстоятельствах, которых они находились, вполне могли быть, так как совершенно не случайно войска приходили, проделав большой и длительный путь со всеми трудностями на Вятку 6 раз. Это позволяет предполагать и о многократном, периодическом восстановлении власти нукратских князей до очередных приходивших на Вятку московских войск.

С таким пониманием согласуются и приведённые выше строки М.А. Усманова: «Нукратские (вятские) князья из татар, часто меняя политическую ориентацию, несколько раз обновляли своих верховных сюзеренов (русских князей на татарских ханов, затем обратно)» [69, с. 187]. Но так как время нахождения московских войск на Вятке, было непродолжительным, как и оставляемого княжеского наместника, то получается, что Нукратские князья фактически почти постоянно находились у

³ Наименование «Вятские князья» (татарские) фигурируют в региональных летописных источниках «Вятский временник» и «Летописец старых лет» за 1489 г. и в царской жалованной грамоте татарским князьям от 20 января 1556 г. [2].

власти. В данном случае данные митрополита более достоверны, чем княжеские грамоты. Князья, имели личный интерес, связанный с обоснованием своих владений на Вятке. По этой причине они, несмотря на существовавшие проблемы с контролем в этом регионе, в Договорных грамотах указывали Вятку своей отчиной, дединой и прадединой, чтобы каждый раз подтверждать документально своё право на владение этой землёй.

Митрополит Иона сообщил важную информацию в этом своём послании, отсутствующую в летописях, о шести походах великокняжеских воевод на Вятку до 1452 года (одном походе Дмитрия Ивановича Ряполовского, трёх походах Глеба Семёнова и двух походах Александра Мякинина). Неудачные походы не вписывались в создаваемую картину славных побед и деяний великих князей, поэтому о них в летописях не сообщалось. Пользовался ли митрополит Иона летописями того времени и были ли упоминания об этих походах великокняжеских войск, в настоящее время определить невозможно. Известно из работ исследователей летописей Д.С. Лихачёва [35, с.351] и Я.С. Лурье [38, с. 210, 221], что в XVI веке перерабатывались предшествовавшие тексты XIV–XV вв. Возможно упоминания об этих походах в летописях ранее существовали.

Автор этих строк выявил фальсификацию событий XV в. в строках касающихся взятия городов Вятки, которых ещё не существовало в то время. В этом вопросе помогли разобраться западноевропейские географические карты XVI в. [56, с. 19–29].

Информация об отсутствии на Вятке настоящей христианской жизни вятчан и наличие только её внешней видимости (церкви и неизвестно кем поставленное священство, несоблюдающее канон Православия), а также существование на Вятке татарских Нукратских князей в тот исторический период, позволяют сделать следующий вывод. Названные в этой грамоте русские воеводы не могли являться первыми лицами Вятки. Они могли быть только на вторых ролях по разрешению вопросов такого порядка. Возможно, имена вятских воевод были специально названы для того, чтобы они поняли, что великий князь знает тех, кто разоряет его земли и, что им не будет прощения за их помощь его противникам.

Несмотря на такие существовавшие обстоятельства, митрополит Иона всё-таки сделал попытку для убеждения вятчан о прекращении ими грабежей и разбоев, и возвращения ими, взятых в плен людей. Послание митрополита Ионы на Вятку могло быть инициировано великим князем Василием II, так как вятчане, действовавшие в интересах Нукратских князей, поддерживали его противников – Дмитрия Шемяку и Василия Косого в период их Междоусобной Московской войны 1425–1453 гг. [33, с. 240].

Геополитическое расположение Вятки вблизи тюрко-татарских государств (Булгарского улуса, позднее Казанского ханства) сыграло свою роль в её истории. Русское гражданское население и представители русского воинства Вятки в этих условиях не могли быть независимыми. С уверенностью можно сказать, что Нукратские князья, находились в большей степени зависимости от Казани, чем от Москвы и фактически реально управляли в этом анклавом. Борьба за Вятку происходила не между Москвой и вятчанами, а между Москвой и Казанью. Подтверждением этого служит захват Вятской земли в конце 1530-х годов войском казанского хана Сафа-Гирея, писавшего в своём письме Сигизмунду I: «дань ми с той земли Накратской идёт, как предкам царей козанских хаживала» [45]. Вятчане являлись всего лишь воинами на стороне Казани, господствовавших в этом регионе.

Для великих князей расширение владений своих вотчин стояло всегда среди главных их целей. Князьями практиковался метод с целью документального доказательства и объяснения претензий на древнее владение какой-либо территорией, ранее признавшей их власть, даже временную. В летописях тех времён оправдывались завоевательные планы Москвы. По этой причине указывалось, что та или иная земля «из старины» была «отчиной» [58, с.185].

Все вновь выявленные факты ещё раз подтверждает причину того, что историки длительное время не могли разобраться и понять реально происходившие события на Вятке до середины XVI в., так как «Повесть о стране Вятской» увела в данном вопросе историков по ложному пути. А.А. Спицын [61, с. 41] и П.Н. Луппов, хотя и игнорировали её, рассматривая колонизацию Вятки иначе [36, с.22], но фальсификацию в летописях увидеть не могли по причине существовавшей парадигмы и при ограниченном рассмотрении источников. Факты умолчания о рассмотренных походах на Вятку в существующих летописях, а также о событиях конца 1530-х годов, связанных с уничтожением первых русских городов на Вятке войском казанского царя Сафа-Гирея [56, с.19–23], свидетельствуют о том, что информация о реальных событиях на Вятке целенаправленно искажалась летописцами XVI в. при царе Иване IV.

Вопрос об исчезновении русских городов на Вятке в конце первого периода её колонизации (1489–1536 гг.) в настоящее время рассматривается не случайно. Тому причиной является вновь выявленная информация и необходимость критического анализа летописных сообщений о городах Вятки. В Духовной грамоте 1504 г. великого князя Московского Ивана Васильевича III города Вятской земли не названы [20, с. 356]. В ней сообщается о передаче по наследству сыну Василию: «даю Вятскую землю всю, города и волости». В историографии Вятки её первые города упоминаются в летописях с середины XV века. В них сообщается о неоднократных походах московских войск на Вятку для подчинения её великим князьям Московским. В более ранний период, то есть в XIV веке есть только краткие упоминания о Вятской земле в связи с набегом новгородских ушкуйников в 1374 г. и походе ордынского царевича Бектуга на Вятку в 1391 г.

Существующий поздний источник XVIII века «Повесть о стране Вятской», в котором сообщается о появлении на Вятке новгородцев в 1181 г. и основании ими городов Хлынова и Котельнича, рассматриваться в данном случае не может, так как историками России в начале XX века он был уже крайне отрицательно оценён [25, с.1799]. Выдающийся историк С.Ф. Платонов, имевший переписку с историком Вятки, ставшим позднее одним из основоположников русской археологии А.А.Спицыным, занимавшимся ранее исследованием выше названного источника, в 1924 году писал: «Исследование А.А. Спицына доказало, что “Повесть о стране Вятской” передаёт простую басню, лишённую всякой фактической основы...» [51, с.27]. П.Н. Луппов, как и классик вятского краеведения А.С. Верещагин [6, с.70], в своём труде также утверждал, что этот источник не может быть достоверным [37, с.39].

Однако региональные историки в конце 1950-х годов, отступив от правил серьёзной научной аргументации в своих исследованиях, под влиянием представителей обкома и горкома КПСС, считали необходимым отметить 500-летний юбилей г. Кирова в 1957 году, так как первое упоминание города Хлынова в летописях было указано под 1457 годом. В качестве примера была приведена ссылка на аналогично проведённый 800-летний юбилей Москвы, когда за дату отсчёта был принят условно 1147 год из-за отсутствия конкретной информации.

Однако нельзя сравнивать наличие информации за 1147 г. с 1457 г., тем более что в полной мере и всесторонне в соответствии с требованиями исторической науки средневековая история Вятки историками не изучалась. Нужно понимать, что условное признание такой даты предполагает её отрицание в будущем при выявлении достоверных опровергающих фактов. А.В. Эммаусский утверждал о «достоверности» летописных строк о городах Вятки на основании их упоминаний в летописях [78, с. 25].

Позднее в 1995 г. археолог, Л.Д. Макаров (г. Ижевск), оценивая проведённые археологические исследования Л.П. Гуссаковского в городе Кирове в 1957 году, утверждал: «Временем возникновения города Вятки (Хлынова) следует считать середину XIII века – вторую его половину» [41, с. 16–17]. Этот вывод свидетельствует, что Л.Д. Макаров фактически признал «Повесть о стране Вятской» за достоверный источник, в отличие от археолога С.Д. Захарова (г. Москва), который исследование Л.П. Гуссаковского поставил под сомнение [23, с.17–19].

Таким образом, историки и археологи региона, не проверив критически летописи на достоверность и игнорируя большой массив информации, противоречащей традиционным взглядам, ограниченных существующей парадигмой, подошли к признанию этой «Повести» за достоверный источник вопреки требованиям научной аргументации. Нами данный источник был также критически рассмотрен и сделан вывод о том, что составителем этого мифологического повествования являлся епископ Вятский и Великопермский Лаврентий Горка (1671–1737) [57, с. 210–215].

В Устюжской летописи в списке Мациевича и Архангелогородском летописце о походе московских войск в 1457 году сообщается, что он не увенчался успехом. В них впервые упоминался город Хлынов [54, с.45, 90]. Во всех других летописях с указанием этого похода город Хлынов не фигурирует. В 1459 г. в большинстве общерусских летописей о взятии Вятки упоминаются уже три города: Котельнич, Орлов и Хлынов. В региональных летописях, датированных XVII веком, «Вятский временник» и «Летописец старых лет» не указываются города при взятии Вятки ни в 1459 г., ни в 1489 г., кроме того, в отличие от всех остальных общерусских летописей в них сообщалось о пленении Вятских татарских князей.

Несмотря на то, что сами эти региональные летописи относятся к позднему периоду, строки о взятии Вятки в указанные годы, со значительной долей уверенности, можно сказать, были переписаны с более раннего источника, который в свою очередь мог быть переписан с оригинала летописи конца XV века, тем более что во многих общерусских летописях за 1489 г. ни один город также не упоминается.

Ранний региональный источник, с которого была взята информация, вероятно, находился в частном пользовании, поэтому он оказался недоступным в XVI в. для московских писцов, корректировавших летописи. При рассмотрении данного вопроса нами были выявлены факты фальсификации в большинстве общерусских летописей о городах Вятки [56, с. 30–32].

Интересно то, что в строках двадцати общерусских летописей о взятии Вятки в 1489 г. ни один город не назван. Такая информация фактически подтверждает взгляд автора на отсутствие городов с русскими топонимами и их существование с неизвестными тюркскими названиями. Вполне возможно, что в среде русского населения использовались и нелегитимные славянские названия городов.

В отличие от всех остальных общерусских летописей в Устюжском летописном своде (Архангелогородском летописце), в «Летописце, содержащем в себе российскую историю 852–1598 гг.» [34] и им подобных, даны подробные сообщения о составе пришедшего огромного войска на Вятскую землю и о самом взятии 3-х её городов [54, с.96–97]. Такое сообщение со многими подробностями как бы утверждало действительность происходивших событий. Именно эти города и фигурируют в её средневековой историографии.

Но оказывается, что на западноевропейских картах XVI века в бассейне реки Вятки фигурируют совершенно другие города: Вятка, Котельнич на реке Чепце и Слобода в низовьях реки Вятки. Как такое возможно? О чём свидетельствует такая информация? Какие города на Вятке и в какое время действительно были первыми?

В исторической науке принято считать, что «летописи и хроники, воспоминания и правительственные сообщения, то есть, источники повествовательные, всегда тенденциозны, ставят перед собой цель убедить в чём-то читателя» [29, с. 198]. А это значит, что информация летописная не может считаться достоверной до тех пор, пока не будет сделано всестороннего критического рассмотрения тех или иных сообщений летописей. В данном случае как раз и возникла необходимость такого критического рассмотрения и сопоставления между собой информации летописной и картографической.

В картографической информации западноевропейских картографов в плане отражения географических объектов отсутствуют какие-либо политические влияния, в отличие от общерусских летописей, находившихся под контролем «московской политической трактовки» [39, с.16]. Картографы европейских стран стремились как можно точнее по тем временам и возможностям отмечать их на своих картах, так как ими интересовались в первую очередь властвующие первые лица европейских стран. Конечно, и эти картографы допускали ошибки в своих работах из-за неверных сообщений информаторов и отсутствия знаний по тем или иным географическим объектам. Поэтому перед исследователями западноевропейских карт возникает вопрос: насколько точна и достоверна информация этих карт о городах Вятки?

Рассмотрим сначала известную карту австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна (1486–1566) «Moschovia», побывавшего в Московском государстве в 1516–1517 гг. и в 1526 г. На ней показаны на реке Вятке города: Хлынов, Орлов и Слобода, а на реке Чепце (Reczicza) город Котельнич. Первая его карта «Moschovia» была опубликована в его «Записках о Московии» в Вене в 1549 году. Рассматривая эту карту, на которой город Котельнич находится на реке Чепце, а Слобода в низовьях реки Вятки, историки сразу делали вывод в незнании картографом реальной информации, так как они сравнивали их с одноименными городами, существующими в настоящее время на своих местах. На основании такой негативной оценки данной карты у историков складывалось такое же поверхностное мнение и о других европейских картах XVI в.

Фрагмент карты России С. Герберштейна, гравированной Гиршфогелем в 1546 г. На карте показан г. Хлынов выше устья р. Чепцы, г. Орлов и исчезнувшие к этому времени города Котельнич и Слобода

Фрагмент ч/б копии карты Г. Меркатора «Евгора» (1554 г.)

Сравнивая карту С. Герберштейна с картой выдающегося фламандского картографа Герарда Меркатора (1512–1594) «Евгора» 1554 г. [79], мы видим их главное сходство. На карте Г. Меркатора города Котельнич и Слобода, отмечены также как и на карте С. Герберштейна, но в отличие от его работы Герард Меркатор показал главный город Вятку (об этом свидетельствует градостроительный значок) на р. Вятке выше устья р. Чепцы. Сигизмунд Герберштейн на этом месте указал город Хлынов. На карте Г. Меркатора нет городов Орлова и Хлынова. Это свидетельствует о том, что карта Сигизмунда Герберштейна была составлена на основании данных, как раннего периода, так и более позднего времени, с учётом произошедших событий и изменений на Вятской земле в конце 1530-х – первой половине 1540-х годов.

С. Герберштейн в своей книге «Записки о Московии» (которую он начал готовить в середине 1540-х годов [10, с. 129]) при описании городов Вятки указал также и расстояние между городами в немецких милях. А это значит, что указанные на его карте и на карте Г. Меркатора города Котельнич на р. Чепце и Слобода в низовьях Вятки существовали в действительности. Сигизмунд Герберштейн отдельно в тексте своей книги в главе «О татарах» сообщил также и о существовании «важной крепости Вятки» [10, с. 139] которую он не указал на карте. Во время своего пребывания в Московии он знал, что главным городом Вятской земли был г. Вятка, но так как в 1540-х годах им был уже Хлынов, то не знал, как поступить. По этой причине С. Герберштейн сообщил о его существовании в тексте отдельно.

Аналогичный подход в отношении места расположения города Вятки был сделан и московскими переписчиками в конце XVI в. [28, с. 154] при подготовке «Книги Большого чертежа или древней карты Российского государства». В этой книге фигурируют города Вятской земли (Слобода, Хлынов, Орлов, Котельнич, Малмыж) расположенные на реке Вятке вниз по течению с её верховий с указанием расстояний между ними. А ниже строка: «А по Вятке реке по Котельнич сверху город Вятка».

Этот факт свидетельствует также о том, что на предыдущей старой карте город Вятка был отмечен, а во второй половине XVI в. о нём переписчику ничего не было известно. По этой, очевидно, причине он указал неопределённо «по Котельнич сверху», возможно в понимании «в верховьях». Город Вятка действительно располагался в верхней части реки Вятки, поэтому на картах начала XVI в. он показан правильно.

Рассмотренные факты также говорит о том, что топонимы Вятка и Хлынов относятся к совершенно разным городам, а не к названиям одного города. О том, что город-крепость Вятка существовал, указал в своём труде и итальянский исследователь Франческо Тьеполо (1509–1580). Он писал: «Вяткан с её городом, того же имени, называется так по реке, пересекающей её» [68]. Таким образом,

мы видим, что все три города Вятской земли, фигурирующие на карте Герарда Меркатора, подтверждаются информацией Сигизмунда Герберштейна, а город Вятка ещё и сообщением Ф. Тьеполо. Т.е., приведённое сравнение карт свидетельствует о том, что карта «Евгора» 1554 г. отражает более ранний период Вятской земли, соответствующий 1489–1537 гг.

Первые города Вятка, Слобода и Котельнич на реке Чепце были показаны также итальянскими картографами Стефано Буонсиньори и Игнацио Данти не только на карте «Часть Скифии» (1563–1575) [74], но и на самой большой карте Мира восточного полушария высотой более 6 метров, созданной на стене Апостольского дворца Ватикана – официальной резиденции Папы Римского [74] Главный город Вятской земли на первоначальном этапе его развития назывался точно также как и многие другие древние города по именам тех рек, на берегах которых они возникали. В более древние периоды от имени рек получали наименования и племена, проживавшие в бассейнах тех или иных рек.

Закономерно возникает вопрос, откуда Г. Меркатор, а также названные выше итальянские картографы и исследователь Ф. Тьеполо получали информацию о городах Вятки, они же в Московском государстве никогда не были? В этом ничего удивительного нет. Различные западноевропейские купцы, послы, бывавшие в Московии и наоборот, дипломаты московские и переводчики, посещавшие страны Европы, информировали агентов, собиравших информацию, а те в свою очередь сообщали её картографам. Итальянский дипломат, посланник Максимилиана I Франческо да Колло (1480–1571) [70], находившийся в Москве с июля 1518 до января 1519 гг., в своём «Донесении о Московии» рассказал об одном случае, когда великий князь Василий «приказал чтобы ему (Ф. да Колло) устроили поездки и посещения разных городов и достопримечательных мест... Кроме того ему дали разрешение встречаться и беседовать с любыми людьми, принимать гостей. Более того, князь велел пригласить своих от Волги и из других мест, хорошо осведомлённых людей о разных областях, чтобы они могли дать интересующие да Колло сведения» [70].

Эта важная информация свидетельствует о том, что великий князь Василий III (1479–1533) принял решение кардинально изменить отношение к иностранцам, которое ранее существовало в ограничении их знаний о Московском государстве. Можно сказать, что он первым открыл окно на Московию для западноевропейского мира. Возникшая открытость в свободном получении информации в этот период благоприятствовала работе западноевропейских картографов в точности их указаний географических объектов на своих картах. Но вернёмся снова к карте С. Герберштейна.

Собранная им ранняя информация о городах Вятки отмечена в указании на карте города Слободы в низовьях р. Вятки и города Котельнича на р. Чепце, а также упоминание в тексте «княжеской» крепости – города Вятки [10, с.139]. В данном случае нужно обратить внимание на то, что в отличие от города Вятки, Хлынов назван просто городом (крепостью). Все авторы переводов работы Герберштейна это отметили.

Нужно сказать, что за период, прошедший со времени посещения С. Герберштейном Московии, на Вятке произошли неизвестные для него события в конце 1530-х годов, связанные с её захватом казанским войском царя Сафа-Гирея [45], и уничтожением Слободы в низовьях Вятки и Котельнича на реке Чепце.

Очевидно, что он ничего не знал об этом, поэтому эти города на карте его отмечены. Но о вновь появившихся городах на р. Вятке (Хлынове и Орлове) ему сообщили, и он отметил их на своей карте. Информаторы иностранных картографов о тех или иных случавшихся изменениях в государстве великого князя Московского передавали свои сообщения. Об этом как раз свидетельствует то, что тот короткий исторический период, когда Вятка оказывалась в конце 1530-х годов во владениях Казанского ханства, оказался отмеченным на карте Герарда Меркатора «Евгора» в его Атласе 1589 года [79]. На этой карте цветом отмечена территория Казанского ханства с городами Вятской земли. Черно-белый вариант этой карты не позволяет этого увидеть, поэтому автор её здесь не представляет.

Рассматривая информацию С. Герберштейна о городах в бассейне р. Вятки, необходимо принять во внимание его строки, касающиеся возникновения городов в нижегородских землях в 1520-х годах. Он указал следующее: «Здесь находится восточная граница распространения христианской религии» [10].

Такая информация дополнительно свидетельствует об отсутствии христианской жизни на Вятке. С. Герберштейн общался со многими компетентными и видными людьми в Московском царстве, собирал информацию о различных землях.

Фрагмент карты «Asiae nova descriptio» Д. Келлера (1590 г.)

На фрагменте карты Даниэля Келлера (Даниэля Целлариуса Феримонтануса), жившего в Германии XVI в. мы видим только один город Вятку [81]. Там, где на реке Чепце был город Котельнич, нет градостроительного значка, но осталось только место нахождения с его наименованием, а на месте бывшего города Слободы в низовьях реки Вятки, даже и названия нет, обозначено только его пустое место. Значительно ниже устья реки Чепцы отмечен градостроительный значок, не имеющий наименования. Такой факт свидетельствует, что строился новый городок, которому ещё и название не дали. Вполне вероятно, что именно этот город получил наименование Орлов.

На его более ранней карте «Asia», опубликованной в Атласе 1578 г. [80], показаны в бассейне реки Вятки только два города Вятка и Слобода в её низовьях. Река Чепца не показана. Эти факты свидетельствуют, что Д. Келлер не пользовался картой Г. Меркатора, а получал информацию из других источников.

На следующей карте мы видим, что ниже устья р. Чепцы появился город Орлов.

Фрагмент карты «Asia». И. Хондиус (1632 г.) [72]

На фрагменте этой карты отмечены город Вятка выше устья р. Чепцы, города Орлов, Слобода и два города Котельнича (один на р. Чепце, другой на реке Вятке). В данном случае картографу также не сообщили об уничтоженных городах (Слободе и Котельниче на р. Чепце). Но здесь уже отмечены вновь появившиеся города на р. Вятке Орлов и Котельнич. Хлынова на этой карте пока ещё нет.

Фрагмент карты «Russia cum confinijs»
из Атласа Меркатора 1595 г.

На этой карте Г. Меркатора одновременно показано существование главного города Вятка и остальных пригородов, в числе которых и город Хлынов, Котельнич на р. Вятке и Орлов. На ней также показаны исчезнувшие города Слобода в низовьях р. Вятки и Котельнич на р. Чепце.

Рассматриваемая карта даёт ясное понимание о том, что города Вятка и Хлынов это два разных города и, что город Хлынов, а также город Орлов и Котельнич на реке Вятке появились только с началом второго периода колонизации в 1540-е годы. О позднем возникновении города Хлынова свидетельствует и этимология его наименования от слова «хлын» [14, с. 1194] – в значении «мошенник, вор, разбойник, обманщик, плут, дерзкий, дурной человек», которое он мог получить только с внешней стороны от великокняжеской власти Москвы после очередного нахождения Вятской земли под контролем Казани. Такого же понимания этимологии данного топонима придерживался и историк Вятской земли А.С. Верещагин [6, с.74].

Выявленные факты существования на Вятке иных первых русских городов, отличающихся от фигурирующих в летописях XV века, свидетельствуют, как об умолчании в них о неудачном периоде русской колонизации Вятской земли с 1489 – по 1536 гг., так и о фальсификации событий о взятии её городов во второй половине XV века. Этот период был действительно крайне драматичным для истории Вятской земли, так как между Казанью и Москвой шли постоянные войны [52, с. 95–106].

Вятская земля в этот период могла не один раз и даже не два, а более того оказаться под властью казанских войск. Так в Архангелогородской летописи сообщается: «В лето 1532 г. Поголовная была с Устюга к Вятке, а воевода Терентий Забела» [54, с. 103.], а в письме князя ногайского Ших-Мамаея за 1536 год великому князю Московскому сообщалось: «Сын мой хан Мырза прошлые зимы твою землю Нократ воевал» [19, с. 326]. О войнах за Вятку с казанцами сообщается и в нескольких русских летописях в конце 1530-х годов [18, с.123–124]. Дополняет информацию о том периоде на Вятке послание царя казанского Сафа-Гирея королю польско-литовскому Сигизмунду I. В нём он сообщал о нахождении «нократской земли под его властью и идущей с неё дани, как и прежним казанским царям» [64]. Трагичные для Москвы события, происходившие в первой половине XVI века, вынуждали великих князей Московских неоднократно посылать свои войска на Вятку.

Эти события свидетельствовали о недостаточном количестве войск великого князя Московского, оставленного для защиты данного региона от потенциальных противников. Для сокрытия неудачных событий на Вятке в первой половине XVI в. было принято решение по тенденциозному формированию летописных сообщений XV в., в результате которого информация о них исчезла из истории государства и с горизонта историков России почти на 500 лет.

Под руководством митрополита Макария (1482–1462) и при содействии воеводы и фаворита царя Ивана IV А. Адашева (1510–1561), а также духовника царя, Афанасия (? – ум. после 1568), работавших над составлением летописей, происходила реализация этого вопроса. Здесь уместно привести слова авторитетного исследователя летописей Я.С. Лурье: «Умалчивая о злободневных событиях своего времени, летописцы предпочитали исправлять историю прошлых лет» в интересах государственных взглядов [38, с. 221].

Отдельно необходимо сказать об Устюжской летописи и подобных ей, подробно сообщающих об огромном войске, пришедшем для взятия городов Вятки в 1489 г. В противовес им в двадцати общерусских летописях при описании этих событий о количестве войск ничего не сообщается и ни

один город не был указан. Перечень этих летописей: Симеоновская, Вологодско-Пермская, Холмогорская, Ермолинская, Новгородская по списку П.П. Дубровского, Никаноровская, Сокращённые летописные своды 1493 и 1495 гг., Воскресенская, Владимирский летописец, Иосафовская, Устюжский летописец, Русский хронограф, Никоновская, Софийская 1-я и 2-я, Типографская, Степенная книга, Львовская летопись, Летописные своды 1497 и 1518 гг.

Отсутствие упоминаний городов Вятки в выше указанных летописях при её взятии в 1489 году, и фигурирующие в летописях города Котельнич, Орлов и Хлынов (которых ещё не существовало) при взятии этого региона великокняжеским войском в 1459 году, свидетельствует, что эти записи являлись фальсификацией реальных событий. На наш взгляд, такой подход к решению рассматриваемого вопроса был нужен только лишь для облегчения работ летописцев, чтобы не писать об этом в остальных летописях.

Кроме того, опять же, только в одной Устюжской летописи в строках о неудачном походе на Вятку в 1457 г. фигурирует город Хлынов. Ни в одной летописи в сообщениях об этом походе город Хлынов не упоминается. С какой целью в летописи была сделана такая запись? Вполне вероятно, так как целью фальсификации событий на Вятке являлось смещение во времени возникновения русских городов XVI века в XV век, то нужно было обязательно указать появление главного города Хлынова первым среди других городов.

В отношении огромного войска, отправленного для взятия Вятки, как сообщается в Устюжской летописи, можно сказать то, что информация об этом, очевидно была подготовлена усилиями кружка митрополита Макария, и затем специально передана для составителя этой летописи, так как, согласно, имеющихся летописных данных, вятчане в 1486 г. произвели набег на Устюжские земли [54, с. 108]. Можно предположить, что текст о разгроме и взятии Вятки огромным войском был преподнесен устюжским книжником в качестве мести за набег вятчан. Составитель Устюжского летописца, конечно, не мог знать всех описываемых подробностей о составе великокняжеского войска, такая информация могла быть только в великокняжеской канцелярии, с которой общались лица, входившие в состав кружка митрополита Макария.

Сообщения подобных летописцев не могут считаться достоверной информацией в отношении упомянутых городов Вятки, так как их, как мы уже поняли из представленного материала, в XV веке ещё не существовало. Принимая во внимание факт выявленной фальсификации с упомянутыми выше городами Вятки, возникает серьёзное сомнение и в достоверности указания в этих летописцах об огромном войске. Кроме того, можно сказать, что совершенно не случайно в Устюжской летописи не упоминаются и пленённые татарские (арские) князья, при том, что почти во всех летописях в строках о взятии Вятки они фигурируют.

Этноним «арские», применённый в летописях по отношению к татарским Нукратским князьям, являлся ложным, так как в XVI в. под ним понимались удмурты. А.М. Курбский об этом писал так: «Кроме татарска языка, в том царстве пять различных языков: Мордовский, Чювашский, Черемиский, Воитецкий або Арский, пятый Башкирский» [32, с.206]. Подмена этнонимов в данном вопросе была сделана специально для того, чтобы скрыть следы властвования татар на Вятке. По этой причине ложные строки летописей о Вятке привели историков Ижевска [12, с. 49–51] и Казани [26, с. 94] в своих работах к неверным выводам о генеалогии и появлении татарских нукратских князей на Вятке.

Все эти вновь выявленные факты говорят о большой и целенаправленной работе кружка митрополита Макария над летописными известиями о Вятке, для того, чтобы исключить из её истории информацию о татарском господстве над вятчанами в XV веке и неудачный период русской колонизации 1489–1536 гг.

Рассмотренные факты фальсификации летописных сообщений о городах Вятки, которых не было в XV в., позволяют сделать вывод, что в 1489 г. было взятие главного татарского города Ну(о)крат, так как властвовали здесь татарские князья, о которых сообщалось в региональных летописях. Этот город находился на правом высоком берегу одноимённой реки выше устья р. Чепцы, на месте которого возник первый главный русский город Вятка, переименованный в 1540-х годах в город Слободу.

Как взятие города Нукрат происходило в действительности, мирным путём, посредством договорённостей между великокняжеской Москвой и правителями Казани, или воинским промыслом, в настоящее время неизвестно. Данный вопрос никогда ранее историками не рассматривался, так как на него можно было выйти только при независимом взгляде и при всестороннем изучении источни-

ков по истории средневековой Вятки с привлечением средневековых западноевропейских географических карт XVI века.

Благодаря этим картам и, возможно, принятому решению в своё время великим князем Московским Василием III предоставить интересующимся иностранцам географические сведения о его государстве, представители исторической науки в настоящее время в какой-то мере смогут рассмотреть более пристально один из самых тёмных периодов истории Вятки⁴.

Традиционный, единственно "верный" взгляд в среде историков на средневековый период истории Вятки, возникший в 1957 году, в связи с решением региональной власти отметить 500-летний юбилей города Кирова, при игнорировании мнения А.А. Спицына [61, с. 41] и П.Н. Луппова [36, с. 22] по данному вопросу, завёл их в тупик.

В отличие от всех историков России конца XIX- XX вв., рассматривавших данный вопрос на основе мнения Н.М. Карамзина, польский историк К.Ф. Валишевский (1849–1935) подошёл к нему иным путём, указав: «Колонизационное движение направилось только лишь во второй половине XVI века. В царствование Ивана IV были присоединены вместе с Казанью, Астраханью и их областями земли по нижнему, среднему течению Волги, по Каме, Вятке...» [5, с.15]. Д.А. Гутнов, исследуя его работы, указал: «Работая в европейских архивах, К. Валишевский часто находил и использовал вовсе неизвестные или неудобные сведения» [13].

Несколько иначе рассмотрели этот вопрос А.А.Зимин и А.Л. Хорошкевич в своей работе [24, с. 12]. В ней фигурируют следующие строки: «Единое Русское государство простиралось к началу царствования Ивана IV ... до Северного Урала и нижегородских земель на востоке». Эти строки в данном случае свидетельствуют, что в состав рождавшегося русского государства в тот период не входили земли по Средней Вятке и по Каме. Чем объясняется такой взгляд этих историков? Причину они объяснили в следующем образом: «С 1534 по 1545 гг. казанские войска ежегодно совершали набеги на восточные и северо-восточные окраины Российского государства. Набеги приводили к разорению и обезлюдению этих районов» [24, с. 59], что не способствовало «нормальному развитию восточных и северо-восточных русских земель» [24, с. 65].

Итальянский исследователь-аналитик Франческо Тьеполо (1509–1580) писал следующее: «Вяткан... Это – узкая и длинная область... Область эта имеет по реке Вятке много крепостей и деревянных селений... Она была подвластна царству Кассанскому (Казанскому, ранее Булгарскому), пока не была вместе с ним обращена в рабство Байдом, королём татар, у которых была отнята дедом нынешнего герцога Московии, после того, как он овладел Пермией... Вяткан защищена множеством лесов и болот, почти со всех сторон её окружающих» [68].

К большому сожалению, современные российские историки продолжают воспринимать историю средневековой Вятки и трактовать её в своих работах как реальную, не зная того, что она была фальсифицирована в летописях XVI века, а затем ещё и мифологизирована в XVIII веке. Так, например, в недавно вышедшей работе авторы сообщают: «Громадную Вятскую землю воеводы великого князя завоюют в 1489-м г.» [44, с. 61], при этом историки проигнорировали события второй половины 1530-х годов, о которых сообщается во многих летописях. Кроме того, они совершенно неверно характеризуют её территорию, как «громадную». Так можно её назвать только с позиции более поздних веков, при рассмотрении карты Вятского наместничества. В XVI веке её территория была совершенно иной.

Самое же печальное то, что в настоящее время миф о заселении Вятки новгородцами в XII в. до сих пор господствует в исторических исследованиях Вятско-Камского региона [49, с. 37]. Все вышеприведённые строки и факты свидетельствуют, что историю средневековой Вятки необходимо серьёзно и всесторонне изучать на основе научной аргументации, как того требует историческая наука.

⁴ Говоря о перспективах исследования данной проблемы, хотелось бы привести слова известного историка-медиевиста М.М. Крома, который в своём письме от 18 февраля 2022 года сообщил нам: «Ознакомившись недавно с очерками (А.В. Эммаусского и Л.Д. Макарова. – Прим. автора), опубликованными в Энциклопедии земли Вятской, я убедился, что серьёзным научным требованиям эти очерки не отвечают. Поэтому необходимо привлечь внимание российских учёных к истории Вятки (меня, например, Вы уже сумели заинтересовать), поднимать эту историю с локального (краеведческого) уровня до масштаба страны, как это уже давно случилось с историей Великого Новгорода. Перемены к лучшему в вятской сильно мифологизированной истории произойдут тогда, когда ей удастся заинтересовать учёных из других регионов и стран. Вот тогда будет обеспечен и высокий уровень исследований, и независимость от интересов местных властей, светских и церковных».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты АЭ. Т.1. СПб., 1836.
2. Акты исторические. Т.1. СПб., 1841.
3. Баженов Н.К. Казанское царство. Казань, 1847. Ч.1.
4. Баязитов Р.Ж., Макарихин В.П. Восточная Мещера в средние века. К вопросу этногенеза татар в Нижегородском крае. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/books/regions/?1098>
5. Валишевский К. Иван Грозный. М., 1912.
6. Верещагин А.С. К истории древнего Хлынова. Вятка, 1904.
7. Вештомов А.И. История вятчан. Казань, 1908.
8. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.
9. Вятский временник. Вятка. 1905.
10. Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866.
11. Гришкина М.В. Новые грамоты арским князьям на Вятке // Советские архивы. 1989. №4.
12. Гришкина М.В. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск, 1994.
13. Гутнов Д.А. Казимир Валишевский и русская историческая наука. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istorya.ru/referat/referat2/75561.php>
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М.; СПб., 1909.
15. Данилевский И.Н. Исторические реконструкции. Методологические ограничения // От текста к реальности. М., 2012.
16. Добродомов И.Г. К вопросу о серебряных булгарах // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1992–1993 гг. М., 1995.
17. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
18. Древняя российская вивлиофика. М., 1791.
19. Древняя российская вивлиофика. Продолжение. Ч. VII. СПб., 1791.
20. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
21. Епифаний Премудрый. Повесть о Стефане, епископе Пермском // Древнерусские предания (XI–XVI вв.) М., 1982.
22. Захаров Д.М. Серебряная Вятка. Киров. 1990.
23. Захаров С.Д. Характеристика раскопов Л.П. Гуссаковского на территории Хлыновского кремля // Сб. Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1989.
24. Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.
25. Иконников В.С. Опыт русской истории. Т. 2. Киев, 1908.
26. Исхаков Д.М. Об исторических страдах генеалогии «Арских князей» // Татарские мурзы и дворяне: история и современность. Казань, 2010.
27. Карамзин Н.М. История государства Российского. Том. III. СПб., 1816.
28. Книга большому чертежу или древняя карта российского государства. СПб., 1838.
29. Кобрин В.Б. Кому ты опасен историк? М., 1992.
30. Константинов Е. Учебная книга истории государства Российского. СПб., 1820.
31. Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники предания и легенды Прикамского края // Памятная книжка-календарь Вятской губернии на 1897 г. Вятка, 1896.
32. Курбский А.М. История о великом князе московском // Русская историческая библиотека. Т.31. СПб., 1914.
33. Кустова Е.В. Монастыри и монашество в социокультурной истории Приуралья в середине XVI – первой четверти XVIII в. Т.1. Киров, 2017.
34. Летописец, содержащий в себе российскую историю 852–1598 гг. М., 1781.
35. Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
36. Луппов П.Н. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск, 1958.
37. Луппов П.Н. История города Вятки. Киров, 1958.
38. Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994.
39. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
40. Макаров Л.Д. Вятский край в системе болгар-ордынского влияния // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2009. С. 150–156.
41. Макаров Л.Д. Город Вятка в свете археологических данных // Сб. Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1989.
42. Малыгин П.Д. Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России. М., 2018.
43. Манкеев А.И. Ядро российской истории. М., 1770.
44. Михайлович Д.М., Володихин Д.М. Московское царство. Процессы колонизации XV–XVII вв. М., 2021.
45. Мустафина Д.А. Послание царя Казанского // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 1/2. С. 26–38.

46. Невоструев К.И. О городищах древнего волжско-болгарского и Казанского царств. М., 1871.
47. Ницше Ф. Несвоевременные размышления: О пользе и вреде истории для жизни // Сочинение в 2-х томах. Т.1. М., 1996.
48. Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. 3. М., 1788.
49. Орлов М.А. Православная миссия в Вятско-Камском регионе в XVIII веке. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Киров, 2021.
50. Памятники истории и культуры Кировской области. Каталог. Киров, 1984.
51. Платонов С.Ф. Прошлое Русского севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Берлин, 1924.
52. Похлёбкин В.В. Татары и Русь. М., 2000.
53. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 10. СПб., 1885.
54. ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982.
55. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб., 2007.
56. Серкин С.П. Новое прочтение летописных строк о Вятке XV века. Киров, 2021.
57. Серкин С.П. О древней истории земли Вятской IX–XVI вв. Киров, 2012.
58. Скрынников Р.Г. История Российская IX–XVII вв. М., 1997.
59. Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Ч.1. М., 1813.
60. Сочинения князя М.М. Щербатого // Статьи историко-политические и философские. Т.2. СПб., 1898.
61. Спицын А.А. Вещественные памятники древнейших обитателей Вятского края. Древнейшая судьба Вятской области. Вятка, 1889.
62. Спицын А.А. Известие о Вятской стране Герберштейна // Вятские губернские ведомости. №5. 1881.
63. Спицын А.А. Материалы по археологии восточных губерний России. Приуральский край. М., 1893.
64. Спицын А.А. Русская историческая география. Петроград, 1917.
65. Спицын А.А. Свод летописных событий о Вятском крае. Вятка, 1883.
66. Степанов Р.Н. Каринское опричное княжество... // Вопросы социально-экономической и политической жизни периода феодализма. Чебоксары, 1973.
67. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.
68. Тьеполо Франческо. О делах московских // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Tiepolo/frameset.htm>
69. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань., 1972.
70. Франческо да Колла. Итальянец в России XVI века. Доношение о Московии. М., 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Kollo/vved.phtml?id=717>
71. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994.
72. Хондиус И. Asia. 1632. Амстердам. Archivio Libreria Antiquaria Bourlot – Torino [Электронный ресурс]. URL: <http://www.familytree.ru/maps/world/karta15.jpg>
73. Худяков М.Г. История Камско-Вятского края. Ижевск, 2008.
74. Часть Скифии // Палаццо Веккьо. Атлас Мира. Флоренция, 1575.
75. Чеботарёв А.Ф. Географическое методическое описание Российской империи. М., 1776.
76. Щербатов М.М. История российская от древнейших времён. Т. 4. Часть I. СПб., 1783.
77. Эммаусский А.В. Вятка в XII–XV веках // Энциклопедия земли Вятской. Т.4. Киров, 1995.
78. Эммаусский А.В. Исследования по истории Вятской земли. Киров, 2009.
79. Atlas sive cosmographica meditationes de fabrica Mundi et fabricate Figura. Duisburg, 1589.
80. Cellarius D.F. Speculum orbis terrarium. Antwerpen, 1578.
81. Keller D. Asiae nova descriptio (Antwerpen, 1590). Göttingen State and University Library. [Электронный ресурс]. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Daniel_Keller._Asiae_nova_descriptio_\(Antwerpen,_1590\).LU.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Daniel_Keller._Asiae_nova_descriptio_(Antwerpen,_1590).LU.jpg)
82. Map of the Eastern Hemisphere, 1583. [Электронный ресурс]. URL: <http://es.gallerix.ru/album/Antique-Maps/pic/qlrx-1917222687>

Сведения об авторе: Сергей Павлович Серкин – независимый исследователь (Слободской, Российская Федерация). E-mail: sserko5@mail.ru

CONTROVERSIAL ISSUES IN THE HISTORY OF THE VYATKA LAND IN THE 15th–16th CENTURIES

S.P. Serkin

Independent Researcher

The article provides a brief historiography of the history of medieval Vyatka land with a Tatar enclave in its center. The conclusion is drawn that the Vyatka people were more dependent on Tatar rulers than on the grand princes of Moscow. A critical analysis is given of the chronicle reports of the 15th century about Vyatka land and its cities during the period of the first Russian colonization (1489–1539). A comprehensive analysis of sources (reports from the General Russian Chronicles, letters from Kazan ruler Safa-Girey to Polish-Lithuanian King Sigismund I, as well as data from Sigismund Herberstein) made it possible to identify unreliable information.

Keywords: Vyatka land, Kazan Khanate, Moscow state, Tale of the Land of Vyatka, Nukrat princes, Oprichnina principality, historiography, sources.

Acknowledgements: This issue was investigated by the author with the long-term support by Arkady I. Komissarenko (1937–2021) (Dr. Sci. (History), Honorary Member of the Scientific Council of the Russian State University for the Humanities (RSUH), member of the Commission on the Vyatka Region History (1978), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences); Andrey L. Yurganov (Dr. Sci. (History), RSUH); Yuri V. Krivosheev (Dr. Sci. (History), St. Petersburg State University); Marina S. Cherkasova (Dr. Sci. (History), Vologda State University); Konstantin A. Rudenko (Dr. Sci. (History), Professor of the Kazan State Institute of Culture), Igor P. Ermolaev (Dr. Sci. (History), Honored Professor of the Kazan Federal University); Dina A. Mustafina (Cand. Sci. (History), Kazan Federal University) and other historians.

About the author: Sergey P. Serkin – Independent Researcher (Slobodskoy, Russian Federation). E-mail: sserko5@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ИСЛАМИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

З.А. Тычинских

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Автор рассматривает ситуацию с изученностью отечественными исследователями современного периода вопроса о процессе исламизации населения Западной Сибири. Выявляет существующие в историографии версии относительно начала проникновения мусульманской религии в Сибирь. Считает, что одной из важных задач, стоящих на сегодняшний день является необходимость выработки общей схемы данного процесса на территории Западной Сибири, выявление его характера и основных этапов. Показывает основные итоги исследований по данному вопросу, к которым относит: распространение ислама в Западной Сибири происходило в «общем контексте исламизации Золотой Орды и постзолотоордынских государств»; процессы исламизации в Сибири связаны с конфессиональной политикой династии Шибанидов; определена важная роль сейидов в шибанидских и, в т.ч., сибирских ханствах, особенно на начальных этапах исламизации; выявлена значимая роль в исламизации населения Западной Сибири суфийских братств Накшбандийа и Ясавийа.

Ключевые слова: Западная Сибирь, исламизация, сибирские татары, суфийские ордена, астана, сейиды

Вопрос о времени и этапах исламизации населения Западной Сибири на сегодняшний день остается до конца не решенным. Одной из основных причин этого, на наш взгляд, является слабость источниковой базы. Однако, несмотря на данное обстоятельство, интерес исследователей к проблеме исламизации Западной Сибири не ослабевает, ведется поиск источников и новых методологических подходов. Об этом свидетельствует значительно возросшее в последнее время количество публикаций по истории сибирского ислама [1–8; 10; 12–16; 19–22; 26–34; 37–38], среди которых особое значение имеют работы, в которых предприняты попытки периодизации распространения ислама в Западной Сибири [16; 21; 30].

Одним из первых в отечественной историографии последних десятилетий новые концептуальные подходы к истории ислама в Западной Сибири обозначил Д.М. Исхаков [13]. Многие идеи, озвученные исследователем, были продолжены и развиты в трудах последующих авторов.

Среди работ последнего времени, оказавших значительное влияние на исследование ислама в Сибири, оказали труды А.К. Бустанова [2–7]. Главный вклад исследователя в сибирское исламоведение связан с поиском и введением в научный оборот ряда новых источников, а также новым прочтением имеющихся. А.К. Бустановым были переведены и введены в научный оборот «Родословия свя-тых из страны Мавераннахр» [5], ряд списков «Родословной сейида» [3] и ряд других источников.

Одной из важных задач, стоящих на сегодняшний день перед исследователями является необходимость выработки общей схемы процесса исламизации на территории Западной Сибири, выявление его характера и основных этапов.

В историографии существует несколько версий относительно начала проникновения мусульманской религии на эти территории. Так, достаточно раннюю версию выдвигает тюменский этнограф Р.Х. Рахимов. По мнению исследователя, начало исламизации края можно отнести к первой половине XII в. [26].

В связи с данным положением заслуживает внимания гипотеза, также предполагающая достаточно раннее (XII в.) появление ислама в Сибири, высказанная известным историком и этнографом Ф.Т. Валеевым, который, ссылаясь на работу В.П. Даркевича, говорит о вероятности начального этапа распространения ислама в Западной Сибири волжскими булгарами и представителями арабского духовенства, входившими в состав торговых караванов, и даже «непосредственно представителями арабского духовенства, прибывшими в X в. к волжским булгарам в составе посольства Багдадского халифата» [9, с. 171]. Но, несмотря на данное высказывание, общие выводы Ф.Т. Валеева сводятся к тому, что «сибирские татары приняли ислам позднее, чем предки казанских татар... а барабинские татары приняли его лишь в XVIII в.». Он придерживался самой распространенной в историографии

версии о более позднем проникновении и распространении ислама в Сибири, которую обычно относят к концу XIV века [9, с. 169].

Данное положение, связанное с легендой о приходе в Сибирь исламских шейхов-миссионеров суфийского ордена Накшбандийа в 797 г. по хиджре (1394–1395 г.), транслируется во многих исторических трудах и обычно опирается на хранящиеся в Тобольском музее-заповеднике рукописи, переведенные в начале XX в. Н.Ф. Катановым [17–18].

По мнению омских исследователей А.Г. Селезнева и И.А. Селезневой, распространение ислама в Западной Сибири происходило в «общем контексте исламизации Золотой Орды и постзолотоордынских государств» [29, с. 243]. Несмотря на то, что данное положение еще требует дальнейшего изучения, следует согласиться с мнением Д.Н. Маслюженко, также поддерживающим эту точку зрения, что при имеющейся источниковой базе реконструкция процесса исламизации в Сибири возможна лишь при соотнесении его с синхронными процессами в Золотой Орде [21, с. 135–138].

Вслед за Д.М. Исхаковым [13, с. 160–161] исследователь считает, что данные процессы в Сибири связаны с династией Шибанидов, благодаря конфессиональной политике которых ислам распространялся первоначально при дворе правителей и в среде кочевой аристократии, а затем среди рядового населения и «занял ведущее положение на религиозной карте Тюменского и Сибирского ханства» [21, с. 149].

Вместе с тем, несмотря на предпринятые попытки обратиться к археологическому и этнографическому материалу, слабость источниковой базы не позволила исследователю выйти за рамки рассмотрения влияния ислама на аристократическую верхушку сибирских тюрко-татарских политий. Что касается исламизации основного, ясачного населения Д.Н. Маслюженко было высказано предположение, «что для времени Тюменского ханства можно говорить и о том, что процесс исламизации охватил и рядовые группы кочевников» [21, с. 149]. Таким образом, Д.Н. Маслюженко предлагает достаточно раннюю версию исламизации тюркского населения Западной Сибири, по крайней мере, ее верхней страты.

А.К. Бустанов выдвигает версию о возможности достаточно поздней датировки начала распространения ислама в Сибири. По мнению исследователя, известный поход шейхов для «установления ислама» в Западной Сибири, связываемый с именем Багауддина Накшбанда и упоминаемый в ряде манускриптов под 1394–1395 гг., «вполне может относиться к эпохе конкуренции двух братств [суфийские братства Накшбандийа и Ясавийа] в XVI–XVII вв.» [4, с. 159].

Как видим, взгляд А.К. Бустанова близок к позиции В.В. Бартольда, который относил начальный этап исламизации в Сибири к периоду после прихода русского населения. Хотя данная версия, на наш взгляд, применима лишь к более восточным территориям проживания тюркского населения Западной Сибири. Дело в том, что христианское освоение края, начавшееся практически сразу после присоединения Сибири к Московскому царству с основанием в 1620 г. Сибирской епархии, не позволило бы обратить в ислам тюркское население Сибири, если бы на тот момент оно было языческим.

Большинство исследователей особую роль в процессе распространения ислама на территории Сибири отводят хану Кучуму, в период правления которого ислам занял ведущее положение в Тюменском и Сибирском ханствах. Так, во второй половине XVI в. было организовано прибытие из Бухары нескольких мусульманских миссий. Расхожая в исторической литературе версия о том, что все они были организованы ханом Кучумом, не совсем точна. Д.М. Исхаков полагает, что, опираясь на имеющиеся источники, можно говорить о том, что первая миссия для распространения ислама на территории Сибирского ханства была организована старшим братом Кучума – ханом Ахмед-Гиреем [13, с. 166]. В «Предании тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер» сообщается, что в связи с тем, что «в его время умер шейхуль ислам Искерской земли», хан Ахмед-Гирей обратился к правителю бухарского ханства с просьбой прислать «великого шейхуль ислама» [17, с. 51].

Д.Н. Маслюженко отмечает, что «после 1563 года новые сибирские ханы Ахмед-Гирей и Кучум столкнулись с проблемой введения ислама на территории Сибирской земли по Иртышу, которая ранее напрямую не подчинялась ханской власти. В результате начался новый этап исламизации, которая при этом коснулась именно новых групп населения, подчиненных ханской власти» [21, с. 149].

Соглашаясь в целом с позицией Д.Н. Маслюженко относительно начала следующего этапа исламизации на новых сибирских территориях, отметим, что, во всяком случае, верхушке Искерского юрта ислам был достаточно хорошо известен, и данный факт наглядно просматривается в ряде источников. Так, в сибирско-татарской легенде о «Происхождении аула Сала» говорится, что основате-

лем селения был Сала, отец которого Сулейман-бай «пришел на эти земли из Бухары в составе людей Тайбуга-бия, сына Шах-Мурада. Вместе с Тайбугой прибыли на земли будущего Искра 500 человек, среди которых был муфтий и мударрис... Пришельцы основали город Искир...» [36, с. 91].

Но, несмотря на то, что часть населения Тайбугидского бекства (Искерского юрта) была, по всей видимости, исламизирована, как считают омские исследователи С.Ф. Татауров и М.Н. Корусенко, «широкое внедрение ислама в Сибирском ханстве произошло незадолго до его завоевания Московским государством, в связи с чем можно предположить, что становление системы исламского сообщества и формирование исламских институтов происходило достаточно поздно – на рубеже XVI–XVII вв., что во многом может объяснять определенные их особенности» [30, с. 804].

Тесно связан с этим вопрос о степени исламизированности восточных территорий Западной Сибири, населенных тюрками. Так, Е.В. Водясов в своих статьях на основе привлечения археологического материала поднимает вопрос по проблеме исламизации населения Томского Приобья [10]. Он опирается на материалы могильников с «мусульманскими» погребениями с характерной ориентацией и отсутствием сопутствующего инвентаря. Рассмотрев материалы «Тоянова городка», которые, по мнению выше упомянутого исследователя, относятся к одному «из самых ранних памятников ислама в Нижнем Приобье», он высказывает мнение о достаточно раннем – в XIII–XV вв. – проникновении ислама на эту территорию. В дискуссию вступил С.Ф. Татауров, который считает, что подобная аргументация является довольно слабой и процесс исламизации следует отнести лишь к середине XVII в. [31].

Вместе с тем, не следует упускать из вида и тот факт, что в течение длительного времени на определенной территории могли совместно проживать тюркские группы с разной конфессиональной принадлежностью, которые оказывали влияние друг на друга. О длительном сохранении у сибирских татар прежних верований, либо реликтов этих верований говорит и наименование их курчаками, по всей видимости, со стороны пришлых исламизированных бухарцев и волго-уральских татар, на что неоднократно обращалось внимание в этнографической литературе. В ходе полевых исследований в разных группах сибирских татар в 2003–2018 гг. нами наблюдалось сохранение свидетельства бытования вплоть до второй половины XX в. кукол-курчаков: д.Аслана Ялуторовского района Тюменской области, дд. Тармакуль, Тебис Новосибирской области, дд. Лайтамак, Ачиры и др. Тюменской области. Любопытны и взаимопроникновения этих реликтов в культуру пришлого населения. Так, Р.С. Кутумова (1949 г.р.) по происхождению из сибирских бухарцев, рассказывала о давней и длительной традиции «пос осату», в которой сама ежегодно принимала участие, когда во время ледохода тобольские татары бросали на уходящий лед куколки с благопожеланиями [39].

В то же время Д.М. Исхаков обращает внимание на то, что «ко времени завоевания Сибирского ханства Русским государством политически господствовавшее в ханстве татарское население в глазах русских являлось уже мусульманским этносом». Мнение ученый основывает в т.ч., на материалах «Сибирских летописей», где постоянно фигурируют выражения: «бусурманская» вера, «бусурманское воинство», «многие бусурманы» и другие, применявшиеся по отношению к татарам [13, с. 170–171; 35].

Одним из важных, но пока слабо исследованных направлений изучения сибирского ислама является вопрос о составе мусульманского духовенства Сибирского ханства и последующих периодов. Исследователи выявляют такие категории мусульманского духовенства, как шейхи, муллы, ходжи, абызы (хафизы), муфтии и мударисы [23; 15, с. 271]¹. Данные сведения подтверждает предание «О том, что Ильяс мулла слышал от своего отца», записанное В.В. Радловым у сибирских татар, в котором перечисляются прибывшие в Сибирь вместе с Ахмет-Гиреем и новым шейх ул-исламом представители духовенства: шейхи, муллы, ахуны и др. [25, с. 212].

Пожалуй, наиболее изученным в данной теме является институт сейидов в Улусе Джучи и постордынских татарских ханствах, рассмотренный в трудах Д. ДеВиза и Д.М. Исхакова [37; 38; 12; 14]. Исследователями отмечена особая роль сейидов в процессе исламизации тюрко-татарских государств. Д.М. Исхаков выявляет присутствие сейидов в Шибанидском государстве, а затем и в Сибирском ханстве [12; 14, с. 24]. Отмечается, что еще в окружении хана Абул-Хайра находились Карасейид и Кул-Мухаммед-сейид, выполнявшие не только религиозные, но и военные функции, принимая участие в некоторых походах хана Абу-л-Хайра [38, р. 619–620]. Д.М. Исхаков называет имена двух верховных сейидов в Сибирском ханстве – Ярым сейида (1572–1574) и его племянника Дин-Али

¹ РГАДА. Ф.1209. Кн. 1029. Л. 105.

сейида (примерно с 1574–1575 и до 1582) [14, с. 173–174] и высказывает предположение, что и предки Ярым сейида могли быть верховными сейидами в Искерском юрте [14, с. 170–171].

Одним из важных и неплохо разработанных направлений является изучение культа святых в сибирском исламе и тесно связанного с ним института астана. Большой вклад в исследование данного направления внесли И.В. Белич, А.Г. и И.А. Селезневые, Р.Х. Рахимов, которые рассмотрели и описали различные аспекты культа астана и определили его как «поликкомпонентный социально-религиозный институт» [1; 27; 28; 26]. К основным его компонентам исследователи отнесли присутствие штата зрителей *астана-карауце/караульце*, организующих *тавап* и *астана-аш*, поминания *теляк*, специальные молитвы в память святого, паломничество к астана, сохранение и функционирование *сацара/шажара*, в которых содержатся списки мест захоронений святых.

Этот живой, сохраняющийся и развивающийся по настоящее время в среде сибирско-татарского населения институт имел важное значение в становлении ислама на территории Западной Сибири. На наш взгляд, во многом посредством института астана осуществлялся процесс освоения духовного пространства, фиксируемый определенными институтами – священными местами, храмами и т.д., в варианте сибирского ислама. Особое значение имел данный институт в сохранении исламского религиозного пространства в Тоболо-Иртышье в связи с тем, что это освоение происходило в условиях одновременного распространения на этой же территории другой религии – религии власти – православного христианства.

Начальный этап формирования этого института связан с кодификацией шейхом Шерпети при хане Кучуме и продолжившейся позднее могил шейхов-миссионеров, погибших по легенде во времена исламизации Западной Сибири [1; 2; 13; 29]. Фиксация мавзолеев-астана определила ареал исламского «освоения» территории в XVI – XVII в., охватывающий юг современной Тюменской и север Омской областей: самая северная – Цингалинская астана – находится в Ханты-Мансийском автономном округе Тюменской области, самая южная – в Тевризском районе Омской области. Примечательно, что в районе Тюмени, расположенной западнее, астана нет, возможно, это связано с тем, что ко второй половине XVI в. эта территория уже была исламизирована.

Исследование института астана вывело на хранящиеся у астана карауче (часто представителей шик-тугумов) саджара и определило новое развивающееся сегодня направление – изучение генеалогий сибирской мусульманской элиты, в т.ч. сейидов, ахунов и т.д., представленные в работах С.Н. Корусенко, А.К. Бустанова, А.Г. и И.А. Селезневых, З.А. Тычинских и др. [8; 28; 33 и др.].

Следует отметить, что к вопросу периодизации распространения ислама в Сибирском регионе наиболее последовательно подошли С.Ф. Татауров и М.А. Корусенко, выделив в этом процессе следующие этапы:

- 1 Конец XII – начало XIV в. – знакомство верхушки общества с новой религией;
- 2 60–70-е годы XVI – конец XVI в. – время существования Сибирского ханства – связан с деятельностью хана Кучума по принятию населением Сибирского ханства ислама в качестве государственной религии;
- 3 XVII–XVIII вв. – продолжилось формирование общин вокруг крупных городов и в ряде сельских населенных пунктов;
- 4 XIX – начало XX в., во время которого происходит окончательная исламизация тюркоязычного населения Западной Сибири. Этот этап был связан с массовым переселением в Западную Сибирь поволжско-приуральских татар [30, с. 804].

Но, несмотря на предпринятую попытку авторами обобщить ранее предпринятые подходы, на наш взгляд, в предложенной схеме совершенно не учтен «бухарский» фактор, который играл значимую роль в процессе исламизации. Так, еще Н.М. Ядринцев отмечал, «они (сибирские татары) заимствовали когда-то магометанскую образованность из Туркестана... бухарцы были первыми муллами». Активный приток духовенства из Средней Азии наблюдался уже во времена Сибирского ханства. По всей видимости, многие из них впоследствии осели в Сибири и вошли в состав сибирских татар.

По всей видимости, именно бухарские колонии вокруг сибирских городов, которые, на наш взгляд, начали формироваться задолго до известных царских указов конца XVI в., становятся центрами распространения ислама на данной территории. В свое время Х.З. Зияев писал, что политика установления среднеазиатского политического и экономического влияния в Сибирском ханстве при посредстве распространения среди местного татарского населения ислама была заложена еще при Мухамеде Шейбани [11, с. 8]. Современные исследователи Д.Н. Маслюженко и С.Ф. Татауров также считают, что связи тюменских и сибирских Шибанидов с государствами Средней Азии имели дли-

тельный период развития, а основными факторами, предопределившими всю стратегию развития взаимоотношений между Западной Сибирью и Средней Азией во второй половине II тыс. н. э., были торговля и религия [22, с. 99, 102].

Также авторами предложенной периодизации переоценена роль поволжско-приуральских татар в указанный период. Ко времени массового переселения этой группы в Сибирь в конце XIX – начале XX в. сибирские татары уже давно были мусульманами. Исламская религия уже довольно прочно утвердилась среди тюркского населения Тоболо-Иртышского бассейна. Об этом говорит и факт того, что в XVIII в. в результате реализации положений указа 1742 г. в Сибирской губернии «в Тобольском уезде при 5843 душах 23 [мечети осталось – 3.Т.] а разломано 66. В самой Тюмени и в уезде разломано 19, оставлено 13 [мечетей – 3.Т.]». В Тобольске в «в нижнем посаде две мечети сломаны», а тобольские мусульмане, татары и бухарцы, в количестве 290 душ были приписаны к Медянской мечети, которая находилась от города в 6 верстах [32]. Таким образом, видим, что уже к XVIII в. основная часть тюрко-татарского населения Тоболо-Иртышья являлась мусульманами и во всех перипетиях межэтнических и межконфессиональных отношений XVIII в. всеми средствами стремились сохранить свои духовные устои [19; 34].

Итак, отметим наиболее важные, на наш взгляд, выводы исследователей современного периода, касающиеся общего характера исламизации тюрко-татарских государств Западной Сибири. Прежде всего, к ним относится вывод о том, что распространение ислама в Западной Сибири происходило в «общем контексте исламизации Золотой орды и постзолотоордынских государств». Другим важным положением является то, что данные процессы в Сибири связаны с династией Шибанидов, благодаря конфессиональной политике которых ислам распространялся первоначально при дворе правителей и в среде кочевой аристократии, а затем среди рядового населения.

Исследователями оспорена привязка начального этапа распространения ислама в Западной Сибири к определенной дате (конец XIV в.) и к определенному событию (поход шейхов-миссионеров).

Определена важная роль сейидов в шибанидских и, в т.ч., сибирских ханствах, особенно на начальных этапах исламизации. Выявлена значимая роль в исламизации населения Западной Сибири суфийских братств Накшбандийа и Ясавийа.

Особую роль в процессе введения ислама на территории Тоболо-Иртышья, которая «ранее была за границами мусульманского мира», отведена ханам Ахмад-Гирею и Кучуму, в период правления которых, по мнению большинства исследователей, ислам занял ведущее положение в Тюменском и Сибирском ханствах. Период с 60–70-е годы XVI – конец XVI в., связанный с деятельностью хана Кучума, был временем принятия населением Сибирского ханства ислама в качестве государственной религии.

Исследователи также приходят к выводу, что внедрение ислама в широкие слои населения Сибирского ханства произошло незадолго до его завоевания Московским государством. В связи с чем можно предположить, что становление системы исламского сообщества и формирование исламских институтов на территории Тоболо-Иртышья происходило достаточно поздно – на рубеже XVI–XVII вв., что во многом может объяснять определенные их особенности, в т.ч. важную роль института астана.

Для дальнейшего изучения истории сибирского ислама главной задачей является поиск и введение в научный оборот новых источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белич И.В. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 153–171.
2. Белич И.В., Бустанов А.К. Заметки о суфийских традициях в Западной Сибири // Pax Islamica. 2010. № 2 (5). С. 39–58.
3. Бустанов А.К. Семейная хроника сибирских сайидов. Шаджара Рисаласи (текст, перевод, комментарии) // Ислам в современном мире, 2009. № 1–2 (13–14). С. 45–61.
4. Бустанов А.К. Ранняя версия сочинения об исламизации Сибири // «Сулеймановские чтения»: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тобольск: Тобольск. гос. пед. ин-т им. Д.И. Менделеева, 2009. С. 159.
5. Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск: Наука, 2009. Т. 11. С. 195–229.

6. Бустанов А.К. Суфийские легенды об исламизации Сибири // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Вост. лит., 2011. С. 33–78.
7. Бустанов А.К. Книжная культура сибирских мусульман. М.: Марджани, 2013. 264 с.
8. Бустанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Имьяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 97–105.
9. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. 208 с.
10. Водясов Е. Мусульмане «Тоянова городка» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 1(27). С. 101–113.
11. Зияев Х.З. Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент: Фан, 1968. 74 с.
12. Исхаков Д.М. Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах. Казань: Татар. кн. изд-во, 1997. 78 с.
13. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
14. Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011. 228 с.
15. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: Школа, 2007. 356 с.
16. Исхаков Д.М. Распространение ислама в Сибири и его локальные особенности // История и культура татар Западной Сибири. Колл. монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 494–507.
17. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о прибытии в 1572 году мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.8. Тобольск, 1897.
18. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1904. 28 с.
19. Ключева В.П. К вопросу о деятельности Следственной о татарах и бухарцах комиссии (сер. XVIII в.) // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск–Омск, 2002. С. 186–188.
20. Маслюженко Д.Н. Деятельность суфийских орденов на территории Тюменского и Сибирского ханств // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 5–9.
21. Маслюженко Д.Н. Процесс исламизации населения юга Западной Сибири в XIII–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 131–158. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158
22. Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Сибирь и государства Средней Азии и Казахстана // Тюменское и Сибирское ханства: Колл. монография. Казань: Изд-во КГУ. 2018. С. 98–106.
23. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.
24. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи: энцикл. словарь. М., 2006. Т. I. С. 286–292.
25. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1872. Ч. IV: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. 411 с.
26. Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар. Мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. Тюмень: Тюменский областной краеведческий музей имени И. Я. Слоцова, 2006. 77 с.
27. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 72 с.
28. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Марджани, 2009. 216 с.
29. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Религиозная культура // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 232–255.
30. Татауров С.Ф., Корусенко М.А. История ислама в Западной Сибири: междисциплинарный подход к хронологии и периодизации // Былые годы. 2015. Т. 38, ч. 4. С. 798–807.
31. Татауров С.Ф. Ислам в Томском Приобье от XIII к XVIII веку – от гипотез к реальности // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 379–390. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-2.379-390
32. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности служилых татар (XVII–XIX вв.). Казань: Фэн, 2010. 288 с.
33. Тычинских З.А. Тобольские ахуны в XVI–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 52–58.
34. Тычинских З.А., Муратова С.Р. «... И мечети их от церквей Божиих построить в дальних местах»: к вопросу о формировании межэтнических и межконфессиональных границ в Западной Сибири в XVIII веке // Научный диалог. 2021. № 9. С. 512–536.
35. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. 384 с.

36. Усманов М.А., Шайхиев Р.А. Образцы татарских народно-краеведческих сочинений по истории Западной и Южной Сибири // Сибирская археология и источниковедение. Новосибирск: Наука, 1979. С. 85–103.
37. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania University Press, 1994. 638 p.
38. DeWeese D. The Descendants of Sayyid Ata and the Rank of Naqib in Central Asia // Journal of the American Oriental Society. 1995. Vol. 115, № 4. P. 619–634.
39. ПМА – полевые материалы автора (2003–2019 гг.).

Сведения об авторе: Зайтуна Аптрашитовна Тычинских – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (Тобольск, Российская Федерация). E-mail: zaituna.09@mail.ru

MAIN APPROACHES TO THE PROBLEM OF ISLAMIZATION OF THE WESTERN SIBERIA'S POPULATION IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Z.A. Tychinskikh

*Tobolsk Complex Scientific Station
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*

The author examines the situation with the study by domestic researchers of the modern period of the question of the Islamization process of the population of Western Siberia. The research identifies existing versions in historiography regarding the beginning of the penetration of the Muslim religion in Siberia. The author believes that one of the important tasks facing us today is the need to develop a general scheme of this process in the territory of Western Siberia, to identify its nature and main stages. The main results of research on this issue reveal that: the spread of Islam in Western Siberia occurred in the “general context of the Islamization of the Golden Horde and post-Golden Horde states”; the processes of Islamization in Siberia are connected with the confessional policy of the Shaybanid dynasty; an important role of the Sayyids in the Shaybanid and Siberian Khanates was determined, especially at the initial stages of Islamization; the significant role of the Nakshbandi and Yasawi Sufi brotherhoods in the Islamization of the population of Western Siberia was also identified.

Keywords: Western Siberia, Islamization, Siberian Tatars, Sufi orders, astana, sayyids

About the author: Zaytuna A. Tychinskikh – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: zaituna.09@mail.ru

БЫЛ ЛИ ИШИМ Б. КУЧУМ ХАНОМ? НОВОЕ УПОМИНАНИЕ ТИТУЛА В АРХИВНОМ ДОКУМЕНТЕ

Д.Н. Маслюженко, Е.А. Рябина
Курганский государственный университет

В Тарской копийной книге обнаружено новое упоминание сына Кучума Ишима в качестве царя. Оно актуализирует вопрос о том, был ли он сибирским ханом, необходимо ли было для этого признание соседними государями, могла ли возникнуть путаница между ним и казахским ханом Ишимом. Кроме того, предлагается новая трактовка титула «султан» относительно династии Шибанидов, правившей в Тюменском и Сибирском ханствах. В результате ставится вопрос о специфике изучения политической антропологии Сибирского ханства именно в контексте разночтения информации между представителями татарского и русского общества.

Ключевые слова: Кучум, Ишим, Кучумовичи, Сибирское ханство

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Грант № AP09258941 «Роль и значение династии Шибанидов в истории Золотой Орды, Ак Орды и Казахского ханства (XIII–XVII вв.)»).

После смерти сибирского хана Кучума в 1599 или 1600 гг. значительные территории Сибирского ханства окончательно вошли в состав Русского государства, что часто подчеркивалось шертвованием местного населения, как это произошло у тюркских групп населения на Исети в 1601–1602 гг. [16, с. 57–59]. Несмотря на это, сохранение контроля потомками Кучума над степными и отчасти лесостепными территориями от Иртыша до Урала и поддержка их как местными племенами, так и калмыками, делало их не только потенциальной, но и вполне реальной угрозой для русских крепостей на юге Западной Сибири, а также возможным символом и знаменем периодически вспыхивающих восстаний вплоть до 1670-х гг. [19; 23; 25].

Одной из проблем в изучении истории Кучумовичей является вопрос об их политическом статусе: являлись ли они реальными претендентами на утраченные ханские престолы в Тюмени или Сибири, и как это отражалось в их титулатуре. На данный момент сложилось понимание того, что по крайней мере сын и наследник Кучума Али с 1601 года однозначно был ханом не только с позиций местного населения, но и московских властей [25, с. 67–68]. Причем синхронно с ним этот титул уже существовал в именовании московских правителей, которые включили его в соответствующий территориальный перечень еще в мае 1599 г. [21, с. 14], фактически не столько в связи с гибелью хана Кучума, сколько в связи с его поражением в битве на притоке Оби Вагае.

По сути, с этого времени было два сибирских царя – один из числа Шибанидов, а другой – из числа действующих московских правителей. Отметим, что еще зимой 1603 года, то есть вскоре после избрания ханом Али, в среде его ближайшего окружения («... двор де Алеев, лутчие люди...») возникла идея в связи с низким происхождением матери Али провозгласить ханом его брата Каная [18, с. 208], то есть фактически тоже могла возникнуть ситуация двух царей, которая, видимо, является характерной и не до конца изученной чертой шибанидской государственности. Однако, после русского пленения хана Али в 1607 году возникла парадоксальная ситуация, согласно которой оставшиеся в Сибири потомки Кучума в русских источниках именуется только в качестве царевичей, хотя сам Али в плену до смерти в 1649 года мог оставаться «царем Сибирским» [2, с. 247, 251 и др.; 25, с. 83]. В совокупности с соответствующей территориальной частью титула русского царя это позволяло полностью игнорировать любые политические претензии иных потомков Кучума.

Очевидно, что, во-первых, это отражает не столько особенности внутренней политической антропологии, сколько именно позицию московской политики и идеологии. Во-вторых, для получения соответствующего титула Чингизидам не нужно было признание извне [25, с. 83–84], а только лишь соответствующее происхождение и, возможно, процедура избрания внутри улуса на курултае [20, с. 101]. Классическим примером такой двойственной ситуации был перевод грамоты царю Алексею Михайловичу от Кучука б. Аблай б. Ишим от августа 1668 года. В самом тексте недавно избранный

хан именуется как «Кучюк Баатырь царь», то есть аналогично титулу самого Кучума в одной из грамот [24, с. 63], но в преамбуле перевода указан как царевич [25, с. 209]. Представляется, что какое-то время все это вполне осознавали и русские администраторы, что и приводило периодически к «опискам?» в документах.

Обратим внимание, что сочетание в титулатуре указаний на бахадура и хана может быть частью среднеазиатского влияния на канцелярию Тюменского и Сибирского ханств. Например, такой же сочетание «Шахрух-бахадур-хан» имеется в сочинении тимуридского историка Хафиз-и Аbru в тексте хутбы, которую требовал этот правитель у индийского султана Хизра-хана (1414–1442 гг.) [1, с. 48–49]. Позднее это же будет характерно для главного союзника самого Кучума бухарского хана Абдаллаха II [4, с. 238–239]. Количество аналогий подобного сочетания из Восточного Дешта и связанных с ним территорий, в том числе узбекских ханств, можно увеличить [26, с. 43].

Впервые в контексте грамоты от 15 октября 1616 года о наличии титула царя у брата Али Ишима написал еще Г.Ф.Миллер [18, с. 42; 25, с. 83]. Поскольку такое упоминание во многом уникально, то важен контекст: «...писал к нему (Борису Хилкову, – Д.М., Е.Р.) с Тюмени ты князь Федор (Коркодинов, – Д.М., Е.Р.) да Федор Бобарыкин про вести колмацких людей, что Ишим царь сего лета хочет итти войною на сибирские города и под Уфинской город и на уфинские волости...» [18, с. 274]. Складывается такое впечатление, что в данном случае тюменские воеводы просто пересказали соответствующие вести, полученные ими из степей в конце лета того же года, и тем самым отразив именно позицию калмыков. Уже в следующей грамоте по этому вопросу от 30 октября 1616 года Ишим указан только с более традиционным для русских документов титулом «царевич» [18, с. 276].

В.В.Трепавлов предположил, что в первом из процитированных документов была «описка..., но возможно, что в данном случае каким-то образом смешались сведения об Ишиме б. Кучуме и его тезке – одном из тогдашних казахских ханов (несомненных «царей»)» [25, с. 83, прим.4]. Такое объяснение было поддержано и В.В.Пестеревым [19, с. 278]. Однако, анализ различных документов (посланий, распросных речей, отписок) за 1616–1620-е гг. показывает, что вряд ли такая путаница могла возникнуть, тем более, что в одном из рассмотренных документов они фактически упомянуты вместе. В них казахский хан Ишим всегда указывается как «царь казачей Ишим», «царь Ишим» в увязке ниже «прямая Казачья Орда», «от Казачьи Орды от Ишима царя» или «Казачьей Орды Ишим царь» [12, с. 261, 270, 275, 276], а Ишим б. Кучум как «Ишым царевич Кучумов сын» или просто «Ишим царевич» [12, с. 265–267; 276–277]. При этом «царь Ишим» не упоминается в качестве угрозы сибирским городам или в союзе с калмыками, как это характерно для царевича Ишима. Напротив, хан Ишим указывается в контексте известий о его войне с калмыками. Таким образом, информаторы и воеводы вряд ли могли перепутать этих тезок.

Однако, в ходе совместной работы с А.В.Беляковым по подготовке к публикации Тарской копии книги из РГАДА [5] было обнаружено еще одно упоминание царского титула у Ишима. В июле 1619 года была подготовлена «Роспись Тарского города служилым людям, которым послано государево жалованье с Москвы за колматцкую службу, что ходили на Ишима царя»¹.

Интересно то, что в предшествующих и последующих документах Тарской копией книги он везде указан только как царевич. Например, именно так он назван в указной грамоте Михаила Федоровича тарским воеводам от 16 января 1616 года², в жаловальном слове Михаила Федоровича тарскому воеводе К.С.Вельяминову-Воронцову за организацию успешного похода на Ишима и калмыцких тайш от 4 декабря 1618 года³, а также в указной грамоте Михаила Федоровичу тому же воеводе о награждении служилых людей посланных на Ишима от июля 1619 года⁴ и в указной грамоте царя тарским воеводам при перечислении прошлых походов от 17 июня 1622 года⁵. Этому вторят грамота тобольскому воеводе Матвею Годунову о жаловании литвина Яна Кучи, в том числе за участие в походе против Ишима, от 3 июня 1620 г., отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова об известиях про Ишима и калмыков от октября 1620 г., их же отписка о калмыцком тайше Уруслане о требованиях ясака от января 1623 г. [18, с. 294–295, 300, 341–342].

В результате мы имеем уже два упоминания царского титула Ишима в русских документах, что вряд ли может быть объяснено только опиской. Понятно, что после пленения Али его братьям и бли-

¹ Российской государственной архив древних актов. Ф.214. Оп.1. Д.11. Л.172.

² Там же. Л.165.

³ Там же. Л.168.

⁴ Там же. Л.171.

⁵ Там же. Л.193.

жайшему окружению, жившим у калмыцких тайшей, необходим был новый лидер, который мог бы не только реализовать собственные [25, с. 83], но и помог бы реализовать именно совместные политические амбиции и чаяния. Тем более, что, по мнению А.В.Белякова, его «старшие братья сошли с политической арены. Старшие братья и многие племянники были пленены» [3, с. 47]. Представляется немаловажным, что первое из имеющихся упоминаний связано именно с «вестями колмацких людей», то есть отражало или пересказывало информацию из степей в ее необработанном виде. Интерпретация же второго документа из канцелярии тарских воевод на данный момент затруднена, но вполне возможно, что указывает на имевшуюся информацию в Таре о наличии этого титула у Ишима. По сути, оба этих случая касаются именно внутреннего документооборота сибирских воевод, которые могли не обратить столь пристальное внимание на данное упоминание, как это делалось в переписке с Москвой, где ханский титул Ишима явно не признавался.

Более сложен вопрос о том, ханом чего был Ишим. Как известно, татарский историк Ш.Марджани писал, что «после него ханом стал его брат Ишим хан, он был последним сибирским ханом» [14, с. 130]. В отписке в Москву тобольского воеводы в 1634/35 г. указано, что «... Кучумовы де внучата называют Сибирское государство своею землей...» [25, с. 85]. Внук Кучума Девлет-Гирей б. Чувак «заявляет по поводу «чимкиских людей»... «и, ведомо тебе, государю, самому, что тот улус моего деда и отца» [17, с. 478], хотя Д.А.Васьков в публикации соответствующей грамоты января 1646 года вносит правку «...тот улус отца моего и дяди...» [6, с. 160]. Очевидно, что это один из последних случаев упоминания о владении Шибанидами вилайетом Чинги-турой, то есть Тюменской землей. При этом, не совсем понятно, в каких условиях мог получить этот улус собственно сам Чувак или его сын Девлет-Гирей, если, конечно, не считать возможного пребывания в кочевой ставке у последнего кого-то из тюменских татар [25, с. 95–97]. Еще более сложная ситуация с указанным разночтением. Если в первом случае вполне понятна отсылка на владение Тюменью и Сибирью ханом Кучумом, что было закреплено и в его титуле, то во-втором случае возникает резонный вопрос, кто был этим дядей. Родным братом Чувака был именно Ишим [25, с. 163], но доказать отсылку этого документа именно к нему достаточно сложно. К тому же для обоснования древности владения не было смысла ссылаться на дядю, а вот отсылать к знаменитому деду хану Кучуму было вполне резонно. Эти косвенные указания позволяют говорить о том, что Кучумовичи могли связывать себя именно с тюменскими или сибирскими престолами Шибанидов, хотя в имеющихся документах, конечно, территориальная часть их титула не указана. И тем более резонно, что реализовать эти амбиции они так и не смогли.

И, наконец, обратим внимание на еще один момент, о котором нам ранее уже приходилось писать [15]. Д.А.Васьков пишет, что «...все наследники Кучума называют себя исключительно либо царевичами, либо салтанами (что есть одно и то же, собственно, здесь «царевич» – это перевод на русский язык слова «салтан»)» [6, с. 159]. Представляется, что с этим титулом также могло возникнуть аналогичное расхождение в русской и татарской интерпретации. Еще в 1883 году А.И.Введенский считал, что «с тех пор в Тюмени до самого покорения Сибири дружиной Ермака были особые, отдельные владетели, известные под именем ханов или султанов» [7, с. 2]. В.В.Бартольд обратил внимание, что с XI века в исламском мире «...султаном мог называть себя только глава независимой династии...», что было хорошо известно в дальнейшем на примере египетских, индийских и османских правителей [1, с. 30]. Представляется, что на протяжении XV века титул султана постепенно заменяет более традиционный титул оглана, но при этом в нумизматической традиции отдельные ханы уже начинают под влиянием исламской культуры называться одновременно султанами. Это, например, заметно по монетам ханов Большой Орды Ахмада и Махмуда и напечатанным в их бывшем Орду-Базаре монетам тюменского хана Ибрахима [10; 22]. Причем как Ахмад, так и Ибрахим указаны там именно как «султаны верховные». В египетской традиции султаном «может называть себя правитель, во владениях которого есть несколько царей (мелик)» [1, с. 43]. Такой принцип вполне сочетается с наличием нескольких ханов во владениях Шибанидов, один из которых (например, Абу-л-Хайр или Ибрахим) рассматривался как верховный, причем такая ситуация будет заметна не только в XV веке, но и в среднеазиатских землях Шибанидов на протяжении значительной части XVI века.

В XVI веке упоминание двойного титула тюменских ханов будет, прежде всего, характерно для русских источников. Например, в Вычегодско-Вымской летописи так именуется преемник и младший брат Ибрахима: «сибирский царь Кулуг Салтан» [8, с. 264]. Указание в качестве султана в русских летописях и внутренней делопроизводственной документации и хана в посольских грамотах будет часто встречаться в отношении внука Ибрахима Кучума, причем в Строгановской летописи однажды и как «Сибирского Салтана Царя Кучумова» [15]. Весьма сомнительно, чтобы в тех услови-

ях авторы понижали статус этих вполне признанных сибирских царей до царевичей. Для решения этого вопроса могут быть применены два подхода. Во-первых, в этих русских документах могло находить отражение наличие у правителей не только традиционного ханского звания, но и связанного с исламской культурой высшего светского титула «султан». Причем обратим внимание, что чаще всего это будет характерно для северорусского летописания, который создавался в монастырях Приуралья на границе с владениями Шибанидов. Во-вторых, это может отражать московскую литературную традицию примерно середины XVI – первой четверти XVII века, в том числе деятелей Посольского приказа, в рамках которой за османским правителем закрепился двойной титул типа «царь-султан» [11, с. 238; 13, 248 и далее; 27, с. 402], однако в таком случае возникает резонный вопрос, как и когда эта традиция была перенесена на сибирских ханов.

Как кажется, необходимо вновь вернуться к вопросу о том, в каком контексте в дальнейшем относительно Кучумовичей упоминается этот титул, ведь, например, внука Ишима Дюдюбака так называли сами татарские информаторы, которые при этом и его знаменитого предка также называли «салтан Кучум хан» [23, с. 107]. Представляется, что поиск аналогий подобных указаний в монгольской и постмонгольской истории необходимо расширить. Например, в Крымском ханстве в книгах массарии за 1456–1457 гг. есть указание на титул «султан император» некоего неидентифицированного правителя, который отличается от более традиционного «император татар» и возможно применяется к претенденту на престол [9, с. 152, прим. 291–292]⁶. В целом, представляется, что до определенного времени за титулом султан скрывался не просто формальный член правящего рода. Если упоминание титула «султан» связано с собственными письмами Кучумовичей или информацией кочевников, то возможно будет полезным отказаться от его русской интерпретации как «царевич», понимая, что султаном мог быть как собственно хан, так и не просто любой представитель ханской семьи, а владелец вполне независимого улуса или претендент на престол (наследник?) из числа Шибанидов.

Резюмируя все вышесказанное, вероятнее всего, с позиций определенной части сибирской татарской и калмыкской аристократии, чьи интересы были связаны с Кучумовичами, Ишим, как и, возможно, часть более поздних представителей династии, являлись ханами (царями), даже не имея реальных возможностей осуществления своих амбиций и чаяний. Очевидно, это и отражало внутреннюю ситуацию в их оставшихся владениях, и могло быть использовано в дипломатических отношениях с московскими «сибирскими» царями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Халиф и султан // Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Издательство восточной литературы, 1966. С. 15–79.
2. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань-Мир, 2011. 512 с.
3. Беляков А.В. Кучумовичи в России XVII века. Три поколения одной семьи // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 7. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 45–65.
4. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 229–243.
5. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Копийная книга Тарского уезда – недооцененный источник по истории Сибири и сибирских татар конца XVI – первой четверти XVII в. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2021. № 72. С. 136–141.
6. Васьков Д.А. «Тот улус отца моего и дяди, и тот улус у тебя, государь, в руках». Послания Кучумовичей на имя царя Алексея Михайловича. 1640–1660-е гг. // *Исторический архив*. № 2. 2013. С. 156–168.
7. Введенский И. Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком // *Тобольские губернские ведомости*. 1883. № 3. С. 2–5.
8. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // *Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР*. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 241–270.
9. Джанов А.В. Каффа, Крымское ханство и Османы в 1454–1456 гг. По данным книг массарии Каффы // *Сугдейський збірник*. Вип. 2 (VIII). Київ: НЗ «Софія Київська», 2019. С. 79–373.

⁶ Авторы благодарят за это указание М.М. Акчурина.

10. Зайончковский Ю.В., Леонов Б.И. Тип дангов джучидского хана Махмуда б. Мухаммада б. Тимура с титулом «Султан справедливый» // Деятнадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М.: Государственный исторический музей, 2017. С. 88–90.
11. Зайцев И.В. «Вольная грамота» турецкого султана «некому русину» // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003. С. 229–244.
12. История Казахстана в русских источниках. Т.1. Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.). Сост. А.И.Исин. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.
13. Каган М.Д. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII вв. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. XIII. М.-Л., 1957. С. 247–272.
14. Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. Ч.1. Казань: Иман, 2005. 199 с.
15. Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А. Титул «султан» и его использование в отношении правителей Тюменского и Сибирского ханств // «Воронеж – форпост Российского государства» (к 840-летию первого упоминания г.Воронежа в русском летописании). Материалы Всероссийской научной конференции. Воронеж, 2017. С. 97–103.
16. Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII века // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 57–72.
17. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1999. 630 с.
18. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2000. 796 с.
19. Пестерев В.В. Кучумовичи и их борьба за восстановление Сибирского ханства // Тюменское и Сибирское ханства: коллективная монография. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. С. 271–298.
20. Почекаев Р.Ю. Сибирские Шибаниды XVII в.: претензии, статус, признание // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. С. 100–104.
21. Пчелов Е.В. Символы Сибирского царства // Известия Уральского государственного университета. Сери 2: Гуманитарные науки. 2009. Т.66. № 4. С. 13–22.
22. Рева Р.Ю., Казаров А.А., Зайончковский Ю.В. Монеты хана Ибрахима // Труды ГИМ. Вып. LXXXI. Материалы и исследования отдела нумизматики. По материалам международной конференции «Два века мусульманской нумизматики в России. Итоги и перспективы». СПб., 2017. С. 198–207.
23. Рябина Е.А. Последние Кучумовичи на юге Западной Сибири в 1670–1680-х гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2017. С. 105–108.
24. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М.: Тип. Н.С.Всеволожского, 1819. 643 с.
25. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Вост.лит., 2012. 231 с.
26. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах/ Т. I: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев; составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 690 с.
27. Яковлев В.В. Ироничные «послания» Посольского приказа турецкому султану (О семантике тюрко-монгольской титулатуры в русской дипломатической практике XVI–XVII вв.) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003. С. 401–415.

Сведения об авторах: Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института, Курганский государственный университет (Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

Елена Алексеевна Рябина – старший преподаватель кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет (Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3854-1817. E-mail: realdenim77@yandex.ru

**WAS ISHIM IBN KUCHUM A KHAN?
A NEW MENTION OF THE TITLE IN AN ARCHIVAL DOCUMENT**

D.N. Maslyuzhenko, E.A. Ryabinina
Kurgan State University

A new mention of Ishim, the son of Kuchum, as a tsar, has been discovered in the Tarskaya copybook, which raises questions about whether he was a Siberian khan, whether recognition by neighboring states was necessary for this, and whether there could have been confusion between him and the Kazakh khan Ishim. In addition, a new interpretation of the title “sultan” is proposed in relation to the Shaybanid dynasty, which ruled in the Tyumen and Siberian khanates. As a result, the question arises about the specificity of studying the political anthropology of the Siberian khanate, particularly in the context of discrepancies in information between representatives of Tatar and Russian society.

Keywords: Kuchum, Ishim, Kuchumovichi, Siberian Khanate

Financial Support: The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AR09258941 “The role and significance of the Shibaniid dynasty in the history of the Golden Horde, Ak Horde and the Kazakh Khanate (13th – 17th centuries)”).

About the authors: Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

Elena A. Ryabinina – Senior Lecturer, Department of “History and documentation”, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3854-1817. E-mail: realdenim77@yandex.ru

ИМПЕРСКИЕ МОТИВЫ В ПРАКТИКАХ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ПРИСОЕДИНЕНИИ СИБИРИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

С.А. Чернышов

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

Цель исследования: систематизация и анализ одного аспекта локальной исторической памяти о присоединении Сибири к Русскому государству – а именно, имперских или колониальных мотивов в отношении материалов нескольких регионов в пределах Сибири и в ее периферии.

Материалы исследования: материалы личного происхождения, публикации в локальных СМИ и краеведческой литературе, мемуаристика, локальные учебные и научно-методические пособия Казани, Перми, Тюмени, Тобольска и Красноярска, посвященные целиком или частично присоединению соответствующей территории к Русскому государству.

Научная новизна: историческая память в целом и ее региональные измерения относительно недавно стали объектами для исследования в отечественной историографии. В настоящем исследовании вводятся в научный оборот и систематизируются краеведческие и публицистические материалы, проводится компаративистский анализ исторической памяти различных регионов об одном историческом эпизоде.

Результаты исследования: делается вывод о том, что через весь имперско-колониальный дискурс в локальных коммеморативных практиках красной нитью проходит идея о цивилизационном значении присоединения Сибири к России, о мудрой государственной политике правительства и отдельных героев (прежде всего, Ермака и его дружины), о положительном значении русского «Сибирского взятия» для аборигенного населения. На примере казанского кейса об аналогичном эпизоде локальной истории («Казанском взятии») показано, что имперские и колониальные дискурсы в локальной исторической памяти стабильно существуют не только в случае их безоговорочной поддержки в коммеморативных практиках, но и даже в случае их формального отрицания.

Ключевые слова: компаративистика, историческая память, присоединение Сибири, присоединение Казани, Пермь, Тюмень, Тобольск, Красноярск, Казань

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150/>

Введение

Локальная историческая память является относительно новым исследовательским направлением в отечественной историографии. Хотя ее как форму реконструирования и осмысления прошлого связывают подчас с кризисом историзма и постмодернистскими тенденциями в исторической науке [18, с. 13], локальная историческая память имеет существенный потенциал для анализа эволюционирующих представлений о том или ином историческом эпизоде. А если речь идет о тематике с существенными источниковыми пробелами (каковой, несомненно, является присоединение Сибири к Русскому государству, начавшееся в конце XVI в.), то историческая память по существу начинает играть одно из ключевых значений в интерпретационных практиках полуполюгендарных героев и событий.

Целью настоящей работы является систематизация и анализ одного аспекта локальной исторической памяти о присоединении Сибири к Русскому государству – а именно, имперских или колониальных мотивов в отношении материалов нескольких регионов в пределах Сибири и в ее периферии.

Для анализа мы выбрали несколько локальных сообществ:

1. Пермский регион, где располагались вотчины Строгановых и откуда начался поход Ермака.
2. Тюменско-Тобольский регион – центр первоначальной «государственной» колонизации Сибири и территория строительства первых русских городов в Сибири.
3. Красноярск – центр Приенисейского региона, исходная точка для освоения Восточной Сибири, а также территория, хотя и находящаяся в «общесибирском» контексте, но расположенная в стороне от событий, которые осмысляются как первоначальный этап покорения Сибири.

4. Казань – внешняя по отношению к Сибири территория, на примере локальных коммеморативных практик которой мы демонстрируем, как имперский дискурс «выворачивается наружу», и предстает хотя и в антиколониальном виде, однако целиком повторяет классические мотивы, которые мы наблюдаем в Прикамье и Зауралье.

В каждом из названных регионов материалом для анализа стали материалы личного происхождения, публикации в локальных СМИ и краеведческой литературе, мемуаристика, локальные учебные и научно-методические пособия, посвященные целиком или частично присоединению этой территории к Русскому государству.

Методологической базой исследования является коммуникативный подход к интерпретации социальных взаимодействий и институтов, в частности, идея Ю.М. Лотмана о том, что реально протекавший процесс в социальных коммуникациях всегда заменяется некоей моделью, «ретроспективной трансформацией» [11, с. 32]. Локальная историческая память рассматривается нами как явление социальное, то есть, не индивидуальное, а коллективное. Память, работая с потенциально неограниченным набором мифологем, априори не является объективной, но факторно обусловленной, в том числе, субъективно обусловленной: «она видит события единственно в перспективе собственных интересов; она не терпит многозначности, редуцируя события до мифологических архетипов» [1, с. 38].

Наконец, акцент на постколониальной повестке обусловлен самими условиями (в том числе, историческими) осуществления коммеморативных практик в локальных условиях названных регионов Сибири и Урала. Дело в том, что ретроспективное осмысление местными жителями (прежде всего, русскоязычным населением Перми, Тюмени/Тобольска и Красноярска) присоединения Сибири к Русскому государству с самого начала было призвано решить две ключевые задачи. С одной стороны, русские в Сибири как внешняя по отношению к этой территории социальная группа всегда нуждалась в собственной локальной легитимизации, и имперские дискурсы вкупе с цивилизаторскими мотивами как нельзя лучше решали эту задачу в любую историческую эпоху. С другой стороны, это же сообщество нуждалось в «заземлении», то есть формировании собственной локальной идентичности, которая в конечном счете была сформулирована в довольно типичной формуле «сибиряки – это особые, идеально-пассионарные русские». Если вдуматься, то такая формулировка также находится в русле колониально-имперского дискурса, поскольку определяет местное сообщество через отношение к населению метрополии, несмотря на коннотации такого отношения.

Имперские дискурсы: общие мотивы

Анализ локальных дискурсов Перми, Тюмени/Тобольска и Красноярска демонстрирует нам, что единственная содержательная идея, которая их объединяет – это имперские мотивы по отношению к ретроспективному осмыслению присоединения Сибири к Русскому государству. Эти мотивы имеют несколько составляющих: описание цивилизаторской роли русских в Сибири, интерпретация поступков локальных героев через «государственные интересы», уничижительные характеристики по отношению к аборигенному населению.

Наиболее популярный образ, который вбирает в себя все названные элементы, – это образ Ермака и его дружины. Для авторов пермских текстов Ермак – этакий былинный богатырь, который приводит под «государеву руку» далекий дикий край:

*«Казак с невиданным упрямством
Врата Сибирские открыл,
Кучума уничтожил ханство,
Лихое войско истребил!
Расширив русские границы,
Зло бумерангом упредил,
Все силы отдал до крупницы
И живота не пощадил».* [10, с. 4]

Ермак в пермских локальных дискурсах остро чувствует «государственные интересы» («шли Кучума победить, чтоб Ивана укрепить» [14, с. 50]), и более того – он один из самых главных «государственников» в истории Сибири, даже больший «государственник», чем члены московского царского правительства: «вольное товарищество казаков первым утвердило историческое решение о присоединении Сибири к России» [22, с. 21].

Аналогичные идеи повторяются в творчестве тюменско-тобольских авторов. Единственным существенным отличием от пермских дискурсов является отсутствие образа «народных заступников»

(это объяснимо специфическими характеристиками региона как первоначального центра правительственной колонизации Сибири) – местные авторы целиком сосредоточены на образе Ермака и его дружины как агентов государственного влияния в Сибири:

«Их души пылали отвагой.

Одна у нас, братья, дорога:

Коль смерть – то Отчизне во благо,

Коль жизнь – то подарок от Бога». [3, с. 43]

(стихотворение «За Камень, в просторы Сибири»)

Ермак для тюменско-тобольских краеведов – государственный, и именно поэтому – ключевой герой присоединения Сибири: «потому что мыслил масштабно, свою жизнь послужил государственным интересам Родины» [19, с. 13]. Наконец, Ермак – это еще и герой, который завершил эпоху монгольского владычества над Россией, разгромив Сибирское ханство, которое интерпретируется в локальной исторической памяти как последний значимый осколок Золотой Орды. Освобождение Руси начал Дмитрий Донской на Куликовом поле, а закончил Ермак в Искере: «через 202 года после Куликова поля произошло сражение ручисей на Иртыше, на Княжьем лугу, в окрестностях Тобольска, с последним Чингисидом ханом Кучумом» [9, с. 28]. Аналогичное значение Ермак и его спонсоры Строгановы имеют и для управляющего строгановскими имениями середины XIX в. Ф.А. Волегова – одного из ключевых поборников «строгановской» истории Сибири. Для него Строгановы – одна из основных исторических фамилий России, которые освободили Василия Темного из татарского плена, покорили «Сибирское царство», давали жертвования московскому правительству, помогали усмирять восстания казанских татар и уфимских башкирцев и так далее¹. Для современных пермских краеведов деятельность Строгановых имеет значение не меньшее, чем преобразования Петра Первого, и точно также подчеркивается содействие в освобождении Русского государства от «татаро-монгольского ига» [25, с. 89].

Тот же Ермак для локальных дискурсов – не только государственный, но и цивилизатор, инициатор позитивных перемен для сибирских аборигенов. Вот характерный эпизод из изданного в Тюмени исторического романа «Ермак»:

«– Не бедно живете, – заключил Ермак. – Ясак мы будем брать или мягкой рухлядью, или живностью, или хлебом, но не в ущерб хозяйству – как вам будет способнее. Согласен?»

– Как не согласиться? Мурза с нами не так разговаривал, забирал без спроса все, что хочет. А не вернется ли он? Не станет ли суд над нами вершить?»

– Ты думаешь, что он сможет меня одолеть?». [16, с. 257]

Важно, что такая точка зрения не является периферийной для локального социального пространства, ее разделяют, по всей видимости, не только краеведы, но и академическая общественность. Так, в 2010 году в «Тюменской правде» вышло интервью Н.К. Фролова, заведующего кафедрой общего языкознания ТюмГУ, председателя общественной организации «Общество русской культуры», где повторяется тот же мотив цивилизаторства: «всем народам на Русской земле Ермак обещал защиту, он добром и дипломатичностью завоевывал сердца людей. Проникая на восток к Тихому океану, русские первопроходцы совершенствовали культуру местного населения» [20].

Этот дискурс имеет корни не только в имперско-колониальном дискурсе, связанном с легитимизацией пребывания русских в Сибири, но и в советском идеологизированном подходе. Идея о цивилизаторском значении русского освоения Сибири идеально ложится в русло формационной теории и закрепляется в популярных изданиях и краеведческих музеях. Так, характерен сохранившийся в архивах тематико-экспозиционный план выставки «Присоединение Сибири к Русскому государству 15–17 вв.», экспонировавшийся в Красноярском краевом краеведческом музее зимой 1951–1952 гг. Среди тематик там присутствуют не только классические «образование русского централизованного государства», «строительство острогов», «плавание по Севморпути», но и «прогрессивная роль русского народа в Сибири в XVII – начале XVIII в.» с привычной историей про Ермака, «храбрых атаманов» и посольства в Москву. Тут же присутствовали и цитаты И.В. Сталина, например такие: «Хотя народы Сибири жестко угнетались царским самодержавием и эксплуатировались господствующими классами царской России, влияние многовековой передовой русской культуры, контакт с трудовыми массами великого русского народа, оказали благотворное влияние на хозяйство, быт и культуру народов Сибири и способствовали их прогрессивному развитию»².

¹ Государственный архив Пермского края. Ф. 672. Оп 1. Д. 19.

² Государственный архив Красноярского края. Ф. 795. Оп.1. Д. 64.

Таким образом, через весь имперско-колониальный дискурс в локальных коммеморативных практиках красной нитью проходит идея о цивилизационном значении присоединения Сибири к России, о мудрой государственной политике правительства и отдельных героев (прежде всего, Ермака и его дружины), о положительном значении русского «Сибирского взятия» для аборигенного населения.

Имперские дискурсы в отдельных коммеморативных практиках

Кроме этой общей установки, свойственной практически всем локальным коммуникативным практикам, в регионах имеются и другие схожие с этой «генеральной линией» дискурсы.

К такого рода «специфическим» локальным дискурсам следует отнести, прежде всего, тезис о сибиряках (в том числе, первых покорителях Сибири) как об особом типе русского человека, в котором проявляются («кристаллизуются») все положительно-пассионарные качества. Такой дискурс очень трудно поддерживать в Тобольске – в силу, прежде всего, близости к «месту действия». Об этом хорошо пишет тобольский краевед М.С. Знаменский: «По Карамзину «казаки и в пути, и в столице Сибирской вели жизнь целомудренную: сражались и молились». Как бы ни хотелось представить себе казацкое праздничное времяпрепровождение, но, стоя реальной ногой на этом реальном холме, невольно как-то смотрим на живших здесь некогда лиц как на живых людей (...) для которых было бы чудом отрешиться от прежних своих свычаев и обычаев» [6, с. 20]. Другой местный автор К. Голодников в известном очерке «Тобольск и его окрестности» выражается еще более определенно: «казаки и другие переселенцы, пришедшие в Сибирь одиночками, и жили в противозаконной связи с дочерьми татар, калмыков, остяков и вогулов. Отправляясь в Москву для доставления ясака или по другим делам, Сибирские казаки женились в России по нескольку раз, а также щеголяя там в лисьих и дорогих шубах, хвастались своим богатством и посредством разных обольщений сманивали и увозили с собою в Сибирь не только девиц, но и молодых замужних женщин» [2, с. 39].

Зато в красноярских краеведческих текстах и иных тематических материалах такой проблемы нет – казаки здесь идеализируются. Так, в «Записках о Енисейской губернии», впервые изданных в 1833 году, красноярский автор И.В. Пестров писал: «хотя Сибиряки имеют свое происхождение от Россиян, но здешний крестьянин великую имеет разницу: он говорит весьма чисто, основательно и учтиво; носят одяжение смотря по состоянию опрятное» [13, с. 288]. Аналогичные идеи мы встречаем и у современных авторов: «енисейская Сибирь принимала всех и всех щедро одаряла сибирским характером. Жаль, что ныне его гнут и ломают, пытаясь сделать из гордых труженников и мастеров пошлых торгашей и ростовщиков, но я думаю, что у новых экспериментаторов это не получится» [24, с. 120].

Особого рода имперские дискурсы мы встречаем в тюменских источниках. Здесь идея превосходства русских колонизаторов закрепляется через истории о военно-тактических хитростях: это и флотилия из деревянных идолов как военная хитрость и отвлекающий маневр Ермака [5, с. 7], и классические истории о технологическом превосходстве казацкой дружины и стратегических уловках [8, с. 11], принижение талантов татарских военачальников [4] и так далее. Свообразным ответом на эти дискурсы является антиимперские истории, где напротив – Ермак представляется простачком, которого обманывает Кучум (такие истории характерны для этнографических материалов сибирских татар). Вот пример характерного текста такого рода:

«Долго Ермак с Кучумом воевали, а под конец решили, что места в Сибири всем хватит. Была у них мирьба. Сидели они в лодочке оба пьяные. Хан Кучум выждал время да толкнул Ермака в Иртыш-реку» [12, с. 229] (записано в деревне Кугаево Тобольского района).

Казанский кейс: антиимперский колониальный дискурс

Аналогичным образом собранные казанские локальные коммеморативные практики конечно не имеют никакого отношения к присоединению Сибири и реконструируют «Казанское взятие» – покорение региона русским войском в 1550-х годах. Однако мы включили их в общий анализ по двум причинам: во-первых, это пример локального не-русского реконструирования истории включения территории в состав Московского царства на аналогичных с Сибирью основаниях (поскольку пермские, тюменско-тобольские и красноярские практики – это прежде всего дискурсы русского населения Сибири); во-вторых, это пример антиимперского дискурса, который может продемонстрировать трансформацию типичной колониальной повестки.

Для местных авторов взятие Казани русскими – несомненное историческое поражение. Так, татарский поэт Зиннур Мансуров в своей книге «Беседы с Тукаем» описывает взятие Казанского ханства как цивилизационное поражение: «от нас ушел Касимов, потеряна Казань. Рассеялись татары, ис-

чезли ханы... и нет у нас теперь ни государства, ни былой славы!» [15, с. 112]. А писатель Аяз Гилязов в эссе «Казань, моя Казань!» (важно отметить – написанном в специфический период 1992 года) проводит такую параллель: «Осенью 1552 года Иван Грозный уничтожил Казань. На этот раз русские не только победили, но и поставили себе целью смести татар с лица земли. (...) В истории часто встречаются схожие ситуации. Гитлер тоже хотел уничтожить русские столицы – Москву и Ленинград, и сравнять эти города с землей» [15, с. 333]. Для самого Тукая взятие Казани – символ национального унижения: «был народу моему // Гнет уготован на три сотни лет» [21, с. 108].

При этом среди внешних по отношению к татарскому народу авторов мы встречаем точно такие же, как и в Сибири, имперско-колониальные дискурсы, вполне типичные для своего времени. Так, в «Письме из провинции» Александр Герцен пишет, что чувствует в Казани, что это тоже «наша Русь, святая Русь»: «Казанский кремль, как Нижегородский, имеет родственное сходство с Московским кремлем: это меньшие братья его» [7, с. 63]. А Тарас Шевченко в своей записи от 13 сентября 1857 года приводит распространенную в Поволжье поговорку «Казань-городок – Москвы уголок» [7, с. 75]. Если бы в Казани не было национальных поэтов и краеведов, мы могли бы констатировать, что включение этой территории в состав Русского государства воспринимается в локальной исторической памяти также, как и в Перми или Красноярске.

Любопытно, как дискурс национального унижения и трагедии эволюционирует в дальнейшем. На следующем этапе он вступает в стадию сатисфакции и компенсаторного отрицания, развивая идеи «мы живы, несмотря ни на что» и «несмотря на то, что вы нас покорили, наша культура гораздо древнее вашей»:

*«Нам предрекали черную судьбу,
Накаркали такое предсказанье:
«Пройдет полвека, люди перемрут,
Исчезнет население Казани».
Народ исчезнуть должен без следа? –
Ты этого хотел, прислужник царский?
Но – слышите? – Я нынче, господа,
Пою в шестидесятом – по-татарски».* [7, с. 298]
(стихотворение «Говорит Казань» поэта Шауката Галиева)

Г. Тукай идею потенциальной смены ролей колонии и метрополии выражает еще более лаконичнее:

*В России наш удел и вес понятен,
В истории мы – зеркало без пятен.
Мы с русскими прожили душа в душу,
Слова мешая, чести не наруша,
Одною жизнью, нравами. Ролями –
Менялась жизнь – менялись временами.* [21, с. 185] (курсив мой – С.Ч.).

В современный период эта мысль кристаллизуется до простого тезиса о культурно-историческом преимуществе татарской культуры: «многострадальный наш тюрко-татарский язык... Разговаривая на твоём наречии, люди основали Россию и её государственность (Джучиев Улус и Золотая орда)» [17, с. 6].

Пройдя этот путь, локальная историческая память в Казани делает любопытный оборот и фактически реконструирует новые имперские дискурсы, на этот раз относясь к себе как точно такому же, как и Пермь, Тобольск, Тюмень и Красноярск имперскому протуберанцу, только вот «материнская» империя меняется: на смену Московскому царству приходит Булгар. «Вести свое происхождение из древнего Булгара и еще более древних эпох – это основа и предмет нашей национальной гордости ... подумайте только, мы на 100 лет раньше русских консолидировались под сенью единой веры и подтвердили этим свою целостность и свою государственность» [15, с. 330], – писал в уже упомянутом тексте 1992 года Аяз Гилязов. В местной литературе в 1990-е и 2000-е годы появляется целое художественное направление – романы и эссе о ханах Булгара и основателях Великой Болгарии. Так, в предисловии к историческому роману «Кубрат-хан» М. Хабибуллин рассказывает историю о том, как в Таджикистане он встретил Льва Гумилева, от которого якобы впервые узнал о Великой Болгарии и ее основателе Кубратхане, а затем описывает эпизод экспонирования в Казани сокровищницы хана, привезенной из Эрмитажа. «Так казанцам показали сокровища их предков» [23, с. 8], – резюмирует автор.

Из этого краткого анализа казанских локальных дискурсов мы видим, что русские авторы целиком повторяют тезисы, которые мы наблюдаем в Сибири, однако национальные формируют совершенно иную ретроспекцию исторической реальности. Однако даже отрицая имперские дискурсы по отношению к присоединению Казани к Русскому государству, местные авторы все равно мыслят в логике пост-колониальной парадигмы, вначале подспудно меняя местами колонию и метрополию («удревняя» Казань и заявляя о вторичном положении Москвы), а затем изобретая новую имперскую историю – через преемственность к Булгарии.

Этот кейс показывает, что имперские и колониальные дискурсы в локальной исторической памяти стабильно существуют не только в случае их безоговорочной поддержки в коммеморативных практиках, но и даже в случае их формального отрицания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
2. Голодников К.М. Тобольск и его окрестности. Тобольск, 1887. 139 с.
3. Евсиков В. Тюмень казачья. Тюмень, 2019. 200 с.
4. Жук А. Была ли битва Ермака с Кучумом? // Град Тобольск. 2014. №3 (84). С. 30–31.
5. Зинченко Н.Н. Золотая баба и сибирский поход Ермака // «Мира не узнаешь, не зная края своего». Материалы 6-х краеведческих чтений. 22–25 апреля 2002 года. Нижневартовск, 2002. С. 4–9.
6. Знаменский М.С. Искер. Тобольск: Типография Тобольского губернского правления, 1891. 17 с.
7. Казань в художественной литературе. Казань: Татарское кн. изд-во, 1977. 360 с.
8. Каркишко Г.Ф. Они были первыми: поэмы. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2019. 80 с.
9. Кушнир Г. Первый среди равных // Град Тобольск. 2008. №8 (24). С. 28–29.
10. Легендарный Ермак Тимофеевич. Краеведческое пособие. Кунгурский район: МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека Кунгурского муниципального района», 2016. 28 с.
11. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
12. Панишев Е.А. Гибель Ермака в татарских и русских легендах // Югра. 2007. №3. С. 228–230.
13. Пестов И.В. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. Москва: Унив. тип., 1833. 298 с.
14. Пинаев А.Н. Старый посад. Пермь: [Б. и.], 2002. 84 с.
15. Проза татарских писателей. С востока свет: повесть, рассказы, эссе. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. 335 с.
16. Рихтер О.Б. Сказание о Ермаке: исторический роман в двух книгах. Тюмень: Мандр и Ка, 2010. 432 с.
17. Салимжанов Р.Х. Великий язык тюрков: повесть-эссе. Казань: Татар. кн. изд-во, 2017. 431 с.
18. Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. М.-СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с. С. 11–26.
19. Солодова Т.И. В назидание потомству. 22 российских деятеля, памятных для Сибири. Тюмень: Издательство Истина, 2018. 464 с.
20. Стоял Ермак, объятый думой // Тюменская правда. 2010. №167 (18343). С. 13.
21. Тукай Г. Избранное. Казань: Магариф, 2006. 239 с.
22. Тупицын С. Ермак – легенда и реальность // Мы – земляки. 2009. № 3. С. 20–23.
23. Хабибуллин М. Кубрат-хан. Казань: «Рухият», 2002. 616 с.
24. Щербаков А. Все перемелит Сибирская мельница // Край большого будущего. История, действительность, перспектива. Материалы конференции. Красноярск, 2004. С. 118–120.
25. Эйриян Т.Г. Строгановы и Прикамье (Заметки краеведа) // Строгановское историческое собрание. Материалы конференции историков и краеведов Пермского края (16 июня 2006 года). Пермь: Прикамский социальный институт, 2006. С. 88–95.

Сведения об авторе: Сергей Андреевич Чернышов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3885-7125, ResearcherID: AGY-2676-2022. E-mail: 1502911@mail.ru

IMPERIAL MOTIVES IN THE PRACTICES OF LOCAL HISTORICAL MEMORY ON THE SIBERIA CONNEXATION TO THE RUSSIAN STATE

S.A. Chernyshov

National Research Tomsk State University

Research objectives: To systematize and analyze one aspect of the local historical memory about the annexation of Siberia to the Russian state, namely, imperial or colonial motifs in relation to materials from several regions within Siberia and its periphery.

Research materials: materials of personal origin, publications in local media and local history literature, memoirs, local educational and scientific-methodological manuals of Kazan, Perm, Tyumen, Tobolsk and Krasnoyarsk, dedicated entirely or partially to the annexation of the corresponding territory to the Russian state.

Novelty of the research: historical memory in general and its regional dimensions have relatively recently become objects of research in Russian historiography. This research introduces and systematizes local history and journalistic materials, conducts a comparative analysis of historical memory from different regions about one historical episode.

Research results: The research shows that the idea of the civilization significance of the annexation of Siberia to Russia, wise state policy of the government and individual heroes (primarily, Yermak and his team), and the positive value of the Russian “Siberian conquest” for the indigenous population run through the entire imperial-colonial discourse in local commemorative practices. Using the Kazan case as an example of a similar episode in local history (the “conquest of Kazan”), it is shown that imperial and colonial discourses in local historical memory consistently exist not only in cases of their unconditional support in commemorative practices but even in cases of their formal denial.

Keywords: comparative studies, historical memory, annexation of Siberia, annexation of Kazan, Perm, Tyumen, Tobolsk, Krasnoyarsk, Kazan

Financial Support: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150/>

About the author: Sergey A. Chernyshov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Laboratory of Social Anthropological Research, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3885-7125, ResearcherID: AGY-2676-2022. E-mail: 1502911@mail.ru

«ДОМУСУЛЬМАНСКИЕ» И «МУСУЛЬМАНСКИЕ» КРЫМСКИЕ МОНЕТНЫЕ ВЫПУСКИ ТУКА ТИМУРА

В.А. Сидоренко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Целью исследования является уточнение чтения тюркских надписей на «домусульманских» монетах владельца Крымского улуса Золотой Орды Тука Тимура и перевод арабской легенды его же «мусульманских» выпусков, осуществляющийся впервые.

Материалы исследования: Надписи и тех, и других серебряных монет Тука Тимура сообщают помимо территории своей чеканки – Крыма, также и название монетного двора – *ākṛā*, поднимают перед нумизматикой и историей золотоордынского Крыма ряд неожиданно новых вопросов. Ответить на них невозможно без привлечения документальных свидетельств, первостепенным из которых является описание проходившего через Крым посольства мамлюкского султана ал-Малик аз-Захира Бейбарса (1260–1277) к правителю Золотой Орды Берке, составленное секретарем его канцелярии и биографом Абд аз-Захиром, автором сочинения «Сад видимого в биографии эль-Малик аз-Захира». Упоминания событий, приходящихся на начальные годы правления ал-Малик аз-Захира Бейбарса, сохранились в неполной Лондонской рукописи Абд аз-Захира (British Museum, MS Add. 23331) с пропусками, правками и ошибками переписчиков.

Результаты: Фрагменты текстов Абд аз-Захира, в том числе и не сохранившиеся в рукописи, встречаются у его компиляторов, что позволяет реконструировать исходный текст описания посольства, выяснить дату пребывания его в Крыму (23–24 рамадана 662 г.х. = 20–21 июля 1264 г.), значительно уточнить приближенный перевод В.Г. Тизенгаузена. Абд аз-Захир сообщает, что на пути к Берке в Крыму послы встретились с командующим десятью тысячами всадников, правителем Крымского улуса Тука Тимуром, именуемым Тук Бугой. Кочевая ставка его находилась на расстоянии не более дня пути от почтовой станции Солхата в направлении к степи, что позволяет локализовать ее и первый монетный двор Крыма в районе современного Белогорска, прежнего Карасубазара.

Новизна работы заключается в открытии неизвестного монетного двора владельцев Крымского улуса – сына Джучи, внука Чингизхана Тука Тимура и его потомков, являвшегося первым золотоордынским центром монетной чеканки Крыма до организации монетного производства в Солхате, фактически первой столицей Крымского улуса, находившейся под Ак-Кяёй (Белая скала). Сакральное значение Ак-Кай для крымских татар сохранялось вплоть до присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крым, монетная чеканка, Тука Тимур, Абд аз-Захир, ал-Малик аз-Захир Бейбарс, Берке

Финансирование: Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

В 1981 г. В.Н. Настичем была опубликована ранее не известная крымская серебряная монета с распознаваемым в ее надписях словом *ḡarmāq* (монг. ‘монета’, ‘деньги’), найденная в составе монетно-вещевого клада из Отрара [1, с. 46, № 17, рис. 12, 13]. В позже уточненном им чтении имя правителя опознавалось как *tīmīr tuqā* или *buqā* [22 с. 79], но от «бука» (тюрк. ‘бык’), не известного среди имен, можно отказаться. Последнее слово надписи оборотной стороны монеты, следующее за топонимом «Крым», им не читалось. Поправкой перевода надписи должен быть отказ от конъюнктуры тюркского местоимения 2-го лица, ед. ч. *sī*, ‘ты’, представляющего несклоняемую форму косвенного падежа – ‘тебя’. Количественное соотношение этих монет с «золотым» начинается с благопожелания, обращенного к монете, а не к ее владельцу. Поэтому все употребляемые переводы выражения *qutluḡ būsūn* – ‘В добрый час!’ [21, с. 4, № 16], ‘Да будет счастлив!’ [13, с. 326, № 573], ‘Будь он счастлив!’ [12, ст. 996], ‘В добрый путь’ (Sic!) [23, № 7], ‘Будь счастлив’ [1, с. 46; 22, с. 79] – следует признать неудовлетворительными для монетной специфики. На одном из лицевых штемпелей надпись начинается с благопожелания: *qāmā būsūn* – ‘будь слепящим (блеском)’ [5, с. 414] – (интернетресурс Zeno.ru 134542). Древнетюркский словарь называет наряду со значениями слова «кутлуг» ‘счастливый’, ‘испытывающий счастье’ также и другое – ‘приносящий счастье (успех, благополучие...)’ [14, с. 473]. Единственно возможный здесь перевод *qutluḡ būsūn* – ‘будь приносящий счастье (успех, благополучие)’.

Предложение В.Л. Пономарева относить вторую «алиф» первого слова к имени Тимура, читая его как Айтемир, недопустимо. О чтении слова «йармак» В.Л. Пономарев писал: «Поскольку В.Н. Настич не знал о существовании барикатов, он не мог предложить чтение «барикак», которое предпочтительно» [11, с. 76]. Эта сентенция не нуждается в комментарии, поскольку ее автор сам сообщает о своем и его оппонента В.П. Лебедева методе перевода принимаемых за арабские тюркских текстов: «...прочсть арабскую легенду монет можно только в том случае, если знаешь, что в ней написано – поэтому, в частности, до сих пор неясен и смысл легенды на аверсе монет Айтемира». Это, по крайней мере, объясняет, почему для обоих – знать, на каком языке, не обязательно.

Находка серебряной монеты наиболее раннего выпуска, связанной с другими общим штемпелем лицевой стороны и несущей на оборотной – надпись *ātā tūqā suḵun yarmāq*, как и составлявшие серию с серебряными – медные монеты с изображением конного лучника и надписями *ātā tūqā suḵun* или искаженной – *ā(t)ā tūqā (s)uḵūn* ставили перед историей и нумизматикой золотоордынского Крыма ряд новых для них вопросов, решение которых становилось невозможным без обращения к документальным письменным источникам, главным из которых является описание посольства мамлюкского бахритского султана ал-Малик аз-Захира Бейбарса к правителю Золотой Орды Берке в рукописи секретаря канцелярии султана и его биографа Абд аз-Захира «al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-Malik al-Zāhir» (Сад видимого в биографии эль-Малик аз-Захира). Описания событий, приходящихся на начальные годы правления ал-Малик аз-Захира (1260–1277), сохранились только в неполной Лондонской рукописи (British Museum, MS Add. 23331) с пропусками, правками и ошибками переписчиков, настолько обильными, что она иногда принималась за черновые записи, позже редактируемые и переписываемые начисто. К счастью, фрагменты текстов Абд аз-Захира, в том числе и не сохранившиеся, встречаются у его компиляторов, что позволяет реконструировать исходный текст описания посольства, выяснить дату пребывания его в Крыму (23–24 рамадана 662 г.х. = 20–21 июля 1264 г.), значительно уточнить приближенный перевод В.Г. Тизенгаузена [18, табл. I]: «Сошлись послы у Ласкариса в его Ани, там они отправились в путь к Кустантини в двадцатый того (рамадана) день (662 г.х. – В.С.), и [там] от нее к Истанбули, от нее к Дафнисии, и она – берег Судака (противоположный) относительно (берега) Ласкариса. Там они плыли в море к другому материку, и этот переход продолжается от десяти дней до двух дней [в лучшую пору он улучшается]. Там они отправились к горе, узнаваемой у Судака, чтобы нашли они правителя в той стороне, и имя его [[Тук Буга, и] службу, и при ней ездовых лошадей, то есть почту. И название этой земли] Крым, ее населяет некоторое число народностей из эль-кипчак, и ар-рус, и ал-аллан, и от берега до этого поселения перехода один день. Там, они двигались через Крым к степи один день с тем, чтобы они встретили в ней (земле Крым – В.С.) <имя его Тук Буга и он> командующего десятью тысячами всадников правителя тех сторон». Из сообщения следует, что на пути к Берке в Крыму послы встретились с правителем Крымского улуса Тука Тимуром, именуемым в текстах Абд аз-Захира и его компиляторов Тук Бугой. Местоположение и ставка его находились на расстоянии не более дня пути от почтовой станции Солхата по направлению к степи.

Серебряные монеты Тука Тимура несут следующие надписи:

Лиц. 1: *بیرالتون \ اونا ایکی سی \ قتلغ بولسو* – *qutluḡ bũlsũ/n ōn īqī sī / bīr āltũn* – «будь приносящий счастье, двенадцать тебя – один золотой».

Лиц. 2: *بیرالتون \ اونا ایکی سی \ قامابولسو* – *qāmā bũlsũ/n ōn īkī sī / bīr āltũn* – «будь слепящий (блеском), двенадцать тебя – один золотой» (Zeno.ru 134542).

Лиц. 3: *بیرالتون \ اونا بیر سی \ قتلغ بولسو* – *qutluḡ bũlsũ/n ōn bīr sī / bīr āltũn* – «будь приносящий счастье, одиннадцать тебя – один золотой».

Об. 1: *اتا توفا \ سکن یرماق* – *ātā tūqā / suḵun yarmāq* – «ата Тука съзун монета».

Об. 2: *یاسا-ا(؟) تیمیر \ تقا یرماق \ قیریم اکرا* – *yasā-ā tīmīr / tuqā yarmāq / qīrīm ākrā* – «йаса-а(?) Тимир Тука монета, Кыргыз, Абра».

Последние строки надписей оборотных сторон, представленные ниже в прорисовках, включают вариант 6, где в последнем слове второй «алиф» соединен с началом «рā», делая окончание похожим на «даль» или «лам» (Zeno.ru 210742), а также 7 – с надписанием «Крым» вместо «Кырым» и усеченным до двух конечных букв последним словом (Zeno.ru 83626). Ошибка резчика штемпеля не оставляет сомнений в прочтении этих букв как «рā» и «алиф», а названия монетного двора – Абра.

قَرِيمٌ اِكْرَا قَرِيمٌ اِكْرَا قَرِيمٌ اِكْرَا قَرِيمٌ اِكْرَا قَرِيمٌ اِكْرَا قَرِيمٌ اِكْرَا قَرِيمٌ اِكْرَا

قَرِيمٌ اِكْرَا قَرِيمٌ اِكْرَا قَرِيمٌ اِكْرَا قَرِيمٌ اِكْرَا قَرِيمٌ اِكْرَا قَرِيمٌ اِكْرَا قَرِيمٌ اِكْرَا
qīrīm ākrā qīrīm ākrā qīrīm ākrā qīrīm ākrā qīrīm ākrā qīrīm ākrā qīrīm ākrā
 1 2 3 4 5 6 7

Топоним Крым и название монетного двора Абра сообщаются надписью и легендой серебряных монет с изображением «стремявидной» тамги, относящихся к «мусульманской» чеканке Тука Тимура. Среди них, а также и медных – с подобной тамгой, встречаются перечеканки из его «домусульманских» монет, а использование для передела серебряных – одной и той же пары штемпелей позволяет считать их наиболее ранним из выпусков.

Серебряные монеты со «стремявидной» тамгой несут крупное изображение тамги с надписью по сторонам ее قَرِيمٌ - نُضْرِبُ 'dariba – qīrīm – 'чекан Крыма' и легенду, располагающуюся между внутренним и внешним линейными ободками. На оборотной стороне размещена трех или четырехстрочная арабская надпись, заключающая почетный титул и лакаб *يَا دِشَاهِ اسْلَامِ نُصْرَةُ الدُّنْيَا وَالدِّينِ* (pādishāh 'islāmi nuṣratun al-dunyā wa-āl-dīn) – 'падишах ислама, помощь миру и вере', все в окружении ломаной замкнутой линии между двумя линейными ободками.

Две такие монеты Эрмитажа из бывшей коллекции В.В. Вельяминова-Зернова опубликовал в 1905 г. А.К. Марков, читавший в их легенде дату «...года шестьсот девяностого» и на основании этого чтения отнесший их к хану Ногаю [9]. Возражая ему, Н.И. Веселовский усматривал в надписи – «года восьмисотого» [2, с. 54]. Приводя мнение Фасмера, находившего в обоих переводах числительных «натяжки», Н.П. Лихачев замечал: «Надпись весьма трудна для прочтения, которое, во всяком случае, сомнительно» [7, с. 112]. После отказа А.К. Маркова от попыток разобраться с легендой серебряных монет со «стремявидной» тамгой и заключения Н.П. Лихачева о безнадежности любого чтения исследователи ограничивались гипотезами касательно атрибуции монет [24; 3, с. 58]. Уточнение чтения числительного десятков в дате как аббревиатуры *sittaṭun* – 'шесть(десять)' предлагалось в 1991 г. [14, с. 27], но новая датировка монет временем правления Берке (после 660 г. х.), замеченная только М.Г. Крамаровским [6, с. 513–514, пр. 16], не решала всех связанных с ними вопросов.

Чтение легенды становится возможным с привлечением в качестве аналогии стилю ее письма аббревиатурного насха легенд монет Сельджукидов Центральной Анатолии второй половины XIII в. Образцом для подражания при возможном привлечении сельджукских мастеров к изготовлению первых штемпелей крымских арабоязычных монет могли послужить конийские серебряные дирхемы Изз ад-Дина Кейкавуса II, сына Гияс ад-Дина Кейхусрова II, 658 г.х. (18.12.1259–5.12.1260), которые со времени С. Лэн-Пуля ошибочно приписывались Изз ад-Дину Кейкавусу I, сыну Гияс ад-Дина Кейхусрова I (607–616 гг.х./1210–1219) [27, n° 116; 8, с. 376, № 26; 28, n° 197; 25, р. 705–707, №№ 1701, 1704, pl. XLII, 1701, 1703].

Легенда на штемпелях первых монетных выпусков со «стремявидной» тамгой сообщает название номинала динар (со слитным написанием «дәля»). Числительное «один» передано знаком единицы аббревиатуры *dīvāni* для декады *хамсин*.

ضرب ديناراً في سنة ٥٦٠ بعد صتما ثه

dariba dinar bi-ākrā fi sanatun 1(dīvanī) sittaṭun ba'da ṣittamā'a

'Бит динар в Абра в году 1(дивани) и шесть, затем шестьсот'

В легенде последующих выпусков слово «динар» заменено тюркским местоимением *si* – ‘ты’.

ضرب سی با کرا فی سنة او ستة بعد صتما ئه

ḍariba sī bi-ākṛā fi sanātun I(dīvanī) sittatun ba'da ṣittamā'a

‘Бит ты в Ābrā в году I(дивани) и шесть, затем шестьсот’

Если начало чеканки монет со «стремявидной» тамгой Тука Тимура относится к 661 г.х. (1263), то окончание ее, возможно, знаменует выпуск неким монетным двором монет Менгу Тимура с датой 673 г.х. Взаимные перечеки их и солхатских – с инициальной датой 665 г.х. [26, р. 227; 13, с. 270, № 491], как и перечеки последних в «мусульманские» Тука Тимура позднего выпуска (без дифферентов), а их – в те же солхатские 665 г.х. [15, с. 46, табл. I], позволяют заключить, что альтернативным монетному двору Солхата являлся тот же, что и монет Тука Тимура – Абра, в дальнейшем обозначаемый как Базар (Токта) [19, с. 199, рис 3] или Ордубазар (Хаджи Герай). Он локализуется в Карасубазаре (совр. Белогорск) по реконструкции текста Абд аз-Захира, мангупской строительной надписью [10, с. 15–19] времени Токтамышы о нападении «базарцев» (βαρζάρους) тукатимурида Саисале [17, с. 237] и находками монетных кладов с монетами Агры и Базара в округе Белогорска [19, с. 206].

Мусульманский характер начавшейся в 661 г. чеканки Тука Тимура согласуется с тем, что ровно серединой года, первым числом седьмого месяца раджаба (11.05.1263), отмечено письмо Берке с сообщением о принятии им, членами его семьи и военной аристократией Золотой Орды мусульманства, адресованное мамлюкскому-бахритскому султану ал-Малик аз-Захиру Бейбарсу [20, с. 77–78, 98–99]. Об одновременном вступлении в ислам Тука Тимура (Тук Буги) и его сына Уран Тимура (Ур Тимура) говорится в написанном «заодно» с ними письме Иису Ногая, отправленном тому же султану в ответ на его переданную через Аригбугу просьбу сообщить поименно о принявших мусульманство членах семьи Берке [20, с. 79–80, 101–102]. В письме Ногая, Тука Тимура и Уран Тимура упоминаемый в нем «отец наш» Берке впервые прижизненно называется ханом [20, с. 80, 101], что предполагает принятие им этого титула после вступления в религию ислама.

При знакомстве с опубликованными текстами Абд аз-Захира и его компиляторов трудно не обратить внимания на редакцию приводимого им содержания послания ал-Малик аз-Захира Бейбарса Берке, вносимую в него эль-Форатом и заимствованную затем Рукн ад-Дином Бейбарсом и эль-Айни. Абд аз-Захир пишет: ‘В 660 году (26.11.1261–14.11.1262) он (ал-Малик аз-Захир Бейбарс – В.С.) написал к Берке, великому царю татар письмо, я писал его с его слов, настраивает его против Хулагуна (Хулагу – В.С.), возбуждает между ними вражду и ненависть, и разделяет довод с тем, что ему следует против него вести священную войну с татарами. О том, чтобы ему (لانه) (султану – В.С.) постоянно поступали известия о вступлении в его ислам (بإسلامه). И будет вменяться в обязанность со времени этого [вступления в религию ислама] вести священную войну с неверными, хотя бы они были его родичи’. Там, где у Абд аз-Захира находится незавершенная отсылка ‘со времени этого’, у эль-Фората, Рукн ад-Дина Бейбарса и эль-Айни присутствует, очевидно, находившееся в рукописи Абд аз-Захира условное предложение: ‘когда вступит в религию ислама’, которое восстанавливаем в тексте Абд аз-Захира. Также следует принять соответствующей оригинальному тексту Абд аз-Захира дату письма, отправленного в ответ на доставленное первым посольством Берке в 659 г. послание с инициативой заключения военного союза против Хулагу и вступления в ислам. Эль-Форат, Рукн ад-Дин Бейбарс и эль-Айни сообщают: ‘В этом (то есть в 659 году) написал султан (аз-Захир) к Берке, сыну Саин-каана, письмо, настраивал его против Хулагу и объяснял ему, чтобы вести ему священную войну сделалось обязательным для него, пусть постоянно поступают известия о принятии ислама ему (султану – В.С.), и ему (Берке – В.С.) будет необходимо, когда вступит в религию ислама, чтобы велась священная война с неверными и тому подобное’. Дополнение эль-Фората о том, что

Берке сын Саин-хана, как посмертно именовался Бату, ошибочно – они были братьями, сыновьями Джучи как и Тука Тимур. Предложение Абд аз-Захира ‘*О том, чтобы ему (султану) постоянно поступали известия о вступлении в его ислам!*’ у эль-Фората теряет предлог *أن* и местоименный суффикс (слитное местоимение) 3-го лица, ед. ч., косвенных падежей в своем начале, что меняет значение открывающей его *ل*, оказывающейся перед глаголом и выступающей как частица «приказания при глаголе» [4, с. 399]. С удалением предлога *أن* и слитного местоимения в начале предложения изменяется значение подобного местоимения в конце, на которое переносятся функции опущенного первого: ‘*пусть постоянно поступают известия о принятии ислама ему*’. Очевидно, ‘его ислам’ (باسلامه) несло не понятое эль-Форатом значение особого ислама султана ал-Малик аз-Захира Бейбарса, существовавшего в период между смертью последнего Багдадского халифа от рук Хулагу и назначением султаном нового халифа из Аббасидов. О бахритском направлении в исламе уже после провозглашения нового халифа говорят запрашиваемые Тука Менгу по случаю принятия им мусульманства полагающиеся ему «знамя от халифа и знамя от султана, да наказы (трубы), чтобы он мог двинуться с ними в поход и выступить навстречу врагам религии» [20, с. 105]. Султанское – это знамя бахритов, относящееся, как видим, к мусульманским инсигниям, как и халифское знамя ислама.

В середине 1263 г. в золотоордынском улусе мусульманство получает ту форму, которая была распространена у бахритских мамлюков, вид тюркского суннизма, воспринявший совмещение шафиитской и ханафитской школ мизхаба и симбиоз мусульманства с монгольско-тюркской религией тенгрианства. На религию Тенгри опиралась легитимность власти правителя Золотой Орды, данной ему силой Тенгри (Неба) и совместимость действия ясы Чингизхана с мусульманскими законами. Главой бахритов являлся мамлюкский султан ал-Малик аз-Захир Бейбарс, главенствующий в исламе над назначенным им халифом. Посетивший города Золотой Орды в 734 г.х. (12.09.1333 – 31.08.1334 гг.) представитель маликитской школы мизхаба Ибн Батута сообщает, что правитель и население Золотой Орды придерживаются ханафитского направления в суннитском исламе, и что ханафизм позволяет им употреблять опьяняющий напиток [20, с. 284, 300]. На основании его сообщения можно, казалось бы, заключить, что из признаваемых суннитским исламом четырех школ (шафиитской, ханафитской, маликитской и ханбалитской) предпочтение в Золотой Орде отдавалось только ханафитской. Но Ибн Батута исходил из собственных наблюдений, считая критерием принадлежности школе мизхаба незнакомое ему потребление традиционного монгольского напитка из кобыльего молока, не замечая в этом признаков мусульманско-тенгрианского двоеверия, в котором Аллах и Тенгри синхронизируются. Наиболее поздняя из известных золотоордынских пайцз, сохраняющая неизменную монгольскую надпись о всесии Тенгри, относится ко времени Токтамыша [16, с. 551, рис. 1, 1–2], что говорит о сохранении тенгрианства как опоры легитимности власти хана, наряду с мусульманством, по крайней мере, до начала XV в. Этим объясняются преследования многобожия в «тенгризме» (термин М.Г. Крамаровского), обобщаемого с шаманизмом и колдовством, начавшиеся еще до принятия ислама правителем Золотой Орды, ее военной аристократией и элитой войска. Искоренение этих явлений при Узбеке не затрагивало традиционного тенгрианства, а в равной степени способствовала укреплению обеих монотеистических религий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байпаков К.М., Настич В.Н. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 20–62.
2. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время / Записки Российской Академии Наук. VIII серия, т. XIII, вып. 6. Петроград, 1922. 58 с.
3. Гончаров Е.Ю. «Стремявидная» тамга – тамга Берке? (Джандский вклад в нумизматику Крыма) // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць. Число 18 / Відп. ред. Г.В. Боряк; Упорядник В.В. Томазов. НАН України. Інститут історії України. Київ: Інститут історії України, 2011. Електронні інформаційні ресурси. С. 58–65.
4. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е издание. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. 544 с.
5. Древнетюркский словарь. Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 676 с.
6. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XIV вв. // МАИЭТ. Вып. X / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь, 2003. С. 506–532.

7. Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики / Труды музея палеографии, П. Л., (1930). 279 с.
8. Марков А. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. 872 с.
9. Марков А.К. О монетах хана Ногая // Труды Московского Нумизматического Общества, т. III, вып. 2. М., 1905. С. 123–135. Дополнение к статье. С. 179–186, 374–375.
10. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 71. Л.: Изд-во ГАИМК, 1933. 48 с.
11. Пономарев А.Л. Барикат и ярмак: зарождение денежной системы в Северном Причерноморье XIII в. // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань: Изд-во «ЯЗ»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 74–80.
12. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Том II, ч. I. Согласные к, к, к̇, ь, г, (г), х, h, һ. СПб., 1899.
13. Савельев П.С. Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Токтамышя. Вып. II. СПб., 1858. 326 с., X табл.
14. Сидоренко В.А. Монетное производство золотоордынского Крыма // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции: Симферополь, 23–28 сентября 1991. Вып. II. Симферополь, 1991. С. 46–48.
15. Сидоренко В.А. Монетная чеканка Крымского ханства (1442–1475). Симферополь: «Бизнес-Информ», 2016. 384 с.
16. Сидоренко В.А. Принятие религии ислама Золотой Ордой и начальный этап дипломатических отношений между Берке и Бейбарсом по документальным сведениям Абд аз-Захира // МАИЭТ. Вып. XXV / Ред.-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Соло-Рич, 2020. С. 513–559.
17. Сидоренко В.А. Мангупская строительная надпись гекатонтарха Tzit[ζικίου] и хан Токтамыш // *Ἡρώδης ἑρμάτα: империя и полис. XII Международный Византийский Семинар (Севастополь – Балаклава, 25–29 мая 2020 г.) Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Колорит, 2020. С. 227–244.*
18. Сидоренко В.А. Сведения египетского хрониста Абд аз-Захира как источник для истории Крыма третьей четверти XIII в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 6 (72), № 3. 2020. С. 92–126.
19. Сидоренко В.А. Клад монет Крымского улуса из района Белогорска, Базар и Солхат // «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка». IX Международный Нумизматический Симпозиум (Черноморское, 4–8.09.2022 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: ИТ «Ариал», 2022. С. 197–218.
20. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Типография Императорской АН, 1884. XVI, 566 с.
21. Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении; из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К. Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету. Перевел с немецкого Михаил Волков. СПб., 1832. XVI, 80 с, 17 табл.
22. Хромов К.К., Настич В.Н. Два редких типа серебряных монет золотоордынского Крыма // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция, Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2003. С. 77–79.
23. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 424–457.
24. Янина С.А. О монетах, приписываемых чекану хана Ногая // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку, 1965. С. 29.
25. Hennequin G. Catalogue des monnaies musulmanes de la Bibliothèque Nationale. Asie pré-mongole, les salǧūqs et leurs successeurs. Paris, 1985. XI, 932+6 p., L pl.
26. Fraehn Ch.M. Ueber einige bemerkenswerthe Stücke des Orientalischen Münzkabinettes der Kaiserl. Universität zu Kiew. Bulletin scientifique publié par l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersbourg. Saint-Petersbourg, Leipzig, 1838. Т. IV. № 87. Notes 20. Col. 225–228.
27. Lane-Poole S. Catalogue of Oriental coins in the British Museum. Vol. III. London, 1877. 346 p.
28. Tewhid A. Musée Impérial Ottoman. Section des Monnaies Musulmanes. Catalogue des Monnaies Turcomanes. Band 4: Khakan Turcs, Gaznewides, Seljoukides de Khorassan et d'Iraq Constantinople, 1903. 567 S., 7 Taf.

Сведения об авторе: Валерий Анатольевич Сидоренко – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7437-2750, ResearcherID: AAH-7227-2019. E-mail: crimeastor@rambler.ru

“PRE-MUSLIM” AND “MUSLIM” CRIMEAN COIN ISSUES OF TUKA TIMUR

V.A. Sidorenko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Research objective: The purpose of the study is to clarify the reading of the Turkic inscriptions on the “pre-Muslim” coins of the ruler of the Crimean ulus of the Golden Horde Tuka Timur and to translate the Arabic legend of his “Muslim” coinage for the first time.

Research materials: The inscriptions of both those and other silver coins of Tuka Timur, in addition to the territory of their coinage – Crimea, also provide the name of the mint – ākrā, thus raising a number of unexpectedly new questions for the numismatics and history of the Golden Horde Crimea. It is impossible to answer them without drawing on documentary evidence, the primary of which is the description of the passing through the Crimea embassy of the Mamluk Bakhrit Sultan al-Malik al-Zahir Baybars (1260–1277) to the ruler of the Golden Horde, which was compiled by the secretary of his office and biographer Abd al-Zahir, author of the work “The Garden of the Visible in the biography of el-Malik al-Zahir”. Mentions of events dating back to the early years of the reign of al-Malik al-Zahir Baybars are preserved in the incomplete London manuscript of Abd al-Zahir (British Museum, MS Add. 23331) with omissions, corrections and scribal errors.

Results and novelty of the research: Fragments of the texts of Abd al-Zahir, including those not preserved in the manuscript, are found in his compilers, which makes it possible to reconstruct the original text of the description of the embassy, to find out the date of its stay in the Crimea (23–24 Ramadan 662 AH = 20–21 July 1264), and to significantly refine the approximate translation of V.G. Tizenhausen. Abd al-Zahir reports that on the way to Berke in the Crimea, the ambassadors met with the commander of ten thousand horsemen, the ruler of the Crimean ulus Tuka Timur, called Tuk Buga. His nomadic camp was at a distance of no more than a day's journey from the Solkhat postal station in the direction of the steppe, which makes it possible to localize it and the first mint of Crimea in the area of modern Belogorsk, the former Karasubazar. The novelty of the research lies in the discovery of an unknown mint of the rulers of the Crimean ulus – the son of Jochi and the grandson of Genghis Khan, Tuka Timur and his descendants, which was the first center of the Golden Horde coinage of Crimea before the organization of coin production in Solkhat, in fact, the first capital of the Crimean ulus, located near Ak-Kaya (White rock), the sacred meaning of which for the Crimean Tatars was preserved until the annexation of Crimea to Russia in 1783.

Keywords: Golden Horde, Crimea, coinage, Tuka Timur, Abd az-Zahir, al-Malik az-Zahir Baibars, Berke

Financial Support: The work was carried out within the framework of the project under the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. FZEG-2020-0029 on the topic “The influence of the Byzantine Empire on historical processes in the medieval Crimea”.

About the author: Valery A. Sidorenko – Cand. Sci. (History), Deputy Director for Research of the Research Center for the History and Archeology of Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7437-2750, ResearcherID: AAH-7227-2019. E-mail: crimeastor@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ВЫПУСКА РАННИХ МЕДНЫХ МОНЕТ КРЫМА В СОСТАВЕ ГОСУДАРСТВА ДЖУЧИДОВ

А.П. Козлов, А.В. Якушечкин
Независимые исследователи

Цель исследования: Создание хронологической последовательности выпуска монетных монет в Крыму с начала функционирования данного монетного двора вплоть до правления Тула-Буги.

Материал исследования: Создана база данных из 58 медных монет, выпущенных в г. Крым в период 60 – начала 90-х годов XIII века, с видимыми следами перечекана. Кроме того, для анализа были использованы данные двух комплексов медных монет этого же периода. Состав одного из комплексов публикуется в данной работе впервые.

Результат и научные новизна: Была предложена хронологическая схема выпуска ранних медных монет Крыма в составе государства Джучидов. Введен в научный оборот большой массив медных монет Крыма с видимыми следами перечекана, приведены сканы этих монет, и сводная таблица с их описанием. Кроме того, впервые описан комплекс медных монет (43 шт) периода правления Туда-Менгу. Представленный в данной работе комплексный анализ перечеканов и состава монетных комплексов Крыма середины XIII века является новаторским, до сих пор подобных исследований в этой области для Крыма не проводились.

Ключевые слова: монеты, пул, нумизматика, хронология, Золотая Орда, Крым, Берке, Менгу-Тимур, Туда-Менгу, Тула-Буга.

Благодарности: авторы хотели бы выразить благодарность А.А. Архипенко, С.С. Зайтову, Д.В. Вениову, В.М. Трофимову за оказанную помощь в подборке материалов при написании данной статьи.

На сегодняшний день научным сообществом зафиксировано и изучено большое количество монет, выпущенных во второй половине XIII века на различных монетных дворах Улуса Джучи.

С начала 60-х годов (а, возможно и раньше) начинается выпуск монет в Крыму, этому периоду посвящено множество работ. Прежде всего, следует отметить труды В.П. Лебедева [4, 5] и К.К. Хромова [13, 14, 15], которые предприняли попытку создания корпуса монет Золотой Орды в Крыму и представили свое видение хронологии монетных выпусков. Вопрос о времени начала функционирования монетного двора в г. Крыма рассмотрен в работе [8, с. 129–130]. Метрология серебряных монет Крыма начального периода рассмотрены в [7] и [9].

Учитывая, что массив известных нам монет постоянно пополняется, приходит время для нового понимания истории денежного обращения Крым.

В рамках данной работы нами рассматриваются медные монеты, выпущенные монетным двором Крыма от его основания вплоть до периода правления Тула-Буги.

Отличным индикатором относительной хронологии монетных типов является изучение монет, подвергшихся процессу перечековки. Авторами была составлена база подобных монет, относящихся к теме данной публикации. Мы приводим фото таблицы этих экземпляров, а, также, сводную таблицу, в которой систематизированы данные об этих монетах.

На основе анализа медных монет Крыма с видимыми следами перечеканов, нами выделены шесть групп массовых перечеканов монет из одного типа в другой. В каждой группе один тип монеты – основы подвергается переделке в конкретный новый тип.

Также в работе приводятся сведения о составе двух монетных комплексов медных монет, которые, по мнению авторов, дают отличные хронологические маркеры времени обращения конкретных монетных типов.

Привлекая, дополнительно, информацию о составе монетных комплексов 60–70 годов XIII века, нами предложена хронологическая последовательность выпуска меди монетного двора Крыма вплоть до начала правления Тула-Буги. Хорошо выделяются серии монет, выпущенных при Берке и Менгу-Тимуре. Часть монет удастся точно приписать периодам правлений Туда-Менгу и Тула-Буги. Некоторые монетные типы приписаны тому, или иному временному периоду лишь предварительно.

До сегодняшнего дня отличным ссылочным материалом для типов медных монет Крыма является «корпус» монет Крыма, составленный еще в 2000 году Валентином Петровичем Лебедевым. Однако сейчас, учитывая огромный массив новых монет, ставших известными исследователям, назрела необходимость создания нового корпуса монет Крыма, с учетом, в том числе, вариантов типов. Авторы данной публикации ведут системную работу по созданию базы монет Крыма второй половины XIII века. В данной работе, для обозначения типов медных монет Крыма представлены авторские прорисовки монет Крыма (см. фототаблицы¹ I–III) и приводится сводная таблица с их описанием (Приложение). В качестве иллюстраций типов взяты конкретные штемпельные прорисовки экземпляров пулов данного типа, но, в силу ограниченности объемов данной работы, не даны все варианты типов и не приведены штемпельные цепочки.

Материалы, используемые для исследования

Была создана база медных монет Крыма указанного временного периода с видимыми следами перечеканов. На сегодняшний день в нашей базе 58 монет.

На основе систематизации медных монет Крыма с видимыми следами перечеканов, можно выделить следующие группы:

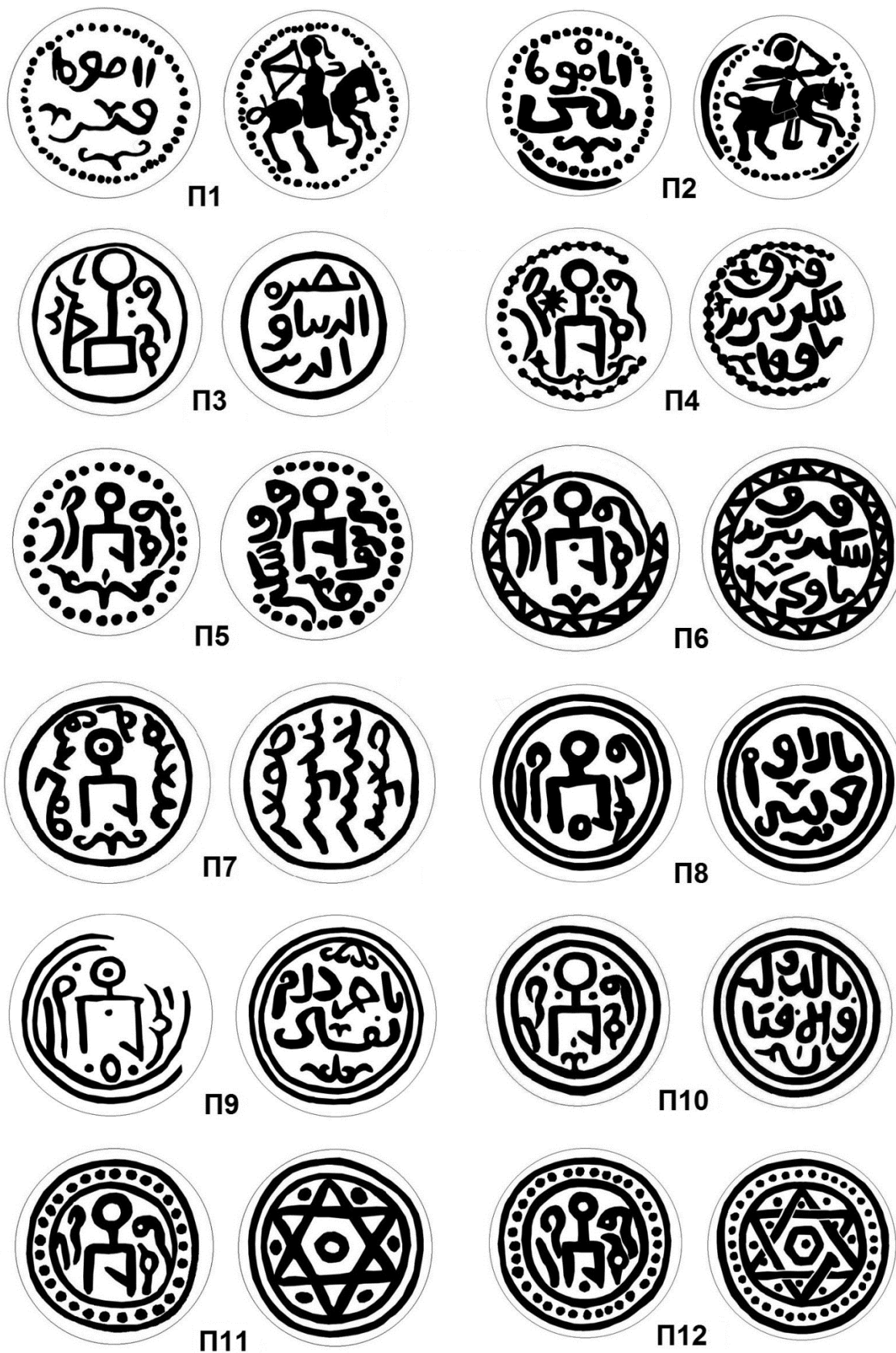
1. Медные монеты со всадником² П1/П2 в пулы времени правления Берке П3 (монеты №1–2, ф.т. IV*).
2. Пулы П3 в пулы без даты времени правления Менгу-Тимура П4 с декларацией стоимости «сорок восемь один йармак» (№№ 3–15, ф.т. IV–V).
3. Медный пул султана Кей-Кавуса II первого правления (643–647 / 1245–1249 гг.) в пул П4 (№16, ф.т. V)
4. Пул П4 в пул с декларацией стоимости и датой «674» П6 (№17, ф.т. V).
5. Пул с двумя тамгами, без даты с декларацией стоимости П5 в пул П6 (№18, ф.т. V)
6. Пул П6 в пул с надписями уйгурским алфавитом, с декларацией стоимости П7 (№19, ф.т. V).
7. Пул П7 в пул с тамгой и надписью: «Бит [в] Крым» на Л.С. и шестиконечной звездой на О.С. П11³ (№20, ф.т. V).
8. Пул П5 в П11 (№21, ф.т. V).
9. Пул П4 в П11 (№23, ф.т. V).
10. Пул П6 в П11 (№22, №№24–26, ф.т. V–VI).
11. Пул с неясной надписью на ОС П8 в пул П11 (№№27–31, ф.т. VI).
12. Пул П6 с годом 674 в именной пул Менгу-Тимура с годом 679 П13 (№32, ф.т. VI).
13. Пул с неясной надписью на ОС П9 в пул П13 (№33, ф.т. VI).
14. Пул с видимыми следами тройного перечекана П6 в П11, и, затем, в П13 (№34, ф.т. VI).
15. Пул П11 в пул П13 (№№35,36, ф.т. VI).
16. Пул с надписью: «Власть Аллаху» на О.С. П22 в пул с надписью: «Счастье да будет вечным» на О.С. П23 (№№37–44, ф.т. VII).
17. Медный пул Гийас ад-Дин Кей-Хосров III (664–682 / 1266–1284 гг.) в пул с надписью: «Кутлукенд» П31 (№55, ф.т. VIII).
18. Пул П20 в П31/32 (№56,57, ф.т. VIII).
19. Пул П29 в П31 (№58, ф.т. VIII).
20. Серия пулов, более ранняя монета на которых не определена (№№45–54, ф.т. VII–VIII).

¹ Далее, для краткости, вместо «фототаблицы» применяем аббревиатуру «ф.т.».

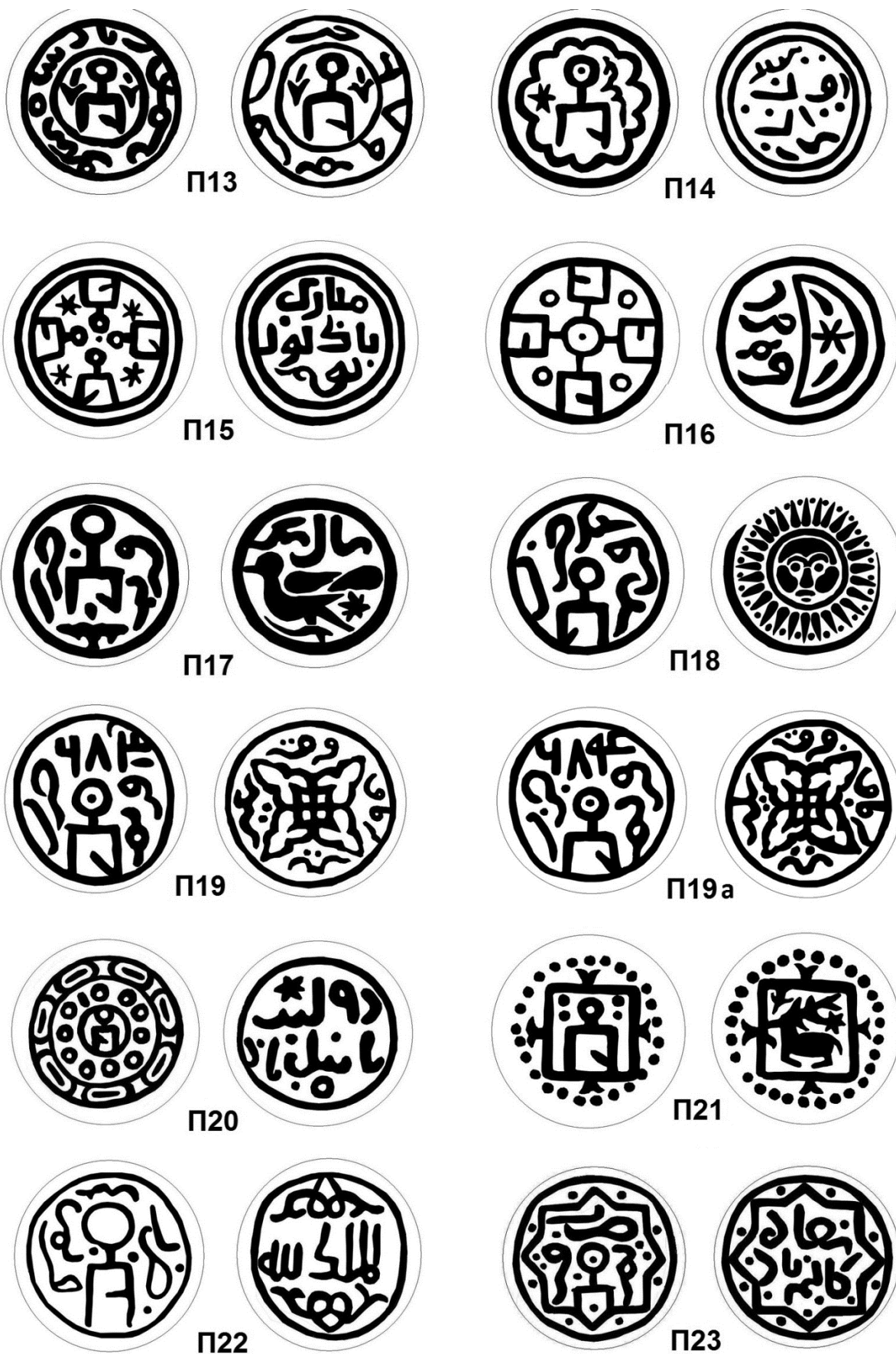
² Подробнее об этих монетах см. [2].

* **Фототаблицы IV–XII** см. на цветной вклейке.

³ В упомянутом «Корпусе» монет Крыма [4, с. 16, иллюстрация – с. 28] приведет лишь один вариант пула этого типа – М35. На самом деле, пулы с шестиугольной звездой на одной стороне можно уверенно разделить на два типа. А) Пулы, с расположенным в центре звезды малым кругом, при этом лучи звезды просто пересекаются между собой. Данный тип монеты обозначен нами, в данной работе, как П11. Б) Пулы, где в центре звезды расположен отчетливо видимый шестиугольник. Лучи звезды не просто пересекаются, а изображены в виде переплетения (П12). Как показал наш анализ, монеты перечеканивались именно в тип П11.

Фототаблица I

Фототаблица II

Фототаблица III

Таблица монет с видимыми следами перчеканов⁴

Номер монеты (ф.т. IV–VIII)	Тип перчекана	Вес (г)	Размер (мм)
1	П1 → П3		
2	П1 → П3		
3	П3 → П4		
4	П3 → П4	1,93	17–19
5	П3 → П4	2,48	19–20
6	П3 → П4	1,72	18–20
7	П3 → П4		
8	П3 → П4	1,17	14–15
9	П3 → П4		
10	П3 → П4	1,96	19–22
11	П3 → П4	2,48	18–20
12	П3 → П4	1,81	20–21
13	П3 → П4	1,96	17–18
14	П3 → П4		
15	П3 → П4	1,48	18–20
16	Сельджуки Рума ⁵ → П4	3,10	19–24
17	П4 → П6		
18	П5 → П6		
19	П6 → П7	1,16	20–21
20	П7 → П11		
21	П5 → П11	1,59	15–19
22	П6 → П11		
23	П4 → П11		
24	П6 → П11	1,16	21–23
25	П6 → П11	1,22	17–19
26	П6 → П11		
27	П8 → П11	1,65	21–22
28	П8 → П11	1,96	21–22
29	П8 → П11	1,24	20
30	П8 → П11	1,76	20–21
31	П8 → П11	1,51	18–20
32	П6 → П13		
33	П9 → П13	1,53	20–24
34	П6 → П11 → П13	1,57	19–22
35	П11 → П13	1,30	19–22
36	П11 → П13	1,37	20–22
37	П22 → П23	3,13	18–22
38	П22 → П23	3,00	20–24
39	П22 → П23		

⁴ Все представленные монеты – из частных коллекций.

⁵ Медный пул султана Кей-Кавуса II первого правления (643–647 / 1245–1249 гг.).

40	П22 → П23		
41	П22 → П23	3,12	21–25
42	П22 → П23	2,99	21–24
43	П22 → П23	2,05	20–21
44	П22 → П23	2,31	19–21
45	??? → П23		
46	??? → П11	1,54	20
47	??? → П13	1,39	18–19
48	??? → П11	1,06	16–18
49	??? → П11	1,52	18–21
50	??? → П11	0,83	15–19
51	??? → П11		
52	??? → П11		
53	??? → П11		
54	П3? → П4	2,21	17–18
55	Сельджуки Рума ⁶ → П31		
56	П20 → П31		
57	П20 → П32		
58	П29 → П31		

Кроме того, к анализу были привлечены два комплекса медных пулов ЗО

1. Бахчисарайский комплекс⁷.

Состав:

П3 – 2 шт

П4 – 17 шт

П5 – 1 шт

П7 – 1 шт

Монеты Гийас ад-Дин Кей-Хосрова III⁸ – 6 шт

2. Комплекс «Растущее»⁹

1. П13 – 1 шт (Монета № 1, ф.т. IX)

2. П19 – 15 (№№ 2–16, ф.т. IX–X)

3. П21 – 5 (№№ 17–21, ф.т. X)

4. П14 – 5 (№№ 22–26, ф.т. X–XI)

5. П9 – 1 (№ 27, ф.т. XI)

6. П10 – 6 (№№ 28–33, ф.т. XI)

7. П11 – 1 (№ 34, ф.т. XI)

8. П12 – 2 (№№ 35–36, ф.т. XI)

9. П17 – 3 (№№ 37–39, ф.т. XII)

10. П18 – 1 (№ 40, ф.т. XII)

11. П15 – 2 (№№ 41–42, ф.т. XII)

12. Сельджуки Рума (?) – 1 (№ 43, ф.т. XII)

Известные веса монет данного комплекса (номер монеты – вес в г):

4 – 1,64; 5 – 1,53; 12 – 1,29; 15 – 1,27; 16 – 0,83; 20 – 1,36; 21 – 1,35; 23 – 1,27; 25 – 1,83; 27 – 1,95; 28 – 1,02; 30 – 1,70; 36 – 1,44; 37 – 1,58; 38 – 1,44.

⁶ Медный пул султана Гийас ад-Дина Кей-Хосрова III, Sivas 677.

⁷ Опубликован в [12, сканы монет – с. 196–198].

⁸ Определение дано по публикации [12].

⁹ Публикуется впервые, сканы монет – ф.т. IX–XII. Комплекс был обнаружен частными находчиками неподалеку от с. Растущее, Почтовское сельское поселение, Бахчисарайский р-он, р. Крым, в 2018 году. При обнаружении монеты комплекса были отсканированы. К сожалению, в настоящий момент удалось выявить веса лишь части монет.

Метод исследования

Для построения хронологической схемы выпуска монет Крыма применялась следующая методика.

А. Построение предварительной абсолютной хронологической сетки. Узлами (маркерами) данной сетки послужили монеты с более-менее известным временем (периодом) выпуска.

Прежде всего, это монеты, на которых помещен год, при этом мы понимаем, что данный год может быть и «застывшим».

В нашем случае это следующие монеты:

1. П6 – 674 год
2. П13 – Именная монета Менгу-Тимура с годом 679
3. П19, П19а – 683, 684 год

Еще одним маркером является раздел монет по точно известному периоду их выпуска – при каком именно правителе они выпускались. В этом случае критерием является либо явно написанное на монете имя правителя, либо вид тамги.

Б) Построение относительной хронологической сетки. Прежде всего, в данном случае, имеется ввиду критерий «более ранняя» и «более поздняя» монета из двух типов монет, подверженных процессу перечекана из одной в другую. Так, если имеем два типа монет «А» и «В», и при анализе монеты мы видим, что монета «А» подверглась перечекану в тип «В», то мы говорим, что монетный тип «А» более ранний, чем «В».

При этом нами не исключалась возможность наличия «параллельного» перечекана, когда в одном случае, на монете мы видим перечекан из «А» в «В», а, на другой монете мы видим «обратный» процесс перечекана из «В» в «А». При анализе всего массива представленных в данной работе монет мы не обнаружили подобных примеров «параллельных перечеканов».

Так как монеты, входящие в узлы (маркеры) этапа «А» участвовали, также, в процессе перечеканов, анализируемых нами на этапе «Б», нам удалось выстроить схему выпусков монет, используя и абсолютную, и относительную (раньше-позже) датировки.

Также, для построения хронологической схемы выпуска монет в данной работе использовались составы двух монетных комплексов.

В контексте данной работы мы считаем состав комплексов неким временным «срезом» монетного обращения, характерного для момента утери (тезаврации) комплекса. Исходя из этого мы можем включить в нашу хронологическую сетку типы монет без года, и не входящие в нашу сетку перечеканов – по тому критерию, что эти типы входят в состав комплекса с монетами, уже нашедшими место в нашей хронологической сетки.

Выводы

На основе перечисленных групп перечеканов и составах комплексов, нами предложена следующая периодизация выпуска медных монет раннего периода чекана Крыма:

1. Первыми медными монетами Крыма были пулы П1 и П2, выпущенные в составе большой серии монет, включающей в себя крупную серебряную монету – йармак¹⁰, ее фракции в $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ стоимости, а, также, несколько вариантов пулов П1 и П2, см. [2].

2. Приблизительно в 663/664 г. х. (1264/5) в Крыму начинается выпуск монет со стремявидной тамгой, в том числе – медные монеты П3, см. [3].

3. Первыми медными монетам после приходе к власти Менгу-Тимура были пулы П4. Об этом говорит факт их массового перечекана из монет П3. Далее были выпущены монеты П5, П6, П7, П8.

Возможно, на этом же этапе был выпущен и пул П9, но нам, пока, известен лишь перечекан П9 в более поздний пул П13.

Время формирования Бахчисарайского комплекса, судя по всему, как раз приходится на период, когда монетные типы П8 и П9 еще не были выпущены. Несколько удивляет отсутствие в упомянутом комплексе типа П6 при наличии одной монеты П7. Во-первых, мы точно знаем, что П6 предшествовал типу П7 (см. монету №19, ф.т. V), во-вторых, монетный тип П6 является гораздо более массовым, чем довольно редкий П7.

¹⁰ Авторы понимают дискуссионность термина «йармак» в применении к данным монетам – см. более подробный наш комментарий в [3, с. 107, сноска «1»].

4. На следующем этапе произошел массовая перечежанка находящихся в обращении монет в пул П11.

5. Позже, в 679 г.х. был выпущен именной пул Менгу-Тимура П13, с тамгами на обеих сторонах монеты. При этом пулы П11 были перечеканены в этот новый тип. Интересно, что удалось выявить единичный экземпляр монеты с тройным перечеканом: П6 → П11 → П13 (Монета №34, ф.т. VI).

К монетным выпускам периода правления Менгу-Тимура мы, также, отнесли тип П10 – в силу его схожести с пулами П8 и П9¹¹, а, также, возможно, и тип П14. Как эволюцию типа П11 к этому же времени мы отнесли и тип П12.

В составе комплекса «Растущее» содержатся 6 пулов П10, 5 – П14 и всего лишь по одной монете П11 и П13, причем обе последние монеты достаточно стертые. Можно предположить, что пулы П10 и П14 бились после 679 г. Так же после этой даты, вероятно, чеканились и пулы П12, которые не участвовали в процессе перечеканки.

6. Период правления Туда-Менгу, прежде всего, характеризуют пулы типа П19/П19а с годами 683 и 684. Кроме того, исходя из состава комплекса «Растущее», в котором, по нашему мнению, не присутствуют монеты, выпущенные при хане Тула-Буга (см. далее), к монетам, выпущенным при Туда-Менгу можно отнести следующие типы монет: П15, П16¹², П17, П18, П19, П20¹³ и П21.

Отдельного внимания заслуживает хронология выпусков типов П22, П23. Мы имеем факт массового перечекана типа П22 в П23. Но, к сожалению, у нас нет никаких других привязок к остальным монетам. Исходя из отсутствия этих типов в составе комплекса «Растущее», но, учитывая, что на них стоит тамга иного начертания, чем тамга Тула-Буги, предварительно можно отнести данные монетные типы к завершающему периоду правления Туда-Менгу.

Дискуссионным является и время выпуска тяжелой медной монеты П24. Большинство заготовок монет данного типа изготовлено путем литья. Однако известны и варианты монет данного типа меньшего веса, сделанные по «проволочной» технологии. С другой стороны, авторам известны экземпляры монет типа П23, заготовки которых, также, литые. Хотя основная масса заготовок монетного типа П23 сделана, все же, по проволочной технологии. Это сходство технологии изготовления монетных заготовок позволяет нам сделать предположение о близком времени выпуска П23 и П24.

К монетам Туда-Менгу, предварительно, мы отнесли и тип П25. К сожалению, монеты этого типа отсутствуют в известных нам комплексах, и не участвовали в процессах перечеканов. Но о близости по времени этих пулов к типам П23 и П24 говорит, в частности, сходство формы тамги.

7. Монеты периода правления Тула-Буги. Характерной особенностью монет, выпущенных в этот период в Крыму является наличие на них тамги особого вида – двуногая тамга без перекладин с двумя «ушками» на головке¹⁴ (далее этот тип тамги мы будем называть тамгой Тула-Буги).

В силу этого мы отнесли монеты П27-П29, П31, П32 к данному временному диапазону.

Так, монетные типы П27 и П28 имеют, в своем оформлении лицевой стороны малое изображение тамги Тула-Буги. Можно предположить, что первыми монетами Тула-Буги были монеты именно этих типов.

Пул П26, близкий по стилистике и оформлению к П27 и П28, несет на себе изображение иной тамги, своей формой больше похожей на тамги периода Менгу-Тимура и Туда-Менгу. В этом случае монетный тип П26 следует рассматривать как наиболее поздний выпуск времени правления Туда-Менгу¹⁵.

Далее были выпущены пулы П29, с надписью на оборотной стороне «Бит [в] Крыму». При этом в монетном обращении находятся и часть пулов времен правления Туда-Менгу, в частности, пул П20.

На каком-то этапе начинается выпуск пулов П31 и П32, при этом в эти новые типы перечеканиваются монеты П20 и П29.

¹¹ Вообще говоря, требует отдельного исследования указанные монетные типы: П8, П9 и П10. С одной стороны, существует множество их вариантов, с другой – сходство оформления и стиля.

¹² Данный тип не присутствует в составе комплекса «Растущее», но, в силу явного сходства с типом П15 мы, также, относим эту монету к данному временному периоду.

¹³ Данный тип, также, не присутствует в упомянутом комплексе.

¹⁴ Подробнее об этом см. [11].

¹⁵ Вообще говоря, не исключен вариант того, что форма тамги на П26 является неким искаженным вариантом все той же тамги Тула-Буги.

На данный момент не совсем ясен генезис монетного типа П30, известного авторам по двум экземплярам монет. Лицевая сторона данного типа соответствует П20, а оборотная повторяет сторону пула П32. Возможно, при выпуске монеты с надписью «Кутлугкенд» во время правления Тула-Буги по какой то причине был использован старый лицевой штемпель от монетного типа П20¹⁶.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица типов монет, описываемых в данной работе

Каталог монет

Номер по каталогу	Лебедев ¹⁷	Описание монет
		Монеты серии ПКВ¹⁸
П1	М52	Пул, Ае Л.с. Конный лучник влево ¹⁹ О.с. Легенда не прочтена ²⁰
П2	М52	Пул, Ае Л.с. Конный лучник вправо О.с. Легенда не прочтена
		Монеты периода конца правления Берке
П3	М1	Пул, Ае Л.с. В центре тамга в виде «стремени», слева «бит [в]», справа «Крым» ضرب قريم О.с. «Помощь / Мира и / Веры» نصرۃ الدنيا و الدين
		Монеты времен правления Менгу-Тимура
П4	М3	Пул, Ае Л.с. Тамга, «бит [в] Крым» ضرب قريم О.с. «Сорок восемь один йармак» قرق سكر بيري يرماق قا
П5	М4	Пул, Ае Л.с. Тамга, «бит [в] Крым» ضرب قريم О.с. В центре тамга, по сторонам «сорок восемь один йармак» قرق سكر بيري يرماق قا
П6	М2	Пул, Ае Л.с. Тамга, «бит [в] Крым» ضرب قريم О.с. «Сорок восемь один йармак 674» قرق سكر بيري يرماق ٦٧٤
П7	М31	Пул, Ае Л.с. Тамга, «бит [в] Крым» (уйгур.) ²¹ О.с. «Сорок восемь один йармак» (уйгур.)
П8	М28, М29	Пул, Ае Л.с. Тамга, «бит [в] Крым» ضرب قريم Под тамгой, возможно цифра 0 или 5 О.с. Легенда не прочтена

¹⁶ Более точно что-то сказать по этому поводу можно будет лишь если найдутся монеты П20, битые теми же лицевыми сторонами, что и известные экземпляры П31. Пока, к сожалению, такого соответствия нам не удалось найти.

¹⁷ Номера монет в этом столбце даются по работе [4].

¹⁸ ПКВ – Первый Крымский Выпуск. Под этим термином мы понимаем ранние монеты Крыма, описываемые нами в работе [2]. В данную серию входят три номинала серебра и один медный номинал.

¹⁹ Данный тип имеет множество вариантов, см. [2].

²⁰ Варианты прочтения легенды см. [4, с. 20, монета М52] и [5].

²¹ Чтение надписей Л.с. и О.с. предложено В.А. Беляевым, см. электронный ресурс: <https://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=6956>

П9	М25	Пул, Ae Л.с. Тамга, «бит [в] Крым» ضرب قريم Под тамгой, возможно цифра 0 или 5 О.с. Легенда не прочтена
П10	М24	Пул, Ae Л.с. Тамга, «бит [в] Крым» ضرب قريم Под тамгой виньетка О.с. «Счастье и успех» ²² الدولت و الاقبال (перс.)
П11	М35	Пул, Ae Л.с. Тамга, «бит [в] Крым» ضرب قريم О.с. Шестиконечная звезда. В центре звезды расположен круг, лучи звезды пересекаются между собой.
П12	М35	Пул, Ae Л.с. Тамга, «бит [в] Крым» ضرب قريم О.с. Шестиконечная звезда. В центре звезды расположен шестиугольник с точкой внутри, лучи звезды переплетаются между собой.
П13	М5	Пул, Ae Л.с. В центре тамга. По кругу: «Падишах Менгу Тимур» بادشاه منكو تيمور О.с. В центре тамга, по кругу: «бит [в] Крым 679» ضرب قريم ٦٧٩
П14	М27	Пул, Ae Л.с. Тамга со звездочкой и виньеткой О.с. Неясная, искаженная легенда ²³ Данная монета отнесена нами, предварительно, ко времени правления Менгу-Тимура.
П15	М22	Пул, Ae Л.с. Четыре тамги, расположенные крестообразно и звездочки между ними О.с. «Да будет благословен новый пул» ميارك باد بول نو (перс.)
П16	М21	Пул, Ae Л.с. Четыре тамги, объединенные крестообразно О.с. Полумесяц, «бит [в] Крым» ضرب قريم
П17	М40	Пул, Ae Л.с. Тамга, «бит [в] Крым» ضرب قريم О.с. Изображение птицы влево, «Деньги прочные» مال مكن
П18	М32	Пул, Ae Л.с. «бит [в] Крым» ²⁴ ضرب ??? قريم О.с. Изображение солнечного лика
Монеты периода правление Туда-Менгу		
П19	М7	Пул, Ae Л.с. Тамга, «бит [в] Крым 683» ضرب قريم ٦٨٣ О.с. Орнамент, по сторонам: «Сорок восемь один йармак». قرق سكيڭز بير يارماق

²² Чтение дано по [1, с. 8].

²³ В.П. Лебедев высказывает мнение, что данная надпись может быть искаженной формулой «48 – один...», см. [Лебедев, 2000, с. 16, монета М27].

²⁴ Над тамгой есть еще одно слово, которое авторы, пока, не могут интерпретировать. В.П. Лебедев предложил прочтение этого слова как «Разрешенный».

П19а	М7	Пул, Ae Л.с. Тамга, «бит [в] Крым 684» ضرب قريم ٦٨٤ О.с. Орнамент, по сторонам: «Сорок восемь один йармак». قرق سكينز بير يارماق
П20	М26	Пул, Ae Л.с. В сложном картуше из овалов и окружностей – тамга. О.с. «Твое благополучие да будет вечным» ²⁵ دولتت اييد باد
П21	М43	Пул, Ae Л.с. Тамга в квадратном картуше с завитками по сторонам О.с. В таком же картуше изображение оленя влево и звезда над ним
П22	М6	Пул, Ae Л.с. Тамга, «бит [в] Крым» ضرب قريم О.с. «Власть Богу» الملك لله
П23	М30	Пул, Ae Л.с. Тамга, «бит [в] Крым» ضرب قريم О.с. «Счастье да будет вечным» ²⁶ سعاده دايم باد
П24	М20	Пул, Ae Л.с. В центре тамга, «бит [в] Крым» سكه قريم О.с. «Этот пул (предназначен) всем. Будьте счастливы» ²⁷ . بو بل بار چكا قتلغ بول[سو]ان
П25	М34	Пул, Ae Л.с. В квадратном картуше тамга, «бит [в] Крым» ضرب قريم О.с. 8-ми лепестковая, цветочная розетка, заключенная в квадратный картуш с точками по углам и виньетками по сторонам
Монеты времени правления Тула-Буги		
П26	М51	Пул, Ae Л.с. Изображение стилизованного, двуглавого орла и перевернутой тамги с между голов О.с. «бит [в] Крым» ضرب قريم
П27	М51	Пул, Ae Л.с. Изображение стилизованного, двуглавого орла и тамги Тула-Буги между голов О.с. «бит [в] Крым» ضرب قريم
П28	М51	Пул, Ae Л.с. Изображение стилизованного, двуглавого орла и перевернутой тамги Тула-Буги, между голов О.с. «бит [в] Крым» ضرب قريم
П29	М23а	Пул, Ae Л.с. В квадратном картуше с завитками, тамга Тула-Буги О.с. В таком же картуше «Крым» قريم

²⁵ Чтение дано по [1, с. 8] (в работе номер монеты по Лебедеву указан как «М27»).

²⁶ Чтение дано по [1, с. 8] (в работе перевод надписи дан в форме «Счастье да будет непреходящим»).

²⁷ Чтение дано по [6].

П30		Пул ²⁸ , Ae Л.с. Тамга в круге, вокруг 11 колец, за ними 8 (?) овалов О.с. В квадратном картуше с треугольниками по сторонам: «Кутлугкенд» (Счастливыи город) قتلغ كند
П31		Пул, Ae Л.с. Тамга Тула-Буги, в квадратном картуше с треугольниками по сторонам О.с. В таком же картуше «Кутлугкенд» (Счастливыи город) قتلغ كند
П32		Пул, Ae Л.с. Тамга Тула-Буги, в квадратном картуше с треугольниками по сторонам О.с. В таком же картуше «Кутлугкенд» (Счастливыи город) قتلغ كند

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров Е.Ю. Китайский след в джучидской нумизматике II // Нумизматика. №3(30), ноябрь 2011. М., 2011. С. 8–11.
2. Козлов А.П., Якушечкин А.В. К вопросу о раннем выпуске монет Золотоордынского Крыма // VII Международный Нумизматический Симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка» (Судак 21–25.09.2020 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2020. С. 95–110.
3. Козлов А.П., Якушечкин А.В. К вопросу о крымских серебряных монетах Берке // IX Международный Нумизматический Симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка» (Черноморское, 4–8.09.2022 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2022. С. 107–128.
4. Лебедев В.П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды // Вестник одесского музея нумизматики. Одесса, 2000.
5. Лебедев В.П. К нумизматике Крыма золотоордынского периода. Конный лучник – мощь Крыма (Монеты времени Токты и Узбека) // Нумизматический сборник МНО. М., 2000. Вып. 7. С. 58–64.
6. Настич В.Н., Гончаров Е.Ю. По поводу одного «открытия» в джучидской нумизматике // Бартольдские чтения, год 10: Тезисы докладов и сообщений. М., 1993. С. 50–51.
7. Петров П.Н. Монгольская монетно-весовая система и рации в Средней Азии XIII в. (Результаты анализа метрологических характеристик монет из кладов) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. М., 2002.
8. Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Выпуск 3. Казань, 2010. С. 121–149.
9. Пономарев А.Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М.: МГУ, 2012. 672 с.
10. Рева Р.Ю. Новые данные о монетах Кутлугкенда, Сарая, Хорезма и других монетных дворов 70-х гг. XIII в. // Эпиграфика Востока XXX. М., 2013. С. 266–287.
11. Рева Р.Ю. Распределение власти в Улусе Джучи в 686–690/1287–1291 гг. // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 4. Казань, 2014. С. 134–147.
12. Сидоренко В.А. Монгольская надпись на медной монете Золотоордынского Крыма // VIII Международный Нумизматический Симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка» (Керчь, 2–6.10.2021 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2021. С. 189–198.
13. Хромов К.К., Настич В.Н. Два редких типа серебряных монет Крыма золотоордынского периода. Тезисы одиннадцатой Всероссийской нумизматической конференции. СПб., 14–18 апреля 2003 г. С. 77–79.
14. Хромов К.К. Новые данные о серебряном монетном чекане Крыма раннего золотоордынского периода. Нумизматика. Июль 2004. С. 15–17.
15. Хромов К.К. Монеты западной части Улуса Джучи. Часть I. Йармаки Крыма. Раздел 1. Серебряные монеты, чеканенные до правления хана Токту // Восточная нумизматика в Украине. Ч. II. Сборник публикаций. Киев, 2007. С. 4–54.
16. Хромов К.К. Монеты с обозначением монетного двора «Кутлугкенд», выпущенные в Крымском Улусе во второй половине XIII // V Международный Нумизматический Симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка» (Москва, 20 – 21.09.2018 г.). Материалы научной конференции / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, М., 2018. С. 141–144.

²⁸ Впервые прочтение «Кутлугкенд» на медных монетах этого типа предложил К.К. Хромов [16]. При этом автор делает интересное предположение о том, что на монетах Крыма и Сарая в 670–680 гг.х. название монетного двора по каким-то причинам заменялось на слово «Кутлугкенд». О серебряных монетах с надписью «Кутлугкенд» см. работу [10].

Сведения об авторах: Александр Петрович Козлов – независимый исследователь (Старый Крым, Российская Федерация). E-mail: killa-555@mail.ru

Александр Валентинович Якушечкин – независимый исследователь (Симферополь, Российская Федерация). E-mail: qrim.alex@yandex.ru

ON THE CHRONOLOGY OF RELEASE OF EARLY COPPER COINS OF CRIMEA WITHIN THE JOCHIDS STATE

A.P. Kozlov, A.V. Yakushechkin
Independent Researchers

Research objective: To create a chronological sequence of coin production in Crimea from the beginning of the functioning of this mint up to the rule of Tole Buqa.

Research material: A database of 58 copper coins issued in the city of Crimea during the period of the 60s to the early 90s of the 13th century, with visible traces of overstriking. In addition, data from two complexes of copper coins from the same period were used for analysis. The composition of one of the complexes is published in this work for the first time.

Results and novelty of the research: A chronological scheme of the issue of early copper coins of Crimea as part of the state of the Jochids is proposed. A large set of copper coins of Crimea with visible traces of overstruck is introduced into scientific circulation, and scans of these coins and a summary table with their description are given. In addition, a hoard of copper coins (43 samples) from the period of Toda Mongke's reign is described for the first time. The comprehensive analysis of the overstruck and composition of the coin hoard of Crimea in the middle of the 13th century is a pioneering work. Until now, there has been no similar research in this area for Crimea.

Keywords: coin, pul, numismatics, chronology, Golden Horde, Crimea, Berke, Mengü Timur, Toda Mongke, Tole Buqa

Acknowledgements: The authors would like to express their gratitude to A.A. Arkhipenko, S.S. Zaitov, D.V. Veniosov and V.M. Trofimov for their assistance in selecting materials during writing this article.

About the authors: Alexander P. Kozlov – Independent Researcher (Stary Krym, Russian Federation). E-mail: killa-555@mail.ru

Alexander V. Yakushechkin – Independent Researcher (Simferopol, Russian Federation). E-mail: qrim.alex@yandex.ru

ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В ТАТАРСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ 1930–1940-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «МИЛЛИ БАЙРАК»)

Л.Р. Муртазина

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Освещение национальной истории являлось одним из приоритетных направлений газеты «Милли байрак» («Национальное знамя», г. Мукден) – одного из ярких образцов татарской эмигрантской печати 1930–1940 годов. В ней публиковались статьи, посвященные разным периодам истории тюрко-татар. Особый интерес представляет серия очерков о Золотой Орде, которая увидела свет в 1935–1936 годах.

Целью исследования является анализ материалов газеты «Милли байрак», посвященных освещению истории Золотой Орды.

Материалы исследования: публикации педагога, общественного деятеля, журналиста и ответственного редактора газеты «Милли Байрак» Рукии Мухаммадиш об истории Золотой Орды.

Результаты и научная новизна: Размещая на своих страницах объемные материалы на тему Золотой Орды, подробно рассказывая читателям об истории этого периода, основных событиях и фактах, происходивших в государстве, знаменитых личностях, газета играла важную идейную и организационно-координирующую роль, объединяя тюрко-татарское население Дальнего Востока. Публикации служили ретрансляции основных идей и ценностей, важных для нации именно в тот период. Помимо этого, они имели ярко выраженную просветительскую и воспитательную цели, служили источником по истории татар в пору нехватки учебной и научной литературы на родном языке, средством воспитания на примере великих личностей, сохранения исторической памяти.

Изучение публикаций, посвященных истории Золотой Орды, дает возможность представить, насколько актуальны были проблемы национальной истории в среде татарских эмигрантов. Они являются материалом для изучения идейных поисков, охвативших тюрко-татар в условиях изгнания и отрыва от исторической родины.

В рамках данного исследования впервые были проанализированы публикации газеты «Милли байрак» об истории Золотой Орды.

Ключевые слова: татарская эмиграция, история тюрко-татар, Золотая Орда, газета «Милли байрак», Рукия Мухаммадиш, историческая память, национальное воспитание

Одним из ярких образцов татароязычной эмигрантской печати 1930–1940-х годов является газета «Милли байрак» («Национальное знамя»), издававшаяся в городе Мукдене в 1935–1945 годах. Она нашла свое достойное место среди других изданий, выходивших за пределами страны, таких как «Ерак шэрык» («Дальний Восток», Харбин, 1921–1925), «Яңа милли юл» («Новый национальный путь», Берлин, 1928–1939), «Яңа япон мөхбире» («Новый японский вестник», Токио, 1932–1938).

Газета «Милли байрак» отличалась от других изданий тем, что имела локальный характер и была значимой, прежде всего, «для дальневосточной татарской общины», тогда как другие, например, журнал «Яңа милли юл» задавал тон национальной жизни эмигрантов-татар всего мира [16, с. 518]. Тем не менее, в течение 10 лет газета распространялась не только в странах Дальнего Востока, но и в Финляндии, Турции, Египте, Индии и Саудовской Аравии [11, с. 4], сыграла неопределимую роль в просвещении (в самом широком понимании этого слова) тюрко-татарского¹ населения этих государств.

Основной целью газеты было объединение татар-эмигрантов Дальнего Востока, формирование национального самосознания, сохранение культуры и родного языка, активизация тюрко-татарского национального движения за рубежом. Она выполняла три важные функции – информационную, организаторскую и идеологическую [11, с. 6]. Организатором и главным идейным вдохновителем проекта являлся Гаяз Исхаки, который смог превратить газету в орган всей тюрко-татарской эмиграции.

¹ Термин «тюрко-татары» использовался для обозначения представителей тюркоязычных народов России, находящихся в эмиграции. Официальным языком коммуникации внутри общин, а также языком печатных изданий этих общин на Дальнем Востоке был татарский язык [17, с. 110].

Основным методом на пути решения поставленных перед газетой задач являлась публикация материалов, так или иначе способствующих объединению тюрко-татар, воспитанию чувства национальной гордости, укреплению национального единства. Добивалось это посредством статей, посвященных истории татарского народа – научно-публицистических очерков о разных периодах исторического развития, публикаций, посвященных историческим личностям, эпосов, дастанов, исторических легенд и рассказов, художественных произведений, заметок о проведении мероприятий по поводу отдельных исторических дат и т.д. Все это, по замыслу сотрудников издания, должно было служить национальной мобилизации, систематизации информации о прошлом народа, актуализации исторических знаний и формированию исторической памяти.

Освещение разных периодов истории народа является одной из основных линий политики газеты. Уже с первых номеров была запущена серия статей под рубриками «Тарих битләре» («Страницы истории») и «Без кем?» («Кто мы?»). Исторические очерки под общим названием «Кто мы?», охватывают вопросы истории татарского народа с болгарского периода до образования СССР. Первая статья под этой рубрикой вышла в 3 номере газеты. Автор публикаций – педагог, общественный деятель, основной журналист и секретарь газеты Рукия Мухаммадиш (в девичестве) [10] (Рукия Давлеткильдеева)².

Чем же примечательны эти публикации и имеют ли они какую-либо научную ценность? С одной стороны, они являются газетными публикациями, т.е. написаны для широкой аудитории, с разным уровнем образования, разных возрастов, взглядов; имеют, прежде всего просветительскую цель; автором является не ученый-историк; не выдержаны многие требования, предъявляемые к научным работам, в силу этого не могут претендовать на роль основных источников для современных исследователей. Но, с другой стороны, эти очерки имеют важность, в том числе и научную, как материалы, сообщающие информацию о той исторической эпохе, событиях и людях, об их идейных принципах, представлениях, интересах, потребностях и предпочтениях. Они помогают восполнить всю полноту восприятия проблем истории татар в эмигрантском сообществе. Эти материалы позволяют нам изучить каналы и способы сохранения воспроизводства дореволюционной исторической науки в условиях вынужденной изолированности, а также уровень развития педагогической мысли в эмиграции, т.к., они играли важную роль в воспитании молодого поколения на примере славного прошлого и великих исторических личностей, возможно, использовались и в учебном процессе.

Целью данных публикаций было ознакомление читателей с историей тюрко-татар, сохранение национальной идентичности, популяризация исторических знаний. Такая форма работы была очень действенной в условиях нехватки или малодоступности учебной, научной и другой литературы по истории татарского народа³. Исследователи татарской эмигрантской печати считают, что «малочисленная и ограниченная в своих возможностях татарская эмиграция могла оперировать лишь доступными ей медийными средствами: татароязычная пресса и национальная историография – вот немногое, что было ей доступно» [16, с. 521].

Несмотря на утверждения ученых, что «большинство из описываемых событий относилось именно к «недавнему прошлому», которые таким образом трансформировались из индивидуального в совместный, коллективный опыт переживания» [16, с. 520], материалы газеты «Милли Байрак» отличаются широким временным диапазоном, представляющим период начиная с древнебулгарского, при этом соблюден принцип хронологии.

В процентном соотношении самую большую часть материалов, посвященных национальной истории, составляют публикации о Золотой Орде и Казанском ханстве. Начиная с 9 номера почти в каждом номере газеты помещена статья на тематику Золотой Орды (вплоть до 18 номера).

Следует отметить, что публикации автора отличаются, несмотря на их популярный характер, тактичностью, научностью, довольно сдержанным стилем изложения, лаконичностью. В них просле-

² Рукия Мухаммадиш (1908–1989) – председатель отдела образования «Национально-религиозного комитета Идель-Урал тюрко-татарских мусульман Дальнего Востока», в 1928–1933 годах преподавала русский и английский языки в татарской исламской начальной школе Токио («Мәктәбе исламия»). Мать известного турецкого ученого-историка татарского происхождения Надира Давлета. В газете подписывалась также как Ильсияр Утямыш [12, с. 272].

³ Причина заключалась в малодоступности актуальной литературы из СССР, также в различии письменности: в советской стране с 1927 года в использовании была латиница, в 1939 году был принят русский алфавит, татары за рубежом пользовались арабской графикой.

живается и собственное видение автором проблемы, ее позиция по поводу того или иного исторического события или факта.

Что касается использованной литературы при написании очерков серии «Кто мы?», автор не дает прямых ссылок на труды историков. Однако при описании отдельных исторических вопросов указывает на некоторые работы ученых. Так, в статье, посвященной культуре Золотой Орды, Р.Мухаммадиш сообщает, что эта проблема довольно тщательно исследована разными учеными и называет труды таких авторов, как Рашид ад-дин («Джами ат-таварих»), О.Вольф («История монголов или татар») [18] и др. Предполагаем, что она хорошо была знакома с трудами русских⁴ и татарских историков, таких, как Р.Фахретдин, Х.-Г. Габаша, Х.Атласи и др., публикациями татарской периодической печати начала XX века, в том числе и журнала «Шура», который уделял пристальное внимание освещению проблем национальной истории⁵. При работе над статьями автор могла использовать и труды татарских историков на турецком языке. В эмигрантской среде был доступ к этим книгам: в архиве японского ученого-лингвиста Хаттори Сиро⁶, например, сохранилось не менее 40 наименований татароязычной литературы, издававшейся на арабской графике в Казани, также книги Ахмет-Заки Валиди-Тогана, Агдеса Нимета Курата, Рашида Рахматии Арата на латинской графике [9, с. 134–135]. Имеет смысл предположить, что такими книгами могли пользоваться многие члены тюрко-татарского общества Дальнего Востока. При написании очерков автор опирается и на некоторые тексты устного народного творчества – легенды и эпосы.

Итак, перейдем непосредственно к статьям. Первый очерк «Кто мы?» посвящен общим вопросам – проблеме самоидентификации («являемся тюрко-татарскими мусульманами Волго-Урала»), актуальности изучения национальной истории (узнать, «куда восходят наши корни?»). Эти моменты, по мнению автора, необходимо уточнить прежде всего потому, что их ставит перед эмигрантами национальное движение. «Светлое будущее народа зависит от того, насколько мы хорошо знаем наше прошлое. Ведь основу нашего будущего можно проложить лишь опираясь на прошлое, на славные страницы истории и жизнь доблестных людей. Нельзя создавать за короткий срок то, чего не было в жизни народа когда-то. Поэтому нужно изучать прошлый опыт и поведать о нем с новыми силами» [13]. Утверждая важность и актуальность изучения истории своего народа, Р.Мухаммадиш подчеркивает, что «исторические труды, книги являются средством для поиска «национального» («миллилек») в себе, только изучая историю человек находит ответы на многие интересующие его вопросы» [13]. Изучение истории народа так важно, прежде всего потому, что «мы являемся частью великого тюркского мира, державы, у которой под властью были многие другие народы. [...] У нас общий язык, общая культура. Поэтому для нас важно изучение истории начиная с более древнего периода» [13].

Вторая публикация посвящена Булгарскому периоду [1]. В третьей статье, доступной для изучения⁷, описываются события, последовавшие после завершения похода Бату-хана на Запад в 1242 году, в том числе основание города Сарая – столицы Золотой Орды [2].

Вслед за Р.Фахретдином, автор считает, что, если бы не смерть Угедея, что стало одной из причин ухода Бату из Восточной Европы, и изменение ситуации в Каракоруме, то он мог бы присоединить к своим владениям всю территорию Европы [15, с. 109]. Европа встретила войско хана как «татар», по названию одного из монгольских племен, и этот поход остался в их памяти как «нападение татар» [2].

Для автора Золотая Орда – образец государства, могущественной страны, основанной на традициях старинной тюркской и исламской культур. Здесь, так же как и в Хазарском государстве, торговля стояла на первом месте. Благодаря благоприятной экономической ситуации, она в течение короткого времени смогла стать могущей страной с большими, красивыми городами. Булгарское государство потеряло былую мощь от нападений монгольских тюрков (автор называет их «монгольскими тюрками»); и считает, что в процентном соотношении их было сравнительно мало: только 60 тысяч людей из 600 тысячного войска были монголами. После смерти Бату-хана, они, не сумев сохранить

⁴ Научно-исследовательской литературы на русском языке, связанной с историей татарского народа, было меньше по сравнению с другими книгами, например, посвященными проблемам языкознания и литературы [9, с. 135].

⁵ Этот факт подтверждают также некоторые публикации газеты «Милли байрак», перепечатанные с журнала «Шура», в основном, на тему национального воспитания.

⁶ Хаттори. Сиро (1908–1995) – известный японский ученый, профессор, полиглот, владел татарским языком; был женат на татарке Магире Агеевой (1912–1999), родом из Пензенской губернии.

⁷ К сожалению, 5–8 номера газеты не сохранились.

свою национальную самобытность, в течение довольно короткого времени под воздействием высокой тюркской культуры полностью тюркизировались), однако через некоторое время города начинают восстанавливаться и становятся важными торговыми и культурными центрами [14].

Интересна позиция автора и в оценке правителей Золотой Орды. Для Р.Мухаммадиш Бату-хан – «один из самых умных, дальновидных и толковых внуков Чингиз хана». А Берке, другой сын Джучи, который стал правителем Золотой Орды после смерти Улагчи, стал знаменит тем, что первым из правителей принял ислам. Для автора Берке – первый хан, который обращал особое внимание развитию и укреплению страны. При Менгу-Тимуре в Золотой Орде, благодаря его крепким отношениям с Египетскими правителями, еще больше укрепились позиции тюркской культуры, уменьшилось воздействие монголов. Узбек хан в оценке автора очерков один из самых деятельных, справедливых правителей Золотой Орды, для которого благополучие народа было на первом месте. Он уделял много внимания просвещению населения страны, поэтому в эпоху его правления Золотая Орда испытала наибольший расцвет, это был самый спокойный и счастливый период в жизни страны. Его сын Джанибек в правлении страной продолжил традиции своего отца. А при сыне Джанибека Бердибеке над небом страны стали сгущаться тучи. После того как он был убит своими мурзами, в стране началась невиданная до этого смута – ханы менялись друг за другом. Золотая Орда начала терять свою мощь и величие [14]. Автор связывает начало смуты в стране с убийством Бердибека. Данный подход содержался и в трудах некоторых немецких исследователей, например, Йозефа фон Хаммер-Пургштала [8], что может говорить о возможности владения автором информацией и по некоторым зарубежным источникам.

В следующей статье автор очень подробно рассказывает о борьбе за власть в Золотой Орде, которая развернулась после гибели хана Бердибека. Татаро-русские военные столкновения, битва между Мамай мирзой и русским войском, Тамерланом и Токтамышем, Золотой Ордой и литовским князем Витольдом⁸ с Токтамышем [3]. И после гибели хана Токтамыша произвол в Золотой Орде не прекратился. Р.Мухаммадиш приводит информацию о многочисленных ханах Золотой Орды, которые ставились мирзами – о сыновьях Токтамыша, о Кичи Мухаммеде, Улуг Мухаммеде⁹. Только при последнем в стране установилось некоторое затишье, но и оно не продолжилось долго. Не согласившись с решением Улуг Мухаммеда в выборе русского князя, мирзы – сторонники князя Юрия начали противодействовать ему. В Золотой Орде опять начались волнения, в результате чего Улуг Мухаммед был вынужден оставить город Сарай. С его прибытием в Казань началась история Казанского ханства [4].

Автор очерков о Золотой Орде констатирует тот факт, что Золотая Орда, возведенная усилиями тюрко-татар на такую высоту и величие, их же руками и была уничтожена. Великая империя, созданная одним из самых толковых внуков Чингиз хана Бату-ханом, была разрознена на мелкие кусочки [4].

Представляет интерес статья, посвященная культуре Золотой Орды. По объему это, наверное одна из самых больших – она помещена в 3 номерах газеты.

Автор уверена, что эпоха Золотой Орды и тюрко-монгольские народы, которые основали ее, безусловно, оставили неизгладимый след не только в национальной истории, но и в мировой истории. Она считает, что этому можно удостовериться благодаря трудам известных историков, посвященным Золотой Орде. Раскопки близ города Сарая также подтверждают эту мысль. Р.Мухаммадиш считает, не было бы написано столько великих трудов, не были бы проведены такие масштабные исследования, если бы Золотая Орда не отличалась от других государств тем, что встала на путь культурного развития. По ее мнению, можно выделить несколько причин этого явления. Во-первых, Золотая Орда была основана на руинах Хазарского государства и включила в свой состав Булгарию, со своей культурой и традициями. Тюрко-татары сумели сохранить свои традиции, национальную культуру. Вторая причина состоит в том, что страна расположена на очень удобном месте (Хазарское и Черное моря, Волга, Дон), что способствовало развитию торговых отношений с Аравией, Ираном, Индией, со странами Южной Европы – Грецией, Венецией. Она находилась между Европой и Азией, являясь связующим звеном между двумя частями света. Именно с появлением Золотой Орды возобновились торговые связи между ними, а сама Золотая Орда стала играть роль посредника между этими государствами, взяла в свои руки господство в мировой торговле.

Золотая Орда стала местом, где встретились восточная и западная культуры, здесь собирались ученые и торговцы со всего мира, что, в конечном счете, способствовало еще большему укреплению

⁸ Великого литовского князя Витовта (1350–1430) автор, на польский манер, именует Витольдом.

⁹ Автор по ошибке Улуг Мухаммеда называет братом Кичи Мухаммеда.

экономического состояния страны. Последнее сыграло немаловажную роль в развитии культуры страны.

Понятие «культура» автор рассматривает в самом широком смысле этого слова. Основание больших и малых городов, строительство величавых зданий, использование новых, созданных в Золотой Орде строительных материалов, развитие инженерного искусства, создание условий для комфортного существования представителей разных наций и конфессий – это лишь малое, что было сделано в Золотой Орде [5]. Внутреннее обустройство страны говорило о том, что она встала на путь культурного развития [6].

При этом, основываясь на общетюркском культурном пласте, Золотая Орда унаследовала и древние традиции монгольских народов. Автор подробно останавливается на социальной структуре государства, давая определение всем терминам, обозначающим высшие слои аристократии и основной массы населения («бек», «оглан», «улусбек», «турхан», «сабанчы», «хезмэт агасы», «базаркян» и др.). Р.Мухаммадиш пишет, несмотря на то, насколько важна была роль хана в управлении страной, во многих делах участвовали потомки хана («ханзадэ»), мирзы, жена хана. Ханши принимали деятельное участие в государственных делах. Тайдула, например, давала ярлыки русским митрополитам [6].

Особый интерес, по мнению автора очерков, представляет военное искусство. Войско в Золотой Орде всегда было в состоянии готовности. Этому способствовали четко выстроенная военная тактика и стратегия, разделение обязанностей (автор дает определения военной терминологии – «ун башы», «йөз башы», «мең башы», «төмән башы» и т.д.) [7].

Автор уверена, что несмотря на свой короткий век, Золотая Орда смогла стать одной из величайших держав того времени, оставила после себя глубокий исторический след и культуру, основанную на традициях тюркских народов, которая сохранилась вплоть до русских завоеваний этих земель. Руины, остатки этой великой культуры, историческая память о них напоминает о былом величии наших прадедов [7].

Таким образом, из статей газеты «Милли байрак», посвященных истории Золотой Орды, можно увидеть, что значило для татарских эмигрантов знание своей истории, своих корней и традиций. В истории народа они видели силу, источник, который дает старт для новых свершений, для объединения народа. Публикации на исторические темы служили для татарских эмигрантов одним из важнейших средств сохранения исторической памяти, воспитания чувства гордости за свой народ, что являлось основой национального воспитания. Знание своей истории и славных страниц прошлого народа помогало им адаптироваться в условиях неродной культуры, сохранять язык и традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Без кем? Безнең төп бабаларыбыз Болгар төрекләре // Милли байрак. 1935. №4 (22 ноябрь).
2. Без кем? Балкан ярим атавы Бату кулына кереп житкәннән соң // Милли байрак. 1935. №9 (27 декабрь).
3. Без кем? Алтын Урданың соңгы көннәре // Милли байрак. 1936. № 11 (17 гыйнвар).
4. Без кем? Алтын Урданың соңгы көннәре // Милли байрак. 1936. № 12 (24 гыйнвар).
5. Без кем? Алтын Урда вә мәдәният // Милли байрак. 1936. № 13 (31 гыйнвар).
6. Без кем? Алтын Урда вә мәдәният // Милли байрак. 1936. № 16 (21 февраль).
7. Без кем? Алтын Урда вә мәдәният // Милли байрак. 1936. № 18 (13 март).
8. Гатин М.С. Взаимоотношения Руси и Золотой Орды во второй половине XIV века в трактовках немецких историков // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Том 151, кн. 2, ч. 1. С. 90–95.
9. Гибаудинов М., Усманова Д., Усманова Л. Первые итоги изучения татарских материалов в архиве Хаттори Сиро // Культурные, экономические и технологические контакты и взаимодействие Японии и татарского мира: история и современность. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 130–139.
10. Дәүләт-Килде Р. Бер татар хатынының ачы язмышы. Казань: Казан ун-ты нәшр., 2005. 110 б.
11. Ерак көнчыгышта төрки-татар мөһажирләренң мирасы («Милли байрак» гәзетасының библиографик күрсәткече). Казан: ТФАнең Ш. Мәржани исем. Тарих институты, 2015. 284 б.
12. Кузнецова Е.Б. Меченые одной метой. Б.м. 2010. 337 с.
13. Мөхәмәдиш Р. Без кем? // Милли байрак. 1935. №3 (15 ноябрь).
14. Мөхәмәдиш Р. Без кем? Алтын Урда // Милли байрак. 1936. № 10 (10 гыйнвар).
15. Муртазина Л.Р. История Золотой Орды в публикациях татарских интеллектуалов начала XX века (по материалам журнала «Шура») // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 102–117. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.102-117

16. Усманова Д.М. Личность и наследие Исмаила Гаспринского в татарской эмигрантской прессе 1930-х гг. // *Minbar. Islamic Studies*. 2022. Т. 15. №3. С. 516–531.

17. Усманова Л. Роль тюрко-татарской эмиграции в распространении ислама на Дальнем Востоке // Культурные, экономические и технологические контакты и взаимодействие Японии и татарского мира: история и современность. Казань: Институт истории им. Ш. Марджори АН РТ, 2015. С. 108–115.

18. Wolff O. Geschichte Mongolen oder Tataren besonders ihres Vordringes nach Europa, so wie ihrer Eroberungen und Einfaele in diesem Welttheile. Breslau: Verlag von Carl DMer, 1872. 429 S.

Сведения об авторе: Ляля Раисовна Муртазина – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории и теории национального образования им. Х. Фаизханова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4131-544X. E-mail: lyalyamur@mail.ru

HISTORY OF THE GOLDEN HORDE IN THE TATAR EMIGRANT PRESS OF THE 1930s–1940s (BASED ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER “MILLI BAYRAQ”)

L.R. Murtazina

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Research objectives: The coverage of national history was one of the priority directions of the newspaper “Milli Bayraq” (“National Flag”, Mukden) – one of the vivid examples of Tatar emigrant press of the 1930s–1940s. It published articles dedicated to different periods of the history of the Turkic-Tatar people. A series of essays on the Golden Horde, which appeared in 1935–1936, is of particular interest. The purpose of this research is to analyze the materials of the “Milli Bayraq” newspaper devoted to the coverage of the history of the Golden Horde. The research materials are publications by Rukiyah Muhammadish, a teacher, public figure, journalist, and responsible editor of the “Milli Bayraq” newspaper, on the history of the Golden Horde.

Research materials: publications of the teacher, public figure, journalist and executive editor of the “Milli Bayraq” newspaper Rukia Muhammadish about the history of the Golden Horde.

Results and novelty of the research: By publishing extensive materials on the topic of the Golden Horde, providing detailed information to readers about the history of this period, the main events and facts that occurred in the state, and famous personalities, the newspaper played an important ideological and organizational role, uniting the Turkic-Tatar population of the Far East. The publications served as a relay of the main ideas and values important for the nation at that time. In addition, they had a strongly expressed educational goal and served as a source of historical knowledge for Tatars during a time of shortage of educational and scientific literature in their native language. They were also a means of educating people by example of great personalities and preserving historical memory. The study of publications devoted to the history of the Golden Horde makes it possible to understand how relevant issues of national history were among Tatar emigrants. They are a material for studying ideological searches that covered Turkic-Tatars in the conditions of exile and detachment from their historical homeland. As part of this study, the publications of the “Milli Bayraq” newspaper on the history of the Golden Horde were analyzed for the first time.

Keywords: Tatar emigration, history of Turkic-Tatars, Golden Horde, “Milli Bayraq” newspaper, Rukia Muhammadish, historical memory, national education

About the author: Lyalya R. Murtazina – Cand. Sci. (Pedagogy), Leading Research Fellow of the Faizkhanov Center for the History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4131-544X. E-mail: lyalyamur@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ БОЛЬШОЙ ОРДЫ (ОБЗОР ОСНОВНЫХ РАБОТ ПО ИСТОРИИ БОЛЬШОЙ ОРДЫ)

А.Н. Самигуллин

Казанский федеральный университет

Цель исследования: охарактеризовать взгляд различных современных учёных на проблему истории Большой Орды.

Материалы исследования: научные труды С.М.Сафаргалиева, А.А.Горского, Д.М.Исхакова, В.В.Трепавлова.

Результаты и научная новизна: в настоящем сообщении предпринята попытка изложить точки зрения современных учёных, обращавшихся к истории Большой Орды для более полного раскрытия основной проблемы своего исследования или ставивших Большую Орду объектом изучения.

Так, после рассмотрения книги М.Г.Сафаргалиева «Распад Золотой Орды» сделан вывод о том, что политическая нестабильность угасающей Большой Орды и скотоводческая основа её хозяйства, согласно исследователю, является яркой иллюстрацией изначальной нежизнеспособности самой Золотой Орды и обречённости её на распад. Поэтому автором подчёркивается тезис о примитивизме и отсталости большеордынской государственности.

В результате анализа исследования А.А.Горского «Москва и Орда» нами сделано наблюдение о том, что истории собственно Большой Орды отведена вспомогательная роль, которая, в целом, ограничивается освещением сюжетов из её политической истории.

Изучение труда Д.М.Исхакова «Тюрко-татарские государства XV–XVI вв.» в связи с проблемой Большой Орды позволило нам заключить, что пробелы из её истории, связанные с ограниченностью источников, всё же не компенсируются полностью знаниями общих аспектов, характерных для всех тюрко-татарских ханств. Следовательно, на наш взгляд, эти пробелы могут быть восполнены благодаря всестороннему объектному изучению истории самой Большой Орды.

Очерк В.В.Трепавлова «Большая Орда» отличается тем, что «Тронное владение» занимает в исследовании центральное место. Учёным отражены различные проблемы истории Большой Орды: территория, численность населения, система управления, экономика и политическая история.

Таким образом, широта (или узость) охвата заявленной проблемы в различных исследованиях связана не только с ограниченностью источников и малой изученностью истории Большой Орды, но ещё закономерно ограничивается целями, поставленными учёными в своих исследованиях.

Ключевые слова: Большая Орда, историография, научные труды, С.М. Сафаргалиев, А.А. Горский, Д.М. Исхаков, В.В. Трепавлов

Благодарности: Выражаю благодарность моему научному руководителю к.и.н, доценту Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета Дине Абдулбаровне Мустафиной за ценные советы и помощь в работе над статьей.

В этой работе нами предпринята попытка изложить точки зрения современных историков, обращавшихся к истории Большой Орды. Широта или узость охвата заявленной проблемы в различных исследованиях связана не только с ограниченностью источников и малой изученностью истории Большой Орды, но ещё закономерно ограничивается целями, поставленными учёными в своих исследованиях.

Безусловно, первой работой, где история Большой Орды рассмотрена цельно, является **М.Г.Сафаргалиев**, который в своём труде «Распад Золотой Орды» проводит основную мысль о том, что Улус Джучи, как государство примитивное и нежизнеспособное, было обречено на распад уже сразу, фактом своего возникновения и сохраняло мнимую устойчивость благодаря деспотизму ханской власти. Мина нестабильности лежала, по М.Г.Сафаргалиеву, в самом его экономически отсталом существе, изначальном децентрализованном из-за потенциальных феодальных распрей и жажды покорённых народов к освобождению от безжалостной эксплуатации [3, с. 273–275]. Поэтому исто-

рия Большой Орды, рассматриваемая в этом разрезе, ярко иллюстрирует справедливость основного тезиса. Таким образом, Большая Орда представлена как государство перманентного необратимого распада, успехи которого (к примеру, борьба с Шейх-Хайдаром в 1469–1471 гг., подчинение крымских татар в 1476 г.) рассматриваются как случайные, преходящие и тракуются как проявление агрессии [3, с. 269–271].

Поэтому освещение нашей проблемы учёным происходит через призму политической истории. Охарактеризуем видение им ордынской истории XV в. Нашествие Тимура сильно ослабило экономические связи Золотой Орды, которые были нарушены окончательно борьбой Токтамыша и его сыновей с Идегеем. Со смертью последнего обнаружился кризис центральной власти, теперь уже никак не удерживающий феодальные группировки от распрей [3, с. 194–195]. Утверждение Улуг-Мухаммеда на престоле после его победы над Бараком и Худайдатом довершило дробление Орды на две независимые друг от друга части окончательно¹. Так, с отпадением левого крыла в 1420-х гг. Золотая Орда фактически перестала существовать. Исследователь предлагает следующие датировки возникновения государств на территории восточного Дешта: Сибирское ханство – 1420–1421 гг. [3, с. 223]; Узбекское ханство – 1429–1430 гг. [3, с. 207]; Ногайская Орда – 1447 г. [3, с. 229]; Казахское ханство – 1460-е гг. [3, с. 214].

Дальнейший распад на западе от Волги, по М.Г.Сафаргалиеву, также был предопределён. Это выразилось в борьбе Улуг- и Кичи-Мухаммедов с последовавшим возникновением Казанского ханства в 1438 г. [3, с. 248–249]; в борьбе Сеид-Ахмета, Кичи-Мухаммеда и Хаджи-Гирея за обладание Крымом, где центробежные силы снова взяли верх в 1443 г. [3, с. 262]; в противостоянии Ахмата и Махмута, окончившемся образованием Астраханского ханства в 1465 г. [3, с. 266]. В 1480 г. от Орды окончательно отпадают вассальные русские земли. На этом история Большой Орды и прерывается. То есть затем, по М.Г.Сафаргалиеву, государство разрушается само собой и не заслуживает особого внимания.

Учёный отмечает экономическую неразвитость Большой Орды, хозяйство которой «базиновалось на примитивном скотоводстве и было почти не затронуто товарно-денежными отношениями» [3, с. 271]. Татары остро нуждались в пастбищах, особенно – в зимних². М.Г.Сафаргалиев пишет об отрезанности Большой Орды от привычных южных зимовок в Прикаспии, Северном Кавказе и Причерноморье, взятых под контроль новообразованными Крымским и Астраханским ханствами.

Окончательная территория Большой Орды (как и само государство) оформилась только к 1465 г. и занимала земли между Днестром на западе и Волгой на востоке, верховьями Дона и Цны на севере и низовьями Дона и Днепра на юге. В этих пределах, согласно исследователю, не существовало ни одного города.

Население Большой Орды представляется учёным весьма многочисленным. Опираясь на И.Барбаро, М.Г.Сафаргалиев называет для конца 1430 г. общую цифру в 300 тыс. человек, а для 1480-х гг. даёт оценку численности армии (!) в 100 тыс. человек [3, с. 269]. С внушительностью территории и народонаселения он соотносит и название Большой Орды [3, с. 268].

А.А.Горский в своей работе «Москва и Орда» фокусируется на проблеме политических взаимоотношений усиливающейся Москвы с сарайскими правителями и детально прослеживает этапы и характер этих контактов, начиная с 70-х гг. XIII в. (момента обособления Московского княжества) до 1502 г. Основным источником А.А.Горского является огромный пласт русских летописей. Кроме того, историк работает с русской средневековой литературой, актовными материалами, посольскими книгами по сношениям с Крымом и Польшей, разрядными книгами и записками иностранцев [1, с. 5–11]. Центр тяжести работы смещён в московскую (шире – русскую) сторону, поэтому к ордынским реалиям автор обращается лишь постольку, поскольку эти реалии детализируют существо московско-ордынских отношений.

¹ Интересно, что восстановление власти Улуг-Мухаммедом автором связывается не столько с усилиями хана, сколько стечением обстоятельств, когда его соперники были обескровлены русскими и литовскими войсками, и поэтому их было легче разбить [3, с. 200].

² Причины того, почему в годы борьбы Улуг- и Кичи Мухаммедов многие татары предали первого, видятся исследователем в том, что Улуг-Мухаммед не пытался вернуть крымские пастбища-зимовки со времён появления там Хаджи-Гирея и Сеид-Ахмета в 1433–1434 гг. [3, с. 243–244].

Наиболее частые отсылки автора, обращённые к интересующей нас истории Большой Орды, посвящены, конечно, происходившим в ней политическим событиям, например: изгнание Улуг-Мухаммада (1437 г.), возведение на крымский престол Джанибека (1476 г.), вторжение ногаев и сибирских татар и убийство Ахмата (1481 г.). Хотя стоит оговориться, что подобные экскурсы призваны подчеркнуть их прямое касательство к русским княжествам: борьба хана-изгоя с Василием II (до 7 июля 1445 г.), временная отсрочка союза с Крымским ханством, последствия стратегического поражения на Угре (1480 г.) соответственно.

Также можно говорить о том, что возникновение «особого», т.е. отдельного от Орды, Астраханского ханства связывается историком с поражением Махмута в борьбе с Ахматом, датируемом им 1466 или 1468 г. [1, с. 155–156] Независимое положение Хаджи-Тархана прекращается в 1476 г., с подчинением Касима б.Махмута, владельца юрта, Ахмату [1, с. 162]. Таким образом, период 1466(1468)–1476 гг., исходя из этого, есть годы «первого» существования Астраханского юрта.

В ходе освещения основной темы исследования А.А.Горский выражает понимание территории Большой Орды, располагая её в пространстве между Днепром и Волгой во времена Василия II [1, с. 151], а главный город соотносит с Сараем [1, с. 157].

Содержание самих ордынско-русских отношений в XV в. А.А.Горским раскрывается следующим образом. Московские великие князья как вассалы Орды признают верховенство только законных, по их представлению, царей. Этим объяснима неуплата выхода Василием I ставленникам узурпатора Едигея, прекращение выплат Сеид-Ахмету с 1449 г. К слову говоря, образование Касимовского ханства в сер.1450-х, связывается учёным борьбой Москвы с набегами сеидахметовских татар [1, с. 148–149]. Вместе с тем, власть «главного царя» в Москве (Улуг-Мухаммада или Кичи-Мухаммада) не оспаривалась. Например, воля первого стала решающей в разрешении спора за великокняжеский престол между Василием II и Юрием Дмитриевичем (другое дело, что оба претендента ослушались решения «царя») [1, с. 142–143].

Корни же развивавшегося далее отрицания власти Орды следует искать, по А.А.Горскому, не в политической слабости Сарая, но в крушении Византийской империи. Так, царские prerogatives после 1452 г. наследуются Московским великим княжеством как единственным православным государством, обладающим реальной силой. А русский царь не может таковым считаться, пока подчиняется другому царю, ордынскому. Окончательное непризнание ордынской власти отразилось, согласно А.А.Горскому, в прекращении уплаты выхода после безуспешного похода Ахмата 1472 г. [1, с. 159, с. 167], в низведении Большой Орды до ранга остальных татарских ханств и понимании себя суверенном в сношениях с третьими странами [1, с. 167]. События 1480 г. лишь узаконили установившийся статус-кво ордынской стороной.

Новый виток русско-ордынских отношений до 1502 г. укладывается учёным в ход противоборства блока Москва-Крым (позднее – Москва-Крым-Казань) и союза Орда-Польша-Литва [1, с. 179]. Например, не вписывающаяся в новую расстановку сил единовременная уплата Иваном III дани в 1502 г. объясняется тактическими, конъюнктурными соображениями великого князя [1, с. 182–183].

Д.М.Исхаков в труде «Тюрко-татарские государства XV–XVI вв.» рассматривает историю Большой Орды в неразрывном контексте всего тюрко-татарского постордынского мира, что, собственно, и являлось целью самого исследования. Из-за этого, на наш взгляд, научное сообщение справедливо отражает идеи этнокультурной цельности этого мира, но, видимо, ввиду «поверхностной изученности» [2, с. 17] самой Большой Орды как объекта исследования, не заостряет внимания на её возможной специфике. Поэтому, за не изученностью проблемы Большой Орды и (или) ограниченностью источников, интересующая нас история Д.М.Исхаковым реконструируется, отчасти, на основе сохранившегося синхронного материала, принадлежащего другим татарским ханствам.

Такой, неразрывно-монолитной, предстаёт культура Большой Орды, с развитой культурой дипломатии (порядком предварительного подписания соглашений), с её историческими трудами (которые до нас не дошли [2, с. 107]), государственной символикой (корона и трон), церемониалом, участием духовных лиц в политической жизни и т.д., проецируемой из реалий других ханств. Вывод о развитости городской цивилизации [2, с. 84–91] также строится в общем контексте без учёта урбанизации Большой Орды, но, несмотря на это, логично думать, что и на Сарай это заключение автоматически распространяется. На эту «неособенность» Большой Орды, отсутствие (или крайне малый вес) её собственной специфики указывает и замечание Д.М.Исхакова о том, что «ордынские татары

не успели сформироваться в самостоятельную этническую общность» [2, с. 37]. Поэтому они фактически бесследно ассимилировались после 1502 г.

Д.М.Исхаков в своём исследовании заостряет внимание на проблеме оформления (отодвигаемое к 1450-м гг. [2, с. 18]), на системе управления (где ведущая роль отводится клану мангыт [2, с. 19]), территории, экономике (главной отраслью которой представляется кочевое скотоводство, хотя земледелию, получению дани и торговле уделено заметное место [2, с. 61–62]), политической судьбе Тронного владения. Выдвигаются гипотезы о возможном клановом составе Большой Орды [2, с. 37–38]. Территория государства, географически помещаемая в «четырёхугольник», образуемый Волгой, Северным Кавказом, Днепром и границами русских земель, соотносится учёным с «материнским ядром» [2, с. 7] Золотой Орды. Причём исследователь высказывается ещё о контроле большеордынских татар над Заволжскими землями до вытеснения их ногаями и над Буджаком до продвижения турок [2, с. 36]. Из этих границ государства, достаточно условно очерченных, вытекают открытые до сих пор проблемы полиэтничности Тронного владения, а именно – положения народов Северного Кавказа под властью ордынских татар [2, с. 37] и административно-политического устройства Большой Орды [2, с. 62] (когда, очевидно, определённые кланы контролировали определённые кочевья), на что обращает внимание автор в своём исследовании.

В XV – нач.XVI в. фактор борьбы с Большой Ордой был решающим для устойчивости коалиции Крым-Москва, а затем – Крым-Москва-Казань [2, с. 113], считает Д.М.Исхаков. Первоочередные детерминанты ордынско-крымской вражды кроются, согласно исследователю, всё же в экономических, а не политических причинах. Существом первых является борьба за обладание пастбищами, хлебными пашнями и торговыми центрами [2, с. 113–114] (например, крымская сторона жаждала контроля над Хаджи-Тарханом). Причины же походов Саид-Ахмета и Махмута на русские земли имеют скорее политическую природу: нарушение русской стороной вассальных отношений, а именно – долги по выплате дани [2, с. 117].

История Большой Орды после 1502 г., согласно учёному, не исчерпывается «растворением в Крымском ханстве» и «трансформацией в Астраханское ханство». «Не исключено, что её улусы продолжали некоторое время существовать как некое целое, но под верховенством династии Гиреев» [2, с. 121], – заключает автор.

Многоплановый очерк **В.В.Трепавлова**, посвящённый истории Большой Орды, отличается тем, что само Тронное владение как объект исследования поставлено во главу угла. Исследователем на основе русских и литовских летописных источников, а также заметок очевидцев событий (речь о записях Барбаро и Контарини) отражены различные проблемы истории Большой Орды, как то: территория, численность населения, система управления, экономика, политическая история.

В.В.Трепавлов справедливо отмечает факт того, что Большая Орда не являлась предметом специального изучения [4, с. 180], поэтому предложенный исследователем разнонаправленный охват представляется нам первым шагом в этом направлении.

Учёный развивает мысль Д.М.Исхакова об изначальном расположении Большой Орды на обеих сторонах Волги, но также замечает, что под натиском ногаев ордынские улусы были вынуждены дрейфовать в западном направлении. Уже к кон.XV в., заключает он, Тронное владение, зажатое врагами, «превратилось в группу улусов, кочующих по довольно небольшому пространству на берегах Дона» [4, с. 182].

Сама большеордынская политическая организация представляется исследователю в ранге «зачаточного раннего государства». Согласно В.В.Трепавлову, в XV в. произошло «угасание, свертывание и упрощение» золотоордынского строя. Другими словами, эта деградация – яркий индикатор того, что многовековые степные традиции, обыкновенные для западного Дешта, взяли верх над искусственно созданной синтетической системой взаимодействия города и степи, присущей Золотой Орде.

Поэтому применительно к Большой Орде, по В.В.Трепавлову, уместно говорить скорее как о классическом аморфном кочевом государстве, со свойственным ей делением на крылья, первостепенной ролью кочевого скотоводства в экономике, развитой институцией соправительства (к примеру, ханов Ахмада и Касима), неэффективностью средств принуждения. Исследователем, исходя из первого тезиса, выведена мысль о том, что Сарай и Хаджи-Тархан, не являлись стольными городами Большой Орды [4, с. 187].

В очерке обосновывается тезис об имперском характере политических устремлений этого государства, направленных на восстановление прежней, золотоордынской гегемонии в западном Деште. Отсюда следует неотвратимость его соперничества с Крымским ханством и необходимость поддержания даннических отношений с Москвой. Подчёркивается важность союза татар Большой Орды с Польско-Литовским государством, в котором нами угадывается асимметричность: татары больше нуждались в надёжном союзнике. Во внутренней политике Большой Орды исследователем прослеживается крайне заметная роль клана мангыт, тесно связанного с правящей династией Кучук-Мухаммада [4, с. 188].

Автором обращено внимание на настоящую неразрешённость следующих проблем истории Тронного владения: как была устроена «крыльевая» система административного устройства? где пролегают её географические границы и где располагались традиционные летовья и зимовья? каково место дани в экономике государства? какими предстают отношения с Узбекским ханством до конца 1450-х гг.?

В заключение отметим, степень охвата истории Большой Орды в различных исследованиях связана не только с ограниченностью источников и малой изученностью истории Большой Орды, но ещё закономерно ограничивается целями, поставленными учёными в своих исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.
2. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. / Научно-методическое пособие. Серия BIBLIOTEKA TATARICA. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2004. 132 с.
3. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 279 с.
4. Тrepавлов В.В. Большая Орда // История татар с древнейших времен в семи томах. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. С. 180–196.

Сведения об авторе: Айрат Наилевич Самигуллин – магистрант II курса Института международных отношений; библиотекарь 2 категории отделения по библиотечно-информационному обслуживанию гуманитарного профиля Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-8340-9420. E-mail: sam-air@mail.ru

HISTORIOGRAPHY OF THE GREAT HORDE (A REVIEW OF THE MAIN WORKS ON THE GREAT HORDE HISTORY)

A.N. Samigullin
Kazan Federal University

Research objectives: to characterize the views of various modern scholars on the problem of the history of the Great Horde.

Research materials: works by S.M. Safargaliyev, A.A. Gorsky, D.M. Iskhakov, and V.V. Trepavlov.

Results and novelty of the research: in this article, an attempt was made to present the points of view of modern scientists who turned to the history of the Great Horde for a more complete disclosure of the main problem of their research or who made the Great Horde the object of study.

After reviewing the book by M.G. Safargaliyev “The Decay of the Golden Horde”, it was concluded that the political instability of the fading Great Horde and the cattle-breeding basis of its economy, according to the researcher, is a vivid illustration of the original unviability of the Golden Horde itself and its doom to decay. Therefore, the author emphasizes the thesis of primitivism and backwardness of the Great Horde statehood.

As a result of the analysis of A.A. Gorsky’s study “Moscow and the Horde”, we made the observation that the history of the Great Horde itself is assigned an auxiliary role, which, in general, is limited to highlighting plots from its political history.

The study of the work of D.M. Iskhakov “Turkic-Tatar states of the 15th–16th centuries.” in connection with the problem of the Great Horde allowed us to conclude that the gaps in its history associated with the limited sources are

still not fully compensated by the knowledge of general aspects characteristic of all Turkic-Tatar khanates. Therefore, in our opinion, these gaps can be filled through a comprehensive objective study of the history of the Great Horde itself.

The essay by V.V. Trepavlov “The Great Horde” is distinguished by the fact that the “Throne Possession” occupies a central place in the study. The scientists reflect various problems of the history of the Great Horde: territory, population, management system, economics and political history.

Thus, the breadth (or narrowness) of the coverage of the stated problem in various studies is associated not only with the limited sources and little knowledge of the history of the Great Horde, but is also naturally limited by the goals set by scientists in their studies.

Keywords: Great Horde, historiography, research works, S.M. Safargaliev, A.A. Gorsky, D.M. Iskhakov, V.V. Trepavlov

Acknowledgements: I would like to express my gratitude to my scientific adviser Dina Abdulbarovna Mustafina (Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Institute of International Relations of the Kazan (Volga region) Federal University) for valuable advice and assistance in working on the article.

About the author: Ayrat N. Samigullin – 2nd year Master Student of the Institute of International Relations; Librarian of the second category of the Department for library and information services on the humanitarian profile of the N.I. Lobachevskiy Scientific Library, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-8340-9420. E-mail: sam-air@mail.ru

АЛЬ-МАКРИЗИ О МАМЛЮКСКИХ АДАПТАЦИОННЫХ ШКОЛАХ

Д.Р. Зайнуддинов

МОСКОВСКИЙ ИСЛАМСКИЙ КОЛЛЕДЖ

В статье представлена краткая биография выдающегося египетского историка мамлюкского периода аль-Макризи (1364–1442). Его труды исторического, социального и географического содержания представляют большую ценность для исследователей. Автор делает акцент на его историко-географическом обзоре Египта *كتاب المواظ و الإعتبار بذكر الخطط و الآثار* *Китаб аль-маваиз ва-ль-итибар фи зикр аль-хитат ва-аль-асар* («Книга поучений и назидания в рассказе о кварталах и памятниках»). Этот труд включает в себя топографическое описание древнего Каира, его улиц, рынков, мечетей, дворцов, учебных заведений, садов и др. Внимание автора привлеч материал, посвященный адаптационным школам, в которых готовились высшие военные и чиновничьи кадры для султаната из числа рабов, закупленных на территории Золотой Орды. Впервые в научный оборот вводится полный перевод данного материала на русский язык.

Ключевые слова: жизнеописание аль-Макризи, Книга поучений и назидания в рассказе о кварталах и памятниках, ан-Насыр Мухаммад ибн Калавун, аль-Мансур Калавун, аз-Захир Баркук, адаптационные школы, мамлюки

Большой пласт источников по истории Золотой Орды занимают письменные материалы на восточных языках. Огромный вклад в этом направлении выполнил Владимир Густавович Тизенгаузен (1825–1902). Он собирал материалы на восточных языках и смог издать арабские материалы при жизни, на личные средства председателя Археологической комиссии графа С.Г. Строганова. Под названием «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Т. I, извлечения из сочинений арабских» [19]. Второй том посвященный персидским сочинениям был отредактирован и выпущен в свет почти через пол века после смерти автора, востоковедами А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным [20].

Издание переводов на русский язык извлечений из арабоязычных (и персидских) источников по истории Золотой Орды В.Г. Тизенгаузеном стало прорывным в исследовательской тематике. Именно благодаря труду В.Г. Тизенгаузена российская историческая школа смогла оформиться в одну из ведущих исследовательских школ, и по сей день остается таковой [16, с. 31–36]. Однако труд В.Г. Тизенгаузена далеко не исчерпывает всю кладезь средневековой историко-географической литературы на арабском языке, о чем он заявляет в предисловии к своей работе. «Я рассчитываю на успех дальнейших поисков в этом направлении и не могу согласиться с мнением покойного В.В. Григорьева, что «на увеличение нашего запаса сведений об истории Золотой Орды посредством открытия новых актов, летописей и тому подобных бумажных памятников нет почти никакой надежды» [19, с. XIII]. И это вполне естественно, ибо исламская цивилизация дала человечеству столь богатое научное наследие, которое один человек осилить не в состоянии [8, с. 13].

После издания Тизенгаузеном В. Г. своего труда прошло 138 лет, за это время найдены новые источники, а также вышли критические издания ранее известных, но не полностью изученных источников. Хотя многие из них являются компилятивными, но некоторые отличаются оригинальностью и открывают для исследователей новые вехи истории Джучаева улуса.

Аль-Макризи давно известен в российских научных кругах, выдержки из его трудов вошли и в Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, В.Г. Тизенгаузена. Вместе с этим читатели мало знакомы с биографией самого ученого, поэтому ниже мы приводим краткую биографию аль-Макризи.

Полное имя его Такый ад-дин Ахмад ибн 'Али ибн 'Абду аль-Кадир ибн Мухаммад ибн Ибрахим ибн Мухаммад ибн Тамим ибн 'Абду ас-Самад ибн Аби-ль-Хасан ибн 'Абду ас-Самад ибн Тамим ибн 'Аля ад-дин ибн Мухий ад-дин ал-Хусейни ал-'Абиди. Уходящий корнями в город Баальбека (Ливан), родившийся и умерший в Каире (Египет). Ханафит, затем шафиит по мазхабу.

Относительно точной даты рождения аль-Макризи среди его биографов имеются разногласия, наиболее точной считается 766/1365 год. Свою нисбу аль-Макризи Такый ад-дин Ахмад ибн 'Али получил от названия квартала аль-Макариса в городе Баальбеке, так как его предки были выходцами

из этого квартала. Родственники аль-Макризи были достойными и уважаемыми учеными своего города, однако им пришлось переселиться в Каир в поисках лучшей жизни, так как в то время столица Египта занимала центральное положение в культурной, научной и экономической жизни мусульманского мира. Отец Ахмада – ‘Али ибн ‘Абду аль-Кадир [13, Т.2, № 827, с. 516–517] на протяжении своей жизни исполнял разные государственные обязанности, связанные с судопроизводством и канцелярской службой при Мамлюкском султанате. Он рано покинул бранный мир, оставив сына в подростковом возрасте.

Мать – Асма’ дочь Мухаммада ибн Абд ар-Рахмана ибн ‘Али [13, Т.1, № 319, с. 394–397], по словам Такый ад-дина была «лучшей из женщин своего времени, она отличалась своей набожностью, целомудрием, знаниями и жизненным опытом. От ‘Али ибн ‘Абду аль-Кадира она родила Такый ад-дина, Мухаммада и Хасана. А после его смерти еще раз вышла замуж и родила ещё одного сына. Мать Макризи обладала высокой степенью выдержки, в течении 21 года она страдала от лихорадки, но не жаловалась и не гневалась из-за этого. В результате глазной болезни ей пришлось ампутировать оба века» [13, Т.1, № 319, с. 394]. Несмотря на это она была очень набожной женщиной «постоянно читала молитвы, Коран, [кроме обязательных намазов] выстаивала ночные молитвы, постилась по понедельникам и четвергам, помогала сиротам, вдовам и беднякам, совершила паломничество» [13, Т.1, № 319, с. 395]. Мать привила Таки ад-дину такие качества как наблюдательность, прилежность, терпение, любовь к литературе, поэзии и истории.

Начальные знания аль-Макризи приобрел от своего деда по материнской линии – Мухаммада ибн Абд ар-Рахмана ибн ‘Али Ибн ас-Саига аль-Ханафи [13, Т. 3, № 1157, с. 255]. Он обучил его Корану и основам ханафитского мазхаба. Вслед за этим аль-Макризи, в соответствии с традицией, перешел на обучение в кружки выдающихся каирских шейхов. В поисках знаний он объехал многие города Египта, Аравии и Шама. Историк ас-Сахави (ум. 902/1497) в своем некрологе о аль-Макризи упомянул 600 его шейхов. Обучаясь у них многие годы, он добился блестящих результатов и стал одним из исламских светил в фикхе (исламском праве), хадисах и филологии. Однако особенно больших успехов он достиг в исторической науке. Среди его учителей особенно можно выделить таких как: Джалал ад-дин аль-Иснави аш-Шафии (ум. 776/1374), Шамс ад-дин ибн Мухаммад ас-Саиг ан-Нахави (ум. 776/1374), Мухаммад ибн Абдуль-Барр Ас-Субки Аш-Шафии (ум. 777/1375), Абу Зейд Абд ар-Рахман Ибн Халдун (ум. 808/1406). После себя аль-Макризи оставил плеяду выдающихся учеников, таких как: Ибн Тагри-берди (ум. 874/1470), ас-Сахави (902/1497), Абу ал-Фида (879/1474) и др.

Кроме занятий наукой Такый ад-дин Ахмад ибн ‘Али занимал важные государственные посты в Каире и Дамаске. Например, он был секретарём султанской канцелярии (Диван ал-Инша), деятельность которой сравнимо с работой министерства иностранных дел сегодня; помощником главного судьи по шафиитскому мазхабу; главным имам-хатыбом Соборной мечети имени фатимитского султана ал-Хакима биамрилля; имам-хатыбом в Соборной мечети имени сподвижника Амра ибн ал-‘Аса; ответственным за вакуфное имущество в Дамаске. Большую роль для сбора материалов по экономической и социальной истории Египта для аль-Макризи сыграла должность контролера экономического состояния (мухтасиба) Каира, на которую его назначил султан Баркук.

После десятилетней государственной службы в Дамаске аль-Макризи вернулся в Каир, где он отдал предпочтение занятию наукой. В 834/1431 он отправился в паломничество в Мекку, где прожил около пяти лет, составляя свои труды. На закате жизни в 839/1435 аль-Макризи вернулся в родной квартал Каира – Бирджаван в котором родился и вырос. Он провел остаток жизни передавая накопленные знания в устной и письменной форме своим ученикам, вплоть до последнего вздоха. Аль-Макризи покинул бранный мир в четверг 16 Рамазана 845/27 Января 1442 года.

Аль-Макризи оставил глубокий след в науке заложив основы новой исторической школы. Его ученик ас-Сахави засвидетельствовал: «Я видел своими глазами более 200 томов толстых книг, написанных руками аль-Макризи». Среди дошедших до нас трудов аль-Макризи следует отметить следующие: Историко-географический обзор Египта *الأثار والخطط و الإعتبار بذكر الخطط و المواعظ* Китаб аль-маваиз ва-ль-итибар фи зикр аль-хитат ва-аль-асар («Книга поучений и назидания в рассказе о кварталах и памятниках»), издан в Каире в 3 томах в 1988 году. Этот труд включает в себя топографическое описание древнего Каира, его улиц, рынков, мечетей, дворцов, учебных заведений, садов и парков и пр. Так же он содержит биографии эмиров и других знаменитых людей, сведения по истории Фатимидов. Особенно ценна эта работа тем, что содержит отрывки из утраченных сочинений предшественников аль-Макризи. Наиболее крупный из опубликованных трудов Макризи, *كتاب السلوك لمعرفة الدول و الملوك* Китаб ассулук ли марифат дуваль аль-мулюк («Книга путей к познанию правящих династий»), по-

священ истории айюбидов и мамлюков; изложение в нем доведено до 1440 года. Фрагменты сочинения, касающиеся Золотой Орды, переведены на русский язык и опубликованы В.Г. Тизенгаузеном [19, с. 417].

Аль-Макризи уделял большое внимание составлению биографических словарей. В частности, *درر العقود الفريدة في تراجم الأعيان المفيدة* Дуарар ал-'укуд ал-фарида фи тараджум ал-'айан ал-муфида («Жемчужины неповторимого ожерелья в жизнеописании выдающихся личностей»), издан в Бейруте в 4 томах в 2002 году. Второму сборнику *كتاب المقفى الكبير في تراجم أهل مصر و الواردين إليها* Китаб ал-мукаффа ал-кабир фи тараджум ахли миср ва ал-варидина илайха («Большая рифмованная книга о биографии жителей Египта и тех, кто прибыл в него») мы уделили особое внимание, так как нашли в нем интересную информацию о сарайском ученом Мавляна Зада ас-Сараи [10].

Что касается семейного положения аль-Макризи, то нам известно, что в 16 лет (25 Шавала 782 / 21 Января 1381) он женился на Сафре дочери 'Умара ибн 'Абд ал-'Азиза ибн 'Абд ас-Самада, которая была младше его на четыре года. Она родила ему двух сыновей Абу ал-Мухасина Мухаммада (9 Раби' ал-'аввал 786 / 30 Апреля 1384) и Абу Хашима 'Али (24 Зу ал-хиджы 789 / 4 Января 1388). По воле судьбы ей не суждено было долго жить, после непродолжительной болезни она покинула бренный мир 26 Раби' ал-ахыр 790 / 3 Мая 1388 года. Аль-Макризи очень тепло отзывался о своей супруге [13, Т.2, № 488, с. 98].

Был ли женат Такой ад-дин повторно, нам не известно. Некоторые источники сообщают что аль-Макризи имел дочь, которая умерла во время чумы, постигшей Каир в 806/1403 году, что подвинуло его за очень короткий срок написать свой труд *إغاثة الأمة بكشف الغمة* Игасат ал-умма бикашфи ал-гумма (Спасение уммы избавлением от горя). В ней автор описывает плеяду экономических и социальных катастроф и историю голода постигших Египет. Аль-Макризи исследует их причины и следствия с древнейших времён вплоть до 808/1406 года.

Ниже мы приводим статью из книги аль-Макризи «Китаб аль-маваиз ва-ль-итибар фи зикр аль-хитат ва-аль-асар» *كتاب المواعظ و الإعتبار بذكر الخطط و الآثار* («Книга поучений и назидания в рассказе о кварталах и памятниках») посвященную описанию одной из структур образовательной системы в мамлюкском султанате. Перевод средневековых арабских текстов мамлюко-ордынского периода представляет для исследователей определенную трудность. Профессионализм переводчика подразумевает в нем, помимо владения иностранным языком, также и мультикультурность. То есть глубокое владение своим языком и культурой, а также культурой и языком/языками с которого он ведет перевод [7, с. 125]. Дело в том, что в этих текстах много вкраплений из тюркского и персидского языков. Это объясняется тем, что правящая элита и военная знать Мамлюкского султаната в подавляющем большинстве состояла из выходцев тюркских племен и народов. О причине же влияния персидского языка на арабский В.В. Бартольд делает любопытное замечание следующего характера. «В наиболее культурном из государств, на которые распалась монгольская империя, в Персии, делопроизводство монгольского периода считалось образцовым. В противоположность древности, когда мировые державы подвергались влиянию бюрократической организации и финансового делопроизводства Египта, теперь образцом для мусульманских стран служила Персия, в том числе и для Египта, где в этот период арабские названия должностей заменяются персидскими [3, с. 355]». В текстах имеются также едва заметные вкрапления монгольской лексики [5, с. 96].

В переводе мы следовали строгим рамкам, взятым на вооружение Владимиром Густавовичем. «Переводил я, на сколько возможно было, буквально, избегая лишь повторения союза “и”, который местами совсем пропущен, местами же заменен словами “затем”, “тогда”, “но” и т.п., смотря по течению речи. Слова, требовавшиеся как для округления некоторых фраз и выражений, так и для указания, кого или что я разумею в тех случаях, когда арабский автор довольствовался личным местоимением 3-го лица, везде помещены в скобках» [19, с. XIV]. В сравнении с вольным переводом, такой подход зачастую выглядит застывшим и режущим слух русскоязычного читателя. Но он помогает исследователям стать ближе к той мысли, которую хотел передать автор, прочувствовать веяния его эпохи.

В начале абзацев мы поставили буквы [B] и [C] для удобства сличения перевода с оригиналом. Внутри текста в квадратных скобках нами добавлены слова, которых нет в оригинальном тексте, однако они понимаются из контекста, либо взяты из других источников. В круглых скобках мы писали транскрипцию мамлюкских терминов на кириллице, либо давали альтернативный перевод.

[В] Адаптационные школы¹ на площади [Великого] Айвана² [в Каире]

[В.1] Эти [школы] освоил малик ан-Насыр Мухаммад ибн Калавун, заселив здесь султанских мамлюков и застроив для них специальный квартал. [Мамлюкские] правители очень сильно заботились о них. До такой степени, что малик аль-Мансур Калавун³ часто выделял из своего времени [промежутки], чтобы выходить на открытую площадь, когда наступало время приема пищи мамлюков и отдавал распоряжения о том, чтобы ему показали [еду]. Он удостоверялся в наличии мяса, проверял блюда на их качество. Находя недостатки, [Калавун] бросался на руководителя мамлюков (мушриф) и ответственного за султанскую кухню (устадар), кричал на них и им доставались от него какие-нибудь неприятности. Он часто говорил: «Каждый из царей оставил память о себе, олицетворенную в каком-либо материальном имуществе или недвижимости. Я же построил высокие стены и воздвигнул недоступные крепости для себя, своих детей и для мусульман – это мамлюки».

[В.2] Невольники-мамлюки постоянно жили в этих казармах и никуда не отлучались. Когда власть перешла в руки малика аль-Ашрафа Халила ибн Калавуна⁴, он разрешил мамлюкам спускаться из крепости в дневное время, но ночевать они должны были только в ней. Не один из них не осмеливался проводить ночь вне [установленного места]. Затем малик ан-Насыр Мухаммад ибн Калавун⁵ разрешил им один раз в неделю посещать бани, и они по очереди в сопровождении со слугами спускались [в честь банного дня из крепости], а вечером возвращались обратно. Так продолжалось на протяжении [правления] всей династии Бани Калавун.

[В.3] Мамлюки в этих адаптационных школах имели прекрасные обычаи. Во-первых, когда торговец привозил раба и представлял его султану, тот поселял последнего в группу его соплеменников, и вручал одному из тавашей⁶ под расписку. Первое с чего он начинал его образование – это обучение благословенному Корану в той мере, которая была необходима для него. Каждая (этническая) группа имела своего факиха⁷, который приходил к ним ежедневно и начинал преподавать им Книгу Всевышнего Аллаха, азы письма, занимался с ними вопросами шариатской этики, приучал к намазу и различным формам поминания Аллаха (азкар).

[В.4] Исходя из обычаев того времени, с торговцев требовалось привозить только малолетних рабов. Когда один из мамлюков подрастал, факих начинал обучать его основам веры и шариата, а

¹ Мамлюкский термин «Мадрасату ат-тыбак» (مدرسة الطباقي ar.) можно перевести как: 1) «адаптационная школа» с той позиции, что слово الطباقي является масдаром от глагола طَبَّقَ طَبْأً, что переводится по Баранову Х.К. как приспособливать, так как основная задача этой образовательной системы была приспособление или адаптация молодых невольников к местным обычаям и традициям. И подготовка кадров для службы в военном-чиновническом аппарате. Либо как: 2) «школа разрядов», рассмотрим слово الطباقي как ломанное множественное число от имени существительного طَبَقَةٌ, что переводится по Баранову Х.К. как а) разряд; б) класс; в) слой, ибо рабов распределяли в указанных казармах по этническому признаку и в соответствии с функциональными задачами, которые ставились перед ними.

Мы же больше склоняемся к первому варианту перевода, так как он более точно отражает цели и задачи, которые ставились перед этой образовательной системой.

² Великий Айван (الإيوان الكبير ar.) – это общественное и церемониальное пространство, расположенное в южной части цитадели Салах ад-дина в средневековом Каире (её строительство началось предположительно в 1176 году), на территории современной Каирской крепости имени Али паша. Айваны строили в виде квадрата одна сторона которого была открыта. Мамлюкские султаны восседали в айване на троне, чтобы чинить правосудие, принимать послов и выполнять другие государственные обязанности [4, с. 30]. Султан аль-Насир Мухаммад из династии бахритов дважды перестраивал айван в 1315 и 1334 годах. Великий Айван был снесен Мухаммадом Али-пашей в начале XIX века.

³ аль-Мансур Калавун (1222–1290) мамлюкский султан Египта из династии Бахритов, правивший в 1279–1290 годы. До настоящего дня в Каире на древней улице аль-Муизз сохранился архитектурный ансамбль, состоящий из мавзолея, медресе и больницы, построенный по распоряжению Калавуна в кратчайший срок в период 1284–1285 годов.

⁴ аль-Ашрафа Халила ибн Калавун (1262–1293) мамлюкский султан Египта с 1290 года из династии Бахритов. Сын султана Калауна, старший брат султана ан-Насира Мухаммада I.

⁵ ан-Насыр Мухаммад ибн Калавун (1285–1341) девятый мамлюкский султан Египта, который трижды восходил на престол: с декабря 1293 по декабрь 1294 года, с 1299 до 1309 и с 1309 до своей смерти в 1341 году.

⁶ Тавашия – (طواشية mn. طواشي pers., мамлюкский термин) евнух, находящийся на службе в домах султана или его гареме. Тавиши занимали высокое положение в обществе, их слова имели заметный вес. Во главе таваший стоял руководитель, имеющий должность Шейх тавашей (شيخ الطواشية), он считался одним из важных персон мамлюкского султаната [4, с. 147].

⁷ Факих– (فقيه ar.) ученый по вопросам шариатского права.

когда тот становился юношей, приступал обучать его различным военным искусствам. Таким как стрельба из лука, метание копья и тому подобное. Каждую группу [под свою опеку] принимал один наставник пока не доводил их до цели в обучении тому, в чем они нуждаются. Когда же они выезжали верхом [на учебный полигон] по метанию копий и стрельбе из лука, то ни один солдат или эмир не осмеливался говорить с ними или приближаться к ним.

[В.5] Затем [юноша] получает одобрение на службу и продвигается по её рангам этап за этапом, пока не становится одним из эмиров. По достижении этой степени, он непременно приобретает высокий нрав и прекрасное воспитание, сердце его переполняется почтением к исламу и мусульман. Крепнет его рука в стрельбе из лука, метании копья и он привыкает к кавалерийскому делу. Некоторые из них становились знающими факихами, литераторами и поэтами или умелыми финансистами.

[В.6] Так [обстояли дела касательно их образования, кроме того,] для них была [сформирована] целая команда прислуживающего персонала (худдам мн.; хадим ед.ч.) и величайших, высокопоставленных чиновников исполняющих волю султана в среде мамлюков (ру'ус ан-науба мн.; ра'ис ан-науба ед. ч.). Они заботливо курировали каждого из мамлюков, подвергали их серьезным взысканиям [за нарушение внутреннего устава] и проводили с ними воспитательные беседы по поводу их деятельности или бездействий.

Если один из наставников, обучающих Корану, таваши за которым прикреплен [мамлюк], или султанский чиновник-куратор улучал его в грехе, нарушении устава, пренебрежении религиозными или светскими нормами, то он [моментально] реагировал на это огорчающим, сильным наказанием, соответствующим степени его преступления.

[В.7] [Одним из примеров, ярко иллюстрирующих] высшую степень дисциплины мамлюков [служит следующий факт]. Если к предводителю мамлюков на рассвете приходил один из начальников адаптационных школ для обсуждения вопроса о том, что некий из мамлюков совершил полное омовение от большого осквернения, то первый посылал человека для выяснения обстоятельств, повлекших осквернение. Если это была поллюция, [все обошлось мирно]. Для этого [посыльный] исследовал шаровары мамлюка, есть ли на них следы семени или нет. Если последнее не находили, то «к нему приходила смерть со всех сторон»⁸.

[В.8] В связи с этим мамлюки были господами, управляющими странами, командирами, сражающимися на пути Аллаха, политиками, усердствующими для поддержки добра и удерживающими от насилия и бесчинств. Они получали щедрое содержание в виде: разных видов мяса, блюд, сладостей, фруктов, великолепной одежды, золотых и серебряных знаков отличия. Таким образом [социальное] положение юношей [служащих мамлюкским султанам и эмирам] было достаточно широким, и они [вельможи] щедро наделяли желающих присоединиться к ним [новых мамлюков].

[В.9] Затем, когда наступили дни [правления] аз-Захира Баркука⁹, он продолжал в некоторой степени соблюдать установленный порядок [воспитания юношей], до тех пор, пока его власть не прекратилась в 791/1389 году [как следствие мятежа сирийских мамлюков]. Вернувшись к власти [в 792/1390 году] он открыл мамлюкам доступ к заселению Каира и заключению браков. Соответственно, они спустились из адаптационных гарнизонов, расположенных в крепости в город и стали брать в жены его жительниц. Это привело к тому, что они склонились к праздной, [гражданской] жизни и стали забывать полезные, корпоративные традиции [мамлюков].

[В.10] Затем в дни правления ан-Насыра Фараджа ибн Баркука¹⁰ дела мамлюков стали сходиться на нет. Прекратилось финансирование на поставки мяса и других продуктов, даже для мамлюков [султанских] адаптационных гарнизонов, хотя их число [уже] было незначительным. Каждому мамлюку в день назначалась сумма денег [всего] в 10 дирхемов. Поэтому их рацион в основном стал состоять из вареных бобов, ибо [государство] не было в состоянии покупать мясо и другое продовольствие.

[В.11] Так [сложилась обстановка]. К тому же привлечение [новых] мамлюков из их стран ограничилось на мужчинах из числа матросов, работающих на кораблях, кочегаров, разжигающих

⁸ «К нему приходила смерть со всех сторон» – это коранический фразеологизм. «Он будет пить ее глотками, но едва ли сможет проглотить. Смерть будет подступать к нему со всех сторон, однако он не умрет, ибо перед ним будут тяжкие мучения». Коран (14:17).

⁹ аз-Захир Баркук (ок. 1339–1399) – мамлюкский султан Египта (1382–1389, 1390–1399), основатель династии Бурджитов.

¹⁰ ан-Насыр Фараджа ибн Баркука – мамлюкский султан Египта из династии Бурджитов в 1399–1405, 1405–1412 годах. Сын султана Баркука.

огонь тандыра для пекарей, распределителей воды на полях и угодьях и других [представителей низшего сословия]. Ан-Насыр [Фарадж ибн Баркук] пришел к такому умозаключению, что вручение мамлюков [для воспитания] в руки факихов портит их, лучше предоставить их самим себе [без лишнего внимания и заботы].

[В.12] В итоге, земля стала иной землей [нарушился привычный порядок]¹¹. Султанские мамлюки стали самыми ничтожными и подлейшими из людей, низменными и скупыми. Самыми неграмотными в светских делах и наиболее далекими в религиозных вопросах. Среди них ты обязательно найдешь тех, кто прелюбодействует чаще чем обезьяна, ворует больше, чем мышь, портит хуже, чем волк. Не удивительно, что земля Египта и Шама, от Нила до Ефрата, опустошалась из-за мерзкой заботы правителей, чрезмерного попираания [полномочиями] управляющих, злоупотребления положением обладателей власти. [Беспорядки] дошли до такой степени, что каждый месяц без исключения происходили общественные кризисы, крайние последствия которых невозможно было устранить.

[В.13] Количество султанских мамлюков в эпоху малика аль-Мансура Калавуна достигло 6 700 человек. Его сын аль-Ашраф Халил вознамерился довести их численность до 10 000. Он стал разделять их на категории. Армян и черкесов он выделил в отдельную группу, которую назвал бурджитами (башенными), так как он поселил их в башнях крепости. Их количество достигло до 3 700 человек. Выходцев из Хыта и Кыпчака он поселил в отдельной казарме. Она называлась золотая (Дахабия) или изумрудная (Зумурдия). Из них он формировал отряды начальников вещевой службы султана и его личной охраны (джамдар), начальников султанской кухни или кравчих (саки). Этот вид мамлюков он называл элитными войсками (хасакия). Бурджиты служили в следующих подразделениях мамлюкской армии: оружейное (силахдария), личная охрана султана или несущие булаву (джамакдария), отвечающие за пробу еды султана, дабы его не отравили (джашанкирия) и отвечающие за коней, использующихся для отдыха султана и спортивных состязаний (ушакия)».

[В.14] Затем малик ан-Насыр Мухаммад ибн Калавун загорелся желанием привлечь мамлюков из стран Узбека, Тавриза, Рума и Багдада. Он отправлял [посыльных] для нахождения таковых. Ан-Насыр заинтересовывал купцов щедрыми подарками для того, чтобы они привозили ему таких людей, он давал за них огромную цену. Закупив [желанных] мамлюков у купцов, Мухаммад бин Калавун щедро наделял их разными видами подарков [материальных и должностных] за раз и в один день. Он не соблюдал традиций своего отца и других султанов до него, в продвижении мамлюков по служебной лестнице, так чтобы они могли пройти обучение и набраться опыта, как [мы] сообщили об этом выше. Он не приучал их постепенному повышению жалования от трех динаров в месяц до десяти. И поэтапно переходу от ежемесячного жалования к одному из видов [военно-чиновничьей] службе. Малик ан-Насыр считал, что надо заполнить их глаза объемным подаянием за один раз.

[В.15] Вследствие [такой политики], мамлюки в огромном количестве стали прибывать к нему, желая воспользоваться тем, что у него есть. Доходило даже до того, что отец продавал своего сына купцам, отправляющим его в Египет. Цена за одного раба во времена [ан-Насыра] доходила до 100 000 дирхемов и ниже. Ежемесячное финансирование на содержание мамлюков доходило до 70 000 дирхемов в месяц. День за днем оно росло, пока не достигло в 748/1347 году 220 000 дирхемов.

[С] Оригинальный текст об Адаптационных школах на площади [Великого] Айвана [в Каире] в труде аль-Макризи Такый ад-дина (766 / 1365 – 845 / 1441) «Китаб аль-маваиз ва-ль-итибар фи зикр аль-хитат ва-аль-асар» (كتاب المواعظ و الإعتبار بذكر الخطط و الآثار «Книга поучений и назидания в рассказе о кварталах и памятниках») [15, Т. 3, с. 65–68].

[С] الطَّباق بساحة الإيوان

[С.1] عَمَّرَهَا الْمَلِكُ النَّاصِرُ مُحَمَّدُ بْنُ قَلَاوُونَ ، وَأَسْكَنَهَا الْمَمَالِيكَ السَّلْطَانِيَّةَ ، وَعَمَّرَ حَارَةً تَخْتَصُّ بِهِمْ . وَكَانَتْ الْمُلُوكُ تَعْنِي بِهَا أُنْتَمَ عَنَابِيَّةً ، حَتَّى إِنَّ الْمَلِكَ الْمَنْصُورَ قَلَاوُونَ كَانَ يَخْرُجُ فِي غَالِبِ أَوْقَاتِهِ إِلَى الرَّحْبَةِ عِنْدَ اسْتِحْقَاقِ حَضُورِ الطَّعَامِ لِلْمَمَالِيكَ ، وَيَأْمُرُ بِعَرْضِهِ عَلَيْهِ ، وَيَتَقَدَّدُ لِحَمِيمِهِمْ ، وَيَخْتَبِرُ طَعَامَهُمْ فِي جُودَتِهِ وَرِدَائِعَتِهِ . فَمَتَى رَأَى فِيهِ عَيْبًا اشْتَدَّ عَلَى الْمَشْرِفِ وَالْأَسْتَاذَارِ ، وَنَهَرَهُمَا ، وَحَلَّ بِهِمَا مِنْهُ أَمْرٌ مَكْرُوهٌ . وَكَانَ يَقُولُ : كُلُّ الْمُلُوكِ عَمَلُوا شَيْئًا يَذْكُرُونَ بِهِ مَا بَيْنَ مَالٍ وَعَقَارٍ ، وَأَنَا عَمَّرْتُ أَسْوَارًا ، وَعَمَلْتُ حِصُونًا مَانِعَةً لِي وَلِأَوْلَادِي وَلِلْمُسْلِمِينَ وَهُمْ الْمَمَالِيكَ .

¹¹ «Земля стала иной землей». Это коранический фразеологизм, в котором идет речь о апокалипсисе и нарушении привычных законов физики. «В тот день земля будет заменена другой, равно как и небеса, и они предстанут перед Аллахом, Единственным, Могушественным» Коран (14:48).

- [C.2] وكانت المماليك أبدا تقيم بهذه الطبايق لا تبرح فيها ، فلما تسلطن الملك الأشرف خليل بن قلاوون ، سمح للمماليك أن ينزلوا من القلعة في النهار ولا يبيتوا إلا بها ، فكان لا يقدر أحد منهم أن يبيت بغيرها . ثم إن الملك الناصر محمد بن قلاوون سمح لهم بالنزول إلى الحمام يوما في الأسبوع ، فكانوا ينزلون بالنوبة مع الخدام ، ثم يعودون آخر نهارهم . ولم يزل هذا حالهم إلى أن انقضت أيام بني قلاوون .
- [C.3] وكانت للمماليك بهذه الطبايق عادات جميلة: أولها أنه إذا قدم بالملوك تاجر عرضة على السلطان ، ونزله في طبقة جنسه ، وسلّمه لطواشي برسم الكتابة . فأول ما يبدأ به تعليمه ما يحتاج إليه من القرآن الكريم . وكانت كل طائفة لها فقيه يحضر إليها كل يوم ، ويأخذ في تعليمها كتاب الله تعالى ومعرفة الخط ، والتمرّن بأداب الشريعة ، وملازمة الصلوات والأذكار .
- [C.4] وكان الرسم ألا تجلب التجار إلا المماليك الصغار . فإذا شب الواحد من المماليك علمه الفقيه شيئا من الفقه ، وأقرأه فيه مقدّمة . فإذا صار إلى سنّ البلوغ أخذ في تعليمه أنواع الحرب من رمي السهام ، ولعب الرمح ، ونحو ذلك . فبيتسّم كل طائفة معلّم حتى يبلغ الغاية في معرفة ما يحتاج إليه . وإذا ركبوا إلى لعب الرمح ، أو رمي النشاب ، لا يجسر جندي ولا أمير أن يحدثهم أو يدنو منهم .
- [C.5] فينقل إذن إلى الخدمة ، ويتنقل في أطوارها رتبة بعد رتبة إلى أن يصير من الأمراء ، فلا يبلغ هذه الرتبة إلا وقد تهذبت أخلاقه ، وكثرت آدابه ، وامتزج تعظيم الإسلام وأهله بقلبه ، واشتدّ ساعده في رماية النشاب وحسن لعبه بالرمح ، ومرن على ركوب الخيل . ومنهم من يصير في رتبة فقيه عارف ، وأديب شاعر ، وحاسب ماهر .
- [C.6] هذا ، ولهم أزمنة من الخدام ، وأكابر من رؤوس النوب: يفحصون عن حال الواحد منهم الفحص الشافي ، ويؤاخذونه أشدّ المؤاخذة ، ويناقشونه على حركاته وسكناته . فإن عثر أحد من مؤدّبيه الذي يعلمه القرآن ، أو الطواشي الذي هو مسلم إليه ، أو رأس النوبة الذي هو حاكم عليه ، على أنه اقترف ذنبا أو أخلّ برسم ، أو ترك أدبا من آداب الدين أو الدنيا ، قابله على ذلك بعقوبة مؤلمة شديدة بقدر جرمه .
- [C.7] وبلغ من تأديبهم أنّ مقدّم المماليك كان إذا أتاه بعض مقدّم الطبايق في السحر يشاور على مملوك أنه يغتسل من جنابة ، فيبعث من يكشف عن سبب جنابته: إن كان من احتلام ، فينظر في سراويله هل فيه جنابة أم لا ، فإن لم يجد به جنابة جاءه الموت من كلّ مكان .
- [C.8] فلذلك كانوا سادة يدبّرون الممالك ، وقادة يجاهدون في سبيل الله ، وأهل سياسة يبالغون في إظهار الجميل ، ويردعون من جار أو تعدّى . وكانت لهم الإدرات الكثيرة من اللحوم والأطعمة والحلاوات والفواكه والكسوات الفاخرة ، والمعالي من الذهب والفضة بحيث تتسع أحوال غلمانهم ، ويفيض عطاؤهم على من قصدهم .
- [C.9] ثم لما كانت الأيام الظاهرية برقوق ، راعى الحال في ذلك بعض الشئ إلى أن زالت دولته في سنة إحدى وتسعين وسبع مائة . فلما عاد إلى المملكة ، رخص للمماليك في سكنى القاهرة وفي الترويج . فنزلوا من الطبايق من القلعة ، ونكحوا نساء أهل المدينة ، وأخلدوا إلى البطالة ، ونسوا تلك العوائد .
- [C.10] ثم تلاشت الأحوال في الأيام الناصرية فرج بن برقوق ، وانقطعت الرواتب من اللحوم وغيرها ، حتى عن مماليك الطبايق مع قلة عددهم ، ورتب لكل واحد منهم في اليوم مبلغ عشرة دراهم من الفلوس . فصار غذاؤهم في الغالب الفول المصلوق عجزا عن شراء اللحم وغيره .
- [C.11] هذا ، وبقي الجلب من المماليك إنما هم الرجال الذين كانوا في بلادهم ما بين ملاح سفينة ، ووقاد في تنور خباز ، ومحول ماء في غيط أشجار ونحو ذلك . واستقر رأي الناصر على أنّ تسليم المماليك للفقيه يتلفهم ، بل يتركون وشؤونهم .
- [C.12] فبدلت الأرض غير الأرض ، وصارت المماليك السلطانية أرذل الناس وأدناهم ، وأخسهم قدرا وأشحهم نفسا ، وأجهلهم بأمر الدنيا وأكثرهم إعراسا عن الدين . ما فيهم إلا من هو أرنى من قرد ، وألص من فأرة ، وأفسد من ذئب ، لا جرم أن خربت أرض مصر والشام – من حيث يصب النيل إلى مجرى الفرات – بسوء إيالة الحكّام ، وشدة عبث الولاة ، وسوء تصرف أولي الأمر ، حتى إنّه ما من شهر إلا ويظهر من الخلل العام ما لا يتدارك فرطه .
- [C.13] وبلغت عدّة المماليك السلطانية في أيام الملك المنصور قلاوون ستّة آلاف وتسع مائة ، فأراد ابنه الأشرف خليل تكميل عدتها عشرة آلاف مملوك ، وجعلهم طوائف: فأفرد طائفتي الأرمن والجرس وسماها البرجيّة ، لأنّه أسكنها في أبراج بالقلعة ، فبلغت عدتهم ثلاثة آلاف وسبع مائة . وأفرد جنس الخطا والقبجاق ، وأنزلهم بقاعة عرفت بالذهبيّة والرّمدية ، وجعل منهم جمدارية وسفاعة وسماهم خاصكيّة ، وعمل البرجيّة سلاحدارية وجمقدارية وجاشنكيرية وأوشاقيّة .
- [C.14] ثم شغف الملك الناصر محمد بن قلاوون بجلب المماليك من بلاد أربك وبلاد توريث وبلاد الروم وبغداد ، وبعث في طلبهم ، وبذل الرغائب للتجار في حملهم إليه ، ودفع فيهم الأموال العظيمة ، ثم أفاض على من يشتريه منهم أنواع العطاء من عامّة

الأصناف دفعة واحدة في يوم واحد ، ولم يراع عادة أبيه ومن كان قبله من الملوك في تنقل المماليك في أطوار الخدم حتى يتأدّب ويتمرّن كما تقدّم ، وفي تدريجه من ثلاثة دنانير في الشهر إلى عشرة دنانير ، ثم نقله من الجامكيّة إلى وظيفة من وظائف الخدمة ، بل اقتضى رأيه أن يملأ أعينهم بالعطاء الكثير دفعة واحدة .

[C.15] فأتاه من المماليك شيء كثير رغبة فيما لديه ، حتى كان الأب يبيع ابنه للتاجر الذي يجلبه إلى مصر . وبلغ ثمن المملوك في أيامه إلى مائة ألف درهم فما دونها ، وبلغت نفقات المماليك في كلّ شهر إلى سبعين ألف درهم ، ثم تزايدت حتى صارت في سنة ثمان وأربعين وسبع مائة مائتين وعشرين ألف درهم.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асадуллин Ф.А. Мир ислама в общественно-культурном пространстве Москвы: опыт прошлого и современность / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015. 228 с.
2. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. Около 42 000 слов. Издание седьмое, стереотипное. М.: «Русский язык», 1989. 928 с.
3. Бартольд В.В. Сочинения. Том VIII. Работы по источниковедению. М.: Издательство «Наука» главная редакция восточной литературы, 1973. 723 с.
4. Большая энциклопедия терминов аюбитского, мамалюкского и османского государств, имеющих арабские, тюркские и персидские корни. Авторы составители: Хассан Халлак и Аббас Саббаг. Бейрут: Дар аль-Ильм ллималайин, 1999.
5. Зайнуddинов Д.Р. Альянс между Менгу Тимуром и Абагой: проблема интерпретации источника и перевода персидских и тюркских терминов в арабских текстах (на примере «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских». Том I.» составленного В.Г. Тизенгаузеном) // Золотоордынское обозрение. 2015. №1 (7). С. 95–105.
6. Зайнуddинов Д.Р. Арабские источники по истории Золотой Орды: перспективы изучения // Материалы международной научной конференции «История Волго-Уральского региона» (Анкара, 10–12 октября 2011). Том 2. Анкара, 2015. 360 с. См. стр. 121–133. на русском языке
7. Зайнуddинов Д.Р. Проблемы перевода заимствований в арабской историко-географической литературе на рубеже XIII–XVI веков. // Minbar. Islamic Studies. 2012. 5(2): 123–126.
8. Зайнуddинов Д.Р. Сведения Изз ад-дина Ибн Шаддада (613 г.х./ 1217 – 684 г.х./1285) о Золотой Орде. // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 13–20.
9. Зайнуddинов Д.Р. Сведения о Чингиз-хане и некоторых золотоордынских ханах в биографическом словаре ас-Сафади Салах ад-дина Халила (ум. 764 г.х.) // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения. (К 80-летию профессора М.А. Усманова): сб. статей / сост. и научн. Редакторы: Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, М. Кемпер. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2015. 428 с. См. стр. 198–213.
10. Зайнуddинов Д.Р. Ученый из Сарая – Мавляна Зада ас-Сараи (754/1353–791/1389) – в биографическом словаре ал-Макризи Таки ад-дина (766/1365–845/1441) «Китаб ал-мукаффа ал-кабир» (Большая рифмованная книга) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 126–137. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.126-137
11. Карамзин Н.М. Предания веков. Сказания из «Истории государства Российского». М., 1988.
12. Карлсон Ч. Записки ранних западных путешественников о Волжской Булгарии // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения (К 80-летию профессора М.А. Усманова). Составители и научные редакторы: Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, М. Кемпер. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 428 с.
13. Макризи. Дура ал-‘укуд ал-фарида фи тараджум ал-‘айан ал-муфида (درر العقود الفريدة في تراجم الأعيان) /Жемчужины неповторимого ожерелья в жизнеописании выдающихся личностей/. В 4 томах. Критическое издание: Мухмуд ал-Джалили. Бейрут: ал-Гарб ал-ислами, 2002.
14. Макризи Такый ад-дин Китаб ал-мукаффа ал-кабир (كتاب المقفّى الكبير) /Большая рифмованная книга/. В 8 томах. Критическое издание: Мухаммад ал-Йа’алави. Бейрут: ал-Гарб ал-ислами, 1991.
15. Макризи Такый ад-дин. Китаб аль-маваиз ва-ль-итибар фи зикр аль-хитат ва-аль-асар (كتاب المواعظ و) /Книга поучений и назидания в рассказе о кварталах и памятниках/. В 3 томах. Критическое издание: Мухаммад Зейнхум. Мадиха аш-Шаркави. Каир: Мактаба Мадбули, 1998.
16. Миргалеев И.И. «Джами ад-Дуваль» Мунеджимбаши Ахмеда Деде: к вопросу об изучении турецких источников по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: Изд. «Фэн» АН РТ, 2010. С. 31–35.
17. Муртазина Л.Р. История Золотой Орды в публикациях татарских интеллектуалов начала XX века (по материалам журнала «Шура») // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 102–117. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.102-117

18. Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь. В двух томах. Т. 1. М.: Рус. яз., 1985. 800 с.
19. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабскихъ. Том I. Спб.: тип-я Императорской Академии наук, 1884. 564 с.
20. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: извлечения из персидских сочинений собранные В. Тизенгаузеном и обраб. А.А. Ромаскевичем, С.Л. Волиным. Т. 2 / [отв. ред. П.П. Иванов]. М.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 305 с.
21. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
22. Фахретдин Риза Бату хан (Саин) // Шура [журнал на старо-татарском языке]. 1909. № 7. Б. 193–196; № 8. Б. 225–228.

Сведения об авторе: Дамирджан Рустамджонович Зайнуddинов – преподаватель Московского исламского колледжа, имам-хатыб Московской Соборной мечети, член Совета улемов ДУМ РФ (Москва, Российская Федерация). E-mail: abu-hanifanur@yandex.ru

AL-MAQRIZI ON MAMLUK ADAPTATION SCHOOLS

D.R. Zainuddinov
Moscow Islamic College

The article presents a brief biography of the eminent Egyptian historian of the Mamluk period al-Maqrizi (1364–1442). Its historical, social and geographical content is of great value to researchers. The author focuses on his historical-geographical review of Egypt, *Al-Mawā'iz wa-al-I'tibār bi-Dhikr al-Khiṭaṭ wa-al-āthār*. This work includes a topographical description of ancient Cairo, its streets, markets, mosques, palaces, educational institutions, gardens, etc. The author's attention was drawn to the material on the adaptation schools, which prepared the top military and official cadres for the sultanate from among the slaves purchased in the territory of the Golden Horde. For the first time, a complete translation of this material into Russian is introduced into the scientific circulation.

Keywords: al-Maqrizi's life description, Book of Teachings and Edification in the Story of Neighbourhoods and Monuments, Al-Nasir Muhammad ibn Qalawun, al-Mansur Qalawun, Az-Zahir Barquq, adaptation schools, Mamluks

About the author: Damirdzhan R. Zainuddinov – Teacher at the Moscow Islamic College, imam-khatib of the Moscow Cathedral Mosque, member of the Ulema Council of the Spiritual Muslim Board of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: abu-hanifanur@yandex.ru

ОСМАНСКИЕ ХРОНИКИ ОБ ОТНОШЕНИИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ХАНОВ К ИСЛАМУ

Осман Юрдакал

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Цель исследования: Изучить отношение ханов Золотой Орды к исламу в представлениях авторов османских хроник.

Материалами для исследования были использованы труды османских хронистов, таких как Ахмеди (1334–1413), Нешри (1450–1520), Идрис Бидлиси (1452 или 1457–1520), Кемаль паша-заде (1468? – 1534), Рустем-паша (1500–1561) и Лютфи-паша (1488–1564).

Результаты и научная новизна: Было проведено и написано много исследований на тему отношений между Османской империей и Золотой Ордой. Однако эти труды в основном затрагивают политические и экономические темы. В данной статье впервые в качестве научной новации будет оценено отражение подходов Золотоордынского государства и его ханов к религии ислам на основе работ османских хроник.

Османские хроники представляют много сведений о государстве Золотой Орды. Среди приведенной информации наиболее малоизвестной является тема о религии ислам. Хроники Османской империи XV и XVI веков дали краткие сведения об отношении государства Золотой орды и его ханов к религии ислам. Среди этой информации есть такие темы, как походы Джанибек-хана в Тебриз, Берке-хан и его воинов на севере Черного моря. Авторы османских хроник XVI века дали наиболее развернутую информацию о государстве Золотой Орды, нежели авторы османских хроник XV века.

Ключевые слова: Османские хронисты, ислам, Джанибек-хан, Берке-хан, Малик Ашраф, Газават и Джихад

Золотая Орда имеет важное значение для мировой истории. Оно оказало влияние на многие государства как в свой период, так впоследствии утраты своего существования. Это влияние не имело границ в таких сферах как политика и торговля, также оно затрагивало сферу культуры. Золотая Орда оказало влияние и вызывало интерес у многих хронистов, в том числе и у османских авторов. Хроники Османской империи рассказывали о Монгольской империи и ее продолжении в виде такого государства как Золотая Орда, затрагивая в основном экономическую, религиозную, политическую области. Кроме того, когда османские хронисты писали об отношениях между Османской империей и Золотой Ордой, они в первую очередь ссылались на отношения государства Золотой Орды и Конийского султаната. Они также собрали сведения о татарских ханствах, возникших после государства Золотой Орды, более подробные сведения хронисты предоставили о Крымском ханстве.

Османские хронисты XV и XVI веков делали упор на информацию о государстве Золотая Орда, но они также давали краткие сведения о религиозных вопросах золотоордынских ханов. Первый, на кого хочется обратить внимание – это османский хронист Ахмеди. Ахмеди родился в 1334–1335 гг. Сведений о его жизни очень мало, известно, что он родился в Сивасе¹ и поехал учиться в Египет. Когда он вернулся из Египта, в Анатолии наступил период княжеств (бейлик). По этой причине он заступил на службу таким княжествам как Айдыногуллары и Гермияногуллары. Позже он находился на различных службах в Османском бейлике. Некоторое время он служил Сулейману Челеби, сыну Баязида I Молниеносный (Yıldırım Bayezid) (1354–1403), а позже, когда Сулейман Челеби скончался, Ахмеди поступил на службу к Мехмеду I Челеби (1387–1421), другому сыну Баязида. Спустя короткое служебное время Ахмеди скончался в 1412 году [10, с. 165].

В свое время, вдохновленный Александром Македонским, он написал произведение под названием «Искендер-наме». Он закончил эту работу в 1390 году, а после сделал дополнения, рассказав о событиях, происходивших до 1407 года [5, с. 12–14]. Османский хронист передал в своем труде сведения о монголах, о значении ислама для ханов Золотой Орды, которое послужило основанием для конфликта между ханом Золотой Орды Джанибеком (1342–1357) и Маликом Ашрафом.

¹ Город находится в Турции.

Османский хронист сначала дал краткие сведения о Чингиз-хане и его сыновьях, а затем упомянул регионы, захваченные монголами. Потом Ахмеди повествовал о Тебризском походе в 1356 году, лидером которого был Джанибек хан Золотой Орды. Малик Ашраф, пытавшийся господствовать в Азербайджане после падения господства Ильханидов, столкнулся с Джанибек-ханом [2, с. 258–259]. Ашраф плохо обращался со своим народом и причинил ему много мучений и люди, пострадавшие от рук Малика Ашрафа бежали. Джанибек, находившейся в провинции Дешт-и-Кипчака, имел образ справедливого и честного правителя. Люди, бежавшие от Малика Ашрафа, пришли к Джанибек-хану за помощью, и он дал им укрытие. Они плакали и умоляли: «Спасите нас, пусть мы будем вашими рабами. Если вы спасете всех этих людей, у вас будет место рядом с Богом». Джанибек-хан просто не мог пройти мимо и оставить мусульман в беде, это побудило его спасти своих соратников. Джанибек-хан собрал 600-тысячную армию и двинулся на Тебриз. Армия Малика Ашрафа насчитывала 90 000 человек. Малик Ашраф остановился в одном месте и увидел многотысячную армию, идущую издалека. В этой борьбе Малик Ашраф был взят в плен, а Джанибек-хан пришел в Тебриз и некоторое время правил здесь [6, с. 840–842; 5, 64а строки 15–31].

У Малика Ашрафа была дочь с очень красивыми чертами лица, которая была всеми любимой. Джанибек-хан возжелал эту девушку и женился на ней. Но когда Джанибек-хан понял, что случилось с молодой девушкой ранее, его сердце похолодело от этого брака. Собственный отец девушки, Малик Ашраф, осквернил ее честь. Узнав об этом, Джанибек-хан немедленно убил Малика Ашрафа. После смерти Малика Ашрафа народ стал молиться Джанибек-хану. Берди-хан (Бердибек) стал султаном в Тебризе [6, с. 842–844; 5, 64b строки 1–8].

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что Джанибек-хан вызывал образ справедливого и милосердного хана в глазах османского хрониста Ахмеди. Он подчеркнул, что хан Золотой Орды является правителем, к которому мусульманский народ может обратиться за помощью в трудной ситуации. То, что это событие, относящееся к периоду Джанибек-хана, вызвало восторг Ахмеди, сделало книгу Искендер-наме ценной с точки зрения исторических источников Золотой Орды. Кроме того, имеет важное значение то, что это событие имеет сходство с источниками крымских хронистов.

Вышеупомянутый случай, связанный с Маликом Ашрафом, также отражен в Утемиш-хаджи Чингиз-наме и Абдулгаффар Кырыми Умдет ал-ахбар, которые входят в число местных источников, касающихся истории Золотой Орды. В этих источниках нет сведений о том, что Джанибек-хан женился на дочери Малика Ашрафа. По их мнению, Малик Ашраф, правитель Тебриза, который сбился с пути, последовав за шайтаном², и женился на собственной дочери. Она была красивой девушкой, и отец влюбился в нее. Не было ни покоя, ни утешения и тогда Малик Ашраф спросил улемов³ Тебриза: «Если кто-нибудь посадит дерево и если созреют плоды его, то вкушать ли (их) ему самому или он должен отдать (их) другому?». Улемы ответили: «И сам он может вкушать, может отдать и другому». Таким образом, они ответили на вопрос. Малик Ашраф, главной целью которого было жениться на собственной дочери, взял свою дочь в жены на основании этого обещания. На это происшествие в Тебриз Улемы пожаловались Джанибек-хану: «Прибегнув к каверзному вопросу, добился от нас этот человек решения одного случая. Приговорили мы по внешней сути, не зная дела его. Целью же его, оказывается, была дочь его собственная. Вот и взял он сейчас в жены дочь свою. Ведь стал он теперь кафиром⁴, мы же – рабы у кафира. Вы падишах ислама сегодня. Теперь ваш долг избавить от него мусульман». По слухам, Джанибек-хан совершил предвечерний намаз, сел в мечети и выслушал жалобу. После этого он собрал улемов и спросил: «Что вы скажете на эти слова? Ответ улемов: «Да, это ваш долг избавить мусульман от этого кафира». Услышав это слово, Джанибек-хан три дня не возвращался домой, остался в мечети, сделал приготовления и отправился в поход на Тебриз. Джанибек-хан, убивший Малика Ашрафа, захватил провинции Тебриз и Ирак и правил там 30 лет [3, с. 107–108].

Такое же событие описано и в другом источнике Умдет ал-ахбар. Во время правления Джанибек-хана правителем Тебриза, родным городом которого был Ширван, был Малик Ашраф. Ашраф был человеком нерелигиозным. У него была очень красивая дочь, и Малик Ашраф влюбился в нее. По этой причине Малик Ашраф взял свою дочь в жены, сказав, что «Если человек сначала сам не попробует плоды возвращенного им дерева, в чем тогда суть?». Но улемы не дали ему разрешения жениться на дочери. Затем шариатские ученые, преувеличив, изложили ситуацию, написали письмо.

² Шайтан – дьявол.

³ Улемы (علماء) – собирательное название признанных и авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама.

⁴ Кафир (كافر) – неверующий.

Вручили одному из ученых и отправили в город Сарай на Волге к Джанибеку Султану. Джанибек-хан был в мечети, когда получил это известие. Он сказал, что наш долг подумать и решить эту проблему, не уходя с места, где он находится, и в течение трех дней подготовил армию и пошел в поход. Джанибек-хан двинулся в Тебриз против Малика Ашрафа. Малик Ашраф был убит, а Джанибек-хан вернулся в свою столицу. Татарское войско не причинило вреда никому из народа, и Джанибек-хан правил ещё 30 лет [1, с. 55–56].

Другой османский хронист, который дал краткую информацию о хане Золотой Орды, – это Нешри. Информация о жизни Нешри очень ограничена. Вероятно, он жил между 1450 и 1520 годами. Он получил образование в городе Бурса⁵ и некоторое время оставался здесь [4, с. 20]. Он написал всемирную историю под названием Джиханнума (Зеркало мира). В последней части своей работы он дал информацию об истории Османской империи. Нешри писал о событиях, которые происходили до правления османского султана Баязид II (1447–1512). Хотя его работа была написана в 1512 году, в ней он описал события, происходивших до 1485 года.

Нешри сообщил о том, что конийский султан⁶ Изз ад-Дин Кей-Кавус II (1234–1280) был захвачен Византией. После пленения Изз ад-Дина Кей-Кавуса II Византией Берке-хан, сын Туши (Джучи), внук Чингиз-хана, владелец Кипчака и Дешта, пришел со своим войском и спас конийского султана от рук Византии. А затем отдал ему Берке Крымскую территорию [17, 14 строки 10–14].

Другой османский хронист – Идрис Бидлиси. Идрис Бидлиси жил между 1452/1457–1520 гг. Он, получивший в детстве хорошее образование, с юности служил дворцу государства Ак-Коюнлу. Идрис, переселившийся на османские земли в 1501 году, занимал различные должности при османском дворце. Вместе с ним он участвовал в экспедициях со времен правления Селима I (1465–1520). Он умер в 1521 году, в том же году, что и Селим I. [8, с. 51–54]. Идрис Бидлиси написал книгу по истории Османской империи по приказу османского султана Баязид II. Османский хронист, назвавший свой труд Хашт бехишт (Восемь парадизов), написал жизнеописания первых восьми османских султанов и таким образом завершил свой труд в 1506 году.

Идрис Бидлиси в своем труде сообщил о походе Джанибек-хана в Тебриз. Во время правления Джанибека, хана Золотой Орды, Ашраф, сын Тимурташа, внук Эмира Чобана, захватил Азербайджан и землю Ирака-и Асем. Ашраф не угождал своему народу, преследовался, вызывал вражду и накапливал сокровища из запрещенных товаров, противореча исламу. Когда распри и нечестие в стране стали неудержимы, духовенство, улемы, шейхи бежали в другие страны. Храбрый человек по имени Мевлана Кудбеддин Рази пришел к Джанибек-хану в Дешт-и Хаджи Турхане из Азербайджана. Он рассказал Джанибек-хану о том, что произошло в Тебризе. Джанибек-хан, приняв во внимание жалобы на Малика Ашрафа и устроив своих воинов, прошел через Ширван и прибыл в Тебриз. Татарский хан победил Малика Ашрафа в их собственных землях и убил его, затем он вернулся в Дешт-и Хаджи Турхан, который был их султанскими землями [11, с. 293–294].

Идрис Бидлиси, который предоставил информацию, подобную инциденту, упомянутому выше у Ахмеди, описал Джанибек-хана как правителя, который помог мусульманам в беде и взял на себя защиту мусульман.

Другой османский хронист – Кемальпашазаде. Кемальпашазаде, также известный как Ибн Кемаль, родился в Эдирне⁷ в 1469 году в семье знатного рода [18, с. 238]. Ибн Кемаль, получивший хорошее образование, дослужился до положения Шейх-уль-ислама⁸ со времен Сулеймана Великолепного (1494–1566). Он продолжил свой османский исторический труд, который начал писать во время правления Баязида II, вплоть до правления Сулеймана Великолепного. Произведение Ибн Кемалья, повествующее о событиях, происходивших до 1527 года, состоит из 10 томов [18, с. 239]. Кемальпашазаде умер в Стамбуле в 1534 году.

В своей работе Ибн Кемаль назвал Берке хан Берекет⁹ и подчеркнул, что татары жили на Балканах, описывая период Берке хана. Дешт-и Кипчак находится в руках Берекет (Берке) хана,

⁵ Город находится в Турции.

⁶ Тюрко-мусульманское государство, основанное в Анатолии до Османской империи.

⁷ Город находится в Турции.

⁸ Шейх-уль-ислам (الإسلام شيخ) – титул высшего должностного лица по вопросам ислама в османской империи.

⁹ Берекет (برکت) – благословение Всевышнего.

одного из внуков Чингиз-хана, и был освящен исламом. Берке-хан напал на провинцию Кара-Богдан¹⁰ и одержал победу над кафирами. Берега Дуная, окрестности Аккирмана¹¹ и Кили¹² стали местом проживания татарских воинов. По одну сторону Дуная живут огузы, по другую – татары. Кафиры днем и ночью были подвергнуты набегам татар и огузов. Отряд воинов Берекет (Берке) хана пересек реку, пересек Балканы через Эфлак¹³ и совершал набег в Унгюрюс¹⁴. Численность татар, совершающих набег была меньше численности кафиров. [13, 70b строки 14–15].

Кемальпашазаде также рассказал о Тебризском походе Джанибек-хана и еще раз подчеркнул величие ханов Золотой Орды. Малик Ашраф, правивший землями Азербайджана и Ирака, был жестоким и вредным султаном. Джанибек-хан, великий, славный и почетный султан в Даште, напал на него и победил его [14, 48a строки 3–11]. Говоря о борьбе Джанибек-хана и Малика Ашрафа, Кемальпашазаде использует прилагательное азим-уш шан¹⁵ для Джанибек-хана, которое указывает на величие хана Золотой Орды.

Возможно, что имя Берекет, которое Ибн Кемаль использовал для хана Золотой Орды, Берке, произошло от того, что он был новым мусульманином. Он также подчеркнул, что хан Золотой Орды занимался газаватом и джихадом как исламский лидер на севере Черного моря. Он видел государство Золотой Орды как государство, газават и джихад в пользу распространения и развития ислама. В итоге Кемальпашазаде использовал прилагательное азим-уш шан для хана государства Золотой Орды, отмечая поход хана в Тебризе, тем самым османский хронист выразил, что в государстве Золотой Орды хан принял на себя статус величия и защитника ислама.

Следующим османским хронистом является Рустем-паша. Рустем-паша родился в деревне недалеко от Сарая в начале 1500-х годов. Настоящее имя Рустема-паши – Опукович. Рустем-паша, которого в детские годы увезли в Османский дворец, получил здесь хорошее образование [7, с. 288]. Он, исполнявший различные обязанности в Османской империи, в 1544 году был назначен великим визирем, являющейся высшей государственной должностью. Его женой стала Михримах Султан, дочь Сулеймана Великолепного [8, с. 91]. Он умер в Стамбуле в 1561 году. Вопрос о том, кто является автором «Истории Рустема-паши», приписываемой Рустем-паше, до сих пор не решен. Датой написания произведения, описывающего события, происходившие в Османской империи до 1561 года, вероятно, является 1561 год.

В «Истории Рустем-паши» отмечается, что Дешт-и Кипчак находился в руках Берекет (Берке) хана, потомка Чингиз-хана. Золотоордынское государство с помощью ислама одержало победу над Кара-Богданской войной. Туна, Аккирман и Кили стали местами решения татар. Огузы по одну сторону Дуная, по другую татарские воины днем и ночью совершали набег на врагов. В то время многие воины Берекет-хана прошли через Эфлак, пересекли Балканы и совершили набег на Венгрию [9, с. 176–177].

Учитывая информацию, предоставленную Рустемом-пашой и Кемальпашазаде, становится понятно, что в середине 16 века взгляды османских хронистов на ханов Золотой Орды изменились. Понятно, что ханы Золотой Орды считались великими исламскими лидерами и что эти ханы (Берке) занимались газаватом и джихадом на севере Черного моря. Именно в этот период возник интерес к государству Золотой Орды.

Последний османский хронист – Лютфи-паша, дата рождения которого доподлинно неизвестна. Он, будучи албанцем по происхождению, в детские годы был увезен в османский дворец, где получил хорошее образование [16, с. 234]. Он занимал различные должности в Османской империи. Лютфи-паша, сосланный в Диметоку в 1541 году, во время своего пребывания здесь написал книгу по истории Османской империи, в которой рассказал о событиях, происходивших до 1553 года. Лютфи-паша умер в Диметок¹⁶ в 1563 году.

В отличие от других османских хронистов, Лютфи-паша дал информацию о религиозных сооружениях в монгольском государстве и государстве Золотой Орды. Он упомянул о существовании

¹⁰ Кара-Богдан – Два берега молдавской реки какое-то время упоминались в османских документах как Кара Богдан (Черная Молдавия), но долгое время они назывались только Богдан (Молдавией).

¹¹ Аккирмана – город на берегу Днестровского лимана в Одесской области на юге Украины.

¹² Килия – город в Измаильском районе Одесской области Украины.

¹³ Эфлак – Валахия.

¹⁴ Унгюрюс (انگروس) – название, данное Венгрии и ее окрестностям османами.

¹⁵ Азим-уш шан (الشان العظيم) – великий человек. Славный. Репутация великая.

¹⁶ Диметока – Дидимотихон.

пут-хане¹⁷ в монгольских государствах. Он упомянул, что монголы строили дома идолов в деревнях, городах и местечках, а в найденных впадинах делали идолов и поклонялись им [12, с. 147; 15, 6 строки 13–17].

В результате конфликта между государством Золотой Орды и Ильханатом рассматривались османских хронистов 15 века больше с религиозной точки зрения, и они видели Джанибека, хана Золотой Орды, как защитника и спасителя ислама. В приведенных выше описаниях османских хронистов 16 века можно сделать вывод, что интерес к государству Золотой Орды увеличился и информации стало больше. Хроники описывали ханов Золотой Орды как исламское государство, занимавшееся газаватом и джихадом на севере Черного моря. Причиной этого изменения может быть то, что Крымское ханство, одно из татарских государств, возникших после распада государства Золотой Орды, присоединилось к Османскому государству.

Ахмеди Искендер-наме (Ahmedi İskendername)¹⁸
[64a строки 15–31]

7386	اولوي ملك مال تاج تخت	اخرقه كور قردني دراز دخت	پادشاهي ملك اشرف	—
7387	ليک آنده تا ليدي شيطنت	بيجه کاران بليدي سلطنت	کرمدي اولو کليپ دوکايچي	اولدي برملغان ملك اشرف کور
7388	وزدانده مسم دخی کور عناه	دنيه هره کور فراق ساد	عدلدن بوغدي اکره جمع اشرف	قانت بي خجيد وي داد کر
7389	قومدي کور اوله روشن برچاغ	برجورده قومدي برورد ساغ	کورنفا بيترا ادردي خلقده همر	دو کيادي ميگن اگا ايل شمس
7390	خامان لر ترک ادردن کور کور	خلق ظليدن چجانه بندلر	دولتيه لاجره دشدي خلل	خاقره اغلي قريته منددي اول ان
7391	بيجه ديه وضيفي کينه اولک	عکله انفا قدي ايبي اولک	کورتيديب کيوز اول جا ندي	مفتا ايشه قادي خاني خا ندي
7392	کير خليفه سن آي نيل آله	ديدن کور سين الميشر سناه	بلوي بين اکره زاري قيلد لر	قاجان اشرف دنن اشکي کلد لر
7393	خو تشکله قوب منرل بوغين	بيجه تشي کورن ايچا قين	چاکر بنه اوللر جهله سن	اهلدي مرتبي قوب ضل بي
7394	بوردي تيريز شاد نيك نام	انت بوذيد کيش جمع ايلد نام	چوکر قوش اولش دن اول سلطان	اولک شاما نلار ايلک خلل من
7395	کير کوز دشمن کور بي عقب	درد اشرف سينا بيره جعقب	کير قومو ک جهله ايلکدي ايشه	واردي لشرفه لغان يک کينه
7396	کيت ايلد امددي برده مکران	جهله جذبان ديون آغرا ر	کورتا کور امسه پير آلور	چون ارقدن کور ميدريا کوز
7397	آين خا اوله قلدينه وردلر	آن دوستلر که خانه وردلر	اولدي کيشانه اکره دست کير	الله دوست اشرف انديدن اسير
7398	سکري کلدو چاکر ايلکدي	اولدي جهله مستر ايشدي	برصان تبرنده اوقر ساد	خان کلب تيريزه دوي بارگاه
7399	—	—	—	—
7400	—	—	—	—
7401	—	—	—	—
7402	—	—	—	—
7403	—	—	—	—
7404	—	—	—	—
7405	—	—	—	—
7406	—	—	—	—
7407	—	—	—	—
7408	—	—	—	—
7409	—	—	—	—
7410	—	—	—	—
7411	—	—	—	—
7412	—	—	—	—
7413	—	—	—	—
7414	—	—	—	—
7415	—	—	—	—
7416	—	—	—	—

[64b строки (satr) 1–8]

7418	درد بوش نيردن دورد سجا	درد امدد بون ايلک سجا	اشرف اول کجه اندردي هلاک	ييله اولر کيش که آنده اولمايه ناله	7419
7420	قورون ايشي که اول درلله دکل	خان اولما غلکه اول اولدکل	مهونه اولما که آنت دورد اول	دني عشيقه معاقبت دورر اولک	7421
7422	اولدا اشرف بولد خان اولدکل	خانه جانان دن دعا اولد سجا	چون مسخر اولد اول کور اگا	دندي کور کور ايلدن سجا	7423
7424	وردي بردي خانه تبريف مقام	که آنده اول شاه اوله خان اکل نام	کيدريکن بول هوا سندن ماک	ايدي برعلت سراجينه اشرف	7425
7426	بازي کون خسته دشدي شهران	صندل که ارقسي ناکاه کار	بردي خانه کيشي فريدلر	انگله حالي بوژدر ديد لر	7427
7428	بردي خان ايشو بعا مه ايوب	کوج ايدي دشته تبريز قيب	اول اينجه انسي بولب علاج	بشادي کور صيحه دونه مزاج	7429
7430	بردي خان اولو بکلر نام	بلدک کور قاموشل اولد نام	ايغ استيه دريچن پادشاه	جهله سيني ايد سرنه شک ساه	7431
7432	خان آنده بوغب ايلد هلاک	ازدها در کلدري بر کور خواک	الک ايدن که اولد بردي خان	کيداني چن اولو کيش اولدي عين	7433

¹⁷ Пут-хане – Дом с идолами.

¹⁸ Ahmedi. İskender-nâme / Составитель İsmail Ünver. Ankara: TDKY, 1983. 64a, 64b строки 15–31.

Неши Джиханнума (Зеркало мира) (Neşri Cihânnümâ)¹⁹
[14 строки 10–14]

عزالدین علی
ون کمید بنی اولاد و خواصیله استنبو که کا جفا سلیوس یاتند طوردی که ناشو کا دهن که صاحب
قیماقت و دشت برک خان بن نویشه بن جنکز خان کلب فاسلیوس لندن استنبوی البخرالدین
کیاوسه سلطنت قریه و سلجیاتی وردی اون سکزیله عزالدین اند امیر اولی آخر هجرتند
الت یوزیتش بلغزند متوفی اولدی

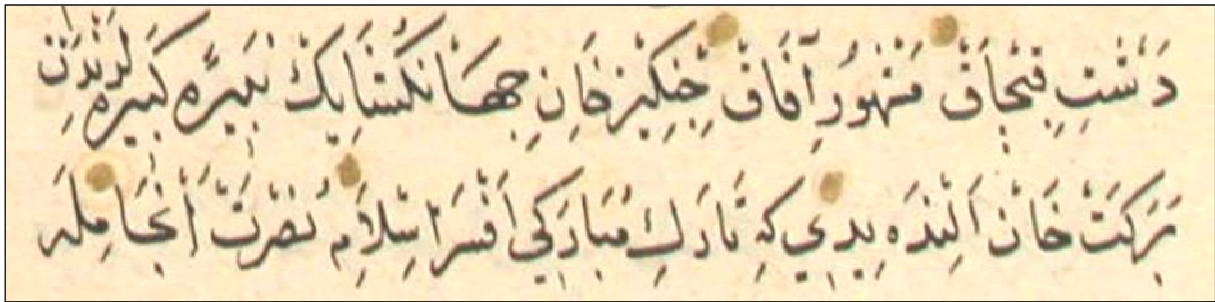
Кемальпашазаде (Kemalpaşazâde)²⁰
[48а строки 3–11]

ذکر اولان مملکتلرده برز مدّت امارت
ایتد کدنصکره که آخرته رخت (ایتدی، تاج و تختی ملک ورختی
اختر برج شرف عموسی اوغلی ملک اشرفه قودی کتدی. اولدخی برز
زمان عراقده و آذربایجانده سلطان کامران اولدی؛ اما ظالم ایدی،
نار ظلمنک دودیله دیارنده دوده لر قالمدی طولدی. مدّت سلطنتی
نهایت بولمالی اولیجق جانی بک خان⁵⁹ که دشت اقلیمنده سلطان
عظیم الشان ایدی، اوزرنه خروج ایتدی؛ نار دمارله جانی
کویوندروب سیلاب تیغ میغ تابله اوجاغنی سویوندردی، مههمان
دولت اول خاندانندن کوچدی کتدی.

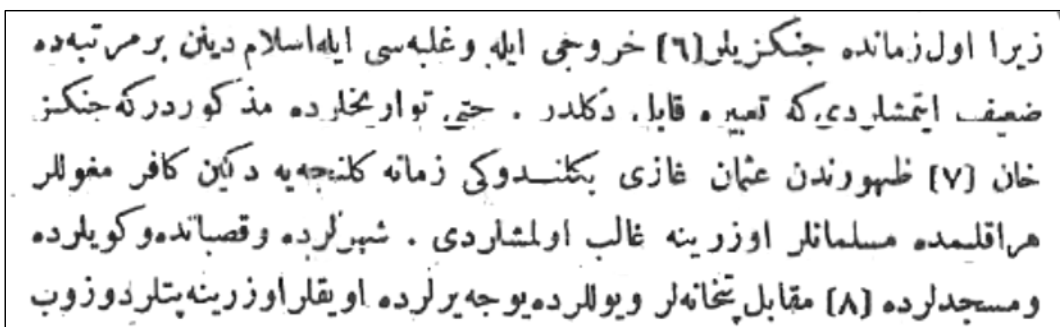
¹⁹ Mevlana Mehmed Neşri. Cihânnümâ [Osmanlı Tarihi (1288–1485)] / Составитель Necdet Öztürk. İstanbul: Bilge Kültür Sanat, 2013. 14 строки 10–14.

²⁰ Kemal Paşa-oğlu Şemsüddin Ahmed İbn-i Kemal. Tevârih-i Âli Osman II. Defter // Составитель Şerafettin Turan. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1991. 48а строки 3–11.

Кемальпашазаде (Kemalpaşazâde)²¹
[70b строки 14–15]

Лютфю-паша (Lütfi Paşa)²²
[6 строки 13–17]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-Ахбар Книга 2 / Перевод с османского Ю.Н. Каримовой и И.М. Миргалеева. Казань: Изд-во Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 968 с. + 28 с.
3. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В.П. Юдина. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
4. Abdülkadir Özcan. Neşri // Dia; Yıl 2007, C. 33, S. 20–22.
5. Ahmedi. İskender-nâme / Составитель İsmail Ünver. Ankara: TDKY, 1983. 127 s.
6. Ahmedî. İskendernâme / Составитель Yaşar Akdoğan, Nalan Kutsal. İstanbul: Bilnet Matbaacılık ve Yayıncılık, 2019. 1048 s.
7. Erhan Afyoncu. Rüstem Paşa // Dia; Yıl 2008, C. 35. S. 288–290.
8. Franz Babinger. Osmanlı Tarih Yazarları ve Eserleri / Перевод Coşkun Üçok. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1992. 521 s.
9. Göker İnan. Rüstem Paşa Tarihi (H.699–968/M.1299–1561) (İnceleme-Metin vr.120b–vr.293b). Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi // Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, 2011.
10. Günay Kut. Ahmedî // Dia; Yıl 1989. C. 2. S. 165–167.
11. İdris-i Bitlisî. Heşt Bihişt I. Cilt / Составитель Mehmet Karataş, Selim Kaya, Yaşar Baş. Ankara: BETAV Yayınları, 418 s.
12. Kayhan Atik. Lütfi Paşa ve Tevârih-i Âl-i Osman / Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2001. 538 s.
13. Kemal Paşazâde. Tevârih-i Âl-i Osman X. Defter / Составитель Şefaettin Severcan. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1996. 387 s.
14. Kemal Paşa-oğlu Şemsüddin Ahmed İbn-i Kemal. Tevârih-i Âli Osman II. Defter // Составитель Şerafettin Turan. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1991. 265 s.
15. Lütfi Paşa. Tevârih-i Âl-i Osman / Составитель Ali Bey. İstanbul: Matbaa-ı amire, 1925.
16. Mehmet İpşirli. Lutfi Paşa // Dia; Yıl 2003. C. 27. S. 234–236.

²¹ Kemal Paşazâde. Tevârih-i Âl-i Osman X. Defter / Составитель Şefaettin Severcan. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1996. 70b строки 14–15.

²² Lütfi Paşa. Tevârih-i Âl-i Osman / Составитель Ali Bey. İstanbul: Matbaa-ı amire, 1925. 6 строки 13–17.

17. Mevlana Mehmed Neşri. Cihânnümâ [Osmanlı Tarihi (1288–1485)] / Составитель Necdet Öztürk. İstanbul: Bilge Kültür Sanat, 2013. 720 s.

18. Şerafettin Turan. Kemalpaşazâde // Dia; Yıl 2002. С. 25. S. 238–240.

Сведения об авторе: Осман Юрдакал – Ph.D. (история), Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2961-6602. E-mail: osmaanyurdakal@gmail.com

THE OTTOMAN CHRONICLES ABOUT THE ATTITUDE OF THE GOLDEN HORDE KHANS TO ISLAM

Osman Yurdakal

Kazan (Volga region) Federal University

Research objectives: To assess the reflection of the approaches of the state of the Golden Horde and its khans to the religion of Islam in the authors of the Ottoman chronicles.

Research materials: The materials for the article were the works of Ottoman chroniclers Ahmedi (1334–1413), Neshri (1450–1520), Idris Bidlisi (1452 or 1457–1520), Kemal Pasha-zade (1468? –1534), Rustem Pasha (1500–1561) and Lutfi Pasha (1488–1564).

Results and novelty of the research: Many studies have been conducted and written on the topic of relations between the Ottoman Empire and the Golden Horde. However, these works mainly focus on political and economic issues. In this article, for the first time as a scientific innovation, the reflection of the approaches of the Golden Horde state and its khans to Islam will be evaluated based on the works of Ottoman chronicles. Ottoman chronicles provide a lot of information about the Golden Horde state. Among the information provided, the least known is the topic of Islam. The chronicles of the Ottoman Empire of the 15th and 16th centuries provided brief information about the attitude of the state of the Golden Horde and its khans to Islam. Among this information are such topics as the campaigns of Janibek-khan in Tabriz, Berke-khan and his warriors in the north of the Black Sea. The authors of Ottoman chronicles of the 16th century provided more detailed information about the state of the Golden Horde than the authors of Ottoman chronicles of the 15th century.

Keywords: Ottoman Chroniclers, Islam, Janibek Khan, Berke Khan, Malik Ashraf, Ghazavat and Jihad

About the author: Osman Yurdakal – Ph.D. (History), Institute of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2961-6602. E-mail: osmaanyurdakal@gmail.com

О КУРЕМСЕ, МАУЦИ И НОВЫХ СПОСОБАХ ВЕДЕНИЯ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Л.В. Воротынцев

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Цель исследования: рассмотреть проблему размещения анонимных рецензий в социальных сетях на примере отзыва в телеграм-канале «Монголы, Орда, Русь» с точки зрения соблюдения основных принципов научной этики и правил ведения научной дискуссии, а также критически проанализировать ряд тезисов и гипотез высказанных автором отзыва.

Материалы исследования: русские, восточные и европейские письменные источники.

Результаты и новизна исследования: на основании критического анализа рецензионного отзыва приводится ряд дополнительных аргументов, позволяющих прояснить ряд дискуссионных вопросов связанных с идентификацией монгольских «улусбеков» Куремсы и Мауци.

Ключевые слова: Куремса, Мауци, анонимная рецензия, научная этика, правила ведения научной дискуссии, аналитическая исследовательская работа

Как известно, научная деятельность современного историка непосредственным образом связана с размещением результатов исследований в электронных системах научного цитирования, на сайтах периодических научных изданий, а также в общедоступных ресурсах просветительского характера, занимающихся популяризацией исторических знаний. Нередко обсуждение того или иного исследования ведется в профессиональных научных сообществах, функционирующих как в российских, так и в зарубежных социальных сетях.

Зачастую, обсуждение тезисов, гипотез и выводов, представленных в статьях или монографиях, сопровождаются критическим анализом, иногда излагаемых в достаточно жесткой форме. Однако соблюдение элементарных этических установок и корректности высказываний, представляемых на всеобщее рассмотрение, является одним из основных признаков принадлежности к научной корпорации. К сожалению, не всем представителям академического сообщества удается соблюсти правила ведения научной дискуссии.

Примером подобного рода может служить отзыв на статью Л.В. Воротынцева «Идоша ко Батыеву»: «ордынская» дипломатия Даниила и Василька Романовичей в 40–50-х гг. XIII в.» // Русин. 2022. № 70. [1], размещенный анонимным рецензентом в одном из телеграмм-каналов: («Монголы, Орда и Русь» <https://t.me/mongoliordaruss>)¹.

Уже в начале своего отзыва, рецензент высказывает безапелляционный и ни в коей мере не аргументированный тезис о нарушении автором рецензируемой статьи «базовых принципов аналитической исследовательской работы», «правил ведения научной дискуссии» и даже «научной этики», видимо «забывая» о том, что одним из базовых принципов научной этики является обозначение авторства того или иного исследования или отзыва, а также первичного размещения рецензии в научных изданиях (журналах, сборниках статей), что само по себе является приглашением к дальнейшей дискуссии. Так называемое «слепое рецензирование» применяется исключительно на этапе предварительного отбора исследований принятых к рассмотрению на предмет публикации в научных журналах.

Не утруждая себя обоснованием выдвинутых претензий, автор отзыва переходит к нравоучительным сентенциям о негативном влиянии нарушения вышеобозначенных им правил на научные исследования.

В чем же непосредственно состоят «нарушения», выявленные А.А. Порсиным? Оказывается, что Л.В. Воротынцев ищет «не там где нужно, а там, где удобно». То есть, в представлении автора отзыва, оппонирующий ему историк должен вести научный поиск исключительно в парадигме его

¹ По ряду косвенных признаков, авторство отзыва все же представляется возможным определить (А.А. Порсин), поэтому в дальнейшем в тексте представляемой статьи автор рассматриваемой рецензии в ряде случаев будет указываться под своей фамилией и инициалами.

(рецензента) понимания «нужности» направлений исследования рассматриваемой проблемы, а оспаривание чужих гипотез, по всей вероятности, является нарушением «правил ведения научной дискуссии». Удивительное «открытие»!

Но может быть, игнорируя принципы научной этики и правила ведения научной дискуссии, А.А. Порсин показывает образцовое владение навыками аналитической работы? Увы, и в этом отношении представленная рецензия не может считаться полноценным исследованием. В частности, отмечая наличие во втором списке «монгольских вождей» представленных в записках Плано Карпини имен Чормагуна и Субэдэя, автор отзыва считает это «основным аргументом» в пользу гипотезы о непринадлежности указанных в том же списке Куремсы и Мауци к «золотому роду» потомков Чингиз-хана. Каким образом упоминание нойона Чормагуна и Субэдэй-баатура, не являвшихся держателями улусов и имевших особый статус в монгольской военно-политической системе [3, с. 188, 191], может являться доказательством «нечингизидского» происхождения Куремсы и Мауци, остается непонятным. Более того, задаваясь вопросом об объяснении сообщения Плано Карпини, указывавшего на более высокий статус Мауци относительно Куремсы, сам рецензент не выдвигает ни одной версии, которая смогла бы пролить свет на эту проблему.

Действительно, если исходить из гипотезы о том, что и Куремса и Мауци являлись представителями служилой аристократии, то вышеупомянутое сообщение папского дипломата требует дополнительного, аргументированного разъяснения того обстоятельства, почему один представитель служилой аристократии (Мауци) был «выше» другого (Куремсы), относящегося к той же социальной группе и к тому же являвшегося «держателем» гораздо большего по территории улуса. В этом контексте весьма показательно молчание рецензента относительно данной проблемы, поскольку принятие его варианта идентификации личности вышеуказанных представителей монгольской правящей верхушки не позволяет дать обоснованное объяснение сообщению Плано Карпини о «старшинстве» Мауци над Куремсой.

С упорством достойным лучшего применения, он продолжает настаивать на весьма сомнительной версии отождествления золотоордынского «эмира» Маджи (Моуджи), упоминаемого источниками в контексте событий противостояния хана Токты и Ногай с Мауци (Могучеем). По мнению рецензента, этот монгольский «Мафусаил», будучи вполне зрелым (если не пожилым) человеком уже в середине 40-х гг. XIII столетия, якобы прожил еще как минимум более полувека (до конца 1290-х гг.) принимая активное участие в междоусобной войне между Джучидами. Еще более неаргументированным выглядит тезис о неких связях Маджи с детьми Курмыши (Куремсы), основанный лишь на факте перехода Маджи и еще четырех улусбеков (географическая локализация кочевий которых отсутствует в источнике) на сторону законного хана Токты после разгрома Ногаем сыновей Курмыши [2, с. 62]. Однако общеизвестный закон логики гласит, что событие, происходящее после предшествующего ему, далеко не всегда является его следствием. Тем более что сам автор отзыва ограничивается неопределенным выражением о том, что Маджи «каким то образом» (!) был связан с сыновьями Курмыши, не давая никаких дополнительных разъяснений по данному вопросу.

Развивая тезис о непринадлежности Куремсы к Чингизидам, А.А. Порсин начинает спорить сам с собой, отмечая факт наличия улусов у детей Курмыши (Куремсы), на землях Днепровского Правобережья в последней четверти XIII в., которые не могли бы появиться в случае лишения их отца улусных владений в этом регионе в 50-х гг. того же столетия. Однако здесь возникает следующий вопрос, каким образом сообщение о подходе армии Бурундая к рубежам Галицко-Волынской земли: «...со множеством полков татарскихъ в силе тяжце...» [4, Стб. 846] временно расположившихся «на местах Куремсиных» может служить свидетельством лишения Куремсы и тем более его наследников прав на владение улусами? То есть, рецензент пытается опровергнуть им же придуманный тезис о лишении Куремсы его улусных владений, не подтверждая его ссылками на сообщения источников.

Также следует указать на полное игнорирование А.А. Порсиным сообщения о посещении в первой половине 40-х гг. XIII в. князем Даниилом Романовичем ставки одного из «принцев тартар» («*Tartarorum principē*»), содержащее в грамоте в грамоте венгерского короля Белы IV, выданной в 1244 г. некоему Николаю из Суд (ссылка на этот источник присутствует в тексте рецензируемой статьи) [5, р. 100–102]. «Принцами тартар» в европейских источниках назывались исключительно потомки Чингиз-хана, а отнюдь не представители многочисленной служилой аристократии. Учитывая тот факт, что первое посещение Даниилом ставки Бату состоялось в 1245 г. (после прибытия послов Могучея-Мауци), то соответственно «принцем тартар», которого галицкий князь посещал до этого, мог являться кто то из Чингизидов имевших владения граничившие с уделами Романовичей. В 1240-х гг. таковым

«принцем» мог быть только Куремса. Данное свидетельство является хотя и косвенным, но весомым аргументом в пользу принадлежности «держателя» самого западного улуса джучидских владений к «золотому роду». В таком случае, Курмышы-Куремса мог иметь статус «ниже» Мауци-Могучея, лишь в том случае, если последний являлся его старшим родственником-Чингизидом.

Помимо прочего, сама вероятность гипотетической передачи Джучидами лучших кочевий степной и лесостепной зоны Северного Причерноморья, составлявших как минимум четвертую часть их владений под контроль «эмиров» (нойонов) не принадлежавших к числу потомков Чингиз-хана и Джучи выглядит весьма неправдоподобно. Кроме того, при подобном варианте остается непонятным, где же находились улусные владения Бувала (Мувала, Могола) и почему в дальнейшем (во второй половине XIII в.) эти земли становятся улусом Ногая, потомка Бувала. К сожалению, данные вопросы также не нашли своего отражения в рецензии А.А. Порсина.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что рассмотренный отзыв является неудачной попыткой заочного оппонирования, выполненной на весьма дилетантском уровне. По всей вероятности, именно этим обстоятельством и объясняется размещение сего «сочинения» в научно-популярном сообществе сети «Интернет».

В заключении хочется отметить, что конструктивная критика является важнейшим фактором прогресса научных знаний. Однако без соблюдения рецензентами правил ведения научной дискуссии, «базовых принципов аналитической исследовательской работы», а также элементарной этики любое критическое рассмотрение результатов научного труда превращается в набор эмоциональных и субъективных претензий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воротынцев Л. В. «Идоша ко Батыеви»: «ордынская» дипломатия Даниила и Василька Романовичей в 40–50-х гг. XIII в.» // Русин. 2022. № 70. С. 54–71.
2. Золотая Орда в источниках. Т. I. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. 448 с.
3. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941. 619 с.
4. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 Стб.
5. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. Т. 2. Bratislavae, 1987. Nr. 150. P. 100–102.

Сведения об авторе: Леонид Вячеславович Воротынцев – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Российская Федерация). E-mail: leonrus1245@mail.ru

ABOUT KUREMSA, MAUTSI AND NEW WAYS OF CONDUCTING SCIENTIFIC DISCUSSION IN THE ERA OF SOCIAL NETWORKS

L.V. Vorotyntsev

Bunin Yelets State University

To consider the problem of posting anonymous reviews in social networks on the example of a review in the telegram channel “Mongols, Horde, Rus” from the point of view of compliance with the basic principles of scientific ethics and rules of scientific discussion, as well as to critically analyze a number of theses and hypotheses expressed by the author of the review.

Research materials: russian, eastern and european written sources.

Results and novelty of the research: based on the critical analysis of the review review, a number of additional arguments are given to clarify a number of controversial issues related to the identification of the Mongolian "Ulusbeks" of Kuremsa and Mautsi.

Keywords: Kuremsa, Mautsi, anonymous review, scientific ethics, rules of scientific discussion, analytical research work.

About the author: Leonid V. Vorotyntsev – Cand. Sci. (History), Research Fellow, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: leonrus1245@mail.ru

**ОЧЕРК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОРОНЕЖСКОГО КЛУБА
МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ» В 2022 Г.**

Ю.В. Селезнёв

Воронежский государственный университет

В предложенном очерке подводятся итоги работы Воронежского клуба международной общественной организации «Ассоциации исследователей Золотой Орды» за 2022 календарный год. Приводятся основные заседания, организованные и проведенные клубом, а также мероприятия, в которых приняли активное участие члены клуба.

Приведенный обзор практик клуба и анализ итогов и перспектив работы сообщества позволяет утверждать, что функционирование Воронежского клуба продолжило и расширило образовательное и научно-просветительское направление деятельности.

Выделяются предпосылки и перспективы координации деятельности Московского, Санкт-Петербургского, Казанского, Крымского клубов Ассоциации.

Ключевые слова: Ассоциация исследователей Золотой Орды, Воронежский дискуссионный клуб, научные семинары, презентации изданий, исследовательские практики

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

Международная общественная организация «Ассоциация исследователей Золотой Орды» берет начало своей деятельности 19 ноября 2020 года, когда состоялось учредительное заседание. С января 2021 г. начали открываться региональные клубы.

История Воронежского края наполнена свидетельствами о взаимодействии славян и кочевников, о русско-ордынских отношениях. В этой связи вполне закономерно, что целый ряд исследователей в регионе касаются различных тем истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений [4, с. 241–246].

В ходе деятельности Воронежского клуба МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» в 2022 г. продолжились мероприятия научно-просветительского и образовательного характера. Это одно из важных направлений, отмеченных в Уставе «Ассоциации исследователей Золотой Орды».

В самом начале 2022 г. деятельность клуба была отмечена выходом в свет монографий Ю.В. Селезнёва «Картины ордынского ига» и «Русские князья при дворе ханов Золотой Орды». Обе книги вышли в издательстве «Ломоносовъ» в серии «История. География. Этнография». Если «Картины ордынского ига» издательство опубликовало впервые, то вторая книга напечатана третьим тиражом (первый – в 2017, второй – в 2019 гг.). Издание обеих книг в 2022 г. не удивительно – они дополняют друг друга. В монографии «Русские князья при дворе ханов Золотой Орды» представлена хронология и последовательность пребывания русских правителей в ставке ордынского властелина – ибо именно там на протяжении двух с половиной веков решалась их собственная участь, судьба их княжеств и в конечном счете – всей Руси. Показана статистика присутствия в Орде русских князей, в том числе, Александра Невского, Михаила Тверского, Ивана Калиты. В книге «Картины ордынского ига» представлена модель подобных поездок. Автор предлагает поприсутствовать при сборах русских князей в Орду, сопроводить их в дороге, понаблюдать за ними в ханской ставке в Сарае или в местах кочевания, стать свидетелями героизма одних и покорности других, увидеть, как их казнят и милуют, а то и жалуют женитьбой на женщинах из рода Чингизидов. В итоге обе книги позволяют понять какая роль отводилась русским князьям в золотоордынской иерархии, об их службе в ханской гвардии и походах на Русь во главе ордынских отрядов.

Руководитель Воронежского клуба МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» Ю.В. Селезнев в рамках прохождения мероприятий профессионального развития победителя конкурса «Академический десант» Благотворительной программы «Стипендиальная программа Владимира Потанина» Благотворительного фонда Владимира Потанина в течение февраля-августа 2022 г. прошел стажировку в Центре источниковедения истории России Института российской истории РАН под наблюдением руководителя Центра Антона Анатольевича Горского. В рамках стажировочных мероприятий была проработана концепция проекта «Русские летописи о Золотой Орде».

В ходе деятельности Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» в 2022 г. наметилась координация совместных мероприятий клубов объединения. Так, 20 мая 2022 г. Московский и Воронежский дискуссионные клубы провели совместное заседание в очном формате. На нем выступил профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета, д.и.н., Юрий Васильевич Селезнев с докладом «Рецепция понятия «иго» в эпоху Александра Невского». В ходе живого обсуждения доклада было намечено несколько направлений для дальнейших исследований данного вопроса (в частности, поиск аналогий в этнографическом материале, в Священном Писании) [1, с. 733].

Осенью – 23 октября – было осуществлено совместное мероприятия Санкт-Петербургского и Воронежского клубов Ассоциации. Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор НИУ ВШЭ, специалист по тюрко-монгольским народам и государствам Роман Юлианович Почекаев выступил с лекцией «Наследие Золотой Орды». Формат встречи в воронежском книжном магазине «Амиталь» подразумевал презентацию новой книги Р.Ю. Почекаева «Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений (очерки по истории и антропологии права)» [2]. Вполне закономерно, что интересующаяся аудитория затронула широкие аспекты истории Джучиева Улуса, а приглашение в качестве эксперта Романа Юлиановича имело важное значение не только для просветительского эффекта мероприятия, но и для формирования представлений у всех интересующихся историей Золотой Орды о современном научном уровне исследовательских направлений в отечественной и зарубежной историографии.

Совместное заседание Московский и Воронежский дискуссионные клубы провели также 28 октября 2022 г., где с докладом «Финансовая политика Улуса Джучи (1207–1395)» выступил заместитель директора музея-заповедника «Костенки» Александр Петрович Никитин. Выступление вызвало конструктивное обсуждение, в результате которого были выявлены проблемные вопросы исследования финансовой системы Золотой Орды, сформулированы методики, которые при применении к проблематике экономической истории могут выявить новые элементы системы и дополнить картину развития Джучиева Улуса в период его становления и расцвета.

Немаловажное значение имеет участие членов клуба в мероприятиях в иных регионах в качестве экспертов по проблемам истории Золотой Орды. Так руководитель Воронежского клуба был приглашен в роли лектора и автора мастер-класса на Всероссийскую летнюю научную школу «Древняя Русь: семья, общество, политика» организованную историческим факультетом Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова и Научно-образовательной лабораторией «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ» (27 мая – 5 июня 2022 г.). Мероприятие было приурочено к 1160-летию российской государственности и направлено на популяризацию знаний об истории и культуре допетровской эпохи. В школе приняли участие более 50 слушателей, 25 лекторов и докладчиков из 10 регионов страны. Юрий Васильевич Селезнев представил лекцию «Русские летописи как исторический источник по истории Орды и русско-ордынских отношений».

Надежные и плодотворные формы сотрудничества сложились у Воронежского клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» с коллегами из Ельца: Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина и археологического парка «Аргамач». Уже традиционно представители клуба приняли участие во II Семидневной образовательной школе «На степном пограничье», которая была проведена 13–19 октября 2022 г. в археологическом парке «Аргамач». Ю.В. Селезнев и А.П. Никитин выступили в роли экспертов/лекторов. Студенты Воронежского государственного университета, разрабатывающие темы, связанные с историей кочевых народов, были слушателями «Школы».

Продолжая сотрудничество, Воронежский клуб выступил одним из организаторов научной конференции «На степном пограничье: Русь-Россия и кочевой мир в XI–XVII веках», которая прошла

на базе Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина и парка «Аргамач» 21–23 октября 2022 г. (проведение конференции поддержал фонд президентских грантов). В работе научного собрания приняли участие более 50 ученых из разных регионов России: Липецка, Воронежа, Калуги, Орла, Брянска, Курска, Белгорода, Москвы, Санкт-Петербурга и др. Об участии в конференции заявили представители Казанского клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды». Однако в силу объективных обстоятельств не все смогли принять участие в форуме очно. В задачи конференции входило обсуждение вопросов истории взаимоотношений Руси/России и кочевых народов в период Средневековья и раннего Нового времени через призму археологии и исторической ретроспективы, развитие Золотой Орды, как супердержавы своего времени, затрагивая как предысторию Джучиева Улуса, так и историю постордынских государств. Особое внимание традиционно было уделено проблеме изучения оборонительных линий Российского государства, как в рамках археологических, так и исторических исследований.

В завершении работы конференции представители научной общественности приняли участие в традиционном мероприятии – пикник «Сапог Тамерлана». На нем прошли показательные выступления ЛОМОО ВИК «Копьё» и Клуба исторической реконструкции «Северный берег». Участники и гости могли примерить средневековые доспехи, пострелять из лука, поесть плов из казана.

Воронежский клуб МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды» выступил инициатором проведения цикла лекций под общим названием «Герои Средневековой Руси», который был успешно осуществлен при широком содействии просветительской общественной организации «Наша история» в рамках лектория Школы исторической грамотности.

Работа лектория была открыта 3 сентября 2022 г. лекцией «Александр Невский – был ли выбор у русского князя?», которая прошла в конференц-зале отеля «Ямской». Лекцию прочитал руководитель Воронежского клуба Селезнев Юрий Васильевич.

В рамках дистанционной части проекта было осуществлено четыре онлайн-лектория «Школы исторической грамотности». Ю.В. Селезнев 20 сентября провел лекцию «Василий II – на пути к независимости»; 8 ноября – «Иван III – «Стояние» или «Наступление»: события лета-осени 1480 г.»; 20 декабря – «Идигу (Едигей) – основатель Ногайской Орды». Также в формате онлайн-лектория 30 ноября выступила Трепалина Ольга Александровна с лекцией «Александр Попович в битве на Калке – вымысел и реальность». Все онлайн трансляции состоялись благодаря поддержке Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И.С. Никитина.

Очные лектории Школы исторической грамотности состоялись 27 сентября: в Ресурсном центре поддержки НКО Воронежской области Ю.В. Селезнев выступил с темой «Князь Дмитрий Александрович – забытый полководец»; в конференц-зале Отеля «Ямской» 8 октября была проведена лекция «Дмитрий Донской – загадки Куликова поля», а 10 декабря Анастасия Юрьевна Сухачева представила выступление на тему «Род Сабуровых на южных рубежах России (XIV–XVI вв.)». Таким образом, участники Воронежского клуба МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» представили заинтересованной общественности восемь лекций, главные герои которых прославились в связи с тесным взаимодействием с Золотой Ордой или постордынскими государствами [3, с. 34].

Кроме того, в рамках празднования 350-летнего юбилея со дня рождения Петра I в ходе реализации проекта «Подготовка волонтеров наследия (к 350-летию Петра Первого)» Ю.В. Селезнев прочитал лекцию «Формирование Петром I культа Александра Невского». Несомненно, что в центре внимания сообщения была политика князя Александра Ярославича на шведском направлении, однако обойти вниманием его восточную/ордынскую политику, в связи с обращением к его культу первого императора, было невозможно.

Летом 2022 года руководитель Ю.В. Селезнев Воронежского клуба МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» выступил экспертом телеканала «Звезда» для серии передач «Улика из прошлого». Тематическая программа «Тайны ордынского ига. Расследование на костях» вышла в эфир 21 сентября 2022 г. По замыслу авторов ученые были призваны отделить факты от домыслов. Обзор научных данных представляли доктор исторических наук Игорь Владимирович Курукин; кандидат исторических наук, заместитель директора по науке, заведующая отделом сохранения археологического наследия Института археологии РАН Ася Викторовна Энговатова; доцент кафедры судебной медицины лечебного факультета ФГБУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова» Минздрава России, кандидат медицинских наук, Эду-

ард Викторovich Туманов; кандидат географических наук Эля Павловна Зазовская; доктор технических наук, заведующая лабораторией научно-методических работ, биологических и аналитических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр пищевых систем им. В.М. Горбатова» РАН (Москва, Россия) Вострикова Наталья Леонидовна. Таким образом, научно-популярный формат программы был призван научными данными обосновать реальность событий стремительного и масштабного нашествия монголов в XIII столетии.

В рамках ежегодных отчетных процедур деятельность Воронежского клуба МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» оказалось включена в информационное поле департамента координации деятельности научных организаций по основным проектам и мероприятиям, реализуемым в 2022 году подведомственными Минобрнауки России научными и образовательными организациями, по изучению материального и нематериального наследия, обобщению и популяризации научных данных по народам алтайской языковой семьи.

Таким образом, в 2022 г. участники Воронежского клуба МОО «Ассоциации исследователей Золотой Орды» продолжили участвовать в мероприятиях научно-просветительского и образовательного характера. В тоже время, популяризация исторических свидетельств не возможна без научной основы и поиска новых знаний. Участники Воронежского клуба регулярно представляют к обсуждению профессионального сообщества итоги *своих научных изысканий*.

Клуб выступил в 2022 г. инициатором и активным участником научных конференций, что свидетельствует о расширении им организационных функций.

В прошедшем 2022 г. наметилась и была осуществлена координация деятельности отдельных клубов Ассоциации исследователей Золотой Орды: Московский, Санкт-Петербургский, Казанский и Воронежский клубы и их представители осуществили участие в организации совместных мероприятий различного направления. Целый ряд совместных мероприятий был осуществлен по инициативе Воронежского клуба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков А.В., Тимохин Д.М. Обзор деятельности Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 728–734. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.728-734 EDN: GHPXFI
2. Почакаев Р. Ю. Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений (очерки по истории и антропологии права). Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2022. 288 с.
3. Селезнев Ю.В. О времени, затрачиваемом русскими князьями для поездки в Орду // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 31–36.
4. Селезнев Ю.В. Обзор деятельности Воронежского клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 241–246. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.241-246

Сведения об авторе: Юрий Васильевич Селезнёв – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, Воронежский государственный университет; руководитель Воронежского клуба МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды» (Воронеж, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-8224-445X. E-mail: orda1359@mail.ru

OVERVIEW OF THE ACTIVITIES OF THE VORONEZH CLUB OF THE INTERNATIONAL PUBLIC ORGANIZATION “ASSOCIATION OF RESEARCHERS OF THE GOLDEN HORDE” IN 2022

Yu.V. Seleznev
Voronezh State University

This essay summarizes the work of the Voronezh Club of the international public organization “Association of Researchers of the Golden Horde” for the calendar year 2022. The main meetings organized and held by the club are listed, as well as events in which club members actively participated. The review of the club's practices and the analysis

of the results and prospects of the community's work allow us to conclude that the functioning of the Voronezh Club continued and expanded its educational and scientific-educational direction of activity. The preconditions and prospects for coordinating the activities of the Moscow, St. Petersburg, Kazan, and Crimean clubs of the Association are highlighted.

Keywords: Association of researchers of the Golden Horde, Voronezh discussion club, scientific seminars, presentations of publications, research practices

Financial Support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>

About the author: Yury V. Seleznev – Dr. Sci. (History), Head of the Department of Russian History, Voronezh State University; Head of the Voronezh Club of the International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde” (Voronezh, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-8224-445X. E-mail: orda1359@mail.ru

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»: ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Т.Р. Галимов

Международная общественная организация
«Ассоциация исследователей Золотой Орды»

Л.С. Гиниятуллина

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Цель: статья посвящена анализу деятельности Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды».

Материалы и исследования: новостные электронные медиа, пресс-релизы, опубликованные отчеты клубов Ассоциации.

Результаты и новизна: в данной работе анализируется деятельность организации, приводятся основные результаты деятельности клубов и отделений, а также перспективы Ассоциации.

Ключевые слова: Золотая Орда, исторические исследования, Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств, Ассоциация исследователей Золотой Орды, научные мероприятия

Международная общественная организация «Ассоциация исследователей Золотой Орды», учрежденная 19 ноября 2020 года, за период своего существования еще не успела заявить о себе на мировом уровне, однако уже есть существенные результаты по её формированию, которые хотелось бы отметить.

В Ассоциации наравне с существующими Европейским, Казахстанским и Турецким отделениями в течение 2021–2022 гг. были организованы клубы в крупных центрах ордыноведения в России, а именно в Воронеже, Санкт-Петербурге и Москве.

Среди них особо стоит выделить московский клуб Ассоциации, проведший уже более 10-ти заседаний, и воронежский клуб, особо отличившийся по направлению научной популяризации исследований и доведения ее до учащейся молодежи, а также в проведении конкурса на лучшую рецензию.

Московский клуб Ассоциации сконцентрировал свою деятельность на широком обсуждении вопросов относительно следующих тем: Татары и кара-татары в домонгольской мусульманской историографии, Юрий Всеволодович на реке Сити: бегство «своего князя» глазами русских книжников, Рецепция понятия «иго» в эпоху Александра Невского, финансовая политика Улуса Джучи (1207–1395), Бакшей в русских землях, ордынский выход, болгарские шейхи, культовая и гражданская архитектура Золотой Орды, Симеон Бекбулатович, пленные татары в тюрьмах Московского государства XVI–XVII вв. Заседания данного подразделения проводятся ежемесячно на регулярной основе, в том числе благодаря активной деятельности и поддержке Культурного центра «ДАР» (Москва).

Первым среди обсужденных на заседаниях московского представительства стал доклад «“Русский улус” Золотой Орды в историографии и источниках» (заседание состоялось в 9 апреля 2021 г.) председателя МОО «Ассоциация исследователей Золотой Орды» д.и.н., г.н.с. Института российской истории РАН Вадима Винцеровича Трепавлова. Данная тематика нашла свое отражение в одноименной статье [2].

Воронежский клуб Ассоциации является одним из соорганизатором нескольких региональных и международных научных мероприятий. Представители клуба были задействованы в организации ежегодных Митрофановских чтений, проводимых в рамках регионального этапа Международных Рождественских образовательных чтений «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа», круглого стола «Александр Невский: роль в истории становления российской государственности» (июнь 2021 г.), состоявшегося в Воронежском Доме журналистов. На данном мероприятии с

опорным докладом «Александр Невский в контексте исторических реалий XIII столетия» выступил председатель воронежского представительства Ассоциации Юрий Васильевич Селезнев.

Научно-популярное направление клуба представляет собой проведение ряда научно-популярных лекций, среди которых особо стоит выделить следующие: «Монгольская глобализация или ордынское иго?»; «Древнерусская церковь между Востоком и Западом: татарский фактор». Последняя из них представляла собой открытую онлайн-лекцию, с последующим обсуждением в формате научного заседания, организованную совместно с АНО Ассоциацией поддержки культурных и образовательных проектов «Русское лето». Научно-просветительский и образовательный формат клуба представлен постоянным представительством и организацией научных и образовательных мероприятий, проводимых совместно с Воронежским государственным университетом и археологическим парком «Аргамач». Среди них особо стоит выделить заседание по теме «Символы власти Монгольской империи в евразийском контексте (по материалам частных коллекций Улан-батора)», которое состоялось на базе археологического музея Воронежского государственного университета, а также организацию круглого стола на тему «Проблема исторической памяти в современном межнациональном государстве» в рамках исторической образовательной школы «На степном пограничье», состоявшейся в археологическом парке «Аргамач».

Санкт-Петербургский клуб проводит свои заседания на базе Юридического факультета НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург совместно с Историко-правовым студенческим научным сообществом. В рамках одного из заседаний обсужден доклад «Головной убор как основание для привлечения к уголовной ответственности в соответствии с Уложением китайской палаты внешних сношений» преподавателя НИУ ВШЭ И.В. Тутаева.

Также члены клуба и Координационного совета Ассоциации приняли участие в организации секции, посвященной монгольской экспансии 1210–1260-х гг., в рамках I Петербургского международного конгресса исследователей международных отношений.

Координационный совет Ассоциации на базе Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш.Марджани АН РТ провел два научных круглых стола по истории Золотой Орды и ее включенности в историю татарской государственности, по вопросам становления крымско-татарской литературы, а также международную научную конференцию, посвященную наследию татарского средневекового поэта Сейфа Сарай, в рамках празднования 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией.

По инициативе Казахстанского отделения проведено экстренное заседание Ассоциации в онлайн формате по вопросам исторической памяти, связанной с Тамерланом, неоднозначным средневековым воителем, в связи с планами правительства Узбекистана по установке соответствующего памятника на возможной территории Кондурчинского сражения (Самарская область, РФ). Благодаря широкому освещению данной проблематики удалось сформировать адекватный формат памятного знака.

Казахстанский, Европейский и Турецкий отделения Ассоциации находятся на стадии формирования постоянной базы проведения регулярных заседаний, и в ближайшей перспективе готовят целый ряд международных и общественнозначимых научных и научно-просветительских мероприятий.

Особо стоит отметить что успешность заседаний и регулярность их проведения подразделениями Ассоциации зависят во многом не только от их участников, но и в том числе от общественных и государственных учреждений, готовых к сотрудничеству, а именно содействию и поддержке в предоставлении как площадки для проведения мероприятий, так и обеспечения широкого охвата заинтересованной аудитории.

Некоторые общемировые события, произошедшие в начале 2022 года, несколько замедлили развитие Ассоциации. О проведении очного мероприятия Европейского отделения Ассоциации, либо совместного проекта иного формата в Европе или же в России с очным представительством наших европейских коллег пока говорить нет возможности. Однако остаются надежды на возможное скорейшее оздоровление данной ситуации, с возможностью проведения мероприятий в нейтральной стране, не являющейся стороной конфликта. Со стороны Ассоциации санкционных мер ограничительного характера к участию в мероприятиях и публикациях на данный момент нет и не планируется.

При этом представительство авторов в официальном печатном органе Ассоциации журнале «Золотоордынское обозрение» показывает четырехкратное падение интереса со стороны европейских коллег по сравнению с 2022 г. Однако неизменными и постоянными авторами являются представители научной среды Израиля, Турции, Монголии и Казахстана.

Перспективным проектом Ассоциации видится создание электронного портала на трёх международных языках (английский, турецкий, казахский), отображающего основные научные позиции организации по вопросам истории Золотой Орды и сопутствующим темам, в целях расширения базы иностранных исследователей и увеличения наукометрических показателей международной представленности в зарубежных публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селезнев Ю.В. Обзор деятельности Воронежского клуба международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 241–246. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.241-246

2. Трепавлов В.В. «Русский улус» Золотой Орды // Российская история. 2021. № 1. С. 3–15. DOI: 10.31857/S086956870013438-2

Сведения об авторах: Тэймур Рустэмович Галимов – кандидат исторических наук, секретарь Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3904-6079. E-mail: lusiia@mail.ru

OVERVIEW OF THE ACTIVITIES OF THE INTERNATIONAL PUBLIC ORGANIZATION “ASSOCIATION OF RESEARCHERS OF THE GOLDEN HORDE”: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

T.R. Galimov,
*International Public Organisation
“Association of Researchers of the Golden Horde”*

L.S. Giniyatullina
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Research objectives: the article is devoted to the analysis of the activities of the International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde”.

Research materials: news electronic media, press releases, published reports of clubs of the Association.

Results and novelty of the research: this paper analyzes the activities of the organization, presents the main results of the activities of clubs and branches, as well as the prospects of the Association.

Keywords: Golden Horde, historical research, Center for Research of the Golden Horde and the Tatar Khanates, Association of Researchers of the Golden Horde, scientific events

About the authors: Teymur R. Galimov – Cand. Sci. (History), Secretary, International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde” (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3052-8063. E-mail: galimov_t_r@mail.ru

Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3904-6079. E-mail: lusiia@mail.ru

**ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО ДИСКУССИОННОГО
КЛУБА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ» в 2022–2023 ГГ.**

А.В. Беляков

ФГБУН Институт российской истории РАН

Д.М. Тимохин

ФГБУН Институт востоковедения РАН

Статья посвящена обзору деятельности Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» в 2022–2023 гг. и содержит анализ мероприятий, проводимых им в течение года. Рассматривается не только тематика выступлений, но и дается краткое содержание докладов и презентаций, которые проходили под эгидой Московского дискуссионного клуба в очном и дистанционном формате. Продолжение работы Московского дискуссионного клуба важно для обмена мнениями, апробации новых открытий в кругу специалистов, активизации совместного сотрудничества в деле популяризации изучения истории Золотой Орды и ее наследия, а также для выстраивания контактов между учеными для будущего проведения совместных научных мероприятий.

Ключевые слова: Ассоциация исследователей Золотой Орды, Московский дискуссионный клуб, научные семинары, презентации изданий, исследовательские практики

Осенью 2022 г. после летнего перерыва были возобновлены заседания Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды». За предыдущий сезон (2021–2022 гг.) сложился костяк постоянных участников заседаний дискуссионного клуба, который решал различные организационные вопросы, выступал с докладами и принимал самое действенное участие в обсуждении представленных на данной площадке сообщений. К числу наиболее активных участников работы Московского дискуссионного клуба в 2022–2023 гг. следует отнести – Белякова А.В. (д.и.н., в.н.с. Института российской истории РАН), Виноградова А.В. (к.и.н., с.н.с. Института российской истории РАН), Дробышева Ю.И. (к.и.н., с.н.с. Института востоковедения РАН), Д.Р. Зайнуддинова (имам-хатыба Московской Соборной мечети, члена Совета улемов при ДУМ РФ), Моисеева М.В. (к.и.н., зав. сектором отдела «Музея Археологии Москвы» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»», с.н.с. Института российской истории РАН), Тимохина Д.М. (к.и.н., с.н.с. Института востоковедения РАН). Отрадно отметить, что в заседаниях клуба активно начали работать молодые коллеги, в частности Жуков В.Д. (г.с. Российского государственного архива древних актов). Интерес к деятельности дискуссионной площадки со стороны начинающих исследователей подчеркивает важность проводимой в ее рамках работы. Также следует отметить, что работа Московского дискуссионного клуба была бы невозможна без постоянной помощи и поддержки со стороны Ахмадулина С.З. (к.и.н., н.с. Института российской истории РАН), благодаря которому все нижеуказанные доклады и презентации были проведены на самом высоком организационном уровне на площадке любезно предоставляемой культурным центром «ДАР». Мы с прискорбием должны сообщить, что 31 марта 2023 г. российское востоковедение понесло невосполнимую утрату в лице **Вадима Винцеровича Трепавлова**. Это был не только выдающийся исследователь, открывший ряд направлений по изучению Золотой Орды, постордынских государств и национальной политики Московского царства, но и один из самых активных участников и вдохновителей работы Московского дискуссионного клуба. Во многом именно ему мы обязаны столь успешной деятельностью нашего объединения в первые годы его существования. Уход такого выдающегося специалиста не может не сказаться на работе сообщества. Дискуссионный клуб был очень дорог Вадиму Винцеровичу и продолжение работы клуба во многом представляется нам, в том числе, возможностью почтить память нашего выдающегося коллеги и дорогого друга.

Новый сезон был открыт 28 октября 2022 г. На первом заседании с докладом «Финансовая политика Улуса Джучи (1207–1395)» выступил заместитель директора Государственного археологического музея-заповедника «Костенки» (Воронежская область) Александр Петрович Никитин. Данное выступление посвящено анализу денежного обращения и в целом финансовой политике Золотой Орды и других монгольских государств, оно вызвало широкую дискуссию и значительное количество вопросов к докладчику. Столь большой интерес к заявленной теме не случаен. Ведь проблема финансов Золотой Орды до последнего времени является слабоизученной. Александр Петрович находится в начале большого пути по всестороннему раскрытию того, как в Улусе Джучи периода его расцвета строились мероприятия, направленные на обеспечение устойчивого и эффективного функционирования экономики и финансовой сферы. Собравшиеся отметили сложности с интерпретацией значительной части, имеющихся в нашем распоряжении источников по данной теме, к примеру, монетных кладов и динамике их оставления, поделились своим видением решения заявленной проблемы, а также пожелали успехов исследователю в его работе.

Следующее заседание состоялось 17 ноября 2022 г. На нем с докладом «Спор за право быть турченином» выступила старший научный сотрудник Института Российской истории РАН, кандидат исторических наук Татьяна Анатольевна Опарина. Заседание прошло в смешанном формате. На протяжении XVII в. с территории Османской империи в Московское царство эмигрировало значительное количество греков, сербов и представителей иных национальностей. При натурализации они, как правило, заявляли о себе как о греках, хотя некоторые из эмигрантов настаивали на своем турецком происхождении. Это было связано с особенностями встраивания подобных выходцев в новый социум и стремлением получить максимальные финансовые выгоды в России. Собравшиеся отметили, что процесс инкорпорации турецких (греческих) выходцев был крайне похож на то, как в Москве «устраивали» крестившихся ногайских мирз и эмигрантов из Средней Азии и Ирана. Тем самым, был найден методологический подход, позволяющий при ситуации скудности источников понять мотивы эмигрантов при совершении ими тех или иных действий. Умолчание документов по «грекам» можно нивелировать, с определенными поправками, накопленными ранее наблюдениями над политикой встраивания в московский социум знатных выходцев с Востока.

27 января 2023 г., на заседании клуба был представлен доклад «Юрий Всеволодович на реке Сити: бегство "своего князя" глазами русских книжников». Его автор, кандидат филологических наук, главный редактор журнала «Историк» Владимир Николаевич Рудаков обратил внимание слушателей на особенности описания битвы на реке Сить и действия князя Юрия Всеволодовича в составе древнерусской летописной традиции, что позволило выступающему подчеркнуть оценочные характеристики деятельности данного князя и его бегство с поля боя. Факт бегства собственного князя выдавался летописцами за подготовку к решающему сражению. При этом исследователь отметил, что такой подход был типичен для русской книжности того и более поздних периодов. На этом же заседании прошла презентация новой монографии доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника ФГБУН Института востоковедения РАН Александра Шайдатовича Кадырбаева – «Золотая Орда: очерки истории и историографии» (М.: ИВ РАН, 2022). Данное издание представляет собой многолетний труд ученого по изучению истории Золотой Орды и исследовательских практик, осуществленных в данном направлении другими специалистами. Заседание прошло в смешанном формате.

24 февраля 2023 г. с докладом «Ордынцы конца XV–XVI вв., как служебная организация Московского государства (к постановке проблемы)» выступил кандидат исторических наук, зав. сектором отдела «Музей Археологии Москвы» ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы» Максим Владимирович Моисеев. Выступление было посвящено анализу феномена «ордынцев» на службе у московских правителей в XV–XVI вв., что является крайне важной и дискуссионной научной проблемой. Докладчик блестяще обозначил особенности этой служебной организации Московского государства, указал ее характерные черты и эволюцию на протяжении нескольких столетий. Доклад вызвал живую дискуссию, в рамках которой Максим Владимирович ответил на многочисленные вопросы слушателей. Собравшиеся отметили, что, несмотря на плодотворную исследовательскую работу, проводимую в последние десятилетия рядом авторов (В.А. Кучкин, А.А. Горский, И.В. Зайцев, А.В. Беляков), докладчику удалось обнаружить крайне интересные нюансы службы и землевладения «ордынцев». Наблюдения над этой служебной группой крайне важны, ведь именно из нее впоследствии появились служилые татары Посольского приказа. Да и сами принципы посольской и переводческой деятельности внешнеполитического ведомства апробировались и оттачивались в первую очередь на «ордынцах».

24 марта 2023 г. с докладом «Три сюжета из русско-монгольских отношений XIII века» выступил кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН Юлий Иванович Дробышев. Исследователь в присущей ему виртуозной манере предпринял попытку рассмотреть отдельные «темные» и трудно комментируемые упоминания источников. В частности он проанализировал апелляцию к божеству в ордынских ультиматумах врагу; сюжет о странном особо почитаемом кусте в ставках монгольских ханов, под которым исследователь видит зримый образ мирового древа; упоминание в отдельных русских летописях позорной смерти Чингисхана.

Важным событием в работе Московского дискуссионного клуба Международной общественной организации «Ассоциация исследователей Золотой Орды» стал доклад «Клан Яшлавских (князей Сулешевых) в дипломатических ссылках с Русским государством в XVI в. (по материалам их переписки с московскими государями)», который был представлен 21 апреля 2023 г. кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником Института Российской истории РАН Александром Вадимовичем Виноградовым и кандидатом исторических наук, зав. сектором отдела «Музей археологии Москвы» Максимом Владимировичем Моисеевым. Оба докладчика блестяще и основательно реконструировали историю крымского клана Яшлавских (князей Сулешевых), как важных участников дипломатических отношений между Крымским ханством и Московским государством XVI в., а также описали дальнейшую историю этого рода. Данный доклад важен для понимания того, как на практике осуществлялись дипломатические отношения между двумя указанными державами, какие механизмы использовались при этом, и что за исторические источники позволяют нам реконструировать эти отношения. Заключительная часть доклада была посвящена подробному описанию источниковой базы исследования, что лишней раз подчеркнуло для слушателей высокий уровень работы, проделанной обоими выступающими.

В мае заседание решили не проводить. Дело в том, что 23 мая 2023 г. в Институте востоковедения РАН проходила международная научная конференция «Первый штурм: монгольское вторжение в Европу в 1222–1223 гг.» (к 800-летию битвы на Калке). Большинство участников этого мероприятия являются членами «Ассоциации исследователей Золотой Орды» из Москвы, Казани, Липецка, Воронежа, Санкт-Петербурга, Казахстана и др. На поле конференции произошла встреча представителей сразу нескольких дискуссионных клубов работающих в рамках «Ассоциации». Собравшиеся не только поделились своими последними находками, но и приняли живое участие в обсуждении дальнейшей деятельности объединения историков, изучающих Золотую Орду и постордынские государства.

Завершающее заседание второго сезона прошло 9 июня 2023 г., на нем с докладом «О вислых печатях в постордынских государствах» выступил доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Андрей Васильевич Беляков. Выступавший ознакомил собравшихся с результатами своих последних исследований о формах заверения некоторых документов в канцеляриях постордынских государств. Ему удалось показать, что как минимум, шертные грамоты, посылаемые из Крыма и Казани в Москву, скреплялись золотыми и серебряными вислыми печатями. Данное нововведение в восточных канцеляриях появилось в конце XV в., и явно было вызвано настойчивыми предложениями московской стороны. Контрагенты, по-видимому, довольно легко согласились на него потому, что такое заверение грамот, напоминало старую ордынскую традицию, по которой наместник крупных областей в знак подтверждения своих полномочий получал ханский ярлык и пайцзу. На основе анализа сохранившихся русских серебряных вызолоченных вислых печатей XIV в. сделано предположение о том, что пайцза крепилась на шнуре желтого цвета.

На этом же заседании были подведены итоги второго года работы Московского дискуссионного клуба и запланированы мероприятия на следующий год. Можно смело заявить о том, что московский дискуссионный клуб продолжил работать столь же плодотворно, как и в первый год своего существования. Но, в этом году в его деятельности появилось новшество. Видеозаписи докладов и презентаций стали выкладываться на сайт культурного центра «ДАР». Эту работу взял на себя Салават Зямилович Ахмадуллин. У этих видеоматериалов, как свидетельствуют данные об их просмотре в сети интернет, появились постоянные зрители, которые таким образом становятся опосредованными участниками клуба. Несколько сотен просмотров каждого из заседаний говорят о том, что данные материалы интересны не только узким специалистам, но и всем интересующимся историей. Стоит отметить, что Московский клуб по-прежнему не замыкается только на столичных участниках, а продолжает предоставлять площадку для выступления коллегам из других регионов, что способствует укреплению научных связей. Мы смеем надеяться, что продолжение работы Московского дискуссионного клуба в следующем году также окажется весьма плодотворной и будет способствовать вы-

страиванию контактов между учеными, специализирующимися на истории Золотой Орды и смежной научной проблематике, популяризации исторического знания, апробировании новых методик и гипотез внутри сообщества исследователей и всех интересующихся данной тематикой.

Сведения об авторах: Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9093-5269. E-mail: horezm83@mail.ru

**OVERVIEW OF THE ACTIVITIES OF THE MOSCOW DISCUSSION CLUB
OF THE INTERNATIONAL PUBLIC ORGANIZATION
“ASSOCIATION OF RESEARCHERS OF THE GOLDEN HORDE” IN 2022–2023**

A.V. Belyakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

D.M. Timokhin

Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the overview of the activities of the Moscow discussion club of the International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde” in 2022–2023 and contains the analysis of the activities carried out by it during the year. Not only the topics of the speeches are considered, but also a summary of the reports and presentations that took place under the auspices of the Moscow discussion club in face-to-face and remote format is given. The continuation of the work of the Moscow discussion club is important for exchanging opinions, testing new discoveries among specialists, activating joint cooperation in popularizing the study of the history of the Golden Horde and its heritage, as well as for building contacts between scientists for future joint scientific events.

Keywords: Association of Researchers of the Golden Horde, Moscow discussion club, scientific seminars, presentations of publications, research practices

About the authors: Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9093-5269. E-mail: horezm83@mail.ru

РЕЗОЛЮЦИЯ

VII Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России»

г. Казань

15 декабря 2022 г.

14–16 декабря 2022 года в г. Казани состоялся VII Международный Золотоордынский Форум «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России», организаторами которого выступили Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан и Международная общественная организация «Ассоциация исследователей Золотой Орды». В работе форума приняли участие более 80 ведущих ученых из России, Белоруссии, Израиля, Казахстана, Сербии, Турции, Чехии, обсудивших актуальные и дискуссионные вопросы средневековой истории. Мероприятие организовано в рамках Республиканского плана основных мероприятий, посвященных празднованию 1100-летия принятия Ислама Волжской Булгарией.

В рамках работы форума обсуждались научные аспекты истории принятия и распространения Ислама в Волжской Булгарии и Золотой Орде, особенности формирования золотоордынской исламской цивилизации, военная культура Улуса Джучи, этнокультурное и социальное развитие на постзолотоордынском пространстве, проблемы сохранения, изучения и популяризации золотоордынского историко-археологического и духовного наследия в современных условиях.

Участники форума отметили, что богатейшее многовековое наследие Золотой Орды оказало большое влияние на формирование этнокультурных традиций, социальные процессы и культурно-историческую память народов Российской Федерации и всего евразийского пространства.

Ведущую роль в цивилизационном развитии тюркских народов сыграли эпохальные события принятия ислама населением Волжской Булгарии и распространение ислама в Золотой Орде в качестве государственной религии.

Международный Золотоордынский Форум призывает широкую общественность поддержать объективное научное изучение средневекового золотоордынского государства, исключить неоправданную политизацию событий и отдельных культурных явлений. Считает ненаучными попытки разделить наследие по национальному принципу, а также использовать историко-культурное наследие Золотой Орды в качестве идеологического инструмента.

Участники форума рекомендовали продолжить совместную работу научного сообщества по комплексному изучению истории Улуса Джучи и тюрко-татарских государств, их культурного и религиозного наследия с привлечением широкого круга специалистов: археологов, историков, этнологов, лингвистов и др.

Форум считает насущной необходимостью популяризацию и сохранение историко-культурного наследия Улуса Джучи, который представляет собой общее достояние народов Евразии и мировой цивилизации. Такие памятники археологии, архитектуры и духовной культуры золотоордынского периода, как комплекс Болгарского музея-заповедника в Республике Татарстан, объекты музейного археологического комплекса «Селитренное городище» в Астраханской области, золотоордынского города Укек в Саратовской области, мавзолеи Хусаин бека и Тура хана в Республике Башкортостан и многих другие, являющиеся неотъемлемой частью культурного наследия Золотой Орды и тюрко-татарских ханств, требуют комплексного изучения, использования и популяризации ради укрепления национального и конфессионального согласия, единства многонациональной России.

RESOLUTION

VII International Golden Horde Forum “The Civilizational Significance of the Islam Adoption by the Volga Bulgaria and the Golden Horde: Integration Processes in the Medieval History of Russia”

Kazan

December 15, 2022

On December 14–16, 2022, Kazan hosted the VII International Golden Horde Forum “The Civilizational Significance of the Islam Adoption by the Volga Bulgaria and the Golden Horde: Integration Processes in the Medieval History of Russia”, organized by the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences and the International Public Organization “Association of Researchers of the Golden Horde”. The Forum was attended by over 80 leading scientists from Russia, Belarus, Israel, Kazakhstan, Serbia, Turkey, the Czech Republic, who discussed topical and debatable issues of medieval history. The event was organized within the framework of the Republican plan of the main events dedicated to the celebration of the 1100th anniversary of the Islam adoption by the Volga Bulgaria.

Within the framework of the Forum, scientific aspects of the history of the adoption and spread of Islam in the Volga Bulgaria and the Golden Horde, the features of the formation of the Golden Horde Islamic civilization, the military culture of the Ulus Jochi, ethno-cultural and social development in the post-Golden Horde space, the problems of preserving, studying and popularizing the Golden Horde historical, archaeological and spiritual heritage in modern times.

The Forum participants noted that the richest centuries-old heritage of the Golden Horde had a great influence on the formation of ethno-cultural traditions, social processes and cultural and historical memory of the peoples of the Russian Federation and the entire Eurasian space.

The epochal events of the Islam adoption by the population of the Volga Bulgaria and the spread of Islam in the Golden Horde as the state religion played a leading role in the civilizational development of the Turkic peoples.

The International Golden Horde Forum calls on the general public to support an objective scientific study of the medieval Golden Horde state, to exclude unjustified politicization of events and individual cultural phenomena. Considers unscientific attempts to divide the heritage along national lines, as well as to use the historical and cultural heritage of the Golden Horde as an ideological tool.

The Forum participants recommended continuing the joint work of the scientific community on a comprehensive study of the history of the Ulus of Jochi and the Turkic-Tatar states, their cultural and religious heritage, with the involvement of a wide range of specialists: archaeologists, historians, ethnologists, linguists, etc.

The Forum considers it essential to popularize and preserve the historical and cultural heritage of the Ulus of Jochi, which is a common heritage of the peoples of Eurasia and world civilization. Such monuments of archeology, architecture and spiritual culture of the Golden Horde period as the complex of the Bolgar Museum-Reserve in the Republic of Tatarstan, objects of the museum archaeological complex “Selitrennoe Settlement” in the Astrakhan Region, the Golden Horde city of Ukek in the Saratov Region, the mausoleums of Khusain Bek and Tura Khan in the Republic of Bashkortostan and many others, which are an integral part of the cultural heritage of the Golden Horde and the Turkic-Tatar khanates, require a comprehensive study, use and popularization in order to strengthen national and confessional harmony, the unity of multinational Russia.

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ НАСЛЕДИЕ:

**Материалы VII Международного Золотоордынского Форума
«Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией
и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России»,
Казань, 14–16 декабря 2022 г.**

Выпуск 5

GOLDEN HORDE LEGACY:

**Materials of the VII International Golden Horde Forum
“The Civilizational Significance of the Islam Adoption by the Volga Bulgaria
and the Golden Horde: Integration Processes in the Mmedieval History of Russia”,
Kazan, December 14–16, 2022**

Issue 5

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева, Л.С. Гиниятуллина, А.Р. Тухватуллина*
Подписано в печать 19.06.2023 г. Формат 60×84 ¹/₈
Усл. печ. л. 37,5 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17в
E-mail: foliantkazan@mail.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>
<http://goldhorde.ru/RU/izdanie-centra/>